

**Белгородский государственный университет
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина**

**БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ – 2010.
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**Сборник научных трудов международной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов**

г. Белгород, 15-16 апреля 2010 г.

Белгород 2010

63.3 (2)я431
 (0)я431
 Б 43

Печатается по решению Редакционно-издательского Совета
 Белгородского государственного университета

Сборник научных трудов студентов, магистрантов и аспирантов, составленный по итогам работы международной научной конференции «Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории», прошедшей 15-16 апреля 2010 г. на историческом факультете Белгородского государственного университета.

Оргкомитет конференции:

декан исторического факультета БелГУ,
 кандидат исторических наук, доцент **И.Т. Шатохин**;
 декан исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина,
 доктор исторических наук, профессор **С.И. Посохов**;
 заместитель декана по научной работе исторического факультета ХНУ
 им. В.Н. Каразина, кандидат исторических наук, доцент **В.А. Куликов**;
 заведующий кафедрой российской и всеобщей истории БелГУ,
 доктор исторических наук, профессор **Н.Н. Болгов**;
 заведующий кафедрой документоведения БелГУ,
 кандидат исторических наук, доцент **А.И. Папков**.

Рецензенты:

профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета
 доктор исторических наук, доцент В.В. Пенской

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Белгородского
 государственного технологического университета им. В.Г. Шухова О.А. Смоленская.

Редакционная коллегия:

Е.Н. Меньшикова (ответственный редактор), С.Н. Прокопенко (ответственный редак-
 тор), В.В. Василенко, А.А. Дворецкая, А.И. Дудка, К.В. Козлов, В.С. Кулабухов, В.В.
 Малай, Е.Ю. Прокофьева, Г.И. Старченко, В.А. Сарапулкин.

**Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории:
 Сб. науч. тр. Междунар. науч. конф. студ., маг. и аспирантов. / Отв. ред. Е.Н. Меньши-
 кова, С.Н. Прокопенко (г. Белгород 15-16 апреля 2010 г.). – Белгород, 2010. – 345 с.**

Сборник научных трудов «Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей исто-
 рии» включает в себя работы студентов, магистрантов и аспирантов России и Украины, рассматриваю-
 щих широкий спектр проблем отечественной и всемирной истории. В основе сборника – материалы кон-
 ференции, подготовленной историческими факультетами БелГУ и ХНУ им. В.Н. Каразина.

ISBN 978-5-902583-36-3

© Белгородский государственный
 университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

«Белгородский диалог» становится традицией	9
I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ	10
Михайлов Д.С. История изучения Воронежской культуры Дона	10
Гречишкина М.В. Научная деятельность Алексея Ивановича Тереножкина в 1948-1961 гг.	14
Жданова Н.А. Проблема идентификации силенов в греческой мифологии	18
Дюкарев В.А. К вопросу о «презрительном» отношении древних греков к физическому труду (на основе комедий Аристофана)	21
Лужкова М.С. Импорт фасосского вина на Боспор в V-IV вв. до н.э. (по материалам амфорной тары)	24
Репина Е.В., Прокопенко С.Н. Рыболовство Раннего Боспора по нумизматическим источникам ...	27
Гаврилюк С.М. О реконструкции социальной структуры Боспорского царства на основе материала некрополей: проблемно-историографический обзор	30
Красникова Е.А. Чувства и эмоции человека: методы передачи в письменной и изобразительной традиции Боспора	34
Грингоф С.А. Должность хилиарха на Боспоре в римское время	37
Котина А.В. Образ амазонки в поздней античности (по поэме Квинта Смирнского «Постгомерика»)	40
Шенцов М.Е. К вопросу о причинах популярности культа Митры в Римской Империи в постклассический период	44
Божко А.А. Характеристика степени исследованности памятников позднеримского времени в Белгородской области	49
Тельной А.А. Проблема легитимности иконоборческого собора 764 года	53
Абрамов Э.В. Конструирование военно-профессиональной направленности рыцаря в памятниках западноевропейской литературы XII-XIII вв.	55
Пастушенко А.А. Любовь Джона Оксенхама и испанской леди (1575-1577 гг.): вымысел или реальность	61
Кашкина М.А. Социальные функции репрезентативного образа Богоматери в искусстве Контрреформации 2-й пол. XVI – сер. XVII в.	66
Гурова Е.Н. «Собирательный» женский портрет в письменных источниках Московской Руси и ренессансной Италии (Итальянского Возрождения и русского Предвозрождения)	74
НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	78
Легкоступ А.И. Идеи торгового соперничества в концепциях просветителей во 2-й пол. XVIII в. в Англии	78
Тавшунский О.М. Неправительственный этап борьбы за реформы в Конго (1890-1904 гг.)	81
Зинкевич Н.В. Организационное оформление шотландского национального движения (1830-е – 1930-е гг.)	85
Мурог Е.И. «Вильсонианство»: происхождение и эволюция	88
Кравченко А.А. Балканская политика Муссолини первых лет фашистского режима (1922-1928 гг.)	91
Фомичев Н.Н. Британская пресса и начало Гражданской войны в Испании (1936 – нач. 1937 г.) – мифологизация и генезис внешнеполитических образов накануне второй мировой войны	95
Пчелинов-Образумов А.А. Правая эмигрантская пресса о проблемах гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.	100
Артамонова К.Ю. Кипрский кризис 1974 г.	105
Лягуша А.А. Субрегиональное сотрудничество Вышеградской группы в контексте «концепции примыкания» к Европейскому Союзу: опыт Чешской Республики	108
Прихненко М.И. Политическая борьба в Великобритании, связанная с вопросом присоединения страны к Европейскому экономическому сообществу	113
Абузова А.А. Влияние глобализации на состояние и эволюцию режима нераспространения оружия массового уничтожения	118
Белей С.И. Компаративный анализ канадских научных подходов к изучению понятия «государства средней мощи» в теории международных отношений	123
II. ИСТОРИЯ РОССИИ	
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XX В. ДО Н.Э.	129
Роменский А.А. Владимир Святославич: путь к святости (о проблеме канонизации Крестителя	

Руси)	129
Петров С.А. Политическое положение Рязанского княжества накануне Ордынского нашествия	134
Богданов Д.Е. Роль Софьи Палеолог в появлении государственных символов Московии во 2-й пол. XV в.	140
Боевец Е.Н. Из истории конного спорта Курской губернии XIX в.	142
Ванина И.Ю. Из истории создания единого архитектурного ансамбля городов российской провинции в посл. четв. XVIII – нач. XX века (на примере г. Курска)	147
Назаренко Е.Ю. Религиозно-философские взгляды князя А.Н. Голицына в контексте его политической деятельности	151
Клышнюк Н.А. Условия возникновения и причины распространения сектанства в Российской Империи в XIX в.	156
Гребенщиков А.Е. Государственная и общественно-политическая деятельность А.С. Шишкова	161
Фалько С.А. Русская военная разведка в Китае (70-80 гг. XIX в.)	166
Стронина О.Н. Русско-китайские отношения во второй половине XIX в.: пограничный вопрос	172
Дейнеко С.Н. Штаты Департамента таможенных сборов. На примере складочных таможен	174
Дмитриева В.В. Проблемы истории российской провинции во 2-й пол. XIX - нач. XX в. (на примере усадьбы Анненковых Курского уезда)	181
Шаповалова И.В. Мелкопоместная усадьба Центрального Черноземья в пореформенный период ..	184
Кобзарева Н.И. Неразделенная семья как социальный резерв аграрной реформы нач. XX в. на Юге Черноземья	187
Шабанова А.А. Пореформенный город в воспоминаниях С.Н. Терпигорева и А.Н. Энгельгардта ...	190
Иванова Н.Н. Предпринимательская деятельность женщин купеческого сословия в Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в. (на примере Белгородского, Грайворонского, Старооскольского, Новооскольского уездов)	195
Долженков И.А. Формирование органов мещанского самоуправления и провинциальная администрация в городах российской провинции во 2-й пол. XIX – нач. XX в. (на примере Курской губернии)	199
Ильина Т.Н. Частная адвокатура в Курской губернии в кон. XIX – нач. XX в.	204
Савельева М.А. Институт мировых судей в Курской губернии: особенности комплектования и компетенция	209
Назаров А.М. Иностранный капитал в городском хозяйстве Среднего Поволжья в кон. XIX – нач. XX в.	213
Выюнник Е.П. Практика установления и снятия опеки в сельских обществах в кон. XIX – нач. XX в. (на примере Центрального Черноземья)	217
Ганжов Е.А. Государственный банк и российская провинция (1860-1916 гг.)	220
Бирюков М.Ю. Правовой статус торговых заведений российской провинции в начале XX в. (на материале Курской губернии)	224
Волошина Н.Ю. Сахарная промышленность Российской империи на Всемирной выставке 1900 г. в Париже	229
Тетерин В.И. Следственные материалы по землеустройству крестьян в Пермской губернии (1906-1917 гг.) как исторические источники	232
Рубаненко А.В. Материальное положение духовенства Корочанского уезда Курской губернии в 1907-1917 гг.	236
Валяев Я.В. Солдат Российской Императорской армии в Первой мировой войне: его быт на фронте	238
Васильева Т.И. Особенности тульского женского национального костюма	243
ИСТОРИЯ РОССИИ XX-XXI ВВ.	246
Ямпольская Г.А. Натурализация хозяйственной жизни городского населения Курской и Воронежской областей в годы «военного коммунизма» (1918-1920 гг.)	246
Кучеренко М.И. Социально-экономическая характеристика Белгородского округа ЦЧО (1928-1930 гг.)	250
Петров А.В. Складывание обновленческого движения в Русской Православной церкви в 1920-е гг. в современной светской отечественной историографии	254
Кременев Д.М. Возобновление приходской жизни на территории Ивнянского и Томаровского районов Курской области в 1943-1953 гг.	261
Удавихин Г.В. Коллективный портрет советской политической элиты во время борьбы за власть 1953-1959 гг. Опыт просопографического исследования	266
Еремеева Е.А. Советские политические анекдоты в источниках личного происхождения	273
Красильщиков Г.Г. Базы данных как средство организации и анализа публикаций по истории советско-германских отношений периода перестройки	278
Власенко И.А. Теоретико-методологические основы изучения истории жилищно-коммунального хозяйства России	282

Георгадзе М.М. Развитие института обращений граждан в СССР и Российской Федерации	285
Золотухина Е.С. Демографическая ситуация в Центрально-Черноземном регионе в 1990-2007 гг. (на примере Белгородской и Курской областей)	289
Собченко А.И. Деятельность духовно-просветительского Центра во имя Свт. Иосафа епископа Белгородского чудотворца в г. Белгород	292

III. ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

Петров С.Д. Территориальное деление и численность населения слободских полков по переписи 1732 года	296
Еремеев П.В. Старообрядческая пропаганда и ее роль в распространении «старой веры» на Харьковщине в кон. XVII – 1-й пол. XIX вв.	302
Якущенко М.Г. Наукова діяльність Н.Д. Полонської–Василенко в еміграції.	307
Ластовец Н.А. Міжнародне становище Української Народної Республіки в 1917-1918 рр	311
Волошинова А.В. Дитяча безпритульність та боротьба з нею в Донецькій губернії в 20-ті роки XX ст.	315
Иванова Е.Н. Українсько-російські відносини в галузі культури 90-х років XX ст. поч. XXI ст. в українській історіографії	317
Кондратюк Е.А. Взаимоотношения Украины и НАТО: путь к особому партнёрству (1992-1997 гг.)	322
Рыбалко М.В. Нафтова дипломатія України в контексті енергетичної безпеки	326
Чумак М.П. Стереотипи українсько-російського порубіжжя і трансформація жіночих світоглядних цінностей	331
Буряк Ю.Ю. Железнодорожные пассажирские коммуникации, как пространство общения России и Украины в обозримом будущем	336
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	341
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	342

«Belgorod dialog» has been launched	9
I. WOLD HISTORY	
ARCHEOLOGY, ANCIENT HISTORY AND HISTORY OF THE MIDDLE AGES	
Mikhailov D.S. History of studies of the Voronezh culture of Don river	10
Grechishkina M.V. A.Terenozhkin` scientific research in 1948-1961 years	14
Zhdanova N.A. The problem of silenus` identification in the greek mythology	18
Dyukarev V.A. To the question on the "contemptuous" relation of ancient greeks to physical labour (on the basis of Aristophanes comedies)	21
Luzhkova M.S. Import Thasos wine on Bosphorus in the 5-4 century BC (analysis of amphorae)	24
Repina E.V., Prokopenko S.N. The fishing of early Bosphorus in numismatic source	27
Gavrilyk S.M. The reconstruction of social structure of Bosphorus Kingdom on the basis of necropolfel: problem-historiographical review	30
Krasnikova E.A. Feeling and emotions: methods to a written and pictorial traditions Bosphorus	34
Gringof S.A. The post of chiliarchus in the Bosphoran Kingdom in Roman times	37
Kotina A.V. Image of amazon in Late Antiquity (by Qwint`s poem "Posthomerica")	40
Shentsov M.E. To the question of popularity of the Mithras` cult in the Roman Empire in the Post-Classical period	44
Bozhko A.A. Characteristic of research level of monuments at Late Roman Times in the Belgorod region	49
Telnoy A.A. A problem of legitimacy of iconoclasm council 754 AD	53
Abramov E.V. Construction of the military-professional tendency of the knight in works of West European literature of the 12 TH –13 TH centuries	55
Pastushenko A.A. The love of John Oxenham and spanish lady (1575-1577): fiction or reality	61
Kashkina M.A. Social functions of a representative image of the Virgin in the art of counter-reformation of the second half of the XVI – the middle of the XVII century	66
Gurova E.N. «Collective» female portrait on materials of the written sources Moscow Russia and the Renaissance Italy (Italian revival and Russian prerevival)	74
MODERN AND CONTEMPORARY WORLD HISTORY	
Legkostup A.I. The idea of adversary`s trade in concepts of enlightenment men in the second half of XVIII century in England	78
Tavshunsky O.M. Non-governmental stage of the Congo reform movement (1890-1904)	81
Zinkevich N.V. Organizational registrationof Scottish national movement (1830s – 1930s)	85
Murog E.I. «Wilsonianism»: the origin & evolution	88
Kravchenko A.A. Mussolinl`s Balkan policy during the first years of the fascist regime (1922 – 1928)	91
Fomichev N.N. British press and the beginning of Spanish Civil war (1936 - b. 1937) - mythologization and development of foreign policy images in the eve of WW II	95
Pchelinov-Obrazumov A.A. The right emigre press about the problems of the Spanish civil war of 1936-1939	100
Artamonova K.U. The Cyprus crisis of 1974	105
Lyagusha A.A. Sub-regional cooperation of the Visegrad group in the context of "the concept of adjacency" into the European Union: the Czech Republic`s experience	108
Prykhnenko M.I. The political struggle in the UK related to the issue of` accession to the European Economic Community	113
Abuzova A.A. Impact of globalization on the condition of non-proliferation of weapons of mass destruction	118
Bieliei S.I. Comparative analysis of Canadian scientific approaches to studying concept of "middle power" in the theory of international relations	123
II. HISTORY OF RUSSIA	
HISTORY OF RUSSIA BEFORE THE BEGINNING OF 20 CENTURY	
Romensky A.A. Vladimir Svyatoslavich: the way to sanctity (to the problem of canonization of the Baptist of Rus)	129
Petrov S.A. Political position of the Ryazan princedom on the day before ordyn invasion	134
Bogdanov D.E. Sophia Paleologue's influence on Moskovja state symbols` origin in the 2nd half of XV c.	140
Boevets E.N. From the history of the horse sport of the Kursk province XIX c.	142
Vanina I.Y. From the history of the architectural ensembles of Russian provincial towns at the final	

quarter of 18 TH -the beginning of the 20 TH century (as an example of the town of Kursk)	147
Nazarenko E.Y. Religious and philosophical views of Prince Alexander Nikolayevich Golitsin in the context of his political activity	151
Klyshniuk N.A. Conditions of origin and causes of spreading of the sectarianism in the Russian Empire in XIX c.	156
Grebenschikov A.E. A.S. Shishkov's governmental and social-political activities	161
Falko S.A. Russian military intelligence in China (70-80 _s of the XIX TH century)	166
Stronina O.N. The Russian-Chinese relations in second half XIX century: the boundary question	172
Deyneko S.N. The staff of Department customs. Based on the warehouse of custom-house material	174
Dmitrieva V.V. Problems of history of Russian provinces in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries (based on the example of the Annenkov's manor, Kursk district)	181
Shapovalova I.V. Landed estates in the Central Black Earth region in the 50-90-ies of the 19 c.	184
Kobzareva N.I. Undivided family as social reserve of agrarian reform in the start of XX century in the south of Black Earth region	187
Shabanova A.A. Reformed city in memoirs of S.N. Terpigorev and A.N. Engelhardt	190
Ivanova N.N. Enterprise activity of women of merchant estate in Kursk province in the late XIX - early XX centuries (on the example of Belgorodrs, Graivoronrs, Stary Oskolrs, Novy Oskolrs districts)	195
Dolzhenkov I.A. The suburban self-governing bodies' formation and local public administration in Russian country towns in the second part of XIX th and the beginning of XX th centuries (by the example of Kursk Governorate)	199
Ilina T.N. The private advocacy in Kursk governorate in the end of XIX – beginning of XX centuries	204
Savel'eva M.A. The justice of the peace in Kursk province: acquisition order, the competence	209
Nazarov A.M. Foreign capital in the urban economy of the Middle Volga in the late XIX - early XX centuries	213
Vjunnik E.P. The practice of the establishment and giardianship removal in rural commons in the late XIX – early XX centuries (on an exmple of the central Black Earth region)	217
Ganzhov E.A. The State bank and Russian province (1860-1916)	220
Birykov M.Y. Legal status of serving trading institutions of the Russian province of the beginning of the XX-th century (on materials of Kursk province)	224
Voloshina N.Y. Sugar Industry of Russian Empire at the World exhibition in Paris in 1900	229
Teterin V.I. Investigating materials of peasants land management in Perm province (1906-1917) as a historical source	232
Rubanenko A.V. Land tenure of parish clergy on the threshold of revolution 1917 (on the example of Koroehansky district of Kursk province)	236
Valyaev Y.V. A soldier of the Russian Emperor's army in the I World war: his way of life in the front	238
Vasilyeva T.I. The special features of Tula femals national clothes	243
HISTORY OF RUSSIA IN 20-21 CENTURIES	246
Yampolskaya G.A. Naturalization of the urban economic life of the Kursk and Voronezh provinces in the years of «War Communism» (1918-1920)	246
Kucherenko M.I. Socioeconomic characterization of Belgorod district of Central Central Black Earth region (1928-1930)	250
Petrov A.V. The formation of the renovation movement in Russian Orthodox church in 1920s in modern Russian historiography	254
Kremenev D.M. The renewal of the parish life in the territories of Tomarovka and Ivnya districts of Kursk region in 1943-1953 yy.	261
Udavikchin G.V. Collective portrait of Soviet political elite in the time of the race for power 1953-1959 gg. An experience of prosopographical research	266
Yeremeeva K.A. The Soviet political anecdote in the soures of the personal origin	273
Krasilchshikov G.G. Data bases as a tool of organization and analysis of publications on soviet-German relations during “perestroika”period	278
Vlasenko I.A. Theoretical and methodological bases of the study to histories housing-public facilities to Russian	282
Georgadze M.M. Development of institute of appeals of citizens in the USSR and the Russian Federation	285
Zolotuhina E.S. Demographic situation in Central Black Earth region of Russia in 1990-2007 (on the example of the Belgorod and Kursk areas)	289
Sobchenko A.I. Activity of the spiritually-educational center for the st. Ioasaf the bishop of the Belgorod miracle man to Belgorod	292
III. HISTORY OF UKRAINE	
Petrov S.D. Territorial device and population of the Slobidsky regiments by the census 1732	296

Yeremeev P.V. Old beliefs advocacy and its role in the dissemination of old belief in Kharkiv region in the end of XVII – middle of XIX century	302
Yakushchenko M.G. Scientific activity N.D. Polonsky-Vasilenko in exile	307
Lastovets N.A. The international status of the Ukrainian National Republic in 1917-1918	311
Voloshinova A.V. Children’s homelessness and struggle against it in territories of Donetsk province in 20-th years of the XX-th c.	315
Ivanova O.M. The last decade of the XX century and the beginning of the XXI century	317
Kondratyuk E.A. Ukraine-NATO relationship: the path to a distinctive partnership (1992-1997)	322
Rybalka M.V. The oil diplomacy of Ukraine in the context of the energy security	326
Chumak M.P. Stereotypes Ukrainian-Russian border line and transformation of womanish world view values	331
Buryak Y.Y. The railway passenger communications as sphere of dialogue space between Russia and Ukraine in the foreseeable	336
ABBREVIATIONS	341
INFORMATION ABOUT AUTHORS	342

«БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ» СТАНОВИТСЯ ТРАДИЦИЕЙ...

В настоящий сборник вошли материалы II Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории», открытие которой состоялось в Белгородском государственном университете 15 апреля 2010 года. Как и в прошедшем, 2009 году, организаторами конференции выступили исторические факультеты Белгородского государственного университета и Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

В «Белгородском диалоге» – проекте, призванном создать на базе Белгородского государственного университета площадки для профессионального общения молодых историков России и Украины, а также сформировать в российских и украинских регионах молодежную научную среду, благоприятную для выработки и свободного распространения исторического знания, приняли участие более 150 молодых исследователей из Белгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Липецка, Воронежа, Тулы, Тольятти, Рязани, Перми, Харькова, Донецка, Керчи.

В ходе работы конференции представителям «молодой науки» удалось обсудить широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, в том числе и проблемы приграничного взаимодействия России и Украины в прошлом и настоящем: от натурализации хозяйственной жизни городского населения Белгородчины в годы «военного коммунизма» (1918-1920 гг.) до анализа современной украинско-российской дипломатии в области энергетики.

Кроме студентов, магистрантов и аспирантов, в «Диалоге» приняли участие и учащиеся белгородских школ. Для них из двух десятков научных секций была выделена секция «Проблемы всеобщей и российской истории глазами школьников». Юных историков привлекает история Великой Отечественной войны, религиозная, искусствоведческая и этногеографическая тематика краеведческих исследований, история становления и деятельности образовательных учреждений. Как правило, исследования школьников затрагивают историю двух братских славянских стран; так, одна из работ, представленных на конференцию, рассказывает о «...Сотрудничестве молодежи приграничных районов Белгородской и Сумской областей».

В целом, подводя итоги двухдневного научного общения молодых историков России и Украины, можно говорить о том, что «Белгородский диалог» продолжился, а также заметить: как форум молодежной науки эта конференция представляет собой важный стимул для развития исторических исследований в российских и украинских регионах и вовлечения молодых исследователей в решение актуальных исторических проблем.

Е.Н. Меньшикова, С.Н. Прокопенко

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДОНА

Д.С. Михайлов

Липецкий государственный педагогический университет

В статье рассматривается история изучения воронежской культуры Подонья. Приводится ее краткое описание на основе работ В.И. Беседина, который первым выделил её в самостоятельную культуру. Несмотря на относительно позднее начало изучения этой культуры, получен важный материал по эпохе среднего бронзового века. Также рассматриваются попытки различных ученых интерпретировать воронежскую культуру и установить её точную хронологию.

Ключевые слова: воронежская культура Подонья, В.И. Беседин, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, средний бронзовый век, интерпретация, хронология.

HISTORY OF STUDIES OF THE VORONEZH CULTURE OF DON RIVER

D.S. Mikhailov

Lipetsk State Pedagogical University

The history of studies of the Voronezh culture of Don river is considered in the article. A brief description of the culture is given based on works of V.I. Besedin who allocated its first as independent culture. Despite the relatively late start of the study of culture, it is obtained important material on the Middle Bronze Age. Also it is considered attempts of different scientists to interpret the Voronezh culture and to establish its precise chronology.

Key words: Voronezh culture of Don river, V.I. Besedin, A.D. Pryakhin, A.T. Sinyuk, Middle Bronze Age, interpretation, chronology.

Начало изучения памятников, которые теперь относят к воронежской культуре, пришлось на кон. 1920-х - нач. 1930-х гг. Эти исследования проводились Юго-Восточной экспедицией ГАИМК (Государственной Академии Истории материальной культуры) под руководством П.П. Ефименко. Среди памятников, которые дали обширный материал, в том числе и по эпохе бронзы, были Малое Боршевское, Кузнецовское и многие другие¹. Эти материалы эпохи бронзы были отнесены П.П. Ефименко к катакомбной культуре². Более детальный анализ этих памятников сделал Г.В. Подгаецкий. Он отнес их к позднему этапу среднедонского варианта катакомбной культуры. В то же время он особо выделил ряд существенных отличий материалов этих памятников от катакомбных и указал на близость керамических серий данных памятников материалам ряда памятников Среднего Поднепровья³.

Основные работы по изучению этих памятников археологами начались после окончания Великой Отечественной войны. Исследования проводились экспедициями Института Археологии АН СССР (городище Кузина Гора, раскопки 1958 г. под руководством А.Е. Алиховой; могильник «Частые курганы» и др., раскопки 1954 г. и последующих лет под руководством П.Д. Либерова), а также экспедициями Воронежского университета, в частности под руководством А.Н. Москаленко на Архангельском городище (1952-1953 гг.)⁴. С 1960 г. активно в изучение памятников воронежской культуры включается А.Д. Пряхин, который ведет работы на Воргольском городище, поселениях Шиловское, Чижовское 4 и других. Материалы этих памятников он относит к архангельскому типу катакомбной культуры, но дальнейшее развитие эта гипотеза получила только в начале 1980-х гг. Эти исследования ведутся в связи с работами в зоне Воронежского водохранилища (1967-1973), в ходе которых наряду с А.Д. Пряхиным изучение велось А.Т. Синюком, Б.Г. Тихоновым и другими учеными. Но полученные на тот момент материалы долгое время не публиковались⁵. Ряд памятников воронежской культуры был изучен экспедициями Государственного исторического музея (Т.Б. Попова). Также в 1970-х гг. большие по объему работы проведены экспедициями Воронежского университета на поселениях Животинное (А.З. Винников), Чертовицкое 2 (А.П. Медведев), Мосоловское (В.И. Сагайдак, А.Д. Пряхин) и др. Этот этап в изучении воронежской культуры является этапом накопления источников и материалов, а также постепенного перехода к обсуждению вопроса о выделении полученного комплекса памятников в отдельную культуру. В нач. 1980-х гг. появляется ряд ра-

бот (Ю.П. Матвеев, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, В.И. Беседин), в которых рассматривается вопрос об интерпретации этих памятников⁶.

В 1970-1980 гг. вопросом о воронежской культуре и её изучением начинает заниматься В.И. Беседин, который исследует поселения Чижовское 5, Сенное, Семилукское. В дальнейшем, анализируя этот своеобразный материал, он пришел к выводу о необходимости выделения самостоятельной воронежской культуры⁷. В 1980-е гг. А.Д. Пряхин и В.И. Беседин дали полную характеристику новой культуры, а также подтвердили и обосновали правильность и правомерность её выделения. В это же время В.И. Беседин в своей кандидатской диссертации научно обосновал выводы, сделанные им и А.Д. Пряхиным⁸. К воронежской культуре А.Д. Пряхиным и В.И. Бесединым было отнесено более ста памятников, которые включают в себя поселения, погребения и отдельные находки. В основном все они расположены в лесостепном Подонье, самая большая группа памятников тяготела к бассейну р. Воронеж, поэтому культура получила название воронежской. На западе памятники такого рода встречаются в верхнем течении рек Сейм и Псёл (Кузина Гора, Марица и др.), на востоке - в бассейне р. Хопёр (Никольевское), на севере – в бассейне южных притоков р. Ока (Борки, Аксельмеевское и др.), южная граница проходит несколько севернее границы степи и лесостепи⁹. Также они считали, что воронежская культура была одновременна доно-волжской абашевской культуре¹⁰. В.И. Беседин ставит воронежскую культуру в прямую связь со среднеднепровской культурой¹¹. Но, в то же время, как В.И. Беседин, так и А.Д. Пряхин, доказывая самостоятельность воронежской культуры, проводят её сравнение со среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской культурами, которые территориально располагаются в лесостепном Подонье и хронологически близки или хотя бы частично одновременны воронежской культуре (балабановские памятники, сосницкие памятники)¹². Они находят различия и сходства между культурами. Нельзя не отметить, что и В.И. Беседин и А.Д. Пряхин были не согласны с идеей А.Т. Синюка о преемственности памятников воронежской культуры от памятников эпохи энеолита иванобугорского типа¹³, что было доказано ими на примере сопоставления керамики и погребального обряда этих двух культур.

Теперь перейдем непосредственно к характеристике самой культуры, которую дал ей В.И. Беседин. Поселения данной культуры были разделены на три типа¹⁴:

1. Пойменные поселения. Их отличительной чертой является отсутствие культурного слоя при наличии отдельных фрагментов керамики, хотя были случаи, когда находили и развалы сосудов (Сокольское, Маяк). При интерпретации данные поселения В.И. Беседин отнес к типу кратковременных стоянок небольших групп людей.

2. Поселения уже достаточно крупных размеров (10 тыс. м²). На них фиксируется слабо-насыщенный культурный слой. Располагались как в поймах, или оконечностях первых террас, так и на высоких мысах берегов рек с прилегающими участками плато. По мнению В.И. Беседина, эти поселения имели периодический, сезонный характер.

3. Небольшие стационарные поселки (до 4 тыс. м²). Культурный слой на такого рода поселениях насыщен материалом. Поселки этого типа располагаются на высоких, труднодоступных мысах. В.И. Бесединым было отмечено преобладание поселений именно этого типа, что не свойственно другим культурам бронзового века лесостепного Подонья.

Погребальный обряд данной культуры изучен был недостаточно, что вызвано малым количеством найденных погребений (всего 10). Но, несмотря на их небольшое количество, это позволило В.И. Беседину сделать ряд наблюдений и установить некоторые факты¹⁵:

1. Все погребения совершены в ямах.
2. В некоторых случаях фиксировались могилы с характерными особенностями: а) наличие перекрытия; б) подстилка коры; в) подсыпка охры.
3. Погребения сопровождали сосуды, которые располагались в основном у головы. Также В.И. Бесединым отмечено два случая, когда сосуды стояли вверх дном.
4. В кургане № 1 Матвеевского могильника на уровне погребенной почвы найдены остатки тризны: развал сосуда и кости животного (лошади, овцы, свиньи). Подобный ритуал прослежен в кургане №74 Подклетненского могильника и, возможно, в кургане № 21 могильника «Частые курганы».
5. Все погребения совершены по обряду труположения (ингумации).
6. Беседину удалось выделить два основных способа захоронения умерших, у представителей воронежской культуры: а) вытянуто на спине головой на юг или юго-запад; б) скорчено на боку головой на юг или запад.

В.И. Беседин связывал такое различие в способах захоронении с причинами хронологического характера.

Керамический комплекс воронежской культуры был представлен В.И. Бесединым в четырех основных формах¹⁶: 1) горшки; 2) горшковидные сосуды; 3) банки; 4) чашки.

Все сосуды вылеплены вручную из хорошо промышленной глины с обильной примесью мелкого песка и кварца. В отдельных случаях В.И. Бесединым отмечались примеси шамота, единичный случай примеси толченой раковины. Поверхности их хорошо заглажены, иногда слегка подлощены. Стенки довольно тонкие. Имели костровой обжиг, о чем говорит неравномерность прокала керамики. Около 80% всей керамики имели орнаментацию, причем на большей части своей поверхности. Основные элементы орнаментации (по В.И. Беседину): процерченные линии; вдавления палочкой или пальцем; защипы.

Иногда орнамент даже расположен на днище и внутри поверхности шейки. Нельзя не отметить и тот факт, что материально воронежская культура лучше всего представлена именно керамическим комплексом.

Другой материал¹⁷ является дополнением к керамике и представлен как орудиями труда, так и частями оружия, а также различными металлическими изделиями. Среди них кремневый наконечник дротика треугольной формы с черешком (Мосоловское), наконечник стрелы усечено-листовидной формы (Сенное), наконечник стрелы с выемкой в основании ямно-катакомбного типа (Воргольское). Орудия труда представлены кремневыми скребками, резак, ножом, серпом. Интересны также находки каменных шлифованных топоров, относящихся к типу обушковых усечено-конических. Эти находки являются весьма характерными именно для воронежской культуры, так как для культур бронзового века Среднего и Верхнего Дона они не характерны. Среди каменных изделий к этой культуре В.И. Бесединым были отнесены каменные песты (Частые Курганы, 21, Мосоловское, Шубное, Животинное) и зернотерка. В изделиях из металла преобладают бронзовые, к числу которых отнесены пластинчатый браслет с Малого Боршевского, украшения и шило (Хохольский могильник). При изучении орудий из бронзы В.И. Беседин сделал интересный вывод о том, что представители воронежской культуры получали металлические изделия опосредованно через катакомбное, а потом абашевское население, в то время как местная металлообработка не была хорошо развита и не играла большой роли.

На основе изучения керамического комплекса, а также стратиграфических данных В.И. Беседин разделил эпоху существования воронежской культуры на два этапа¹⁸:

1. Ранний этап (сер. II тыс. до н.э.). В этот период на воронежскую культуру оказывает существенное влияние катакомбная культура. К этому времени относятся поселения Архангельское, Чертовичское и др., а также погребения с южной ориентацией умерших.

2. Поздний этап (нач. 2-й пол. II тыс. до н.э.) На этом этапе существования воронежской культуры на нее значительно влияет абашевская культура, что впоследствии и привело к распаду воронежской культуры. Этот этап В.И. Беседин рассматривал на основе материалов с поселений Малого Боршевского, Животинного и погребений с западной ориентацией умерших, хотя в конце этапа под влиянием абашевской культуры вновь появляются погребения с ориентировкой в южном направлении.

После выхода первых указанных работ оппонентом А.Д. Пряхина и В.И. Беседина выступил А.Т. Синюк. Он иначе интерпретировал полученные и В.И. Бесединым, и А.Д. Пряхиным результаты, а также углубил подходы к изучению этой культуры¹⁹. Это произошло в связи с новыми материалами, которые были получены в ходе раскопок на поселениях Мастище I²⁰, Нижнесторожевской стоянке и ряде других памятников²¹. В ходе проведенных работ удалось по-новому посмотреть на воронежскую культуру, а также изменить хронологические рамки её существования. Например, изучение Нижнесторожевской стоянки (1989) позволило А.Т. Синюку сделать вывод о том, что есть преемственность между воронежской и иванобугорской культурами. Это достаточно хорошо показывается в общих чертах керамики, а также в похожих технологических чертах её производства, что выражается прежде всего в наличии желобчатости венчиков у обеих культур, и это по мнению А.Т. Синюка является, вероятно, следствием гончарных традиций репенской культуры эпохи энеолита, возможной местной подосновы для формирования как абашевской, так и иванобугорской культур²². Также подтверждением преемственности этих культур является наличие в погребальном обряде воронежской культуры захоронения умерших в вытянутой позиции. По мнению А.Т. Синюка, достаточно трудно делить время бытования воронежской культуры на этапы, и определенно можно говорить лишь о начальном и конечном рубежах существования этой культуры. Он установил, что время суще-

ствования воронежской культуры может условно определяться концом первой – 2-й четв. II тыс. до н.э.

Многое в разработке и поиске отличительных черт между воронежской и иванобугорской культурами дали работы на поселении Мастище 1, по результатам которых появилась возможность более четко определить различия между иванобугорской и воронежской керамикой, несмотря на всю их похожесть. Также на основе материалов, полученных с Мастища 1, А.Т. Синюк дополнил типологию керамики воронежской культуры, сделанную В.И. Беседным²³. В отличие от В.И. Беседина, А.Т. Синюк разделил горшки не на четыре типа, а на пять, что существенно расширило представление о воронежской культуре. При этом пятый тип он рассматривает как переходный от иванобугорского, используя ту же типологию, что и при изучении иванобугорской керамики²⁴. Таким образом, на основе своих исследований А.Т. Синюк сделал вывод, что воронежская культура отражает поздний этап развития материалов иванобугорского типа²⁵. Также А.Т. Синюк считает, что иванобугорская и воронежская культуры – это последовательные этапы единого этнокультурного образования, которые осуществляли функции определенного буфера, смягчавшего взаимоотношения между синхронно развивавшимися на Дону абашевской культурой, сдвинутой в глубинные лесостепные районы Левобережья, и культурой катакомбной, занявшей юго-лесостепную и степную зоны²⁶. Следует сказать, что на одной из конференций В.И. Беседин признал правомерность точки зрения А.Т. Синюка и согласился с ним в том, что воронежская культура является поздним этапом иванобугорской энеолитической культуры. К сожалению, в работах В.И. Беседина это не было отражено.

Кон. 1980-х – нач. 1990-х знаменует собой новый этап в изучении воронежской культуры, когда основные работы ведутся на Верхнем Дону. Очень интересные результаты дали раскопки, проведенные в 1991 г. А.Н. Бессудновым у села Курино Хлебенского района Липецкой области²⁷. Изначально раскопки были направлены на поиск материалов энеолита и неолита, но в ходе работ были выявлены материалы и воронежской культуры, которые представляли наибольшую группу находок. Материалы, полученные с этого поселения, подтвердили теорию А.Т. Синюка о влиянии иванобугорской культуры на воронежскую, а также о неоднородности влияния катакомбников в бассейне реки Дон.

Материалы воронежской культуры были также обнаружены на памятнике Замятино-10, который изучался с 1998 по 2001 г. Ряд работ в виде разведок и раскопок проводился И.А. Козмиркуком, в том числе и работы на памятнике Крутогорье в период с 1996 по 1998 гг. В 2001 г. совместной экспедицией ЛГПУ (Липецкого государственного педагогического университета) и Госдирекции по охране памятников были проведены раскопки на городище в ур. Курган, которые также позволили сделать ряд интересных выводов и дали ценный материал²⁸. Датируется это поселение примерно 2-й четв. II тыс. до н.э.²⁹ В 2006 и 2007 г. были произведены работы на памятниках Буховое 9 (близ с. Преображеновка) и Мухино 2 (близ с. Мухино). Что касается дальнейшей интерпретации памятников воронежской культуры, то некоторые ученые (В.П. Челяпов) находят близкие аналогии с памятниками воронежской культуры примокшанской культуры, которая была открыта в 1955 г. П.Д. Степановым в бассейне р. Мокша. Керамика воронежской культуры имеет прямые аналогии с материалом примокшанской культуры, найденным на Средней Оке, что позволяет говорить об определенных контактах между культурами, а, возможно, и об их генетической близости³⁰.

На данный момент работы по изучению воронежской культуры продолжают археологами Липецкого государственного педагогического университета и Воронежского государственного университета.

В заключение следует сказать, что результаты изучения воронежской культуры представляют собой комплекс интереснейших материалов о жизни населения среднего бронзового века в бассейне реки Воронеж. Изучение её не закончено и может дать еще много важных источников, как по самой воронежской культуре, так и по культурам, связанным с ней.

Примечания:

1. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. - С. 60-77.

2. Там же. - С. 61.

3. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи средней бронзы // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1988. - 24 с.

4. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3. - С. 21-36.

5. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи средней бронзы ... - С. 8.
6. Там же. - С. 9.
7. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы... - С. 22-23.
8. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи средней бронзы... - 24 с.
9. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы... - С. 23.
10. Там же. - С. 29-31.
11. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. - С. 73.
12. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы... - С. 32.
13. Там же. - С. 33-34.
14. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы... - С. 62-63.
15. Там же. - С. 63.
16. Там же. - С. 64-69.
17. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы... - С. 27-28.
18. Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы... - С. 74.
19. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. - 350 с.
20. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников. Воронеж, 2001. - С. 43-49.
21. Синюк А.Т. Нижнесторожневская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Дно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. - С. 29-47.
22. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона.
23. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников... - С. 43-49.
24. Там же. - С. 44.
25. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита - бронзового века верхнего Придонья // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996. - С. 31-59.
26. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона... - 350 с.
27. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита - бронзового века верхнего Придонья... - С. 31-59.
28. Ивашиов М.В. Материалы воронежской культуры эпохи бронзы с городища в урочище «Курган» на Верхнем Дону // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Том 3. Одеса, 2002. - С. 86-88.
29. Ивашиов М.В. Поселение воронежской культуры на городище в урочище «Курган» на Верхнем Дону // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. - С. 88-97.
30. Челябинов В.П. Памятники примокшанской культуры на Средней Оке // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. - С. 378-386.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ТЕРЕНОЖКИНА В 1948-1961 ГГ.

М.В. Гречишкина

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье рассматривается деятельность известного археолога Алексея Ивановича Тереножкина в 1948-1961 гг. Этот период его деятельности был тесно связан с изучением предскифского периода на территории Украины. Обращается внимание на его полевые исследования и исторические построения, которые прочно вошли в фонд археологической науки. Рассмотрение его публикаций позволяет очертить круг проблем в науке, актуальных для 1950-х гг.

Ключевые слова: А.И. Тереножкин, чернолесская культура, белогрудовская культура, Среднее Поднепровье, предскифский период.

A. TEREZOZHKIN SCIENTIFIC RESEARCH IN 1948-1961 YEARS

M. Grechishkina

V. N. Karazin Kharkov National University

The scientific activity of well-known archaeology A. Terenozhkin in 1948—1961 years is considered of this article. This period of its activity has been closely connected with studying of the Prescythian period in territory of Ukraine. The attention to its field researches and historical constructions which were included into fund of an archaeological science is paid. Consideration of its publications allows to outline a circle of problems in a science actual for 1950th years.

Key words: A. Terenozhkin, Chernolesk culture, Belogrudovsk culture, the territory of Middle Dnepr, Prescythian period.

Алексей Иванович Тереножкин (1907-1981 гг.) - выдающийся археолог, внесший значительный вклад в развитие науки на территории бывшего СССР. Его опубликованные работы насчитывают свыше 70 и посвящены разнообразным вопросам археологии Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины. Предскифский период в творчестве ученого занимает одно из центральных мест, ему посвящено свыше 20 статей, монография. Эта тема легла в основу докторской диссертации исследователя. Созданная им концепция развития лесостепных племен в доскифский период представляет собой не только богатое научное наследие, но и отражает процесс ее создания и несомненно важна для понимания современных процессов в науке.

Деятельность А.И. Тереножкина на территории Украины достаточно хорошо освещена. Этой теме посвящено свыше 10 публикаций, проводились 3 конференции¹, приуроченные к его юбилеям. Но хотелось бы остановиться на более детальном исследовании его научного творчества в 1950-е гг. Именно в этот период формировались его основные взгляды, вырабатывались принципы и методы исследований, начала формироваться киевская школа специалистов в области раннего железного века.

Тема предскифского и скифского периода вошла в круг научных интересов ученого еще во время его работ на Афрасиабе (домонгольский Самарканд). Так, в переписке со своей будущей женой, В.А. Ильинской, он указывал, что в украинской археологии для него наиболее интересной является скифская проблематика, но и в то же время интерес вызывает бронза². Вплотную он приступил к разработке этих тем с переездом в Украину в 1948 г. Здесь он занял должность заведующего отдела раннего железного века в Институте археологии Украинской Академии Наук, на которой работал вплоть до 1981 г.

К началу 1950-х г. тема предскифского периода была одной из наименее изученных в историографии проблемой. Хотя в кон. XIX и в 1-й пол. XX в. проводились раскопки памятников, но они оставались «невписанными» в общий исторический процесс. В кон. 1940-х гг. Б.Н. Граков отмечал, что скифская культура в Северном Причерноморье представляется как новый элемент, не имевший здесь предшественников³. Незнание собственно предскифского периода ограничивало изучение скифского - были неясны генезис и развитие культуры в наиболее ранние периоды. Исследовательская деятельность А.И. Тереножкина положила начало систематическому изучению этого вопроса в Украине. Центром его научных интересов в 1950-е гг. становится вопрос развития населения в предскифский период, главным образом в Лесостепном днепровском Правобережье, однако он не оставлял без внимания и памятники Левобережной лесостепи и Степи. Первым важным шагом в решении этого вопроса стали достаточно масштабные полевые исследования. Так, уже в 1949 г. начала свою деятельность Скифская днепровская правобережная экспедиция во главе с А.И. Тереножкиным, которая проводила разведки в Кировоградской области. Главным результатом ее работ стало открытие Чернолесского городища, материальная культура которого позволила выделить особый этап в доскифское время – чернолесский. Были исследованы фортификационные сооружения, собран керамический материал. Это городище стало эталонным в дальнейших исследованиях ученого⁴. В том же году ученый обратил внимание на памятники белогрудовской культуры, выделенной еще в 1920-х гг. В результате разведки и небольших раскопок в окрестностях Умани он пришел к выводу, что эта культура относится к концу бронзовой поры и занимает важное место в генезисе племен скифского времени в лесостепном Правобережье⁵. В 1950 г. А.И. Тереножкин продолжил разведки с целью найти новые памятники предскифского времени в Правобережной днепровской Лесостепи. В бассейне р. Тясмин (Кировоградская обл.) было исследовано шесть городищ чернолесского времени, кроме того были обнаружены памятники бронзового, скифского, славянского периодов. Исследователь видел в этих городищах родовые укрепления, где сохранилась традиция жизни родовыми, неукрепленными поселками. Запустение он связывал со скифской экспансией. Проанализировав местные традиции в материальной культуре, А.И. Тереножкин пришел к выводу, что этнического единства кочевых и оседлых скифов не существовало⁶. В этом же году он проводил раскопки кургана скифского времени у с. Глеваха, недалеко от Киева. Методика раскопок этого кургана соответствовала требованиям археологии того времени. Важность памятника состояла в том, что он был одним из наиболее северных погребальных сооружений культуры лесостепных племен Днепровского Правобережья раннескифского времени⁷.

Осенью 1952 г. ученый провел разведки в окрестностях р. Смелы, где главными объектами его исследований стали чернолесские городища. Была изучена их планировка,

найден большой массив источников - керамика, наконечники стрел, орудия, фрагменты конской сбруи и прочие, что давало возможность более конкретизировано рассмотреть связи этого населения, уточнить его материальную культуру⁸.

В 1954 г. он проводил раскопки Мелитопольского кургана - одного из выдающихся памятников скифского времени. Ценность этих исследований, помимо ярких артефактов заключается в том, что это был первый курган скифской царской верхушки раскопанный уже в послереволюционный период. В ходе его раскопок внимание обращалось на технику строительства, устройство погребений. Впервые была применена техника шахтного крепления, ставшая впоследствии классической в раскопках царских курганов⁹.

В 1955 г. совместно с историческим факультетом МГУ он проводил раскопки Субботовского городища в Черкасской обл. В результате раскопок было выяснено, что городище двухслойное - нижние слои относятся к белогрудовскому времени, а верхние - к чернолесскому, что окончательно подтвердило взаимосвязь этих культур предскифского времени в Днепровском Правобережье¹⁰.

В 1956 г. с началом строительства Кременчугской ГЭС была образована комплексная экспедиция под руководством А.И. Тереножкина, которая исследовала территории, что в будущем были затоплены. В результате разведок и раскопок были обнаружены памятники от неолита до славянского периода. Центральное место в этих исследованиях занимали городища чернолесского времени. Исследования показали, что в предскифский период этот участок Правобережья входил в пределы густо заселенной большой племенной округи, пришедшей в запустение с приходом скифов¹¹.

Хотя главным районом активных полевых исследований А.И. Тереножкина было Правобережье Днепра, сотрудники его отдела проводили исследования предскифских памятников в Левобережной днепровской Лесостепи, что ознаменовалось открытием в 1953 г. бондарихинской культуры (В.А. Ильинская) и чернолесских памятников в бассейне р. Ворскла (Г.Т. Ковпаненко).

С начала 1960-х гг. в полевых исследованиях намечается смещение акцентов с памятников предскифского времени в Лесостепи на памятники степного региона, что объяснялось неравномерностью в их изучении.

Полевые исследования, которые проводил ученый, обеспечили его необходимой источниковой базой для исторических интерпретаций, но, кроме того, он значительно дополнил археологическую карту этого региона. Информация о памятниках, которые оказались затопленными в результате строительства Кременчугской ГЭС, на сегодняшний день можно получить лишь из отчетов ученого, который, благодаря опыту работ на таких проектах (строительство Большого Ташкентского канала в 1940 г.), смог максимально использовать свои ресурсы.

История создания его концепции развития культур предскифского периода является ценной для историографии археологии. В первую очередь, она отображает определенную ступень научного познания, во-вторых, дает представление о тех проблемах, решение которых пытались найти исследователи, в-третьих, позволяет выделить основные методы, которые использовались в научных разработках.

Концепция развития племен предскифского времени складывалась постепенно, что можно проследить по его публикациям. В 1952 г. вышла работа, посвященная памятникам белогрудовской и чернолесской культур, там же затрагивается и киммерийский вопрос¹². К этому времени ученый главным центром белогрудовской культуры назвал юг Киевской области. Он указывал, что в это время сложился культурный комплекс, который лишь незначительно видоизменяясь, вошел в культуру местных земледельческих племен. Обозначить абсолютную хронологию он не смог, но в относительной считал, что он предшествовала чернолесскому. Чернолесский этап он относил к эпохе киммерийско-скифских походов в переднюю Азию, по европейской шкале периодизации - к гальштату С (800-650 гг. до н.э.). Основными памятниками чернолесского периода являются городища, возникновение которых ученый связывал с вторжением кочевых скифов в Северное Причерноморье. По его мнению, они существовали недолго, их запустение было связано с образованием Скифии. В этом же году в Москве состоялась конференция, посвященная исследованиям в области скифской археологии. По материалам этой конференции, в 1954 г. ученый опубликовал статью, посвященную полностью чернолесской культуре¹³. Он удревнил время существования этой культуры до IX – нач. VII в. до н.э. К этому времени он уже четко выделил ведущую форму

керамики - тюльпановидные сосуды, в орнаментации господствующим был геометрический и спиральный орнамент. Эти данные ученый рассматривал в контексте возникновения скифской культуры - никаких признаков зарождения здесь звериного стиля, являющегося руководящим для скифской эпохи, найдено не было. Его главным выводом стало то, что формирование Россаво-Тясминского культурного центра Среднего Поднепровья происходило ранее образования Скифии; кроме того, на него не могла оказать влияние античная культура. Таким образом, он выходил на новый уровень исследований - к вопросам этнической принадлежности и генезиса культур предскифского времени. Этой проблеме были посвящены 4 статьи¹⁴. По мнению исследователя, носители чернолесской культуры были более тесно связаны с западом, чем с востоком. Он отмечает приемственность в материальной культуре, которая прослеживается в белогрудовской, чернолесской и культуре «скифов-пахарей». Ученый отрицал принадлежность этих памятников к фракийской культуре, указывая на малое количество предметов в стиле фракийского гальштата. Основу, на которой сложились белогрудовская и чернолесская культура, исследователь видел в комплексах комаровско-тшинецких племен эпохи бронзы. Это ставило их в генетическое родство с лужицкими племенами на Одере и Висле. Этот факт он рассматривал как возможность соотнесения лесостепных племен междуречья Днестра и Днепра с древнейшими славянами. Им был затронут вопрос о экспансии лужицкой культуры на территорию Украины. В историографии этого вопроса сложилось мнение, что славяне в Среднем Поднепровье появились в результате лужицкой экспансии. Эту точку зрения поддерживали Т. Лер-Сплавинский, И. Костшевский. А.И. Тереножкин отрицал эту теорию, аргументируя свои выводы тем, что она не находит подтверждения археологически. В белогрудовское время сильными остаются традиции комаровской культуры, а в чернолесское происходят значительные изменения, которые выразились в подъеме производства, расширении внешних связей, увеличении концентрации населения на отдельных территориях, большое развитие получило бронзолитейное дело. Почти прекратилось применение кремневых и шлифованных орудий. В орнаментации постоянно начинает встречаться резной орнамент, его композиция становится сложнее.

В 1957 г. увидела свет статья, посвященная обзору металлических изделий предскифского времени. В первую очередь появление этой статьи указывало на то, что наравне с постройками, основанными на анализе форм сосудов и их орнаментации равноценными источниками стали выступать изделия из металла. Была прослежена эволюция ведущих форм орудий и оружия, способов их производства (от каменных форм к восковым), а также смена одного металла другим, выделены собственно местные формы и привнесенные, что позволяло рассмотреть экономические связи населения предскифского периода с прилегающими территориями. Главные источники сырья (бронзы) по мнению исследователя должны были находиться на западе в районе Закарпатья и Семиградья. Готовые изделия поступали в Среднее Поднепровье лишь в небольшом количестве¹⁵.

Все эти материалы были обобщены им в докторской диссертации, защищенной в Москве в 1958 г. В ней он дает характеристику поселений, хозяйства, керамики, орудий, металлических украшений, касается вопросов датирования, рассматривая их в связке с синхронными памятниками Степного Поволжья, Причерноморья, Северного Кавказа, Горного Крыма, Верхнего Поднепровья, Молдавии и Румынии. Было показано расселение белогрудовских и чернолесских племен, вопросы этнической принадлежности. В 1961 г. вышла его монография «Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье». Эта работа подвела черту в исследованиях А.И. Тереножкина лесостепных племен предскифского времени в этом регионе¹⁶.

Подводя итоги деятельности ученого в 1950-е гг., следует отметить, что главной его заслугой стала не только актуализация вопросов предскифского периода на территории Украины, но и попытка рассмотреть генезис скифских племен через материальную культуру предшествующего периода. Для его построений характерно отсутствие вещеведческого подхода к собранному материалу, разносторонние интересы, стремление к широкому историческому обобщению. Он дал последовательную характеристику основных этапов предскифского времени на территории Украины. В этот период происходит накопление сведений по киммерийской и скифской проблематике, которые станут центральными в его научных интересах в дальнейшем. В своей характеристике этого времени он не касается вопросов социального строя, духовной жизни, что объясняется малой изученностью погребальных памятников. Ученый широко использовал стратиграфический и типологический

методы при работе с вещественными источниками. В исторических интерпретациях он тяготел к синтезу, применял историко-сравнительный метод и метод аналогий, что позволяло рассматривать памятники этого исторического этапа не локально, а на широком фоне уже известных археологических культур. Исследования А.И. Тереножкина стали шагом вперед в изучении предскифского и скифского периодов не только в Украине, но и в регионах распространения этих культур. К тому же, в это же время наблюдается развитие методики проведения полевых исследований в его экспедициях, складывание курганной археологии, которая отвечала требованиям науки того времени, разработка техники безопасности при проведении исследований больших скифских курганов, раскопки которых начинаются с 1960-х гг.

Примечания:

1. *Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987; Музейні читання” Матеріали Міжнародної конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження О.І. Тереножкіна. Київ, 1998; Ранній залізний вік Євразії. К, 2007.*
2. *Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). Киев, 2006. – С. 64.*
3. *Тереножкин А.И. Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье // Автореф. дисс... докт. истор. наук. М., 1958. – С. 1.*
4. *Тереножкин А.И. Скифская Днепровская правобережная экспедиция // КСИА. Вып.37. 1951.– С. 117-124.*
5. *Тереножкін О.І. Поселення білогрудівського типу біля Умані // Археологія. Т. 7. 1952.– С. 173-182.*
6. *Тереножкин А.И. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина // КСИА. Вып.43. 1952. – С. 80-99.*
7. *Тереножкин А.И. Курган у с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. 9. – С. 80-97.*
8. *Тереножкин А.И. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. // КСИА АН УССР. Вып.3. 1954. – С. 71-77.*
9. *Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.*
10. *Граков Б.Н., Тереножкин А.И. Субботовское городище (раскопки 1955 г.) // СА. 1958. № 2. – С. 164-178.*
11. *Тереножкин А.И. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8. – С. 3-12.*
12. *Тереножкин А.И. Памятники предскифского времени на территории Украины // КСИА. 1952. Вып. 47. – С. 3-15.*
13. *Тереножкин А.И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (Чернолесский этап) // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М., 1954. – С. 94-111.*
14. *Тереножкин А.И. Об этнической принадлежности племен скифского времени в Правобережной лесостепи // Краткие сообщения института археологии АН УССР. 1955. Вып.4. – С. 75-78; Тереножкин А.И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время // СА. 1955. №24. – С. 7-29; Тереножкин А.И. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья // КСИА. 1957. Вып.67. – С. 3-17; Тереножкин А.И. Прародина славян и лужицкая культура // КСИА. 1961. Вып.11. – С. 7-10.*
15. *Тереножкин А.И. Среднее Поднепровье в начале железного века // СА. 1957. № 2. – С. 47-63.*
16. *Тереножкин А.И. Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье. Киев, 1961.*

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СИЛЕНОВ В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Н.А. Жданова

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается образ силенов в греческой мифологии по данным источников. Основной акцент сделан на анализе идентичности силенов, которые изображаются в качестве рода демонических существ, подобных сатирам, и Силену - сына Пана или Гермеса. Сложность идентификации данного персонажа связана с эволюцией образа Силену, происходившей в процессе развития греческой мифологии в целом.

Ключевые слова: Античность, Греция, мифология, Силен, Дионис.

THE PROBLEM OF SILENUS' IDENTIFICATION IN THE GREEK MYTHOLOGY

N.A. Zhdanova

The paper considers the Silenus' image in Greek mythology by data of the sources. The main emphasis is on the analysis of Silenus' identity, which incarnated as kind of demonic beings like a satyrs and Silenus as a Pans' or Hermes' son. The complication of the identification of this personage is connect with the evolution of Silenus' image occurred with the dynamics of Greek mythology.

Key words: Antiquity, Greece, mythology, Silenus, Dionysos.

Влияние греческой мифологии на развитие эстетического компонента античной цивилизации трудно переоценить. Еще Гегель определял греческую религию как «религию красоты». Герои и сюжеты греческих мифов вплоть до новейшего времени становились центральными персонажами художественных произведений, что, несомненно, обуславливает актуальность настоящей работы. С другой стороны, обращение к исследованию именно образа Силенна (гр. Σείληνός) объясняется недостаточной разработанностью этого вопроса.

Вера в многочисленных мелких духов природы – водяных и лесных нимф – наяд, дриаид, духов - хозяев гор и пр. принадлежит к древнейшему пласту греческой религии, запечатлевшей следы промысловых культов¹. Однако, неясно, присутствовали уже в то время силены в сонме низших божеств? Думается, что это более позднее образование, относящееся уже ко времени не становления, но развития общегреческого пантеона. Во всяком случае, подтверждением данного заключения, на наш взгляд, является довольно активное упоминание Силенна или силенов в более поздних источниках (Ксенофонт, Диодор Сицилийский, Вергилий, Овидий, Сенека, Павсаний, Элиан, Нонн и др.).

Однако, если верить Р. Грейвсу, Силен – представитель древних божеств: «...осёл стал животным Крона, которого свергли Зевс и Посейдон, или животным Пана, Силенна и других стародавних пеласгических божков...»².

Силены (гр. Σείληνοί) - божества собственно малоазиатской мифологии, отождествленные греческой драмой с сатирами, от которых они, однако, отличались как по происхождению, так и по демоническим свойствам. Подобно греческим сатирам, малоазиатские силены были изобретателями греческой музыки, а именно сирины и флейты, и спутниками горных нимф³. Близкое отношение силенов к малоазиатской музыке доказывается мифом о Марсии, который в сказаниях называется силеном и богом реки, протекавшей через фригийский город Келены.

В Греции силен также почитался как покровитель источников и гений плодородия, олицетворявшего в Дионисе.

По Павсанию, силенами называют сатиров, достигших преклонных лет: «...есть тут и камень, не очень большой, такой, на котором может усесться маленький человек; говорят, что когда Дионис прибыл в эту землю, то на нем спал силен. Тех из сатиров, которые достигают преклонных лет, называют силенами» (Paus. II).

По происхождению силены связаны с лидийскими и фригийскими сказаниями о Вакхе и были первоначально божествами рек, источников и мест, изобилующих водой и богатой растительностью, в противоположность сатирам - демонам гор и лесов.

Близкое отношение силенов к водной стихии выражается, между прочим, в конских атрибутах их наружности (уши, хвост, ноги, копыта), так как конь - обычный символ в группе водных божеств греческой мифологии⁴. Благодаря своей конской породе силены были родственны также фессалийским кентаврам. Природа силенов представляет собой соединение, с одной стороны, животного, низменного, пьяного веселья и балагурства, с другой - серьезного вакхического восторга, который проявляется в музыкальном творчестве и пророческом экстазе.

В греческих сказаниях о силеннах отразились обе эти стороны демонического характера силенов, хотя, вследствие смешения и слияния с сатирами, силенам приписали больше смешных и животных черт, чем было в их природе; при этом многие атрибуты силенов - например, осел, используемый силеном в качестве транспортного средства⁵, обычный в малоазиатских мифологических представлениях символ пророческого дара, - были извращены в сторону комизма.

Силен может пониматься и как имя собственное. Здесь появляется новое направление в исследовании. Силен вместе с сатирами восходят к грубым горцам северной Греции. Одна из нимф называет Силенна автохтоном или сыном Пана (Nonn. Dionys. XIV, 97; XXIX. 262).

Местом рождения силенна, играющего определенную роль в мифах о Дионисе, считается во многих сказаниях Фракийская Ниса, где он был царём. Здесь он вскормил и воспитал Диониса, которого посвятил во все знания и искусства, научив, между прочим, виноделию и пчело-

водству, и с которым жил в теснейшей дружбе. Воспитатель и кормилец Диониса, он сопровождает его в походах. Сам Силен у Еврипида утверждает, что принимал участие в битве против гигантов на стороне своего ученика Диониса, убив Энкелада и повергая гигантов в панику криками своего старого осла. Однако Силен всегда пьян и потому не может отличить правды от лжи (Eurip. Cycl. 5).

Силен считался отцом кентавра Фола, которого родила одна из ясеневых нимф. Согласно Павсанию, Силен родился на горе Малей (Paus. III. 25.2). Неоднократно упоминается Силен и в мифах о Гермесе, однако не ясно, в каком качестве.

Бог пастухов Пан был местным греческим божеством, аркадского происхождения, тогда как Гермес, несомненно, олицетворение гермы - каменной кучи или каменного столба, служивших в Греции дорожными метками; его и изображали часто в виде каменной стелы с человеческой головой. В качестве покровителя дорог и путников Гермес был божеством торговли, а в мифологии - вестником богов и проводником душ. Но нас в большей степени интересует факт присутствия в образе Гермеса элементов культа пелопоннесского бога скотоводства (Paus. II. 3-4), что, безусловно, в какой-то степени роднит его с Паном и, одновременно, может объяснить наличие сына с чертами домашней скотины - козла, осла, либо лошади.

В свите Вакха Силен, фигурирует как пьяный его спутник; как таковой, он изображается с плешивой головой, толстым животом, волосами на теле, выражением опьянения на лице; он едет верхом на осле, поддерживаемый сатирами. Его изображали также смешивающим вино, или лежащим на меху, или сидящим с флейтой или сирингой. Нередко его окружают другие силены, которые поют, или пляшут, или играют на кифаре.

По сказаниям, силен неохотно делится с людьми знанием будущего: для этого надо его поймать хитростью и силой заставить пророчествовать. Так, Мидас поймал силену в своих садах, смешав воду источника Инна с вином, и напоив допьяна падкого до вина бога. Силен был пойман фракийскими поселянами и отведен к Мидасу, а Мидас 10 дней пировал с ним.

В Македонии показывали место, именуемое Садами Мидаса, где Мидас поймал Силену (Herodot. VIII. 138), подмешав вино в воду источника, из которого тот пил (Xenoph. Anab. I. 2, 13). Попав к царю во дворец, силен, открыл ему сокровенное знание о природе вещей и поведал будущее. Согласно Элиану и Диодору Сицилийскому, Силен, рассказал Мидасу о большом материке, лежащем за пределами обитаемого мира (Aelian. Var. Hist. III. 18; Diodor. Sic. III. 70-71).

Дионис попросил Мидаса отпустить пленника, пообещав выполнить любое желание царя. Мидас пожелал, чтобы все, к чему он прикасался, превращалось бы в золото. Но царь чуть не умер с голоду, ибо пища, которую он брал, мгновенно становилась золотой. Тогда он обратился к Дионису с мольбой; бог велел ему искупаться в источнике, который с той поры стал золотоносным, а Мидас избавился от божественного «подарка»⁶.

С течением времени образ силену претерпевал определенные изменения, именно поэтому достаточно трудно четко идентифицировать данного персонажа греческой мифологии.

Начиная с VI в. до н.э., силену стали изображать в виде человека с лошадиными ушами (например, на вазе Франсуа⁷) и ассоциировать его с Дионисом, иногда считая Силену воспитателем этого бога. Силен почти всегда появляется в состоянии опьянения (как в истории с Мидасом), демонстрируя свою мудрость и большие, часто тайные, знания (например, у Вергилия в шестой эклоге (Verg. Ecl. VI, 15).

С силеном часто сравнивали Сократа - с одной стороны, из-за его непривлекательной внешности, с другой - из-за его божественной мудрости, а один из участников платоновского "Пира", Алкивиад, сравнивает Сократа с глиняной фигуркой силену, устроенной наподобие матрешки - если ее открыть, внутри оказывается фигура бога.

Это сравнение Алкивиада как символ того, что вещи не таковы, какими они кажутся на первый взгляд, часто использовали ренессансные авторы: так, например, Рабле в прологе к "Гаргантюа и Пантагрюэлю" называет силенами маленькие шкатулки, в которых хранятся ценные лекарства и парфюмерия, а знаменитый сборник изречений Эразма Роттердамского известен как "Алкивиэдовы силены".

Таким образом, в данном исследовании мы наметили основные направления разрешения проблемы идентификации образа Силену по материалам греческих письменных источников.

Примечания:

1. Токарев С.А. *Религия в истории народов мира*. М., 1965. – С. 433.

2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. – С. 301.
3. *The Oxford Dictionary of Classical Myth and Religion* / Ed. Em. Kearns, S. Price. Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 421.
4. *Энциклопедия символов* / Сост. В.М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. – С. 879.
5. Грейвс Р. Указ. соч. – С. 301.
6. Там же. – С. 215-218.
7. *Подробнее об этом см.: Hedreen G.M. Silens in Attic Black-figure Vase-painting: Myth and Performance. Ann Arbor: University of Michigan, 1992.*

К ВОПРОСУ О «ПРЕЗРИТЕЛЬНОМ» ОТНОШЕНИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ К ФИЗИЧЕСКОМУ ТРУДУ (НА ОСНОВЕ КОМЕДИЙ АРИСТОФАНА)

В.А. Дюкарев

Белгородский государственный университет

В данной статье рассматриваются представления древних греков о физическом труде. В отечественной историографии закрепилось мнение о презрительном характере физического труда. Однако, благодаря привлечению литературных источников, в данном случае комедий Аристофана, автор демонстрирует необоснованность выводов ряда исследователей. Земледельческий труд занимает весьма высокое место в иерархии трудовой деятельности древнего грека.

Ключевые слова: Древняя Греция, ценности, Аристофан, труд.

TO THE QUESTION ON THE "CONTEMPTIOUS" RELATION OF ANCIENT GREEKS TO PHYSICAL LABOUR (ON THE BASIS OF ARISTOPHANES COMEDIES)

V.A. Dyukarev

Belgorod State University

In given article the representations of ancient Greeks about physical work are considered. In a domestic historiography the opinion on contemptuous character of physical labour was fixed. However, thanks to attraction of references, in this case Aristophanes comedies, the author show groundlessness of conclusions of some researchers. Agricultural work takes rather high place in hierarchy of labour activity of the ancient Greek.

Key words: the Ancient Greece, values, Aristophanes, labour.

Перспективным направлением развития исторической науки сегодня является изучение этнопсихологии и мировоззрения древних обществ, их отношения к внешнему окружающему миру и взаимоотношений внутри социума. Это объясняется тем, что именно данный раздел исторической антропологии позволяет нам понять осознанные (субъективные) и неосознанные (объективные) мотивы деятельности исторических личностей, групп и общества в целом, что, в свою очередь, ещё на один шаг приближает нас к познанию исторического процесса.

Для начала необходимо разобраться, что же такое труд? Практически любой философский словарь определяет труд как целенаправленную деятельность по созданию, распределению и перераспределению материальных ценностей¹.

В своей работе А.Я. Гуревич - автор методологии, составившей основу проведенного нами исследования, рассматривает концепцию труда как конститутивный элемент модели мира в любом обществе. Эта политико-экономическая категория представляют собой вместе с тем и категорию нравственную, и мировоззренческую: труд может получать высокую или низкую оценку, его роль в человеческой жизни может пониматься по-разному². Хозяйственная деятельность - составная часть общественной практики, взаимодействия человека с миром и его творческого воздействия на мир. Она отражает жизненные установки общества, и поэтому реконструкция ценности труда принципиально важна для понимания духовного климата, господствовавшего в древнегреческом обществе.

Историография исследуемой проблемы демонстрирует крайности позиций ряда авторов в отношении оценки труда древними греками. Наиболее распространенными и цитируемыми являются основанные на данных Аристотеля (Pol., VIII, 2, 1) и Платона (Rep. 565 A) высказывания К. Куманецкого и Л. Винничук о неприятии любого физического труда гражданином полиса³. В тоже время, многие авторы (Бурфорд, Картер, Ф.Ф. Зелинский) со ссылкой на Ксенофонта или Гесиода делают вывод о том, что земледелие не только не презирается, но и получает весьма высокое место в иерархии аксиологических ценностей древнегреческого общества⁴.

Для разрешения указанного противоречия мы обратились к источникам различного

вида, прежде всего, к исторической и литературной традиции. Для верификации полученных ранее результатов в основу данного исследования были положены комедии Аристофана. Данные комедии, безусловно, являются менее достоверными с точки зрения исторического факта, однако, именно они позволяют хорошо улавливать общий дух, общее настроение, царившее в обществе или в известной его части, так как главная цель аттической комедии состояла в том, чтобы возбудить веселое настроение зрителя и читателя, что невозможно без «безупречного попадания в его психологию простого человека»⁵. Именно они, на наш взгляд, явились лишённым идеальных структур отражением действительной жизни во всем ее разнообразии, что позволило отойти от тенденциозности аристократической морали (чем страдают источники философской и исторической направленности) и стать отражением ценностей, присущих большинству граждан афинского полиса.

Кроме того, важным аспектом исследования является анализ дефиниций, обозначающих различные виды труда и отношение к ним. Только для обозначения ремесленного труда существует не менее трёх терминов, несущих разную семантическую нагрузку, определяющую отношение к данной категории. Отождествление терминов (которое осуществляют некоторые историки) приводит, на наш взгляд, к некорректным выводам по данной проблеме, ведь, Ж как писал Питер Бёрк, к «интерпретации социального взаимодействия в данном обществе необходимо подходить в терминах норм и категорий самого этого общества»⁶.

То есть, наше исследование лежит в русле этнолингвистики – достаточно нового научного направления, поиски которого осуществляются на стыке изучения языка и культуры⁷. Именно данный подход, благодаря особому предмету изучения, позволяет выявлять сложную связь между использованием того или иного обозначения исследуемой ценности и конкретных обстоятельств его применения, а также даёт возможность проследить специфику данной связи в её диахронном аспекте⁸. Кроме того, в данном случае благодаря использованию методов и приёмов этнолингвистики, посредством изучения повседневного языка, которым изобилуют литературные источники (в отличие от данных философской и, отчасти, исторической традиций), будут обнаружены глубинные основания исследуемых ценностных категорий и отношения к ним в древнегреческом обществе.

В одной из своих комедий Аристофан ясно даёт понять, что торговля и ремесло, как и земледелие, является прерогативой свободных граждан Афин, причём первой в иерархии, безусловно, идёт работа на земле (Рах, 282 слл.):

Эй, пахари, торговцы, люд ремесленный!
Эй, рукоделы, поселенцы, пришлые,
И вы, островитяне, весь народ, сходишь!

О том, что данные виды физического труда имеют различную степень престижности (по крайней мере, в глазах самого Аристофана) повествует дальнейший ход событий комедии, когда, несмотря на несколько совместных попыток, становится ясно, что «одни лишь земледельцы мир нам возратить сумеют» (Рах, 314).

Несколько иную иерархию трудовой деятельности мы встречаем в комедии «Лягушки» (1030 слл.):

Вот о чём мы, поэты, и мыслить должны,
и заботиться с первой же песни,
Чтоб полезными быть, чтобы мудрость
и честь среди граждан послушливых сеять.
Исцелению болезней учил нас Мусей
и пророчествам. Сельскую страду,
Пахотьбу, и посевы, и жатвы воспел Гесиод.
А Гомер богоравный
Потому и стяжал восхваленье и честь,
что прославил в стихах величавых
Битвы, воинский подвиг, оружие мужей.

Несмотря на своё крайне негативное отношение к войне (по крайней мере, к войне Пелопоннесской) Аристофан в данном случае признаёт, что именно труд воинов является наиболее важным и чтимым в Древней Греции. Однако сельское хозяйство следует сразу за ним и находится в иерархии социальных ценностей древнего грека выше труда врачей, целителей и предсказателей (не говоря уже о ремесленном производстве).

Именно крестьянство - αὐτοῦροί - стало основным действующим лицом большинства комедий Аристофана. Кроме того, в источниках в качестве обозначения свободного земледельца часто фигурирует термин γεωργός, переводимый как «крестьянин», «фермер», «человек, обрабатывающий почву». Это слово, обозначающее род занятий, само по себе не говорит о владении землёй.

Фактически это более широкое понятие, нежели αὐτοῦρος. Лидделл и Скотт переводят последнее как «человек, который работает на своей земле самостоятельно (без помощи рабов)»⁹. Практически понятие включало человека, который имел одного или двух рабов; сущность же в том, что он сам должен также работать на земле¹⁰. Именно он – ведущий автаркическое хозяйство небольшой землевладелец-фермер - является для Аристофана главной опорой государства и его политическим идеалом. И лишь земледелие является честным способом накопления материальных средств:

... тот у кого ни сажени земли,
но зато серебро и червонцы
И сокровища скрытые?
... Всё добро ведь стяжал он неправдой (Eccles. 602 слл.)

В данном случае речь, видимо, идёт о торговле, в которой, по мнению Аристофана, невозможно обойтись без обмана и подлости. Однако комедиограф практически не использует образ торговца в своих комедиях, поэтому мы не можем с достаточной степенью истинности реконструировать отношение древних греков к данному виду физического труда.

Что же касается ремесла, то большинство исследователей считает, что розничный торговый и ремесленный труд расценивался как «бесчестный». Даже искусство не было исключением. В конце концов, Фидий и Поликлет являлись лишь мастерами-ремесленниками (утверждают со ссылкой на Плутарха Глотц, Велишский)¹¹. Однако Аристофан демонстрирует некоторую противоречивость в отношении ремесленников. С одной стороны, они по своей социальной роли и значимости труда находятся значительно ниже земледельцев (αὐτοῦρος) (Eccles., 255; Lysist., 430; Nubes, 822), но, в то же время, значительной симпатией у него пользуется хор ахарнских угольщиков — «заскорузлые старики, дубовые, неподатливые, прямые марафонские бойцы, крепкие, как вяз» (Acharn., 180 слл., ср. 696). Он ценит их трудолюбие, силу, твердый характер, незаинтересованность в честолюбивых планах и рискованных предприятиях. Кроме того, ремесленным трудом у него занимаются даже боги (Pax, 212 слл.), а лень является главным пороком (Nubes, 85).

Необходимо отметить, что автор ни разу в своих произведениях не использует обычное для своего времени понятие βίανυσον. Наибольшее распространение оно получает в трудах Аристотеля, Платона и, отчасти, Ксенофонта. Г. Лидделл и Р. Скотт переводят данный термин как «ремесло», «ремесленник» - однако, термин носит уничижительный характер (со ссылкой на Аристотеля добавляют авторы)¹². Аристофан называет своих «ремесленников» не иначе как δέμιουργος (Lisist. 387; Milit. 624). Данный термин обозначает «человека, работающего для других людей» - то есть его труд необходим для всего общества, и потому не может получать исключительно негативную оценку. Судя по терминологии, более низкий статус имеет «женский труд» (прядение и ткачество), обозначаемый Аристофаном как χειροτέχνης или χειροουριάς (Lisist. 672; Plut. 489). Приставка χειρο- является характеристикой ручного труда и применяется обычно для обозначения труда рабов.

По мнению Барфорда, лишь 20% населения Афин имело в собственности землю¹⁴, остальные занимались ремеслом, торговлей или наёмными работами на земле, рудниках, в общественном строительстве. Косвенное подтверждение этому обнаруживает и Аристофан:

Теперь взгляни на зрителей! Написано
У них на лицах ремесло (Pax, 913).

Однако, несмотря на это, не пытаясь угодить толпе, автор всячески подчёркивает, что именно земледелие является важнейшим видом трудовой деятельности, и что именно от земледельца зависит будущее афинской демократии. В своём обращении к судьям соревнования комедиографов Аристофан обращается именно к земледельцам:

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,
Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь.
Первое: когда начнете вы поля свои пахать,
Первым вам мы дождь подарим, а соседям уж потом (Nubes, 450)

По-видимому, труд земледельца находился выше всех остальных видов труда (за исключением войны) в иерархии ценностей большей части греческого общества, в том числе и ремесленников. В таком случае не кажется необоснованным высказывание Барфорда о том, что «независимо оттого, что греки думали или чем занимались, владение землёй и её культивирование никогда не оставались без их внимания. Независимо от равновесия сил и социального престижа в пределах общества, несмотря на то, что они были зафиксированы в его конституции, землевладельцы играли решающую роль в определении политического развития и экономической деятельности Афинского государства»¹⁵. Во многих полисах полные политические права зависели от владения определённым количеством собственности – земли. Даже в Афинах в 403 г., где ничего подобного не существовало несколько поколений, было все еще возможно для Формисия предложить, чтобы статус гражданина, был ограничен теми, кто имел землю и для тех, кто стремиться к этому, если бы предложение было одобрено, чего, однако, не произошло, то лишь пятая или шестая часть граждан сохранили свой статус.

Таким образом, в результате проведённого исследования мы пришли к двум основным выводам. Во-первых, в период творчества Аристофана свободное автаркическое земледелие у большинства греков получает весьма высокое место в иерархии ценностей, а для самого комедиографа именно крестьянство является социальной базой демократического государства. С достаточной долей объективности можно утверждать, что даже в среде работников крестьянский труд рассматривался как более престижный и общественно значимый, нежели ремесленные или торговые занятия.

Во-вторых, для Аристофана, судя по всему, не является уничижительным и ремесленный труд. Для него более бесчестным является человеческая лень и отсутствие стремления работать более честным путём, нежели получать несколько оболов на судебном заседании (*Vespaе*, 794 слл.) или в Народном собрании (*Eccles.*, 547). Автор понимал значение данного труда для существования общества, что выразилось в используемой им терминологии.

Примечания:

1. *Философский словарь: под ред. Г. Мишкоффа. М.: Республика. 2003.*
2. *Гуревич А.А. Категории средневековой культуры. М., 1984. – С. 225.*
3. *Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. – С. 94; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1998. – С. 13-14.*
4. *Burford A. Land and labour in the Greek World. Baltimore and London. 1993. - P. 64.*
5. *Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1982. - С. 182.*
6. *Берк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени (Пер. с англ. Е. Островской и Ю. Кагарлицкого) // НЛО. 1999. №36.*
7. *Harrison K.D. The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge. Boston, 2004. - P. 19.*
8. *Finley M.I. Was Greek civilization based on slave labour // The slave economies. New York, 1973. - P. 19-45.*
9. *Liddell H.G., Scott R.A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940.*
10. *Carter L.B. The Quiet Athenian. Oxford, 1986. - P. 128*
11. *Glantz G. Ancient Greece at Work. New York, 1926; Велишский Ф. История цивилизаций: быт и нравы древних греков и римлян. – М., 2000. – С. 368-369.*
12. *Маринович Л.П. Презирали ли древние греки труд? // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю.В. Андреева. – СПб.: Алетейя, 2000. - С. 116.*
13. *Liddell H.G., Scott R.A. Op. cit.*
14. *Burford A. Land and labour in the Greek World. - P. 287.*
15. *Ibid. - P. 321.*

ИМПОРТ ФАСОССКОГО ВИНА НА БОСПОР В V-IV ВВ. ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ АМФОРНОЙ ТАРЫ)*

М.С. Лужкова

Белгородский государственный университет

Представленная статья посвящена статистическому исследованию объемов импорта вина в амфорной таре в V-IV вв. до н.э. на памятниках античного Боспора. Основными источниками для данной работы являются тарные амфоры и их фрагменты, найденные при археологических раскопках боспорских памятников. Очевидно, что для получения более или менее обоснованной картины динамики им-

порта необходимо привлечение максимально возможного круга памятников. На материалах одного памятника допустимы только выводы локального характера, зависящие от многих причин.

Ключевые слова: фассоское вино, экономика Северного Причерноморья, античный Боспор, импорт вина, керамическая тара.

IMPORT THASOS WINE ON BOSPORUS IN THE 5-4 CENTURY BC (ANALYSIS OF AMPHORAE)

M.S. Luzhkova

Belgorod State University

The purpose of this study is a statistical study of the volume of imports of wine amphora containers in the 5-4 century BC on the monuments of the ancient Bosphorus. The main sources for this work are the amphora tares and fragments found during archaeological excavations of monuments of the Bosphorus. It is obvious that to obtain a more or less coherent picture of the dynamics of imports necessary to attract the greatest possible range of monuments. On the Content of a monument permissible only findings of a local nature, which depend on many factors.

Key words: Thasos wine, the economy of the Northern Black Sea, the ancient Bosphorus, imports of wine, ceramic packaging.

Виноделие на Фасосе было одной из основных отраслей хозяйства, а его важное значение в экономике государства подтверждено находками надписей V в. до н.э., содержащих тексты декретов о регулировании и охране местной торговли вином.

Наиболее ранняя из надписей относится к 448-447 гг. до н.э., но стандартная керамическая тара Фасоса, которая также свидетельствует о мерах регулирования экспорта, изготавливалась там с начала V в. до н.э. Амфоры оставались неклеяемыми.

Одна из них, относящаяся к началу V в. до н.э., обнаружена при раскопках фанагорийского склада в 1948-1949 гг.¹. На основании общего типологического сходства с ранними клейменными образцами и по характеру глины ее относят к группе фассосских амфор.

Источники вполне определенно свидетельствуют о широкой известности фассосских вин по всему Средиземноморью с рубежа VI-V вв., что заставляет предполагать наличие масштабной торговли этим товаром уже с этого времени. Относительно недавно были локализованы и некоторые серии фассосской керамической тары V в. до н.э., в частности, «николери», «джонсон», «ворота Силена» и др.².

С одной стороны, фассосский амфорный материал, обнаруженный во многих Причерноморских регионах, не только прошел первичную обработку, но его анализ позволил выявить для некоторых центров (Истрии, Каллатиса, Херсонеса, Елизаветовского городища) общие закономерности поступления на их рынки фассосской продукции в керамической таре.

С другой стороны, до настоящего времени не проведено даже упорядочение клейменого материала, зафиксированного на Фасосе. Между тем, условия для успешной работы в этом направлении сложились уже относительно давно.

В середине 50-х гг. А.М. и А. Бон издали свод фассосских клейм, основу которого составили более 1800 оттисков, обнаруженных на самом острове. В 50-70-е гг. были оформлены первые, охватывающие весь период клеймения тары на Фасосе хронологические схемы. Естественно, следующим шагом должен был стать анализ распределения клейм этого центра во времени и пространстве. Показательно, что в вышедшей в кон. 70-х гг. обширной статье М. Дебидура, посвященной фассосским клеймам, содержится красноречиво названный параграф «Размышления о распределении находок клейм». Однако, автор, приведя несколько примеров распространения оттисков одного типа и сославшись на опыт нумизматов, приходит к неутешительному выводу, что из-за неполноты накопленного материала еще рано переходить к более широким обобщениям.

Среди керамической тары V в. до н.э. выделяется несколько типов амфор разных по форме, но сходных по деталям профилированных частей и по характеру глины. Они одновременно амфорам Фасоса V в. до н.э. биконической формы, локализация которых надежно установлена, благодаря сходству их с позднейшим местным типом клейменных амфор.

Одновременно с биконическими выпускались маленькие амфоры протофассосского типа, а также амфоры с широким корпусом, венец и ножка которых напоминает профилировку ранних фассосских изделий и амфоры, украшенные резным пояском на горле, по форме тулова близки к типу современных им биконических.

Скудость источников не позволяет нам с достаточной определенностью судить о месте производства всех этих сосудов, за исключением изделий Фасоса, поэтому И.Б. Зеест объединяет условно несколько групп амфор в «круг Фасоса», подразумевая принадлежность их нескольким, близко расположенным к нему центрам. Таковыми могли быть Менде, Тарона и островные города северного района Эгейского моря.

Амфора, современная раннему типу биконических фассосских, найдена в погребении Мирмекия рядом с другой амфорой, а также с чернофигурным лекифом второй четверти V в. до н.э.³ Глина светлокорицевого, заметны включения блесков слюды. У сосуда широкий корпус с округлыми плечами, невысокая цилиндрическая массивная ножка с конусовидным углублением на подошве, низкое горло с небольшим венцом, плоско срезанная поверхность которого напоминает форму фассосских амфор. Высота амфоры равна 0,58 м, диаметр - 0,34 м.

Близкая по форме амфора находится в Керченском музее. Высота ее 0,61 м, ширина плеч 0,34 м. У нее такой же плоско срезанный венец и цилиндрическая ножка с глубокой выемкой на подошве.

Амфоры с широким корпусом на низкой цилиндрической ножке выпускаются и в IV в. до н.э. Их форма меняется, но незначительно: корпус становится яйцевидным, а венец, плоско срезанный в V в. до н.э., имеет вид небольшого полувалика.

Наиболее твердую дату имеет погребение близ с. Журовка, где такая амфора найдена вместе с фигурным лекифом IV в. до н.э.⁴ Высота ее 0,68 м, диаметр 0,34 м. Горло низкое, слегка смятое со стороны ручек, несет небольшой, чуть округлый венец. На плечах под ручками ямки, сделанные пальцем. Ножка короткая, цилиндрическая, несколько расширена к низу; диаметр равен 3,5 см, края подошвы слегка скошены к центру, где имеется маленькое углубление.

У амфор подобного типа ножка имеет иногда большее углубление на подошве, но форма ее неизменна, как у вышеприведенных.

Журовская находка, по-видимому, является продукцией того же центра, что и сосуды с широким корпусом V в. до н.э., относящиеся к кругу Фасоса.

В IV в. до н.э. импорт фассосского вина на Боспор значительно возрос. Это совпадает с началом выпуска клейменной керамической тары.

Б.Н. Граков выделил группу ранних фассосских клейм с изображением Геракла стрелка, содержащих в легенде имя Аристомена. Он датирует их 370 г. до н.э., по аналогии с монетным чеканом Фасоса, и связывает с началом клеймения керамической тары этого центра⁵.

Наиболее ранние клейменные биконические амфоры отличаются от аналогичных фассосских V в. до н.э. и позднейших типов строгим и неизменным соотношением частей: ширина плеч равна высоте верхней части сосуда, которая составляет 2/5 от вертикального размера всего сосуда; он обычно достигает 68-70 см; плечи в поперечнике равна 28-30 см; высота нижней части амфоры 40 см.

Клейма, встреченные на амфорах этого типа, относятся к наиболее ранней группе. Ставились клейма в разных местах: на одну и обе ручки, иногда на горло.

Чернолаковый килик IV в. до н.э. из Пантикапейского кургана, ручки которого приподняты до уровня края сосуда и изогнуты под прямым углом из трех арибаллических лекифов этого комплекса относится к типу сетчатых с вытянутыми тюльпановидными венцами. Такие лекифы постоянно встречаются не ранее второй половины IV в. до н.э. Форма чернолаковой солонки с вытянутыми стенками также характерна для IV в. до н.э. Таким образом, наиболее позднюю дату этого комплекса дают сетчатые лекифы. Очевидно, в могилу была положена амфора более раннего времени или погребение с сетчатыми лекифами сделано позднее, чем основное захоронение с амфорой.

В комплексе кургана совместно с двумя фассосскими амфорами находились поножи, а также греческий шлем, чешуйчатый панцирь, черпак и бронзовые наконечники стрел. Поножи с архаичным изображением головы медузы не могут быть датированы ранее IV в. до н.э. Наконечники стрел различны, но среди них имеются формы, которые широко применялись и в IV-III вв. до н.э.

Раскопки в Северном Причерноморье дают обширный материал для изучения фассосской тары. Как уже было отмечено, наиболее ранний неклеяемый тип ее биконической формы появился в V в. до н.э. Биконические формы на Фасосе продолжают существовать в последующее время и на протяжении IV-III вв., и нач. II в. до н.э., являясь основной формой фассосской клейменной тары.

С течением времени этот тип амфор несколько видоизменился, и поэтому среди фасосских биконических амфор можно различить формы, преобладавшие в IV в. до н.э., в IV – нач. III в. и в III – нач. II в. до н.э. Кроме них существовали и другие фасосские типы, но они были распространены значительно меньше.

Примечания:

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект «Выявление закономерностей развития экономической системы Раннего Боспора» (МК-1132.2010.6). Руководитель проекта – канд. ист. наук С.Н. Прокопенко.

1. Кобылина М.М. Фанагория. М., 1989. – С. 234.

2. Монахов С.Ю. О фасосском импорте первой половины V века в Северное Причерноморье // Древнее Причерноморье. Одесса, 1996; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. Саратов, 1999.

3. Кругликова И.Т. Раскопки древнего Киммерика // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. – С. 62.

4. Бобринский А.А. Отчет о раскопках близ с. Журовка и Капитоновки в 1904 году // ИАК. №17. 1905. – С. 79.

5. Граков Б.Н. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли / Архив ИА РАН.

РЫБОЛОВСТВО РАННЕГО БОСПОРА ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ*

Е.В. Репина, С.Н. Прокопенко

Белгородский государственный университет

Статья посвящена проблеме изучения рыболовства Раннего Боспора по нумизматическим источникам. Главным содержанием статьи является описание монет с изображением рыб семейства осетровых, датированных кон. V – кон. IV в. до н.э. Именно в этот период рыболовство Боспора достигло своего расцвета и начало играть важную роль в экономике государства.

Ключевые слова: Ранний Боспор, рыболовство, рыба, монеты.

THE FISHING OF EARLY BOSPORUS IN NUMISMATIC SOURCE.

E.V. Repina, S.N. Prokopenko

Belgorod State University

This article is devoted to problem of research the fishing of Early Bosporus in numismatic source. The main conclusion of the article is description of coins with fish's image of the sturgeon family, dating to the late V - to the late IV cent. BC. Exactly in that period the fishing of Bosporus reached its bloom and started to play important role in economic of the state.

Key words: Early Bosporus, fishing, fish, coins.

Рыболовство являлось традиционным занятием жителей Северного Причерноморья с древнейших времен. Информация о рыбных богатствах региона содержится в ряде письменных источников. Многочисленные археологические материалы свидетельствуют о широком употреблении в пищу морских продуктов местным населением. Уже на раннем этапе развития греческих колоний Керченского пролива рыболовный промысел стал важной отраслью хозяйственной жизни местного населения. В это время произошла специализация рыболовных орудий, технических приемов добычи и переработки¹.

Нумизматический материал применительно к изучению рыболовства Раннего Боспора интересует нас в первую очередь как изобразительный источник. Мы полностью отдаем себе отчет, что монеты и изображения на них - самый неоднозначный и сложный для интерпретации материал. В отечественном антиковедении рассматриваемая нами проблема за исключением работы В.Ф. Столбы² специального не изучалась.

Интерес для нашего исследования представляют серебряные монеты Пантикапея кон. V в. до н.э. и бронзовые монеты кон. IV – нач. IV в. до н.э. с изображением рыбы (см. табл.1). Если подвергнуть визуальному анализу представленные изображения рыбы, то становится ясным, что на монетах фигурирует один и тот же вид рыбы, несомненно, - это рыбы семейства осетровых. Осетровые в античный период изобиловали на Боспоре и являлись, по-видимому, ценным объектом промысла; об этом свидетельствует сообщение Страбона о местных осетрах,

достигавших размеров дельфина (Strabo. VII. 3.18, 6.2), тогда как в Средиземном море осетровые встречаются очень редко, а также данные археологии и лингвистики. Так один из рукавов кубанской дельты (Ἀττικίτης) равно как и два восточных притока Меотиды по соседству (Большой и Малый Ῥομβίτης) носили в античности греческие названия, производимые от обозначения осетра и камбалы³.

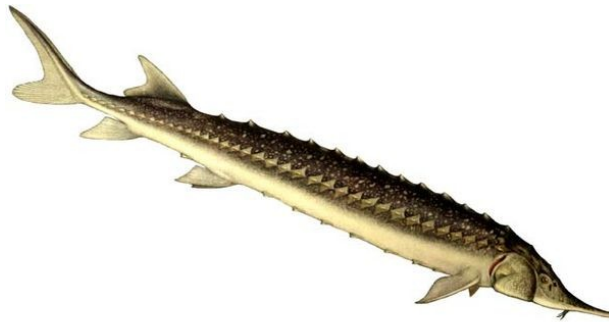
Табл.1. Монеты Пантикапея с изображением осетровых.

1		Пантикапей рубеж V-IV вв. до н.э. Л.с. Голова льва в фас. О.с. ΠΑΝΤΙ голова барана влево, внизу осетр. Серебро. Драхма. Вес 5,06	<i>Зограф, 1951. Табл. XXXIX. №35.</i> <i>Анохин, 1986 №67.</i> <i>SNG BM Black Sea 852.</i>
2		Пантикапей рубеж V-IV вв. до н.э. Л.с. Голова льва в фас. О.с. ΠΑΝΤΙ голова барана влево, внизу осетр. Серебро. Диобол Вес 1,75.	<i>Зограф, 1951. Табл. XXXIX. №36.</i> <i>Анохин, 1986 №68.</i> <i>SNG BM Black Sea 853.</i>
3		Пантикапей рубеж V-IV вв. до н.э. Л.с. Голова льва в фас. О.с. ΠΑΝΤΙ голова барана влево, внизу осетр. Серебро. Гемнибол Вес 0,35	<i>Зограф, 1951. Табл. XXXIX. №37.</i> <i>Анохин, 1986 №69.</i> <i>SNG BM Black Sea 854.</i>
4		Пантикапей нач. IV в. до н.э. Л.с. Голова бородатого сатира в венке влево. О.с. ΠΑΝ голова осетра вправо. Медь. Лепта (?) Вес 1,12.	<i>Зограф, 1951. Табл. XL. №28.</i> <i>Анохин, 1986 №81.</i>
5		Пантикапей кон. IV в. до н.э. Л.с. Голова бородатого сатира вправо. О.с. ΠΑΝ Протома грифона влево, внизу осетр. Медь. Тетрахалк. Вес 6,60.	<i>Зограф, 1951. Табл. XL. №18.</i> <i>Анохин, 1986 №111.</i> <i>SNG BM Black Sea 869-871.</i>
6		Пантикапей нач. III в. до н.э. Л.с. Голова безбородатого сатира в венке влево. О.с. ΠΑΝ Голова льва влево, внизу осетр. Медь. Тетрахалк. Вес 6,93	<i>Зограф, 1951. Табл. XL. №2.</i> <i>Анохин, 1986 №125.</i> <i>SNG BM Black Sea 883-885.</i>

Проблемы возникают в определении вида рыбы; у исследователей нет единого мнения на этот счет. Например, А.Н. Зограф иногда называет их рыбами семейства осетровых, иногда стерлядью. Д.Б. Шелов был склонен видеть здесь русского осетра. По мнению В.Ф. Столбы, тут изображены севрюга или звездный осетр⁴ (см. рис.1). Мы, пожалуй, согласимся с доводами В.Ф. Столбы. Отличительный признак для определения вида рыбы - это ее длинная морда (см. табл.1 №4), и узкое тело (см. табл.1 №1-3, 5-6), которые отлично видны на хорошо сохранив-

шихся экземплярах. Кроме того, отметим, что севрюга преобладала в ихтиофауне Боспорского царства. Археологические данные свидетельствуют, что основными промысловыми видами в рассматриваемый период являлись крупные рыбы, обитавшие в пресной или слабосоленой воде (осетры, севрюга, стерлядь, сазан, судак, сом, лещ, тарань и др.). В меньшей степени добывались типично морские виды: например, камбала-калкан⁵. Так в находках из Пантикапея, проанализированных В.Д. Лебедевым и Ю.Е. Лапиным, относящиеся к II в. до н.э., севрюга занимает первое место (12,8%), русский осетр – второе (10,2%), стерлядь – третье (7,7%). В находках из Фанагории севрюга – первое (30,8%), русский осетр – второе (22,2%)⁶. Таким образом, севрюга являлась основным промысловым видом рыбы, тогда как сейчас она занесена в Красную книгу России.

Рис. 1. Севрюга (семейство осетровых)

Отметим еще одну особенность рассматриваемых нами монет: все они пантикапейской чеканки. Название свое столица Боспора получила от имени реки Пантикапа. Этот гидроним В.И. Абаев истолковывал по аналогии из современного осетинского языка как иранский композит со значением «рыбный путь» (авест. *rantī* – путь и *кара* – рыба)⁷. Исходя из вышесказанного, ученые предположили, что изображения осетра на монетах являются визуальным обозначением Пантикапейского полиса. Но это предположение более чем спорно. Становится совершенно непонятно, зачем тогда параллельно с изображением севрюги размещать на монетах буквенное обозначение места чеканки – ПАН или ПАНТИ. Мы полагаем, что правы те исследователи, которые полагали, что отдельные типы монет могут быть связанными с местными ресурсами для обеспечения конкретного города или региона⁸. Д.Б. Шелов пишет, что лев и грифон появляются на монетах, чтобы выполнять защитную функцию, а зерно и рыба были основными предметами торговли. Греки верили, что грифон охраняет золото на северных окраинах. Д.Б. Шелов рассматривая все виды монет, писал, что эти изображения, несомненно, указывают на богатство Боспора рыбой и на важность рыболовства в экономике страны.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: находки монет с изображением рыбы говорят о том, что в V-IV вв. до н.э. рыболовство Раннего Боспора не только достигает своего расцвета, но и начинает играть важную роль в экономике государства. Изображения на монетах севрюги или звездного осетра можно связывать с началом систематического экспорта рыбы в кон. V – нач. IV в. до н.э., когда складываются наиболее благоприятные условия, и на его возможность прямо и косвенно указывают письменные источники (Dem. XXXV. 32, 34; Pol. III. 38.4) в то время как VI в. до н.э. практически исключает эту возможность, а V в. до н.э. весьма ограничивает¹⁰.

Примечания:

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект «Выявление закономерностей развития экономической системы Раннего Боспора» (МК-1132.2010.6). Руководитель проекта – канд. ист. наук С.Н. Прокопенко.

1. Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов. // *Древности Боспора*. №.1. М., 1998. - С. 186.

2. Stolba V.F. *Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing* // *Black Sea Studies*. Vol.2. *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region*. Aarhus, 2005. - P. 115-132.

3. Шрам Г. *Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках*. М.: Eastern Communications, 1997. – С. 115.

4. Stolba V.F. *Op. cit.* - P. 122-123.

5. Марти Ю.Ю. Раскопки городища Китея в 1928 г. // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Т.III(60). - С. 130.
6. Лебедев В.Д., Ланин Ю.Е. О рыболовстве в Боспорском царстве // *МИА*. №33. М., 1954. - С. 205, 208, 213.
7. Абаев В.И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т.1. М., 1958. - С. 183-189.
8. Stolba V.F. *Op. cit.* - P. 115.
9. Shelov D.B. *Coinage of the Bosphorus, VI-II centuries B.C.* // *BAR. International series 46*. Oxford, 1978. - P. 87f.
10. См. подр.: Прокопенко С.Н., Репина Е.В., Красникова Е.А. К вопросу о рыбном экспорте раннего Боспора // *Боспорские чтения*. Вып. XI. Керчь, 2010. - С. 369-373.

**О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛА НЕКРОПОЛЕЙ:
ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

С.М. Гаврилюк

Донецкий национальный университет

В статье рассматривается состояние и возможности реконструкции социальной структуры Боспорского царства на основе материала некрополей. Автор сделал попытку выделить основные периоды и тенденции исследования темы на современном этапе.

Ключевые слова: реконструкция социальной структуры, некрополь, Боспорское царство, проблемно-историографический обзор.

**THE RECONSTRUCTION OF SOCIAL STRUCTURE OF BOSPORUS KINGDOM ON THE
BASIS OF NECROPOLFE: PROBLEM-HISTORIOGRAPHICAL REVIEW**

S.M. Gavrilyk

Donetsk Nationality University

The article tells us about historiographical review of problem character. It is devoted to the question of reconstruction of the social structure of Bosphorus kingdom on the basis of necropolfe. The author tries to show the basic periods and tendencies of researched problem in our days.

Key words: reconstruction of the social structure, necropolfe, Bosphorus kingdom, historiographical review.

Материал из погребений является одним из основных археологических источников, анализ которого даёт возможность реконструировать широкий спектр вопросов относительно истории общества, оставившего могильные памятники. В частности, это касается вопроса о социальной структуре и социальных отношениях. Следует сказать, что особо значимым этот тип археологических источников является тогда, когда их либо недостаточно, либо отсутствуют данные письменной традиции.

Суть социального аспекта в погребальном обряде заключается в связи захоронения умершего с различными сторонами социальной системы и, в частности, статусом индивида внутри данного общества. Социальная система включает понятия социальной структуры и социальных отношений. Под термином социальная структура большинство исследователей понимают, а автор статьи разделяет их точку зрения, следующие положения: единицей, или составляющей, социальной структуры является человеческое существо как личность, которая занимает в социальной структуре определенную позицию. Социальную структуру обуславливает сеть социальных отношений (половозрастных, семейно-брачных, ранговых, имущественных, профессиональных, ритуально-религиозных и т.д.). Они представляют собой не случайное соединение индивидов, но определяются социальным процессом. Любые отношения характеризуются тем, что поведение людей при взаимодействии друг с другом регулируется нормами, правилами и эталонами¹.

Исследователями погребального культа отмечено, что в похоронном обряде находят отражение следующие составляющие социальной структуры: «социальная личность» (статус индивида), социальные отношения, условия и место смерти, состав и величина социальной группы, выражающей в обряде свое отношение к умершему².

Исследование структуры и социальных отношений в боспорском обществе - один из ключевых моментов в изучении истории Боспора. Актуальность темы обусловлена тем, что реконструировать и исследовать социальную структуру и социальные отношения боспорского общества представляется возможным, только используя массовый археологический материал погребений.

Автор в данной работе делает попытку рассмотреть состояние изученности темы, применяя аналитический, проблемный и хронологический подходы.

Вопрос о возможности реконструкции социальной сферы на основе материала боспорских некрополей неоднократно привлекал внимание исследователей. Историография данной темы представлена такими основными направлениями: разработка теоретических и методических основ анализа и интерпретации погребальных обрядов древности, а также понятийного аппарата; выявление отдельных составляющих социальной структуры, либо попытки комплексного её исследования на основе материалов некрополей (статус индивида в обществе, его имущественное, ранговое положение, место, занимаемое в половозрастной структуре, религиозная принадлежность и др.); исследование социологической информативности отдельных составляющих погребального памятника (погребальные конструкции, погребальный инвентарь и т.п.).

Но говорить о серьезной разработке проблемы можно лишь с середины XX в., и к настоящему времени в историографии данной темы можно выделить три периода.

I период (40-е - сер. 80 гг. XX в.). Одной из первых работ, в которой автор касается социального аспекта, отраженного в материалах некрополей боспорских городов, является монография В.Ф. Гайдукевича «Боспорское царство». В разделе «Боспорские некрополи» автор обращает внимание на то, что «состав и количество вещей в могилах варьируются в зависимости от различных причин... прежде всего это зависело от материального состояния умершего»³. Погребения богатых людей и знати содержали дорогие вещи и были представлены «сложными» погребальными конструкциями, а в могилах рядовых граждан или бедняков погребальный инвентарь представлен «небольшим количеством самых дешёвых вещей, или он вовсе отсутствовал»⁴. Однако отметим, что В.Ф. Гайдукевич не ставил своей целью специальное рассмотрение данного вопроса, поэтому лишь вскользь упоминает о нём.

Этот период характеризует значительное количество публикаций материалов раскопанных некрополей. В ряде статей, посвящённых преимущественно описанию результатов раскопок некрополей, богатым захоронениям или особым находкам, авторы делают попытку в общих чертах охарактеризовать социальное положение отдельных лиц или слоев. В основном их выводы сводятся к следующим утверждениям: если погребальный инвентарь представлен относительно большим количеством вещей или они «дорогие», значит это погребение богатого (знати), вещей мало или инвентарь отсутствует - бедного (простого общинника); в богатых подкурганых склепах хоронилась греческая или эллинизированная варварская знать, а в простых грунтовых могилах – рядовое население Боспора⁵.

Таким образом, на данном этапе ещё нет работ специально посвящённых рассматриваемой тематике. Преимущественно исследователи упоминали о имущественной и половозрастной составляющих социальной структуры.

II период (2-я пол. 80-х - 90-е гг. XX в.). Данный период охарактеризовался появлением ряда работ, специально посвящённых погребальным обрядам древних обществ. Кроме того, в археологии начала выделяться специальная дисциплина - "тафология" или "археология смерти", изучающая возможности исторических реконструкций на основе погребений, как типа археологических источников⁶. Одним из главных достижений этого направления является разработка теоретических и методических подходов к анализу и интерпретации погребальных обрядов древности, главным образом эпохи раннего железного века⁷. Также в рамках этой дисциплины был разработан понятийный аппарат. Например, было уточнено значение понятия социальная структура общества, выявлены различия между понятиями «погребальный обряд» и «погребальный памятник», и т.д.⁸

В рамках этого периода разрабатывается направление по реконструкции и исследованию социальной структуры в целом либо отдельных её составляющих на основе материалов некрополей⁹.

Следует отметить работу Е.А. Савостиной, посвящённую исследованию боспорских склепов. Исследователь считает, что «наиболее важные особенности государственного, общественного устройства, а также политический статус умершего отражены в связанных с погребе-

нием пространственных формах т.к. любое погребение уже каким-то образом организует пространство, в котором располагается»¹⁰. Также Е.А. Савостина рассматривает представления населения Боспора о смерти и бессмертии в архитектуре и росписи склепов¹¹.

Необходимость более объективного анализа материалов о погребениях, увеличение количества материала некрополей с одной стороны и развитие технических возможностей – с другой обусловили появление нового подхода (статистико-формализационного) для анализа материала из погребений. Суть его заключается в том, что данные о некрополях и погребениях раскладываются по большому числу формальных признаков, заносятся в компьютер и с помощью различных математических и статистических методов проводится их обработка, выявляются закономерности, связи между признаками и т.д., а далее производится аналитический анализ полученных результатов¹². Следует отметить, что данное направление требует дальнейшей разработки и усовершенствования. Ведь, при корректном использовании этих методов их возможности еще далеко не исчерпаны.

Таким образом, в рамках данного периода рассматриваемая тематика получила теоретическую и методологическую разработку, был разработан и понятийный аппарат. Появляются работы, посвященные исследованию возможностей социальных реконструкций по материалам погребений, на примерах отдельных обществ. Наряду с другими составляющими социальной системы рассматривается и религиозный аспект.

III период (кон. 90-х - нач. XXI в.). Начинается качественно новый этап. Появляются фундаментальные работы, в которых привлекается более обширный, по сравнению с работами предыдущего этапа, археологический материал. Данные исследования базируются на научных достижениях предыдущих периодов, учитывая использование математических и статистических методов, компьютерных технологий и т.п. Продолжается разработка теоретических и методологических аспектов. В частности, разрабатывался вопрос о погребальном обряде как части культуры общества, а также функциях погребальных обрядов по отношению к социальной структуре¹³.

Среди ряда исследований данного периода обращают на себя внимание несколько работ. Одна из них - диссертационное исследование И.Е. Смирновой «Социальные отношения и социальная структура в Боспорском царстве (I в. н.э. - сер. III в. н.э.)»¹⁴. Автор даёт на основе анализа погребений боспорских некрополей характеристику имущественного и социального положения всех слоев боспорского общества. При помощи количественных и статистических методов автор рассматривает вопрос о дифференциации общества, выделяет отдельные слои населения, определяет уровень стратификации городских и сельских поселений в первые века н.э.

Большое внимание И.Е. Смирнова и Л.Г. Шепко уделяют разработке критериев отбора признаков погребальных комплексов. В результате исследования была создана компьютерная база данных, которая включает более 1000 погребений некрополей Пантикапея, Нимфея, Гор-гиппии и сельского поселения Золотое. Также был проведен половозрастной анализ населения городских и сельских некрополей. Он позволил охарактеризовать имущественное и социальное положение взрослых и детей, мужчин и женщин¹⁵.

Другое диссертационное исследование Н.И. Сударева «Грунтовые некрополи боспорских городов VI-II вв. до н.э. как исторический источник» посвящено комплексному исследованию боспорских некрополей с позиций их исторической информативности¹⁶. С точки зрения реконструкции социального аспекта по материалам некрополей данная работа представляет интерес в первую очередь тем, что в ней впервые рассматривается погребальный обряд, по которому хоронили детей в различных городах, и как самостоятельная группа рассматриваются детские погребения. Данное исследование ставит вопрос о возможности разных обрядов для различных возрастных групп в греческих некрополях Боспора.

Также рассматривая в работе элементы погребального инвентаря, Н.И. Сударев делит его на различные группы, выясняя его значение для умерших, связь с различными взглядами на посмертное существование. Благодаря такому подходу мы имеем возможность по-иному взглянуть на религиозные воззрения греков, связанные с погребальными обычаями и на связь инвентаря погребений с этими взглядами.

В данной работе была использована ИПС «Боспор». При подготовке базы данных были разработаны некоторые методы работы с погребальными Боспора, по возможности были формализованы различные признаки. В результате было выделено более 500 различных признаков.

Таким образом, в данный период продолжается изучение истории Боспорского царства. Разрабатываются методологические основы археологических интерпретаций. Новые методы позволяют разрабатывать вопросы классификации и терминологии. Археологический материал систематизируется и анализируется с помощью компьютерных баз данных. Появляются обобщающие работы, в которых проводится сравнение между собой некрополей Боспора. В большей или меньшей мере уделяется внимание большинству составляющих социальной структуры.

Следует отметить, что социальное направление в изучении некрополей Боспора невозможно рассматривать без учёта этнического фактора. Это обуславливается тем обстоятельством, что Боспорское государство в течение длительного времени взаимодействовало с местным населением, что оказало непосредственное влияние на социальные отношения и структуру общества¹⁷.

Итак, в результате проблемно-историографического обзора вопроса о возможности построения социальных реконструкций на основе материалов некрополей, автор пришёл к выводу, что различные составляющие социальной структуры, которые находят своё отражение в погребальном обряде разработаны не в равной мере. Так, наиболее исследованными являются имущественная и ранговая составляющие. Но, в то же время, почти не уделялось внимание религиозному и профессиональному аспектам.

Важнейшими проблемами, разрабатываемыми на современном этапе исследования, продолжают оставаться проблемы социальной дифференциации в целом и по отдельным регионам:

- разработка теоретических и методологических основ проведения социологических интерпретаций по данным боспорских некрополей;
- исследование религиозной составляющей в погребальном обряде;
- выявление региональных особенностей погребального обряда путём сравнения между собой некрополей Боспора;
- обобщение и систематизация постоянно растущего объема археологического материала.

Погребальный обряд, встречающийся в боспорских некрополях, не является однообразным, монолитным. Это обуславливается тем, что совокупности погребальных действий организовывались каждый раз особо, в зависимости от имущественного, половозрастного, профессионального, этнического, ритуально-религиозного и ряда других признаков, а также причин и места смерти. Таким образом, каждое погребение, фактически, производилось по отдельному обряду. Поэтому только комплексное рассмотрение всех составляющих социальной системы, которые отражаются в погребальном обряде, может дать наиболее полное представление о социальной структуре и социальных отношениях в Боспорском царстве.

Примечания:

1. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. - С. 17.

2. Гуляев В.И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии. // КСИА. Вып.201. М., 1990. - С.104.

3. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. - С. 238.

4. Там же. – С. 238-239.

5. Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. №19. М., 1951. - С. 226; Кобылина М.М. Раскопки "Восточного" некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. №19. М., 1951. - С. 240; Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. №57. М., 1956. - С. 111; Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. №56. М., 1957. - С. 242-244, 227; Максимова М.И. О дате Артюховского кургана // СА. №3. М., 1960. - С. 58; Болтунова А.И. Курганный погребение IV ст. до н.э. под Керчью // СА. №1. М., 1971. - С. 171.

6. Гуляев В.И. Указ. соч. – С.104.

7. Смирнов Ю.А., Тендрякова М.В. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд // КСИА. Вып.201. М., 1990. - С. 68-73; Мельник В.И. Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. Вып.201. М., 1990. - С. 73-77; Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // РА. 1993. №1. - С. 76-77; Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. №1. - С. 78-93; Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. 1993. №1. - С. 94-97; Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в

дискуссию, часть II) // РА. 1995. №2. - С. 84-85; Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2. - С. 85-93.

8. Ольховский В.С. Погребальная обрядность... - С. 86-88.

9. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. - М., 1961. - 94 с.; Корпусова В.Н. Некрополь у с. Золотое. К., 1983. - 181 с.; Дьячков С.В. Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первых веках н.э. // Вестник Харьковского университета. №316. Вып.22. История. Харьков, 1988. - С. 74-80; Плетнёва С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. 1995. №2. - С. 160-172.

10. Савостина Е.А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. М., 1990. - С. 237-238.

11. Там же.

12. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.

13. Мышкин В.Н. К проблеме взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья: Сб. статей. Вып.1. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. - С. 270-288.

14. Смирнова И.С. Соціальна структура та соціальні відносини в Боспорському царстві (I ст. н.е. - сер. III ст. н.е.) // Автореф. дис. канд. іст. наук (спеціальність 07.00.02). Донецьк, 2004. - 20 с.

15. Шенко Л.Г. Социально-экономическая структура Боспора (I - сер. III в. н.э.) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1989. - 22 с.; Шенко Л.Г. Некрополи Боспора: опыт количественного анализа // Політологічні та історичні дослідження. №3/4 (15/16). Донецьк, 2003. - С.45-52; Шенко Л.Г., Смирнова И.Е., Смирнова Т.В. Опыт корреляционного анализа некрополей Боспора // Політологічні та історичні дослідження. №1(19). Донецьк, 2004. - С.112-119.

16. Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI - II вв. до н.э. как исторический источник // Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2005. - 384 с.

17. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М.: Наука, 1981. - 124 с.; Шенко Л.Г. Социально-экономическая структура... - 22 с.; Шенко Л.Г. О связях Боспора с южным Понтом в первые века нашей эры // Межвузовский сборник научных статей "Античность Европы". Пермь, 1992. - С. 61-66.

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА: МЕТОДЫ ПЕРЕДАЧИ В ПИСЬМЕННОЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ БОСПОРА*

Е.А. Красникова

Белгородский государственный университет

Данная статья посвящена рассмотрению темы человека на Боспоре, его чувств и эмоций. Основная поставленная нами задача – изучение методов передачи эмоционального состояния людей в местной письменной и изобразительной традиции Боспора. Эпитафии путем словесного искусства передают нам не только глубокую скорбь, но и межличностные отношения. В свою очередь ваятели, чтобы выразить свой замысел, передать чувства и настроения героев, применяли художественные приемы, допустимые каноном, выявленные нами своего рода «идеологические стереотипы». Используемые нами методы античной физиогномики позволили составить представление не только о внешности, но и о мировоззренческих вопросах жизни боспорян, а также показали состоятельность и универсальность применения данной методики для интерпретации изобразительных источников других регионов и исторических периодов.

Ключевые слова: Античность, Боспор, некрополь, эпитафия, погребальная стела.

FEELING AND EMOTIONS: METHODS TO A WRITTEN AND PICTORIAL TRADITIONS OF BOSPORUS

E.A. Krasnikova

Belgorod State University

This article is devoted to the theme man on the Bosphorus, his feelings and emotions. The main task we have set ourselves - to study methods of transmission of the emotional state of people in the local written and pictorial traditions of the Bosphorus. Epitaph by verbal art give us not only deep sorrow, but also interpersonal relationships. In turn, sculptors, to express his intentions, to convey feelings and moods of the characters, have used artistic techniques allowed canon, we identified a kind of "ideological stereotypes." The methods we used

ancient physiognomy provided a picture not only of appearance but also the philosophical questions of life of Bosporians, but also showed the consistency and universality of application of this methodology for the interpretation of visual sources from other regions and historical periods.

Key words: Antiquity, Bosporus, cemetery, epitaph, funeral stele.

Людей, равнодушных к миру чувств и к собственной жизни, встретить трудно. И то, и другое волнует сегодня очень многих, если не всех и каждого. Вряд ли когда бы то ни было в прошлом было совсем иначе. Частная среда и формы взаимоотношений внутри нее имеют поэтому огромное значение для понимания своеобразия человека любой эпохи прошлого, так же, как и для понимания нашего собственного своеобразия.

Непросто добиться продуктивного рассмотрения эмоциональной жизни в рамках социальной истории в целом. Анализ мира чувств вообще, и тем более, анализ его истории, крайне сложен. Занимаясь изучением эмоционального состояния людей на Боспоре, мы условно обозначили для себя две основные проблемы: это методы передачи чувств боспорскими мастерами и методологические подходы для изучения нами данного вопроса. В числе методологических сложностей следует назвать переход от отдельных случаев, исследовавшихся нами, к обобщениям. Тесно связанный с нерешенными проблемами исторического синтеза, этот переход предполагает специальный анализ путей интеграции микро- и макроистории. Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. «Человек страдающий» и «человек любящий» - едва ли не важнейшие феномены в истории создания высших нравственных идеалов человечества, и интерес к ним более чем оправдан.

Надгробные эпитафии - наиболее информативный источник для выявления межличностных отношений боспорян. Они призваны, в соответствии со своим назначением, путем словесного искусства вызвать глубокую скорбь. Хотя эти стихи и очень кратки, но в них ярко выражена «элегичность» - грусть и скорбь об умершем, столь свойственные вообще древнегреческим эпитафиям.

Среди боспорских эпитафий выделяются те, которые подчеркивают тяжелые переживания оставшихся в живых. Можно сказать, что известные нам эпитафии античного времени на Боспоре в известной степени уже стереотипны, во всяком случае, в употреблении риторических оборотов, но характерно, что выражение личного горя стало обязательной частью этого стереотипа. Формула для этого региона общепринята, но само закрепление такого стереотипа отражает сдвиги в восприятии смерти в массовом сознании: люди стали стремиться сохранить воспоминания о родных и близких¹.

Об усилении индивидуально-эмоционального начала в жизни людей говорят и другие эпитафии: в одном боспорском надгробии упомянут человек, который «унесенный любовью, предпочел смерть прекрасной жизни», - то есть покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви².

Один из самых распространенных на стелах - образ боспорянина-семьянина в сцене загробной трапезы. Несмотря на общий религиозный характер ее содержания, строгую каноничность экспозиции, в некоторых случаях она воспринимается как жанровая. Но изображается лишь мнимый мир - призрачные радости. Большое внимание уделяется взаимоотношениям между супругами. На одной из мраморных плит Горгиппии, найденной в 1981 г. в Анапе, частично сохранился текст эпитафии: «...супруга Мокка (.....) лежит подле мужа в земле..., стяжал славу Ареса (.....) оставил в несчастье (.....) будучи по происхождению, (.....) супруга, любимая богами (.....) у сограждан...»³. Эпитафия позволяет засвидетельствовать совместное погребение супругов.

Даже если брак был совершен по расчету, и ему не хватало любви, если сложность человеческой природы делала невозможной идеальную совместную жизнь, надписи выражали хотя бы в какой-то мере взаимное уважение и признательность супругов.

Безусловно, большое внимание греки уделяли материнской любви. Эпитафии раскрывают в полной мере любовь жителей Боспора к своим детям. Нередко считается, что древние греки не радовались рождению дочерей, воспитание и устройство которых требовало больших средств и забот. Выходя замуж, они покидали родной дом⁴. Однако, например, эпитафия 124 (как и многие эпитафии Боспора) свидетельствует об обратном. Богатые надгробные памятники с эпитафиями устанавливались над могилами и сыновей, и дочерей.

Также ярко выражена и любовь к родителям. «Под этой плитой... лежит Эммида..., принявшая самые последние почести от сына Энея. Да ниспошлют ему боги сладостные дары за почтение к родителям». Найдены и статуэтки женщин с детьми боспорского производства, например, известная терракотовая статуэтка сидящей женщины с ребенком на руках из Керчи первой половины III в. до н.э.

Мы также попытались выделить и проанализировать элементы изобразительного текста (формул), использованные местными мастерами Боспора, а также дать оценку их историко-культурной информативности с целью адекватной интерпретации содержания рельефов. Ни один из известных нам канонов античности не был выведен из предмета соответствующего искусства, а напротив, все каноны возникали как опредмечивание и трансформация традиции в согласии с принципами целостности, единства и пропорции. Иными словами, не правило творчества выводилось из предмета, а скорее априорно созданное по нормам целостности и размеченного единства правило «искало» свой предмет и, обнаружив его, войдя с ним в контакт, приводило себя в соответствие с предметом, становилось каноном творчества⁵.

Чтобы выразить свой замысел, передать чувства и настроения героев, ваятели применяли художественные приемы, допустимые канонами: это, прежде всего, композиционное решение, а также эффектная поза, жест, символика, главным из которых было использование выделенных нами «идеологических» стереотипов: соединение рук, символизирующее связь живого и умершего (интересно, что в том случае, когда надгробие поставлено обоим умершим супругам, рукопожатие отсутствует, и супруги не смотрят друг на друга). В стилистике изображений на надгробных стелах видны также определенные ритуальные стереотипы. В первую очередь, это сдержанность: женщины изображались иногда с атрибутами своих занятий, порой с зеркалом. Зеркало имело сложную символику: душа умершей как бы уходила через изображение в иной мир. Ритуальный стереотип сдержанности: в одиночных изображениях на стелах – головы, склоненные в грустной, но спокойной отрешенности от земного мира; женщины изображались иногда с зеркалом (душа умершей как бы уходила через изображение в иной мир); этнический индикатор - практически одинаковая одежда; передача черт характера и настроения с помощью взгляда, поворота головы и т.д.

На всех изображениях преобладающим выражением является не горе и страдание, а скорее нечто вроде религиозной печали и похоронной грусти⁶. На боспорских стелах утвердился образ печальной женщины в неизменной, так называемой, траурной позе: одна рука поднесена к лицу, другая – прижата к груди. В зависимости от обстановки, а также в сочетании с определенными символами и атрибутами, место печали приобретает различные смысловые оттенки. Траурные жесты создают либо впечатление полной изолированности от внешнего мира, либо передают конкретную обстановку. В обоих случаях горе передается эффектной позой⁷. Поэтому в сценах оплакивания не случайны наклоны голов мужчин и женщин, они помогают мастеру доступными ему средствами «выявить» их переживания. И хотя глаза их еще не «говорят», хотя лица не передают еще внутренних переживаний, но в произведениях наиболее талантливых мастеров сказывается эта тенденция к передаче духовного мира человека⁸.

Особенно показательны в отношении передачи реализма случаи передачи в мимике лица отражения различных острых ощущений и переживаний, главным образом, боли. Классическое греческое искусство изобилует батальными сценами, однако в них практически невозможно найти изображений физической боли, страданий, агонии, смерти от ран. Отдельные признаки можно было бы обнаружить в росписях некоторых ваз периода архаики-классики. Однако общая статичность изображения не позволяет утверждать это наверняка. Греческие мастера не любили подобного натурализма. Греческий художник был твердо убежден в том, что человек, во всех отношениях прекрасный, должен оставаться таким же и в объятиях смерти. Поэтому всё отталкивающее, безобразное и устрашающее исключалось. Варварский же вариант развития культуры отличался несколько большей воинственностью, что не могло не повлиять и на формирование иного художественного выражения. На Боспоре, на наш взгляд, отразились представления различных этнических групп, которые, что немаловажно, также не противоречат друг другу, несмотря на разное объяснение причин происходящего.

Так, возможно, что уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций. В связи с этим объясняется и значительный драматизм, внутренняя напряженность образов, реалистичная передача боли в художественных произведениях боспорских мастеров в сравнении с остальной античной ойкуменой.

Характерен и сам выбор сюжетов, которые и составляют фольклорно-дифференцирующие элементы – изображаются не отдельные фигуры или группы, а полные движения сцены.

Еще один прием - маски (в особенности театральные) - своеобразный символ перевоплощения, которое предусматривает изменение не только внешности, но и внутренней сути ее носителя. Использование их в погребальном обряде знаменует переход умершего в новое состояние, в котором смерть является началом нового цикла бытия. Помещение трагической маски в могилу было, вероятно, созвучно основной тенденции погребального обряда - очищению от земных страданий. Комическая маска, наделенная часто смешными и уродливыми чертами, должна была вызывать смех. Смех рассматривался как радостная жертва подземным богам, устанавливающая мир между богом и человеком⁹.

Таким образом, специальный характер использованных нами методов античной физиогномики, имевшей в целом мировоззренческую направленность, позволил составить представление не только о внешности, но и о мировоззренческих вопросах жизни боспорян. Результаты работы показали состоятельность и определенную универсальность применения данной методики, и в дальнейшем она может использоваться для интерпретации изобразительных источников других регионов и исторических периодов.

Примечания:

* Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Госконтракт П322 от 29.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

1. Свенцицкая И.С. «Памяти ради»: Эволюция отношений греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. №4. – С. 106.

2. Свенцицкая И.С. Указ. соч. – С. 108.

3. Сапрыкин С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгиии // ВДИ. 2001. №1. – С. 191.

4. <http://artkavun.kherson.ua>

5. Петров Н.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. – С. 268.

6. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. СПб., 1995. – С. 146.

7. Гладкова Т.А. Изображения боспорян в надгробном рельефе первых веков нашей эры // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «ЭЙРЕНЕ»). II. Ереван, 1979. – С. 34.

8. Горбунова К.С. Художественные приемы аттических мастеров-рисовальщиков V-IV вв. до н.э., применяемые ими для передачи внутреннего мира человека // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «ЭЙРЕНЕ»). II. Ереван, 1979. – С. 41.

9. Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. №2. – С. 202.

ДОЛЖНОСТЬ ХИЛИАРХА НА БОСПОРЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

С.А. Грингоф

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Статья затрагивает одну из малоизвестных проблем государственного устройства Боспора. Автор анализирует должность хилиарха в контексте эллинистической и римской цивилизации, используя письменные, эпиграфические и иллюстративные материалы.

Ключевые слова: античный мир, государственное устройство, командная структура.

THE POST OF CHILIARCHUS IN THE BOSPORAN KINGDOM IN ROMAN TIMES.

S.A. Gringof

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University

The article illustrates a little known problem of political structure of Bosphorus. The author analyzes the post of chiliarchus in the context of Hellenistic and Roman civilizations using written, epigraphic and pictorial materials.

Key words: antique world, state structure, command structure.

Должность хилиарха (χιλίαρχος или χειλάρχης) в Боспорском царстве засвидетельствована только в первые века нашей эры. В эпиграфическом комплексе этот чин встречается несколько раз (КБН, 36, 53, 58, 984, 1049, энкомий из Пантикапея¹). Самое раннее упоминание

относится к 92 г. н.э., верхняя граница 270-е гг. н.э., т.е. к периоду «римского» времени Боспорского государства². Характер надписей позволяет отнести рассматриваемую должность к разряду военных, но конкретное определение функций этого военачальника и места его в иерархии командного состава боспорской армии у исследователей вызывают разногласия.

Издатели корпуса боспорских надписей подразумевали под этим чином военную и придворную должность (КБН. 66). А.А. Масленников указал, что хилиарх - тысяченачальник, и что он может рассматриваться как указание на структуру, характерную для эллинистических армий. В качестве примера, автор привел роспись пантикапейского склепа 1872 г.³, где связал хилиарха с изображением знаменосца со штандартом типа римского вексиллума⁴. В.А. Сидоренко, предположил, что греческий хилиарх эквивалент римскому *tribunus*⁵, и привел в доказательство херсонесский декрет (IREI², №404), составленный на двух языках, где греческому *χειλιάρχος* соответствовал латинский *tribunus*. С.Ю. Сапрыкин, основываясь на аналогиях с другими эллинистическими государствами, сделал вывод, что одна из основных обязанностей хилиарха была собирать налоги в царскую казну⁶. В.А. Горончаровский определил хилиарха, как крупного военного чина из ближайшего окружения царя или командира наемной царской гвардии, несший постоянную военную службу при дворе⁷.

Такое разнообразие мнений вынуждает нас рассматривать этот армейский чин в контексте военной истории государства и способов ведения боевых действий. Судя по археологическим данным, территория Боспорского царства была окружена валами и крепостями различных типов. Наверное, наиболее мощная система крепостей находилась на Фанталовском полуострове, где исследовано 12 укрепленных городищ⁸. Рядом с Островом находился округ аспургиан. Археологические раскопки в Прикубанье, окрестностях Анапы и Новороссийска показали, что многие крепости на юго-восточных рубежах Боспора возникли как единое целое в I в. до н.э. и относились к аспургианам⁹. Укрепления также исследованы на основных подходах к Горгиппии¹⁰, сеть крепостей окружала Танаис¹¹.

На территории Крымского полуострова исследуется укрепленная хора Феодосии¹². Европейский Боспор, или Царская область, для своей защиты имел несколько валов и большое количество крепостей с линейной внутренней планировкой.

Классификация укрепленных поселений Боспорского царства проведена А.А. Масленниковым. Низшим звеном этой системы являются дома-башни или сторожевые посты (Юбилейное 1 и 2, Рассвет, укрепления в районе Бат); затем идут резиденции наместников военно-административных округов (Чокракский мыс, Семибратнее городище, «усадьба Хрисалиска»); самые мощные укрепления - это крепости с внутренней планировкой по линейному принципу (Илурат, Генеральское Восточное, Зюк, Белинское)¹³. Легко заметить, что такая военно-административная система была целиком направлена на оборону территории государства.

Оборона западной границы Боспорского царства имеет ряд прямых аналогий с британским или дунайским лимесом; в то время как восточная пограничная система напоминает африканский вариант имперского лимеса¹⁴. В римском варианте гарнизоны сторожевых башен должны были своевременно оповестить световыми или дымовыми сигналами о приближении войск противника. После получения такого сигнала римские войска двигались навстречу врагу и вступали с ним в бой¹⁵.

Начиная со II в. н.э., римляне для этих целей начинают использовать тяжелую конницу. При Траяне появляется Первая Ульпиева тысячная ала копейщиков. Реорганизация кавалерии, проведенная под влиянием восточных противников в правление императора Адриана, еще больше увеличила значение конницы, тогда стали применяться катафрактары и клибанарии. Была ликвидирована легионная конница, а вместо нее начали использовать конные части, набранные у союзников или в местах боевых действий, возглавляемые собственными вождями или римскими командирами (*praefecti equites*). В период Ранней империи эти конные отряды были превращены в полки (*alae*), численностью примерно в тысячу всадников¹⁶. Например, императором Траяном была сформирована I Боспорская ала, численностью в 1000 воинов, накануне второй дакийской войны 105-106 гг.¹⁷

Учитывая характер боевых действий и структуру боспорской армии, нужно согласиться с В.А. Горончаровским, что существенную роль на поле боя должна была играть координация действий пехоты с тяжелой и легкой конницей¹⁸.

Роль конницы на Боспоре была приоритетной из-за основных противников государства – кочевых варварских племен. В качестве примера можно привести тысячу всадников Фарнака – его личную гвардию (Dio. Cass. XLII. 47; App. Mithr. 120; Bel. Alex. 71-77).

Иранское имя основателя новой династии Тибериев-Юлиев Аспурга переводится как «имеющий мощных коней»¹⁹, что говорит о приоритете кавалерии в данный период времени. В этой связи, необходимо отметить царскую должность управляющего конюшней (КБН. 942) от 234 г. н.э., которая, скорее всего, появилась при Аспурге. Этот чиновник отвечал не только за организацию конюшен, но и за государственную закупку лошадей для военных нужд²⁰.

В 49 г. н.э. Котис и Аквила во время войны с Митридатом VIII, «не рассчитывая на свои силы... стали искать поддержки и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов» (Тас. Ann. XII, 15). Необходимость такого союза диктовалось отсутствием у римлян и Котиса всадников, способных противостоять коннице Митридата VIII²¹.

В конце I в. н.э. безымянный военачальник, оставшись без поддержки сарматской конницы, продолжил бой во главе только гоплитов из боспорских городов, что было и отмечено как великий подвиг этого вельможи²². Таким образом, можно с уверенностью говорить, что в первые века нашей эры главная роль в столкновении с противником отводилась коннице.

Если попытаться реконструировать нападение варварских племен на территорию Боспорского царства, то во время набега сторожевые башни передавали дымовой сигнал об опасности, и тотчас выдвигался конный отряд навстречу противнику. Вероятно, что численность такого отряда равнялась примерно тысяче воинов, из которых определенное количество составляла кавалерия, и во главе этой группировки стоял боспорский хилиарх.

Наше предположение объясняет тот факт, что в энциклопедии безымянного сановника конца I в. н.э. употреблен термин *χιλιάρχιαι* в именительном падеже множественного числа²³. Это свидетельствует, что чествуемый был в должности хилиарха не один раз, т.е. руководил действиями конной хилиархии в отражении набегов неприятеля несколько раз.

В царствовании Савромата II в административном округе «Остров» хилиархом служил Юлий Менестрат (КБН. 1049). В 192 г. н.э. этого военного царь назначает в Танаис в качестве пресбевта и награждает его почетным придворным званием «главный постельничий» (КБН, 1243). Видимо, Юлий Менестрат затем снова возвращается в Фанагорию и ставит посвященную надпись Савромату II²⁴. Этот крупный военный и политический деятель, член аристократической семьи, известной со времен Аспурга (КБН. 40), честно служил и хилиархом, и пресбевтом, за что и был удостоен почетным званием архикоитонита. Такая карьера этого сановника показывает, что должность хилиарха не была пожизненной, а назначение на нее осуществлялось только во время боевой опасности.

Такая интерпретация должности хилиарха объясняет и ее совмещение с высшими административными назначениями. Наместник аспургиан Фанн, сын Сакла также являлся и военачальником конного отряда, защищавшего эту область от вторжений варварских племен (КБН. 36).

Известен и хилиарх в должности наместника над царской областью (КБН. 58). Интерес вызывает его римское имя - Аврелий Родон, сын Лоллея, возможно, этот человек, бывший *praefecti equites*, так как правители Боспора нуждались в хороших военных специалистах и привлекали на службу офицеров римской армии²⁵. Безусловно, что этот военачальник, наделенный высшими полномочиями, не один раз спасал европейскую часть царства, за что ему и была поставлена статуя в Пантикапее в 249 г. н.э.

В пользу наших рассуждений свидетельствуют многочисленные изображения конных всадников на Боспоре в этот период времени, что говорит не только об их высоком социальном статусе, но и о важном значении в развитии государства.

К наиболее раннему изображению типа всадников, который затем приобретет широкое распространение на территории государства, следует отнести надгробную стелу аспургианского вождя Матиана, сына Заидара, датирующаяся кон. I в. до н.э.²⁶ На стеле изображен всадник-катафрактарий с длинным копьем. Вероятно, способ ведения боевых действий аспургиан был взят за основу тактической доктрины для боспорской армии первых веков н.э. Именно поэтому, все этнографические детали, присутствующие на надгробии Матиана, повторяются в изображении конного воина с оруженосцем из пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа сер. I в. н.э.²⁷ К этой группе памятников необходимо также отнести изображения всадников из склепа 1841 г. (2-я пол. I в. н.э.)²⁸, «Стасовский» склеп (1-я пол. II в. н.э.)²⁹, склеп 1873 г. (1-я пол. II в. н.э.)³⁰. Нужно заметить, что, судя по данным КБН, среди пантикапейских мужских надгробий I-II вв. н.э. 33% надписей сопровождаются изображением всадников, когда с сюжетом пехоты - только 12%³¹.

Таким образом, с большой уверенностью можно говорить о преобладающей роли конницы в столкновениях с противником, когда основой боевого порядка оставалась тяжелая пехота, выстроенная фалангой³². Руководил отрядами кавалерии, видимо, военный в звании хилярха. Отряд численностью в тысячу всадников формировался по принципу римской алы. Во время вторжения варваров на территорию царства эта конная группировка являлась мобильным отрядом, который в течении минимального времени находил противника и вступал с ним в бой. Такое ведение боевых действий обусловил открытый характер местности, главную роль на котором играла хорошо подготовленная конница.

Примечания:

1. Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. №2. – С. 45-81.
2. Масленников А.А. Системный кризис III в. н.э. на Боспоре и крах античного военного искусства // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. – С. 56.
3. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. – С. 144.
4. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России (АДЖ). СПб., 1914. Табл. LXXXI. 2.
5. Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н.э. (по материалам эпиграфики) // БИ. 2001. Вып.1. – С. 138.
6. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. – С. 200.
7. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. – С. 154.
8. Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. – С. 111-114.
9. Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. – С. 178.
10. Алексеева Е.М. Античный город Горгиптия. М., 1997. – С. 52-54.
11. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... - С. 205-207.
12. Gavrilo A.V. Theodosia and its Chora in Antiquity // Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. 2006. – P. 255.
13. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. – С. 112, 136, 173-181.
14. Масленников А.А. Системный кризис III в. н.э... - С. 58.
15. Vaatz T.D. Wachttürme am Limes. Stuttgart, 1976. – S. 43-47.
16. Махлаюк А.В., Негин А.Б. Римские легионы в бою. М., 2009. – С. 294-299.
17. Рубцов С.М. Легионы Рима на Нижнем Дунае. Военная история римско-дакийских войн. СПб.-М., 2003. – С. 145.
18. Горончаровский В.А. Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. – С. 96-103.
19. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. – С. 185.
20. Ивенских А.В. Военная организация Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // автореф. кан. ист. наук. Пермь, 2006. – С. 15.
21. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Указ. соч. – С. 268.
22. Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея... - С. 49-50.
23. Там же. - С. 74.
24. Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. №1. – С. 161-172.
25. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Указ. соч. – С. 156.
26. Десятчиков Ю.М. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. №4. – С. 68-77.
27. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1992. №1. – С. 35, Табл. VII, 11.
28. АДЖ. – С. 346-375.
29. АДЖ. – С. 294.
30. АДЖ. – С. 228.
31. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Указ. соч. – С. 161.
32. Перевалов С.М. Статья римским полководцем, читая греков // ПИФК. 1999. Вып. VIII. – С. 150-151.

**ОБРАЗ АМАЗОНКИ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
(ПО ПОЭМЕ КВИНТА СМИРНСКОГО «ПОСТГОМЕРИКА»)***

А.В. Котина

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается первая книга («Как умерла за Троию царица амазонок, Пентесилея») произведения эпического греческого поэта Квинта Смирнского под названием «Постгомерика». Анализируется образ амазонки, его характерные черты. Также акцентируется внимание на специфике позднеантичной эпохи - времени создания поэмы. Автор приходит к выводу об актуальности образа амазонки в указанный период.

Ключевые слова: амазонка, Пентесилея, Квинт Смирнский, поэма «Постгомерика», поздняя античность, миф.

IMAGE OF AMAZON IN LATE ANTIQUITY (BY QWINT'S POEM "POSTHOMERICA")

A.V. Kotina

Belgorod State University

The paper considers the first book ("How Died for Troy the Queen of the Amazons, Penthesileia") of the poem "Posthomerica". The poem is written by Quintus. The author to analyze for image of Amazon and its distinguishing features. Also pay attention to specificity of Late Ancient age, it is a time, when was making the poem. The author comes to the conclusion that the image of Amazon was an actual at stated period.

Key words: Amazon, Penthesileia, Quintus, "Posthomerica", Late Ancient age, myth.

Переходный период между античной и византийскими эпохами в современной исторической науке принято именовать периодом Поздней античности. В общей сложности, он продолжается с конца III в. и вплоть до начала VII в. «Поздняя античность – это не просто переходная эпоха, а время, отличающееся глубоким своеобразием, которое завершает историю античной средиземноморской цивилизации»¹. Также позднеантичный период считается самостоятельной эпохой, имеющей грандиозное культурное наследие, отпечаток на формирование которого наложилась культура античного греко-римского мира. Любая последующая эпоха, наследует элементы более ранней и перерабатывает их в соответствии со своими потребностями. Это касается всех сфер жизни общества. Нас в данной связи интересует сфера культуры, а в частности, поэтическое творчество. Следует заметить, что светская культура позднеантичного периода отличается крайней сложностью. Каждый социальный слой империи имел свои культурно-идеологические особенности². В масштабах всего общества все большую силу начинает набирать христианская церковь, со временем ее влияние усиливается. Но, несмотря на эту тенденцию, ряд деятелей культуры продолжают творить в русле античных классических канонов, создавая произведения, которые были востребованы обществом.

Среди многочисленных поэтов позднеантичного периода, хотелось бы выделить Квинта Смирнского (около 400 г. н.э.). Это весьма интересный греческий эпический поэт, крупнейший из авторов того времени. Он был родом из Смирны (город, который считался также родиной Гомера). На излете язычества вновь расцвел эпос, основанный на александрийских принципах, но с частично изменившимся стихосложением, что отражало процесс развития греческого языка. Большой эпос «Постгомерика» (События после Гомера) в XIV книгах рассказывал о событиях, связанных с окончанием Троянской войны и возвращением гомеровских героев изпод Трои (т.е. о периоде после событий, изложенных в «Илиаде» и до событий, изложенных в «Одиссее»). В частности, в «Постгомерике» рассказывается о нашествии амазонок, смерти Ахилла и падении Трои. Как и Вергилий, Квинт Смирнский использовал такие утерянные ныне песни эпического цикла, как «Малая Илиада», «Эфиопика» и «Падение Трои».

Произведение написано на языке Гомера. Сюжетно перекликается с постгомеровским Киклом. Изысканный язык, мастерская обработка сюжета сделали поэму Квинта любимым произведением истинных ценителей-эрудитов, но малопонятной широким слоям горожан поздней Империи³.

Данное произведение, несмотря на ценность и своего рода уникальность, не переведено на русский язык, и слабо введено в научный оборот. Оно являет собой широкое поле для исследования. Из указанных четырнадцати книг, которые образуют поэму, нас в связи с тематикой исследования интересует первая, под названием: «Как погибла за Троию царица амазонок Пентесилея». Пентесилея - ключевая фигура повествования автора в данном фрагменте поэмы.

Стоит отметить, что образы легендарных дев-воительниц - амазонок были широко распространены в литературных памятниках античности. Прежде всего, это было связано с активной культивацией мифов и легенд об амазонках в различных областях художественного творче-

ства древних греков⁴. Кроме того, весьма интересным и притягательным является и собственно образ амазонки, в котором сочетаются противоречивые качества. Мифологическая традиция отмечает необычайную красоту, грацию и ум амазонки (Антиопа, Ипполита) и вместе с тем - военную доблесть, физическую силу и выносливость, блестящие умения вести сражение (известны мифы, доказывающие военную силу амазонок, напр. миф об осаде Афин войском амазонок (Plut. Thes. 27; Eurip. Ion., 59). В амазонке причудливо переплетены черты женщины с одной стороны, и воина - с другой. Отсюда популярность данного персонажа у античных авторов, в особенности поэтов.

Как правило, амазонки персонифицированы авторами, наделены именами и характерными чертами. Одним из наиболее ярких можно отметить образ амазонки Пентесилеи. По данным классической мифологической традиции она - дочь бога войны Ареса, выступившая на стороне троянцев во время Троянской войны⁵.

Весьма популярным был эпизод сражения Пентесилеи и Ахилла. Художники античности и более позднего времени неоднократно возвращались к нему в своих произведениях (ярким примером могут служить: картина из знаменитого храма Зевса в Олимпии, выполненная Панэном, изображающая Ахилла, держащего на руках тело мертвой Пентесилеи⁶, росписи саркофагов, мозаика из Аполлонии Иллирийской⁷ и т.п.). Античные письменные источники сообщают об этом эпизоде следующее.

Царица амазонок Пентесилея, дочь Отреры и Ареса, укрылась в Трое от преследования эриний за убийство своей сестры Ипполиты, которую иногда называют Главкой или Меланиппой. Пентесилея нечаянно застрелила ее то ли на охоте, то ли, как считают афиняне, во время схватки, которая произошла после свадьбы Тезея и Федры. Приам совершил над Пентесилеей очистительный обряд, а она сумела проявить себя в войне, убив многих греков, включая, как утверждают некоторые, и Махаона, хотя большинство считают, что он пал от руки Эврипила, сына Телефа (Apollod. Epit. V. 1-2; Paus. III, 26, 7).

Несколько раз она заставляла Ахилла бежать с поля боя. Утверждают даже, что она убила его, но Зевс, вняв мольбе Фетиды, вернул ему жизнь и, в конце концов, Ахилл поразил Пентесилею и, влюбившись в ее мертвое тело, предался некрофилии (Apollod., id.). Когда затем он стал искать добровольцев, которые бы согласились похоронить Пентесилею, Терсит, сын этолийца Агрия (самый уродливый из всех греков, сражавшихся под Троей), выколол у умершей глаза копьем и обвинил Ахилла в страсти, противной природе человека. Ахилл обернулся и так ударил Терсита, что, выбив ему все зубы отправил его тень прямехонько в Аид (Apollod. I, 8, 6; Ном. II, II, 212 и сл.).

Случившееся очень возмутило всех греков, и Диомед, приходившийся Терситу двоюродным братом, решил показать свое презрение к Ахиллу. Он схватил тело Пентесилеи за ногу и бросил его в Скамандр. Правда, одни говорят, что Ахилл, а другие - что троянцы выловили тело из реки и похоронили его с большими почестями. После этих событий Ахилл отплыл на Лесбос, где принес жертвы Аполлону, Артемиде и Лето, а Одиссей, бывший заклятым врагом Терсита, совершил над Ахиллом очистительный обряд. На троне Зевса в Олимпии изображена умирающая Пентесилея, которую поддерживает Ахилл (Arctin. Milet. Ethiop.: Procl. Chrest. 2; Paus. X, 31, 1). Кормилица покойной, амазонка Клета, узнав, что после смерти Ипполиты ее воспитанница бежала в Трою, отправилась на поиски, но ветры отнесли ее корабль в Италию, где она основала город Клету⁸.

В комментариях Р. Грейвза к вышеуказанному мифу исследователь приводит еще один вариант эпизода об Ахилле и Пентесилее⁹ по Диктису Критскому. Он пишет, что Пентесилея шла во главе большой армии, но, обнаружив, что Гектор убит, повернула, было, назад, однако Парис уговорил ее остаться, предложив за это золото и серебро. Ахилл в первой же стычке поразил Пентесилею копьем и за волосы стащил с седла. Когда она лежала на земле и умирала, греческие воины кричали: «Бросьте эту воительницу собакам, чтобы она не занималась тем, что по природе не положено женщине!» Хотя Ахилл требовал, чтобы ее похоронили с почестями, Диомед взял ее тело за ногу и отволоч в реку Скамандр (Dict. Crit. IV, 2-3).

В первой книге поэмы Квинта Смирнского о дочери Ареса говорится следующее. После поражения Ахиллом Гектора, троянцы потеряли всякую надежду. Весь народ был охвачен паникой и страхом. В это самое время с берегов Фермодонта во главе амазонского войска прибыла Пентесилея. Автор отмечает необычайную красоту амазонской царицы («Пентесилея затмила их всех... Она была подобна луне среди звезд»). Кроме того, вызывает восхищение мужество и доблесть амазонки, которая жаждет сразиться с самим Ахиллом.

Квинт великолепно рисует подготовку Пентесилеи к битве с ахейцами, описывая царицу внешне. Автор подчеркивает прекрасное телосложение дочери Ареса, невиданное богатство ее доспехов и оружия «из слоновой кости и серебра». Щит Пентесилеи был «неземной роскоши», кроме того, она взяла секиру и два копья. Золотые пышные волосы девы струились из-под шлема и вся ее фигура олицетворяла энергию и смелость. Дополняет картину момент, когда Пентесилея призывает троянцев-мужчин, которые не решались пойти против всемогущего Ахилла, к сражению против ахейцев.

Царица амазонок выступает впереди войска троянцев и амазонок. Квинт детально и грандиозно описывает бой. Пентесилея сражает одного противника за другим, она опьянена яростью битвы. Автор сравнивает ее с тигрицей, столпом пламени, штормом на море. В разгар сражения амазонка обращается к мужчинам-ахейцам, высмеивая их слабость.

Троянские женщины восхищенно наблюдали битву. И одна из них, Тисифона, зараженная горячностью боя, обратилась к женщинам с призывом присоединиться к Пентесилее и сражающимся: «...Лучше умереть в бою, чем стать пленницами чужеземцев...». Таким образом, автор показывает, насколько сильным был боевой дух дочери Ареса, насколько пылкой была ее боевая ярость, которая оказалась способной передаться троянским женщинам, которые обычно занимались сугубо женскими делами и практически не интересовались войной («...Шерсть и прялки бросили они, и к грозному оружию протянули свои руки»). Ахейцы пришли в отчаяние, видя, что гневная царица амазонок сокрушает одного прославленного воина за другим. И решили призвать Ахилла.

Кульминационным моментом первой книги является поединок Пентесилеи и великого греческого героя Ахиллеса. Квинт также детально показывает обстановку сражения, речи противников. Каждый из них уверен в своей силе, и вместе с тем уважает другого. Их кровь кипит от предвкушения грандиозного боя. Пентесилея высмеивает героя, который отвечает ей тем же. Поражает красота языка поэмы и мастерство изображения главных персонажей. Поединок окончился печально: царица амазонок погибает, сраженная Ахиллом. Здесь имеет место концовка, известная в классических мифах: Ахилл влюбляется в мертвую девушку¹⁰. Но смерть Пентесилеи, ее поражение, представлены достаточно поэтично, красиво и по-особому пронзительно («мертвая, она была подобна бессмертным»). Автор не относится к амазонке как к дикому варвару, низшему в сравнении с эллином. Прослеживается восхищение и уважение, с которым Квинт создает рассматриваемую сцену. Особенно показателен момент, когда сын Пелея, изначально с насмешкой отнесшийся к кончине царицы, затем, увидев ее, поражается красоте и величию, которые исходят от убитой им девушки.

После трагической гибели царицы амазонок, по рядам троянцев «пробежала дрожь паники», и «все троянцы оплакивали ее».

Также достаточно подробно представлен разговор между Терситом и Ахиллом. Терсит высмеял благоговение великого воина перед поверженной женщиной, за что поплатился жизнью.

Оканчивается книга церемонией погребения царицы амазонок, героически павшей в сражении. Ахилл отдал тело Пентесилеи скорбящим троянцам. Далее Квинт описывает пышные похороны амазонки, высокий костер, на котором и совершилось трупосожжение. Люди окружили погребальный костер многочисленными сокровищами. После ритуала, огонь был залит дорогим благоухающим вином, а прах царицы собран в драгоценную шкатулку и погребен вместе с другими павшими амазонками возле одной из самых великих башен в стенах Трои.

Таким образом, Квинт Смирнский предложил свой вариант популярного сюжета о сражении амазонок на стороне троянцев в Троянской войне.

Образ Пентесилеи предстает у Квинта весьма привлекательным и ярким. Царица амазонок показана не только красивой неземной красотой, но также сильной, смелой и бесстрашной. Она представлена не просто равной мужчинам, а героиней, женщиной-воином, достойной того, что вся Троя оплакивала ее и похоронила так, как подобает хоронить героев. Она, после смерти Гектора, явилась для троянцев единственной надеждой на победу, оплотом веры в собственные силы, несмотря на то, что была женщиной. Пыл и воинственность амазонки подвигли всех жителей Трои, включая женщин, сражаться с чужеземцами. После кончины Пентесилеи, троянцев охватила паника и уныние. Они потеряли своеобразный символ победы и силы, каким являлся изначально сын троянского царя Приама, а после – царица амазонок.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что образ амазонки оставался актуальным и в период поздней античности, недаром Пентесилее посвящена целая книга, а подобные

сочинения ценили истинные интеллектуалы того времени. Также налицо непрерывность традиции: на основе элементов классического периода, формируются великолепные произведения позднеантичной эпохи.

Примечания:

* Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Госконтракт П322 от 29.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

1. Болгов Н.Н. *Поздняя античность: история и культура*. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – С. 32.
2. Там же. – С. 26.
3. Болгов Н.Н. *Античные письменные источники. Греция. Ч.1. Учебное пособие*. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. – С. 95.
4. Скрипник Т.А. *Амазонки в античной традиции // Известия Ростовского областного музея краеведения*. 1988. Вып.5. – С. 29.
5. Гамильтон Э. *Мифы и легенды = Mythology: Боги и герои Древней Греции и Древнего Рима*. М.: Центрполиграф, 2003. – С. 214.
6. Росляков С.Н. *Амазонки в ярости и любви*. Николаев: Возможности Киммерии, 2004. – С. 85-86.
7. Кастанаян Е.Г. *Амазономахия на мозаике Аполлонии Иллирийской // Культура античного мира*. М.: Наука, 1966. – С. 83–89.
8. Грейвз Р. *Мифы Древней Греции / Под ред. А.А. Тахо-Годи*. М.: Прогресс, 1992. – С. 503.
9. Там же. – С. 505.
10. Кун А.Н. *Легенды и мифы Древней Греции*. Алма-Ата: Жалын, 1985. – С. 275-276.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОПУЛЯРНОСТИ КУЛЬТА МИТРЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

М.Е. Шенцов

Белгородский государственный университет

В статье рассматриваются причины усиления популярности культа Митры в начале постклассического периода (IV - нач. V в. н.э.). Опираясь на исследования отечественных и западных антиковедов и сохранившиеся источники, автор выявляет причины популярности культа индоиранского божества не в его сотериологических особенностях, а в масштабных изменениях социально-политической жизни Римской империи в постклассический период.

Ключевые слова: митраизм, римская армия, социально-политический кризис, христианство, языческая интеллектуальная элита, постклассический период.

TO THE QUESTION OF POPULARITY OF THE MITHRAS' CULT IN THE ROMAN EMPIRE IN THE POST-CLASSICAL PERIOD

M.E. Shentsov

Belgorod State University

The article is devoted to the causes of popularity of the Mithras' cult in the beginning of the Post-Classical period (IV - b. V c. A.D.). The author uses the results of researches by native and western historians and historical sources and reveals the causes of popularity of the cult of the Indo-Iranian god. They are not revealed in the soteriological features of this cult. Popularity of the Mithras' cult is caused by the great changing in the social-political life of the Roman Empire in the Post-Classical period.

Key words: the Mithraism, the Roman army, social-political crisis, the Christianity, the pagan intellectual elite, the Post-Classical period.

Существует немало трудов, посвященных истории культа Митры в Римской империи. Однако со времен Ф. Кюмона не прекращаются споры о причинах популярности данного культа. Бельгийский исследователь считал, что митраизм являлся основным соперником христианства, способным стать основной идеологией Pax Romana¹. Однако более поздние исследования выявили, что Ф. Кюмон преувеличил значение митраизма для позднеримского общества. Так, А.Д. Нок, сравнивая культ индоиранского божества с мистериями Адониса, Аттиса, Сераписа, полагает, что, если бы христианство было остановлено, римский митраизм не смог бы занять доминирующее положение среди религий империи и остался бы незначительной сектой². Кроме того, Е.М. Штаерман считала, что длительное время культ Митры не был широко распространен среди населения империи, за исключением эпохи Северов и периода правления

«солдатских императоров»³. Однако, как отмечают многие исследователи, к началу IV в. н.э. ситуация начинает меняться. Так, Б.А. Тураев указал, что в лице Митры Иран был близок к духовному господству над человечеством: император Коммод велел посвятить себя в мистерии Митры, а в 307 г. Диоклетиан, Галерий и Лициний провозгласили в Контурне Митру покровителем империи⁴. Император Флавий Клавдий Юлиан (Отступник), проводя свою религиозную политику, в значительной степени опирался именно на мистерии иранского божества. Следует отметить, что в российском антиковедении данная проблематика остается практически неисследованной. Цель данной работы – ответить на вопрос о причинах популярности митраизма в IV - нач. V в. н.э.

Для начала следует отметить политические изменения в жизни общества, в которых происходила перемена отношения интеллектуальной элиты империи к культу Митры.

Одним из важных феноменов интеллектуальной жизни общества было развитие нового менталитета среди масс населения. Это был менталитет низших слоев общества, который имел прочную религиозную подоплеку. Основной его характерной чертой было не просто равнодушное, но и враждебное отношение к интеллектуальным достижениям общества⁵. Подобный духовный настрой постепенно усваивался и высшими сословиями, или, во всяком случае, их большинством. Сельские нравы начинают внедряться в слои городского населения. Города перестают абсорбировать сельские массы. Остатки интеллектуальной элиты, придерживавшейся эллино-римского язычества, быстро растворялись среди варваризации и падения традиционных норм и ценностей.

Кроме того, по мнению большинства историков, в эпоху Империи значительно изменился характер не только философии, но и самой римской религии. Согласно точке зрения Ф.Ф. Зелинского, мистериальные культы шли навстречу все более усиливавшемуся стремлению к нравственным, личностным аспектам религии, построенным на любви, что было вызвано кризисом общинной и полисной идеологии и все более усиливавшимся налоговым гнетом и социальным расслоением⁶. Немалая часть населения все больше надеялась на счастливую участь в загробном мире. Большинство восточных мистерий, благодаря сочетанию сравнительно грубого символизма, таинственности и глубины, длительное время привлекали значительную часть низших слоев населения⁷.

По мнению большинства антиковедов, местом наибольшего распространения митраизма была римская армия. В связи с этим необходимо рассмотреть особенности положения римской армии в период кризиса III в. н.э. и в эпоху Поздней античности. В период Домината фигура императора превращается в аналог восточного монарха, обладающего неограниченной властью, усиливается роль армии, представлявшей собой основную опору государя⁸. Начиная с III в. н.э., армия начинает играть роль дипломатического посредника между императором и населением. Так, именно солдаты при Коммод и Септимии Севере, а также при Филиппе Арабе и Гордиане передавали императорам прошения крестьян. Кроме того, как отмечает М.И. Ростовцев, солдаты, будучи близки к деревне и зачастую являясь выходцами из нее, постоянно оказывали деревням помощь в их борьбе против налогового бремени, идущего из городов⁹. На протяжении III в. наблюдается усиление притока бывших солдат в деревни многих областей империи: Африки, Балканского полуострова, Сирии¹⁰.

Несмотря на очевидные успехи христианства в «обращении» населения Римской империи, позиции язычества до 80-х г. IV в. оставались достаточно сильными. Римское язычество всё больше ассоциировалось с прошлым, но опиралось оно не только на традицию. До последней четверти столетия сохранялись все атрибуты языческого культа, жрецы и храмы которого продолжали пользоваться вековыми привилегиями и поддержкой государства и обладали огромными богатствами. Язычники занимали важнейшие посты в императорской администрации, и даже придворный этикет «христианнейших» императоров оставался по своей религиозной окраске языческим¹¹.

По мнению А.В. Махлаюка, римская армия III-IV вв. представляла собой социально-политический организм, по ряду параметров изоморфный основополагающим структурам римского общества¹². Фактически, в условиях политического и культурного кризиса страны, лагерь и легион становился подобием *civitas*. Для императорской армии был характерен новый тип воина, имеющего особый социально-правовой статус и ценностные ориентации, основанные, в первую очередь, на преданности императору¹³.

Можно сказать, что, стремясь предотвратить всеобщую анархию и гибель державы, император Диоклетиан стремился в своих реформах опираться не только на военную мощь армии,

но и на ее традиции, не подорванные влиянием кризиса городов. Возможно, именно исходя из данного рода соображений, всего за несколько лет до Миланского эдикта Митра был провозглашен покровителем Римской империи.

Как отмечает Д.Е. Фурман, чем больше притеснений со стороны императоров и христианской церкви испытывает старая религия, тем более меняется ее характер. Именно в данный период в среде интеллектуальной элиты империи, включавшей в себя, в основном, представителей язычества, зреет необходимость создания единой догматической религиозно-философской системы¹⁴. Вера становится более горячей, глубокой и осознанной.

Первым правителем, попытавшимся воплотить этот идеал, был Диоклетиан. Именно он установил в стране власть восточного (Сасанидского), т.е. авторитарного и деспотического образца. Обновленный зороастризм, ставший идеологией державы Сасанидов, представлял собой религиозную систему, догматы которой практически не признавали прочих культов. Константин I Великий и императоры, правившие после него, лишь стремились более действенно воплотить эти тенденции на практике. Как отмечает С.С. Аверинцев, император Юлиан, будучи борцом против христианства, вместе с тем, являлся и одним из провозвестников византийской культуры¹⁵. Император нежно любил Константинополь и чуждался Рима. При создании своих теологических трактатов Юлиан являет собой тип императора-богослова, который по праву самодержца наставляет своих подданных в нравственности, предписывает им, во что верить¹⁶. Император, в собственном понимании – защитник истинной веры, с учетом, что истинная вера для него – неоплатонизм, во многом близкий к христианству. Подобно некоторым христианским императорам, например, императору Юстиниану I, с целью популяризировать догматы христианства сочинившему церковное песнопение «Единородный Сын и Слово Божие», Юлиан при создании трактатов «К Царю Солнцу» и «К Матери богов» стремился популяризировать неоплатоническую идеологию. Именно при Юлиане язычество приобретает характер догматической религиозной системы¹⁷. Император активно обличает учения, чуждые неоплатонизму – как христианство, так и другие доктрины (кинизм и т.д.).

В области религиозных реформ Юлиан пошел гораздо дальше своих предшественников, пытавшихся ввести общеимперский культ Божества Непобедимого Солнца (*Deus Sol Invictus*) – Аврелиана, Элагабала и Диоклетиана¹⁸. Как справедливо отмечает А. Кириченко, ни один мистериальный культ, в том числе и митраизм, не обладал единой упорядоченной надобщественной организацией, способной стать опорой новой идеологии. При этом, как отмечает исследователь, многие антиковеды XIX - нач. XX в., в том числе и Ф. Кюмон, видели в орфизме, митраистских мистериях аналог христианской церкви. Можно сказать, что именно из подобного взгляда возникала тенденция считать митраизм соперником новой религии, опиравшейся на четко иерархизированное жречество¹⁹. В связи с этим следует отметить, что Юлиан пытался создать языческую церковь со строгой иерархией жрецов, четко определенной догматической системой и моральным авторитетом священнослужителей²⁰. Юлиан всячески требовал от них нравственного непорочного поведения, запрещал им посещение театров, питейных заведений. Он составил наставление для языческих жрецов, в котором говорит об их социальном положении, образовании и круге обязанностей. Они должны были для всех без различия учреждать гостиницы и госпитали, разделять с бедными хлеб и вино, нищим подавать милостыню. В богослужении он ввел пение гимнов, учредил хоры мальчиков, определил часы для молитвы, кафедру для проповедника и драгоценную одежду при священнодействиях. Император всячески поддерживал мистерии иранского божества. В сочинении «К царю Солнцу» император, наряду с Митрой, также упоминает Сераписа как бога, единого с Зевсом и Гелиосом триаду верховных божеств мироздания (Юлиан Отступник. К Царю Солнцу. Посвящение Саллюстию. 136a-136b). Известно, что, помимо посвящения в Элевсинские мистерии, Юлиан в 355 г. принял митраистское посвящение. Начиная с 360 г., в письмах он называет Гелиоса-Митру своим заступником. К тому же, у себя во дворце Юлиан ежедневно отправлял культ Митры как литургию²¹. Следует также отметить связь неоплатонизма с митраизмом. По мнению П.В. Иванова, наибольшую осведомленность в области мистерий Митры демонстрирует упоминавшийся выше неоплатоник Порфирий (*De antro numph.* 4, 20, 24), который, возможно, и сам был митраистом²².

Можно предположить, что в результате реформ Юлиана культ Митры претерпел наиболее серьезные изменения, приобретя многие внешние черты, сходные с христианством – высоко нравственные этические положения, единую жреческую организацию. Однако, религиозные реформы императора Юлиана Апостата, направленные на насаждение в языческой среде высо-

кой, практически неотличимой от христианской, нравственности сверху, не могли осуществиться без изменений мировоззрения в низах населения, о котором говорилось выше.

Кроме того, язычество стало оплотом политической оппозиции после гибели Юлиана. К концу IV в. римский сенат утратил все республиканские функции и перестал быть верховным органом государства. Его функции частично перешли к императорскому консistorию, частично были присвоены самими императорами. Фактически, сенат уже не оказывал никакого влияния на политику империи²³. Но если роль сената как государственного органа была низкой, то этого нельзя сказать о самих сенаторах. Значительная часть сенаторов принадлежала к аристократическим родам и продолжала почитать исконных римских богов. Распространен среди сенаторов был и культ Митры. К лету 384 г. лидеры языческой группировки заняли в сенате важнейшие государственные посты: Претакстат стал префектом претория Италии, Симмах - префектом Рима.

Спор об Алтаре Победы, разразившийся в 384 г. н.э. между Симмахом и христианским епископом Амвросием Медиоланским отражал, в частности, попытки сената вернуть видимость своей былой значимости. В результате полемики языческая партия потерпела сокрушительное поражение. Данный случай примечателен тем, что именно тогда основным аргументом Симмаха была значимость традиционных культов и почитания старых богов для спасения империи.

Более поздним примером, при котором политическая оппозиция опирается, в первую очередь, на языческую религию, может служить мятеж Евгения в Западной части империи. Вскоре после отъезда Феодосия на восток в мае 392 г. при невыясненных до конца обстоятельствах погиб фактически уже отстраненный от власти Валентиниан II. Новым императором на западе был провозглашен Евгений, на которого и сделала свою последнюю ставку языческая «партия» римского сената, по-прежнему численно преобладавшая над христианской. Одна за другой к Евгению были посланы три делегации сената с просьбой восстановить Алтарь Победы, а с ним и привилегии языческого жречества и храмов.

По политическим соображениям Евгений согласился вступить в союз с языческой оппозицией. Его уступки в пользу языческой аристократии были невелики и ограничились, возвращением храмового имущества, предоставлением средств на проведение религиозных церемоний, а также свободой жертвоприношений и гаданий. Свободу вероисповедания получили и еретики. Таким образом, все религии оказались в равном положении: Евгений стремился проводить политику толерантности, стараясь расширить свою социально-политическую базу²⁴.

Заклучив союз с языческой аристократией, Евгений утвердил одного из ее лидеров, Никомеха Флавиана, в должности префекта Италии, полученной последним еще от Феодосия I, а его сына сделал префектом Рима. Именно Никомех Флавиан стал вдохновителем и организатором языческого «возрождения», воспользовавшись вынужденной толерантностью Евгения. Решение Никомеха Флавиана присоединиться к Евгению и тем самым подвергнуть себя большой опасности можно объяснить лишь искренней приверженностью религии предков и желанием восстановить былое величие и пышность языческих обрядов, на что он и употребил всю свою власть.

Никомех Флавиан лично руководил языческой реставрацией и сам принимал участие как в традиционных римских церемониях, так и в пышных восточных обрядах. В соответствии с римским календарем были устроены празднества в честь Аттиса и Кибелы (15 марта - 10 апреля), в апреле проведены Мегалензийские игры, в конце апреля - начале мая - Флоралии²⁵.

В период короткого правления Евгения происходило восстановление языческих храмов. В Риме был реконструирован храм Венеры, в Остии префект анноны Нумерий Проект восстановил святилище Геркулеса. На улицах Рима вновь можно было увидеть процессии в честь Великой Матери богов и Исиды. Флавиан возродил культы Юпитера, Сатурна, Меркурия, Вулкана, Либера, Тривии (Гекаты), Митры, Сераписа, Анубиса, Цереры и Прозерпины²⁶.

Никомех Флавиан был щедр в раздаче почестей и должностей отступникам. Одним из них был Марциан, который занимал пост *vicarius Italiae*: в 384 г. Флавиан наградил его должностью проконсула Африки. Некто Левкадий получил той же ценой еще один высокий пост.

Как отмечает Н.В. Парфенова, политика толерантности, проводимая западным императором, выглядела в глазах непримиримого борца с инаковерием Амвросия проязыческой, а сам Евгений - отступником от истинной веры.

Феодосий тем временем ясно продемонстрировал свою позицию по отношению к новому узурпатору: он отказался признавать его императором, а в ноябре 392 г. издал закон, кото-

рый фактически упразднял языческие культы, запрещая все виды религиозной языческой практики. После победы Феодосия в битве при Фригиде деятельность по реставрации язычества в Риме была окончательно упразднена.

Сыновья Феодосия явились продолжателями религиозной политики отца. В 395-396 гг. были приняты законы, лишавшие жрецов всех привилегий и запрещавшие традиционные культы. В 399 г. был издан закон о разрушении храмов традиционных богов в сельской местности. Многие культовые сооружения превращались в церкви и общественные здания. С нач. V в. н.э. язычникам запрещается занимать государственные посты и нести службу в римской армии²⁷.

Таким образом, можно предположить, что митраизм к началу IV в. н.э. приобрел в Римской империи значительную популярность по следующим причинам: культ индоиранского божества, прежде распространенный, в основном, в военной среде, делается популярным вследствие установления в империи режима Домината и значительным усилением значения армии во внутривосточной жизни страны; кроме того, влияние митраизма среди представителей интеллектуальной элиты усиливается после реформ императора Юлиана Отступника, создавшего языческую «церковь» с присущей ей догматикой, обрядовой практикой и этическими положениями, во многом сближавшими ее с оппонентом. Можно предположить, что именно после данного шага императора Юлиана политическая оппозиция в *Rex Romana* начинает опираться на языческие культы, в том числе на культ Митры, видя в их восстановлении и возвращении к старым формам правления и образу жизни возможность спасти Римскую державу от гибели.

Примечания:

- 1 Кюмон Ф. *Мистерии Митры*. М., 2000. – С. 246-247.
- 2 Nock A.D. *The Genius of Mithraism* // Режим доступа: www.ecclesia.relig-museum.ru/pdf/dura.pdf
- 3 Штаерман Е.М. *Социальные основы религии Древнего Рима*. М., 1987. – С. 233-234.
- 4 Тураев Б.А. *История Древнего Востока*. М.-Л., 1935. – С. 286
- 5 Ростовцев М.И. *Общество и хозяйство в римской империи / В 2-х тт. Т.2*. СПб., 2001. – С. 237.
- 6 Дюрант В. *Цезарь и Христос*. М., 1995. – С. 568-569; Зелинский Ф.Ф. *Соперники христианства*. М., 1996. – С. 72-73.
- 7 Ешевский С.В. *Сочинения С.В. Ешевского. Ч.1*. М., 1870. - С. 351; Зелинский Ф.Ф. *Соперники христианства*. М., 1996. – С. 73.
- 8 Фурман Д.Е. *Император Юлиан и его письма* // ВДИ. 1970. №1. – С. 214.
- 9 Ростовцев М.И. *Указ. соч.* – С. 207.
- 10 Там же. – С. 206.
- 11 Дрязгунов К.В. *К проблеме распространения христианства в Римской армии // Религия, философия и наука / 5 мая 2009 г.* // Режим доступа: www.roman-glory.com/dryazgunov-xristianstvo-v-rimskoj-armii
- 12 Махлаюк А.В. *Солдаты Римской империи: традиции воинской службы и воинский менталитет*. СПб., 2006. – С. 378.
- 13 Там же. – С. 378.
- 14 Фурман Д.Е. *Указ. соч.* – С. 215.
- 15 Аверинцев С.С. *Император Юлиан и становление «византизма» // Традиция в истории культуры*. М., 1978. – С. 81.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 *Словник античної міфології / Уклад. І.Я. Козовик, О.Д. Пономарів; вступ. стаття А.О. Білецького; відп. ред. А.О. Білецький*. Київ, 1989. – С. 143.
- 19 Kirichenko A. *Hymnus invicto: The structure of Mithraic cult images with multiple panels* // Режим доступа: gfa.gbv.de/dr.gfa.008.2005.a.01.pdf
- 20 Стручевский И.А. *Юлиан-Отступник* // ВИ. 1968. №1. – С. 220.
- 21 Лауэнштайн Д. *Элевсинские мистерии*. М., 1996. – С. 50.
- 22 Иванов П.В. *Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики)* // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманит. науки. Вып.1*. 1998 // Режим доступа: www.relig-museum.ru/ecclesia/IVANOV/ivanovv3.htm
- 23 Казаков М.М. *Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы* // *Вестник древней истории*. 1995. №4. – С. 161.
- 24 Парфенова Н.В. *Геркулес и Юпитер против Христа: битва при Фригиде (394 г.)* // Режим доступа: www.sgu.ru/files/nodes/9659/01.pdf
- 25 Там же.
- 26 Там же.

ХАРАКТЕРИСТИКА СТЕПЕНИ ИССЛЕДОВАННОСТИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕ-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Божко

Отдел Славяно-русской археологии ИА РАН, г. Москва

В данной работе рассматривается очерк истории исследования памятников позднеимперского времени на Белгородчине, приводятся сведения о размерах и топографии поселений киевской и черняховской археологических культур.

Ключевые слова: позднеимперское время, киевская культура, черняховская культура, поселение, могильник, Белгородская область, топография.

CHARACTERISTIC OF RESEARCH LEVEL OF MONUMENTS AT LATE ROMAN TIMES IN THE BELGOROD REGION

A.A. Bozhko

Department of Slavic-Russian archeological energy EA of Sciences, Moscow

In this paper the outline of the history of the study sites late Roman times in the Belgorod Region, provides information on the size and topography of settlements in Kiev and Cherniakhov archaeological cultures.

Key words: late Roman times, the kiev culture, cherniakhov culture, settlement, burial, Belgorod region, topography.

Первые сведения о памятниках позднеимперского времени на территории современной Белгородской области относятся к 1920 г. Л.Н. Соловьев обнаружил следы культуры «полей погребений» вблизи железнодорожной станции Хотмыжск (совр. Борисовского района Белгородской области). Кроме керамики, здесь же были найдены бронзовая арбалетовидная фибула с надломанной шпилькой, сердоликовая восьмигранная бусина и круглая бусина из синего стекла¹.

Многослойное селище у с. Топлинка Белгородского района, которое содержало в том числе и керамику культуры «полей погребений», было обследовано Днепровской Левобережной археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством И.И. Ляпушкина².

В 1980 г. М.Б. Щукин исследует памятник ранней фазы киевской культуры у х. Кулига Ивнянского района; было исследовано 6 погребений по обряду кремации³. Однако при изучении костного материала антропологом и палеозоологом Элизабет Ирегрэн (Стокгольм) выяснилось, что человеческих костей среди них нет. М.Б. Щукин применил по отношению к этому памятнику термин «поминальник».

В 1984-1989 гг. археологические исследования на территории Белгородской области проводит Белгородская раннеславянская экспедиция ИА АН СССР под руководством А.М. Обломского⁴. Сплошными разведками были исследованы бассейны р. Ворскла (совместно с А.В. Кропоткиным), Северский Донец, Короча, Корень. В 1986 г. раскапывалось черняховское поселение у х. Вознесенский⁵ (вскрыто 60 кв. м, исследована наземная постройка), в 1988-1989 гг. изучалось поселение и могильник у с. Головино⁶. На поселении вскрыто около 800 кв. м, на могильнике - около 300, изучено 5 погребений.

В это же время А.М. Обломским исследуются раннекиевские памятники: поселения и могильники у с. Шишино на Северском Донце⁷, у с. Приосколе на Осколе⁸, поселение позднего этапа киевской культуры у с. Цепляево Второе на р. Короча⁹.

В это же время А.В. Кропоткин раскапывает поселения Хохлово-2 (1985-1987 гг.) и Головичино (1988-1989 гг.), где вскрывает около 600 и 300 кв. м соответственно.

В 1985 г. при строительных работах на улице Урожайной в г. Белгороде был обнаружен клад римских денариев¹⁰. Он состоял из 166 монет, самой ранней из которых был денарий Веспасиана (69-79 гг. н.э.), а наиболее поздней - денарий Геты (209-212 гг. н.э.). В момент находки монеты лежали компактно и, возможно, в свое время были во что-то завернуты. По заключению специалистов (А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский), клад найден на территории

поселения черняховской культуры. Все монеты клада, в основном, датируются I-II вв. н.э. и были широко распространены на территории черняховской культуры.

В монографии А.М. Обломского 2002 г. содержатся сведения о 37 памятниках черняховской культуры в Белгородской области¹¹.

В 2006 г. археологической экспедицией группы по охране и использованию памятников истории и культуры Управления культуры Белгородской области под руководством Т.В. Сарапулкиной было обследовано селище позднеримского времени у поселка Новосадовый Белгородского района. Оно расположено на дюнах в пойме правого берега Северского Донца. На памятнике собран многочисленный подъемный материал, состоящий из лепной керамики с бугристой поверхностью и примесью шамота в тесте (в одном случае - известняк) (49%, 20 венчиков, 106 стенок, 13 днищ), гончарной шероховатой керамики с примесью песка в тесте (46%, 18 венчиков, 94 стенки, 19 днищ) и гончарной лощеной керамики (5%, 2 венчика, 11 стенок и развал лощеной миски). Кроме того, на памятнике присутствует глиняная обмазка в небольшом количестве (3 экз.), найдено биконическое глиняное пряслице и заготовка для пряслица из стенки лепного сосуда. Поселение датируется первой половиной I тысячелетия н.э. (черняховская культура), наличие орнаментированных венчиков дает возможность говорить и о более ранних слоях¹². Судя по процентному соотношению гончарной и лепной керамики, на памятнике могут иметься объекты киевской и черняховской культур.

В 2006 г. Г.Л. Земцовым изучено 124 кв. м двумя раскопами на селище-1 у х. Подвысокий Краснояружского района. На раскопе 1 была исследована часть наземной постройки с глинобитным очагом, на раскопе 2 изучен хозяйственный участок селища.

В 2007 г. разведочным отрядом ИА РАН под руководством А.М. Обломского и И. Рукавишниковой при обследовании белгородского участка проектируемой трассы Москва-Крым было выявлено три памятника черняховской культуры: два поселения и, возможно, могильник. В этом же году при разведке по правому притоку р. Оскола - р. Холук под руководством И.В. Шляхтина было выявлено 9 поселений киевской культуры.

В 2008 г. при обследовании долины р. Дубенка и поймы р. Оскол в месте впадения в него р. Дубенки под руководством В.А. Сарапулкина выявлено 5 памятников киевской культуры.

В 2009 г. К.А. Лошаковым было обнаружено и обследовано селище черняховской культуры у х. Колотилковский в Краснояружском районе. На памятнике собрана исключительно гончарная керамика, как шероховатая, так и лощеная.

Черняховские поселения (ок. 20 памятников), обнаруженные в результате работ Грайворонского краеведческого музея, в настоящей статье не учтены, так как эти памятники пока не подвергались научному изучению.

Таким образом, на данный момент нам известно о 52 поселениях и одном могильнике черняховской культуры в Белгородской области и о 44 поселениях с преобладанием лепной посуды.

Сведения о размерах селищ имеются для 35 черняховских и 35 киевских памятников. Площадь поселений различна: до 1 га – по 10 памятников (по 28,6%), 1-2 га – 9 и 13 памятников соответственно (25,7 и 37,1%), 2-3 га – 7 и 5 (20 и 14,3%), 3-5 га – 3 и 7 памятника (8,6 и 20%). Более крупных поселений с преобладанием лепной керамики в области не отмечено, черняховских же памятников площадью 5-10 га известно 4 памятника (11,4%), свыше 10 га – 2 памятника (5,7%). Наиболее крупными в нашей области являются поселения Хохлово-2 (13 га), раскапывавшееся А.В. Кропоткиным, а также селища у сел Нижняя Наумовка (13,05 га) и Солдатское (10 га). Но и это не предел. По подсчетам А.М. Обломского, на территории Днепровского лесостепного левобережья 7% выявленных памятников черняховской культуры имеют площадь от 14 до 42 га¹³.

Теперь рассмотрим топографию поселений черняховской культуры региона на основе метода, предложенного Р.Г. Шишкиным, который рассматривает ландшафт как систему взаимосвязанных элементов рельефа: речных долин, балок, склонов, равнин и террас. Он выделил семь типов ландшафтов: 1) равнинно-балочный (склоны и края оврагов, как правило, обводненных); 2) равнинно-склоновый (пологий склон равнины, спускающийся в долину реки или ручья); 3) равнинно-террасовый (верхние равнинные участки террас над поймами рек); 4) пойменно-террасовый (надпойменные террасы рек); 5) террасово-склоновый (склоны надпойменных террас); 6) пойменный (останца в поймах); 7) террасовый.

Выделение последнего типа, по мнению А.М. Обломского, вряд ли правомерно, так как терраса по условиям своего образования представляет собой элемент рельефа, возникший в результате водной эрозии. Он не может быть изолированным и постоянно выступает в сочетаниях с другими деталями ландшафта, либо речных долин, либо оврагов или озер¹⁴.

Данные имеются для 43 черняховских и 38 киевских памятников. Большинство поселений черняховской культуры расположены на склонах и краях оврагов (тип 1, 14 памятников, 32,6 %), далее следуют памятники, расположенные на склонах речных террас (тип 5, 11, 25,6%), мысах речных террас (тип 4, 8, 18,6%) и на пологих склонах равнин, спускающихся к рекам или ручьям (тип 2, 9 памятников, 20,9%). В пойме выявлен 1 памятник (тип 6).

Ландшафтное расположение киевских памятников значительно отличается от поселений черняховских племен. Совершенно отсутствуют памятники, расположенные в овражистой сети (тип 1). Преобладают памятники, находящиеся на надпойменных террасах, как на мысах (тип 4, 13 памятников, 34,2%), так и на склонах (тип 5, 18 памятников, 47,4%). На мысах коренных берегов выявлено лишь 2 памятника (тип 3, 5,3%), в пойме – 5 памятников (тип 6, 13,2%).

Восточная граница черняховской культуры установлена разведками А.М. Обломского и проходит примерно по долине р. Северский Донец. Западнее долины Северского Донца черняховские памятники и памятники с преобладанием лепной керамики накладываются друг на друга. Восточнее располагаются только киевские поселения, образующие так называемые зоны концентрации. А.М. Обломским было выявлено 10 зон концентрации памятников с преобладанием лепной посуды, из них 5 расположены на территории Белгородской области: в верховьях р. Псел при впадении в нее р. Пены, в верховьях Северского Донца выше г. Белгорода, в среднем и нижнем течении рр. Короча и Корень, и две зоны на Осколе – от р. Котел до г. Новый Оскол и в районе г. Валуйки. Вне этих зон киевские памятники встречаются, но довольно редко. Черняховские селища не образуют каких-либо локальных скоплений.

Таким образом, сплошными разведками в области обследованы основные речные долины с притоками: Ворскла, Северский Донец, Оскол. Слабо обследована овражно-балочная система, небольшие реки и ручьи, а ведь это наиболее излюбленные места расселения черняховских племен.

Примечания:

1. Луцкевич Н. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія. Т. II. Київ, 1948. – С. 164-165; Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА №104. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 174.

2. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа... - С. 173.

3. Щукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. - С. 111-133.

4. Обломский А.М. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1984 год. №9510; Он же. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1985 год. №10910; Он же. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1986 год. №11201; Он же. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1987 год; Он же. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1988 год. №12562; Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Отчет о разведывательных работах Белгородской раннеславянской экспедиции на территории Белгородской и Сумской областей в 1989 год. №13486.

5. Кропоткін А.В. Обломський А.М. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III-V ст.н.е. // Археологія. 1991. №1. - С.75-89.

6. Обломский А.М. Новый Черняховский памятник на территории России // *Stratum+*, №5. 2001-2002. - С. 27-52.

7. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.-Сумы, 1991. – С. 152-203.

8. Там же. – С. 208-216.

9. Там же. – С. 220-225а.

10. Глуценко В.П. Новый клад римских денариев // ВДИ. 1989. №2. - С. 68-74.

11. Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеимское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып.5. М., 2002. – С. 117-118.

12. Сарапулкина Т.В. Отчет о разведочных работах на территории Белгородского, Борисовского, Грайворонского, Чернянского и Яковлевского районов в 2006 году / Архив кабинета археологии БелГУ.

13. Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеимское и гуннское время... – С. 31.

14. Там же. – С. 30.

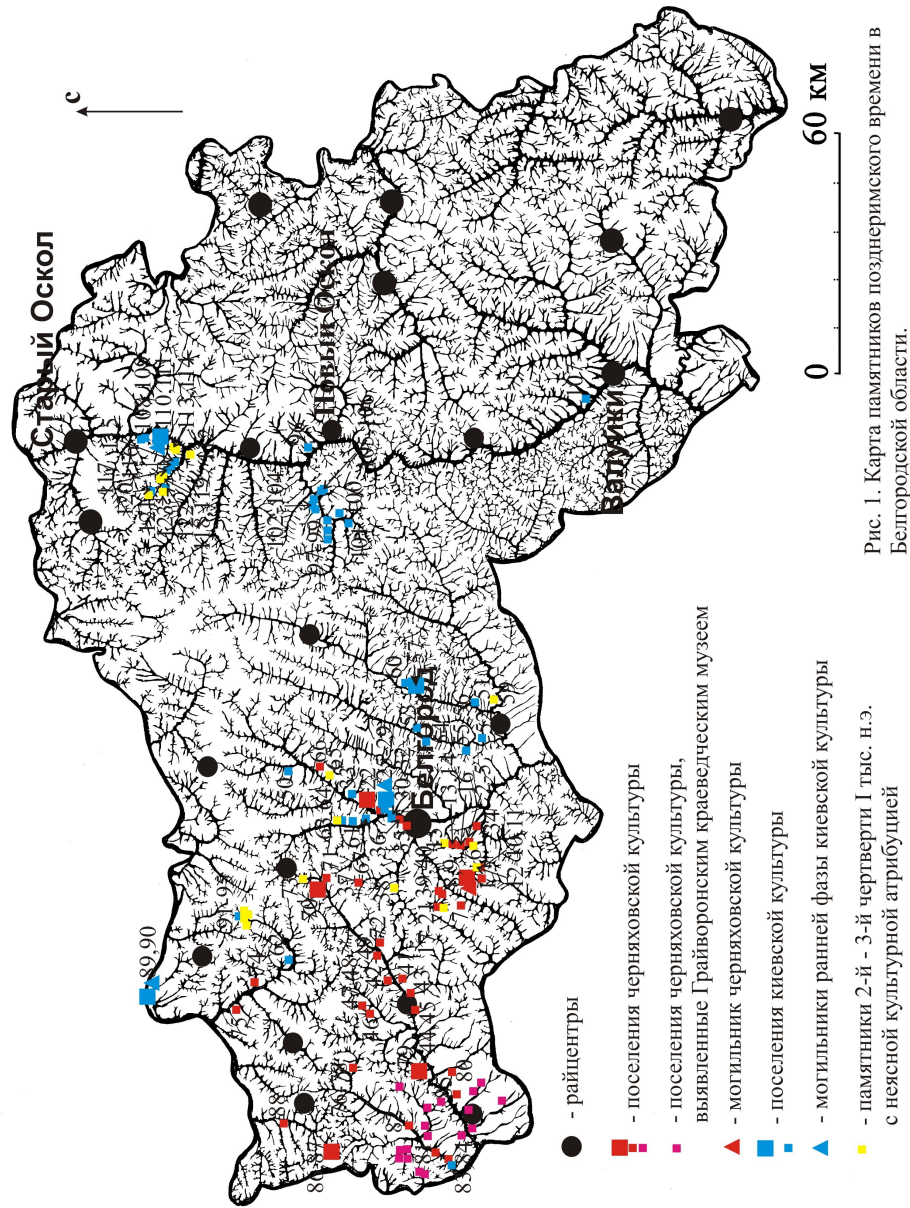

Рис. 1. Карта памятников позднееримского времени в Белгородской области.

К рис. 1. Список памятников позднееримского времени в Белгородской области. 1 - Болдыревка; 2 - Бродок-1; 3 - Бродок-2; 4 - Бродок-3; 5 - Бродок-4; 6 - Бродок-5; 7 - Веселая Лопань-1; 8 - Головино-1, мог.; 9 - Головино-1; 10 - Головино-2; 11 - Головино-3; 12 - Головино-4; 13 - Дубовое-1; 14 - Дубовое-2; 15 - Дубовое-3; 16 - Таврово; 17 - Угрим-1; 18 - Угрим-2; 19 - Угрим-3; 20 - Угрим-4; 21 - Угрим-5; 22 - Хохлово-2; 23 - Шагаровка-1; 24 - Шагаровка-2; 25 - Шишино-1; 26 - Шишино-2; 27 - Шишино-3; 28 - Шишино-4; 29 - Шишино-5, пос. и мог.; 30 - Зеленая поляна-1; 31 - Зеленая поляна-2; 32 - Зеленая поляна-3 (старый город); 33 - Киселево; 34 - Топлинка; 35 - Белгород; 36 - Новосадовый-1; 37 - Драгунское; 38 - Пушкарное; 39 - Комсомольский-1; 40 - Комсомольский-2; 41 - Стригуны-2; 42 - Стригуны-Березовка-2 (восточный холм); 43 - Гостенка; 44 - Ланок-2 (Борисовка-1); 45 - Ланок-1 (Борисовка-2); 46 - без названия (на территории с. Крюково); 47 - Крюково-1; 48 - Крюково-2; 49 - Теплое-1; 50 - Рындинка; 51 - Доброе; 52 - Крапивное; 53 - Неклюдово-1; 54 - Никольское-3; 55 - Чураево-2; 56 - Чураево-3; 57 - Цепляево Второе; 58 - Шоссейное; 59 - Нежеголь-1; 60 - Селишко-1; 61 - Дружный; 62 - Красное; 63 - Новая Лоза-1; 64 - Новая Лоза-2; 65 - Кривцово; 66 - Стрельниково; 67 - Терновка-1; 68 - Лубяная поляна-1; 69 - Лубяная поляна-2; 70 - Вознесенка-1; 71 - Вознесенка-3; 72 - Серетино-2; 73 - Ворскла; 74 - Венгеровка-1; 75 - Вышние Пены-1; 76 - Солдатское-1; 77 - Солдатское-2; 78 - Солдатское-3; 79 - Головино; 80 - Головино (Хотмыжск-1); 81 - Рождественка-2; 82 - Санково-1; 83 - Мокрая Орловка-3; 84 - Мокрая Орловка-2; 85 - Луговка-1; 86 - Подвысокий-1; 87 - Подвысокий-2; 88 - Колотилковский; 89 - Песчаное; 90 - Песчаное-Кулига, мог.; 91 - Верхопенье-1; 92 - Верхопенье-2; 93 - Верхопенье-3; 94 - Верхопенье-4; 95 - Верхопенье-5; 96 - Оскольское-6; 97 - Татьянавка-1; 98 - Покрово-Михайловка-1; 99 - Великомихайловка-3; 100 - Великомихайловка-4; 101 - Великомихайловка мест.-1; 102 - Красная Каменка-1; 103 - Красная Каменка-2; 104 - Красная Каменка-3; 105 - Киселевка-1; 106 - Киселевка-2; 107 - Колосово-2; 108 - Дачное-1; 109 - Дачное-2; 110-111 - Приосколье-2, пос. и мог.; 112 - Приосколье-17; 113 - Приосколье-32; 114 - Приосколье-34; 115 - Комаревцево-5; 116 - Комаревцево-6; 117 - Николаевка-2; 118 - Комаревцево-7; 119 - Комаревцево-8; 120 - Комаревцево-9; 121 - Дубенка-1; 122 - Успенка-2; 123 - Малахово-1.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ИКОНОБОРЧЕСКОГО СОБОРА 754 ГОДА

А.А. Тельной

Белгородский государственный университет

В работе рассматриваются проблемы, связанные с иконоборческим церковным собором 754 г. в Византии. На основе канонического права и общего контекста церковной истории автор показывает, что этот собор никак нельзя считать легитимным.

Ключевые слова: собор, иконоборчество, легитимность.

A PROBLEM OF LEGITIMACY OF ICONOCLASM COUNCIL 754 AD

A.A. Tel'noy

Belgorod State University

At this article research the problems about iconoclastic Council at 754 AD in Byzantium. On a basis of Canon Law and common context of Church History an author showd, that this Council can not are legitimacy.

Key words: Council, Iconoclasm, legitimacy.

Высшим органом церкви в делах суда, управления и вероучения были вселенские соборы. По самому своему смыслу, вселенский собор (oikouμενική) есть тот, на котором верно выразился голос всей вселенской церкви. Для вселенского собора не требуется ни созыв его папой, ни его участие, ни участие представителей всех частных церквей, ни даже немедленное признание его в этом качестве всеми частными церквями. Нужно одно то, чтобы здесь выражена была истина, содержащаяся всей вселенской церковью. С догматической точки зрения вселенский собор есть орган Святого Духа, живущего в церкви. Верование, что Святой Дух не оставит своим божественным руководством собравшихся, всегда одушевляло их самих. "Изволися Духу Святому и нам" - это наиболее общая форма соборных решений¹.

Император Константин V хорошо знал, каким глубоким уважением пользовались вселенские соборы в Церкви, и потому захотел собрать собор вселенский иконоборческий², тем самым, чтобы показать пред народом, что иконоборство есть дело не нечестия, а ревности по Православию³. Кроме того, без собора любое решение могло быть оспорено как частное богословское мнение⁴.

Принимая во внимание, что созыву собора в Константинополе предшествовало обсуждение догматической и церковной стороны вопроса об иконопочитании на частных собраниях, предварительные меры к привлечению на свою сторону приверженцев император начал осуществлять с 752 г.⁵ Иконоборческий вопрос в то время получил такое развитие, какого он еще не имел при Льве Исавре. Что всего важнее, дело далеко не ограничивалось отрицанием поклонения иконам, а перешло в христологическую полемику и в отрицание культа Богородицы.

Чтобы приготовить умы к указанным вопросам в нужном себе направлении, император воспользовался предвыборными собраниями, устроенными в различных местах, и до известной степени создал себе «партию» среди высшего духовенства⁶.

Император и патриарх сообща разослали по всем епархиям грамоты к епископам, приглашавшие на синод против святых икон⁷. В течение 752 г. разосланы были приглашения на собор, который должен был состояться в начале следующего года и быть открытым во дворце Иерии, на азиатской стороне Мраморного моря, между Хрисополем и Халкидоном. Перед открытием собора умер константинопольский патриарх Анастасий, но император не спешил с замещением вакантного престола, хотя присутствие даже и одного патриарха могло придать собору больше авторитета⁸. Председателем собора был Феодосий Ефесский, незаконный сын императора Тиверия III Апсимара (698-705 гг.). Столпами собора были: митрополит Антиохии Писидийской Василий Трикоав и митрополит Перги Памфилийской Сисиний Пастилла⁹. Однако патриархи на соборе отсутствовали: константинопольская кафедра была в то время вакантна; Антиохия, Иерусалим и Александрия отказались принять участие в соборе; папские легаты также на соборе не появлялись. Через несколько месяцев, собор был переведен в Константинополь, где и был избран новый патриарх¹⁰.

На соборе присутствовало 338 епископов¹¹. Император заранее обеспечил успех иконоборческого дела на соборе приглашением сюда таких епископов, которые или стояли за иконоборчество, или не имели мужества решительно выступить против императора¹². Кроме того, присутствовали епископы, которые оказались очень далекими от тех высоких образцов пастырства, какие выставляла Церковь более древняя. Один современный Седьмому Собору

писатель выражается, что епископы того времени ни о чем другом не заботились, кроме лошадей, овцеводства, хлебопашества; они заботились, как бы повыгоднее продать свой зерновой хлеб, свои вина, млеко, шерсть, шелк, а стада свои духовные оставляли в пренебрежении; казалось, что их обязанность состояла в удовлетворении чувственных нужд народа, а не потребностей духовных¹³.

Считаясь с православной аргументацией и отвечая на нее, Константин составил трактат, содержание которого раскрывает всю пропасть, разделяющую иконопочитание и иконоборчество¹⁴. Выступая в роли верховного авторитета в богословских вопросах, он перевел борьбу с иконами на уровень догматического спора, сделав главной мишенью критики возможность материального изображения Христа, которое или ограничивает неограничимое Божество, или смешивает две природы, или разделяет человеческую и божественную ипостась воплощенного¹⁵. Это произведение императора, выражающее его точку зрения на само понятие иконы, излагало на иконоборческом выражении, настолько грубо монофизитские формулировки, что собор должен был их изменить, и, чтобы оправдать иконоборчество от обвинения в монофизитстве, он обвинил в нем иконопочитателей¹⁶. 27 августа император вышел на площадь с патриархом и прочими, и они объявили перед народом свое решение относительно святых икон¹⁷.

Резюмировав догматы, провозглашенные предшествующими соборами, иконоборческий собор 754 г., осудив изображения, предварил свое осуждение перечнем христологических постановлений шести вселенских соборов, называя сформулированные ими догматы, а также еретиков, которых они осудили¹⁸: св. Германа Константинопольского, св. Иоанна Дамаскина и св. Георгия Кипрского¹⁹. Затем утверждается, что почитание икон произошло от идолопоклонства, внушенного диаволом и опровергаемого Священным Писанием Ветхого и Нового Завета. Затем исповедание переходит к аргументации и приводит сперва аргументы богословские, затем аргументы от Писаний и наконец аргументы святоотеческие²⁰.

Таким образом, Собор торжественно осудил иконы. Отныне государь мог наказывать упорствующих не только за неподчинение императору, но и за восстание против самого бога²¹.

Римские папы после иконоборческого собора порвали связь с Востоком и отделились навсегда от Византийского государства. Греческое христианство стало в данном виде отдельной религией, а империя стала во всех отношениях отдельным государством²².

Восточные патриархи также не согласились с постановлением данного собора. Через 23 года после того собора, был созван новый Вселенский собор, на котором присутствовал как Константинопольский патриарх, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархи, так и делегация от Папы Римского. На том соборе были отменены и осуждены постановления Иконоборческого Собора.

Таким образом, результаты иконоборческого Собора не следует называть решением всей православной Вселенской Церкви, вследствие того, что данный собор не был открыт патриархом, и отсутствовала делегация от всех патриархов христианской церкви. Решения данного собора нельзя отнести и в разряд решений поместного собора, вследствие того, что его решения входили в противоречия с христологической догматикой Вселенской церкви.

Примечание:

1. Болотов В.В. *Лекции по истории Древней Церкви / под ред. А. И. Бриллиантова. В 4-х тт. Т. IV. История церкви в период Вселенских соборов.* СПб., 2007 // www.biblicalstudies.ru/Books/Bolotov58.html

2. Лебедев А.П. *Вселенские соборы VI, VII и VIII веков.* СПб., 2004. - С. 155.

3. Дмитриевский Д. *История Православной Христианской Церкви.* М., 2003. - С. 154.

4. Занемонец А. *Византийская империя: иконоборческий период // История: научно-методическая газета для учителей истории и обществоведения.* 2007. 16-30 сент. (№18). - С. 6-17 // his.1september.ru/2007/18/6.htm

5. Успенский Ф.И. *История Византийской империи VI-IX вв.* М., 1999. - С. 325.

6. Там же.

7. Труды В.Г. Васильевского. В 5-ти тт. Т.2. / Изд. Непременный секретарь, академик князь Б. Голицын. СПб., 1909. - С. 323.

8. Успенский Ф.И. *Указ. соч.* - С. 327.

9. Карташев А.В. *Вселенские соборы.* Клин, 2004. - С. 470.

10. Васильев А. А. *История Византийской империи: Время до Крестовых походов (до 1081 г.). В 2-х тт. Т.1.* СПб., 1998. - С. 244.

11. Тальберг Н. *История христианской Церкви.* М., 1991. - С. 177.

12. Карташев А.В. *Указ. соч.* - С. 470.

13. Иоанн Аксайский. *История Вселенских соборов*. Киев, 2004. - С. 324.
14. Успенский Л.А. *Богословие иконы Православной Церкви*. Переяславль, 1997 // nesusvet.narod.ru/ico/books/ouspensky/ouspensky_08.htm#a1
15. Кривушин И.В. *Империя и церковь после императора Юстиниана* // www.vizantia.info/docs/12.htm
16. Пеликан Я. *Дух Восточного христианства (600-1700)*. М., 1998 / *Христианская традиция. История развития догмы* // volodarmira.narod.ru/lib/36.htm
17. Успенский К. Н. *История Византийской Империи. Лекции читанные на Московских Высших женских курсах, 1914/15 учеб. году. Ч.2*. М., 1915. - С. 230.
18. Пеликан Я. *Указ. соч.*
19. Асмус В. *История церкви*. М., 1998. – С. 50.
20. Успенский Л.А. *Указ. соч.*
21. Диль Ш. *История Византийской империи* // Библиотека Гумер – история / www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Diehl_Ist/04.php
22. *Всеобщая история христианской церкви*. New York, 1954. - С. 415.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РЫЦАРЯ В ПАМЯТНИКАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII-XIII ВВ.

Э.В. Абрамов

Белгородский государственный университет

В статье анализируется модель военно-профессиональной направленности средневекового рыцарства, конструируемая западноевропейской куртуазной литературой. Внимание автора направлено на изучение структурно-содержательных компонентов этой модели, выражающихся в «предметных» и «субъектных» военно-профессиональных ценностях, а также в развернутых мотивациях рыцарства к занятию воинской деятельностью. Выявленная система смыслообразующих профессиональных ценностей рыцарства оценивается автором как неформальная, зрелая, отличающаяся высоким уровнем развития.

Ключевые слова: военно-профессиональная направленность, рыцарство, куртуазная литература, ценности, мотивации, ментальность.

CONSTRUCTION OF THE MILITARY-PROFESSIONAL TENDENCY OF THE KNIGHT IN WORKS OF WEST EUROPEAN LITERATURE OF THE 12TH – 13TH CENTURIES

E.V. Abramov

Belgorod State University

The article deals with the model of the military-professional tendency of the medieval knighthood constructed by West European courtly literature. The author pays attention to the study of structure substantial components of this model which are «object» and «subject» military-professional values as well as detailed motivations of the knighthood to military activity. Detected system of sense-forming professional values of the knighthood is evaluated by the author as informal, mature and notable for the high level of development.

Key words: the military-professional tendency, the knighthood, courtly literature, values, motivations, mentality.

Они возвели на высшую ступень героизма военную доблесть – основную человеческую добродетель, до настоящего времени являющуюся оплотом всякого общественного строя.

Анатоль Франс.

Война – мой пароль!

Бертран де Борн.

Специфика предлагаемой работы состоит в интерпретации литературного материала с точки зрения конструирования модели военно-профессиональной направленности средневекового рыцарства.

Любая историческая форма военной деятельности предполагает активное профессиональное развитие, в рамках которого осуществляется формирование устойчивой военно-профессиональной направленности специалиста и его личности. Современные исследователи включают военно-профессиональную направленность в понятие профессионализма и выделяют в качестве их составляющих, наряду с эффективностью военной деятельности, общий высокий

уровень военно-профессиональной компетенции и квалификации, а также соответствующие личностные качества, совокупность ценностей, мотивов и потребностей.

Формирование военно-профессиональной направленности рыцарства в период Средневековья происходило не только в рамках военной практики, но в значительной степени также через восприятие образов и ситуаций, описанных в памятниках западноевропейской куртуазной литературы. Этот факт увеличивает для нас значимость данного вида источников и побуждает к их изучению через призму данной проблематики.

Военно-профессиональная направленность рассматривается нами как комплексная ценность, совокупность различных ценностных ориентиров, ментальных установок и поведенческих стереотипов, характерных для представителей рыцарского сословия периода развитого Средневековья, и нашедших отражение в литературных памятниках эпохи. Интерес к их подробному рассмотрению повышается в связи с тем, что сложившиеся в рыцарской среде военно-профессиональные ценности могут служить образцом интересного историко-культурного опыта элитных воинов Средневековья, не потерявшего своей актуальности в вопросах воспитания современного офицерского корпуса.

Научно-теоретической базой исследования послужили идеи в области повседневности, идеологии и ценностной ориентации рыцарства, сформулированные в трудах ведущих зарубежных и российских учёных, таких как Ж. Флори, Ж. Ле Гофф, Й. Хейзинга, М. Оссовская, Н.И. Басовская, С.И. Лучицкая, Д.Э. Харитонович¹.

При достаточно многосторонней изученности феномена рыцарства и его культуры в зарубежной и, отчасти, отечественной историографии, попытка комплексного анализа *модели военно-профессиональной направленности*, сконструированной авторами рыцарских романов Средневековья, предпринимается нами впервые.

Для представителей касты средневековых профессиональных воинов ключевой *предметной ценностью* была сама война, как непосредственная сфера применения профессии, определявшая весь образ жизни.

Тема войны в памятниках западноевропейской рыцарской литературы XII–XIII веков занимает центральное место: «Ради чего весною ранней / Расцветают повсюду / Цветы и травы? / Чтобы дать всем знать: / Пришел славный сезон войны» (Бертран де Борн)².

В рыцарской литературе затрагивается вопрос воинского призвания. Главный герой романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», по мнению его автора, был «для бранных подвигов рожден», «был вскормлен на войне!» и «с юных лет был воин истый»³. Элитный воин жил войной, которая являлась для него и его собратьев по профессии целью, смыслом и главным событием жизни: «Мир мне не в сладость, / Война мне в радость»⁴. Характерна была постоянная готовность средневекового рыцарства к войне и сражениям. В этом смысле представляет интерес высказывание Бертраана де Борна: «Неважно, четверг иль среда, / И в небе какой зодиак, / И засуха иль холода, – / Жду битвы, как блага из благ: / В ней – доблести соль, / Всё прочее – ноль / С ней рядом...»⁵. Литературные герои испытывают настоящую страсть, неистовое стремление к войне и сражениям: «Пылая, словно в лихорадке, / Весь жаждой боя распален...»⁶.

В источниках воспеваются главным образом не спокойная, мирная жизнь средневекового дворянства, а именно – боевые будни благородных воинов, которым было вообще несвойственно длительное пребывание в своих замках. В куртуазной литературе ярко и остро звучит тема выбора рыцаря между войной и мирным существованием: «Кто выбор не сделает свой / Меж мирным житьем и борьбой / Тот будет унижен судьбой...»⁷. Важно, что этот очень непростой выбор практически всегда делался именно в пользу войны⁸.

Отказ рыцаря от военных походов и странствий в пользу мирной жизни резко негативно воспринимался средневековым рыцарским сообществом⁹. Осуждалось злоупотребление развлечениями и свободным времяпрепровождением в ущерб военной деятельности, так как это означало пренебрежение рыцаря своей основной функцией в средневековом обществе¹⁰. Рыцарь не мог допустить, чтобы его дразнили «неженкой... / Как жертву вечного досуга»¹¹.

Таким образом, в рыцарской литературе формировался образ профессионального рыцаря – благородного элитного воина, имеющего призвание к профессии, проводящего значительную часть жизни в боевых условиях: «Вся жизнь – походы и сражения»¹².

Рассматривая отраженное в источниках восприятие войны, будет не лишним вспомнить, что к началу развитого Средневековья окончательно оформилась христианская военная доктрина, поэтому для средневекового рыцаря, воина и христианина, был очень немаловажным факт справедливости и законности войны¹³.

Помимо этого, в мировоззренческой системе средневековой Европы различали «смертельную» войну и «рыцарственную» («сословные» концепции войны). В «смертельной войне» (mortelle) допускалась «жестокость и кровопролитие, разрешалось использовать против противника все силы и приемы, в сражении надлежало не брать пленных, добивать раненых, догонять и избивать бегущих, убивать вражеских гонцов и глашатаев и т.д.¹⁴. Таковые действия были применимы преимущественно в отношении «чужих» – мусульман, язычников и еретиков.

Война же второго типа – «рыцарственная» (guerroyable) или «честная война» (guerre loyale), не ставившая целью физическое истребление противника, – предполагала регламентацию, соблюдение всех правил и условностей для выяснения силы сторон: в войнах этой категории сходились в бою воины одного сословия и веры¹⁵.

В контексте поставленной проблематики «рыцарственная война» (определим её как благородную игру) представляет для нас больший интерес, ибо именно концепция «честной войны», являясь порождением сословной культуры европейского рыцарства, в наибольшей степени соответствовала его профессиональной направленности. В литературных памятниках Средневековья доминирует описание именно этой войны – войны равных¹⁶.

В рамках рыцарского сословия сформировался комплекс этических норм, регламентирующих организацию «рыцарственной войны» и поведение благородных воинов в рыцарском бою. Необходимость соблюдения их была признана всем благородным военным сообществом: «А эти, коих рок заставил / Сойтись, не нарушая правил / Военных игр, избави бог! / Здесь каждый сызмальства берег / Святые рыцарские нравы»¹⁷. В источниках достаточно внимания уделяется описанию правил профессиональной этики, основанной на взаимоуважении противников в ходе истинно рыцарского – преимущественно конного – боя¹⁸.

Эмоционально окрашенному отношению благородных воинов к ратному делу соответствовал широкий круг *мотиваций*, предопределявший важность и необходимость для них данного рода деятельности. Далее мы попытаемся выделить отмеченные средневековыми авторами основные мотивы, побуждавшие рыцарство к войне, турнирам, странствиям и авантурным приключениям.

В памятниках литературы выразительно прописано стремление рыцарей к свершению боевого подвига во имя личной славы: «На подвиг рыцаря влекло...»¹⁹. Подвиг, в свою очередь, как демонстрация доблести, являлся способом приобретения и преумножения воинской славы, стяжание которой в литературных памятниках можно считать *ведущей мотивацией* рыцаря к его профессиональной деятельности. Высказывание Вольфрама фон Эшенбаха: «Он славу доблестью купил!...», – как нельзя лучше иллюстрирует эту мысль, – зачастую именно ради этой «покупки» рыцари вступали в бой²⁰.

Изучая культуру рыцарского поединка, В.Р. Новоселов подошел к вопросу с лингвистической стороны и отметил, что в системе средневековой рыцарской этики слово «честь» во Франции (l'honneur) являлось, прежде всего, синонимом слова «слава». Слово «честь», употребленное во множественном числе, означало оказанные королём или сеньором «милости», «почести», «вознаграждение» (титулы, должности и проч.)²¹. Таким образом, «честь» являлась синонимом рыцарской репутации, доброго имени дворянина, следствием его рыцарской славы, и одновременно – метафорой достойной награды, почестей.

Источники свидетельствуют, что в рыцарской среде присутствовало представление о дифференцированной славе: «Весы природа создала, – / Чья перевешивает чаша: / Моя или, к примеру, ваша? / А та, где слава тяжелей!»²². Поэтому герой, стоящий перед дилеммой – «Чью в споре сторону принять?», – ищет, естественно, «славы тяжелей»²³.

Из текстов явно следует, что боевая слава, сопровождавшая подвиги, служила рыцарю своего рода гарантом его общественного признания, могла обеспечить ему предоставление определённых привилегий, а также – новых социальных возможностей. Так, например, былые победы и рыцарская слава Парцифали даёт ему почетное право для вступления в число рыцарей Круглого стола: «Вступите, просим, в круг наш тесный / Героев Круглого стола. / Ведь ваши громкие дела / И ваша рыцарская слава / Вам обеспечивают право / Быть в нашу принятым среду...»²⁴.

Одновременно, в памятниках литературы нередко порицается свершение военных подвигов ради одной лишь боевой славы. Вольфрам фон Эшенбах, описывая действия тамплиеров, акцентирует внимание читателя на то, что мотивация последних не сводилась к «погоне» за славой: «Храмовники, прибегнув к силе, / Спасенье людям приносили. / Им запрещалось воевать, / Чтоб просто славу добывать...»²⁵. В этом смысле примечательно также сочинение мин-

незингера Гартмана фон Ауэ, в котором он призывает рыцарей к служению Богу, посредством их участия в крестовом походе²⁶. Гаусельм Файдит был уверен: «Кто ради дел святых / Искал чужих краев, – / За гробом ждёт таких / Прощение грехов»²⁷. Яркую идею войны ради спасения высказал Вальтер фон Фогельвейде: «Дай сил и мне, о боже, для новых славных сеч! / ... / Мне золото не нужно и земли ни к чему, / Но, может быть, я буду, певец, наставник, воин, / Небесного блаженства навеки удостоен»²⁸.

Таким образом, средневековые тексты позволяют выделить второй мотив воинской деятельности – служение рыцаря Богу (церкви) во имя искупления своих грехов.

В качестве следующего мотива можно назвать потребность следования правилам вассальной верности и выполнения рыцарского долга²⁹. Именно на чувстве долга и верности строились все взаимоотношения между вассалом и сеньором³⁰. Несоблюдение же этой верности, расценивавшееся зачастую как предательство, получило принципиально негативную оценку в произведениях средневековой литературы³¹.

Серьезным мотивом, побуждающим рыцаря к действию с оружием в руках, могло быть феодальное понимание справедливого суда, вследствие чего проявлялось стремление к доказательству своей правоты, невиновности или прав на что-либо посредством силы. К примеру, Эшенбах описывает смысл рыцарского поединка: «Сегодняшним турниром, / Который будет весьма кровав, / Сама судьба решит: кто прав, / Покрытый в битве правой / Презреньем или славой!...»³². Из отрывка следует, что победитель такого «судебного» боя, помимо доказательства своей правоты, удостоивался также и славы, что в очередной раз указывает на *полимотивированность* воинской деятельности рыцаря.

В контексте рассмотрения данного вопроса, нам представляется интересной позиция, высказанная Бертраном де Борном, характерная для представителей рыцарского сословия в целом и отрицающая не военный способ разрешения конфликта: «Спор без урона сторон / Без жаркой кровавой встряски, / Бессмысленный, безысходный, / Стал притчей неблагородной...»³³. В продолжение этой мысли трубадур писал: «По мне, звон сабель – веский довод в споре...»³⁴. Аналогичной позиции придерживался и герой французского эпоса Роланд: «Я подтверждаю свои слова мечом / ... / И докажу мечом, что он не прав»³⁵. В качестве признаваемой рыцарством причины вооруженных действий могла выступать справедливая месть за попрание чести³⁶.

Хотя решение спорных ситуаций посредством силы имело широкое распространение, в феодальной среде стремились ограничить истребление рыцарей рыцарями: так, в романе «Парцифаль» среди рыцарей Круглого стола вводился запрет на решение спорных ситуаций силовыми методами, приоритет над которыми отдавался мирным способам³⁷.

Лейтмотив многих куртуазных произведений – Любовь идеального рыцаря к Даме. Безусловно, влюбленность можно считать состоянием, стимулирующим и вызывающим военную активность рыцаря. Военное служение во имя любви ярко представлено в произведениях куртуазной литературы: «Любви служенье / Не раз вело его в сраженья...»³⁸.

Помимо вышперечисленных мотивов, которые можно условно объединить в группу «идейных и эмоциональных», занятию рыцарей военной деятельностью в значительной степени способствовали мотивы материалистического толка, что также нашло своё отражение в литературных памятниках. Одержавшие победу в сражениях рыцари получали от своих сеньоров материальные вознаграждения³⁹. Кроме того, согласно обычаю, в случае честной победы рыцарь получал военные трофеи⁴⁰. Нередко, в целях личного обогащения рыцари прибегали во время войн к грабежам и мародерству⁴¹. Можно заметить, что в подобных случаях *мотив* сопоставлялся с конкретной *целью*.

Основываясь на источниках, следует указать, наконец, и такой существенный мотив военной деятельности, как защита феодальных владений⁴².

В сложном комплексе военно-профессиональной направленности западноевропейского рыцарства выделяются *субъектные ценности*, имевшие **огромное значение** в его корпоративной культуре. Они выражены в устойчивых представлениях средневекового общества о ряде профессионально необходимых качеств личности и этических норм, которые фактически являлись ориентирами рыцаря в воинской деятельности и ее критериями.

Содержание источников показывает, что одним из наиболее ценимых качеств личности благородного воина была доблесть⁴³. Понятие рыцарской доблести связывалось с такими личностными характеристиками как храбрость, смелость, мужество, бесстрашие, отвага: «Удачи тем даны, / Кто смел, их добывая!»⁴⁴. Можно утверждать, что наличие доблести или отваги у

рыцаря получало очень высокую оценку в феодальном сообществе⁴⁵. Отсутствие же доблести, напротив, всячески попрекалось и не пользовалось одобрением⁴⁶.

В изученных литературных памятниках выделяется из разряда перечисленных качеств бесстрашие, которое признается как бы родовой чертой рыцарства, неотъемлемой составляющей рыцарского характера⁴⁷. Пейре Видаль проводил параллель между современным ему эталонным рыцарем и героями эпической «Песни о Роланде» именно по этому критерию: «Бесстрашен, как Роланд и Оливье... / ...Я рыцарство явил во всей красе...»⁴⁸.

Все выше указанные понятия, при различной этимологии слов, являются синонимичными, а использование того или иного переводного варианта и адаптация текстов различных памятников литературы к русскому языку происходили зачастую произвольно, по усмотрению переводчиков. В связи с этим, при исследовании военно-профессиональных качеств рыцарства представляется возможным рассматривать перечисленные характеристики как единое свойство.

Идеальный рыцарь, неизменно характеризующийся как бесстрашный и неустрашимый воин⁴⁹, предпочитал погибнуть в сражении, чем быть заподозренным в проявлении позорной трусости на поле боя⁵⁰. Неустрашимым он обязан быть в бою, прежде всего, перед лицом смерти. В свете чего в западноевропейской литературе чётко просматривается твёрдая готовность рыцаря сражаться насмерть⁵¹, – преодоление страха смерти и есть бесстрашие. В связи с этим, а также с некоторыми другими факторами, такими как влияние христианской философии, отношение к смерти у идеального рыцаря было достаточно своеобразным, а именно: она отнюдь не всегда воспринималась им как зло или наказание. К примеру, замечание трубадура Раймбаута де Вакейрас: «Кто смерти страх преодолел, / Не мыслит смерть одним из зол»⁵².

Хотя «в ходе битвы рукопашной / Смерть не должна казаться страшной...», рыцарь не желал умирать⁵³. Для него смерть в бою была событием славным, но избегаемым, что во многом могло связываться с повышением в глазах людей XII-XIII вв. значимости и ценности земной жизни⁵⁴.

На полях сражений рыцаря, как представителя опасной профессии, поджидала ни только смерть, но и тяжелейшие травмы. Тем более, что «примитивная хирургия того времени, – по замечанию Мориса Кина, – вряд ли была для воинов менее тяжким испытанием, чем вражеская атака»⁵⁵. В литературе рассматриваемого периода нередко можно встретить описания полученных рыцарями травм⁵⁶. По этому поводу Вольфрам фон Эшенбах пишет, что ужас полученных увечий, порой, затмевает радость от одержанной победы⁵⁷. Но раны не должны были внушать страха истинному рыцарю. Бертран де Борн обыгрывает это требование воинской этики в своей сирвенте: «Я ничего за тех не дам, / Чей меч в бездействии упрям, / Кто, в схватку попадая, / Так ран боится, что и сам / Не бьёт по вражеским бойцам»⁵⁸. Вот образец поведения рыцаря: «Но, жженые ран преодолев, / Герой Гаван с земли поднялся. / Сражаться он не отказался»⁵⁹.

В заключение можно сделать вывод, что военно-профессиональная направленность рыцаря характеризовалась обширным комплексом структурно-содержательных компонентов, прежде всего выражающихся в значительном числе *предметных и субъектных военно-профессиональных ценностей*, а также - в развернутой *мотивации* к занятию воинской деятельностью.

Это означает, что изученные памятники являлись в свое время не просто развлекательной (приключенческой) литературой: в них осуществлялось осознаваемое авторами конструирование *системы* профессиональной направленности, отличающейся *высоким уровнем* развития.

Существенно и то, что в куртуазной литературе представлена *зрелая* модель военно-профессиональной направленности рыцаря, который выступает не формальным героем романа, а элитным воином, уважающим корпоративные ценности наряду с индивидуальными.

Примечания:

1. Флори Ж.. *Повседневная жизнь рыцарей в средние века*. М.: Молодая гвардия, 2006; Он же. *Идеология меча*. М.: Евразия, 1999; Хейзинга Й. *Осень Средневековья*: Соч. в 3-х тт. Т.1. М.: Издательская группа 'Прогресс' - 'Культура', 1995; Ле Гофф Ж. *С Небес на Землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории*. 1991. М.: Наука, 1991. - С. 25-44; Оссовская М. *Рыцарь и буржуа*. М.: Прогресс, 1987; Басовская Н.И. *Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // Средние века*. Вып.53. М.: Наука, 1990. – С. 44-51; Лучицкая С.И. *Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. Человек в истории*. 2004. М.: Наука, 2004. – С. 7-35; Харитонович Д.Э. *Война в средние века // Человек и война: Война как явление культуры*. М., 2001. - С. 9-27.

2. Бертран де Борн. Мила мне радость веших дней // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. М.: Художественная литература, 1974. - С. 94; Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. М.: Наука, 1982. - С. 23.
3. Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // *Средневековый роман и повесть*. М.: Художественная литература, 1974. - С. 286, 431, 564; Гаусельм Файдит. Разо третье // *Жизнеописания трубадуров / Под ред. Е.М. Мелетинского*. М.: Наука, 1993. - С. 109.
4. Бертран де Борн. Люблю, чтобы под старость отдавали // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 96.
5. Бертран де Борн. Разо седьмое // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 68; Бертран де Борн-сын. Когда новый сезон открыл // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 94.
6. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 545; 281, 282, 292, 361, 363, 380, 534; Гильем IX Аквитанский. Желаньем петь я вдохновен // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 39.
7. Бертран де Борн. Разо пятнадцатое // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 87.
8. Бертран д'Аламанон. Бертран, пусть был бы выбор Вам предложен // *Там же*. - С. 238; Аймерик де Пезильян. Зря – воевать против власти Любви // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 150.
9. Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. - С. 76-77; Кретьен де Труа. Эрек и Энида. М.: Наука, 1980. - С. 77, 78; Пейре Оверанский. Сирвента // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 341; Бертран де Борн. Разо шестое // *Там же*. - С. 66; Бертран де Борн. Разо пятнадцатое // *Там же*. - С. 87; Ги де Каваллон. Сей лад и стих был мною сочинен // *Там же*. - С. 235.
10. Бертран де Борн. Донна // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. С. 99; Саварик де Маллеон. Разо первое // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 126.
11. Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. - С. 77.
12. Он же. Эрек и Энида. - С. 21; Бертран де Борн. Разо седьмое // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 68-69.
13. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. - С. 244, 245, 246, 247; Басовская Н.И. Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // *Средние века*. Вып.53. - С. 46-48.
14. Уваров Д. Военные потери в средневековье // X Legio 1.5 – Военно-исторический портал. – 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xlegio.ru/armies/diu/war_losses.htm (дата обращения: 12.03.2010).
15. Там же.
16. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. С. 261-285, 333-338, 365, 408-409, 472, 511, 528 – 539, 544-548, 560; Кретьен де Труа. Эрек и Энида. С. 29-35, 88-96, 535-538; Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. С. 67-70; Фламенка, М.: Наука, 1983. С. 62-70; Бертоломе Дзордзи. Я некогй был песней удивлен // *Жизнеописания трубадуров*. С. 255-257; Аноним. Мул без узды // *Зарубежная литература средних веков*. Сост. Б.И. Пуришев. М.: Просвещение, 1974. - С. 268-275.
17. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 535.
18. Там же. - С. 345, 364, 409, 515, 539, 560; Альберт Маркиз. Правда ль, Раймбаут // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 247; Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. - С. 29, 70; Кретьен де Труа. Эрек и Энида. - С. 36, 79, 90, 96; Бернарт де Вентадорн. Песни. М.: Наука, 1979. - С. 23; Понс де Капдюэйль. Разо // *Жизнеописания трубадуров*. - С. 158; Песнь о Роланде // *Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро*. М.: Художественная литература, 1976. - С. 34; Оссовская М. Указ. соч. - С. 85, 88.
19. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 279; 425, 452, 453, 465, 478.
20. Там же. - С. 410; 393, 506.
21. Новоселов В.Р. Рыцарская этика и дуэльный кодекс чести французского дворянства XVI-XVII вв. // *Одиссей. Человек в истории*. 2004. М.: Наука, 2004. - С. 98.
22. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 431.
23. Там же. - С. 431.
24. Там же. - С. 413; 287, 479.
25. Там же. - С. 478.
26. Гартман фон Ауэ. Святого нашего креста // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 302-303.
27. Гаусельм Файдит. Нет! Хватит волн морских // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 112.
28. Вальтер фон Фогельвейде. Увы, промчались годы, сгорели все дотла! // *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 341; Фридрих фон Хаузен. Кто хочет жизнь сберечь свою // *Там же*. - С. 217-218; Гартман фон Ауэ. Святого нашего креста // *Там же*. - С. 303; Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 269, 339, 425.
29. Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч. - С. 380-381; 270, 453; Песнь о Роланде // *Песнь о Роланде. Коронование Людовика*. - С. 37, 142.

30. *Фламенка*. - С. 66; *Бертран д'Аламанон. Бертран, пусть был бы выбор вам предложен // Жизнеописания трубадуров*. - С. 201; *Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. Человек в истории*. 2004. М.: Наука, 2004. - С. 21.
31. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 262.
32. *Там же*. - С. 537; 363.
33. *Бертран де Борн. Разо пятнадцатое // Жизнеописания трубадуров*. - С. 87.
34. *Он же. Разо шестнадцатое // Жизнеописания трубадуров*. - С. 88.
35. *Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика... - С. 140.*
36. *Кретъен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом*. - С. 24.
37. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 396.
38. *Там же*. - С. 557.
39. *Фламенка*. - С. 215; *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 293, 411.
40. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 338, 473, 560; *Кретъен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом*. - С. 70; *Он же. Эрек и Энида*. - С. 90, 92, 95; *Освальд фон Волькенштейн. Ату их! // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 402-403; *Окиотт Э. Археология оружия*. - С. 224.
41. *Бертран де Борн. Разо первое // Жизнеописания трубадуров*. - С. 55.
42. *Фламенка*. - С. 215.
43. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 263, 548, 564; *Фолькет Марсельский. Разо третье // Жизнеописания трубадуров*. - С. 226; *Гильем дельс Амальрик. Кант // Там же*. - С. 319; *Гильем IX. Желаньем петь я вдохновен // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 38.
44. *Бернарт де Вентадорн. Указ. соч.* - С. 85.
45. *Кретъен де Труа. Эрек и Энида*. - С. 34; *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 296.
46. *Маркабрюн. Начинаю без опаски // Жизнеописания трубадуров*. С. 15; *Бонифачи Кальво. Я не горюю, что не оценен // Там же*. - С. 255; *Сордель. Передаст эта песня под струн перезвон // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 159.
47. *Гартман фон Ауэ. Бедный Генрих // Средневековый роман и повесть*. - С. 611, 582; *Бертран де Борн. Разо пятнадцатое // Жизнеописания трубадуров*. - С. 87.
48. *Пейре Видаль. Эн Драгоман, да будь я на коне... // Жизнеописания трубадуров*. - С. 170-171.
49. *Кретъен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом*. - С. 145; *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 324, 286, 389, 439, 454, 483, 484, 477, 507, 514, 559.
50. *Кретъен де Труа. Эрек и Энида*. - С. 25, 34; *Рейнмар. Людей послушать я готова // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 266; *Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика... - С. 78, 60, 116.*
51. *Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. ... - С. 52, 107, 133, 499; Гильем де Бергедан. Ласточка, ты же мне спать не даёшь // Бернарт де Вентадорн. Песни*. - С. 162.
52. *Раймбаут де Вакейрас. Имеет слабость больше сил // Жизнеописания трубадуров*. - С. 210; *Альбрехт фон Йохансдорф. Добрый человек! // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. С. 239; *Гартман фон Ауэ. Святого нашего креста // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов*. - С. 303.
53. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 483; 280, 294.
54. *Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории*. 1991. - С. 38.
55. *Кин М. Рыцарство. Научный мир*. 2000. - С. 396.
56. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 272; *Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. ... - С. 43.*
57. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 535.
58. *Бертран де Борн. Сирвента // Зарубежная литература средних веков*. - С. 168.
59. *Вольфрам фон Эшенбах. Указ. соч.* - С. 539; 483, 488; *Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика... - С. 92.*

ЛЮБОВЬ ДЖОНА ОКСЕНХАМА И ИСПАНСКОЙ ЛЕДИ (1575 – 1577 гг.): ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

А.А. Пастушенко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Статья посвящена исследованию роли и места любовного романа английского пирата и его испанской пленницы в историографии и влияния на последнюю художественной мысли. Перипетии указанной истории в ее метаморфозах от исторического факта к художественному сюжету и обратно особенно наглядно показывают связь между историческим и художественным дискурсами.

Ключевые слова: Джон Оксенхам, испанская леди, историография, Чарльз Кингсли, художественная литература

THE LOVE OF JOHN OXENHAM AND SPANISH LADY (1575-1577): FICTION OR REALITY

A.A. Pastushenko

V.N. Karazin Kharkiv National University

The love history of celebrated English pirate John Oxenham and Spanish lady in historiography and novel has been investigated. The influence of the novel idea on the non-fiction literature of given problem has been considered. It has been shown that some novels have relevant historical background and some historiography reflects the literary tendency.

Key words: John Oxenham, Spanish lady, historiography, Charles Kingsley, literature.

История любви пирата Джона Оксенхама и испанской леди давно стала частью английской истории и культуры.

Целью настоящей работы является изучение неоднозначных оценок указанной темы в историографии и влияния на последнюю художественной литературы.

Тема приобретает актуальность в контексте общего развития междисциплинарных подходов изучения истории. Впервые на основании историографических данных и художественной литературы исследуется развитие сюжета о любви Оксенхама и испанской сеньоры как историко-художественного явления. Предмет исследования позволит прояснить вопросы о природе довольно запутанных историографических проблем.

Для достижения цели исследования были выполнены следующие основные задачи:

1. Изучение отражения указанной истории о любви в источниках и историографии;
2. Освещение вопросов связанных с содержанием и формой романа «На запад, Хоу!» английского писателя Чарльза Кингсли;
3. Исследование влияния указанного произведения на историографическую традицию искомой темы.

В 1575 г. капитан Джон Оксенхам с командой из 70 чел. (по некоторым оценкам 50 чел.) отправился в первую пиратскую экспедицию через Панамский перешеек в Тихий океан. Акции благоприятствовала конфликтная ситуация, сложившаяся к тому времени между Испанией и Англией: последняя пыталась отстоять свое право на торговлю в западном полушарии. Достигнув Тихого океана, Оксенхам и его люди при помощи союзных им негров-симаронов произвели серию пиратских нападений в районе Жемчужных островов. В течение 16 дней, проведенных в засаде, пиратам удалось захватить два испанских судна, на последнем из которых они обнаружили 100 тыс. песо в серебряных слитках, а их капитан встретил роковую в своей судьбе женщину. Роман, вспыхнувший между 42-х летним капитаном и его молодой пленницей, оказался пагубным для всего предприятия. Так, по просьбе испанки и наперекор договору с симаронами Оксенхам отпустил на волю всех пленников, те же в свою очередь оперативно донесли о пиратах вице-королю. В результате практически всех разбойников испанцы убили в стычках, а самого Оксенхама повесили в Лиме в 1579 г.¹

История основана на мемуарах английского авантюриста Ричарда Хоукинса (ок. 1562-1622 гг.) - «Наблюдениях сэра Ричарда Хоукинса, рыцаря, в его плавании в Южном море в году 1593», изданных в 1622 г. Автор данного источника приходился единственным сыном знаменитому Джону Хоукинсу. В 1582 и 1585-1586 гг. Ричард принимал участие в разбойных рейдах в Вест-Индию, в 1588 г., командуя кораблем «Сваллоу», участвовал в разгроме Великой Армады, в 1590 г. на корабле «Крэйн» крейсировал у берегов Португалии. Наконец, в 1593-1594 гг. на корабле «Дэйнти» он предпринимает попытку обогнуть земной шар по примеру Дрейка и Кавендиша. Экспедиция закончилась неудачным столкновением с испанскими кораблями в заливе Сан-Матео, недалеко от Эквадора. Раненый Хоукинс попал в плен, где пробыл восемь лет (1594-1602 гг.), - сначала в Лиме, затем по этапу через Азорские острова был переведен в Севилью, оттуда - в Мадрид. Свободу он получил, во многом благодаря стараниям тайного советника королевы Роберта Сесила. В 1614 г. и 1617 гг. Ричард Хоукинс выдвигал свою кандидатуру на пост адмирала экспедиций Ост-Индской компании. В 1620-1621 гг. в должности вице-адмирала экспедиции Роберта Манселла плавал в Средиземное море с целью искоренения там пиратства. Умер Хоукинс 17 апреля 1622 г.²

Как видим, Ричард Хоукинс посвятил борьбе с испанской империей практически всю свою сознательную жизнь. Его мемуары были отданы в печать в год его смерти. Вероятно, Хоукинс писал свои «Наблюдения» в 1621-1622 гг., поскольку он едва успел закончить первую часть. В последнем абзаце этого труда Хоукинс высказывает желание написать вторую часть

книги с рассказом о его испанском плену и описанием Перу и Тьера Фирме, «...если Бог даст пожить, подходящее место и свободное время, необходимое для такой утомительной и беспокойной работы»³.

В 1847 г. вышло переиздание «Наблюдений» Ричарда Хоукинса, под редакцией капитана С.Р. Дринкуотера Битюна (переиздано в 2007 г. уайтфишским издательством Кессингер Пабблишинг). Редактор не выделял в задачах критику источника, в основном ограничившись комментариями в отношении терминологии, географических названий и некоторых общеисторических фактов. Но он заметил существенную деталь: Хоукинс пытается выставить Оксенхама жертвой коварства, в одном ряду со своим отцом Джоном Хоукинсом, на которого испанцы вероломно напали в 1568 г., и другими примерами испанской «подлости». Дринкуотер выразил сомнение и указал на то, что враги казнили Оксенхама согласно закону, поскольку тот действовал без каперского свидетельства⁴. При этом, следует отметить, история любви англичанина к испанке и вероломства отпущенных им на свободу пленников хорошо вписывается в общую антииспанскую тенденцию мемуаров.

В 1878 г. «Наблюдения» были изданы в сборнике источников Клементса Маркхама «Плавания Хоукинсов» (переизданы в 1970 г. нью-йоркским издательством Айер Пабблишинг). Очевидно, Маркхам пользовался при составлении изданием Дринкуотера, поскольку совпадает большая часть комментариев. Маркхам расширил критику источника, указав, что Хоукинс путает дату в отношении корабля его отца «Джезус оф Любек», когда упоминает его в событиях 1570 г., тогда как он затонул в 1567 г.⁵

Наконец, в 90-х гг. XIX в. Дж. Н. Лаутон, активно привлекая издание К. Маркхама, обнаружил еще несколько ошибок Хоукинса. При этом Дж. Н. Лаутон посчитал наиболее слабым свидетельство о спуске на воду корабля «Дэйнти» в 1588/89 г., где Хоукинс утверждает, что в выборе имени корабля участвовала его мачеха, которую он иронично называет «тещей». Но простое сопоставление дат показывает ошибочность утверждения, поскольку в то время была жива его родная мать (дама Катарина Гонсон умерла в первые дни июля 1591 г.)⁶. Приведенные неточности, обусловленные спецификой мемуарного жанра, дали Дж. Н. Лаутону право полагать, что «романтическая история об интрижке с испанской леди, выгодно обработанная в романе Кингсли «На запад, Хоу!», должно быть, является выдумкой позднейшего времени»⁷.

Как отметил Джеймс А. Уильямсон в 1930-х гг., наиболее сильным подтверждением сомнительности указанной истории является тот факт, что среди немногочисленных свидетельств о жизни и деятельности Джона Оксенхама, упоминания о его любви к прекрасной испанке содержаться только в одном источнике – мемуарах Ричарда Хоукинса⁸.

Данные Р. Хоукинса существенно отличаются от свидетельств португальца Лопеса Ваша, взятого англичанами в плен у реки Ла-Плата в 1586 г.⁹ Согласно его «Докладу о Западных Индиях и Южном море», на Оксенхама донесли ограбленные ловцы жемчуга, а не освобожденные им испанцы¹⁰. Работы Р. Хоукинса и Л. Ваша остаются единственными источниками, свидетельствующими о факте доноса на пиратов властям в Панаму в 1576 г.

Поскольку «Доклад о Западных Индиях...» более раннего происхождения (написан автором до 1586 г.), он несомненно отразился в историографии вопроса. Так, за период 1803-1913 гг. в английской исторической литературе из 10 работ только в одной за основу брались мемуары Ричарда Хоукинса (Томас Соузи, 1827 г.), остальные ссылаются на Лопеса Ваша¹¹.

В контексте резкой критики «Наблюдений» и широкого использования «Доклада» Л. Ваша, история о любви приобретала черты привнесенного в историю сюжета. В связи с этим следует отметить событие в литературной жизни Англии XIX в. – выход романа Чарльза Кингсли «На запад, Хоу!» в апреле 1855 г.¹², который впоследствии оказал влияние на историческую мысль в вопросе данной любовной истории.

Ч. Кингсли родился в 1819 г. в семье англиканского священника в Девоншире. В 1830-е гг. он получил высшее образование в Лондоне и Кембридже. С июня 1842 г. пребывал на должности викария Эверсли в Хемпшире, где активно боролся с безграмотностью прихожан. Весной 1844 г. Чарльз женился на Фэнни Гренфилл и в том же году стал ректором прихода в Эверсли¹³. 1840-е гг. отмечены деятельностью Кингсли против трактариан (оксфордское движение за религиозное возрождение англиканской Церкви, как части католической Церкви) и атеистов¹⁴. В кон. 40-х – нач. 50-х гг. Кингсли инициировал движение за христианский социализм, выступив за объединение христианской этики с социалистической экономикой¹⁵. Зимой и весной 1854 г. писатель провёл в Торкэйе, затем в Бидфорде, в Девоншире, где написал роман «На запад, Хоу!». После его молитвы за здоровье Ее Величества в Букингемском дворце (1859 г.) королева назна-

чила Кингсли придворным капелланом. С 1860 по 1869 г. в звании региус-профессора он читал курс современной истории в Кембриджском университете¹⁶. В 1863 г. писателя избирали членом Геологического общества. С декабря по январь 1869 г. Кингсли вместе с дочерью жил в Америке. В 1871 г. он выступает в Сион Колледже в Лондоне с лекцией «Геология будущего» о соотношении религии и науки. Умер писатель, проповедник и ученый 23 января 1875 г. от пневмонии, заболев по дороге в Эверсли¹⁷.

Из личной переписки Кингсли следует, что роман «На запад, Хоу!» был задуман им как ответ на внешнеполитическую ситуацию: в марте 1854 г. Англия вступила в Крымскую войну (1853-1856 гг.). Напоминая о славных временах Елизаветы Тюдор (1558-1603 гг.), Ч. Кингсли подавал пример для воспитания английского боевого духа¹⁸.

Видимо, под влиянием романтизма писатель добавил в историю любви пирата и испанской сеньоры новые детали, придав сюжету большую трагичность в сравнении с вариантом Ричарда Хоукинса. В отличие от последнего, который подает историю любви несомненным фактом, Кингсли преподносит заведомо ложный сюжет как истинный, вплетая его содержание в опыт вымышленного героя Амиаса Лейта¹⁹.

В романе вместо замужней дамы фигурирует помолвленная со стариком девушка, которую сопровождает не «сын или племянник», как в источнике, а маленькая девочка и подросток «с кислым выражением лица»²⁰. Развязывая сюжет, Чарльз Кингсли подчеркивает трагизм придуманной сценой убийства девушки стариком на глазах у любящего ее мужчины. Связанный Оксенхам с презрением называет убийцу трусом и просит испанцев-палачей подольше затягивать петлю на шее и не пускать на его казнь папистских священников²¹. После этого герой-рассказчик подводит итог: «Вот и все, джентльмены, он все еще смотрел на труп леди, когда его уводили прочь, в то время как все, кто там находился, Бог отблагодарит их за это, открыто оплакивали трагичный конец тех двух грешных влюбленных»²².

Как видим, здесь и призыв к смелости, и антитрактианский выпад, и мысль священника о наказуемости греха. Важно отметить, что сюжет о любви пирата и испанской сеньориты в романе «На запад, Хоу!» зафиксировал переход указанной любовной истории из научной сферы в художественную. Так как автор, написавший роман, преподавал курс современной истории в Кембриджском университете, и, следовательно, был профессиональным историком,²³ уже в июне 1855 г., через месяц после выхода романа, критики обвинили его в антиисторичности, назвав указанное произведение «гигантским анахронизмом»²⁴.

В 1906 г. Джон Мазефилд в работе «На испанском Мэйне» высказал критическое сообщение, что Хоукинс мог услышать испанскую версию о пленной леди в Панаме в 1593 г., но история не подтверждается другими источниками²⁵.

Вследствие вышеприведенных обстоятельств исследователи предпочитали не упоминать в работах любовный эпизод из биографии Оксенхама вплоть до 1908 г. В этом году вышла книга по истории пиратства под редакцией Говарда Пайла, известного американского художника-иллюстратора, в которой автор впервые в исторической литературе высказал впечатление, что Чарльз Кингсли реалистично передал «трагичную судьбу Оксенхама»²⁶. В 1914 г. роман Кингсли снова ассоциируется с Оксенхамом в работе крупного специалиста по истории английского пиратства Зелия Нютела²⁷. В 1918 г. об Оксенхаме как «герое романа Кингсли» упоминает Уильям Вуд, в 1926 г. - Н.М. Пенсер (переиздана Купер Сквер в 1969 г.), в 1930 г. - А. Стернбек, в 1938 г. - Дж.А. Уильямсон (переиздан в 1946, 1952, 1960 и 1965 гг.), в 1950 г. - Л. Дакетт, в 1960 г. - П. Герхард, в 1969 г. - Г.У. Сандерлин, в 1973 г. - У.И. Роче²⁸.

Таким образом, за 1908-1973 гг. десять известных нам исследователей вспомнили роман Кингсли в связи с экспедицией Оксенхама, что говорит о возникновении стойкой ассоциативной связи. При этом восемь из названных исследователей ограничились одним упоминанием романа, не затрагивая романтической кульминации главы об Оксенхаме, и один историк, Дж.А. Уильямсон, очередной раз повторил заявление о маловероятности любовной истории.

Важным поворотом в восприятии предмета настоящей работы стала монография Питера Герхарда (1920-2006 гг.) «Пираты западного побережья Новой Испании. 1575-1742» (1960 г.), в которой он, исходя из мемуаров Ричарда Хоукинса, признает факт существования любовного романа, но считает, что ему не следует придавать «слишком большого значения» как «источнику всех будущих неприятностей и злоключений Оксенхама»²⁹. В объяснении неудачи авантюры 1575-1577 гг. Герхард приводит точку зрения Джеймса Барни (1806 г.) и Джона Мазефилда (1906 г.), основанную на свидетельствах Лопеса Ваша. При этом он занимает неопределенную позицию, не указывая, каким образом «слухи дошли до властей Панамы»³⁰.

Так в творчестве историка сюжет о любви снова принял черты историографического факта. До выхода монографии Герхарда в 1960 г. долгий период времени исследователи выступали единым фронтом в отношении свидетельств Хоукинса (1827-1960 гг.). Герхард пошел по пути синтеза двух свидетельств, дополнив одно другим. Он не привел аргументации в отношении того, почему следует доверять мемуарам в исследуемом вопросе, но в связи с источником вспомнил сюжет Кингсли³¹. Из логики текста монографии следует, что Герхард использует художественное произведение региус-профессора как еще одну точку зрения на историческую проблему, поданную в художественной форме.

Рано говорить об историографической тенденции к пересмотру роли и места любовной истории в экспедиции 1575-1577 гг. Но, кроме работы Герхарда, можно отметить еще одно исследование, где затрагивается данная проблема – «Сэр Джон Додеридж – известный адвокат Британии. 1555-1628 гг.» Даракот Уилер (1992 г.), в которой исследовательница предположила, что английский юрист Додеридж в молодые годы интересовался делом Оксенхама и испанской сеньоры³².

Итак, любовь между Оксенхамом и испанской леди (1575 г.) была отнесена большинством исследователей к разряду вымышленных фактов уже в XIX в., поскольку сведения о ней содержались в одних неубедительных мемуарах Ричарда Хоукинса (1622 г.). В 1854 г. писатель Чарльз Кингсли создал на основе указанной любовной истории сюжет в романе «На запад. Хоу!» Несмотря на упреки критиков в антиисторичности, произведение Кингсли нашло отражение в творчестве исследователей истории Джона Оксенхама.

В условиях скептического отношения историков к указанной теме среди исследователей появилась стойкая ассоциация ее с сюжетной линией Ч. Кингсли, что, на наш взгляд, послужило сохранению упоминаний о данной теме в исторических исследованиях на протяжении первой половины XX в. Наконец, с 1960 г. история Оксенхама и испанской сеньоры снова стала восприниматься некоторыми исследователями как исторический факт.

Исследование проблемы особенно наглядно показывает, что историографическая традиция может изменяться под влиянием художественной мысли.

Примечания:

1. *The Observations of Sir Richard Hawkins / Ed. by C.R. Drinkwater Bethune. L., 1847. – P. 236-237.*
2. *Laughton J.K. Hawkins or Hawkyms, Sir Richard (1562? - 1622) // Dictionary of National Biography / Ed. by Leslie Stephen, Sidney Lee. New York: Macmillan and Co.; L.: Smith, Elder, & Co., 1891. Vol.25. Harris-Henry I. – P. 223-225.*
3. *The Observations of Sir Richard Hawkins / Ed. by C. R. Drinkwater Bethune. – P. 242.*
4. *Notes // The Observations of Sir Richard Hawkins / Ed. by C.R. Drinkwater Bethune. – P. 209-210.*
5. *Markham C.R. Introduction // The Hawkins' Voyages during The Reigns of Henry VIII, Queen Elizabeth, and James I / Ed. by C.R. Markham. London: Printed for The Hakluyt Society, 1878. – P. XXII.*
6. *Laughton J.K. Hawkins or Hawkyms, Sir Richard (1562? - 1622) // Dictionary of National Biography / Ed. by Leslie Stephen, Sidney Lee. New York: Macmillan and Co.; L.: Smith, Elder, & Co., 1891. Vol.25. Harris-Henry I. – P. 225, 219.*
7. *Laughton, Sir J.K. Oxenham, John // Dictionary of National Biography / Ed. by Lee S. New York: Macmillan and Co.; L.: Smith, Elder, & Co., 1895. Vol. 43. – P. 15.*
8. *Note // The Observations of Sir Richard Hawkins from which quotations are taken / Ed. by J.A. Williamson. L.: Argonaut Press, 1933. – P. 162.*
9. *The Voyage of John Oxnam of Plymmouth, to the West India, and over the Straight of Dariene into the South Sea. Anno 1575. Written by the foresaid Lopez in the same Discourse // Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation, made by Sea or over Land, to the most remote and farthest distant Quarters of the earth at any time within the compasse of these 1500 yeeres. L.: George Bishop and Ralph Newberie, 1589. – P. 595-596.*
10. *Indid. – P. 596.*
11. *English seamen under the Tudors / Ed. by H.R. Fox Bourne. L.: R. Bentley, 1868. – P.78; Bancroft H.H. The new Pacific. New York: Bancroft Co., 1913. – P. 505; Johnstone, C.I. Lives and voyages of Drake, Cavendish, and Dampier; including an introductory view of the earlier discoveries in the South sea, and the history of the bucaniers. New-York, J. & J. Harper, 1832. – P. 165; Cooley W.D. Histoire g n rale des voyages de d couvertes maritimes et continentales, depuis le commencement du monde jusqu'a nos jours. Par W. Desborough Cooley. Paris, Charpentier, 1840. – P. 244-245; Masefield J. On the Spanish main; or, Some English forays on the Isthmus of Darien. With a description of the buccaneers and a short account of old-time ships and sailors. New York: The Macmillan company, 1906. – P. 98-105; Southey R. Lives of the British admirals, with an introductory view of the naval history of England. L.: Longman, Rees, Orme, Brown, Green & Longman, and Taylor, 1833. Vol.3. - P. 108-112; Seemann B. History of the Isthmus of Panama. Panama: Star & Herald,*

1867. – P. 4-5; Southey T. *Chronological history of the West Indies*. L.: Longman, Rees, Orme, Brown, & Green, 1827. – P. 201-202; Laughton, Sir J. K. *Oxenham, John // Dictionary of National Biography / Ed. by Lee S.* – New York: Macmillan and Co.; L.: Smith, Elder, & Co., 1895. Vol.43. – P. 15; Burney J.A *Chronological History of the Discoveries in the South Sea or Pacific Ocean*. L.: Luke Hansard, 1803. Part 1. – P. 294-299.

12. Kingsley Ch. *Westward Ho! Or, The Voyages and Adventures of Sir Amyas Leigh, Knight, of Burrough, in The County of Devon, In The Reign of Her Most Glorious Majesty Queen Elizabeth*. Rendered into Modern English by Charles Kingsley. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1855. Vol.1. – P. 162-163.

13. Baldwin S.E. *Charles Kingsley*. – Ithaca, New York: Cornell University Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press, 1934. – P. 6.

14. *Indid.* – P. 8.

15. *Indid.* – P. 9.

16. Baldwin S.E. *Charles Kingsley*. – P. 14.

17. *Indid.* – P. 24.

18. *Indid.* – P. 146.

19. Kingsley Ch. *Westward Ho! Or, The Voyages and Adventures of Sir Amyas Leigh, Knight, of Burrough, in The County of Devon, In The Reign of Her Most Glorious Majesty Queen Elizabeth*. Rendered into Modern English by Charles Kingsley. Vol.1. – P. 162-163.

20. *Indid.* – P. 169.

21. *Indid.* – P. 182.

22. *Indid.* – P. 183.

23. Baldwin S. E. *Charles Kingsley*. – P. 14.

24. *Indid.* – P. 146.

25. Masefield J. *On the Spanish Main or, some English Forays on the Isthmus of Darien. With a Description of the Buccaneers and a Short Account of Old-time Ships and Sailors*. – New York: The Macmillan Company, 1906. – P. 105.

26. *Adventures of Pirates and Sea-rovers / Ed. by Howard Pyle*. New York: Harper, 1908. – P. 151.

27. *New light on Drake : a collection of documents relating to his voyage of circumnavigation, 1577-1580 / Ed. by Z. Nuttall*. L.: Printed for the Hakluyt Society, 1914. – P. 5.

28. Wood W. *Elizabethan sea-dogs; a chronicle of Drake and his companions*. New Haven: Yale university press, 1921. – P. 105; *The World Encompassed and Analogous Contemporary Documents Concerning Sir Francis Drake's Circumnavigation of the World / Ed. by N. M. Penzer*. New York.: Cooper Square, 1969. – P. XLIII; Sternbeck A. *Filibusters and Buccaneers*. New York: R.M. McBride & company, 1930. – P. 62-268; Williamson J.A. *The age of Drake*. L.: A. & C. Black, 1965. – P. 133, 142; Duckett L. *The story of Plymouth. With line drawings*. L.: Westaway Books, 1950. – P. 148; Gerhard P. *Pirates on the west coast of New Spain, 1575-1742*. Glendale: A. H. Clark Co., 1960. – P. 59; Sanderlin G. *The sea-dragon; journals of Francis Drake's voyage around the world*. New York: Harper & Row, 1969. – P. 220; Roche T.W.E. *The Golden Hind*. L.: A. Barker, 1973. – P. 127.

29. Gerhard P. *Pirates on the west coast of New Spain, 1575-1742*. – Glendale: A.H. Clark Co., 1960. – P. 59; Герхард П. *Пираты Новой Испании. 1575-1742 / Пер. Б. Кекелешвили*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 57.

30. Герхард П. *Пираты Новой Испании. 1575-1742*. – С. 57.

31. Там же

32. Wheeler E.D. *Sir John Dodderidge Celebrated Barrister of Britain 1555-1628*. – Lewston, Queenston, Lampeter: Nellen Research University Press, 1992. – P. 42.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОБРАЗА БОГОМАТЕРИ В ИСКУССТВЕ КОНТРЕФОРМАЦИИ 2-Й ПОЛ. XVI – СЕР. XVII В.

М.А. Кашкина

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается информационно-пропагандистская функция образа Богоматери в контрреформационном искусстве, направленность которого окончательно определил Тридентский Собор. В области церковного искусства он потребовал восстановить традиционное почитание Священных образов, сохранить основные принципы старой иконографии и усилить идеологический контроль со стороны официальных церковных инстанций над религиозной художественной продукцией. Поскольку церковь действовала в новом социо-культурном пространстве, она адаптировала к задачам наглядной агитации как средневековый, так и ренессансный художественный опыт, подвергнув его определенной переработке. Анализ изобразительных источников позволяет сделать вывод о том, что в церковном искусстве раннего Барокко идейно-содержательное начало доминировало над эстетическими принципами, что вело к существенной формализации образа Мадонны в европейском искусстве 2-й пол. XVI - сер. XVII в.

Ключевые слова: образ Богоматери, католическая церковь, Контрреформация, священные изображения (образы), пропагандистская функция, наглядная агитация, иератические композиции.

SOCIAL FUNCTIONS OF A REPRESENTATIVE IMAGE OF THE VIRGIN IN THE ART OF COUNTER-REFORMATION OF THE SECOND HALF OF THE XVI - THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY

M.A. Kashkina
Belgorod State University

This article examines the informative-propagandist function of the image of Our Lady in counter-reformation art the direction of which was finally determined by the Council of Trent. In the area of church art, it demanded to restore the traditional veneration of sacred images, keep the basic principles of the old iconography and strengthen the ideological control by the official church instances over the artistic products. However, the church acted in the new socio-cultural space it adapted to the tasks of evident agitation both medieval and renaissance art experience, subjecting it to a certain treatment. The analysis of the visual sources allows to draw conclusion that in a church art of the early Baroque ideological content prevailed above aesthetic principles that led to a significant formalization of image of Madonna in the European art of the second half of the XVI - the middle of XVII century.

Key words: image of the Virgin Mary, the Counter-Reformation, the sacred images, propagandist function, evident agitation, solemn (parade) compositions.

Об актуальности темы настоящего исследования для гуманитаристики свидетельствует ее неудовлетворительная изученность: отечественные публикации, посвященные непосредственно проблеме *образа в эпоху Контрреформации*, крайне незначительны, а переводные зарубежные – практически отсутствуют¹. Поэтому нами предпринята попытка анализа идейной функциональности образа Мадонны в иератических живописных композициях 2-й пол. XVI – сер. XVII в. Именно в данном типе картин барочная репрезентативность Богоматери, персонафицирующей определенные идеи, представлена как нельзя лучше.

В ходе работы над проблемой были привлечены определенные письменные источники: сборник документов, относящихся к жизнедеятельности П.П. Рубенса, «Духовные упражнения» И. Лойолы, трактат Бернарда Клервосского «Во славу Девы Марии», Декрет Тридентского собора и проч.² В качестве основных использованы изобразительные источники - произведения итальянских, испанских, нидерландских живописцев.

Тридентский собор (1545-1563 гг.), призванный преодолеть идеологический и организационный кризис католицизма, в числе прочего определил дальнейшее развитие церковного искусства, подчинив его, в условиях распространившейся и уже укоренившейся Реформации, более общим, стратегическим целям реставрации католицизма и восстановления стабильности церковной системы (курс возвращения к устоям).

Собор в Тренто фактически кодифицировал ортодоксальный католицизм. Отсюда, актуальные задачи функционирования церковного искусства сводились к систематизации и сохранению традиционных основ религиозной художественной системы, усилению её единообразия и соответствия произведений католической догматике. На своей последней, Двадцать Пятой, сессии (1563 г.) Собор принял соответствующее постановление - «О призывании, почитании и мощах святых и о священных образах» (*De invocatione, veneratione et reliquiis sanctorum, et de sacris imaginibus*):³ В 1642 году папа Урбан VIII посланием «*Sacrosancta*» подтвердил это решение и вновь потребовал, чтобы образы соответствовали «тому, что Католическая Церковь приемлет с самых древних времен»⁴. Указанными актами было нормативно закреплено традиционное почитание Священных образов, поставленное под сомнение протестантизмом, а также – сохранение основных принципов старой иконографии.

Таким образом, искусство, включенное в систему культа Римской Церкви, в новых социальных условиях должно было активно осуществлять пропаганду католицизма как истинной веры. Со второй половины XVI столетия в церковных кругах разрабатывались трактаты, осмысливавшие суть работы художников в условиях новой идеологической реальности (сочинения Паоло Пино - 1548, Лодовико Дольче - 1557, Джованни Андреа Джильо - 1564, Габриэле Палеотти - 1582, Федерико Борромео - 1624, Висенте Кардучо - 1633, Франсиско Пачеко - 1636 / 1649 и др.). В них, в целом, давалась утилитарная трактовка искусства, определялись «главная цель - это побуждать людей к набожности и приближать их к Богу» (Ф. Пачеко)⁵, - и основные функции живописи - идеологическая и дидактическая.

Образованность и таланты многих прелатов (таких как болонский архиепископ кардинал Габриэле Палеотти, кардинал Алессандро Фарнезе, миланский архиепископ кардинал Федерико Борromeо) позволяла им, в соответствии с контрреформационной концепцией искусства, успешно направлять и контролировать творчество церковных живописцев: «ни в какую церковь, сколь угодно автономную, не разрешается помещать какое-либо изображение, если оно не одобрено епископом» (из Декрета 25 сессии Тридентского собора - 1563 г.)⁶.

Образ (изображение) по-прежнему воспринимался как средство выражения религиозных истин посредством живописи: «изображение есть символ веры»⁷. Эта идея развита, например, у кардинала, аудитора Высшего Суда Католической Церкви Габриэле Палеотти (1522-1597 гг.) в его «Рассуждении о священных и мирских образах»: «... вполне очевидно, что любое благо мы обретаем посредством образов...»⁸. А испанский художник, советник трибунала севильской инквизиции по вопросам соответствия сюжетов картин церковным нормам Франсиско Пачеко (1564-1644 гг.) в своем авторитетном трактате «Искусство живописи» (1649), обобщающем теоретические знания о названном предмете, живопись рассматривал «только в контексте теологии»⁹.

Иезуиты сыграли особую роль в решении поставленных задач создания нового религиозного искусства. Они, не ограничивая изобразительной свободы художников, обеспечили действенный контроль церкви над религиозно-художественной продукцией и активно участвовали в выработке новых идейно-художественных стандартов. Генерал ордена Игнатий Лойола настаивал, что Католической Церкви следовало продолжать использовать изображения Святых как средство пропаганды истинной веры. В своей знаменитой работе «Духовные упражнения» (1548) он подчеркивал: «Изображая некий образ (т.е. Святых) необходимо, чтобы это было согласовано со святой Матерью [нашей] иерархической Церковью, и не был он бы дурным или противным Церкви, дабы он ей помог в деле служения Господу Богу и спасения души»¹⁰.

Идеологи Контрреформации, занимавшиеся вопросами церковного искусства, учитывали, что привычный телесный образ является важным средством наглядности, несущим в себе основную смысловую нагрузку. И. Лойола ориентировал живописцев, чтобы они стремились добиваться «яркости зрительных представлений: душевные усилия должны направляться главным образом на то, чтобы сделать видения как можно более наглядными, а наглядность... понималась как основной критерий достоверности религиозных фактов и через них – истинности стоящих за ними идей»¹¹. Поэтому получил дальнейшую разработку внедренный Ренессансом метод реализма, в поисках «подобия», а соответственно - и наглядности, трансформированный в барочный натурализм (в соответствии с установкой: подражание, как свойство искусства, должно приводить к истине¹²).

Вполне логично, что в обстановке идейной конфронтации с протестантизмом в изобразительном искусстве Раннего Барокко пристальное внимание было уделено теме Девы Марии, как одному из ведущих образов христианского искусства, которому и была «поручена» актуальная пропагандистская функция. В новом религиозно-историческом контексте образ Богородицы трактовался Церковью как художественное воплощение истинной природы католицизма, восходящей к его корням.

Так, в эпоху Контрреформации он продолжал использоваться в качестве обобщающего символа Матери-Церкви. Истоки этой идеи были заложены еще в древнем христианстве. Отцы Церкви и раннехристианские теологи отождествляли Марию с самой Церковью: «Есть лишь одна Дева – Мать, и Она называется Церковью» (Климент Александрийский: ок. 150 - ок. 215)¹³. Непосредственно для западной церкви важна авторитетная формулировка Амвросия Медиоланского (ок. 340 - 397): «Церковь есть Дева, и Дева есть Церковь... Мария - это Церковь, и Церковь составляет самое существо Марии...»¹⁴. Опираясь на церковную традицию, барочные мастера во множественных иератических композициях изображали обобщенный образ-метафору – недостижимую в Ее величественности Богоматерь-Церковь.

К данному композиционному типу прежде всего относится по-прежнему популярная и в XVI - сер. XVII в. торжественная «Мадонна во славе» – «Мадонна в Глории». В искусстве Раннего Барокко символическим трон - атрибутом царского величия - часто служили пышные облака, что подчеркивало роль Марии как Царицы не только Земной, но и Небесной: см. работы Паоло Веронезе, Гвидо Рени, Аннибале Карраччи, Алессандро Моретто и др. (8, 9, 25, 29, 48, 49).

В Декрете Тридентского собора разъяснялось, что картины должны быть «реалистичными в определенных пределах, но в то же время божественными, возвышенными, но главное - об-

щепонятными»¹⁵. Поэтому естественно, что в качестве коммуникативного канала живописцами Раннего Барокко по-прежнему использовался традиционный язык символов. Смысл изображенного становился для прихожанина доступным настолько, насколько он владел распространенными навыками «чтения» художественного текста посредством символов (световых, цветовых, предметных, анималистических и проч.) и сохранял склонность к традиционному символическому мышлению. Был максимально усилен *иррационализм световой символики*: ренессансный «природный» свет не давал возможности столь наглядно представлять апофеоз или триумф веры, как акцентированный свет искусства Контрреформации.

Во многих работах Паоло Веронезе, Бартоломео Мурильо, Эль Греко, Петера Пауля Рубенса и других мастеров действует заданный стандарт: Богоматерь представлена в одеждах основных символических цветов (красно-синих), выделена ярким мистическим светом, окружена поклоняющимися Ангелами, - тем самым создается грандиозное зрелище небесного апофеоза (например: 1, 6, 7, 8, 9, 15, 16, 17, 29, 32, 34, 39, 40, 41, 51, 52, 66, 70, 72, 75). Льющийся с небес божественный свет нисходит и на святых, помещенных в нижней части той или иной картины, что делает их сопричастными прославлению Девы (9, 29, 49, 55, 66, 70 и др.).

В картинах Алессандро Моретто (1498-1554) и Гвидо Рени (1575-1642) использован архаичный принцип иерархичности и привычный символизм: фигуры Марии с Младенцем (Она в красно-синем одеянии) расположены в семантически значимой верхней части картины (на облаках, над группой святых) (29, 48, 49). Сияющий свет, исходящий из облаков и направленный на Богоматерь, разливается по небу и усиливает патетику всей композиции.

Завуалировано использовалась даже архаичная мандорла - как выразительный в своей монументальности знак глорификации: во многих вариациях Рубенса на тему «Мадонна с Младенцем в гирлянде цветов» («в цветочном венке») именно роскошная мандорла из роз, лилий и других символических цветов Богоматери создает оптимистичный, радостный настрой (например: 61).

В культуре Контрреформации сохранился созданный итальянским Ренессансом вариант парадного изображения Богородицы с Младенцем Иисусом - «Святое собеседование» (10, 11, 12, 24, 25, 26, 27, 30, 31, 49, 52, 55, 66, 75). В отличие от иконографии Возрождения, где данная композиция отличалась зачастую выражено светским характером, в барочном искусстве подчеркивалась сакральность условной сцены общения святых.

Традиционным осталось символическое построение пространства в картинах: выделение центра, оппозиция «верх-низ». Ярко выраженное вертикальное деление плоскости картин отражало вековое представление об иерархическом устройстве мирового порядка, сохранившееся в массовом сознании европейцев изучаемой эпохи, облегчало усвоение прихожанами идеи о статусе Богородицы как Небесной Царицы и «Матери-Церкви». Пространственный вертикальный символизм особенно характерен для иконографических сцен типа «Глория» (св. выше), «Явление Богоматери Святым» (1, 15, 16, 17, 19, 20, 25, 32, 39, 40, 41, 51, 58, 59, 76).

Симптоматично замечание Петера Пауля Рубенса об общем замысле одной из своих знаменитых картин, где он, не вдаваясь в излишние детали, подчеркнул: «Я обещаю одному Отцу [Риччи] написать на картине не менее пяти больших фигур, а именно: Мадонну..., которая будет в середине картины...»¹⁶.

Популярна была во второй половине XVI столетия и далее величественная сцена «Вознесение Марии» – «Ассунта»: «В этот день обрели Небеса Благословенную Деву, возрадовались ангелы, торжествовали архангелы..., вознесли Её с благодарностями и прославлениями к трону божественного и высшего Владыки»¹⁷. Тема позволяла изошренно использовать приемы барочного светового символизма и вертикального построения композиции (5, 6, 13, 14, 22, 33, 53, 67, 8, 69).

Протобарочной сценой, вдохновлявшей позднейших живописцев, можно считать прославленную ренессансную «Ассунту» Тициана Вечеллио (1516) (64). В картинах Эль Греко на тему «Вознесение Марии», в частности - написанной для Церкви Санто Доминго Эль Антигуо почти через сто лет - в 1613 году, ярко выражено, как и у великого венецианца, доминирование монументальной фигуры Мадонны, светящееся зарево небес. Молитвенный жест, в котором сложены руки окружающих Ее ангелов, эмоциональные жесты святых, резкий колорит также усиливают впечатление чуда (69, 67, 68).

Характерной композицией для искусства стран католического ареала является «Коронавание Девы Марии» (2, 3, 7, 23, 48, 54, 70, 71, 72). Наиболее распространенный вариант демонстрирует Мадонну, сидящую между Христом и Богом-Отцом, которые надевают на Её го-

лову корону, - величественный символ духовной и светской власти, знак избранности, могущества, символ духовного просветления, – и нарекают Царицей Небесной. Дева, увенчанная короной, символизирует связь с трансцендентным миром¹⁸. По рассуждениям Св. Бернарда Клервосского (1091-1153), Иисус должен был «одарить Матерь Свою несравненной славой на небесах, позаботиться и о том, чтобы на земле предварить Ее несравненной же благодатью»¹⁹. Живописцы эпохи Контрреформации стремились избежать ренессансной светскости и наполняли изображение мистическим ощущением духовности, трансцендентности, - что особенно в данной сцене удавалось Эль Греко (3, 70, 71, 72).

Значение, которое придавала почитанию Девы Марии Контрреформация, повлияло на распространение в искусстве Раннего Барокко, особенно в Испании, новой тематики изображения – «Непорочное Зачатие», быстро утвердившейся в католических странах (4, 18, 35, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 57, 61, 62, 63, 74). Манера, в которой изображалась Мадонна во 2-й пол. XVI - нач. XVII в., демонстрирует роль, которую Церковь отводила Ей, как символической освободительнице человеческого рода от греха: «Это Она сокрушила ядовитую главу, Она свела на нет всевозможные наущения лукавого»²⁰.

Тема как таковая была не нова - она разрабатывалась теологически от патристики IV-V вв. до XIV в.: «Пусть мир изумится подлунный... / Се тело наполнилось Девы; / Но девства затворы не пали / ... / В Ней Бог пребывает, как в храме!»²¹. Своеобразной классикой для мастеров Барокко в представлении данной сцены являлась картина Пьеро ди Козимо «Непорочное зачатие» (1505) (45). Здесь юная Мадонна в окружении святых изображена приветствующей Святого Духа – Голубя, сходящего с небес. Один из святых держит в руках цветы, символизирующие духовные качества Богоматери: «Изумляйтесь и вы непорочности Девы», «видишь какого изумления достойно это единое чудо: чудо Девы и чудо, совершившееся в Деве»²².

Большое внимание данной тематике уделял Бартоломео Мурильо (35, 36, 37, 38). Во многих картинах автора изображен светлый образ Мадонны в праздничном сиянии, Она представлена возносящейся среди прозрачных облаков к небу, - свидетельство визуализации художником идеи чистоты Ее помыслов, а, следовательно, и чистоты истинной католической веры. В картине П.П. Рубенса «Непорочное зачатие» Богоматерь, представленная с большой экспрессией, парит в небе в окружении ангелов (57). В картине много символов, разъясняющих смыслы изображения: пальмовая ветвь (скорби Богоматери, но одновременно - Её превосходство над земным злом), змея с яблоком в пасти, попранная Марией (побежденный Ею первородный грех).

Более широкое распространение, чем прежде, в религиозной живописи Раннего Барокко получила композиция «Мадонна с четками» (19, 21, 46, 50, 60). На кон. XVI в. пришла новая волна популярности «Розария» («венка из роз») и вновь, как и в XIII ст., - благодаря доминантам.

Интересен композиционный тип «Дева Мария Милосердия» - «Мария-Мизерикордия». Тема, получившая широкое распространение еще в развитом Средневековье, опиралась на формулу, выведенную Св. Августином: «Смерть через Еву, жизнь через Марию»²³. Данный вариант изображения, заказывавшийся в качестве благодарения за победу в каком-нибудь сражении или за защиту от болезни, в первую очередь - от чумы, в эпоху Контрреформации встречался уже редко, но можно найти весьма интересные примеры. В более ранней работе испанского живописца Алехо Фернандеса «Мадонна мореплавателей» (1520) Мария стоит в центре, под левым пологом Ее плаща - Колумб и его покровители, под правым - американские индейцы. Огромное изображение Мадонны делает незаметными остальных, присутствующих на этой картине (65). Аналогичный композиционный прием использован в позднейшей работе Эль Греко «Мадонна-Заступница» (1603) (73).

Характерна подчеркнутая психологическая наглядность живописи времен Контрреформации: преувеличенная чувственность образов поклоняющихся Мадонне святых, динамика движений, изображение аффектных жестов, внушающих соответствующее сопереживание. Эти приемы, развивающие ренессансные достижения в психологизации образов, позволяли уточнять идейный смысл картины, облегчали передачу ее молитвенного настроения (12, 55, 75, 66).

Немаловажным аспектом живописи Раннего Барокко является монументализм – прием, усиливший пропагандистскую направленность искусства Контрреформации: как известно, он рассчитан на обращение искусства к массам, характеризуется соответствием крупных масштабов произведений значительности их идейного содержания²⁴. Так что в «священном искусстве» эпохи монументализм определялся вызовами времени и соответствующими требованиями

церкви: художественные произведения должны были «убеждать, затрагивать, удивлять того, кому они предназначены»²⁵, - то есть верующего. Логично, что он стал нормой именно в иератических композициях. Крупномасштабные живописные произведения, ориентированные на широкие массы христиан-католиков, успешно справлялись с поставленной задачей: они вызывали у зрителей состояние эмоционального подъема, восхищения, уверенность в том, что католическая церковь является источником Спасения и проводником божественной воли на Земле.

Ярким примером монументализма в иератических композициях является парадная сцена плафона «Вознесение Богоматери», выполненная Паоло Веронезе (1558) (6). Картина адекватно передает характерную для Контрреформационной Церкви потребность в репрезентации. Об этом, прежде всего, свидетельствуют ее огромные размеры (910×455 см), движение композиции вверх (см. также: 5, 8, 21, 29, 37, 39, 46, 50, 55 и др.). В дальнейшем, в XVII в. (начиная от Джованни Ланфранко: 1582-1647), именно монументальная плафонная живопись станет перспективным направлением, получит особое признание церкви и достигнет эффектной изобразительной изощренности (28).

Таким образом, анализ соответствующих источников «марийного цикла» позволяет сделать вывод о том, что в иератических композициях эпохи Раннего Барокко были усилены пропагандистские акценты. Отсюда - подчеркнутая торжественность фигур Богоматери и окружающей Ее обстановки, строгое соблюдение иерархии образов, аффектная жестикуляция персонажей, обязательное наличие разъясняющих знаков и общая схематичность композиций, подчеркивавших традиционную роль образа Мадонны как Небесной Царицы и символа Церкви.

Навязчивая, «нехудожественная» идейность произведений, подчеркнутая наглядность («общепонятность»), репрезентативность и парадность образов Девы Марии 2-й пол. XVI - сер. XVII в. были обусловлены их узко прагматичным целевым назначением - прославить триумф Церкви и веры, утвердить в католической вере церковную паству. Цель была достигнута – искусство Контрреформации выполнило свою историческую задачу. При этом использовался переработанный опыт и средневековой, и ренессансной иконографии, поддерживалось и приветствовалось сочетание религиозных и художественных задач.

Однако, в результате приоритета идейно-содержательного начала по отношению к эстетическому, подчиненному задачам «наглядной агитации», была утрачена обретенная в культуре Возрождения автономия художественной картины мира, и образ Богоматери в искусстве Контрреформации подвергся заметной формализации.

Примечания:

1. Кузьменко Е.Н. Габриэле Палеотти. «Рассуждения о священных и мирских образах» // Реформация и Контрреформация в социокультурном контексте [Электр. ресурс]. <http://creform.istfil.ru/>; Она же. «Диалог о живописи» (Паоло Пино) // Там же; Она же. Фиджино или о цели живописи // Там же; Лорц Й. История Церкви / Вторая глава: Католическая реформа. – М., 1999 [Электр. ресурс]. <http://www.krotov.info/history/>; Савватеев С.К. Книги и трактаты о живописи в Испании XVI – XVII вв. // *Verbum*. Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете СПбГУ. Вып.5. Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. СПб., 2001. – С. 38-52; Свидерская М.И. «Arte Sacra» – Искусство итальянской Контрреформации [Электр. ресурс]. <http://msviderskaya.narod.ru/AS.htm>

2. Рубенс П.П. Письма, документы, суждения современников. М., 1977; Лойола И. Духовные упражнения. М., 1988; Бернард Клервосский. Во славу Деве Матери. Гомилия II. [Электр. ресурс]. <http://www.binetti.ru/>; *The Council of Trent. The Twenty-Fifth Session* // *Hanover Historical Texts Project / The Canons and Decrees of the Council of Trent / SESSION THE TWENTY-FIFTH*: <http://history.hanover.edu/texts/trent/ct25.html>

3. *The Council of Trent*; Безансон А. Запретный образ: интеллектуальная история иконоборчества. М., 1999. – С. 198.

4. Рыжов Ю.В. Философия иконы в традиции Востока и Запада // Библиотека Гумер [Электр. ресурс]. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/ryjov_filikon.php

5. Цит по: Савватеев С.К. Указ. соч. – С. 47.

6. *The Council of Trent*; Свидерская М.И. Указ. соч.

7. Флоренский П. Обратная перспектива. // Он же. Избранные труды по искусству. М., 1996. – С. 47.

8. Цит. по: Кузьменко Е.Н. Габриэле Палеотти.

9. Савватеев С.К. Указ. соч. – С. 47.

10. Лойола И. Указ. соч. – С. 45.

11. Свидерская М.И. Указ. соч.

12. Кузьменко Е.Н. Фиджино или о цели живописи; Она же. Габриэле Палеотти. «Рассуждения о священных и мирских образах».
13. Цит. по: Зелинский В. Раздумье о главном. Имена Матери // Истина и жизнь. № 11. 2006.
14. Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии. Кн. I. Гл. 8 // Философская библиотека Средневековья / Две книги о покаянии [Электр. ресурс]. <http://antology.rchgi.spb.ru/Ambrosius/book1.htm>
15. The Council of Trent; Уэдджук К.В. Мир Рубенса. М., 1998. – С. 33.
16. Расписка Рубенса в получении задатка (Рим. 9 мая, 1608. Италия) // Рубенс П.П. Письма, документы, суждения современников. М., 1977. – С. 324.
17. Ворагинский И. Золотая легенда. Фрагменты // Институт культуры состояний [Электр. ресурс]. <http://www.sostoyanie.ru/index.php?option=com>
18. Бернер С., Бернер Р. Мифологические и религиозные мотивы в европейской живописи 1270-1700. СПб., 2000. – С. 131; Апостолос-Каппадонна Д. Словарь христианского искусства. Челябинск, 2000. – С. 116; Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М., 2006. – С. 458; Попова Н.Н. Античные и христианские символы. СПб.-Калининград, 2003. – С. 52; Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. – С. 110-111.
19. Бернард Клервосский. Указ. соч.
20. Там же.
21. Амвросий Медиоланский. Гимн «Гряди, Искупитель народов» // Философская библиотека Средневековья / Амвросий Медиоланский. Гимны. [Электр. ресурс]. <http://antology.rchgi.spb.ru/Ambrosius/Gimns.htm>
22. Бернард Клервосский. Указ. соч.
23. Даларен Ж. Глазами Церкви // История женщин на Западе. В 5 томах. Т.2. Молчание Средних веков. СПб., 2009. – С. 32.
24. Климан Ю., Рольман М. Монументальная живопись эпохи Ренессанса и маньеризма в Италии. 1510-1600. М., 2004. – С. 25.
25. Виппер Б.Р. Искусство XVII века и проблема стиля Барокко // Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966. – С. 45.

Краткий список изобразительных источников

1. Борджанни Орацио. Явление Марии св. Франциску. 1608. Сеце. Капелла кладбища.
2. Веласкес Диего. Коронация Марии. 1640-е. Мадрид. Прадо.
3. Веласкес Диего. Коронование Богоматери. 1641-1645. Мадрид. Прадо.
4. Веласкес Диего. Непорочное зачатие. 1619. Лондон. Национальная галерея.
5. Веронезе Паоло. Вознесение Богоматери. 1558. Венеция. Галерея Академии.
6. Веронезе Паоло. Вознесение Богоматери. Около 1558. Венеция. Санти Джованниэ Паоло.
7. Веронезе Паоло. Коронование Богоматери. 1555. Венеция. Церковь Сан Себастьяно.
8. Веронезе Паоло. Мадонна во славе со Святыми Петром и Франциском. 1565. Венеция. Церковь Сан Себастьяно.
9. Веронезе Паоло. Мадонна во славе со Святым Себастьяном и другими святыми. 1565. Венеция. Церковь Сан Себастьяно.
10. Веронезе Паоло. Мадонна с Младенцем, маленьким Иоанном Крестителем и Святыми. Альтарный образ Пала Сан Дзаккардия. 1564. Венеция. Галерея Академии.
11. Веронезе Паоло. Мадонна с Младенцем на троне со Святыми и донаторами. 1548. Верона. Музей Кастельвеккьо.
12. Веронезе Паоло. Мадонна с Младенцем, со святыми Юстином и Георгием и бенедиктинским монахом. 1588. Париж. Лувр.
13. Гверчино Джованни. Вознесение Девы Марии. 1623. СПб. Эрмитаж.
14. Гверчино Джованни. Вознесение Девы Марии. 1650. США. Детройтский Институт Искусств.
15. Гверчино Джованни. Явление Мадонны Св. Лаврентию. Ок. 1638. Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина.
16. Дейк Антонис ван. Явление Мадонны Святому Иосифу Герману. 1630. Вена. Художественно-исторический музей.
17. Кано Алонсо. Видение Святого Бернарда. 1650. Ватикан. Пинакотекка.
18. Кано Алонсо. Непорочное зачатие. 1648. Мадрид. Прадо.
19. Кано Алонсо. Святой Бернард и Дева Мария. 1656-1660. Мадрид. Прадо.
20. Кано Алонсо. Явление Мадонны со Святой Марией Магдалиной и Святой Екатериной доминиканскому монаху в Сориано. Середина XII в. СПб. Эрмитаж.
21. Караваджо Микеланджело Меризи да. Мадонна дель Розарио (Мадонна с четками). Около 1607. Вена. Музей истории искусств.
22. Карраччи Аннибале. Вознесение Марии. Около 1590. Мадрид. Прадо.
23. Карраччи Аннибале. Коронование Богоматери. 1596-1598. Лондон. Национальная галерея.
24. Карраччи Аннибале. Мадонна с Младенцем и Святыми Франциском, Иоанном Крестителем и Матфеем. 1588. Дрезден. Картинная галерея.

25. Карраччи Аннибале. Мадонна со Святыми Лукой и Екатериной. 1592. Париж. Лувр.
26. Карраччи Лодовико. Мадонна с Младенцем и Святыми. 1593. СПб. Эрмитаж.
27. Карраччи Лодовико. Мадонна с Младенцем, Святыми и донаторами. 1591. Верона. Городской музей.
28. Ланфранко Джованни. Вознесение Богоматери. Купольная фреска. 1625-1627. Рим. Церковь Сант-Андреа делла Балле.
29. Моретто Алессандро. Мадонна во славе. 1548. Милан. Пинакотека Брера.
30. Моретто Алессандро. Мадонна на троне и Отцы Церкви. 1540. Мадрид. Прадо.
31. Моретто Алессандро. Мадонна с пятью святыми женами. 1540. Верона. Сан-Джорджо.
32. Мурильо Бартоломео Э. Видение Святого Франциска. 1667-1670. Мадрид. Прадо.
33. Мурильо Бартоломео Э. Вознесение Марии. 1670-1680. СПб. Эрмитаж.
34. Мурильо Бартоломео Э. Мадонна в облаках. 1654. Мадрид. Прадо.
35. Мурильо Бартоломео Э. Непорочное Зачатие. Ок. 1680. Мадрид. Прадо.
36. Мурильо Бартоломео Э. Непорочная Дева. 1645-1650. Мадрид. Прадо.
37. Мурильо Бартоломео Э. Непорочное зачатие. 1655. СПб. Эрмитаж.
38. Мурильо Бартоломео Э. Непорочное зачатие. 1652. Милан. Музей Кастелло Висконти.
39. Мурильо Бартоломео Э. Святой Бернад перед Богоматерью (Чудо лактации). 1655-1660. Мадрид. Прадо.
40. Мурильо Бартоломео Э. Явление и дар Богородицы Св. Ильдефонсо. 1650. Там же.
41. Мурильо Бартоломео Э. Явление Непорочной Девы. 1678. Париж. Лувр.
42. Нарди Анджело. Непорочное зачатие. 1638. Мадрид. Прадо.
43. Пачеко Франсиско. Непорочное Зачатие. 1620. Севилья. Собор.
44. Пачеко Франсиско. Непорочное Зачатие. 1620-е. Собрание Хуана Оливера.
45. Пьеро ди Козимо. Непорочное зачатие. 1505. Флоренция. Галерея Уффици.
46. Рени Гвидо. Дева Мария передаёт розарий Св. Доминику. 1596-1598. Мадрид. Прадо.
47. Рени Гвидо. Коронование Девы Марии. Около 1596-1597. Там же.
48. Рени Гвидо. Мария с Младенцем во славе со Свв. Павлом и Антонием. 1615. Там же.
49. Рени Гвидо. Мадонна с Младенцем во славе со Святыми. 1631-1632. Болонья. Национальная пинакотека.
50. Рени Гвидо. Слава Святого Доминика. Фреска. 1613. Болонья. Церковь Сан Доменико.
51. Рибальта Франсиско. Видение Святого Франциска. Вена. Художественный музей.
52. Рубенс Петер Пауль. Богоматерь со Святыми. 1636-1640. Антверпен. Королевский музей.
53. Рубенс Петер Пауль. Вознесение Мадонны. 1637. Вена. Музей Лихтенштейна.
54. Рубенс Петер Пауль. Коронация Девы. 1609-1611. СПб. Эрмитаж.
55. Рубенс Петер Пауль. Мадонна с Младенцем и святыми. 1628. Антверпен. Церковь Августинцев.
56. Рубенс Петер Пауль. Мадонна с Младенцем и ангелами в цветочной гирлянде. 1521. Париж. Лувр.
57. Рубенс Петер Пауль. Непорочное зачатие. 1628 - 1629. Мадрид. Прадо.
58. Рубенс Петер Пауль. Явление Богоматери Св. Идельфонсо. 1619. Вена. Музей истории искусств.
59. Сальви Джованни Батиста. Видение Св. Франциска. 1641. Рим. Церковь Сан-Франческо.
60. Станционе Массимо. Мадонна с четками. Начало 1640-х. Неаполь. Национальный музей. Галерея Каподимонте.
61. Сурбаран Франсиско. Непорочное зачатие. Около 1628-1630. Мадрид. Прадо.
62. Сурбаран Франсиско. Непорочное зачатие. 1630. Гренобль. Музей изящных искусств.
63. Сурбаран Франсиско. Непорочное зачатие. 1661. Будапешт. Музей изобразительных искусств.
64. Тициан Веччелио. Ассунта. 1516-1518. Венеция. Санта Мария Глорियोза деи Фрари.
65. Фернандес Алехо. Мадонна мореплавателей. Около 1520. Севилья. Алькасар.
66. Эль Греко. Богоматерь с Младенцем, Святыми Инессой и Мартином. 1597-1599. Вашингтон. Национальная галерея.
67. Эль Греко. Вознесение. Около 1594-1604. Мадрид. Прадо.
68. Эль Греко. Вознесение Марии. 1577-1579. Чикаго. Институт искусств.
69. Эль Греко. Вознесение Марии. 1613. Толедо. Церковь Санто Доминго Эль Антигуо.
70. Эль Греко. Коронование Богоматери. 1591-1592. Афины. Национальная галерея.
71. Эль Греко. Коронование Богоматери. 1594. Афины. Фонд Александра С. Онассиса.
72. Эль Греко. Коронование Девы Марии. Около 1590. Мадрид. Прадо.
73. Эль Греко. Мадонна-Заступница. 1603. Илласкас. Церковь госпиталя Милосердия.
74. Эль Греко. Непорочное Зачатие со Св. Иоанном. 1580-1585. Толедо. Санта-Крус.
75. Эль Греко. Сошествие Святого Духа. 1604-1614. Мадрид. Прадо.
76. Эррера Франсиско Ст. Видение Святого Василия. 1639. Париж. Лувр.

«СОБИРАТЕЛЬНЫЙ» ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ МОСКОВСКОЙ РУСИ И РЕНЕССАНСНОЙ ИТАЛИИ (ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И РУССКОЕ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ)*

Е.Н. Гурова

Белгородский государственный университет

В статье анализируется женский образ, представленный в письменных источниках Московской Руси и ренессансной Италии, определены его общие и специфические особенности.

Ключевые слова: Московская Русь, Италия, Возрождение, женский образ.

«COLLECTIVE» FEMALE PORTRAIT ON MATERIALS OF THE WRITTEN SOURCES MOSCOW RUSSIA AND THE RENAISSANCE ITALY (ITALIAN REVIVAL AND RUSSIAN PREREVIVAL)

E.N. Gurova

Belgorod State University

In article the female image presented in written sources of the Moscow Russia and the Renaissance Italy is analyzed, its general and specific features are defined.

Key words: the Moscow Russia, Italy, Revival, a female image.

Исследование европейских и русских мировоззренческих представлений в позднесредневековой культуре, поиски их сходства и различия является перспективным направлением в теории и истории культуры. Однако в рамках одной статьи невозможно решить поставленную проблему. Поэтому остановимся лишь на одном ее аспекте - женском образе в культуре Италии и Московской Руси XIV-XVI вв. В современной науке данный вопрос актуализируется в контексте истории и культурологии переходностью в русском и итальянском культурном пространстве, а также в русле гендерных исследований в истории культуры.

Выбор таких государств, как Московская Русь и ренессансная Италия (прежде всего Флоренция, Венеция) обоснован тем, что в их социально-политических и культурных процессах наблюдаются некоторые сходства. В частности, в XIV-XV в. - раздробленность Руси на множество княжеств и раздробленность Италии на мелкие республики. В XVI в. – ведение войны за свое могущество (Московское государство с Ливонским орденом, а также со Швецией, Польско-Литовским государством; итальянские государства с французским королем Карлом VIII), изменения в идеологических установках (гуманизм, реформация в Италии, идеи «Третьего Рима» в Московии), принадлежность представленных стран к одной христианской религии, но к различным ее направлениям: православие и католицизм и т.д. Также характерно для Позднего Средневековья осмысление места каждого отдельного государства в мире (Флоренция, Венеция, Московская Русь), следствием чего являлось распространение идей о богоизбранности отмеченных стран, а значит, и имперских амбиций. Это лишь некоторые схожие аспекты в историческом развитии Московии, Венеции, Флоренции XIV-XVI вв. Перечисленные факторы, безусловно, повлияли на формирование общественного сознания, личности и на ее гендерные особенности.

Таким образом, цель работы заключается в «собрании» женского портрета итальянского Возрождения и русского Предвозрождения на основе письменных источников Московского и итальянских (Венеции, Флоренции) государств.

Для решения поставленной задачи привлечен комплекс письменных источников Московской Руси и ренессансной Италии XIV-XVI вв., в том числе педагогические и гуманистические сочинения, философская, и религиозно-этическая литература. Из них на основе историко-культурного подхода и компаративистского метода извлечена информация, касающаяся внешнего и внутреннего образа позднесредневековой женщины, а также факторов, которые могли оказывать на него влияние (признанные обществом обязанности женщины).

Первоначально необходимо отметить, что в обозначенную эпоху, как в ренессансной Италии, так и Московской Руси стало уделяться особое внимание человеческому телу. Итальянские гуманисты XV – нач. XVI в. разработали теории о человеческом теле, его пропорциях и т.д. (Манетти, Валла, Альберти)¹. Например, Альберти в основу своего учения о пропорциях положил тезис о человеческом теле «как об основной единице масштаба, исходном пункте пропорциональных построений»². А в трактатах эпохи Возрождения в контексте проблем, посвя-

ценных любовной тематике, свободно обсуждались женские прелести - т.е., физические достоинства знатной дамы. Б. Готтифреди отмечает, что «вид стройной и правильной лодыжки, и маленькой ступни ... свидетельствует о красоте скрытых частей [тела]... что заставляет их [мужчин] воображать скрытые прелести дамы...»³. А вот А. Фиренцуола восторгался женским ухом, и считал, что если «...к нему прицепляется какой-нибудь драгоценный камень, то по сравнению с ним ухо не только не теряет в своем изяществе, но и выигрывает в нем к ущербу драгоценности»⁴. Авторы итальянских сочинений уделяли все большее внимание, прежде всего отдельным участкам женского тела, и при том, восхищались ими.

Наиболее содержательно представляют образ женщины трактаты о любви таких итальянских гуманистов как П. Бруней, Б. Готтифриди, Л. Пизано, А. Фиренцуола, М. Фичино⁵. В их произведениях «женская тема» является ведущей. В целом итальянская женщина во многих литературных памятниках, в том числе и у Дж. Боккаччо, была «...так красива телом и лицом, как когда-либо бывала женщина, молодая, мужественная и умная, может быть, более чем женщине пристало»⁶. Примечательно, что женщина из низшего сословия не обсуждалась гуманистами.

Для русского Предвозрождения, как и для итальянского Возрождения, также характерно усиление интереса к соматической природе человека (вопреки устоявшимся стереотипам о православном равнодушии к внешней красоте и гармонии). В литературном памятнике Московской Руси «О земном устройении» рассматривается человеческое тело, «части» души, человеческие чувства⁷. Однако более подробная информация содержится в «Тайне тайных» (древнерусский вариант литературного памятника), которая имела популярность во всей средневековой Европе и светских кругах Московской Руси⁸. В сочинении выделяются признаки «хорошей природы», а именно «тело мягкое и нежное, среднее между тонким и толстым ... русые волосы с ровной и правильной формой головы, прямой шеей... не толст в животе и бедрах...»⁹. Но, поскольку не было подчеркнуто о какой «натуре» идет речь, мужской или женской, то можно лишь предположить, что женщины из высших кругов могли воспринимать перечисленные черты как идеальные и стремиться к их достижению. Зачастую авторы источников практически не дают информацию, касающуюся столь подробного описания телесности отдельно мужчин и женщин, как-то было принято и Италии XVI в.

Но, тем не менее, в «Задонщине» сообщается, что мужья своих жен одевают в «тонкие ткани и шелка драгоценности», которые везут им из походов на монголо-татар¹⁰. Итальянец, представитель ордена иезуитов Антонио Поссевино, находившийся два раза в Московском государстве в XVI в., в своем сочинении «Московия» подчеркивал, что «все знатные и богатые женщины по здешнему (русскому) обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава»¹¹. Однако об специфических элементах женского костюма в письменных источниках средневековой Руси информации практически не обнаружено, либо имеются довольно скудные сведения. Так в «Чине свадебном» показан следующий наряд свахи: «желтый летник, шубка красная, а еще в платке и в бобровом оплечье»¹².

Из поучения Даниила, митрополита всея Руси, ясно, что во всем необходимо прилежание: и в одеждах, и в обуви, и в обличье, и во внешнем виде и т.д., особенно тем, кто Богу посвящен, поскольку ему известны сердечные помышления, а люди же судят по внешнему о внутреннем и сокровенном»¹³. В другом письменном источнике - «Тайна тайных» - свидетельствуется о том, что нужно «носить одежды, на которые приятно смотреть»¹⁴.

Интересным является сочинение неизвестного англичанина служившего при Царском дворе в XVI в., в котором отмечается, что «муж обязан давать жене краски, так как у русских существует обыкновение краситься; что нисколько не считается позорным. Они так намазывают свои лица, что почти на расстоянии выстрела можно видеть налепленные на лица краски брови они раскрашивают в черную краску, под цвет гагата»¹⁵. Показательно, что итальянскими патрицианками, в отличие от русских женщин, больше приветствовалось «скромно украшенное лицо, на котором незаметны следы белил и румян»¹⁶. Из приведенных фрагментов письменных источников видно, что общей чертой русского и итальянского «женского портрета» Позднего Средневековья является подчеркивание своей привлекательности с помощью макияжа. А различием выступает его количество.

Таким образом, из приведенных фрагментов текстов Позднего Средневековья видно, что о женской внешности итальянские авторы рассуждают более детально, чем русские. Однако заслуживает отдельного внимания в «составлении» портрета женщины Московской Руси и

ренессансной Италии XIV-XVI вв. рассмотрение ее внутреннего мира, ее духовной стороны. Поэтому важными являются философские сочинения гуманистов XV-XVI вв., поскольку в них отражены представления о таких этических и эстетических аспектах как нравственная добродетель, счастье, любовь, благородство, требовавшие от женщины XIV-XVI вв. определенной модели поведения.

В данном контексте важны популярные сочинения Московской Руси: «Домострой», из «Измарагда», «Чин свадебный», «Поучение Даниила, митрополита всея Руси», «Волоколамский патерик», содержащие различного рода этические наставления¹⁷. Главные идеи - это идеи религиозности, смирения, почитания святых, подчинение мужу и т.д. Ими должна обладать женщина Московии исследуемого времени. Наставления подобного рода имеются также в литературе Италии Позднего Средневековья, и в частности в трудах Д. Доминичи, Эразма Роттердамского и др.¹⁸. В целом общей чертой отмеченных письменных источников является пропаганда женского начала и материнства.

В поле как портретных, так и гендерных характеристик позднесредневековой женщины необходимо рассмотрение их обязанности и умения. Например, о женских занятиях в своем «Описании России» упоминает неизвестный англичанин, служивший несколько лет при Царском дворе XVI в.: «Лучшее, что умеют здесь женщины - хорошо шить и прекрасно вышивать шелком и золотом»¹⁹. Информация о женском рукоделии и занятиях домашним хозяйством и воспитанием детей упоминается в отечественных письменных источниках (в «Домострое», в Рогожском летописце из части «Об Алексее Митрополите», в «Поучении Даниила» и т.д.) и итальянских (П. Верджеро, Винсент из Бове, Э. Пиколомини, Эразм Роттердамский)²⁰. В них показаны одинаковые занятия женщин в Италии и Руси XIV-XVI вв., которые являлись традиционными для рассматриваемой эпохи.

Примечательно, что кроме выше отмеченного круга действий, возложенных на женщин в Московской Руси, им приходилось, по сообщению Антонио Поссевино, «выполнять обязанности солдат», они «приносят воду заливать начавшийся пожар, бросают со стены собранные в кучи камни или скатывают бревна, заранее приготовленные для этого. Этим они приносят большую пользу своим, а врагам наносят большой урон»²¹. Несмотря на то, что автор не указывает сословную принадлежность этих женщин, можно предположить, что они относились к низшим сословиям, поскольку, как отмечалось уже в другом источнике – «Сказании о Мамаевом побоище» знатные дамы во время войны приступали к молитве: «Княгиня со своей невесткой и с воеводскими женами и с боярынями вошла в златоверхий свой терем и с великой печалью» начала молиться²².

Таким образом, исследовав письменные источники ренессансной Италии и Московской Руси, стало очевидным, что женский «портрет» в письменной культуре изучаемых стран имеет общие и различные составляющие. К первым относится прилежание в одежде, стремление женщин подчеркнуть свою красоту различными способами (макияж, драгоценности), смирение, подчинение мужу, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства. Отличительными же чертами «портрета» является то, что письменные источники Италии несут в себе больше информации об отдельных деталях внешности итальянской женщины, русские передают более конкретный (цельный) образ.

Примечания:

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (ГК №П1892 от 28.10.2009 г.).

1. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Антология мировой философии: возрождение. Минск: Харвест, М.: ООО Изд-во АСТ, 2001. – С. 60-102; Валла Л. О наслаждении // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5-и тт. Т.1. М.: Наука, 1962 - С. 486-497; Альберти Л.Б. Об обязанностях взрослых по отношению к молодым и младшим по отношению к старшим // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.) / Сост., вст. ст. и коммент. Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева. М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 139-158; Альберти Л.Б. О семье // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.) / Авт. и сост. И.В. Ревякина, О.Ф. Кудрявцев. М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 140-179.

2. Альберти Л.Б. О семье... - С. 143.

3. Готтифриди Б. Зерцало любви // О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. М.: Республика, 1992. – С. 310.

4. Фиренцуола А. О красотах женщин // О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. М.: Республика, 1992. – С. 145.

5. Бруней П. Галантные дамы // *О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения* / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. М.: Республика, 1992. – С. 351-365; Готтифриди Б. *Зерцало любви*; Пизано Л. *Диалоги о любви* // *О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения* / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков. М.: Республика, 1992. – С. 19-47; Фиренцуола А. *О красотах женщин*; Фичино М. *В чем состоит счастье, какие оно имеет ступени, о его вечности* // *Антология мировой философии: Возрождение*. Минск: Харвест; М.: ООО Изд-во АСТ, 2001. – С. 248-256; Фичино М. *Комментарий на «пир» Платона. О любви* // *О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения*. М.: Республика, 1992. – С. 49-71.
6. Боккаччо Дж. *Декамероне* [Электронный ресурс] / Пер. с итал. А.Н. Веселовского // http://az.lib.ru/b/bokkachcho_d/text_0030.shtml
7. *О земном устройении* // *Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века* / Вст. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит, 1982. – С. 197.
8. *Тайна тайных* // *Библиотека Древней Руси: В 20 т. Т.9: Конец XV – первая половина XVI века* / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева. СПб.: Наука, 2000. – С. 197.
9. Там же.
10. *Задонщина* [Электронный ресурс] // *Древнерусская литература. Антология* // <http://old-rus.narod.ru/05-5.html>.
11. *Поссевино А. Московия* [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus>.
12. *Чин свадебный* // *Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века* / Вст. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит, 1985. – С. 177.
13. *Поучение Даниила, митрополита всея Руси* // *Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т.9.: Конец XV пер. пол. XVI века* / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева. СПб.: Наука, 2000. – С. 363.
14. *Тайна тайных* // *Библиотека Древней Руси: В 20 т. Т.9: Конец XV – первая половина XVI века* / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева. СПб.: Наука, 2000. – С. 197.
15. *Описание России неизвестного англичанина служившего зиму 57-58 годов при Царском дворе* [Электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Neizyv_angl/text.phtml?id=996.
16. Готтифриди Б. *Ук. соч.* – С. 298.
17. *Домострой* // *Памятники литературы Древней Руси: Сер. XVI века* / Вст. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит, 1985. – С. 71-173; *Из «Измарагда»* // *Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века* / Вст. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит, 1985. – С. 55-69; *Чин свадебный*; *Поучение Даниила, митрополита всея Руси*; *Волоколамский патерик* // *Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т.9.: Кон. XV 1-я пол. XVI в.* / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева. СПб.: Наука, 2000. – С. 20-69.
18. *Доминичи Д. Наставление в семейных делах* // *Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. Т.П. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников* / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. М.: АО Аспект Пресс, 1994. – С. 241-265; *Эразм Роттердамский. Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно вести себя и обходиться с другими* // *Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.)* / Авт. и сост. И.В. Ревякина, О.Ф. Кудрявцев. М.: Изд-во УРАО, 1999. - С. 302-309.
19. *Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57-58 годов при Царском дворе* [Электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Neizyv_angl/text.phtml?id=996.
20. *Домострой*; *Рогожский летописец*; *Поучение Даниила, митрополита всея Руси*; *Верджерио П.П. О благородных нравах и свободных науках* // *Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.)* / Сост., вст. ст. и коммент. Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева. М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 99-100; *Винсент из Бове. О наставлении детей знатных граждан* // *Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. Т.П. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников* / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 111-138; *Пикколомини Э.С. О воспитании детей* // *Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.)*. М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 215-224; *Роттердамский Э. Эразма Роттердамского молодым детям наука...* – С. 302-309.
21. *Поссевино А. Московия* [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus>.
22. *Сказание о Мамаевом побоище* [Электронный ресурс] // *Древнерусская литература. Антология* // <http://old-rus.narod.ru/05-6.html>.

ИДЕИ ТОРГОВОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В КОНЦЕПЦИЯХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ВО 2-Й ПОЛ. XVIII В. В АНГЛИИ

А.И. Легкоступ

Донецкий национальный университет

В статье рассматривается анализ английскими просветителями идеи торгового соперничества, а также воплощение этой идеи на практике в экономической жизни Англии второй половины XVIII в. Основное внимание уделяется пониманию этой идеи в работах Д. Юма, А. Фергюсона и, особенно, А. Смита. Указывается и то, какие их идеи были восприняты английским правительством в данный период и активно использовались в экономической жизни, а какие не получили признания.

Ключевые слова: свобода торговли, идея торгового соперничества, английские просветители, внутренняя торговля, конкуренция

THE IDEA OF ADVERSARY'S TRADE IN CONCEPTS OF ENLIGHTENMENT MEN IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY IN ENGLAND

Legkostup A. I.

Donetsk National University

The article considers the analyze by English enlightenment men to ideas of adversary's trade, as well as entailment to this ideas in practice in economic life of the England of the second half of XVIII century. The main attention is spared to understanding of this ideas in work of D. Hume, A. Ferguson and, particularly, A. Smith. It is indicated and what their ideas were perceived by English government in that period and were actively used in economic life, and what have not got the confessions.

Key words: liberty to trade, the idea of adversary's trade, English enlightenment men, domestic trade, competition

Идея торгового соперничества на базе свободы торговли является составной частью концепции свободной торговли, которая активно разрабатывалась английскими просветителями. В основе ее лежит конкуренция, без которой невозможно развитие предпринимательства и экономической жизни.

Историография данной проблемы достаточно обширна. В работе А.В. Аникина «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса»¹ предоставлены основные факты развития экономической науки, рассмотрены основные идеи и проблемы развития экономики каждого периода истории, в частности взгляды Дэвида Юма и Адама Смита. Труд «Significant Scots. Dr. Adam Ferguson»² представляет собой исследование о жизни и теориях этого ученого. С помощью описания жизненного пути великого ученого философа и историка автор объясняет изменения в его концепции, а также формирование и развитие его взглядов. Подобными предыдущим являются также работа «Hume David, 1711-1776»³, только она касается другого ученого - Дэвида Юма, и исследование S. Dugald «Account of the Life and Writings of Adam Smith LL.D.»⁴, которое посвящено Адаму Смигу.

Развитие в Англии экономики в целом и торгового соперничества в частности, исследуется в труде А.А. Ткаченко «Экономическая история Западной Европы и Америки»⁵. В ней даны характерные черты экономического развития ряда ведущих стран Европы и Америки. Выявлены как общие закономерности в экономике для всех государств, так и особенности каждой страны. Кроме того, в книге выделяются национальные особенности, которые наиболее повлияли на развитие экономики той или иной страны. Предоставляются и наиболее известные части концепций ученых разных стран, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие экономики различных государств. Работа же А. Redford «The economic history of England»⁶ – более традиционна. Она предоставляет информацию о собственно экономическом развитии Англии за долгое время. Исследуются также причины изменений в экономике и их влияние на другие сферы жизни общества.

Что же касается источников, к которым относятся «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита⁷, «Эссе...» Д. Юма⁸ и «Опыт истории гражданского общества» А. Фергюсона⁹, то это, естественно, работы вышеназванных просветителей, из которых ясно можно увидеть основные идеи этих ученых и их видение экономического развития страны.

Целью нашей статьи является анализ идей торгового соперничества в трудах английских просветителей, а также воплощение их в экономической реалии Англии во 2-й пол. XVIII в., и влияние идей просветителей на развитие конкуренции.

Так, Адам Смит отмечает, что в основе производственной деятельности лежит интерес к увеличению богатства. Это главный мотив, который определяет данный интерес. Он движет людьми, заставляет их вступать во взаимоотношения друг с другом. Так зарождается конкуренция. Смит особо отмечает что конкуренция, имея свой негатив в качестве уничтожения мелких предприятий, не способных к конкуренции, приносит ощутимую пользу обществу и стране. Ведь, хотя каждый участник хозяйственной деятельности ищет лишь собственную выгоду, и влияние отдельного человека на реализацию нужд общества практически неощутимо, преследуя свою выгоду, человек в итоге способствует увеличению общественного продукта, росту общественного блага.

В 1766 г. Юм и французский просветитель Тюрго (в переписке) обсуждают рыночный механизм свободной конкуренции, который позднее получил название «модель свободной конкуренции» или «модель установления средней нормы прибыли». Трудно сказать, кто первым изложил эту идею, но чувствуется, что во времена их переписки она была свежим словом научной мысли.

Известно, когда увеличивается спрос на продукт какой-либо отрасли экономики, рыночная цена этого продукта вырастает, а те, кто поставляет его на рынок, начинают получать на свои капиталы больше дохода. Увидев увеличение нормы прибыли в этой отрасли, другие предприниматели направляют туда свои капиталы. В результате поставки необходимого продукта на рынок увеличиваются, предложение подтягивается к спросу, и цена этого товара уменьшается. В то же время в тех отраслях, откуда извлекались капиталы, может проявиться дефицит продуктов, которые поставляются на рынок, и цена этих товаров при неизменном спросе на них поднимается, увеличивая норму прибыли. Тогда капиталы потекут уже сюда, и все повторится. Такая модель свободной конкуренции лежит в основе теорий как Смита, так и Фергюсона.

Вообще, если есть возможность свободного перелива капиталов между отраслями и свободной конкуренции между ними (это значит, если отсутствует система монополий и привилегий), норма прибыли на капитал во всех отраслях производства и торговли будет все время стремиться к единому среднему уровню, везде предложение будет удовлетворять спрос. В целом на рынке будет товаров ровно столько, сколько нужно, не больше и не меньше. Так должен действовать природный порядок¹⁰. Как уже говорилось, эту теорию поддерживал и Адам Фергюсон. Однако он употреблял ее в более широком смысле и не применял понятие конкуренции к человеку, а лишь к нации, и говорил о конкуренции между державами за власть и торговлю.

Таким образом, конкуренция, по мнению просветителей, укрощает эгоизм и влияет на цены. Она регулирует количество товаров, требует обеспечивать их качество, а также способствует экономическому процветанию нации.

Развитие свободной конкуренции можно проследить на примере внутренней торговли Британии. Уже в сер. XVIII в. в стране сложился развитый внутренний рынок. Важную роль во внутреннем обмене играли ярмарки. Наиболее известная среди них в г. Стурбридже (графство Кембриджшир) продолжалась ежегодно целый месяц (с середины августа до середины сентября). На ярмарку приезжали со всей страны. Все отрасли промышленности доставляли сюда свои товары. Тут же составлялись договоры на обработку сырья и поставку товаров. Кроме этой действовало еще четыре общенациональных ярмарки и большое количество местных. Существовали также и постоянные специализированные рынки, где заключались оптовые соглашения: так, в г. Норидже находился общеанглийский рынок рогатого скота, в Нортгемптоне – конный рынок, в Ярмуте - рыбный, в Ипсвиче - рынок сыра и масла¹¹. Основную роль в поставке товаров для потребителей играли мелкие путешествующие торговцы, которые развозили свой товар на лошадях по всей стране. Однако рядом с ними начали появляться постоянные лавки и магазины не только в городах, но и в крупных селах. Обмен товарами становился регулярным, конкуренция увеличивалась, что способствовало улучшению качества товаров. С развитием строительства дорог и путей сообщения внутренний рынок еще оживился. Теперь товары и продукты находят легкий доступ на рынки.

Следовательно, с улучшением качества товаров, появлением регулярного обмена товарами и усовершенствованием водных и сухопутных путей сообщения внутренняя торговля Англии оживилась. Но постепенно крупные промышленники брали в свои руки контроль над кон-

куренцией, избавляясь от мелких производителей и создавая монополии. Особенно этот процесс был заметен в сельском хозяйстве, где он привел к уменьшению количества мелких ферм. Так, например, подсчитано, что от 1740 до 1788 гг. число самостоятельных ферм снизилось больше чем на 40 тыс. В этот период значительно уменьшилось число ферм с количеством земли меньше 40 га, и возросло число ферм с количеством земли 120 га¹².

Такая ситуация не устраивала просветителей. Главным голосом, озвучившим это недовольство экономической ситуацией второй половины XVIII в. в Англии, стал Адам Смит. Он считал, что при свободе передвижения капиталов и денег, капитала и труда ресурсы общества будут использоваться наиболее рациональным, оптимальным способом. Именно поэтому он выдвигает несколько условий существования и лучшего функционирования конкуренции в условиях рыночной экономики, которые основаны в том числе и на работах других просветителей.

Во-первых, он требует отмены всех действий, которые ограничивали, говоря современным языком, мобильность рабочей силы. Прежде всего, речь идет о таких феодальных пережитках, как обязательное ремесленное ученичество и закон про поселение. Понятно, что объективный смысл этого требования состоял в обеспечении свободы действий для предпринимателей. Но нужно помнить про эпоху, когда Смит писал свои труды: британский рабочий класс на то время страдал еще не столько от капитализма, сколько от недостаточности его развития. Поэтому его требование было прогрессивным и даже гуманным.

Это важное требование Смита стало камнем преткновения между предпринимателями, работниками и правительством. И на протяжении всего этого периода оно постоянно выплывало на поверхность во время рабочих выступлений.

Во 2-й пол. XVIII в. предприниматели имели уже значительное влияние на правительство. Это способствовало изданию парламентом ограничения закона об ученичестве: власти допускали его нарушение, известный закон Елизаветы перестал применяться ко всем отраслям промышленности, которые не были хорошо развиты во время его издания. Среди них: шерстяное производство и производство в новых промышленных городах Англии (Манчестер, Бирмингем, Вулверхемптон и другие). Однако другие отрасли производства были вынуждены покоряться этому закону. Поэтому постоянно шла борьба за его отмену¹³.

Во-вторых, Смит выступил за полную свободу торговли землей. Он был противником крупного землевладения и предлагал отменить законы, которые препятствовали раздроблению наследственных земель. Смит был за то, чтобы земли переходили в руки собственников, способных к использованию их более экономично или склонных пускать землю в оборот. Таким образом, он предлагал передавать землю в руки крупных собственников, которые, обладая значительным капиталом, имели бы возможность производить на своей земле современные преобразования, способствующие повышению урожайности и качества производимой продукции. Все это было направлено на развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Это требование Смита было во многом исполнено на протяжении второй половины XVIII в. Законом, который был принят еще в 1646 г., английский парламент уничтожил все феодальные ограничения, которые препятствовали собственникам распоряжаться своей землей, и отменил повинности земельных собственников в пользу короны¹⁴. Этот закон открыл широкий простор для покупки и продажи земель и ускорил создание крупных земельных наследственных владений, которые теперь было еще тяжелее отобрать.

В-третьих, Смит предлагал отменить остатки правительственной регламентации промышленности и внутренней торговли. Акцизы (непрямые налоги), которыми облагается продажа некоторых товаров на внутреннем рынке, должны вводиться только ради бюджетных доходов, а не для влияния на хозяйство. В Англии уже не было налогов, которые взимались при перевозе товаров в пределах страны. Но во 2-й пол. XVIII в. были приняты законы о введении непрямых налогов ради бюджетных доходов: это были налоги на предметы роскоши - вино, шелк, парфюмерию и т.д.

Правительство XVIII в. в Британии всячески поддерживало крупных земельных собственников. Это можно увидеть также на примере сохранения закона, который запрещал ввоз в Англию хлеба при «низкой стоимости» на внутреннем рынке; и сохранения системы поощрительных премий за вывоз хлеба из Англии, хотя просветители и не одобряли подобной политики, считая, что она приносит больше вреда, чем пользы¹⁵.

Примером подобной политики может служить и решительная и всесторонняя поддержка правительства купцов и промышленников, его покровительство торговле, пароходству,

промышленной деятельности. Как уже отмечалось, вывоз английских товаров всячески поощрялся, и не только в сельском хозяйстве, а ввоз – усложнялся. Особенно активно эту политику проводил премьер-министр Уолпол, который в 1721 г. прямо заявил, что его цель «в максимальной степени облегчить вывоз наших товаров и ввоз тех предметов, которые служат для производства товаров»¹⁶. Он отменил много ввозных и вывозных таможенных налогов, так как они делали более дорогостоящим производство английских товаров и ввел премии на вывоз из Англии некоторых продуктов, например, шелк, сахар и другие. Чтобы заставить жителей английских колоний покупать английские товары, Уолпол запретил производство в колониях тех изделий, которые конкурировали с английскими¹⁷.

Четвертое условие развития конкуренции в капиталистических условиях было в значительной степени общим для всех названных просветителей, и оно заключалось в предоставлении полной свободы во внешней торговле. Однако это требование в данный период так и осталось невыполненным. В английской внешнеторговой политике главную роль продолжали играть отношения, связывающие Британию с той или иной страной.

Таким образом, идея свободного соперничества или конкуренции широко освящалась в работах английских просветителей. Особо точно и наиболее систематически свою концепцию изложил Адам Смит. Меньше всего внимания этой идее посвятил в своей работе Адам Фергюсон. Ну а первым среди английских просветителей эту идею осветил Юм. Необычным для того времени было лишь то, что почти все предложенные учеными изменения, которые способствовали развитию конкуренции в частности и экономики в целом, были восприняты и осуществлены на практике английским правительством во второй половине XVIII в. Свобода конкуренции в Англии действовала практически без ограничений в пределах страны. Наименьшим образом идеи свободной конкуренции отразились на внешней торговле, контроль за которой в значительной мере оставался за государством. Поэтому, несмотря на огромное влияние идей английских просветителей во второй половине XVIII в., развитие свободного соперничества в этот период еще не достигло своего апогея и имело простор для дальнейшего усовершенствования.

Примечания:

1. Аникин А.В. *Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса*. М. Политиздат, 1985. – 367 с.
2. *Significant Scots*. Dr. Adam Ferguson. // <http://www.polybiblio.com>.
3. Hume David, 1711-1776. // <http://cepa.newschoo.edu>.
4. Stewart Dugald. *Account of the Life and Writings of Adam Smith LL.D.* // <http://socserr.mcmaster.ca>
5. Ткаченко А.А. *Экономическая история Западной Европы и Америки*. Запорожье: Премьер, 1998. – 352 с.
6. Redford A. *The economic history of England*. London: Longman, 1960. – 244 p.
7. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО, 2007. – 882 с.
8. Юм Д. *Сочинения*. В 3т. Том 3 / Пер. с англ. С.И. Церетели. М.: Канон, 1996. – 464 с.
9. Фергюсон А. *Опыт истории гражданского общества*. М.: РОССПЭН, 2000. – 392 с.
10. Майбурд Е.М. *Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров*. М.: изд-во «Дело», ВИТА – ПРЕСС, 1996. – С. 170.
11. Ерофеев Н.А. *Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в.* М.: Наука, 1964. – С. 125.
12. Мортон А.Л. *История Англии*. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1950. – С. 342.
13. Ткаченко А.А. *Указ. соч.* – С. 289.
14. Ерофеев Н.А. *Указ. соч.* – С. 128.
15. Татаринова К.Н. *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО, 1958. – С. 278.
16. Ерофеев Н.А. *Указ. соч.* – С. 101.
17. *Там же*. – С. 130.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА РЕФОРМЫ В КОНГО (1890-1904 гг.)

О.М. Тавшунский

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается кампания, развернутая в 1890-1904 гг. в Европе и Америке частными лицами и общественными организациями, направленная на реформирование административной системы в Независимом государстве Конго. Путешественники и миссионеры дали первые свидетельства ужасающего произвола бельгийской администрации в Конго. Впоследствии к кампании присоединились обще-

ственные организации и представители торговых кругов, что позволило обратить внимание на ситуацию в Конго правительства Англии и США.

Ключевые слова: движение за реформы в Конго, Морель, Леопольд II, «красный каучук».

NON-GOVERNMENTAL STAGE OF THE CONGO REFORM MOVEMENT (1890-1904)

O.M. Tavshunsky

V.N. Karazin Kharkiv National University

The article considers the campaign 1890-1904 in Europe and America organized by private individuals and NGO's. Its intention was to reform the management system in the Congo Free State. Travelers and missionaries published the first evidences of horrific tyranny of Belgian administration in Congo. Afterwards NGO's and trade circles joined forces with the campaign, and as a result the governments of England and USA changed their attitude to situation in Congo.

Key words: Congo Reform Movement, Morel, Leopold II, "red rubber".

Говоря о бельгийском колониализме, следует понимать, что во многом свои интересы Бельгия должна была согласовывать с более могущественными державами. Однако, благодаря дипломатии своего короля Леопольда II, в 80-90-х гг. XIX в. бельгийцам удалось закрепиться в бассейне р. Конго и преодолеть оппозицию местных вождей на востоке Независимого государства Конго (далее - НГК). Как известно, это государство существовало в 1885-1908 гг. под управлением выше упомянутого Леопольда II, что стало результатом договоренностей, достигнутых на Берлинской конференции 1884-1885 гг., фактически разделившей Африку на зоны влияния европейских государств.

Сомнения относительно соблюдения в НГК положений Берлинского соглашения появились уже в самом начале 90-х гг. XIX в., а толчком к этому послужило открытое письмо Леопольду II афро-американского политика Джорджа Вильямса, отправленное из района Водопадов Стэнли (область НГК) 18 июля 1890 г.¹ Интерес представляет то обстоятельство, что Вильямс лично встречался с королем Бельгии для открытия визы, причём Леопольд II всячески отговаривал его от поездки. И, как выяснилось, не зря. В письме впервые говорилось о жестоком, нечеловеческом обращении колонизаторов с конголезцами. Причём Вильямс прямо обвинил первооткрывателя русла р. Конго Г.М. Стэнли в закабалении африканцев и подчеркнул, что администрация Конго действует от имени короля Бельгии. Для инспекции условий жизни аборигенов предлагалось создать международную комиссию.

Как оказалось, время для подобных разоблачений было выбрано весьма неудачно. 2 июля 1890 г. завершилась II Брюссельская конференция, связанная с антирабовладельческой кампанией в Африке, инициированной католиками. По итогам дискуссии именно Леопольду II, наиболее осведомленному о происходящем в регионе и равнодушному к судьбе африканцев было поручено возглавить «праведную войну» с вождями Маньемы². Это обстоятельство, а также скоростная кончина Дж. Вильямса в 1891 г. в Англии, по возвращению из Африки, позволили в скором времени замолчать поднятую проблему.

Основные сложности с получением объективных данных по Конго были связаны с жесткой миграционной и информационной политикой государства, которое практически закрыло свои границы для цивилизованного мира. Фактически решения о предоставлении визы принимал лично суверен НГК Леопольд II. Некоторые льготы были представлены лишь миссионерам, причём католики, которые находились у власти в Бельгии и занимали лояльную позицию в отношении короля, получили максимальные привилегии³. Их «приюты» находились повсюду в НГК, в то время как для протестантских и других христианских миссий выделили область в низовьях р. Конго. В конечном счете, отчеты миссий давали хоть какое-то альтернативное представление о реальной ситуации в Конго. Так, протестанты не раз приводили свидетельства злоупотреблений властью в Конго (следует заметить, что с сер. 90-х гг. они появлялись систематически). Вместе с тем, определенная заангажированность этих отчетов дала возможность расценивать их как попытку подорвать авторитет католиков и администрации Конго.

Постепенно складывавшаяся в Конго ситуация стала привлекать общественное внимание. В сентябре 1896 г. Общество защиты аборигенов (международная правозащитная организация, основанная в 1837 г.), шесть лет оббивавшее пороги в Брюсселе, обратилось к британскому правительству, указывая на ситуацию в НГК, но вновь не было услышано. Весной следующего года Ч. Дилк, один из лидеров организации, поставил этот вопрос в общей пробле-

матике, связанной с Африкой, перед палатой общин британского парламента, и предложил правительству провести переговоры относительно проведения международной конференции. Предложение нашло ряд сторонников, но бельгийское лобби в лице капитана Бизела добилося его отклонения⁴.

Общество защиты аборигенов вынуждено было ограничиться проведением открытых дебатов, а после публикаций шведа Шеблома и ирландца Мерфи из американской баптистской миссии, обличавших режим в НГК, секретарь Общества Г.Р. Фокс-Боен, располагавший и другими данными, объявил, что начинает «галантную войну» против методов управления в Конго⁵.

Очередной вехой в формировании общественного мнения стала публикация 1898 г. в парижской газете «Тан» переписки о «красном каучуке» Конго, обрисовавшей ужасающую картину произвола в стране. В частности, автор статьи недвусмысленно высказывался о том, что добываемый каучук орошен кровью конголезцев⁶. В ответ Леопольд II развернул собственную кампанию по оправданию государственной политики в Конго и развенчанию «мифов», публикуемых в прессе. Для этого в распоряжении короля имелась бельгийская печать и достаточно сильное лобби в Европе и США. И снова на помощь королю пришел случай. В 1899 г. началась англо-бурская война, которая на несколько лет отвлекла внимание международной общественности.

В то же время, бывшие служащие НГК, нарушив клятву о неразглашении, стали афишировать виденное ими положение вещей. Наиболее известным свидетельством стала написанная в 1899 г. Дж. Конрадом по мотивам его пребывания в Конго небольшая новелла «Сердце тьмы»⁷. Она повествует о буднях европейца, заключившего с администрацией НГК служебный контракт, нисколько не смягчая виденную Конрадом картину. Конечно, новелла не была официальным манифестом против режима в Конго, тем не менее она констатировала «ужас, царящий в стране».

В 1900 г. Эд. Морель опубликовал ряд статей в еженедельном журнале „Спикер“, направленных против Леопольда II, причастного к созданию в НГК системы принудительного труда, которую автор отождествлял с рабством⁸. В следующем году он встретился с Дилком и Фокс-Боеном, а уже в конце года в Форин офис была отправлена петиция пятнадцати торговых домов Британии, протестовавших против ущемления прав британских предпринимателей во Французском Конго. В ходе разбирательств выяснилось, что методы, применяемые во французской колонии, характерны для всей территории бассейна Конго.

Несмотря на открывавшиеся перспективы на службе в предпринимательском доме Демпстера, занимавшемся торговлей с Конго, Морель в 1901 г. вышел в отставку, став профессиональным журналистом, и в 1902 г. был приглашен в качестве специалиста по Западной Африке в комитет западноафриканской секции Ливерпульской торговой палаты⁹.

В мае 1902 г. под эгидой Общества защиты аборигенов прошло объединение усилий теоретиков и практиков реформаторского движения в Британии, поддержанное торговыми палатами Лондона, Ливерпуля и Манчестера, Африканским обществом и Колониальным обществом Германии. Принятая резолюция гласила, что условия Берлинской конференции "в отношении защиты аборигенов" были нарушены "делами, губительными по отношению к коренному населению", и призывала правительство Его Величества созвать подписавшие Акт государства, чтобы предпринять шаги "для выполнения взятых обязательств". В декабре того же года в издании "Дела Западной Африки" появилось несколько глав, посвященных плохому управлению НГК. Начало 1903 г. ознаменовалось выходом книги «Цивилизация в Конго» Фокс-Боена, обличавшей режим в НГК, она же стала пиком «галантной войны» против режима Леопольда II¹⁰.

Число противников режима в НГК стремительно росло, однако их работа велась разрозненно, основными мотивами выступали бесчеловечное обращение с конголезцами государственной администрации и установленные торговые монополии в Конго, – причем повсеместно использовалась именно такая последовательность. Все же есть основания полагать, что материальные интересы в нач. XX в. преобладали над моральными. В 1903 г. цены на «красный каучук» из Конго, как и на каучук в целом, достигли своего апогея¹¹, вся же прибыль от его продажи оседала в карманах суверена НГК и небольшой группы бельгийских предпринимателей.

На очередной ежегодной встрече Объединенных Торговых палат в 1903 г. было принято обращение, гласившее, что "принципы и практика, введенная в НГК и других областях условного бассейна Конго" противоречат Берлинскому акту, и правительство должно сотрудничать с другими подписантами для проведения реформы. Методы управления в государстве

Конго также осудили Свободный совет церквей и Лондонское отделение Международного союза профсоюзов.

Вмешательство Торговых палат дало новый толчок реформаторскому движению, хотя правительство Конго выразило сомнение в его мотивации, утверждая, что активность "ливерпульских предпринимателей" вызвана ростом влияния Антверпена как центра торговли каучуком. Антиконголезская публицистика в Бельгии и за ее пределами, публикуемая практически на всех языках Европы, рассматривалась делом рук прихвостней британских торговцев. Вышедшая же в то время брошюра Д. Боулжера прямо обвиняла Мореля и его патронов в «презренном» стремлении завладеть торговлей каучуком. Морель доказывал обратное, считая, что материальный интерес Британии состоит в сохранении существующего режима в Конго. С 1903 г. он начал выпускать собственный журнал «Западноафриканская корреспонденция», на паях с Дж. Холтом, который опасался распространения модели управления в НГК по всей Западной Африке.

5 мая 1903 г. преподобный Моррисон, миссионер, только что вернувшийся из Конго, предоставил отчет о поездке на заседании, созванном Обществом защиты аборигенов. На заседании присутствовала также группа парламентариев, которые поддержали итоговую резолюцию, призывавшую повторно обратиться к правительству, чтобы координировать совместные действия¹². До этого инициатива по проведению межправительственных консультаций по вопросу НГК отклонялась неоднократно, но в этот раз 20 мая состоялись дебаты в палате общин, итогом которых стал официальный запрос британскому консулу в Боме (столица НГК) Р. Казементу о положении дел в Конго.

Следует заметить, что Каземент уже некоторое время пребывал в Центральной Африке, и даже работал по контракту с правительством НГК на постройке железной дороги от Матади до Леопольдвилля¹³. В 90-х гг. XIX в., представляя британские интересы в Анголе, он неоднократно получал донесения о ситуации в НГК, а также непосредственно общался с некоторыми африканцами, работавшими в Конго по контракту. В результате у него сформировалось свое мнение о положении в НГК, вполне соответствующее существовавшим реалиям, и разубедить его не смог даже Леопольд II при личной встрече в 1900 г. В следующем году Каземент был назначен британским консулом в Боме и совершил несколько поездок по Конго, что окончательно убедило его в своей правоте¹⁴.

С 1904 г. начались конфиденциальные переговоры, направленные на консолидацию индивидуальных усилий в рамках единой организации, целью которой должно было стать своевременное и объективное информирование общественности по этому специфическому вопросу. Работа по созданию подобной организации лежала в основном на Мореле и Холте, которые за несколько месяцев заложили необходимый фундамент. В это же время произошла первая встреча Мореля с Казементом, который поддержал идею создания Ассоциации Реформы Конго.

В феврале 1904 г. отчет Каземента был представлен палате общин, подтвердив звучавшие обвинения в адрес режима Леопольда II в НГК. Одним из итогов его обсуждения стало объявление 23 марта о создании Ассоциации Реформы Конго. В ее состав сразу же вошло 10 пэров и 40 членов парламента, а вскоре открылось отделение Ассоциации в Бостоне.

В качестве целей этой организации Морель называл следующие: обличение существующего положения дел в Конго, что рассматривалось самой легкой задачей, поскольку ежедневно появлялись новые факты злоупотреблений властью в Конго; осознание общественностью того, что обращение с коренным населением в Конго в том виде, к которому привело управление администрации Леопольда II, никогда до сих пор не встречалось в мировой колониальной практике; необходимость придания добрым намерениям и гуманности зримых очертаний, конструктивности; проведение реальных преобразований в стране, включая восстановление уроженцев Конго в правах, гарантируемых им Берлинскими и Брюссельскими соглашениями, через содействие работе по реформе Конго, с привлечение более широкого круга лиц¹⁵.

В результате едва ли не главной задачей Ассоциации Реформы Конго считалось привлечение внимания общественности к поднятым проблемам, изменение представления о НГК в соответствии с видением ситуации руководством организации. Таким способом предполагалось достичь решения вопроса о НГК на правительственном уровне.

Это начинание в той или иной мере поддерживали известные литераторы: Дж. Конрад, А. Конан Дойль («Преступление в Конго», 1909 г.)¹⁶ и М. Твен, самым известным и весомым вкладом которого стал памфлет «Монолог короля Леопольда» (1905 г.)¹⁷, написанный по личной

просьбе Мореля; финансовые магнаты (Уильям Кадбери); правозащитники (Букер Вашингтон); журналисты (Пьер Миль). Также это начинание поддержали англиканская церковь и американские протестантские миссии.

Подводя итог, отметим, что многолетняя международная кампания за реформы в Конго подготовила благодатную почву для перехода данной проблемы с неправительственного уровня на высший межправительственный. 11 декабря 1906 г. президент Теодор Рузвельт заявил о своей поддержке реформаторского движения¹⁸. К тому же в 1906 г. в США начался кризис в отраслях, связанных с поставками каучука, поэтому дальнейшая ориентация на африканский рынок стала нерентабельной. Предпочтительнее стало вкладывать инвестиции в азиатский каучук, где постоянно возрастали площади плантаций, да и наемный труд стоил относительно недорого. В скором времени даже бельгийские торговые круги переориентировались на азиатские рынки, а вопрос о дальнейшей судьбе НГК на несколько лет стал предметом внутривластной борьбы в Бельгии.

В результате общество разделилось на сторонников и противников Леопольда II, причем именно король рассматривался виновником произошедшего в НГК. Вся кампания в прессе была направлена на его дискредитацию в глазах общества, однако в целом бельгийцы остались на стороне короля, который всячески содействовал процветанию «своей семьи», какой монарх считал весь бельгийский народ.

Возможно, главной ошибкой короля явилось то, что он ни разу за 30 лет конголезской деятельности не посетил свои владения в Африке и не узнал ближе культуру людей, которые были вверены ему на Берлинской конференции. Система управления в НГК подчинялась лишь одной задаче – обогащению своих хозяев, причем в данном случае цена вопроса не играла никакой роли, так как контроль за деятельностью агентов НГК в принципе отсутствовал. В сложившейся ситуации именно позиция частных лиц, а потом и неправительственных организаций, ставших на защиту прав конголезцев, заставила мировые державы вспомнить об их ответственности за происходящее в НГК.

Примечания:

1. Franklin J.H. *George Washington Williams: a biography*. Durham, N.C., 1998. – App. 1.
2. Мерлие М. *Конго от колонизации до независимости*. М., 1965. – С. 55.
3. Cline C.A. *The Church and the Movement of Congo Reform // Church History*. 1963. Vol.32. №1. – P. 46-47.
4. Morel E.D. *King Leopold's Rule in Africa*. New York, 1905. – P. IX.
5. Fox Bourne H.R. *Civilisation in Congoland*. London, 1903. – P. 205-218.
6. Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А. *История Заира в новое и новейшее время*. М., 1984. – С. 96.
7. См.: Конрад Дж. *Сердце тьмы и другие повести*. СПб., 1999.
8. Taylor K. *Edmund Morel – Pioneer for Global Justice // NERVE*. 2005. Issue 7. - www.catalystmedia.org.uk/issues/nerve7/edmund_morel.htm
9. Morel E.D. *King Leopold's Rule in Africa*. New York, 1905. – P. XI.
10. См.: Fox Bourne H.R. *Civilisation in Congoland*. London, 1903.
11. Wack H.W. *The Story of the Congo Free State*. New York-London, 1905. – P. 280.
12. Morrison W.M. *Personal Observations of Congo Misgovernment // www.boondocksnet.com/congo/*
13. Inglis B. *Roger Casement*. London, 1973. – P. 32.
14. *Ibidem*. – P. 56-57.
15. Morel E.D. *King Leopold's Rule in Africa*. New York, 1905. – P. XV-XVI.
16. См.: Conan Doyle A. *The Crime of the Congo*. New York, 1909.
17. См.: Твен М. *Собрание сочинений: в 12 т.* М., 1961. – Т.11.
18. Zwick J. *The Congo Reform Movement in the United States // www.boondocksnet.com/congo*

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ШОТЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1830-Е – 1930-Е ГГ.)

Н.В. Зинкевич

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье освещается процесс организационного оформления национального движения Шотландии, цели и деятельность создаваемых организаций, а также меры, предпринимаемые правительством Соединённого Королевства в ответ на их требования. За рассматриваемый период с 1830-х по 1930-е гг. они прошли путь от правозащитных ассоциаций до политических партий.

Ключевые слова: Шотландское национальное движение, автономия Шотландии, Шотландская национальная партия (ШНП).

ORGANIZATIONAL REGISTRATION OF SCOTTISH NATIONAL MOVEMENT

(1830s – 1930s)

N.V. Zinkevich

V.N. Karazin Kharkiv National University

In the article is told about the process of organizational registration of Scottish national movement, the purposes and activity of the created organizations, and also the measures undertaken by the United Kingdom government in reply. During the considered period between 1830s and 1930s those organizations have passed a way from rights regarding associations to political parties.

Key words: Scottish national movement, the autonomy of Scotland, Scottish National Party (SNP).

Столетний период в истории Шотландии, о котором пойдёт речь, связан с кристаллизацией политического этапа национального Возрождения и его организационным оформлением.

Давние разногласия между Англией, как основообразующей страной, и Шотландией, как страной ядра Британской империи, обострились в середине XIX в. в связи со вступлением шотландского народа в стадию формирования нации, сопровождавшейся многочисленными экономическими и социальными проблемами. Парламентская реформа 1832 г., расширившая электоральную базу, но так и не предоставившая права выбора всем гражданам Соединённого Королевства, вызвала к жизни движение за введение всеобщего избирательного права. В Шотландии оно распространилось в 1837-1838 гг. и сразу же приобрело национальную окраску. В 1838 г. в Глазго была создана первая организация, призванная бороться за права страны и её граждан – Ассоциация борьбы за избирательное право¹. Она стремилась увеличить шотландское представительство в Британском парламенте, что означало постановку вопроса о статусе Шотландии как общегосударственной проблемы. А уже к концу 1840-х гг. в чартистском движении прозвучала мысль о пересмотре унии 1707 г., по которой Шотландия лишилась своей независимости и собственного парламента, получив взамен право немногочисленного представительства в Вестминстере. Однако возрождение шотландского законодательного органа неизбежно привело бы к широкой автономии страны, невыгодной Лондону, сконцентрировавшему все рычаги управления регионом.

В середине XIX в. благодаря культурному возрождению, а также из-за ассимиляции гэльского населения Хайленда (горной части Шотландии) происходит слияние народа Хайленда (гэлов) и Лоуленда (собственно шотландцев) в единую нацию. Тяготение к совместному отстаиванию политических прав на общегосударственном уровне вызвало к жизни Национальную ассоциацию защиты прав шотландцев. Она была образована в 1853 г. активистом Шотландской Свободной (пресвитерианской) Церкви Дж. Беггом, профессором Эдинбургского университета В. Е. Айтоном и другими активистами национального движения. Целью организации было достижение Шотландией гомруля – от английского home rule – расширение полномочий органов местного самоуправления².

В 1867 г. в Великобритании была проведена парламентская реформа, позволившая унифицировать английскую и шотландскую избирательную системы и, как следствие, несколько увеличить долю шотландского представительства в Палате общин и Палате лордов. Ведущей силой, отстаивавшей интересы Шотландии, была Либеральная партия, из среды которой происходила инициатива организационного оформления национального движения и предоставления Шотландии широкой автономии. В 1870-е гг. впервые были высказаны и стали распространяться идеи федерации с Англией, то есть нового типа политического устройства государства, поддержанные частью либералов и Ассоциацией защиты прав шотландцев. В среде национального движения наметился переход к политическим методам борьбы за автономию.

В 1880-1890-х гг. движение получило и социальную окраску: продолжавшееся в течение второй половины XIX века обезземеливание крестьян привело к массовым выступлениям, которые послужили толчком к учреждению в 1883 г. ещё одной региональной организации - Земельной лиги Хайленда. Решение земельной проблемы виделось её членами в передаче права регулирования земельных вопросов на места - из Лондона в Эдинбург. Земельная лига Хайленда наладила контакты с ирландскими крестьянскими организациями, а также движением за права шотландцев.

Реакцией центрального руководства страны на изменение настроений в регионе стали попытки реформ 1870-х - 1880-х гг., касавшихся местного самоуправления. Управление хозяйственной жизнью передавалось на места; шотландское представительство в парламенте расширялось с 53 до 72 чел., а в 1885 г. возобновлялась упразднённая ещё в 1745 г. должность секретаря по делам Шотландии, возглавившего Управление по делам Шотландии³.

Реформы, однако, не решили проблем региона, ожидавшего более кардинальных перемен. Поэтому в мае 1886 г. представителями различных партий и образований была создана новая организация, уже в самом названии содержащая приоритет гомруля. Ассоциация борьбы за гомруль (Scottish Home Rule Association) поставила целью добиться восстановления парламента Шотландии в Эдинбурге. В неё вошли деятели Гэльского возрождения, Национальной ассоциации защиты прав шотландцев, Земельной Лиги Хайленда и Свободной Церкви. Уже в 1889 г., благодаря деятельности ассоциации, в Палату общин был впервые представлен билль об учреждении в Шотландии национального парламента, не получивший, впрочем, поддержки британских законодателей⁴.

Требования автономии Шотландии в начале XX в. – в 1906, 1908, 1911, 1912, 1913, 1914 гг. - регулярно вносились на рассмотрение парламента либералами⁵. В 1918, 1924 и 1928 гг. вопрос о шотландском гомруле выдвигался в Палате общин Лейбористской партией, получившей благодаря этому значительную поддержку в Шотландии. Ни один законопроект не был одобрен, но всё же этими мерами удалось привлечь внимание правительства к шотландской проблеме, что имело следствием реформу местного самоуправления в 1926-1928 гг. Она проявилась в смене статуса секретаря по делам Шотландии на Государственного секретаря и передаче ему полномочий по управлению сельским хозяйством, здравоохранением и пенитенциарной системой⁶.

В 1928 г. в результате раскола Шотландской ассоциации самоуправления образовалась НППШ - Национальная партия Шотландии (National Party of Scotland) - первая общественная организация по защите прав шотландцев, приобретающая статус политической партии, которая использовала в своей деятельности соответствующие методы борьбы. Партия была образована слиянием Шотландской националистической ассоциации университета Глазго (Glasgow University Scottish Nationalist Association), Шотландской национальной лиги (Scots National League), Шотландского национального движения Льюиса Спенса (Lewis Spence's Scots National Movement) и Шотландского движения за гомруль (Scottish Home Rule Movement). Лидерами стали поэты Л. Спенс и Х. Макдиармид, писатель К. Маккензи, публицисты Р. Канингхем Грейем и Дж. МакКормик, провозгласившие своей целью достижение самоуправления для Шотландии⁷.

В целом идеологию НППШ можно охарактеризовать как левоцентристскую. Первым кандидатом, выдвинутым ею на выборы, а также вообще первым кандидатом-националистом был Льюис Спенс, выступавший в 1929 г. от округа Средний Лотиан и Северный Пиблшир (Midlothian and Peebleshire Northern). Он получил 4,5% голосов, финишировав четвёртым. За всё своё недолгое существование НППШ выставляла для участия на выборах немало кандидатов, но ни один из них не прошёл в парламента, что свидетельствовало о её слабости и отсутствии массовой потребности в выражении национальных чувств политическими методами. Пробуждение национального самосознания и борьба за политическую реализацию была присуща лишь отдельным группам образованных шотландцев, в том числе аристократии.

В 1932 г. бывшими членами Либеральной и Юнионистской партий была сформирована Шотландская партия (The Scottish Party), также поставившая своим приоритетом гомруль, то есть её программа была схожей с НППШ и носила умеренно националистический характер. Джон МакКормик, желавший достичь единства в среде национального движения, наладил с ней контакты, положив начало кооперации. Поэтому когда в ноябре 1933 г. Шотландская партия приняла решение выставить своего кандидата на перевыборах в округе Килманрок, НППШ поддержала его.

В 1934 г. произошло слияние двух партий в Шотландскую национальную партию (Scottish National Party) - ШНП, существующую и поныне. Более чётко были сформулированы цели, а именно: «Создание в Шотландии парламента, который будет являться окончательной властью по всем шотландским вопросам, включая налогообложение и финансы; равноправие Англии и Шотландии в решении имперских дел, ... вопросов обороны, внешней и таможенной политики»⁸. Начиная с 1934 г., партия стала активно выдвигать своих кандидатов на местных и всеобщих выборах. В 1935 г. количество кандидатов от ШНП составляло 8 чел. - они получили

поддержку 1,3 % избирателей Шотландии⁹. И хотя это не свидетельствовало о значительных достижениях, всё же было положено начало для выхода партии на британскую политическую сцену.

Таким образом, в 30-х гг. XIX – 30-х гг. XX в. произошло организационное оформление шотландского национального движения, позволившее наладить диалог с центральной властью. Переход от стихийных методов борьбы, превалировавших в 1830-х - 1840-х гг., к созданию организаций по защите прав шотландцев в 1850-х – 1880-х гг. привёл к выходу шотландского национального движения на общегосударственную арену. Эти организации стали индикаторами и выразителями общественного мнения. Они по-новому поставили проблему местного самоуправления и статуса региона в составе государства. Логическим завершением развития организованных методов борьбы за широкую автономию стало создание в 1920-х - 1930-х гг. политических партий - представителей национальных интересов Шотландии в государственных органах управления Соединённого Королевства.

Примечания:

1. Зверева Г.И. *История Шотландии*. М.: Высшая школа, 1987. – С. 106.
2. Гроздова И.Н. *Кельтские народы Британских островов // Этнические процессы в странах зарубежной Европы*. М.: Наука, 1970. – С. 177.
3. *Secretary for Scotland Act 1887* // [http //: www.statutelaw.gov.uk/content](http://www.statutelaw.gov.uk/content).
4. Гроздова И.Н. *Кельтские народы Британских...* – С. 177.
5. Гроздова И.Н. *Шотландцы. Тенденции национального развития // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы*. М.: Наука, 1981. – С. 31.
6. *Reorganization of Offices (Scotland) Act 1928* // [http //: www.statutelaw.gov.uk/content](http://www.statutelaw.gov.uk/content).
7. Толстов С.В. *Национальные движения в Великобритании и Ирландии на современном этапе // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы*. К.: Наукова думка, 1982. Вып.2. – С. 35.
8. MacCormick J. *The Flag in the Wind*. – L., 1955. – P. 23.
9. Зверева Г.И. *Указ. соч.* – С. 124.

«ВИЛЬСОНИАНИЗМ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Е.И. Мурог

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

В статье описывается генезис становления США как политического лидера. Основное внимание уделяется теоретическим вопросам доктрины 28-го президента США Вудро Вильсона. На время его правления (1913-1921 гг.) выпадает переход США со второстепенных на передовые роли в мировой политике. Вильсонизм вместило в себя главные идеи служившие, по мнению президента, опорой международного порядка: всеобщность права, доверие наций друг к другу, открытые рынки, а также оказание содействия демократическому правительству.

Ключевые слова: Вудро Вильсон (1913-1921 гг.), Лига Наций, мировое самоутверждение США, вильсонизм.

«WILSONIANISM»: THE ORIGIN & EVOLUTION

E.I. Murog

S.A. Esenin Ryazan State University

The paper considers genesis of becoming of the USA as political leader. The basic attention is given theoretical questions of the doctrine of 28-th president of the USA Woodrow Wilson. For the period of his rule (1913 - 1921) USA became to play one of the advanced roles in world politics. Wilsonianism contained the main ideas served, in opinion of the president, as a support of the international order: universality of the right, trust of the nations to each other, open economy and also rendering of assistance to the democratic government.

Key words: Woodrow Wilson (1913-1921), League of Nations, global self-affirmation of the US, Wilsonianism.

В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XX в. ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединенные Штаты. Ни

одно общество не настаивало столь твердо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своем стремлении следовать исторически сложившимся у нее моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату¹.

Вхождение Америки в международную политику превратилось в триумф веры над опытом. С того момента, как в 1917 году Америка вышла на мировую политическую арену, она была до такой степени уверена в собственных силах и убеждена в справедливости своих идеалов, что главнейшие международные договоры нынешнего столетия стали воплощением американских ценностей - начиная от Лиги наций и пакта Бриана - Келлога вплоть до Устава Организации Объединенных Наций.

На президентство Вудро Вильсона (1913-1921 гг.) выпадает переход США со второстепенных на передовые роли в мировой политике. Когда президент В. Вильсон принимал присягу, в зоне видения американской дипломатии были Латинская Америка и Филиппины как "предполье" Азии. Когда же он покинул Белый дом, американская государственная машина активно участвовала в дипломатических процессах на пяти континентах. Когда президент принимал присягу, Америка не смела потеснить соперников в Китае, не помышляла об участии в делах тогдашнего политического центра мира - Европы, ее дипломаты и военные были заняты центрально-американскими делами. Когда же В. Вильсон "сдавал" свой пост, никто в мире уже не сомневался в статусе США как мировой державы, развернувшей миллионную армию, чей флот превзошел британский, чья экономическая мощь получила адекватное политическое выражение².

Это был период перехода от провинциализма к попыткам мирового самоутверждения. Американский империализм нуждался в ослаблении европейской системы, и мировая война дала такую возможность. При президенте В. Вильсоне дипломатия США вторглась в европейский конфликт на его решающей стадии и попыталась возглавить одерживающую победу коалицию. При заключении Версальского мира дипломатия Вильсона активно вмешивалась в те вопросы, касаться которых еще в начале правления президента ему никто бы не позволил.

«В своем первом послании «О положении в стране» от 2 декабря 1913 г. он положил начало тому, что потом стало определяться термином «вильсонизм». Всеобщность права, а не равновесие сил, доверие наций друг к другу, а не национальное самоутверждение любой ценой, были, с точки зрения Вильсона, опорой международного порядка»³. Однако в современном мире не существует универсальных рецептов для решения межгосударственных конфликтов⁴.

Определение термина «вильсонизм» или «вильсонизм» представляет собой такую же трудность, как и при попытках определить практически любой "-изм" в мировых делах. С одной стороны, аспекты внешней политики США, в настоящее время называемые «вильсонизм» предшествовали президентству Вильсона, а, с другой, «вильсонизм» появился позднее в более полной или иной форме, чем сам Вильсон мог бы себе представить⁵. Следовательно, учитывая множество коннотаций термина, Wilsonians могут различаться между собой.

Принято считать, будто вильсонизм был непримиримым антагонистом ленинизма: в то время как, по сути, он призывал к установлению во всем мире демократий американского толка, ленинизм звал к установлению в нем "всемирной диктатуры пролетариата". Именно поэтому крах ленинизма и был истолкован многими на Западе как торжество вильсонизма, но в действительности это был крах того и другого одновременно, крах идеологий, которые являлись своего рода сиамскими близнецами⁶.

Разумеется, между ними были глубокие теоретические и практические противоречия, но, вместе с тем, и очень много общего. Обе унаследовали эгалитарные идеи века просвещения. Обе восприняли веру гуманистов, просветителей и якобинцев в то, что человечество может сознательным и рациональным путем сконструировать и создать лучшее общество. Обе считали главным инструментом такого преобразования государство. Обе отличались секулярным видением будущего. В отношении к периферии мира обе придерживались принципа самоопределения наций, наконец, обе исходили из одинакового представления, что история неудержимо и все более быстро движется в сторону окончательного торжества их универсальных, то есть пригодных для всех без исключения идей⁷.

Итак, первым определяющим элементом вильсонизма является убеждение в том, что ведущим приоритетом американской внешней политики должно быть содействие демократическому правительству: «Мир вокруг национального самоопределения». Иными словами, международный порядок должен быть основан на политическом множественном. Американские интересы в области безопасности хорошо служат путем содействия либерально-демократическим правительствам на международном уровне, и, когда большинство людей говорят «вильсонизм», они обычно имеют в виду, что содействие демократии в других странах должно быть ведущей целью американской внешней политики.

Вторым элементом является убеждение, что целый ряд международных институтов, основанных на верховенстве закона, может сохранить мир внутри страны на тех же принципах.

Международная экономическая открытость была третьим элементом вильсонизма. По британскому примеру, Вильсон выступал за либерализацию мировой экономики, говоря о том, что государства не должны иметь особых привилегий в экономических вопросах. Рыночные силы должны действовать, рассматривая всех желающих в равной степени с помощью так называемых «most-favored-nation treaties» (режима наибольшего благоприятствования нации договоров). Результат будет способствовать не только более процветающим государствам, но и более мирной международной системе.

Четвертый элемент - убеждение, что Соединенные Штаты должны быть глубоко вовлечены в международные дела, так как «Мир должен быть безопасным для демократии»⁸.

«В вильсонизме воплотилась главная трагедия Америки на мировой арене: американская идеология является, так сказать, революционной, в то время как у себя в стране американцы считают себя удовлетворенными статус-кво»⁹.

Зиновий Гершов в своей монографии «Вудро Вильсон» дает четкую характеристику вильсонизма как доктрины, «служившей критерием замыслов американских монополий»¹⁰.

Наталья Нарочницкая в своей статье «Американские «аналитические институты» - глаза уши и совесть Америки», напротив, отмечает мессианский характер вильсонизма: оно «соединило с либеральным багажом кальвинистский пафос «орудия Бога» англосаксонских пуритан, доктрину «нации искупительницы» (Redeemer Nation) и «Божественного предопределения» (Manifest Destiny). «Realpolitik» никуда не исчезла, но подверглась «теологизации» – отождествлению собственных интересов с морально-этическими канонами университета»¹¹.

Л. Троцкий вовсе пишет о вильсонизме как о пацифистско-примиренческом (по внешности) течении¹².

Однако «общепринятый смысл» его трактовки, как творения блага народам путем их самоопределения и поощрения демократизации (то есть экспорта американских «ценностей»), игнорирует тот факт, что 14 Пунктов не предполагали экспорт "ценностей" в чистом виде, но изначально были компромиссом между "ценностями" и "интересами"¹³.

Общие принципы, часто описываемые как вильсонизм, включают следующее: защита самоопределения этническими группами; защита распространения демократии; защита распространения капитализма; анти-изоляционизм / анти-империализм в пользу вмешательства для созидания мира / распространения свободы.

Аспекты вильсонизма, как и понятие о том, что Соединенные Штаты всегда были приверженцами интернационализма, эволюционировали и получили широкое распространение в основном после Второй мировой и Холодной войны.

Таким образом, «вильсонизм» чаще всего определяют как права человека и развитие демократии в других странах, однако у него есть и некоторые другие стороны: открытые рынки и лидерство США в мировых делах, заинтересованность в создании открытой международной экономической системы, а также оказание содействия демократическому правительству.

Примечания:

1. Уткин А.И. *Дипломатия Вудро Вильсона*. М., 1989. - С. 10.

2. Там же.

3. Шлезингер-младший А.М. *Циклы американской истории: Пер. с англ.* М., 1992. - С. 144-145.

4. Шимов Я. *Тень Вильсона над Европой* / [http://www.gazeta.ru/comments/2006/03/10_a_559925.shtml]

5. Fromkin David. *What is Wilsonianism?* // *World Policy Journal*, Vol.11, 1994. - 12 pgs [<http://www.americanforeignrelations.com/O-W/Wilsonianism.html>].

6. Александров М. Три сценария развития мировой ситуации / [<http://worldcrisis.ru/crisis/130790>].
7. Там же.
8. Fromkin David. What is Wilsonianism? // *World Policy Journal*, Vol. 11, 1994. 12 pgs [<http://www.americanforeignrelations.com/O-W/Wilsonianism.html>].
9. Киссинджер Г. *Дипломатия*. М., 2005. - С. 196.
10. Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. - С. 6.
11. Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты» глаза уши и совесть Америки» / [<http://www.libereya.ru/public/narotchnitskaya1.html>].
12. Троцкий Л. *Сочинения. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции*. Т.12. М-Л., 1925. - С. 209.
13. Интернет-ресурс «Живой журнал» [<http://agasfer.livejournal.com/1379833.html>].

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА МУССОЛИНИ ПЕРВЫХ ЛЕТ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА (1922-1928 гг.)

А.А. Кравченко

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Статья посвящена анализу балканского направления итальянской дипломатии в первые года фашистского режима. На Балканах ярко проявилось фашистское стремление к экспансии, в качестве плацдарма для которой рассматривалась Албания, а главным противником выступала Югославия. Из-за внутри- и внешнеполитической слабости фашистского режима на тот момент цели Муссолини полностью реализованы не были.

Ключевые слова: Италия, фашизм, Балканы, международные отношения.

MUSSOLINI'S BALKAN POLICY DURING THE FIRST YEARS OF THE FASCIST REGIME (1922 – 1928)

A.A. Kravchenko

S.A. Esenin Ryazan State University

The article is dedicated to the Balkan direction of Italian diplomacy during the first years of the fascist regime. On the Balkans fascist aspiration to expansion appeared, the main springboard of which was Albania and Yugoslavia turned to be the main enemy. On account of weakness of the fascist regime both in the country and on the international scene at that moment the goals of Mussolini were not completely realized.

Key words: Italy, fascism, the Balkans, international relations.

В октябре 1922 г. к власти в Италии пришли фашисты во главе с Б. Муссолини. Основой фашистской идеологии являлось стремление к завоеванию для Италии «места под солнцем». Важнейшими целями внешней политики итальянского фашизма была экспансия и создание колониальной империи. И хотя в своих официальных заявлениях Муссолини говорил о необходимости сохранения мира в Европе, в 1920-х гг. итальянские экспансионистские замыслы были сосредоточены, прежде всего, на европейском континенте, а именно на Балканах, где главным противником расширения итальянских позиций выступала Югославия, получившая после первой мировой войны ряд территорий, на которые претендовала Италия.

Несмотря на воинственные заявления, внешняя политика итальянского фашизма первых лет режима была в целом мирной. Это объяснялось слабостью фашистского режима как внутри страны, так и на международной арене. Единственная военная акция этого времени - оккупация в 1923 г. греческого острова Корфу, которую Италия вскоре вынуждена была снять, - выявила неспособность государства на данном этапе приступить непосредственно к реализации своих воинственных замыслов. К тому же, внешнеполитическая доктрина фашизма не отрицала возможности заключения мирных соглашений и их последующего пересмотра. Такая позиция была характерна для итальянской внешней политики в целом с момента установления фашистского режима до назначения министром иностранных дел Д. Гранди в 1929 г., что знаменовало начало «эры Гранди» и поворот к осуществлению захватнических целей. Важнейшим звеном фашистской дипломатии в этот период была политика на Балканах.

Условия Рапальского договора 1920 г. с Югославией были очень выгодны для Италии. С точки зрения здравого смысла, они могли служить основой для дальнейшего диалога государств: мир, территориальный статус-кво и на базе этого – развитие экономических, политических и культурных отношений с Югославией и всем балканским миром. В первые годы фашистского режима был заключен ряд дружественных договоров. По условиям итало-югославского соглашения 1924

г. о Фиуме, город присоединялся к Италии; гавань Баррос с дельтой отходила к Югославии; северная граница Фиуме исправлялась таким образом, что большая часть славянских общин (коммун) отходила к Югославии. На западе же прибрежная полоса, соединяющая Фиуме с Италией, отходила к последней. Италия не предоставляла в качестве уступок никаких островов в Адриатическом море. Граница Венеции-Джулии оставалась без изменений. Как заявляло итальянское официальное телеграфное агентство «Вольта», в дальнейшем «отношения Италии и Югославии будут базироваться на договоре дружбы»¹.

Итало-югославские соглашения, заключенные годом позже в Неттуно, в юридическом и экономическом отношении наиболее отвечали итальянским интересам в Далмации. Однако условия, несомненно выгодные Италии, вызывали разногласия и недовольство в Югославии, особенно со стороны сербских и хорватских националистов, поэтому правительство Югославии не торопилось ратифицировать эти соглашения².

Политика югославского короля Александра была в значительной степени направлена на союз с Италией на основе следующих пунктов: признание итало-югославской границы, зафиксированной в договорах; сотрудничество в защите Адриатики, особенно с севера - со стороны Австрии и Германии; развитие экономических отношений, вплоть до заключения таможенного союза; признание итальянского экономического господства в Албании. В свою очередь, Белград требовал от Рима прекращения попыток ревизионизма в Далмации и поощрения реваншизма Венгрии и Болгарии; отказа от сотрудничества с хорватскими сепаратистами и от строительства военной базы в Албании. Такие условия объективно способствовали благоприятному развитию итало-югославских отношений, и в первые годы фашистского режима отношения Италии с Югославией развивались достаточно конструктивно. Однако такой курс не укладывался во внешнеполитическую программу Муссолини, который видел в Югославии главного противника итальянского ревизионизма на Балканах и предпочел бы видеть на ее месте группу мелких разьединенных государств³.

Со второй половины 20-х гг. отношения двух государств начинают ухудшаться. Этому способствовало три момента: реваншизм славянских народов в составе Югославии (в первую очередь хорватов); соперничество в Албании; а также секретная политика Муссолини, направленная на ослабление Югославского государства (в частности, сотрудничество с террористическими и сепаратистскими организациями)⁴.

Между Италией и Югославией было острое соперничество за влияние в Албании. Серия соглашений с проитальянски настроенным князем А. Зогу предоставила Италии широкие привилегии в Албании, что вызвало резкое недовольство Белграда. Одним из важнейших направлений итальянской экспансии было превращение Албании в главный форпост Италии на Балканах и плацдарм для дальнейшего расширения и укрепления итальянских позиций на полуострове. Этому способствовало и то, что Великобритания предоставила Муссолини до известной степени свободу рук в Албании⁵. Ярким проявлением новой итальянской политики в Албании – принципиально отличным от традиционной итальянской дипломатии – был итало-албанский договор, заключенный 27 ноября 1926 г. По его условиям Италия признавала, что любое нарушение политического, юридического или территориального статус-кво Албании нарушало интересы обеих стран и предполагало взаимную поддержку, включая обязательства не заключать с третьими странами договоров, направленных против интересов другой стороны. В протоколе, приложенном к договору, было зафиксировано право Италии на военное вторжение в Албанию в случае, когда та этого попросит. Условия этого договора были закреплены и в последующем итало-албанском соглашении от 26 апреля 1927 г., которое провозгласило сохранение условий Тиранского договора в случае, если любая третья сторона запросит разъяснения действия этого пакта⁶. Фактически, после заключения этих соглашений был установлен итальянский протекторат над Албанией.

В секретном сообщении главы итальянского управления по Албании, Лоджакано, заместителю министра иностранных дел, Д. Гранди, в 1928 г. говорилось: «Албания является основой для экспансии Италии и ее стремления иметь свою Империю. Имперский путь лежит через Албанию: пока не будет завершен этот этап экспансии, нельзя говорить о других этапах и целях»⁷. Подобная албанская политика Муссолини исключала любую возможность союза с Югославией, что сказалось и на резком ухудшении итало-югославских отношений, начиная с 1927 г. Вся внешняя политика фашистской Италии в Восточной Европе и на Балканах была направлена на изоляцию Югославии.

Были предприняты попытки установить контакт с Чехословакией. В мае 1924 г. состоялся визит чешского министра иностранных дел Э. Бенеша в Рим, по поводу чего официальная фашистская пресса выразила крайнее удовлетворение⁸. И все же с Чехословакией никакого рода соглашения достигнуть не удалось: фашистская диктатура не встречала никакой симпатии со стороны чеш-

ских демократов, в первую очередь Бенеша. Недовольство чехов вызывала и политика итальянизации славян в Венеции-Джулии, а чешское правительство ясно дало понять, что делает четкое разграничение между итальянским народом и фашистским режимом.

10 сентября 1926 г. Муссолини заключил договор о дружбе и сотрудничестве с Румынией, пользуясь тем, что у власти в Румынии в тот момент находился генерал Авереску, глава «Народной партии» фашистского толка. Правда, незадолго до этого, 10 июня, Авереску заключил с Францией договор о взаимной безопасности и о сохранении статус-кво, зафиксированного в прежних договорах. Очевидно, это соглашение было для Румынии приоритетным и играло ведущую роль по отношению к итало-румынскому.

Враждебность по отношению к Югославии приводила к сближению с Болгарией, которое выражалось не только в совместном рассмотрении международных вопросов, но и в поощрении Италией подпольного антиюгославского болгаро-македонского движения. В целом, однако, сближение с Болгарией не вылилось в серьезное сотрудничество, поскольку там заметно чувствовалось французское и югославское влияние.

Отношения Италии с Венгрией были оформлены подписанным 5 апреля 1927 г. договором о дружбе, сотрудничестве и арбитраже, к которому также прилагалось дополнительное соглашение о венгерской торговле во Фиуме. Среди всех государств Восточной Европы именно с Венгрией удалось установить наиболее тесные контакты. Это объяснялось тем, что в этой стране были необычайно сильны реваншистские идеи, вызванные стремлением к пересмотру условий Трианонского договора, по которому территория государства была сильно урезана. Подобные настроения импонировали итальянскому фашизму, в свою очередь также основанному на ревизионизме, и находили у него поддержку.

В рамках стремления к изоляции Югославии были установлены дружественные отношения с Австрией. Сотрудничество с И. Зайпелем, главой австрийского правительства, базировалось в основном на борьбе с социал-демократами и некоторых общих принципах внутренней политики.

Что касается великих держав, в политике изоляции Югославии можно было рассчитывать на сотрудничество с Францией, которая сама проводила активную политику в дунайско-балканском регионе. Великобритания же, если и была в каких-то вопросах настроена благожелательно по отношению к Италии, то оказывала, лишь пассивную помощь. В свою очередь, югославское правительство было связано договорами, как с Францией, так и с Италией. Ранее югославский министр иностранных дел М. Нинчич, возвращаясь к инициативе Контарини 1923 г., которая тогда так и не была принята, выступил с предложением заключения трехстороннего соглашения. Франция склонна была это предложение принять, но Муссолини его отверг (правда, официального отказа не было: дуче просто оставил предложение без ответа). Существование двух договоров являлось в какой-то степени эквивалентом трехстороннего пакта. 11 ноября 1927 г. был заключен франко-югославский договор, что вызвало прилив антиюгославских заявлений в итальянской прессе. Реакцией на франко-югославское соглашение был новый договор Италии с Албанией, заключенный 22 ноября 1927 г. В отличие от франко-югославского договора, направленного на равноправное участие двух государств в решении международных вопросов и проблем безопасности, итало-албанское соглашение было договором не союза, а полного протектората над Албанией.

Заключив договор с Югославией, министр иностранных дел Франции А. Бриан проинформировал Муссолини, что готов начать переговоры с Италией по заключению соглашения об итальянской поддержке французской системы безопасности в Европе. Переговоры были начаты 19 марта 1928 г. В качестве вопросов на повестке стояли Танжер, Тунис, границы Ливии, положение на Адриатике и на Балканах, вопрос колониальных мандатов. Италия соглашалась гарантировать Франции безопасность в случае европейского конфликта. В то же время албанский вопрос и отношения Италии с Югославией не оговаривались. Муссолини таким образом стремился сохранить свободу рук на Балканах. Франция, заключившая договор с Югославией и имеющая свои интересы в данном регионе, пойти на это не могла. Переговоры зашли в тупик и ничем не завершились⁹.

В ходе франко-итальянского сближения в январе 1928 г. был продлен истекший в этом месяце срок действия итало-югославского соглашения 1924 г. Югославия решила воспользоваться этим для упрочения своего внешнеполитического положения. Белград выразил желание ратифицировать Неттунский договор с Италией. Однако это заявление вызвало массовые демонстрации протеста в Хорватии, Далмации, Белграде, которые зачастую принимали антиитальянский характер. Улучшения отношений между Италией и Югославией так и не наступило.

В январе-апреле 1928 г. состоялись визиты в Рим министров иностранных дел Румынии, Турции, Греции. Фашистская печать подчеркивала значимость этих событий прежде всего как знака

независимости итальянской внешней политики (в первую очередь по отношению к Франции). Муссолини стремился превратить Грецию и Турцию в полуассальские государства, признающие гегемонию Италии в Средиземном море и на Балканах. Афины и Анкара, в свою очередь, не могли не считаться с Великобританией и политикой балканских государств.

5 июня 1928 г. Муссолини произнес большую речь в Сенате, посвященную внешней политике. Он пространно обрисовал внешнеполитическое положение Италии и ее отношения с другими странами с точки зрения фашизма. Что касается балканского региона, по его словам, по-прежнему не был решен вопрос о ратификации Неттунских соглашений с Югославией, и договор 1924 г. «не смог создать моральную атмосферу дружбы». Отношения с Венгрией были «очень сердечными»: Муссолини заявил, что Трианонский договор в территориальном отношении «слишком резал по живому», поддерживая, таким образом, венгерский реваншизм. С Болгарией, по словам дуче, была установлена искренняя дружба, и болгары могли «рассчитывать на Италию». Был упомянут недавно подписанный итало-турецкий договор о дружбе и разрешении спорных вопросов. С Грецией, отношения с которой были проникнуты духом «сердечности и сотрудничества», готовилось к подписанию аналогичное соглашение. В Албании, по заявлению дуче, Италия не осуществляла никакой интервенции: она хотела только консолидации и внешнеполитической автономии албанского государства¹⁰.

В заключение Муссолини признал общее положение удовлетворительным. Италия, по его словам, была в нормальных или отличных отношениях практически со всеми европейскими странами. Однако фактически главные цели дипломатии Муссолини того периода не были достигнуты. Важнейшими сферами фашистской внешней политики в эти годы было противостояние Югославии и стремление к экспансии. Конфликт с Югославией к концу 1920-х гг. не сдвинулся с мертвой точки; территориальной экспансии также не состоялось. При этом дипломатия Муссолини в значительной степени препятствовала консолидации Европы в рамках Версальской системы.

Вскоре после описанной речи Муссолини последовало несколько внешнеполитических актов Италии, которые могли бы служить подтверждением успеха внешнеполитического курса, заявленного главой итальянского правительства. 23 сентября 1928 г. был подписан договор о дружбе с Грецией. В отличие от заключенного ранее итало-турецкого договора, в нем говорилось и о политической и дипломатической поддержке в случае агрессии или угрозы третьей стороны.

13 августа 1928 г. состоялась ратификация Белградом Неттунских соглашений. Она вызвала резкий рост оппозиции в Югославии, межнациональные столкновения (в первую очередь, выступления хорватских националистов), носившие зачастую антиитальянский характер (так, в Сплато нападению подверглись итальянский консул и вице-консул). В таких условиях Неттунский договор так и не получил реальной силы, а о дружественных отношениях не могло быть и речи. Внутренний кризис в Югославии был пресечен в результате государственного переворота в январе 1929 г. Наступила временная относительная стабилизация в отношениях с Италией.

Что касается итальянского ревизионизма, 23 июня 1928 г. в Бухаресте состоялась конференция стран Малой Антанты (Румынии, Чехословакии, Югославии), в заключение работы которой была объявлена категорическая невозможность пересмотра ранее заключенных договоров. Это правило, зафиксированное в «Соглашении», юридически преграждало путь всей политике Муссолини. Еще одним подобным препятствием – более обширным, хотя, по сути, менее содержательным – был заключенный 27 августа 1928 г. в Париже пакт Бриана – Келлога, категорически осуждающий войну как средство решения международных споров и провозглашающий взаимный отказ государств от нее в качестве инструмента национальной политики.

9 декабря 1928 г. Муссолини в своем выступлении в Парламенте заявил: «Неудачный и плохо запоминающийся период отхода от главного [внешнеполитического] курса закончился. Ради дружбы или ее антипода мы пойдем до конца»¹¹. Так итальянский диктатор, заимствовав знаменитую в свое время фразу немецкого канцлера Бюлова, дал свою оценку всей внешней политике фашистской Италии первых лет режима. В дипломатии этого периода он признал отклонение от фашистских принципов, дав ей явно негативную оценку, и провозгласил поворот во внешнеполитическом курсе к непосредственному осуществлению главных целей, утвержденных фашистской внешнеполитической доктриной.

Балканская политика первых лет фашистского режима (1922-1928 гг.) в целом укладывалась в общий внешнеполитический курс итальянского фашизма, будучи при этом одним из главных его направлений. На Балканском полуострове ярко проявились главные тенденции фашистской внешней политики: в первую очередь – стремление к экспансии, в качестве плацдарма которой на Балканах рассматривалась Албания, а главным противником выступала Югославия. Это способствовало

заклучению ряда договоров с государствами Восточной Европы с целью изолировать Югославию, замкнув ее в «кольцо» враждебных государств. Цели эти были выполнены далеко не до конца. В конце 1920-х гг., когда позиции фашистского режима были уже сильны как внутри страны, так и на международной арене, Муссолини провозгласил отход от прежней политики соглашений и компромиссов и поворот к непосредственному осуществлению агрессивных внешнеполитических целей фашистского режима.

Примечания:

1. АВП РФ. Ф. Чичерина. Оп.20. Портф.70. Панка 157. - Лл. 8-9.
2. Там же. - Л. 39.
3. Salvemini G. *Mussolini diplomatico (1922-1932)*. Bari, 1952. - P. 209.
4. См.: Burgwin H.G. *Italian Foreign Policy in the Interwar Period*. Westport, 1997. - P. 44-48.
5. АВП РФ. Ф. Чичерина. Оп.20. Портф.80. Панка 158. - Л. 8.
6. Salvatorelli L., Mira G. *Storia d'Italia nel periodo fascista*. Torino, 1971. - P. 717-718.
7. *Documenti diplomatici italiani*. Roma, 1952. Ser.VII. Vol.7. N.81.
8. АВП РФ. Ф. Чичерина. Оп.20. Портф.70. Панка 157. - Л. 15.
9. Guariglia R. *Ricordi 1922 – 1946*. Napoli, 1950. - P. 144-163.
10. Salvatorelli L., Mira G. *Op.cit.* - P. 729-730.
11. *Ibid.* - P. 732.

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936 – НАЧ. 1937 г.) – МИФОЛОГИЗАЦИЯ И ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Н. Фомичёв

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается освещение Гражданской войны в Испании в британской периодической печати указанного времени. Исследуется формирование внешнеполитических образов в преддверии второй мировой войны и их влияние на британское общественное мнение.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., Франко, пропаганда, британская пресса.

BRITISH PRESS AND THE BEGINNING OF SPANISH CIVIL WAR (1936- B. 1937) – MYTHOLOGIZATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN POLICY IMAGES IN THE EVE OF WW II

N.N. Fomichev

Belgorod State University

The paper considers the coverage of the Spanish Civil War in the British periodical in that time. It is explored development of foreign policy images in the eve of WW II and its influence on the British social opinion.

Key words: The Spanish Civil War of 1936-1939, Franco, propaganda, British press.

Интерес к научному изучению испанского конфликта 1936-1939 гг. во многом порождён и огромным вниманием к Испании эпохи Гражданской войны в художественной литературе, кинематографии, обилию и популярности воспоминаний участников и свидетелей событий. Трудно назвать событие в мировой истории, которое бы оставило столь значительный след в массовом сознании - благодаря пропаганде, превратному освещению действительности, целенаправленной мифологизации ряда исторических событий со стороны мировых средств массовой информации, тенденциозной публицистике.

Испанская война с самого начала стала также войной информационной, войной с глубоким пропагандистским наполнением. Формирование внешнеполитических стереотипов на решающем этапе подготовки второй мировой войны, в период локальных конфликтов 2-й пол. 30-х гг. - являлось важнейшей задачей государственной пропаганды европейских держав, синонимом и отражением успешности их реальной политики. Причём «демократии» ненамного отставали от «диктатур» в деле манипуляции общественным сознанием, что можно видеть и на примере Великобритании 30-х гг.

«Умиротворение» 1931-1940 гг. - стало синонимом самой неэффективной и опасной внешней политики, осуществлявшейся английскими правящими кругами по отношению к

агрессорам – Германии, Италии и Японии. Конфликт в Испании 1936-1939 гг. как крупное внешнеполитическое событие, закономерно явился полем приложения этого курса. Испанское направление «умиротворения» быстро обрело форму «невмешательства в дела Испании» - т.е. игнорирования права правительства Народного фронта на жизнь, уравнивание его в правах с мятежниками. Информационная война вокруг Испании развернулась, главным образом, на страницах британских газет¹.

Консервативное направление проправительственной прессы представляли общенациональные газеты *The Times*, *Daily Express*, *Daily Mail*, *Daily Telegraph*, *Sunday Telegraph*, влиятельная местная газета, распространённая на северо-востоке собственно Англии *Yorkshire Post* (издавалась в Лидсе). Либеральное крыло проправительственных газет возглавлял еженедельник *The Observer*².

Некоторая часть британской прессы с начала Гражданской войны в Испании выступила с критикой правительственного курса. В той или иной степени оппозиционными внешней политике Чемберлена стали либеральные, лейбористские и часть независимых изданий. Из независимых общенациональных газет значительную роль играла *Glasgow Herald* и ряд других; из умеренно-либеральных *Manchester Guardian*, *News Chronicle*, *Reynolds News*; из лейбористских и примыкающих к ним – *Daily Herald*, *Daily Worker* - официальный орган Коммунистической партии Великобритании. Еженедельник *International Press Correspondence (Inprecorr)* являлся межнациональным и был тесно связан с Коминтерном. Известна своей достаточно независимой редакционной политикой была газета *Daily Mail*, считавшаяся консервативной. Тираж ведущих оппозиционных изданий существенно уступал газетам консервативного крыла. Наиболее массовое издание *Daily Herald* – официальный печатный орган Лейбористской партии Великобритании - имел тираж в 2 000 тыс. экземпляров, *Daily Worker* - лишь 100 тыс., профсоюзное издание *Reynolds News* - 500 тыс., тиражи остальных не превышали нескольких десятков тысяч³.

Бивербрук, Астор, Ротермир - владельцы крупнейших газетных синдикатов как отмечал Р. Кукет, были тесно связаны с «национальными правительствами», придерживались имперских и охранительных идей. Консервативная *Times*, наряду с двумя другими изданиями - *Manchester Guardian* - либерального направления и *Daily Telegraph* - «бастион консерватизма» (выражение Р. Кукета) являлись наиболее влиятельными, главным образом, благодаря претензиям на объективность, старым издательским традициям, интересным, разноплановым, содержательным обзорам и репортажам. *Daily Express*, принадлежавшая У. Бивербруку, имела двухмиллионный тираж⁴. Другие консервативные издания - *Sunday Express* – 1 300 тыс., *Evening Standard* - около 400 тыс. *Daily Telegraph* лорда Кэмроза - 637 тыс., ведущее издание концерна Ротермира – *Daily Mail* – 1 580 тыс. В то время как главный либеральный еженедельник *Manchester Guardian* лишь 56 тыс.(!)⁵

Напомним, у власти в Великобритании в течение 9 лет перед Второй мировой войной находились именуемые «национальными» правительства. Их возглавляли Р. Макдональд (1931-1935), С. Болдуин (1935-1937), Н. Чемберлен (1937-1940). Фактическое руководство сосредоточилось в руках консерваторов. Внутриполитическая борьба в Великобритании за расклад сил в парламенте, министерские посты, влияние на реальную политику, доверие избирателей во многом определялась в те тревожные годы внешнеполитическим курсом правительства и его способностью защитить Британское Содружество - Великобританию и её мировую колониальную империю, раскинувшуюся на четвертой части обитаемой суши.

Для манипуляций над прессой при британском правительстве действовал Новостной Департамент (News Department) - неслыханное для демократической страны, тем более для Великобритании с её политическими традициями, учреждение, правда, с весьма ограниченными функциями⁶. М. Нэгл, изучавший британское общественное мнение в предвоенные годы, отмечал, что даже в моменты наивысшей активности британской внешней политики интерес к ней проявляли не более 6% англичан. Британская официальная печать отражала позицию не более чем 10% населения страны⁷. В то же время официальные издания недвусмысленно претендовали на объективность, не имея на это, тем не менее, какого-либо морального права.

Из неверной посылки, будто у антиагрессивных стран нет достаточных сил, чтобы сдерживать агрессию, в английских правящих кругах делался «логический» вывод о необходимости соглашения с агрессорами и уступок им. «Невежественный вздор, - писал Р. Черчилль (политический деятель, консерватор, сын У. Черчилля), - который молили в это время люди вроде Болдуина, Макдональда, Чемберлена, Хора, Саймона, Галифакса и Идена, а также газета *Times*, со-

стоял в том, что занятие Англией твёрдой позиции, где бы то ни было, автоматически приведёт к войне, к которой мы не готовы. Эти широко распространённые разговоры неизбежно докладывались диктаторам и, естественно, поощряли их на новые выступления. Подобные «блюда» изо дня в день элегантно сервировались на страницах *Times*»⁸.

Фактология событий разворачивающейся в Испании Гражданской войны излагалась в последующих номерах *Times* 1936 - нач. 1937 гг. достаточно точно и последовательно. Только интерпретация событий была тенденциозной. *Times* сообщала: «Два германских военных корабля «Адмирал Шеер» и «Дойчланд» были отправлены в Испанию для защиты немецких граждан»⁹. Для гитлеровского правительства это был лишь предлог. 31 июля *Daily Herald* писала об отправке из Гамбурга в Испанию 28 самолётов с грузом бомб, снарядов и других боеприпасов¹⁰. Весьма вяло *Times* повествовала и о посылке 21 итальянского самолёта (3 разбились) для инсургентов в Марокко, никоим образом такое положение вещей не осуждая¹¹. Тезис об особой зависимости правительства Х. Хирала от СССР, напротив, имел место. Через подобный механизм «очернения» испанского законного правительства осуществлялись нападки на СССР (ведь, по мнению британских газетчиков, он чуть ли не управлял республиканской Испанией).

Times (23 июля 1936 г.) вышла с заголовками: «Гражданская война в Испании», «Монархический мятеж», «Мятежники захватили Марокко», «Тяжелые бои»¹². Также сообщалось о перестановках в республиканском правительстве (намёк на политическую нестабильность внутри республиканского лагеря)¹³. Поднявшие мятеж войска назывались «повстанцами, мятежниками», а законное правительство «Центральным правительством республики», что было справедливо. Хотя впоследствии мятежные войска «превратились» в «националистов, франкистов» или даже «испанских патриотов» (к этому обязывало описание положения на фронтах и успехи мятежников, однако от этого более законными их действия не стали).

Более одиозные по содержанию антисоветские и антиреспубликанские материалы помещали еженедельники *Daily Mail* и *Morning Post*, десять дней спустя после начала франкистского мятежа *Daily Mail* писала: «Как Москва является цитаделью красных на Востоке, так Мадрид стал их ставкой на Западе». Эта же газета в редакционной статье от 6 августа 1936 г. требовала от британского правительства «похода против красного террора». *Observer* утверждал, что истинно «испанские патриоты» (франкисты) хотят спасти свою страну от новой волны варварства, которое угрожает Европе». Похожие по содержанию статьи поместила в июле-августе 1936 г. *Daily Telegraph*¹⁴. Коминтерн стремится подчинить полуостров, и это только начало»¹⁵.

Повествуя о боях за Барселону, *Times* сообщала о большом числе жертв со стороны мирного населения в ходе боёв на улицах города, и обвинялись в этом правительственные войска, подавившие мятеж в столице Каталонии. Помощь Советского Союза Испанской республике изображалась как форма экспансии, стремление исключительно к созданию «цитадели большевизма на Западе»¹⁶.

Большая часть лейбористских и либеральных изданий сразу после старта Гражданской войны взяла осторожный тон в трактовке испанских событий. *Daily Worker* (официальный орган Лейбористской партии), напротив, в редакционной статье (апрель 1938 г.) критиковала пропагандистскую атаку на СССР со стороны британской консервативной и американской изоляционистской прессы¹⁷. В марте 1937 г. британский общественно-политический журнал *Round Table* (*Раунд Тейбл*) возражая данным *Times* и *Observer* относительно количества «иностранных войск, сражающихся на стороне Республики» писал: «Численность приведённых регулярных войск кажется преувеличенной»¹⁸. В одной из заметок в *News Chronical* (24 октября 1936 г.) сравнивался характер советской помощи Республике и фашистского вмешательства на стороне Франко¹⁹.

Масштабы и объёмы помощи Республике со стороны СССР были явно преувеличены. Это было связано, главным образом, с конструированием британской внешнеполитической пропагандой образа Советского Союза, как агрессора и «экспортёра коммунизма» в Европу. Вопрос советской помощи Республике во время гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) рассмотрел отечественный историк Ю. Рыбалкин²⁰. Данные, приводимые автором, опровергают создаваемый *Times*, *Observer*, *Daily Herald* и иными британскими проправительственными изданиями негативный внешнеполитический образ СССР.

История Республики – безусловно, трагическая, но поучительная и «героическая» страница в истории антифашистской борьбы в мировом масштабе. Однако сам факт подобной «героизации» гражданской войны выглядит, по меньшей мере, кощунственно. Тем не менее, его

ореолом овейна как история Республики, так и Испании «традиционных ценностей», воплощённой впоследствии в диктатуре Франко.

О жестокостях противостоящих республиканцам войск не упоминалось вообще на страницах проправительственной прессы. Одновременно формировался психологический образ «успешности» мятежников в боевых действиях и их «героизация». Вот названия статей: «2 маленьких острова захвачены» (о событиях на о. Ибиса), «Разрушение Алькаса. Героическая оборона» (о сопротивлении мятежного гарнизона республиканским частям)²¹. В одном из номеров *Times* помещена фотография с подписью: «Мятежные войска, взявшие Ирун и Сан-Себастьян, входят в Бургос, приветствуемые толпой», - яркий образец наглядной пропаганды и прославления националистов²².

Оппозиционные газеты, напротив были на стороне Испанской республики, «героизируя» её деятелей. *Daily Herald*, например, ясно указывала на позицию редакции – однозначно прореспубликанскую. Газета, как официальный орган Лейбористской партии, всецело бывшей на стороне Республики, полностью разделяла её позицию: «защита Испанской республики есть защита демократии, свободы и независимости любой страны Земного шара»²³. Левый, коминтерновский, еженедельник *Inprecorr* через месяц после начала мятежа опубликовал ряд статей прореспубликанского содержания. Сразу чётко определялась позиция издания: испанские мятежники отождествлялись с «фашистами, преступниками», республиканцы – «героизировались». Также *News Chronicle*, со ссылкой на корреспондента, вернувшегося из марокканского Танжера и посетившего Португалию, утверждала, что «Португалия превратилась в настоящую военную и политическую базу для снабжения испанских мятежников»²⁴.

В британской проправительственной прессе и иных источниках массовой информации значительное место уделялось речам предводителей мятежников (в ущерб заявлениям официальных лиц Испанской Республики). Отмечалась также определённая разобщённость сторонников лагеря Республики, их склонность к анархизму. В отношении мятежников таких посылок не давалось.

Другое направление пропагандистской кампании было связано с курсом «невмешательства» в дела Испании. Перед пропагандой встала задача оправдания этой политики. Сама необходимость «невмешательства» - уже удачная мифологема, отвечавшая общему направлению политики кабинетов Болдуина и Чемберлена. Она была дополнена тезисом о решающей роли Франции в инициировании преступной для ведущих европейских держав политики, которая в условиях разрастания фашистской агрессии становилась всё более непопулярной²⁵. Особую роль в построении внешнеполитического образа испанской войны 1936-1939 гг. как таковой, играли британские официозы²⁶.

Ряд номеров ведущего официоза *Times* 10-20-х чисел июля месяца 1936 г. ещё не содержал чётких положений о «невмешательстве». Первое такое упоминание появилось лишь в номере за 30 июля 1936 г. Причём говорится об обсуждении вопроса о запрещении поставок оружия в Испанию на очередном заседании французского кабинета Министров. Удачно развивая внешнеполитический образ французского правительства, как инициатора «невмешательства», издание в последующем сообщало: «С симпатией встречено в Лондоне французское предложение о невмешательстве в испанские дела, французская нота британскому правительству будет ещё обсуждаться»²⁷.

С 9 сентября 1936 г. в Лондоне начал функционировать Комитет по невмешательству в дела Испании (КПН). Работа данной организации напрямую зависела от вдохновителей политики умиротворения в Англии и Франции. Являясь малодейственной международной организацией, он лишь усугубил положение Испанской Республики.

С сентября 1936 г. в номерах газеты *Times* стала появляться специальная колонка под названием «невмешательство». Повествуя о работе Красного Креста в Испании, достигнутом соглашении этой международной организации с обеими сторонами противостояния, «парижский корреспондент» *Times*, подчёркивал благотворное влияние на её функционирование сдержанной позиции Комитета по невмешательству в отношении «братоубийственной» войны в Испании²⁸.

Расширение участия в Испанском конфликте фашистских государств и их дальнейшее сближение, вызвало закономерную тревогу консервативной британской прессы: в этом случае непосредственно затрагивались английские интересы в Испании (экономические, геополитические и пр.). Говоря о разрыве португало-испанских отношений и признании профашистской Португалией правительства Франко, газета подчеркивала факт «дружественного англо-порту-

гальского альянса»²⁹. При этом поставки из СССР, осуществлявшиеся в гораздо менее значительных масштабах, чем из Германии и Италии объявлялись незаконными. Показателен факт газетного шума вокруг поставок из Мексики оружия для республиканцев в обход Комитета³⁰.

Однако, к началу 1937 г. стал очевидным коллапс этой политики, её полная неэффективность. Лишь в номере за 31 декабря 1936 г. вновь упоминалась Испания. Во всех информационных блоках говорилось о «неинтервенции», как совместной англо-французской политике. Обыгрывалась её «эффективность»³¹. Пытаясь продемонстрировать единство действий английской и французской дипломатии в «средиземноморских» делах, редакция *Times* после заключения «джентельменского соглашения» между министром иностранных дел Италии Г. Чиано и британским послом в Риме Друммондом относительно прекращения пиратства итальянских подводных лодок в территориальных водах Испании и в западной части Средиземного моря, в обмен на сохранение status quo в Испании, поместила интервью об одобрении англо-итальянской декларации по поводу этого события министром иностранных дел Франции М. Дельбосом³².

Примерно с сентября 1937 г. *Times* окончательно превратилась в «рупор сторонников умиротворения». Главный редактор Д. Доусон стал подвергать жесткой цензуре все статьи, содержащие нападки на нацистов и «умиротворение»³³. Однако Испании стало уделяться всё меньше внимания в обзоре внешнеполитических событий – фашистская агрессия, а с ней и угроза войны нависла над Центральной и Восточной Европой.

Оппозиционная британская пресса на начальном этапе Гражданской войны в Испании выступила с осуждением внешнеполитического курса кабинета Болдуина-Идена на «невмешательство» в испанские дела. Повествуя о позиции других британских изданий по различным вопросам Гражданской войны в Испании корреспондент *Inprecorr* Р. Бишоп в статье «Национальное правительство, рабочий класс и Испания» (октябрь 1936 г.) отмечал, что «наиболее яркие империалисты» из *Times* и *Observer* такие как Дж. Гарвин «заходят так далеко в своих попытках оправдать невмешательство в испанские дела, что связывают германскую помощь националистам с необходимостью борьбы с «большевизмом» в Испании, равно как и в Европе»³⁴. *Daily Herald* в редакционной статье обсуждала советские заявления в Комитете по невмешательству в дела Испании (от 7 и 23 октября), в том числе, содержавшееся в них предложение о блокаде португальских портов – надёжного тыла мятежников и прекрасных баз для транспортировки оружия и амуниции³⁵. Автор статьи в *News Chronicle* (октябрь 1936 г.) заострил внимание на обрисовке позиции британского правительства, которое, как он отмечал: «... взяло на себя опасную и бесчестную роль апологета невмешательства»³⁶.

Оппозиционной прессой конструировался иной образ – она, критикуя внешнюю политику «национальных правительств» навязывала обывателю устойчивое неприятие Комитета по невмешательству в дела Испании, не имея возможности, правда, противостоять массовости и финансовой обеспеченности пропаганды правительственной прессы.

Позицию консервативного крыла британских печатных изданий относительно реального содержания понятия «свободной прессы» точно выразил английский газетный магнат барон У. Бивербрук: «Моя опора и единственная цель - это обслуживание общественных интересов и общественного прогресса. Я стою за единую Британскую империю – сильную, непоколебимую, божественно предопределённую, стремящуюся ко всеобщему миру»³⁷. В этом заключалась жестокая правда «невмешательства» - оно было выгодно Великобритании. Политика нейтралитета помогла британскому руководству избежать давления английской общественности, которая требовала решительной борьбы против итало-германских интервентов в Испании³⁸.

Негативный образ СССР сознательно навязывался, антисоветизм стал основой внешнеполитической пропаганды ведущих британских проправительственных изданий. Германо-итальянская интервенция на Пиренеях сознательно игнорировалась в угоду стоящим у власти сторонниками «умиротворения». Внешнеполитический образ фашистских держав можно охарактеризовать, как нейтральный.

Британская внешняя политика во 2-й пол. 30-х гг. получила название политики «умиротворения». «Испанское направление» этой внешнеполитической линии приняло форму «невмешательства» в гражданскую войну в Испании 1936-1939 гг., что объективно способствовало поражению Республики. Оно провоцировало фашистскую агрессию в Европе и подразумевало далёко идущей целью в будущем столкнуть Германию и СССР, и тем самым, взаимно ослабить их. «Невмешательство» имело под собой глубокие экономические и геополитические основы. Оправдание своей политики перед мировым сообществом происходила во многом благодаря

инструментарно пропаганды, в т.ч. и созданию устойчивых внешнеполитических образов. Историческую вину за эту политику британские правящие круги разделили с изоляционистскими кругами в США и правительством Народного фронта во Франции, причём инициирование «невмешательства» приписывалось Франции, в результате чего был создан дополнительный внешнеполитический стереотип.

Примечания

1. Трухановский В. *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма*. М.: 1962. - С. 277-284.
2. *Зарубежная печать: Краткий справочник*. М., 1986. - С. 47-49.
3. Cockett R. *Op. cit* - P. 24-25.
4. Майский И.М. *Испанские тетради*. М., 1962. - С. 15.
5. Coket R. *Op. cit*. - P.4.
6. *Ibid.* - P.3.
7. Соколов В. *Нарастание угрозы войны и Лига Наций*. - С. 44.
8. Трухановский В. *Антони Иден*. М., 1983. - С.116.
9. *Times*. 1936. 30 Jul.
10. *История дипломатии*. Т.3. *Дипломатия в период подготовки второй мировой войны*. М., 1949. - С. 578.
11. *Times*. 1936. 6 Aug.
12. Майский И.М. *Указ*. Соч. - С. 15.
13. *Times*. 1936. 23 Jul.
14. Малай В.В. *Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны*. 1936-1939. Белгород, 1999. - С. 39-40.
15. *Inprecorr*. 1936. 23 Oct.
16. *Times*. 1936. 6 Aug.
17. Little D. *Antibolshevism and Appeasement: Great Britain, the United States, and the Spanish Civil War*. NewYork-London, 1990. - P. 39.
18. Малай В.В. *Судьба Республики решалась не в Мадриде ...* - С. 28.
19. *News Chronicle*. 1936. 24 Oct.
20. Рыбалкин Ю. *Операция «Х» и советская военная помощь Республиканской Испании (1936-1939)*. М., 2000. - С. 13.
21. *Times*. 24 Sept.
22. *Ibidem*.
23. *Daily Herald*. 1936. 26 Aug.
24. *News Chronicle*. 1936. 1 Sep.
25. См. например: Малай В. *Международные аспекты Гражданской войны в Испании (1936-1939)* // *Война. Народ. Победа*. М., 2008. - С. 51-60.
26. Foster A. *The Times and Appeasement . The Second Phase*. Ed. Laquer. - *The Second World War: Essays in Military and Political History*. London, 1982. - P.275.
27. *Ibid.* 6 Aug.
28. *Times*. 1936. 24 Sept.
29. *Ibid.* 6 Aug.
30. *Ibid.* 24 Sept.
31. *Ibid.* 31 Dec.
32. *Ibid.* 1937. 7 Jan.
33. Уинстон Черчилль. *(Биография в заметках и фотографиях)*. М., 1999. - С. 66.
34. *Inprecorr*. 1936. 30 Oct.
35. *Daily Herald*. 1936. 27 Oct.
36. *News Chronicle*. 1936. 24 Oct.
37. Canon F.R. *The British Press and Germany 1936-39*. Oxford: 1971. - P. 36.
38. Рыбалкин Ю. *Указ*. соч. - С. 19.

**ПРАВAYA ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА О ПРОБЛЕМАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ИСПАНИИ 1936-1939 гг.**

А.А. Пчелинов-Образумов

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается освещение Гражданской войны в Испании в прессе консервативного крыла российской политической эмиграции. Наиболее влиятельными периодическими изданиями данного направления были журнал «Часовой» и газета «Возрождение». Правая эмигрантская пресса имела

ярко выраженную антикоммунистическую направленность. Основными в освещении испанских событий стали две тенденции: резкая и необъективная критика Республиканской Испании и демонстрация преимуществ франкистского лагеря.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., русская политическая эмиграция, эмигрантская пресса, «Часовой», «Возрождение».

THE RIGHT EMIGRE PRESS ABOUT THE PROBLEMS OF THE SPANISH CIVIL WAR OF 1936-1939

A.A. Pchelinov-Obrazumov
Belgorod State University

The paper considers the coverage of the Spanish Civil War in the press of the conservative wing of Russian political emigration. The most influential periodicals of this direction was the magazine "Sentry" and the newspaper "Rebirth". Right emigre press had a pronounced anti-communist orientation. The main light in the Spanish events were two trends: a harsh and biased critics of the Republican Spain and demonstrate the benefits of the Franco camp.

Key words: The Spanish Civil War of 1936-1939, Russian political emigration, emigration press, "The Sentry", "Rebirth"

Вспыхнувший 17 июля 1936 г. в испанском Марокко и на Канарских островах антиправительственный путч положил начало одной из наиболее страшных и кровавых трагедий в истории Испании – Гражданской войне 1936-1939 гг. Вскоре эта братоубийственная война, бывшая исключительно внутренним делом народов Испании, стала объектом пристального внимания всех политических сил Запада. Не могло остаться в стороне от испанских событий и Российское Зарубежье, в том числе его пресса. Особый интерес проявили к испанскому конфликту наиболее активные в политическом плане представители консервативного (правого) крыла российской белоэмиграции.

Наиболее влиятельными периодическими изданиями правого толка были газета «Возрождение» и журнал «Часовой». Газета «Возрождение» издавалась в 1925-1940 гг. в Париже на средства российского предпринимателя и учёного А.О. Гукасова, по инициативе которого она и была основана. Изначально издание было задумано как умеренно-консервативный печатный орган, но с назначением в 1927 г. на пост главного редактора Ю.Ф. Семёнова оно приобретает ярко выраженный промонархический характер¹. «Иллюстрированный военный журнал-памятка, орган связи русского воинства и национального движения за рубежом» – «Часовой» был официальным печатным органом крупнейшей в межвоенный период военизированной антисоветской организации – Русского Обще-Воинского Союза и выходил в 1929-1941 гг. в Париже (до 1936 г.) и Брюсселе (в 1936-1941 гг.). Бессменным главным редактором «Часового» в 1929-1988 гг. (за исключением периода с 1941 по 1947 гг., когда журнал не издавался) был капитан В.В. Орехов.

В номерах «Возрождения» информация об испанском конфликте содержалась, преимущественно, в статьях аналитического характера, большая часть которых была написана главным редактором Ю.Ф. Семёновым и известным эмигрантским историком С.С. Ольденбургом. Подобные аналитические обзоры, создаваемые главным редактором журнала В.В. Ореховым, некоторое (с июля по декабрь 1936 г.) время помещались и в «Часовом». Таким образом консервативные печатные органы пытались навязать читателю своё видение событий на Пиренейском полуострове. Абсолютное большинство статей об Испанской войне в «Часовом» составляли письма российских эмигрантов, сражающихся на стороне Франко. В «Возрождении», в отличие от «Часового», уделялось внимание международной реакции на Гражданскую войну в Испании, нередко перепечатывались материалы из британских и французских изданий. В заметках рубрики «Военный отдел» журнала «Часовой» рассматривались тактика и стратегия воюющих сторон, использование тех или иных видов вооружений, анализировались действия различных родов войск.

Консервативная эмигрантская пресса проявляла интерес к политической ситуации в Испании ещё задолго до начала Гражданской войны. Так, в номере «Возрождения» от 2 января 1936 г. сообщалось о политическом кризисе в стране. Автор выражал сомнение в возможности проведения честных выборов (вследствие фальсификаций со стороны левых сил) и отмечал, что победа республиканцев на выборах в кортесы будет иметь пагубные последствия для страны². На протяжении января-февраля 1936 г. газета регулярно публиковала сообщения о ходе

предвыборной кампании, проведении парламентских выборов и подведении их итогов³. Первый номер «Возрождения», в котором сообщалось о начале войны, вышел 25 июля⁴. Несколько запоздалая реакция издания объяснялась тем, что к лету 1936 г. «Возрождение» стало из ежедневной еженедельной газетой, а выход очередного подготовленного номера газеты совпал с началом мятежа. Что же касается «Часового», то Испанская война была впервые упомянута уже в номере от 20 июля⁵. С этого времени испанские события регулярно освещались на страницах журнала, устойчивый интерес к ним поддерживался на протяжении всего конфликта. Интерес же «Возрождения» к войне в Испании, напротив, ослабевал с течением времени. Постепенно произошёл переход от ярких эмоциональных статей к сухому изложению событий войны, без каких-либо комментариев со стороны, что стало проявляться уже с конца 1936 г., когда стал очевиден затяжной характер конфликта.

Главным виновником конфликта оба издания называли Коминтерн и осуществляющий руководство им Советский Союз, стремящиеся разжечь в Испании пожар мировой революции, которая приведёт к советизации обширных территорий в Европе и Африке⁶. Испанская гражданская война расценивалась консервативной эмигрантской прессой как событие мирового масштаба, «отражение той борьбы, которая ведётся во всём мире между силами национального сопротивления и разрушительными элементами [правыми и левыми силами – А.П.]»⁷. Победа одной из сторон, по мнению правых изданий, имела далеко идущие последствия для всего мирового сообщества: в случае победы «красных» – «большевизация всего мира», успех же «белых» означал крах Коминтерна и падение советской власти в России⁸. В этом контексте выступление мятежников интерпретировалось как «реакция здоровых сил нации» на попытки установления в стране советского строя⁹.

На страницах правых периодических изданий часто проводились аналогии между событиями в Испании и Гражданской войной в России, что объяснялось широким распространением в среде российской белоэмиграции мнения о схожести ситуации, сложившейся в Испании к 1936 г. с положением дел в России в 1917 г. Так, противоборствующие лагеря в Испании именовались, соответственно, «красными» и «белыми»¹⁰. Республиканская реформа вооружённых сил преподносилась как использование большевистского опыта разложения старой армии – единственной силы, могущей противостоять красным¹¹. Генерала Франко, обычно, сравнивали с Л.Г. Корниловым, мятежников же в целом называли испанским «корниловским движением»¹². Марокканские части путчистов отождествлялись с кавказской «дикой дивизией» и текинцами Корнилова, а отряды-рекеты карлистов (радикальных монархистов) – с казачьими формированиями¹³. С точки зрения консервативной печати, умеренные республиканцы (в том числе и президент М. Асанья) представлялись «испанской керенщиной», отдавшей страну во власть марксистов¹⁴. Борьба народов Испании за национальную автономию напоминала правым эмигрантам подобные процессы на территории бывшей Российской империи и однозначно осуждалась. К примеру, баски определялись как «самостийники» и сопоставлялись с галичанами Петлюры, воевавшими за «вільну Україну»¹⁵.

Большое значение придавали правые издания участию в войне на стороне Франко российских эмигрантов. Особый интерес к данной теме проявлял «Часовой», объяснялось это тем, что РОВС, органом которого был журнал, непосредственно занимался вербовкой и переброской в Испанию российских добровольцев-франкистов. Что же касается «Возрождения», то подобные письма были напечатаны лишь один раз в номере от 22 сентября 1936 г. Оба послания были подписаны «Алекъ», автором их был некий бывший белый офицер, добровольно вступивший в армию Франко¹⁶. По поручению редакции «Возрождения» этот волонтер должен был направлять в газету корреспонденции о своём участии в боевых действиях, однако, по невыясненным причинам, других известий о нём больше не публиковалось. Из сообщений, помещавшихся в «Часовом», значительная часть принадлежала перу известного в эмигрантской среде литератора генерала Н.В. Шинкаренко-Брусилова, публиковавшего свои материалы под псевдонимами Белый и Н. Белогорский.

Стремление представителей российской эмиграции принять участие в войне на стороне националистов объяснялось в консервативной прессе желанием реванша за поражение в России¹⁷. Участие же в боевых действиях представителей Российского Зарубежья рассматривалось как «первое испытание белой армии», начало крестового похода против большевизма, успех которого «избавит народы от красного кошмара и принесёт России свободу, величие и национальный подъём»¹⁸. Первые белоэмигранты-волонтеры появились в войсках мятежников уже в августе 1936 г., всего же за годы войны в армии Франко сражались 72 российских добровольца,

из которых 34 были убиты, а 9 ранены¹⁹. С точки зрения изданий, положительные итоги участия в войне состояли в том, что они продемонстрировали верность идеалам Белого движения, внося свой вклад в «тяжёлый удар Франко по Коминтерну» и «доказали испанцам, что Россия это не СССР, как все прочие считали до их прибытия, и что русский и коммунист – не одно и то же»²⁰. Вместе с тем, выказывалось явное недовольство пассивным отношением широких кругов эмиграции, в особенности молодого поколения, к Испанскому конфликту²¹. Осуждалась также и позиция большинства периодических изданий Российского Зарубежья в освещении событий в Испании: «... только “Часовой” и “Возрождение” питают родным словом русских добровольцев в Испании... Прочие же органы нашей национальной печати просто совсем ничего не шлют»²².

Республиканский лагерь оценивался правой печатью однозначно отрицательно. Законное правительство Испании, обычно, именовалось на страницах изданий «марксистским правительством», «красной властью» и «красными тиранами Испании», а Республика – «республикой полупочтенной или вовсе непочтенной»²³. На него же консервативные издания возлагали вину за развязывание братоубийственной бойни, которую можно было предотвратить даже после начала мятежа: требовалось для восстановления законности и порядка «назначить генерала Франко военным министром... Вместо этого правительство велело стрелять по войскам из Марокко, высадившимся в Алжезирасе [Альхесирасе – А.П.], и этим начало гражданскую войну»²⁴.

Прийти к власти подобное правительство могло, по мнению консервативных изданий, только при помощи Коминтерна и СССР. В «Возрождении» информация такого рода появилась уже в номере от 23 февраля 1936 г., т.е. через несколько дней после выборов в кортесы²⁵. На протяжении войны в Испании правая эмигрантская печать неоднократно пыталась показать миру «настоящее лицо советского влияния в Испании», побуждающего вести кровавую бойню «во имя марксизма, диктатуры пролетариата, во имя Сталина, и во имя в мавзолее выставленного на показ ленинского трупа»²⁶. В качестве главных советских представителей в Республиканской Испании, директивам которых якобы повиновалось законное правительство, назывались: «фактический диктатор красной Испании» Моисей Розенберг [полномочный представитель СССР в Испании – А.П.], «специалист по гражданской войне» Антонов-Овсеенко [консул в Барселоне – А.П.], Гайкис [советник полпредства – А.П.], «корреспондент “Известий”, известный Мишка Кольцов»²⁷.

В прессе правой эмиграции помещалось также большое количество сведений о репрессивной политике правительства Народного фронта. По данным консервативных изданий, на территории, контролируемой республиканцами, процветали «невероятные грабежи», производились постоянные реквизиции, взымались различные поборы, осуществлялись бессудные расправы над беззащитным населением²⁸. Неоднократно встречалась на страницах изданий информация о преследованиях католической церкви в Республике и массовых убийствах её служителей²⁹.

«Возрождение», со ссылкой на французскую и британскую правую прессу, сообщало, что Москва вооружала коммунистические формирования ещё с 1933 г., а после прихода Народного фронта к власти «помощь с каждым днём усиливалась», так «ещё в апреле месяце она [Москва – А.П.] перевела в Испанию около сорока миллионов франков, оружие и целый штат опытных организаторов рабочей милиции»³⁰. В журнале «Часовой» также часто приводились данные о поставках и применении советского вооружения и прибытии военнослужащих из СССР³¹. Помимо сведений о советской помощи, в начале конфликта (июль-сентябрь) встречалась и информация о возможных поставках из Франции, которая рассматривалась как потенциальный союзник Испанской Республики³².

Совершенно противоположны сообщения о франкистском лагере. Мятежники фигурировали на страницах журнала как «испанские патриоты», «военно-национальное движение», и «национальные революционеры», осуждалась их квалификация в качестве мятежников и реакционной силы как таковой. Особо отмечалось, что их выступление – это не попытка военного переворота для установления в какой-либо форме военной диктатуры, а вынужденная мера для спасения страны от Народного фронта³³. Действия франкистов оценивались положительно, независимо от выбранных ими методов, количества жертв и возможных последствий, ведь «огнём и мечом приходится очищать страну от марксистской заразы»³⁴.

Информация об иностранной помощи мятежникам и политике фашистских держав в Испании была достаточно малочисленной и противоречивой. В «Часовом» сообщалось о на-

личии 40 000 итальянских добровольцев, признавался факт германской и португальской помощи, однако не уточнялись её масштабы³⁵. В одной из статей «Возрождения» от 1 августа 1936 г. опровергались сведения об итальянских военных поставках Франко и указывалось, что это дело рук какой-либо частной компании, но в другом разделе этого же номера говорилось, что «толки о возможностях французских поставок вызвали ответную реакцию в Германии и Италии», и в Марокко уже прибыл 1 немецкий самолёт и ожидается ещё 19 германских и 20 итальянских³⁶. В номере же от 8 августа отмечалось, что 20 самолётов «Юнкерс» и 20 «Капрони» заказаны мятежниками за свой счёт³⁷. Лишь в номере от 22 февраля 1939 г. был упомянут 15-тысячный корпус из итальянских добровольцев³⁸. При этом оба издания всячески подчёркивали нежелание Франко прибегать к иностранной помощи.

Освещение событий Испанской гражданской войны в правой эмигрантской периодической печати носило односторонний характер, антикоммунистическая направленность статей мешала объективному описанию и анализу событий. Издания отражали мнение наиболее активной в политическом плане части российской белоэмиграции, тех, для кого невозможность принять советский строй и посильная борьба с ним (к которой, даже и на земле Испании, они призывали на страницах своей печати) стала смыслом жизни. Можно вести речь о том, что и «Часовой» и «Возрождение» отражали мнение тех представителей Российского Зарубежья, которые поддерживали генерала Франко.

Примечания:

1. *Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Издательство Ипполитова, 2004. – С. 352.*
2. *Испанский кризис // Возрождение. 1936. №3865. – С. 2.*
3. *Политический кризис в Испании // Возрождение. 1936. №3867. – С.1; Левый блок в Испании // Возрождение. 1936. № 3880. – С. 1; Испанская избирательная кампания // Возрождение. 1936. №3890. – С. 1; Перед испанскими выборами // Возрождение. 1936. №3908. – С. 1; Выборы в Испании // Возрождение. 1936. №3911. – С. 1; Новая власть в Испании // Возрождение. 1936. №3917. – С. 1.*
4. *Семёнов Ю.Ф. Национальная революция в Испании // Возрождение. 1936. №4036. – С.1.*
5. *Орехов В.В. Двуликий Янус // Часовой. 1936. №171. – С. 3-4.*
6. *Семёнов Ю.Ф. Неприступные крепости Коминтерна // Возрождение. 1936. №4038. – С.1; Орехов В.В. Двуликий Янус // Часовой. 1936. №171. – С. 3-4.*
7. *Ольденбург С.С. Психология мировой гражданской войны // Возрождение. 1936. №4037. – С.1.*
8. *Семёнов Ю.Ф. Два фронта // Возрождение. 1936. №4037. – С.1; Орехов В.В. Два фронта // Часовой. 1936. №173. – С.4.*
9. *Семёнов Ю.Ф. Неприступные крепости Коминтерна // Возрождение. 1936. № 4038. – С.1; Н. Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. №173. – С. 5.*
10. *Наблюдатель. Война белых и красных в Испании // Возрождение. 1936. №4038. – С. 2; Белый. Гражданская война в Испании // Часовой. 1936. №185. – С. 8-10.*
11. *Семёнов Ю.Ф. Ответственность // Возрождение. 1936. №4036. – С. 1; Патронов И. Ф. Генерал Франко и мы // Часовой. 1938. №205. – С. 16-17.*
12. *Амадис. Франко как Корнилов // Возрождение. 1936. № 4036. – С. 4; Белогорский Н. Привет испанским «корниловцам». *San jago! España!* // Часовой. 1936. №172. С. 2-3.*
13. *Параллели // Возрождение. 1936. №4036. - С. 1; Белогорский Н. Письмо из Испании // Часовой. 1937. №189. – С. 5.*
14. *Поход на Мадрид // Возрождение. 1936. №4036. – С. 1; Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. №196. – С. 23.*
15. *Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. №187. – С. 11; Падение Сантандера // Часовой. 1937. №196. – С. 10.*
16. *Алек. Письма белого офицера // Возрождение. 1936. №4045. – С. 2.*
17. *Там же. – С. 2; Н. Русский доброволец в Испании // Часовой. 1936. №173. – С.5.*
18. *Орехов В.В. Два фронта // Часовой. 1936. № 173. – С. 4.*
19. *Там же. – С. 4; Гренадёр. Победа Национальной Испании // Часовой. 1939. №234. – С. 4.*
20. *Там же. – С. 4-6.*
21. *Там же. – С. 6.*
22. *А.Е. Путевые заметки // Часовой. 1938. №210. – С. 8.*
23. *Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // Возрождение. 1936. №4038. – С. 2; Белый. Вива Эспанья! // Часовой. 1937. №188. – С. 12.*
24. *Испанская национальная революция // Возрождение. 1936. №4037. – С. 1.*
25. *Новая власть в Испании // Возрождение. 1936. №3917. – С. 1.*
26. *Амадис. Франко как Корнилов // Возрождение. 1936. №4036. – С. 4; Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. №196. – С. 22.*

27. Там же. – С. 22-23; *Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. №197. – С. 19-20; Орехов В.В. Ещё об Испании // Часовой. 1936. №176. – С. 2.*
28. *Коммунисты в Испании // Возрождение. 1936. №4037. – С. 1; Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. №196. – С. 22.*
29. Семёнов Ю.Ф. *Неприступные крепости Коминтерна // Возрождение. 1936. №4038. – С. 1; Белогорский Н. Под Мадридом // Часовой. 1938. №206. – С. 9.*
30. *Помощь Москвы // Возрождение. 1936. №4037. – С. 2; Наблюдатель. Война красных и белых в Испании // Возрождение. 1936. №4038. – С. 2.*
31. *Белый. Гражданская война в Испании // Часовой. 1937. №185. – С. 10; Аргус. Испанская трагедия // Часовой. 1937. № 197. – С. 20.*
32. *Вмешательство? // Возрождение. 1936. №4036. – С. 2; Амадис. Мимоходом // Возрождение. 1936. №4037. – С. 4; Наблюдатель. «Нейтралитет» – война в Испании // Возрождение. 1936. №4038. – С. 1.*
33. *А.Б. Генерал Франко // Возрождение. 1936. №4036. – С. 8. Ольденбург С.С. Психология мировой гражданской войны // Возрождение. 1936. №4037. – С.1.*
34. *Ольденбург С.С. Испанская победа // Возрождение. 1939. №4167. - С. 3.*
35. *Патронов И.Ф. Генерал Франко и мы // Часовой. 1938. №205. – С. 16-17; Ниссель А. Предположения по поводу войны в Испании // Часовой. 1938. №206. – С. 4.*
36. *Генерал Мола готовит наступление // Возрождение. 1936. №4037. – С. 1; Ольденбург С.С. Психология мировой гражданской войны // Возрождение. 1936. №4037. – С. 1.*
37. *Марсилахская твердыня // Возрождение. 1936. №4037. – С. 2.*
38. *Ольденбург С.С. Указ. соч. – С. 3.*

КИПРСКИЙ КРИЗИС 1974 ГОДА

К.Ю. Артамонова

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается греко-турецкий военный конфликт, спровоцированный государственным переворотом на Кипре 15 июля 1974 г. Анализируются его причины, исход и последствия, а также первые усилия международного сообщества по урегулированию Кипрской проблемы.

Ключевые слова: Кипр, Греция, Турция, конфликт, энosis, кризис.

THE CYPRUS CRISIS OF 1974

K.U. Artamonova

V.N. Karazin Kharkiv National University

The paper is devoted to the Greek-Turkish military conflict which was provoked by the state coup in Cyprus July 15, 1974. Analyzed the causes, results and impacts, as well as the first effort by the international community to resolve the Cyprus problem.

Key words: Cyprus, Greece, Turkey, the conflict, enosis, the crisis.

Кипрский кризис 1974 г. оказал огромное влияние на развитие греко-кипро-турецких отношений и на политику НАТО в регионе Восточного Средиземноморья.

Кипр, переданный по соглашению 1878 г. Османской империей Англии, после Второй мировой войны оставался британской колонией. В условиях подъёма национально-освободительного движения в империи греческая и турецкая общины острова (77,1% и 18,2% населения страны соответственно)¹ встали на путь борьбы за независимость. Греция, считавшая остров исконно своей территорией, выдвинула идею эносиса - присоединения его к Греческому государству, но Великобритания и Турция не могли допустить этого.

В феврале 1959 г. Турция, Греция и Англия подписали Цюрихско-Лондонские соглашения, согласно которым Кипр в августе 1960 г. был провозглашен независимым государством. Система гарантий, установленная данными соглашениями, базировалась на хрупкой системе сдержек и противовесов между державами-гарантами и возможности их непосредственного вмешательства во внутренние дела Кипра.

Афины и Анкара стали поддерживать на острове «свои» общины, противостояние которых в 1963–1964 гг. едва не переросло в военное столкновение Греции и Турции, но конфликта удалось избежать при посредничестве Организации Объединенных Наций.

Положение на Кипре резко обострилось с приходом в 1967 г. к власти в Греции правительства «черных полковников», считавшего своей основной задачей осуществление «Мегали

идеи» – объединения всех земель населенными греками в одном государстве. Военная хунта привлекла на свою сторону генерала Г. Гриваса – создателя Союза борцов за освобождение нации Кипра (ЭОКА). Возглавив национальную гвардию Кипра, он стал главным защитником идеи энотизиса на острове. В 1971 г. им была создана организация ЭОКА-2, ставившая цель свержение президента страны архиепископа Макариоса. Однако в январе 1974 г. генерал Г. Гривас умер. В этой связи «черные полковники» активизировали свою деятельность среди прогрессивно настроенных офицеров Кипра. Узнав об этом, архиепископ Макариос направил 2 июня 1974 г. послание президенту Греции генералу П. Гизикису с требованием вывода греческих офицеров с острова², которые находились в стране по условиям гарантийных договоров 1960 г.

Ответом на этот вызов стал государственный переворот на Кипре, подготовленный хунтой. 15 июля 1974 г. президентский дворец был атакован отрядами Национальной гвардии. Участниками антиправительственного мятежа стала большая часть национальной гвардии (11 тыс. чел.), дислоцированный на острове греческий мотопехотный полк (950 чел.), 4 тыс. полицейских, 600 солдат личного резерва президента Кипра³. Кроме президентского дворца, мятежники захватили аэропорт, радиостанцию и ряд других правительственных учреждений в Никосии. Начались кровопролитные бои с верными правительству силами безопасности, полицией и отрядами добровольцев. Целью политического переворота было убийство Макариоса и свержение его правительства. Однако президента страны удалось спасти, и 18 июля из Нью-Йорка он обратился к ООН с просьбой навести порядок на острове, сохранить независимость и целостность страны. Несмотря на это, греческие заговорщики объявили о смещении Макариоса с поста президента и провозгласили главой государства своего ставленника Никоса Сампсона.

Переворот на Кипре был воспринят афинскими правящими кругами с плохо скрываемым ликованием. Средства массовой информации Греции убеждали общественность в необратимости происходящих событий и уверяли, что переворот имеет чисто внутренний характер, поэтому нет причин для вмешательства Совета Безопасности ООН, ЕЭС или какой-нибудь страны⁴.

Геополитически переворот был связан с обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке, сложившейся после Четвертой арабо-израильской войны. Ее следствием стал энергетический кризис и промышленный спад – арабские страны ОПЕК буквально душили Запад, в несколько раз взвинтив цены на нефть. В этой ситуации обладание Кипром, находящемся на перекрестке путей Запада и Востока, имело важное стратегическое значение. М.Б. Поцхверия полагает, что попытка устранения Макариоса была обоснована американским планом создания «стратегического треугольника» Греция – Кипр – Израиль. Политика же неприсоединения Макариоса мешала реализации этого плана. Турцию этот план также не устраивал из-за угрозы энотизиса⁵.

Анкара мгновенно отреагировала на кипрские события под предлогом защиты турецкой общины на севере острова. 16 июля правительство Б. Эджевита обратилось к Англии за консультацией по вопросу выполнения договора о гарантиях, предложив немедленно начать совместные боевые действия английских и турецких вооруженных сил. 17-18 июля проводились интенсивные двусторонние переговоры, но кабинет Г. Вильсона отказался использовать силу, надеясь на преодоление кризиса дипломатическим путем. Тогда премьер-министр Б. Эджевит, ссылаясь на договор о гарантиях, отдал приказ об интервенции на Кипр турецких вооруженных сил.

На рассвете 20 июля в ходе операции «Аттила» морской десант был выброшен в 5-7 километрах западнее порта Кирении, воздушный – южнее Кирении и в аэропорту Никосии. Шесть тысяч турок закрепились на этом плацдарме, а вскоре на остров морем перебросили еще 34 000 турецких солдат. В то же самое время турецкий флот блокировал гавани южного Кипра – Лимасол и Пафос⁶. Начались столкновения между греческими и турецкими вооруженными силами, сопровождавшиеся стычками в ряде населенных пунктов между отрядами турок-киприотов и национальной гвардии Кипра⁷.

По мнению исследователей, Анкара смогла опередить Афины за счет того, что заранее просчитала возможные действия Греции и подготовила план операции. Турецкие ВМС значительно превосходили греческие (300 боевых кораблей против 80); попытавшиеся подвезти войска на остров по морю греки потерпели поражение в бою у Пафоса 21 июля⁸.

Фактические союзники по НАТО оказались на грани войны, а усилия США и Великобритании привели лишь к заключению соглашения о прекращении огня, вступившего в силу 22 июля. Такое требование содержалось и в резолюции 353 Совета Безопасности ООН, принятой накануне, призывавшей стороны к безотлагательному выводу всех иностранных войск с кипр-

ской территории и восстановлению конституционного правительства. Было рекомендовано также созвать в Женеве конференцию представителей трех стран-гарантов - Греции, Турции и Англии⁹.

Между тем, 23 июля в Греции произошел государственный переворот. Правительство «черных полковников» обвинили в провале операции на Кипре и развязывании военного конфликта с Турцией¹⁰. В результате неудачных военных действий греческая армия была вынуждена покинуть остров, а военная хунта передала власть демократическому правительству во главе с К. Караманлисом. Сторонники энозиса на Кипре лишились поддержки Афин. Сампсон вынужден был уйти с поста президента. Исполняющим обязанности главы государства, согласно конституции, стал председатель Палаты представителей Г. Клиридис. Таким образом, исчезли все поводы для оккупации, однако турецкие войска оставались на острове.

В июле-августе того же года состоялись две Женевские конференции по Кипру. На первой (25–30 июля 1974 г.) встретились министры иностранных дел Греции - Г. Маврос, Турции - Т. Гюнеш и Англии - Дж. Каллагэн. На повестке дня стояли три вопроса: окончание вооруженных действий, стабилизация положения на Кипре и подготовка основ для следующей конференции. На вторую Женевскую конференцию (8-14 августа 1974 г.), кроме министров иностранных дел Греции, Турции и Англии, были приглашены представители греческой и турецкой общины острова - Г. Клиридис и Р. Денкташ. Турецкая сторона заняла жесткую позицию, настаивая на создании на острове автономных областей (кантонов) с греческим и турецким населением, фактически предложив создать федеративное государство. Со своей стороны, Г. Клиридис предоставил план конституционного переустройства, согласно которому расширялись права турецкой общины, но отвергалась идея создания автономных областей для греков и турок-киприотов¹¹. Предложения Клиридиса были поддержаны Грецией, но натолкнулись на решительные возражения Турции. Миссию «примирителя» между Турцией и Грецией взял на себя министр иностранных дел Англии, но его усилия не увенчались успехом, и конференция закончилась безрезультатно. Ввиду этого турецкое руководство, ссылаясь на договор о гарантиях, отдало приказ о расширении интервенции на острове.

14-16 августа в ходе операции, проводимой турецкими войсками, было оккупировано 37% кипрской территории¹². 17 августа в турецкой прессе появились сообщения о создании новой области турецкого управления - «Федеративного кипрского государства» На турецких картах Кипра была изображена линия раздела острова - «линия Аттилы»¹³.

Данные события привели к массовому бегству греков-киприотов из северных районов страны в южные, вызвав в свою очередь миграцию турецкого населения в зону, контролируемую турецким военным корпусом. По официальным данным, общее число перемещенных греков-киприотов составляло 198 566 человек, а турок-киприотов - 37 267 человек¹⁴. Западная печать начала активно обсуждать идею о разделе острова между Грецией и Турцией, поскольку, якобы, греки и турки-киприоты не могли существовать в рамках единого государства¹⁵.

Таким образом, турецкое вмешательство на Кипре было спровоцировано греческой стороной и проходило под вполне законным предлогом защиты прав турецкой общины острова, гарантом которых выступала Анкара. Но последовавшее после перемирия расширение турецкой зоны захвата было расценено Афинами и всем международным сообществом как оккупация, а действия Турции - как интервенция.

Как видим, гарантии независимости Кипра были использованы Афинами и Анкарой не для поддержания порядка, а для осуществления своих внешнеполитических целей. В конечном счете проигравшей стороной остался кипрский народ, который до сих пор живет в расколотой по этноконфессиональному признаку стране.

Примечания:

1. *Κυπριακή Δημοκρατία από το 1960 μέχρι σήμερα [χάρτης]. Αθήνα, 2006.*
2. *Республика Кипр. Справочник. 3-е изд. М., 1992. – С. 70.*
3. *Ковальський С. В. Відносини Республіки Кіпр з режимом «чорних полковників» у Греції (1967-1974 рр.) // Шевченківська весна. Історія: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції молодих вчених. Вип.6. Т.1. Ч.2. К., 2008. – С. 183.*
4. *Кондратьев В., Васильев С. Трагедия и надежды Кипра // Международная жизнь. 1974. №10. – С. 70.*
5. *Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х - начале 80-х годов XX в. М., 1986. – С. 155.*

6. Калашиников М. Как члены НАТО воюют между собой // Аналитический интернет-журнал РПМонитор [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rpmmonitor.ru> /Аналитический интернет-журнал РПМонитор_КАК ЧЛЕНЫ НАТО ВОЮЮТ МЕЖДУ СОБОЙ.mht].
7. Поцхверия Б.М. Указ. соч. – С. 155.
8. Калашиников М. Указ. соч.
9. Резолюция 353 от 20 июля 1974 г. // Резолюции и решения Совета Безопасности за 1974 г. – Нью-Йорк, 1975. – С. 7.
10. Круговая Е.Г. «Черные полковники» в Греции. 1967-1974 гг. // Новая и новейшая история. 2001. №3. – С. 86.
11. Кондратьев В., Васильев С. Указ. соч. – С. 73.
12. *Κολπριακή Δημοκρατία από το 1960 μέχρι σήμερα [χάρτης]*. – Αθήνα, 2006.
13. Поцхверия Б.М. Указ. соч. – С. 159.
14. Шмаров В. А. Межобщинные отношения на Кипре // Народы Азии и Африки. 1980. №6. – С. 126-127.
15. Кондратьев В., Васильев С. Указ. соч. – С. 73.

СУБРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ «КОНЦЕПЦИИ ПРИМЫКАНИЯ» К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ: ОПЫТ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

А.А. Лягуша

Донецкий национальный университет

В статье проводится анализ деятельности Вышеградской группы как субрегионального объединения, созданного для достижения интеграции в Европейский Союз и НАТО, рассматривается опыт Чехии как наиболее активного актора международных отношений в Центральной Европе. Хронологически концепции и императивы внешней политики Чехии совпадают с деятельностью Вышеградской группы в процессе евроинтеграции.

Ключевые слова: Вышеградская группа, субрегиональное сотрудничество, Чешская Республика, евроинтеграция, Европейский Союз.

SUB-REGIONAL COOPERATION OF THE VISEGRAD GROUP IN THE CONTEXT OF "THE CONCEPT OF ADJACENCY" INTO THE EUROPEAN UNION: THE CZECH REPUBLIC'S EXPERIENCE.

A.A. Lyagusha

Donetsk National University

The paper analyzes the activities of the Visegrad Group as a sub-regional association, established to achieve integration in the European Union and NATO, is considered the experience of the Czech Republic as the most active actor in international relations in Central Europe. Chronologically, the concept and the imperatives of Czech foreign policy coincide with the activities of the Visegrad Group in the European integration process.

Key words: Visegrad group, sub-regional cooperation, the Czech Republic, European integration, the European Union.

После распада СССР, перед государствами Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) возникли новые вызовы трансформационного структурного характера. Демократические революции в Чехословакии и Польше заставили политические элиты отказаться от коммунистического прошлого и безотлагательно выбрать новый курс политики, основанной на демократических ценностях и рыночной экономике, который бы определял дальнейшую судьбу региона.

Вначале Чехословакия, а потом новое государство Чехия, которое возникло на политической карте мира в 1993 г., эффективным средством для отстаивания своих интересов выбрала партнерство с Польшей и Венгрией, а позже - со Словакией, в рамках неформального объединения, получившего название «Вышеградская четверка» (V4)¹.

Это беспрецедентный исторический эксперимент, проведенный на территории Центральной Европы, достигший своих целей и продолжающий существовать, а значит - априорный опыт для государств Восточной Европы, которые декларируют идентичные Центральноевропейским государствам ценности, а также намерения вступления в Европейский Союз. Этим и обусловлена актуальность данного исследования.

В обозримом нами научном пространстве мы не встретили комплексного исследования по истории создания и деятельности Вышеградской группы. В современной историографии теме евроинтеграции государств ЦВЕ и сотрудничеству между странами внутри региона посвящено немало работ украинских и зарубежных ученых. В частности, политические, экономические или конкретно исторические трансформации государств ЦВЕ на пути к Евросоюзу описаны и проанализированы в работах В. Посельского, О. Каплинского, О. Соскина, Э. Задорожнюк, Л. Шишелиной, И. Яжборовской, Л. Бойцовой, В. Бойцова, Д. Марека, М. Даргенфилда, А. Деака и др.

Источниками данной работы служат декларации, подписанные V4, воспоминания политических деятелей, принимавших активное участие в деятельности субрегионального объединения, собранные в единую книгу под названием «Vishegrad Group – Central European Constellation»². Также историографическим источником являются масс-медийные нарративы радио «Прага».

Цель данной статьи заключается в попытке исторического анализа опыта Чешской Республики в деятельности V4 в контексте политики европейской интеграции.

Объект нашего исследования - субрегиональное сотрудничество в Центральной Европе в контексте евроинтеграции. Соответственно, предметом анализа служит опыт сотрудничества Чешской Республики в Вышеградской группе.

Изменения вектора внешней политики Чехии, «показывали, что Чехословакия уходит из «вчерашнего мира» и встает на новый путь»³.

Это понимал и Президент Чехословакии Вацлав Гавел, который пригласил на неформальную встречу в Братиславу 9 апреля 1990 г. официальных представителей и общественность Венгрии и Польши, где, выступая, он задал вопрос: «Можем ли мы согласиться с тем, что будем мешать друг другу на новом пути развития, или завидовать друг другу, или наоборот - будем содействовать и помогать друг другу?»⁴ Именно с постановки этого вопроса, по словам министра иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбира, началась официальная история диалога между странами Центральной Европы, интенсификация которого продолжилась подписанием Президентом Польши Лехом Валенсой, Президентом Чехословакии Вацлавом Гавелом и премьер-министром Венгрии Йозефом Анталлом Вышеградской Декларации, провозглашавшей создание Вышеградской группы, основная цель деятельности которой заключалась во взаимовыгодном сотрудничестве для вступления в европейские и евроатлантические структуры⁵.

Данное исследование является историко-аналитическим. Поэтому цели, задачи и рамки работы не дают нам возможности подробного комплексного анализа, понимая историю исследуемого субрегиона как целостного, детерминированного географическими, политическими и экономическими константами.

Однако, мы считаем необходимым оговорить концептуальный принцип взаимоотношений между V4 и Европейским Союзом, где в это время активно разрабатывается идея регионов (субрегионов) (в Западном научном пространстве возникла концепция «Европы регионов»), констелляция которых обосновывается историческими, культурными и экономическими факторами. Поэтому мы полагаем, что можно говорить об определенном рода «концепции примыкания»⁶ Центральноевропейского субрегиона к ЕС, несмотря на то, что сам Евросоюз, в процессе принятия, выступает за «индивидуализированный подход»⁷.

Страны Вышеградской группы, желая вступить в ЕС, принимали «концепцию примыкания», создавая полноценную стратегию для своего переходного периода, «по крайней мере, со времени подписания соглашения о создании V4 до момента вступления в ЕС»⁸. Было понятно, какую именно институциональную среду надо создать.

Регион, по словам историка И. Яжборовской, был необходим Евросоюзу: государства V4 «были весьма привлекательны для Запада из-за обширного рынка и существенного потенциала развития, относительно высокого жизненного уровня, достаточно хорошей транспортной системы, телекоммуникаций, правовой и финансовой инфраструктуры. Успешное продвижение по пути системных трансформаций государств Центральной Европы создавало для стагнировавшего Запада весьма благоприятную перспективу дальнейшего развития, поскольку у этих лидеров региона совокупные человеческие ресурсы почти равны российским, а рынок обладает большей емкостью. Уже в 1993 г. Западный экспорт в Вышеградскую четверку превысил весь западный экспорт в Россию»⁹.

Таким образом, в рамках V4, государства Центральной Европы, в частности Чехия, решили выработать общую согласованную политику. Поэтому, мы полагаем, что можно выде-

лить четыре периода сотрудничества V4, которые хронологически коррелируются с периодами внешнеполитической деятельности Чешской Республики.

Первый период (1990-1993 гг.) - период формирования механизмов сотрудничества V4. Взаимоотношения внутри субрегиона были достаточно сложными и противоречивыми. Конкретных политических и экономических инициатив не было предложено. Это время в истории V4 мы предлагаем условно обозначить как период «словесной индоктринации», когда под сомнение ставилась необходимость и целесообразность существования V4. Государства группы проводят отдельные консультации с ЕС, проявляется открытое скептическое отношение чешского руководства к V4¹⁰. Подтверждением вышеизложенному служит позиция Вацлава Клауса, который заявил, что «идея треугольника была искусственно придумана на Западе и не является инициативой низов, и любого рода формализация отношений внутри группы привела бы в итоге к ее изоляции и тормозила путь в Европу этому "клубу нищих"»¹¹. Постоянное соревнование за первенство в гонке ради интеграции в ЕС не оставляло поля для эффективного регионального взаимодействия. Единственным достижением группы на пути евроинтеграции было, по настоянию ЕС, создание зоны свободной торговли в 1992 году. Стимулом послужило убеждение, что это важный шаг на пути к интеграции в западный рынок¹².

Второй период (1993-1998 гг.) – период выработки внешнеполитических императивов, обуславливающих политику Чешской Республики как нового актора международных отношений. В этот период особое влияние на внутривнутрирегиональное сотрудничество оказывали идеологические установки правящих элит V4. Вацлав Клаус считал, что Чехия занимает особенно выгодную позицию на переговорах с ЕС и не нуждается для их ведения в какой бы то ни было региональной структуре. В результате изоляционистских тенденций чешского Правительства уже в 1993 г. сотрудничество в рамках Вышеградской четверки значительно сократилось.

К 1996 г. Чехия, как утверждают Д. Травия и О. Маргания, «представляла собой хорошо управляемую корпорацию, которая имела позитивные производственные результаты. Высокие макроэкономические показатели позволяли премьер-министру Вацлаву Клаусу утверждать, что Чешская Республика находится в одном ряду с экономически развитыми государствами Европейского Союза, а не в той группе государств «где расположилась Польша, Венгрия и Словакия». Таким образом, «индивидуализируясь», чехи «не особо стремились к расширению сотрудничества в рамках Вышеградской четверки. Прага полагала, что слишком тесные взаимоотношения с Варшавой, Будапештом и Братиславой могут скорее затормозить вхождение в Евросоюз, нежели ускорить его»¹³.

От активного участия в рамках Вышеградской группы отказывается Словакия. Поскольку не проводилось активных реформ, Словакии не дали шанса на ускорение евроатлантической интеграции, в отличие от трех других государств субрегиона, что еще больше усложнило систему межправительственных отношений V4. Это период можно определить как период инерционности V4 при активной «индивидуализированной» внешней политике государств субрегиона. Венгры и поляки периодически стремились использовать форум для соперничества своих лидерских амбиций¹⁴.

Третий период (1998-2004 гг.) - активизация взаимоотношений V4, обоснованная политическими изменениями в Чехии, Словакии, необходимостью интенсификации диалога между V4 и ЕС, а также вступлением Чехии, Польши и Венгрии в НАТО. В это время происходит «относительное смягчение интеграционного соперничества между странами-кандидатами на вступление в ЕС»¹⁵, что улучшает инвестиционный климат субрегиона. Государства V4 определяют Вышеградский форум как возможность быть услышанными в Брюсселе.

В марте 1999 г. была достигнута первая цель, декларированная при создании V4 - Польша, Венгрия и Чехия вступили в НАТО. Европейские и евроатлантические структуры возобновили диалог со Словакией только после выборов 1998 г., реформ, проведенных правительством Микулаши Дзуринды, когда вновь появилась возможность ее принятия в НАТО и, в случае успеха процесса ратификации, в Европейский Союз. Риск исключения Словакии из политических процессов в Центральной Европе представлялся уже устраненным.

Особо активно сотрудничество V4 продолжается в культурном аспекте. В чешской научной литературе появляется понятие «региональная идентичность», а венгерский культуролог Роберт Кишш-Семан впервые употребляет термин «*homo visegradicus*». В 2000 г. был основан Международный Вышеградский фонд с целью оказания поддержки развитию культурного сотрудничества, обмена научными достижениями и опытом, укрепления сотрудничества в си-

стеме образования и развития межграничного сотрудничества - единственная структура, созданная V4 за всю историю ее существования.

С 2001 г. V4 начала развивать отношения со странами Бенилюкса, основанные на неофициальном обмене мнениями по актуальным темам европейской интеграции, а также на работе по ряду конкретных общих тем, таких, как проблемы, связанные с Шенгенским соглашением по вопросам миграции. Активизируется и уровень межпарламентских связей, обмена программами и т.д. Кроме того, в период до вступления в ЕС происходит количественное и качественное изменение работы V4 - участились встречи не только послов этих стран при ЕС, но и руководителей государств группы, которые одной из главных своих задач видели преодоление возможного неравенства в Евросоюзе¹⁶.

Однако, после определенного достижения успеха и периода взаимовыгодного сотрудничества, во взаимоотношениях V4 наступил застой. Стратегической ошибкой стало заявление Премьер-министра Венгрии Виктора Орбана на заседании комиссии Европарламента в Брюсселе весной 2002 г. касавшее отмены Чехией и Словакией «декретов Бенеша»¹⁷. Несмотря на то, что Чехия и Словакия осознавали нецелесообразность «декретов», они не были готовы идти на их отмену, опасаясь, что это повлечет за собой значительные издержки в виде компенсаций и возмещения ущерба пострадавшим или их наследниками. В ответ на заявления Виктора Орбана премьер-министры Чехии и Словакии (в знак солидарности с ними и Премьер-министр Польши) отказались приехать в Будапешт на очередную встречу V4¹⁸. Однако, благодаря усилиям венгерских дипломатов, в сентябре 2002 г. Премьер-министр Венгерской Республики Петер Меддеши смог поехать на очередную встречу V4, проходившую в Братиславе.

Кроме того, в ЕС «серьезно озаботились уровнем предварительной конвергенции стран-кандидатов. Проведя детальный анализ готовности стран к вступлению, в ЕС решили «поступиться принципами» и согласиться на так называемое «условное соответствие» этих государств критериям ЕС»¹⁹, что подтверждает, на наш взгляд, действенность «концепции примыкания», нуждающейся в более детальной разработке.

При поддержке V4, и прежде всего Чехии и Польши, 24 марта 2004 г. Словакия стала полноправным членом НАТО. А менее чем через два месяца, 1 мая 2004 г., все четыре страны Вышеградской группы вступили в Европейский союз.

После принятия V4 в ЕС начался четвертый период деятельности группы. V4 не только не прекратила своего существования, более того - внешнеполитическая деятельность группы значительно возросла. V4 принимает активное участие в более широких формах регионального сотрудничества, таких, как региональное партнерство V4+2 (Австрия и Словения), которое было инициировано Австрией в 2001 г. Чехия, Польша, Венгрия и Словакия приняли 12 мая 2004 г. «Декларацию о сотрудничестве V4 после их присоединения к ЕС»²⁰.

Сотрудничество в рамках V4 предусмотрено по 41 направлению. Сотрудничество по внутренним вопросам безопасности, вопросам, связанным с границами, консульскими и культурными вопросам происходит на всех уровнях, начиная с президентского.

В «Концепции внешней политики Чешской Республики на 2003-2006 гг.» сказано: «Преимущества сотрудничества в рамках Вышеградской группы (V4), не потеряли даже после вступления государств V4 стран в Европейский Союз. Одной из приоритетных задач Чешская Республика считает укрепление гражданского аспекта V4 и развитие приграничного сотрудничества между странами Вышеградской группы. Чешская Республика будет также оказывать поддержку сотрудничеству V4 с другими региональными группировками (Бенилюкс и Совет Северных стран) и с другими странами, которые пожелают принять участие»²¹.

На саммите V4, проходившем в Ланах 15 мая 2009 г., Президент Чехии Вацлав Клаус подчеркнул, что V4 активно развивается после достижения первоначально запланированных целей - вступления в ЕС и НАТО. По его словам, Вышеградская группа «это не «пустое множество», - у нас есть общие интересы, которые вытекают из нашей географической близости, из нашего прошлого опыта, и вытекают сегодня из нашего членства в ЕС»²².

Исходя из исторических реалий, внутри Европейского Союза отдельной комплексной политики государств Вышеградской группы быть не может, по определению. Но, объединенные количественно, качественно, географически, государства V4 имеют полное право поднимать волнующие их вопросы внутри наднационального объединения. Таким образом, голос четырех стран в процессе принятия выгодного им решения в ЕС важнее и весомее голоса отдельно взятого государства. В этом контексте, несмотря на внутренние противоречия, моде-

лируется некая общая тактика блока V4, однако, происходит это в дискурсе отсутствия стратегии государств Вышеградской группы²³.

Как группа государств, имеющая опыт евроинтеграционного и трансформационного характера, усиливая европейскую стабильность на Восточных границах Евросоюза, страны V4 являются мостом, создающим диалог между развитыми демократиями Западной и развивающимися государствами Восточной Европы, создавая новые возможности для дальнейшей интеграции Украины, Молдавии, Белоруссии, России.

В 2007 г. чешское Министерство разработало проект меморандума по Восточному измерению Европейской политики (ЕПС) и Восточному соседству. Важным является факт, что перед тем как этот проект в апреле 2008 г. был представлен Совету Европы на уровне рабочей группы по Восточной Европе и Центральной Азии, вначале он прошел долгий процесс обсуждения в Вышеградской группе, где в 2007-2008 гг. председательствовала именно Чехия²⁴.

Чешский меморандум послужил рабочим документом для выработки общей позиции стран V4 по отношению к Восточным партнерам, в частности к Украине. Сегодня так называемое в Европейском научном пространстве «Восточное измерение» представляет собой хороший пример того, как страны V4 смогли послужить основанием для формирования группы стран, мыслящих о проблеме евроинтеграции по примеру государств Вышеградской группы.

Так, в декабре 2009 года в Афинах, в рамках 17-го заседания Совета министров ОБСЕ, состоялась первая встреча Совета министров иностранных дел ГУАМ - Вышеградская группа. На встрече стороны обсудили перспективы развития сотрудничества ГУАМ и V4 и обменялись взглядами в отношении их предложений в сферах, представляющих взаимный интерес, в том числе передачи опыта V4 в развитии регионального сотрудничества и интеграции в ЕС. В этом мы и видим перспективы данного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложилась «своеобразная вышеградская модель международного сотрудничества»²⁵, выполняющая задачи интеграционного и кооперационного характера, не являясь статусно организованной группой, не предполагающая жестких обязательств, не имеющая жесткого бюрократического аппарата и, соответственно, позволяющая государствам V4 действовать относительно автономно в своих внешнеполитических ориентирах.

Примечания:

1. Otto Piek, Vladimír Handl (eds) *Zahraniční politika České republiky 1993-2004. Úspěchy, problémy, perspektivy*. Praha 2004. – P. 57-64.
2. *Visegrad Group – Central European Constellation* / ed. by Andrzej Jagodzinski. Bratislava, 2006 – 255 p.
3. Сук, Иржи. Возвращение Чехословакии к демократии // *Трансформация. Чешский опыт*. Прага, 2006 – С. 9-29.
4. Deinstbier, Jiří. *Visegrad: The first phase* // *Visegrad Group – Central European Constellation* / ed. by Andrzej Jagodzinski. Bratislava, 2006. – P. 41- 45.
5. *Declaration on cooperation between The Czech and Slovak Federal Republic, The Republic of Poland and The Republic of Hungary in striving for European Integration*. // *Visegrad Group – Central European Constellation* / ed. by Andrzej Jagodzinski. Bratislava, 2006. – P. 231-232.
6. Задорожнюк Э.Г. Страны Центральной Европы и ЕС // *Международный исторический журнал*. сентябрь-октябрь 2000. №11 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://history.machaon.ru/all/number_11/analiti4/europe/zadorozhnyuk/part4/index.html [2010, 15 февраля].
7. Посельський В. *Європейський Союз: інституційні основи європейської інтеграції*. К.: Смолоскуп, 2002. – С. 168.
8. Hloušek V. *Proces europeanizace politické strany v kandidátských zemích* // *Sociální studia*. 2004. №1. – P. 93-108.
9. Язборовская И.С. Доклад на Ученом совете ИС РАН 30.09.2009 г. «Страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы на путях системной трансформации» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Doclad_Yazborovskaya.pdf [5 марта 2010]
10. Шишелина Л. *Вышеградская четверка и Европейский Союз* // *Современная Европа*. 2007. №4. – С. 56-69.
11. Miroslav M. *České politické strany a spolupráce s postkomunistickými zeměmi střední Evropy* // *Central European Political Studies Review*. Summer 1999. Vol.1 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=146> [11 февраля 2010].
12. Leška, Vladimír. *Minulost, přítomnost a budoucnost Visegrádské spolupráce* // *Mezinárodní politika*. 2003. №4. – P. 10-13.

13. *Европейская модернизация: в 2 кн. Кн.2 / Д. Травин, О. Маргания. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004. – С. 506.*
14. Deák, András. *EU-Russia policies and the Visegrad group // Evropa. 2005. №4(17). – P. 71-117.*
15. Шишелина Л. *Вышеградская четверка и Европейский Союз // Современная Европа. 2007. №4. – С. 58.*
16. Paroubek, Jiří. *Visegrad Group celebrates its fifteenth anniversary // Visegrad Group – Central European Constellation / ed. by Andrzej Jagodzinski. Bratislava, 2006. – P. 14-15.*
17. *В соответствии с декретами Эдварда Бенеша (Президент Чехословакии в 1935—1948 гг.), в 1945 г. 3 млн судетских немцев были лишены всех прав и выслены из Чехословакии. Вместе с ними были выслены или бежали более 100 тыс. этнических венгров, на которых была возложена коллективная вина за преступления фашистов.*
18. Есин Р.О. *Политические и экономические процессы в рамках Вышеградской группы // Проблемы управления. 2007. №2 (23). – С. 135-139.*
19. Шишелина Л. *Вышеградская четверка и Европейский Союз // Современная Европа. 2007. №4. – С. 61.*
20. *Visegrad Group. Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrád Group countries after their accession to the European Union (12 May 2004) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.visegrad-group.eu/main.php?folderID=961&articleID=3894&ctag=articlelist&iid=1> [11 марта 2010].*
21. *Koncepcie zahraniční politiky ČR na léta 2003-2006 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.mzv.cz/servis/soubor.asp?id=4191 [17 сентября 2009].*
22. Ярошевская Е. *Саммит стран Вышеградской четверки [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/statja/83233> [15 сентября 2009]*
23. Martin Dangerfield. *The Visegrád Group in the Expanded European Union: From Pre-accession to Post-accession Cooperation // EUSA Ninth Biennial International Conference. 2005 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [eep.sagepub.com/cgi/rapidpdf/0888325408315840v1.pdf](http://www.sagepub.com/cgi/rapidpdf/0888325408315840v1.pdf) [17 сентября 2009]*
24. Тульмец Э. *Чешский меморандум по восточному соседству: краткий анализ и комментарии // Европа. 2008. №2(27). – С. 63-75.*
25. Тарасов И.Н. *Ориентиры внешней политики Чехии // Фонд исторической перспективы. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/orientiry_vneshney_politiki_chehii_2008-8-17-52-14.htm [10 ноября 2009]*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, СВЯЗАННАЯ С ВОПРОСОМ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СТРАНЫ К ЕВРОПЕЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СООБЩЕ- СТВУ

М.И. Прихненко

Донецкий национальный университет

В статье рассматривается политическая дискуссия и борьба, развернувшаяся в Великобритании в течение 1945-1973 гг. по вопросу о вступлении в Европейское экономическое сообщество. Также раскрываются основные этапы становления европейской политики Лондона. В основном имело место противостояние двух британских моделей интеграции: федералистской и конфедералистской.

Ключевые слова: Европейская политика Великобритании, между партийная борьба, неудобный партнер, Консервативная партия, Лейбористская партия.

THE POLITICAL STRUGGLE IN THE UK RELATED TO THE ISSUE OF ACCESSION TO THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITY

M.I. Prykhnenko

Donetsk National University

The article considers the political debate and struggle that unfolded in the UK during the 1945-1973 which was connected with the question of joining to the European Economic Community. The main stages of European policy in London also discover. Basically it was the confrontation of two British integration models: federalistic and konfederalistik.

Key words: European policy of the United Kingdom, the struggle between the party, undesirable partner, the Conservative Party, the Labor Party.

Британия является одной из ключевых европейских стран и относительно интеграционных процессов обычно квалифицируется в качестве «неудобного партнера», принадлежит к

группе так называемых «евроскептиков». Такой статус обусловлен рядом исторических, культурных, экономических и политических факторов, в том числе «особыми отношениями» с Соединенными Штатами. Кроме того, в традиционном противостоянии федералистской и конфедералистской моделей британцы обычно склонялись к последней. Известны попытки Лондона создать конкурирующие объединения вроде Европейской ассоциации свободной торговли. Поэтому анализ британского пути к Сообществу, а также политической борьбы вокруг него является полезным не только в отношении понимания сущности внешней политики страны, но и особенностей европейской интеграции.

Не только в британской политике, но и в академической среде сформировались подходы, которые различаются, прежде всего, по линии pro и contra относительно европейской интеграции (хотя, безусловно, следует учитывать компромиссные варианты). К первым можно отнести Р. Роуза, М. Стрежнева. Теорию же contra поддерживали А. Браун, А. Гамбл.

Цель статьи - определить, обосновать и раскрыть содержание и основные этапы политической борьбы в Англии в отношении европейской интеграции. Указанная цель обусловила приоритетное значение таких источников, как: документы и материалы политических партий, речи и публикации политических деятелей, периодика. Методологические исследования базируются на принципе историзма и комплексном подходе.

Характеризируя концептуальные основы британской европолитики, следует подчеркнуть, что позиция страны на континенте традиционно считается особенной. Главной ее особенностью является отсутствие постоянной длительной политической концепции относительно европейской сферы, которой бы руководствовался официальный Лондон. Факт отсутствия единой идеологической доктрины, четко сформулированной теории, как основа деятельности той или иной политической силы, доказано например, российским британистом В.М. Матвеевым и отечественным ученым В.А. Горбиком. Первый характеризует Е. Идена как классического оппонента научных разработок внешнеполитических проблем и считает, что существенные просчеты английской дипломатии можно частично объяснить отсутствием научной базы в дипломатическом отделе, подчеркивая, что в Англии пренебрежение теорией всегда имело гипертрофированный характер¹. В. Горбик показал наличие другого типичного явления – своеобразной «традиции» перехвата идей своих политических оппонентов, начатой еще с XIX в., когда премьер Б. Дизраэли обвиняли «в краже одежды вигов»². А главное - указанные выше черты британской политики обусловили еще одну особенность европолитики Лондона - континуитет стратегий как лейбористских, так и консервативных правительств с соответствующими тактическими коррективами, преемственность их задач, родство намерений с целью занять лидерство на континенте.

Эволюция европейского курса Лондона является составной многоуровневого, неоднозначного и порой противоречивого процесса реструктурирования международной среды, что, наряду с указанием «традиции», определяли развитие нескольких концепций британских подходов к европейской проблематике, прочно закрепили за Британией репутацию «неудобного партнера». Сложность и неоднозначность восприятия интеграционных процессов отражают типичные черты британской позиции на протяжении основных этапов европейской интеграции - экономического, длившегося сорок лет после окончания Второй мировой войны, и политического, обозначенного подписанием Единого европейского акта в 1986 г.

Главные политические партии, а также правительства (действующие и теневые) продемонстрировали многолетние колебания относительно своего отношения к Европе. Исторически антиевропейской воспринималась партия лейбористов, а консерваторы традиционно выступали в роли «партии Европы». И все же, существует мнение, что в своем отношении к «Общему рынку» в течение 1956-1962 гг. консерваторы продемонстрировали настоящее "сальто-мортале"³, то есть поворот на 180 градусов от общего отрицания идеи вступления до ее принятия.

В течение всего времени, предшествовавшего вступлению, между руководителями лейбористов и консерваторов шла напряженная полемика по поводу присоединения к Европейскому экономическому сообществу. Лидеры обеих партий, Г. Макмиллан и Х. Гейтскелл, а потом Г. Вильсон и Э. Хит, обвиняли друг друга в непоследовательности. Вместе с тем, лейбористы противостояли первой попытке вступления в Европейское Экономическое Сообщество, и лишь меньшинство членов этой партии, хотя и весьма влиятельных (Д. Браун, Р. Гантер, Д. Хафтон) придерживались в начале 60-х годов четкой позиции присоединения к сообществу. Первой же

за вступление Британии официально выступила либеральная партия, но на тот момент она не могла серьезно повлиять на государственную политику в этом вопросе.

Следует отметить, что общие теории европейской интеграции развивались на основе двух параллелей (которые выделяются многими учеными)⁴:

- реализм - федерализм - функционализм - неофункционализм;
  - межправительственность - наднационализм;
- и, соответственно, двух вертикально обозначенных направлений:
- реализм - межправительственность;
  - федерализм - наднационализм.

Наднациональные теории, основанные на трех последних компонентах первой параллели, предусматривают ограничение национального суверенитета в процессе интеграции, и является альтернативой межправительственности.

Но, по нашему мнению, формирование британской теоретической позиции относительно европейской интеграции происходило преимущественно вдоль первой обозначенной вертикали, базируясь и сосредотачиваясь на реализме.

Базовой концепцией реалистичных подходов является государствоцентризм: за основу которого берутся государства как главные акторы в международных отношениях с четким разграничением внутренней и внешней политики. Анархическая глобальная система основывается на деятельности государства, которые используют конфликты и сотрудничество в целях обеспечения своей безопасности путем поддержания баланса сил. Склонность Лондона к переоценке своих реальных возможностей в вопросе контроля международной ситуации на континенте и соблюдения традиционного принципа «баланса сил» сказалась в создании в 1960 г. Европейской ассоциации свободной торговли как противовеса «Общему рынку».

Согласно реалистических подходов, государство формулирует свою внешнюю политику, исходя исключительно из собственных интересов. Сторонники реализма пытаются увидеть завуалированные намерения и цели правящих правительств и партий и разоблачить настоящие, реальные мотивы их действий, которые далеко не всегда совпадают с официально провозглашенным курсом или политической стратегией. Согласно нашему мнению, реальной целью британских правительств во 2-й пол. XX в. были попытки формирования основы для дальнейшего лидерства в Европе.

Европейские интеграционные процессы, по мнению реалистов, обусловлены и одновременно ограничены реальной политикой государств, которая сдерживает их развитие. Британским реалистичным концепциям интеграции присущ прагматизм, который традиционно выступал приоритетом теоретиков консерватизма, но присущий почти всем политическим силам. Он же, с одной стороны, выражает нежелание быть связанным наднациональными ограничениями, которые внедряются новообразованными договорными институтами, а с другой - стремление к власти или имеющихся полномочий с целью получения соответствующих дивидендов. Прагматичные подходы к решению вопроса о вступлении Великобритании в европейское сообщество, дискуссии вокруг условий ее вступления присущи всем политическим силам государства, начиная с раннего этапа евроинтеграции. Британский прагматизм в сфере европейской политики получил название прагматичного минимализма, где упор делается на воздержании от искусственной активизации интеграционных процессов, содействии их спонтанной эволюции, а не реформировании институтов Сообщества.

Во 2-й пол. 60-х гг. концепции консерваторов и лейбористов относительно европейской политики Британии отличались лишь некоторыми нюансами. Лейбористы были осторожнее в своих подходах к проблеме «наднациональности» европейского сообщества. Консерваторы же базировали свою позицию на прагматизме, аргументируя тем, что Британия, имея большой политический опыт и давние традиции парламентаризма, будет в состоянии наилучшим образом использовать принципы «наднациональности» для своей пользы и получит лидерства во время самого процесса интеграции.

Уже в конце 1966 г. большинство руководителей лейбористской партии выступали за возобновление переговоров о вступлении Британии. В связи с этим 10 ноября того же года премьер-министр Г. Вильсон сделал соответствующее заявление в парламенте. В октябре 1970 г., на ежегодной партийной конференции, лейбористская партия подтвердила свою позицию относительно возобновления переговоров с Европейским экономическим сообществом, хотя год спустя вновь решительно выступила против "Общего рынка".

Противостояние оппозиционных подходов к комплексному европейскому вопросу исторически обусловило возникновение известных конфликтующих политических лагерей среди британского истеблишмента и широких кругов общественности - так называемых «евроскептиков» и «еврооптимистов», что до сих пор продолжают доказывать целесообразность своих взглядов в контексте защиты национальных интересов Британии.

Стоит отметить, что принадлежность к одному из указанных лагерей не является отражением политической позиции любой существующей партии или политической группировки. Среди противников присоединения были: К. Эттли - лейборист, У. Черчилль - консерватор, Э. Иден - консерватор. В то же время среди сторонников: Дж. Браун - лейборист, Э. Хит - консерватор, Р. Дженкинс - лейборист.

Вместе с тем, как считают британские исследователи, такое разделение общества по принципу «евровзглядов» не является исчерпывающим. Интересно, что среди сторонников или оппонентов европейской ориентации нет «чистых» евроскептиков или еврооптимистов. Индивидуальный подход содержит множество оттенков и нюансов. Хотя, на наш взгляд, существует уже не 2, а 4 группы британцев, в соответствии с выражением мыслей и отношением к европейской проблеме. Первая - группа евроинтузиастов, которые всячески поддерживают членство Великобритании в сообществе и прогрессивное продвижение государства интеграционным путем. Отмечается не критическое, крайне положительное отношение представителей этой группы к европейским мероприятиям и полное их принятие.

Вторая крайняя группа представлена еврофобами, которые являются оппонентами Европы и характеризуются крайне негативным отношением к интеграционным процессам. Их влияние было ощутимо в течение первого послевоенного десятилетия, когда Британия продемонстрировала неуверенность относительно будущего членства в «Общем рынке».

Третья группа традиционно называется евроскептики, которые проявляют осторожность и имеют определенные сомнения относительно жизнеспособности общего европейского проекта. Они соглашались, что такие явления, как общий рынок - явления рациональные. Но некоторые аспекты (социальная политика, оборона, международная безопасность) не являются, по их мнению, приоритетом европейского сотрудничества.

Еще одна группа, которую раньше не выделяли вообще, можно назвать европрогрессисты или европозитивисты. Это направление достаточно широко представлено не только в Британии, но и вообще в странах Европейского Союза. Они выражают поддержку европейскому проекту, но не хотят поддерживать существенные изменения, происходящие с углублением интеграции. Именно эта группа составила большинство британцев и выразила желание остаться в Европейском экономическом сообществе по результатам всеобщего референдума 1975 г.

Таким образом, вполне логично возникает вопрос: почему именно комплекс европейских проблем остается дискуссионным в правящих кругах государств и среди британской общественности? Что обусловило дискуссионный характер европроблем? И хотя сейчас делается акцент на экономическом аспекте, экономика не является единственной первопричиной британского неединодушия относительно объединенной Европы.

Сложность и противоречивость европейских проблем, которые повлекли постепенное развитие еврофобии и евроскептицизма, не объясняются также только ощущением «британской исключительности», исторически присущего британцам, и внутренней, а также межпартийной борьбой. Объективным основанием этого феномена, а также причиной начала особых концептуальных основ в британской европолитике, на наш взгляд, могут быть два фактора реструктурирование международной среды:

- Кардинальная переориентация внешней политики Великобритании, ее переход от имперской к европейской;
- Британо-американские «особые отношения», которые вступили в силу и официально объявлены Г. Макмилланом в середине 50-х годов после встречи с президентом Д. Эйзенхауэром.

Также стоит упомянуть то, что с XVIII в. в своей международной деятельности Великобритания исповедовала принципы поддержания международной системы «баланса сил», отрицающая чье либо единоличное доминирование не только в Европе, а вообще в мире. Ее отказ принимать участие в подготовке Парижского (1951) и Римского (1957) соглашений частично объясняется именно соблюдением указанного принципа и игнорированием процесса формирования новейшей системы международных отношений. Кроме того, а это является главным, Англию оттолкнули от Европы «наднациональные принципы», имеющиеся во вновь образован-

ных региональных объединениях⁵. Исходя из федералистских представлений об интеграции, основатели Европейского сообщества Р. Шуман, К. Аденаур, А. де Гаспери фактически проектировали будущие «Соединенные Штаты Европы» с такой политической системой, которая смогла бы впоследствии заменить существующие политические системы стран-членов.

В то время британские политические интересы и международное влияние были связаны с европейским, а также иными направлениями деятельности в международной среде. Поэтому Британия рассчитывала сохранить определенные рычаги влияния. Она не желала равняться на будущих партнеров по региональному объединению, что было бы невыгодным для общего «трехсферного» статуса. Также наблюдалось опасение Лондона оказаться в состоянии подчиненного члена интеграционного объединения с наднациональными институтами.

Концепция наднационализма как один из основополагающих принципов процесса евро-строительства, оказалась именно той первопричиной, которая тормозила развитие европейского направления британской внешней политики. Уже в 60-е гг. Европейское сообщество было группировкой с очерченными наднациональными тенденциями, которые в то время официальный Лондон был не в состоянии реально воспринять. Более того, из трех структурных форм наднационализма, которые были определены западной политологией (конфедерализм, консоси-ейшенализм, федерализм)⁶, лишь конфедерализм мог быть взят во внимание британским истеблишментом того времени. Исследователи доказывают, что, начиная с конца 50-х гг., все политические элиты Великобритании - как консерваторы, так и лейбористы на фоне дебатов о присоединении к континентальному объединению последовательно выступали за определенную расплывчатую конфедерацию, где национальные правительства сохранили бы в своих руках решающую долю полномочий в области внутренней и внешней политики, в отличие от проектов наднациональной федерации⁷.

Неопределенность путей интеграции того времени "европейской шестерки" и нерешительность Англии относительно своего участия в интеграционных процессах обусловили использование государством временных дипломатических тактик, направленных на торможение реструктуризации международной среды и продвижение западноевропейской интеграции, получения выигрыша во времени и избежания угрозы изоляции. Такая постановка вопроса привела к возникновению трех важных стратегий - "размывания", "противовесов", "долевого участия"⁸.

Тактика «размывания» заключалась в попытках втянуть Европу в более широкие и менее сплоченные объединения, а также ослабить внутреннюю сплоченность основателей западноевропейского интеграционного ядра. Поэтому она выступала последователем создания зоны свободной торговли в Северной Атлантике, которую выдвинули США в 1962 г.

Тактика «противовесов» была нацелена на создание параллельных группировок государств, не присоединенных к «шестерке», в качестве альтернативы «Совместному Рынку». Фактически Европейская организация свободной торговли стала первым шагом на пути Великобритании к «Общему рынку». Иницилируя ее образование, Лондон уже искал возможность объединения с Европейским сообществом, изучал механизмы влияния "Общего рынка" на свою экономику.

Тактика «долевого участия» применялась в случае недостаточной эффективности двух указанных выше, а британское правительство изъявило желание участвовать исключительно в политической консультации стран европейской «шестерки». Так, еще в 1961 г., до вступления в «Общий рынок», правительство консерваторов заявило о своем намерении принять участие в обсуждении «плана Фуше» и добилось официального получения текста этого документа. Желание участвовать в соответствующих консультациях способствовало активизации британской политики на брюссельских переговорах в течение 1961-1963 гг., хотя вопрос о будущем членстве в сообществе воспринимался неоднозначно и внутри самой страны.

Уже в 70-е гг. дальнейшее развитие политики интеграции Лондона сводилось к проблеме об условиях, на которых собственно и будет происходить процесс присоединения.

Поэтому можно выделить три этапа развития европейской интеграции Лондона: первый – 1945-1966 гг., основанный на концепции предложенной У. Черчиллем, базировавшейся на трех сферах влияния, второй - 1966-1970 гг. - это начало трансформации внешней политики в сторону континента, и третий - 1970-1973 гг., полное определение приоритетов, начало подготовки к интеграции и подписание ратификационных грамот. Причем, европейская политика не имела особого влияния на международную деятельность государства, так как внешняя политика Великобритании основана на принципе собственной выгоды. Также, мы можем наблюдать

не только жесткое межпартийное противостояние, но и дискуссии внутри самих партий. Это в свою очередь, несомненно, привело к торможению процесса вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество.

Примечания:

1. Матвеев В.М. *Британская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1984. – С. 103-104, 147.*

2. Горбик В.А. *Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии. К.: Наукова думка, 1977. – С. 97-98.*

3. Браун А. *Консерваторы у власти в 1951-1962 годах: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1964. – С. 213.*

4. См., напр.: O'Neil M. *The Politics of European Integration. L.: Routledge, 1996; Bealey F., Chapman R.A., Sheehan M. Elements in Political Science. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999; Wallace H. Wallace W. Policy-Making in the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2000; etc.*

5. См. напр.: *Treaty between the Federal Republic of Germany, the Kingdom of Belgium, the French Republic, the Italian Republic, the Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of the Netherlands instituting the European Iron and Steel Community. Signed at Paris, on 18 April 1951 // Treaty Series. United Nations Journal. 1957. Vol.261. – P. 143-235.*

6. McCormick J. *The European Union. Politics and Policies. Second Edition. Oxford: Westview Press, 1999. – P.11-12.*

7. Стрежнева М.В. *Великобритания и Западная Европа: политические аспекты М.: Наука, 1988. – С. 70-71.*

8. Кононенко С. *Регіоналізм і зовнішня політика: система, середовище, структура // Дослідження світової політики. Збірник праць вчених. Вип.7. Киев: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 1999. – С. 68.*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ И ЭВОЛЮЦИЮ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

А.А. Абузова

Донецкий национальный университет

В статье рассматриваются современные проблемы и вызовы, связанные с влиянием глобализации на состояние режима нераспространения оружия массового уничтожения, а также средств его доставки. Также дается комплексный компаративный анализ нормативно-правовой базы стран-участниц «ядерного клуба» касательно экспортно-импортного контроля над перемещением продукции стратегического значения и информационных технологий. На основании анализа делаются логические выводы.

Ключевые слова: глобализация, нераспространение ядерного оружия, «ядерный клуб», вызовы международной безопасности.

IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE CONDITION OF NON-PROLIFERATION OF WEAPONS OF MASS DESTRUCTION

A.A. Abuzova

Donetsk National University

The article deals with modern issues and challenges of globalization impact on non-proliferation of weapons of mass destruction as well as means of its delivery. Moreover there is a comprehensive comparative analysis of legal basis of state-parties of “nuclear club” considerably to export and import control of strategic production and information technologies movement. In the end of the article author makes logic conclusions that summarizes it.

Key words: globalization, non-proliferation of weapons of mass destruction, “nuclear club”, challenges to international security.

Целью статьи является определение основного содержания процесса глобализации и его последствий для состояния и эволюции режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), на основе изученных источников и литературы.

Статья основана на работах и принципиальных подходах ведущих специалистов и аналитиков. Эти работы дают объективную оценку поставленным в них проблемам, помогают определить общую характеристику влияния глобализации. Их авторами являются отечественные и зарубежные ученые и исследователи (список источников и литературы приводится ниже в соответствующем порядке). Следует заметить, что данный список далеко не ограничивает плюрализм работ и мнений, на которых основана данная статья.

Качественно новые условия глобализации актуализировали решение проблемы нераспространения ОМУ. Нераспространение - это предотвращение и недопущение появления новых государств, обладающих ОМУ и средствами их доставки. Предотвращение угрозы распространения ОМУ признано ведущими акторами международных отношений в качестве одной из приоритетных задач обеспечения их национальной безопасности.

Осознание необходимости предотвращения появления новых государств-обладателей ОМУ, в первую очередь ядерного, произошло в начале 60-х гг., когда США, СССР, Англия, Франция и Китай официально оформили статус ядерных держав. Тем временем, рассматривался вариант создания ядерного оружия другими государствами, среди которых были Израиль, Пакистан, Индия, Северная Корея, ЮАР, Италия и др. В то время Советский Союз был озабочен бурным развитием атомной энергетики в Западной Германии, что создавало материальную основу для развития ядерного потенциала этой страны.

В то же время, в 60-е гг., с инициативой разработки международно-правового документа, который бы заложил основы нераспространения ядерного оружия, выступила Ирландия. СССР, США, а также Великобритания начали разрабатывать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и впоследствии стали его депозитариями. К Договору тогда не присоединились по определенным причинам две ядерные державы - Китай и Франция. Они присоединились к Договору несколькими десятилетиями позже, когда не без давления со стороны депозитариев - СССР, США и Великобритании, осознали реальные выгоды для себя от участия в Договоре. Когда в начале 80-х были фактически прерваны переговоры по разоружению, консультации между СССР и США по нераспространению, проходившие дважды в год, тем не менее, продолжались и даже интенсифицировались. На них обсуждались и решались не какие-то размытые формальные вопросы, а фундаментальные проблемы.

На 5 ядерных держав ДНЯО наложил следующие обязательства:

- не передавать кому бы то ни было ядерного оружия и средств его доставки;
- не способствовать неядерным странам в получении этого оружия;
- не предоставлять ядерный материал неядерным странам без гарантий Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ);
- способствовать международному сотрудничеству в мирном использовании атомной энергии;
- вести продуктивные переговоры о ядерном разоружении.

Примерно 180 других членов ДНЯО, не обладающих ядерным оружием (ЯО), Договор обязал не располагать, не получать и не разрабатывать ЯО, и принять гарантии МАГАТЭ, обеспечивающие исключительно мирное использование атомной энергии. Тем не менее, сейчас в мире есть ряд стран, которые проводят активную политику в области разработки ОМУ и средств его доставки (Израиль, Индия, Пакистан, Иран, Северная Корея и Куба).

В 1991 г. произошел распад Советского Союза, что стало уникальным событием в истории международных отношений в целом и в области нераспространения ОМУ в частности – впервые распалось государство, обладающее ЯО, государство - постоянный член Совета Безопасности ООН. После некоторых задержек, РФ стала правопреемником СССР в вопросе ядерного статуса и получила в наследство все права и обязанности Советского Союза по ключевому документу международного режима нераспространения - ДНЯО, в т.ч. по его ст.9, определяющей ядерный клуб в составе пяти держав. Россия осталась одним из депозитариев ДНЯО. Таким образом, Россия в соответствии с этим Договором, получила международно-признанное право на обладание ядерным оружием.

Вместе с тем, следует помнить, что распад СССР привел к появлению новой серьезнейшей угрозы для нераспространения; экономический кризис, распад систем управления, включая управление вооруженными силами, коррозия военно-промышленного комплекса (ВПК). Все эти явления, сопровождавшиеся необходимостью продолжать ядерное, химическое, биологическое разоружение, привели к такому положению, при котором, по утверждению тогдашнего министра обороны США Дональда Рамсфельда, Россия стала "главным пролифератором". Т.е. именно от России исходила главная опасность распространения ОМУ в мире и материалов для его изготовления.

Сейчас эффективный постоянный диалог России с Западом, прежде всего с США, по нераспространению замер, хотя и присутствуют многочисленные контакты по поводу отдельных частных аспектов нераспространения. Возможно, что главной причиной такого спада стало резкое снижение влияния России - по сравнению с СССР - в мире, в том числе и на процессы

расползания ОМУ и средств его доставки. Одновременно, в связи с распадом СССР, в России возникли внутренние угрозы, проистекающие, в том числе от неадекватного учета, контроля и физической защиты материалов, пригодных для создания ОМУ. Действительно, за последнее время возможности влияния на мировые процессы у США стали значительно больше. Однако одной положительной чертой сложившейся ситуации является то, что процесс совместного со США согласованного сокращения ядерного и других видов ОМУ, становится необратимым.

Важным элементом укрепления режима нераспространения стала помощь Запада России в этой области, свидетельствующая о подлинном нежелании партнеров видеть в лице России источник опасных распространенческих угроз. На саммите большой «восьмерки» в Канаде в июне 2002 года были приняты важные решения по противодействию взаимно усиливающим друг друга угрозам, исходящим от международного терроризма и распространения ОМУ и средств его доставки. Там же было принято решение об учреждении Глобального Партнерства «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения. При этом поддержка конкретных проектов начнется с России и затем перейдет и другим странам. Была обещана помощь в размере 20 млрд. долл., причем Россия должна стать главным ее получателем. Эта программа стала называться "10+10 за 10", т.е. 20 млрд. за 10 лет.

Среди первоочередных задач Партнерства - уничтожение химического оружия, утилизация списанных атомных подводных лодок и расщепляющихся материалов, а также трудоустройство бывших ученых-оружейников.

Сама опасность попадания ядерных, химических, биологических вооружений или их компонентов в руки террористических или экстремистских группировок многократно повышает разрушительный потенциал международного терроризма. Отсюда - особая важность наращивания усилий по укреплению режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки.

При этом создание новых режимов в области нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями отнюдь не означает отказ от действующих режимов и соглашений. Они – общий защитный механизм всех государств мира, причем весьма надежный и проверенный временем. Неоправданное разрушение ключевых элементов международно-правовой структуры нераспространения способно усугубить военно-стратегическую ситуацию в мире, подорвать глобальную безопасность.

Напротив, первоочередная задача - добиться «универсализации» важнейших договоров о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В ракетной сфере необходимо развертывание устойчивого переговорного процесса, нацеленного на заключение международной договоренности о глобальном режиме нераспространения ракет и ракетных технологий.

Неотъемлемая часть процесса нераспространения - предотвращение вывода оружия в космическое пространство. Назрела необходимость разработки всеобъемлющей договоренности, цель которой - сохранить космос в качестве зоны, свободной от оружия любого рода.

Важнейшими составными элементами режимов нераспространения ядерного и другого ОМУ являются:

- система экспортного контроля, включающая отлаженную национальную систему учета, контроля и физической защиты оружейных материалов. Сюда же входит и недопущение бесконтрольного экспорта неосязаемых технологий в т.ч. в электронном виде.

- система предотвращения «утечки мозгов»;

- безопасность хранения, складирования, транспортировки и т.д. ОМУ и материалов, пригодных для его производства;

- система предотвращения незаконного оборота ядерного и другого ОМУ и материалов.

Особенностью проблемы предотвращения незаконного оборота ядерного и другого ОМУ является множество продавцов и посредников и почти полное отсутствие видимых, идентифицируемых покупателей. Если в действительности такие покупатели все же есть, то они боятся контактировать с ненадежными, нелегальными продавцами, зачастую являющимися подставными провокаторами от спецслужб.

Нельзя забывать о таком важном явлении как «ядерный экспорт». Россия, Франция и Великобритания являются партнерами по многосторонним режимам экспортного контроля.

США и Россия имеют хорошо разработанные системы экспортного контроля: обе страны сформировали законодательную базу, создали организационно-бюрократические структуры, внутри которых существует четкое разделение прав и обязанностей.

США располагают достаточно детальной и сложной системой экспортного контроля. Можно выделить три ключевых различия в таких системах в России и США. Во-первых, США прибегают к одностороннему контролю. Во-вторых, в Соединенных Штатах кроме списков контролируемых товаров существуют списки контролируемых стран. Точнее, все страны подразделены на группы, в отношении которых предусматриваются разные степени жесткости контроля. Некоторые традиционные российские торговые партнеры находятся в черном списке. В-третьих, в законах США есть положения, предусматривающие экстерриториальное применение карательных мер против нарушителей американского законодательства. Использование этих инструментов приводит к конфликтным ситуациям¹.

Системы контроля во Франции и Великобритании были сформированы в годы Второй мировой войны. Во Франции она была создана декретом 1944 г. В Великобритании до последнего времени действовал закон 1939 г. об экспорте, импорте и полномочиях таможи, в рамках которого были сформулированы правила контроля над стратегическим экспортом. Оба государства были членами Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ). Естественно, все правила и стандарты, сформулированные в рамках этого комитета до его демонтажа в 1994 г., выполнялись на национальном уровне. Принятие наднационального регламента 1994 г., а затем нового регламента 2000 г. коренным образом изменили соответствующее законодательство стран-участниц Сообщества. В Великобритании был принят новый закон 2002 г. об экспортном контроле, вступивший в силу только 1 мая 2004 г.

Интеграция экономических и политических структур, устранение границ внутри Сообщества поставили государства-участники перед проблемой гармонизации политики экспортного контроля и разделения полномочий между национальными правительствами и основным наднациональным органом - Комиссией ЕС.

В 1992 г. Комиссия осуществила исследование состояния режимов экспортного контроля государств-членов Сообщества. Было проведено сравнение ключевых элементов этих систем, а также контрольных списков продукции, относящейся к ядерной области. Исследование выявило значительные различия в национальных списках. В частности, из международного списка во французском списке отсутствовало 14 позиций.

В 1994 г. Совет ЕС на основании ст. 133 Римского договора, определяющей общую внешнеторговую политику, сформировал «переходный» единый режим контроля над экспортом продукции двойного назначения: был разработан общий контрольный список и декларирован принцип взаимного признания экспортных лицензий государств, входящих в Сообщество².

В 2000-2002 гг. был принят ряд новых нормативных документов, которые стали краеугольным камнем правовой основы современной системы экспортного контроля Сообщества и его членов. 28 сентября 2000 г. вступил в силу Регламент ЕС 1334/2000 о контроле над экспортом продукции и технологий двойного назначения. Затем он дополнялся другими положениями³.

Принятые акты гарантируют обеспечение добросовестных торговых операций между странами-членами и сотрудничество государственных учреждений. В рамках ЕС свободное обращение продукции двойного назначения является общим правилом. Однако, для наиболее чувствительной продукции, в том числе ядерной, ограничения сохраняются.

Одно из наиболее важных достижений нового режима экспортного контроля - установление консультационного механизма. Каждый член Союза перед тем, как выдать лицензию на поставку, в которой импортеру было отказано другим участником Союза, должен проконсультироваться с государством, не одобрявшим аналогичную поставку, и выяснить причины отказа. Если же после консультации будет принято решение о выдаче экспортной лицензии, то государство-член должно не только проинформировать об этом как Комиссию, так и партнера, первоначально отказавшего в выдаче лицензии, но и обосновать свое решение. Такое правило (*no-undercut rule*) принято и в рамках группы ядерных поставщиков (ГЯП).

Совет Европы в июне 2000 г. принял еще один документ - Объединенную акцию в отношении контроля в области технической помощи. Он определяет правила регулирования за передвижением лиц за пределами Союза включая устные передачи⁴. Совместная акция Европейского совета также уточняет условия, когда не применяется требование о разрешении на оказание технической помощи. Совместная акция не действует в тех случаях, когда техническая помощь предоставляется одной из десяти стран, перечисленных в «белом» списке, который составлен согласно регламенту Евросовета 1334/2000, а также неприменима в тех случаях,

когда техническая помощь ведет к передаче информации, которая имеется у общественности или входит в разряд основополагающих научных исследований⁵.

Во Франции дополнительно принято межведомственное положение 486 «О защите интеллектуальной собственности в области науки и технологий», определяющее механизмы контроля над «устными передачами технологий» во время стажировок, лекций и т.д.

В Великобритании после принятия закона 2002 г. об экспортном контроле было разработано вспомогательное законодательство, детализирующее его механизмы, включая использование всеобъемлющего контроля, регулирование передачи технологий электронным путем и т.д.

Таким образом, анализ режимов экспортного контроля пяти стран позволяет считать, что США, Франция, Великобритания и Россия в значительной степени гармонизировали основные элементы своих систем экспортного контроля в целях нераспространения ОМУ. Модель этих систем в определенной мере можно считать мировыми стандартами. Все они разработали списки контроля, соответствующие международным, механизмы лицензирования как контролируемой, так и неконтролируемой продукции, инфраструктуру принятия решений, механизм межведомственных согласований, инструменты правоприменения.

Однако важно подчеркнуть, что подходы к правоприменению в разных государствах существенно различаются (хотя национальные законодательства всех стран предполагают жесткие уголовные и административные наказания за нарушения). В России сфера правоприменения является наиболее слабым звеном режима экспортного контроля. В значительной мере это связано с общей неблагоприятной ситуацией в области правоприменения. Стоит вопрос и о политической воле выполнять установленные правила.

Как уже отмечалось, экспортный контроль занимает наиболее высокое место в иерархии интересов национальной и международной безопасности в Соединенных Штатах. Сравнение систем экспортного контроля развитых стран показало, что американское государство наиболее тесно взаимодействует с промышленным и научным сообществами при принятии решений, внедрении так называемых принципов лучшей практики. Согласие с этими правилами не освобождает от ответственности, рассматривается американской администрацией как значительный смягчающий фактор при любом административном действии принудительного характера против компании. Министерство промышленности и торговли Великобритании разработало «Кодекс практики», который направлен на поощрение эффективного соблюдения законов и правил, связанных с экспортным контролем.

В последние годы Китай начал идти в фарватере мировых тенденций экспортного контроля, хотя его национальная система до сих пор сохраняет черты, присущие командной экономике.

Контроль над технологиями - одна из самых чувствительных областей системы экспортного контроля. Очень трудно найти оптимальный баланс между взаимоисключающими стратегическими задачами продвижения национальных товаров на мировые рынки сбыта и введения ограничений по соображениям национальной и международной безопасности, между поддержанием академических свобод, свободой доступа к информации и задачами в области безопасности.

Поддержание стабильных партнерских отношений между ядерными державами, недопущение возрождения гонки стратегических вооружений приобретают особое значение для укрепления атмосферы взаимного доверия и предсказуемости на мировой арене - ключевых предпосылок развития широкого международного экономического сотрудничества, основы процесса глобализации. В то же время ускорение научно-технического развития, стимулируемое глобализационными процессами, объективно формирует предпосылки для создания все более мощных систем оружия. Реализация этих возможностей может обернуться для человечества возобновлением гонки самых разрушительных видов оружия.

Примечания:

1. Кириченко Э.В. Сравнительный анализ национальных систем экспортного контроля США и России // *Экспортный контроль в России: политика и практика / ПИР-Центр полит. исслед. М., 2000.*

2. Jones S. *EU Enlargement: Implications for EU and Multilateral Export Controls // The Nonproliferation Rev. 2003. Summer.*

3. *Ibid.*

4. *Joint Action 2000/401/CFSP concerning the control of technical assistance related to certain military end-uses adopted by the Council on 22 June 2000.*

5. *Подроб. см.: Ян Э. Многосторонний контроль над экспортом оружия и технологий // Ежегодник СИПРИ 2001: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2002.*

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАНАДСКИХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ МОЩИ» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.И. Белей

Донецкий национальный университет

В статье рассматриваются основные подходы канадских ученых и политических деятелей к исследованию понятия “государство средней мощности” в теории международных отношений. Основными в анализе данной темы стали три подхода: функциональный, бихевиоральный (поведенческий) и иерархический. Рассмотрение теоретических подходов позволяет объяснить, почему Канада и другие государства ведут борьбу за право называться «государствами средней мощности».

Ключевые слова: “государство средней мощности”, Канада, функциональный подход, бихевиоральный (поведенческий) подход, иерархический подход.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CANADIAN SCIENTIFIC APPROACHES TO STUDYING CONCEPT OF “MIDDLE POWER” IN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

S.I. Bieliei

Donetsk National University

The paper considers the basic approaches of Canadian scientists and policy makers to study the concept of "middle power" in the theory of international relations. There are three approaches: functional, behavioral and hierarchical. Consideration of theoretical approaches can explain why Canada and other nations are fighting for the right to be called as “middle power”.

Key words: “middle power”, Canada, the functional model, the behavioral model, the hierarchical model.

Понятие “государство средней мощности” (middle power) имеет долгую историю развития и занимает особое место в теории международных отношений и концептуальной базе внешней политики Канады, однако, при разных обстоятельствах оно может трактоваться по-разному. Акторы международных отношений, которые имеют средние показатели развития, заинтересованы в многосторонности и поддержании мира, роль которых в международной системе определена функциональными способностями, являются государствами средней мощности. Так как различные интерпретации средней мощности никогда не были адекватно оценены, поэтому создание объективной концепции международной структуры власти была невозможной. Поэтому последовательное определение данного понятия предоставило бы ответ на вопрос, почему канадские ученые и политики проявляют особый интерес к понятию “государства средней мощности”.

Для развития объективного понимания средней мощности государства, необходимо охарактеризовать основные подходы к изучению этого понятия. Употребление понятия “государство средней мощности” происходит в контексте государственно-центричной концепции международного сообщества, в котором “мощь” определена как географически очерченный объект, а понятие “средний” означает состояние равноудаленное от крайних категорий международных отношений (малых и сверх держав)¹.

Цель нашего исследования - определить и раскрыть основные подходы канадских ученых и политических деятелей к исследованию понятия “государство средней мощности” в теории международных отношений.

Предметом нашего исследования является понятие “государство средней мощности” и основные подходы в канадском научном пространстве относительно определения данного термина.

Наше исследование основывается на анализе историографических материалов канадских ученых и политических деятелей. Анализируя литературу по данной теме, можно выделить три основных подхода: функциональный, бихевиоральный (поведенческий) и иерархический. Проблема состоит в том, что актор международных отношений может классифицироваться одной теоретической школой как государство средней мощности, тогда как другая концепция мо-

жет рассматривать его же в роли малого государства. Это вносит неопределенность в концепции и отрицает современные научные подходы к последовательному определению понятия, без которого сложно оценить значение статуса государства средней мощи.

Представители функционального подхода Х. Ронг, Дж. Гранатстайн, Л. Гельбер, А. Купер, Р. Хигготт, К. Носсал и др. делают попытку определить статус и место государства в международной системе, когда его мощь находится в неуравновешенном, постоянно изменяющемся состоянии. Сторонники поведенческого подхода, Р. Кокс, Дж. Глазбрук, А. Купер, Б. Вуд, Л. Бэланджер, Г. Мейс, Дж. Киртон и др., характеризуют поведение государства средней мощи как действия государства, которое априори рассматривается в этой роли. Адепты иерархической концепции, Д. Митрани, Э. Гельбер, Дж. Холмс, Л. Ник и др., стремятся классифицировать государства согласно их международному положению. Этот подход рассматривает три стадии: государство средней мощи до и вне переговорного процесса по созданию ООН, государство средней мощи как субъект, который ведет переговоры о принятии Хартии ООН, и государство средней мощи после создания ООН.

В то время как функциональный и поведенческий подходы используют ярлык государства средней мощи, чтобы увеличить государственную мощь, иерархическая модель только подтверждает очевидные позиции в международной системе. Принятие иерархической интерпретации деполитизировало бы научную литературу относительно государства средней мощи и дало бы ответ на главный вопрос, почему данный термин был преднамеренно абстрактно определен? Рассмотрим более детально основные положения каждого из подходов.

Функциональный подход. В 1942 г. канадский дипломат Х. Ронг (H. Wrong) четко сформулировал функциональный принцип, который стал главной идеологической базой для канадской внешней политики. Говоря о праве голоса Канады в международном сообществе, он акцентирует особое внимание на том, что влияние Канады должно быть основано на трех функциональных принципах: степень ее вовлеченности, ее интересов и способности содействовать решению международных проблем. Дж. Гранатстайн (J. Granatstein) считает, что именно функциональный принцип “стал первой формулировкой концепции “государства средней мощи”².

Премьер-министр Канады М. Кинг (M. King) сторонник теории Ронга, соединяет функциональный принцип со своей концепцией “среднемощности государства” (middlepowerhood). В 1944 г. он говорил, что “Канада должна рассматриваться как одно из государств средней мощи, промежуточной мощи, которая должна быть принята в международную организацию (ООН) на таких условиях, чтобы мощь и ответственность воспринимались как два неделимых понятия”³. Для Кинга государства средней мощи – это влиятельные международные акторы, которые имеют право голоса и рассматриваются сверхдержавами как стратегические партнеры.

Взаимосвязь между функциональными способностями и статусом государства средней мощи была выдвинута Л. Гелбером (L. Gelber): “с того момента, когда сверх державы начали отличаться от остальных государств, в первую очередь огромным набором функций, тогда же государства средней мощи начали поиск отличий от малых государств ... сила голоса в принятии решений должна быть прямо пропорциональной силе, которая им применяется”⁴. В 1988 г. Б. Вуд (B. Wood) отметил, что “неофициально, государствам средней мощи часто приходится брать на себя такие обязанности для особого влияния в функциональных сферах, где их интересы оказываются самыми сильными”⁵.

Несомненно, функциональный подход к “среднемощности государства” имеет свои аргументированные доводы. Выделяются государства, которые являются способными повлиять на ход событий в международных отношениях в определенных случаях. Руководствуясь этой моделью, сверх державы могут восприниматься как те государства, которые имеют международное влияние независимо от обстоятельств. Малые государства не способны к осуществлению реального влияния.

Однако существуют проблемы с интерпретацией данной концепции. Мощь функциональных средних государств изменяется относительно политических и экономических показателей. Статус государства ограничен временем и обстоятельствами. Именно поэтому можно утверждать о неточности функциональной парадигмы.

Функциональная модель рассматривает только два типа государств: сверх державы и все остальные. При определенных обстоятельствах, любая небольшая мощь может достичь, по крайней мере, временного среднего показателя. Отсутствуют объективные основания для классификации малых государств, которые могли бы приобрести статус среднего государства, от тех, которые никогда не приобретут такового. Таким образом, государства средней мощи яв-

ляются малым временно возвышенным актором на международной арене. Они теряют свой средний статус, как только уменьшается их способность содействовать разрешению международных проблем. Как ни парадоксально, функциональный подход к “среднемошности государства” отрицает существование средних государств, статус среднего государства – это иллюзия, которая может исчезнуть так же быстро, как она и возникла.

Почему же эта парадигма была так популярна? Интегрирование функционального принципа в концепцию “государства средней мощи” выгодно для малых государств, которые становятся относительно сильными в определенной ситуации. Например, Ронг начал отстаивать свой функциональный принцип в середине 1940-х годов, когда Канада была экономически развитым государством. Успешная реализация этого принципа обусловила утверждение канадского влияния на экономическую, политическую и военную сферы деятельности международного сообщества, которые определили статус Канады. Как только было определено место государства в переговорном процессе и были взяты на себя полномочия в рамках международной организации, тогда трудно было отрицать роль и место этого государства.

Функционализм Ронга предоставляет малым государствам возможность использовать собственную силу, чтобы оправдать будущее влияние. Это дает им стимул, который призывает международное сообщество забыть об их ограниченной мощи и создает ощущение третьего уровня в международной системе, который в действительности не существует.

Бихевиоральный (поведенческий) подход. Современная научная литература, изучающая государство средней мощи, в большей степени основывается на поведенческой концепции. Р. Кокс (R. Cox) говорит, что “государство средней мощи – это роль, которая находится в поисках актера”⁶. Л. Бэланджер и Г. Мейс (L. Bélanger and G. Mace) объясняют, что отсутствует четкое определение понятия “государство средней мощи”. “Мы вынуждены сделать вывод, что субъектам международных отношений предоставляется дипломатический и академический статус государства средней мощи для того, чтобы они показывали волю и способность следовать поведенческой модели, связанной с этой категорией”⁷. Эта концепция была четко сформулирована Э. Купером (A. Cooper), Р. Хигготом (R. Higgott) и К. Носсалом (K. Nossal). Они идентифицировали государства средней мощи по их приверженности к преследованию многосторонних решений в международных конфликтах, их приверженности к компромиссной позиции в международных спорах и склонности принять роль “хорошего международного гражданина” для того, чтобы реализовывать собственную внешнюю политику.

Такие понятия как многосторонность, урегулирование конфликта и моральная мощь в научной литературе рассматриваются в комплексе. Новаторская статья Дж. Глазбрука (G. Glazebrook) признает тенденцию среди этих государств к поддержанию международной многосторонней деятельности. Л. Пирсон (L. Pearson), так же, как и К. Холбраад (C. Holbraad) в 1970-х годах, говорит о государствах средней мощи как о посредниках. П. Лион (P. Lyon) и Б. Томлин (B. Tomlin) описывают исторические потребности государств, чтобы определить их место в середине “идеологического спектра между крайними категориями” и подчеркивают особую ответственность государств средней мощи в выполнении таких функций, как поддержание мира, посреднической и коммуникативной деятельности⁸. В 1980 Д. Дэвитт (D. Dewitt) и Дж. Киртон (J. Kirton) настаивают на том, что Канадское правительство выбрало понятие “полезного посредника”, для того чтобы позиционировать себя в качестве государства средней мощи.

Поведенческая модель также определяет государства средней мощи по их выражению воли к международному статусу. Б. Вуд (B. Wood) характеризует эти государства как региональных лидеров, которые занимаются урегулированием конфликтов, и имеют многосторонние моральные силы. К. Пратт (C. Pratt) объясняет, что характерная особенность государств средней мощи – это многосторонняя деятельность для продвижения национальных интересов. Глазбрук классифицирует государства средней мощи относительно их оппозиции и несогласия с тотальным контролем сверх держав.

Купер называет это «прогрессивный поведенческий подход», показывая изменения концепции государства средней силы “от акцента на общие критерии, на основе нормативных качеств и количественных признаков к структурному способу анализа, основанного на отличительном методе управления государством”⁹. Подход Купера является специфичным, т.к. он определяет управление государством через деятельность государства, которое уже считается государством средней силы. Он сначала изучает международную деятельность государства, такого как Канада, а уже после определяет поведение государства средней мощи на основе его действий.

Несмотря на свою популярность, поведенческий подход не соответствует основным требованиям объективного определения понятия государства средней мощи. Согласно подходу Купера, любое государство, большое или малое, может быть или, по крайней мере, может вести себя как государство средней мощи.

Такое поведение государства может и должно быть более содержательно определено как среднесоциальный интернационализм - идея, о том, что определенные международные инициативы чаще всего успешно реализуются государствами средней мощи. К сожалению, даже это объяснение не дает объективного определения понятия государства средней мощи.

Поведенческая концепция не может объективно дать определение понятию государства средней мощи, поскольку список поведенческих характеристик этих государств ни определен в научной литературе и ощутимо неизмерим на практике. На самом деле, список часто основывается на характеристиках государств, которые сторонники поведенческого подхода, уже считают государствами средней мощи.

Иерархический подход. Сторонникам функционального и поведенческого подходов трудно отрицать факт, что концепция государства средней мощи возникла в работах сторонников иерархической школы. Дэвитт и Киртон объясняют, что “авторы раннего периода видели иерархическую, стратифицированную международную систему, в которой объективная способность, утвержденные позиции, и признанный статус объединены в три класса государств: великие, средние и малые”¹⁰.

Концепция государства средней мощи была малоизвестной в теории международных отношений до публикации работы в 1930-х гг. Д. Митрани (D. Mitrany) относительно мирового правительства. Митрани утверждал, что международное сообщество состоит из двух уровней государственной власти: большой и малой. Однако, в соответствии с тем, что некоторые малые государства становятся сильнее, он предположил, что их сила должна рассматриваться по “иерархической шкале”¹¹.

Переговорный процесс о создании Организации Объединенных Наций, предоставил Канаде и другим малым государствам, таким как Бельгия, возможность для обретения статуса государств средней мощи. Э. Гельбер (A. Gelber) говорит, что “Канаде нужна была гарантия, что, как государство средней мощи, она будет иметь особые права на непостоянных местах в Совете Безопасности. Косвенно, Гелбер определил великие государства как государства, у которых есть исключительные полномочия в Совете Безопасности ООН. США, СССР, Китай, Франция и Великобритания квалифицировались как великие, поскольку у них было право вето. Малые государства были те, у которых не было права вето в СБ ООН¹². Государства средней мощи должны иметь меньшие, чем великие державы, но все же особые полномочия в СБ ООН. Они могли бы получать приоритет при выборе непостоянных членов.

Дж. Холмс (J. Holmes) признает, что понятие государство средней мощи было “удобным термином, который не упоминался в международных соглашениях и организациях ... его смысл был в игре слов”¹³. Для Холмса, государства средней мощи являются одним из инструментов внешней политики. Это означало обретения большего статуса, что заслуживали малые государства и предоставление оправданий для таких государств как Канада проводить международные инициативы за рамками возможностей традиционно малых государств.

Тем не менее, сторонники этого подхода продолжают настаивать на признании государств средней мощи в практической и академической сфере международных отношений. Глазбрук абстрактно классифицирует малые государства по их ограниченным ресурсам или небольшой численности населения. В более поздней работе Холбраада упорядочиваются средние государства по регионам в соответствии с количеством населения и ВВП¹⁴.

Американский политолог Л. Ник (L. Neack) объединила пять национальных показателей в рамках группового анализа для развития исследования поведения государств средней мощи. Эти методы идентификации являются произвольными. Холбраад и Вуд использовали понятие “средний” для установления разграничений между уровнями мощи. Не удивительно, что эти “объективные” подходы приходят к разным выводам. Канада является одним из средних государств согласно Глазбруку, Холбрааду и Вуду, и великим государством согласно классификации Ник. Ни один из анализов не является действительно объективным.

Канадский дипломат Р. Риддель (R. Riddell) говорит, что “государства средней мощи - это те государства, которые по причине их размера, материальных ресурсов, желания и готовности принять на себя ответственность, близки к показателям великих государств”. Хотя это

определение является конструктивным, оно выделяет факторы, которые не могут быть измерены.

Хум Ронг первый дал понять, что государства средней мощи можно понимать иерархично как те, которые являются членами НАТО, но не являются великими государствами. Решение Дэвитта и Киртона о разделении международного сообщества на три класса и включение Канады в первый класс был столь же спонтанным, как и выбор критериев, которые они использовали в формировании данной иерархии.

Если бы не “холодная война”, иерархический взгляд не был назван теорией, поскольку полностью исключались бы государства средней мощи. “Холодная война” содействовала возникновению в международном сообществе связующего звена между сверхдержавами и остальными акторами международных отношений. Согласно А. Эндрю, средние государства стали теми не-сверхдержавами, которые были признаны в международном сообществе как отличные от остальных, малых государств. Китай, Великобритания и Франция были классифицированы как сверхдержавы из-за своего права вето в Совете Безопасности. Можно предположить, что в 1990-х годах, с крахом Советского Союза возник четвертый сегмент средних государств¹⁵.

Несмотря на это, Канада, Бельгия, Аргентина и Индия в мире не рассматривались как государства средней мощи. Более точное определения статуса этих государств - это государства, которые способны оказывать влияние на международное сообщество, основанное на их способности, наличия интересов и всестороннего участия в международных отношениях. В действительности, они являются не более чем сильными малыми государствами.

Иерархическая модель определяет всех акторов как государства, которые очерчивают объективное географическое пространство, и изображает средние государства по отношению к остальным.

Кроме того, завершение “холодной войны” и распад биполярности обусловили реорганизацию мощи в международном сообществе, полагаясь на субъективную и нормативную концепции силы. И, конечно, нельзя объективно признавать использование право вето в СБ ООН как главный критерий для классификации государств, т.к. статус вето остается неизменным для всего круга участников международных отношений.

Таким образом, руководствуясь основными положениями рассмотренных теоретических школ, можно прийти к выводу, что многие современные так называемые государства средней мощи не являются таковыми, а реальные средние государства не стремятся к тому, чтобы их расценивали таким образом. Кроме того, пока существует общее, абстрактное понимание термина “государство средней мощи”, многие подходы и теоретические школы не будут стремиться к объективности в определении этого понятия.

Этот краткий анализ объясняет, почему Канада и другие государства ведут борьбу за право называться государствами средней мощи. Для многих государств статус – это мощь в международном сообществе, лучший способ для собственного позиционирования в международной системе и продвижению национальных интересов, пусть даже на фоне иллюзорного международного влияния.

Примечания:

1. *Chapnick A. The middle power // Canadian Foreign Policy. 1999. Vol.7. №2. - P. 73-82.*
2. *Granatstein, J.L. Canadian Foreign Policy Since 1945: Middle Power or Satellite? Toronto: Copp Clark Publishing Company, 1970. – P. 2.*
3. *Fraser B. Canada: Mediator or Busybody? Toronto: Canadian Institute for International Affairs, 1966. - P. 7.*
4. *Gelber L. Canada's New Stature (1945-46) // Foreign Affairs. 1947. №24 (October-July). - P.334.*
5. *Wood B. The Middle Powers and the General Interest. Ottawa: The North-South Institute, 1988. - P. 4.*
6. *Cox R.T. Middlepowermanship, Japan, and the Future World Order // International Journal. 1989. №44 (Autumn). – P. 827.*
7. *Bélanger L., Mace G. Middle Powers and Regionalism in the Americas,” in Andrew F. Cooper (ed.) Niche Diplomacy: Middle Powers after the Cold War. Great Britain: Macmillan Press, 1997. - P.167.*
8. *Lyon P.V. and Brian W. T. Canada as an International Actor. Toronto: Macmillan Press, 1979. - P. 12-13.*
9. *Cooper A.F. Niche Diplomacy: A Conceptual Overview in Andrew F. Cooper, Richard A. Higgott and Kim Richard Nossal Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World. Vancouver: UBC Press, 1993. - P. 21.*

10. Dewitt D.B. and John J. K. *Canada as a Principal Power*. Toronto: John Wiley & Sons, 1983. - P. 22.
11. Mitrany D *The Progress of International Government*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1933. - P.107.
12. Gelber L. *Canada's New Stature (1945-46)* // *Foreign Affairs* 1947. №24 (October-July). - P.353.
13. Holmes J. *Canada: A Middle-Aged Power*. Ottawa: McClelland and Stewart, 1967.
14. Holbraad C. *Middle Powers in International Politics* *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan, 1984. - P.89-90.
15. Andrew A. *Defence by Other Means: Diplomacy for the Underdog*. Toronto: Canadian Institute for International Affairs, 1970. - P 23.

II. ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XX В.

ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ: ПУТЬ К СВЯТОСТИ
(О ПРОБЛЕМЕ КАНОНИЗАЦИИ КРЕСТИТЕЛЯ РУСИ)

А.А. Роменский

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Статья посвящена определению времени канонизации князя Владимира Святославича (978-1015) на основании анализа лексики источников и сложившейся в Православной Церкви практики причтения к лику святых. Вопрос о канонизации рассматривается в связи с историей написания агиографических памятников о Владимире, которые можно объединить в рамках «Владимировского цикла». Представляется, что канонизация Владимира произошла не позже середины XIII в.

Ключевые слова: Владимир, канонизация, жития, «Владимировский цикл», блаженство, святость.

VLADIMIR SVYATOSLAVICH: THE WAY TO SANCTITY (TO THE PROBLEM OF CANONIZATION OF THE BAPTIST OF RUS)

A.A. Romensky

V.N. Karazin Kharkiv National University

The paper is devoted to the identification of Prince Vladimir Svyatoslavich's time of canonization. The research was taking place on the basis of the analysis of the sources vocabulary and Orthodox Church canonization practice. It considers the history of some hagiographical monuments united within "St. Vladimir's Cycle". Canonization seems to have taken place till the middle of the 13th century.

Key words: Vladimir, canonization, hagiography, "St. Vladimir's Cycle", beatitude, sanctity.

Эпоха князя Владимира Святославича оставила глубокий след и в истории Руси, и в сознании современников и потомков этого деятеля. Между тем нерешенным остается вопрос о том, когда и каким образом былинный Владимир «Красно солнышко» превратился в Святого и равноапостольного, чтимого, прежде всего за заслуги перед христианской Церковью. Разъяснение указанной проблемы не касается, как это может показаться с первого взгляда, только жанра исторической биографистики либо агиографии: история церковного почитания Владимира тесно связана с историей становления Русской Церкви, оформления её культа, распространения христианства среди восточных славян. Кроме того, вопрос о канонизации Владимира важен и с источниковедческой точки зрения, при изучении комплекса житий, повестей, сказаний и похвальных слов, посвященных Владимиру, которые в их совокупности можно назвать «Владимировским циклом». К числу таких произведений относятся: реконструируемая исследователями летописная «Повесть о крещении Руси»¹, «Похвала Владимиру» в составе «Слова о законе и благодати» Илариона², «Память и похвала» Иакова с «древним» житием в её составе³, жития «обычное»⁴, проложное⁵, распространённое проложное⁶, особого состава⁷, «Слово о том, како крестися Владимир»⁸, ряд поздних украинских житий XVII в.⁹ Агиографические произведения о Владимире известны также в сербской и болгарской литературах¹⁰. Жития как специфический жанр средневековой церковной литературы создавались либо при подготовке канонизации определенного лица Церковью, либо сразу после нее. Составление их нужно рассматривать как обязанность (послушание) автора - духовного лица¹¹, поэтому сам факт существования подобного произведения указывает на церковное почитание героя жития в качестве местночтимого либо общепочитаемого святого. Таким образом, вопрос о времени написания агиографических памятников напрямую связан с временем причтения подвижника благочестия к лику святых, чему и посвящена данная работа.

Terminus ante quem рассматриваемого хронологического промежутка естественно определяется самым ранним из дошедших списков житий Владимира в Прологе 1-й пол. XIII в. (список ГИМ. Щук. N97)¹². К XIII в. относится и древнейшая редакция службы Святому Владимиру¹³. Непреложным доказательством почитания Владимира как святого служит сообщение Новгородской первой летописи о сооружении церкви его имени в 1311 г.¹⁴ Terminus post quem зависит от даты канонизации Владимира хотя бы как местного святого, - во всяком случае не ранее времени написания похвального слова Илариона.

Разнообразие существующих точек зрения можно свести к таким гипотетическим концепциям: канонизация в домонгольское время, преимущественно в XI в. – митрополит Макарий¹⁵, Н.К. Никольский¹⁶, Н.И. Серебрянский¹⁷, В.О. Ключевский¹⁸; канонизация не ранее 1240 г. (между 15. 07. и 6. 12. 1240 г., как произвольно полагал И.И. Малышевский¹⁹, в 1240-1263 гг., по Е.Е. Голубинскому²⁰, во второй половине XIII в., согласно Г.П. Федотову²¹ и т.д.). Существуют и компромиссные решения вопроса. А.В. Поппэ считает, что канонизации как церковной процедуры так и не было произведено, а почитание Владимира усилилось в кон. XIII – нач. XIV в.²² По мнению А.В. Назаренко, включение имени Владимира в святцы происходит не раньше второй половины XIII в., хотя местное церковное почитание восходит к более раннему периоду²³. Трудно объяснимой выглядит попытка А.С. Хорошева поставить христианский акт канонизации в зависимость от языческого культа предков²⁴.

Аргументы сторонников ранней (в диапазоне второй половины XI – XII вв.) канонизации основываются на данных «Похвалы» Илариона и «Памяти и похвалы» Иакова, которые ясно говорят о почитании русскими людьми памяти крестителя («...твоя бо щедроты и милостыня и ныне в человецех поминаемы суть»²⁵; «...слышав от многих о благовернем князе Володимери... написах...»²⁶), кроме того, эпитет «святой» впервые прилагается к Владимиру уже в «Похвале и мучении святых мученик Бориса и Глеба» второй половины XII в.²⁷, где автор-черниговец обращается к правнукам крестителя: «Какова имейте святого князя Владимира...»²⁸.

Противоположная точка зрения основывается: 1) на указаниях житий и летописи о недостаточном воздаянии современников князю и на отсутствие чудотворений: «Не дивимся, възлюбленей, аще чудес не творить по смерти...» («Память и похвала»²⁹); «Дивно же есть се: колико добра створил Русстеи земли, крестив ю, мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью... Да аще быхом имели потыщание и мольбу приносили Богу за нь... прославил бы и» («Обычное житие»; практически то же в статье летописца под 1015 г.)³⁰; 2) на отсутствии имени Владимира в южнославянских месяцесловах XIV в., опиравшихся, в свою очередь, через болгарское посредство на древнерусские оригиналы³¹ (это мнение следует признать ошибочным; князь Владимир упоминается в сербском Прологе XIII в. под 2 мая, вместе с сыновьями-мучениками)³². К тому же имя Владимир в древнерусский период так и не стало крестильным³³. И. И. Малышевский и Е. Е. Голубинский обращали внимание на известие Лаврентьевской летописи (в Житии Александра Невского под 1263 г.) о Невской битве 15. 07. 1240, где летописец среди прочих святых, память которых праздновалась в этот день, называет и «святого князя Володимера, крестившаго Русскую землю»³⁴. Однако в других источниках это упоминание отсутствует. Как видно, аргументация обеих сторон довольно шаткая.

Попытаемся предложить возможный вариант исчисления времени канонизации Владимира, исходя из: 1) контент-анализа лексики источников и 2) обычной практики канонизации Византийской Церкви. Исходными точками при поиске будут служить даты: 1037-1050 гг. как наиболее вероятное время появления первого памятника литературы о Владимире – «Похвалы» в составе «Слова» Илариона³⁵ и первая треть XIII в., когда уже существовало проложное житие князя³⁶.

Итак, наиболее распространенные эпитеты и характеристики, применяющиеся к князю в древнейших памятниках («Похвале» Илариона, «Памяти...» Иакова, «Чтении...» Нестора, Повести временных лет): «блаженик» (Иларион)³⁷, «блаженный» (Иаков³⁸, летописная статья 1015 года³⁹), «благоверный» (все три автора⁴⁰), «во владыках апостол» либо «апостол в князих» (Иларион⁴¹, Иаков⁴²), подобник Константина (во всех источниках)⁴³. Возникает вопрос о соотношении слов «блаженный» и «святой» в древнерусском языке. Мних Иаков, называя крестителя благоверным и блаженным, все же нигде не употребляет слова «святой», тогда как братьев Бориса и Глеба, канонизованных уже в третьей четверти XI в., он называет именно так. К тому же и «Память», и ПВЛ вместе с «Обычным житием» согласно говорят об отсутствии чудотворений, бывших одним из наиболее весомых аргументов при канонизации в Греческой и Русской Церкви. Е.Е. Голубинский считал, что только чудеса были основанием для канонизации в домонгольское время⁴⁴, а Г.П. Федотов привел *argumentum ex silentio*: в летописи нигде не говорится о торжествах по прославлению памяти Владимира с участием высшей светской и духовной власти⁴⁵.

Что же значило слово «блаженный» в языке той эпохи? Изучая древнейшие на Руси жития Борисоглебского цикла, можно заметить, что в ряде случаев слова «блаженный» и «святой» синонимичны (так, «Чтение...» Нестора в составе Сильвестровского сборника озаглавлено

«Месяца иуля в 24. Чтение о житии и погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба»; далее к ним равнозначно прилагаются эпитеты «блаженный» и «святой»⁴⁶ - сомневаться в том, что оба брата-мученика были канонизированы уже в третьей четверти XI в. (если не раньше), не приходится. Синонимии терминов «блаженный» и «святой» заметил при анализе «Памяти и похвалы» и А.И. Соболевский⁴⁷. Протоиерей Г. Дьяченко сообщает, что словом «блаженный» Церковь в числе других называет и «сокровенных святых, работавших и угодивших Богу втайне», а также «тех святых, коих святость засвидетельствована не только славою собственных дел их... сколько доказана свидетельством других»⁴⁸. По мнению ряда чешских ученых, старославянское слово «блажник» в ряде случаев означало святого⁴⁹.

Имелись ли какие-нибудь основания для причтения Владимира к лику святых, ведь чудес при его мощах не наблюдалось, а жизнь князя, сообразно описанию большинства источников, была далека от идеалов аскетизма и христианского воздержания? Анализ практики составления византийских синаксарей позволяет придти к положительному ответу. К XI в. Православная Церковь выработала специфические нормы канонизации и обоснования святости своих членов. Все святые в ней подразделялись на три группы: 1) святые *а priori*, чей статус признавался на основании особых заслуг перед Церковью - ветхозаветные патриархи и пророки, новозаветные апостолы, святители в период до разделения Церквей, а также ряд светских правителей – императоров и императриц, признаваемых равноапостольными и благоверными; 2) мученики; 3) святые, святость которых засвидетельствована дарами Св. Духа, в том числе чудотворениями⁵⁰. Г.П. Федотов отмечает, что древнерусские князья не могут сравниваться с василевсами Романии по причине особого положения последних как глав Церкви⁵¹; на это можно возразить, что креститель Руси вследствие своего родства с правящим в Византии императорским домом имел более высокий статус во властной иерархии, чем «обычный» князь.

«Слово о законе и благодати» Илариона Киевского, давно и справедливо трактуемое как апология и прославление молодого русского христианства, может также считаться «заявкой на почитание князя Владимира»⁵². «Похвала кагану нашему Владимиру» в составе «Слова...» определенно говорит об усилиях его преемника, князя Ярослава Владимировича, по прославлению памяти отца («...какая ты чести Господь тамо сподобил и на земли не беспамятна оставил сыном твоим...»)⁵³, хотя конкретные шаги, к сожалению, остались неизвестными. Поскольку общецерковной канонизации чаще всего предшествовала местная⁵⁴ и здесь почин обычно исходил от местного архиерея, наиболее вероятным временем этого акта представляется первая половина 50-х гг. XI в. (между 1051 и 1055 гг.), когда Киевскую митрополию возглавлял ставленник Ярослава Иларион, произведение которого, написанное раньше, имело целью прославить заслуги «...во владыках апостола»⁵⁵. Практику церковного почитания Св. Владимира вместе со Св. Ольгой доказывает само существование «Памяти и похвалы», которая развеивала сомнения отрицающих святость Владимира⁵⁶ (не отрицая многослойность памятника, присоединимся к мнению Н.И. Серебрянского о его составлении в сохранившемся виде уже в домонгольское время)⁵⁷.

Весьма вероятно сосуществование почитания Св. Владимира с культом его сыновей, Бориса и Глеба. Упоминание о чтении Жития «... князя Володимира, в том есть и мучение Святою Бориса и Глеба» имеется в Студийском богослужебном уставе кон. XII - нач. XIII в. Кроме того, в новгородской берестяной грамоте №906 3-й четв. XI в., в перечне святых есть имя «отча Василья, и Бориса, и Глеба»⁵⁸. Изображение Равноапостольного отца вместе с сыновьями-мучениками обычно в иконографической практике⁵⁹. Местнопочитаемые святые не всегда вносились в святцы. К нач. XII в., когда, по-видимому, окончательно оформилась летописная легенда о крещении князя, вошедшая в ПВЛ, местное почитание еще не стало общепризнанным, что подтверждает фраза летописца «Дивно есть се колико добра створил Руской земли, крестив ю, мы же, крестьяне суще, и (не) въздаем почестья противу оногo възданью»⁶⁰. Если учесть, что «Слово о князях», называющее Владимира святым, согласно весомой аргументации П.В. Голубовского, было создано около 1175 г.⁶¹, а древнейший список проложного жития восходит к домонгольскому протографу⁶², наиболее вероятным временем общерусской канонизации Владимира представляется 2-я пол. XII - нач. XIII вв. В XIII в. культ Святого крестителя уже несомненно существует, что доказывает и наличие церковной службы ему⁶³, и летописные упоминания⁶⁴. Вместе с тем следует признать, что оформление церковного почитания не было одномоментным актом, здесь можно выделить несколько периодов: 1) сер. XI - XII вв. - зарождение церковного почитания Владимира, первоначально вместе с сыновьями, Борисом и Глебом, создание первых похвальных слов и агиографических произведений («Слово о законе и благода-

ти», «Память и похвала...» с «древним житием» в её составе); 2) 2-я пол. XII – 1-я пол. XIII вв. - выделение культа Владимира из состава Борисоглебского культа, написание службы Св. Владимиру и Проложного жития; 3) 2-я пол. XIII - XV вв. - дальнейшее развитие культа Святого, преимущественно на Севере и Северо-Востоке Руси, в Новгороде⁶⁵, княжествах Владимиро-Суздальском и Московском, появление храмов, носящих имя Крестителя Руси; 4) XVI-XVII вв. - усиление чествования и его окончательное оформление в Московской Руси, в ходе Макариевых соборов 1547-49 гг.⁶⁶, где Владимир выступал в качестве Святого предка - патрона династии потомков Калиты, и в XVII в., на Украине, где усилиями Петра Могилы была открыта часть мощей князя при исследовании руин Десятинной церкви⁶⁷, а его культ во многом обрел национальный колорит⁶⁸.

Примечания:

1. Текст предполагаемой «повести» включает летописные статьи 6494 – 6496 гг. См.: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.1. – С. 84-122; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т.2. – С. 71-106; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. – С. 132-160. Точки зрения о «повести»: Лихачев Д.С. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк. // Повесть временных лет. М.- Л., 1950. Ч.2. – С. 75-89; Котляр М.Ф. Літописна повість про «хрещення Русі» як історичне джерело // УДЖ. 1987. № 6. – С. 65-76; Брайчевський М.Ю. Утвердження християнства на Русі. К., 1988. – С. 133-139.
2. Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского // Византиноведение. 2005. Т.3. – С. 141-152.
3. Зимин А.А. Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения. 1963. №37. – С. 66-72.
4. Житие блаженнаго Володимера // Христианское Чтение. 1849. Ч.2. – С. 328-335.
5. Проложное житие князя Владимира // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1888. Т.2. Отд.2. – С. 28-30.
6. Распространенное проложное житие князя Владимира // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1888. Т. 2. Отд. 2. – С. 30-32.
7. Житие князя Владимира особого состава // Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906. – С. 46-49.
8. Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь // Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности №№ I-XXIII // Сборник отделения русского языка и словесности. 1907. Т.82. №4. – С. 1-24.
9. Житіє князя Володимера // Українська література XVII ст. Київ., 1987. – С. 403-413.
10. Чекова И. Святые и жития – аспекты изучения // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. №4. – С. 77.
11. Ужанков А.Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. №3. – С. 30.
12. Турилов А.А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в // *Palaeobulgarica*. 1999. Година 23. №1. – С. 23, прим. 17.
13. Славнитский М. Канонизация Св.князя Владимира и службы ему по памятникам XIII – XVII вв. // Странник. 1882. Т.2. №7. – С. 205-210.
14. Васильев В.П. История канонизации русских святых // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1893. Кн.3 (166). – С. 78.
15. Макарий. История Русской Церкви. М., 1868. Т.1. – С. 95-96.
16. Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X – XI вв.). СПб., 1906. – С. 232.
17. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн.3. – С. 58-59.
18. Ключевский В.О. Источники русской истории // Сочинения в 9 тт. Т.7. – С. 67.
19. Мальшевский И.И. Когда и где впервые установлено празднование памяти Св. Владимира 15 июля? // Труды Киевской духовной академии. 1882. Т.1. – С. 55.
20. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви // Богословский вестник. 1894. Т.3. №7. – С. 78-79.
21. Федотов Г.П. Канонизация Св. Владимира. – http://www.krotov.info/library/21_f/fed/otov_35.html
22. Поппэ А.В. Становление почитания Владимира Великого. // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII вв. М., 1990. Ч.2. 1990. – С. 230-231.
23. Назаренко А.В. Древняя Русь... - С. 435.
24. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). М., 1986. – С. 48.
25. Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати»... – С. 146.
26. Зимин А.А. Память и похвала Иакова мниха... – С. 67.

27. Зайцев А.К. Слово о князьях // Письменные памятники истории древней Руси. СПб., 2003. – С. 189.
28. Похвала и мучение святых мученик Бориса и Глеба // Жития свв. Мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подготовил к печати Д.И. Абрамович. Прага, 1916. – С. 129.
29. Зимин А.А. Память и похвала... – С. 70.
30. Зимин А.А. Память и похвала... – С. 75; Ипатьевская летопись. – С. 118.
31. Федотов Г.П. Канонизация Св. Владимира // Журнал московской патриархии. 1999. №7. – <http://212.188.13.168/izdat/JMp/JMP.htm>
32. П.С. Чествование памяти Св. равноапостольного князя Владимира в Древней Руси, в южном и западном славянстве // Прибавление к церковным ведомостям. 1888. №29. – С. 769.
33. Поппэ А.В. Становление почитания Владимира Великого. – С. 230.
34. Лаврентьевская летопись. – С. 479-480.
35. Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. – С. 4-5.
36. Турилов А.А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в // *Palaeobulgarica*. 1999. Година 23. №1. – С. 23, прим. 17.
37. Аментьев К.К. «Слово о законе и благодати»... - С. 145, 147.
38. Зимин А.А. Память и похвала... - С. 68; и далее по всему тексту.
39. Лаврентьевская летопись. – С. 131; Ипатьевская летопись. – С. 116.
40. Аментьев К.К. «Слово о законе и благодати»... - С. 143-144, 147; Зимин А.А. Память и похвала... - С. 67; Чтение о Свв. мучениках Борисе и Глебе // Жития Свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. - С. 5-6.
41. Аментьев К.К. «Слово о законе и благодати»... - С. 145.
42. Зимин А. А. Память и похвала... - С. 68.
43. Аментьев К.К. «Слово о законе и благодати»... - С. 147; Зимин А.А. Память и похвала... - С. 68 – 69; Чтение о Свв. мучениках... - С. 4; Лаврентьевская летопись. – С. 131 – 132; Ипатьевская летопись. – С. 116.
44. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви // Богословский вестник. 1894. Т.4. №10. – С. 69-70.
45. Федотов Г.П. Канонизация Св. Владимира // Журнал московской патриархии. 1999. №7. – <http://212.188.13.168/izdat/JMp/JMP.htm>
46. Чтение о свв. мучениках Борисе и Глебе. – С. 1, 5 и сл.
47. Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. Ч.257. июнь. – С. 397; Он же. «Память и похвала св. Владимиру» и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе // Христианское Чтение. 1890. № 5 – 6 (май – июнь). – С. 792-795.
48. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 2007. – С. 47.
49. Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т.1. - С. 109.
50. Голубинский Е.Е. История канонизации... - С. 420-426.
51. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990. – С. 90.
52. Филипповский Г.Ю. Мотив движения христианских реликвий в динамике средневековой литературы и культуры Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. №4. – С. 75.
53. Аментьев К.К. «Слово о законе и благодати»... - С. 149.
54. Голубинский Е.Е. История канонизации... - С. 426.
55. В.М. Лурье отмечает, что в 1040-е гг. формируется легенда о Св. Владимире как апостоле Руси. См.: Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. – С. 52.
56. Назаренко А.В. Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия. М., 2004. Т.8. – С. 690.
57. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. – С. 47-48.
58. Успенский Б.А. Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // *Palaeoslavica*. 2002. Т.10. №2. – С. 273-274.
59. Петров Н.И. Древние изображения Святого Владимира // Труды Киевской духовной академии. 1888. Т.2. №7. – С. 443-462.
60. Ипатьевская летопись. – С. 118.
61. Голубовский П.В. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате // Древности. Труды археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. 1899. Т.1. Вып.3. 1899. – С. 502.
62. Турилов А.А. Две забытые даты... - С. 23, прим. 17; Успенский Б.А. Когда был канонизирован... – С. 273.
63. Славнитский М. Канонизация Св. князя Владимира... – С. 205-210.
64. Лаврентьевская летопись. – С. 479-480; П.С. Чествование памяти... - С. 767.
65. Хорошев А.С. Указ. соч. – С. 85-87.
66. Там же. – С. 171.
67. П.С. Чествование памяти... - С. 770; Каргер М.К. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1940. Вып.7. – С. 79-80.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА НАКАНУНЕ ОРДЫНСКОГО НАШЕСТВИЯ

С.А. Петров

Белгородский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической ситуацией в Рязанской земле накануне ордынского нашествия. Среди этих вопросов причины, способы и результаты борьбы князей за власть. Предпринята попытка определения границ княжества.

Ключевые слова: Рязанская земля, летописи, борьба за власть.

POLITICAL POSITION OF THE RYAZAN PRINCEDOM ON THE DAY BEFORE ORDYN INVASION

S.A.Petrov

Belgorod State University

In the article there is consideration of questions about political situation in the Ryazan land the day before Ordyn invasion. This is questions about the reasons, methods and results of princes' struggle for the power. There was assumed an attempt of determination the boundaries of the principality.

Key words: the Ryazan earth, annals, struggle for the power.

К XII в. на Руси сложилось тринадцать независимых территориальных единиц, получивших названия «земель»: Полоцкая, Киевская, Новгородская, Псковская, Турово-Пинская, Галицкая, Ростово-Суздальская, Смоленская, Волынская, Переяславская, Черниговская, Муромская и Рязанская¹. После съезда князей в Любече в 1097 г. Черниговская земля, а вместе с ней и Муромо-Рязанская, отошла к потомкам Святослава Ярославича - одного из сыновей Ярослава Мудрого - Давиду, Олегу и Ярославу².

В 1127 г. под давлением Всеволода Ольговича Ярослав Святославич был вынужден уйти с Чернигова княжить в Муром³, т.е. фактически произошло отделение от Чернигова Муромо-рязанской земли.

По словам М. П. Погодина, «пределы княжеств беспрестанно изменялись, да их почти и не было, а были пределы временных владений княжеских»⁴. Тем не менее, схематично определить границы Рязанской земли возможно.

Соседями Рязанской земли во второй половине XII – 1-й четв. XIII вв. были княжества: Черниговское, Ростово-Суздальское, Муромское. На юге проходила граница с половцами.

Для Рязанской земли крайне важным являлось соседство со Степью. Еще со времен Владимира I Степь являлась постоянным источником угрозы нападения кочевников. Впоследствии князь с ними не только воевали, но и торговали, а также привлекали в качестве наемников себе на службу. Письменные сведения по определению границы со Степью малочисленны.

В 1208 г. Лаврентьевская летопись, при описании осады Пронска Всеволодом отмечалось, что после блокады всех ворот города «самъ князь великыи ста за рѣкою с поля Половецкаго с сынам своима Юргем и Володимером и с нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича»⁵. Летописец прямо называет территорию к югу от Пронска и р. Прони «полем половецким», однако считать его границей Степи и Рязанской земли преждевременно. Пронск был самым крупным городом на юге Рязанской земли. Логично предположить, что именно сюда приходили половцы торговать, приходили из-за реки Прони, т.е. выражение «поле половецкое» отражает довольно абстрактные представления летописца о половецкой территории к югу от р. Прони, но не реальную границу. С.А. Плетнева писала: «Кочевые орды с огромными стадами занимали все удобные для кочевий слабо защищенные и малонаселенные земли и держались на них до тех пор, пока более сильный противник не вытеснял их с этих земель. Поэтому даже границы с земледельческими сильными феодальными государствами не могли быть постоянными: в любое время, когда это представлялось возможным, кочевники захватывали окраинные территории, разоряли население, сжигали поселки и пригоняли скот на возделанные поля»⁶.

Существуют письменные источники о распространении власти Рязанской земли на «Воронеж». Лаврентьевская летопись за 1177 г. упоминала р. Воронеж, куда отправились рязанцы

в поисках «ворога» Ярополка Ростиславовича, чтобы выдать его князю Всеволоду⁷. Поездка их была осуществима лишь в том случае, если эта территория действительно была рязанской. В 1237 г. река Воронеж выступает, согласно Новгородской первой летописи, местом встречи рязанского и татарского войск⁸.

Археологическое изучение славянских поселений бассейна р. Воронеж привело Н. А. Тропина к следующим выводам: «К сер. XIII в. волость «Воронеж» занимала почти весь бассейн р. Воронеж»⁹; «Граница княжества во второй половине XII – 1-й пол. XIII в. проходила по правому берегу р. Дон до устья р. Воронеж. Юго-западные пределы княжества в это время включали бассейн р. Воронеж полностью»¹⁰.

Северная граница Рязанской земли связана с окскими городами Коломной («князь же Всеволод возвратися от Коломны и приде опять в свою землю»¹¹) и Ростиславлем и была изучена еще А. Н. Насоновым¹².

Рубежом Рязанской земли на востоке, по мнению А. Н. Насонова, было устье р. Пры с известным по летописям населенным пунктом Копоново¹³ (или Поново), до которого дошли войска князя Всеволода: «Перебродивше Оку идоша к Попову и взяша села вся и полонь мнозь и възвратишася в своя си опять землю ихъ пуну створивше и пожгоша всю»¹⁴. Далее по Оке, в районе Касимова, на смену вятичским поселениям приходят кривичские¹⁵.

Сложным вопросом остается определение рязано-черниговского порубежья. Несмотря на полуторавековое изучение¹⁶, исследователи не пришли к окончательным выводам, в силу специфики источниковой базы. Известия ранних летописей не позволяют провести четкую границу земель, а поздние сведения Никоновской, как доказал А. Н. Насонов, фантастичны¹⁷. Археология в данном вопросе дает мало информации. Тем не менее, традиционно западную границу помещают между черниговскими городами Дедославлем и Колтеском и рязанскими Ростиславлем и Пронском, верховья Дона считаются рязанскими¹⁸.

Соседство Рязанской земли с Черниговской, Владимиро-суздальской и половецкой оказывало значительное влияние на ее внутреннюю жизнь и расширяло возможности для борьбы за власть между рязанскими князьями, которых с 1174 по 1237 гг., согласно А. В. Экземплярскому, было 30¹⁹. Большая конкуренция способствовала поиску различных вариантов достижения власти: создание союзов одних родственников против других; использование половцев в качестве наёмников; опора рязанских князей на киевских, черниговских, смоленских или владими́ро-суздальских. Выбор того или иного способа зависел от разных условий - личностных, внешнеполитических, экономических.

Неоднократные столкновения рязанских князей с великим владимирским князем Всеволодом в посл. трети XII – 1-м десят. XIII вв.²⁰ завершились победой последнего в 1208 г. Согласно Лаврентьевской летописи и летописцу Переяславля-Суздальского, собираясь в поход против Ольговичей, была весть Всеволоду, «оже рязаньстии князи свѣщалися сут со Олговичи на нь а идуть на лъстех к нему»²¹. К месту встречи на Оке прибыли: Глебовичи Роман и Святослав (с двумя сыновьями), Игоревичи Ингварь и Юрий, Владимировичи Глеб и Олег, а также Давид Муромский²². После того, как «Глѣбъ же и Олегъ Володимерича братичича им своя пришедшее обличиста ихъ»²³, великий владимирский князь «повелѣ изымати ихъ [всех рязанских князей кроме Владимировичей] с своими думцами и вести ихъ в Володимерь»²⁴. Следующим шагом Всеволода было подчинение Пронска и Рязани. Пронский князь Кир Михаил бежал к своему тестю в Чернигов, обороной города занялся Изяслав Владимирович.

В результате последующего вторжения войска Всеволода в Рязанскую землю Пронск сдался, а Олег Владимирович в отдельном бою разбил князя Романа: «побѣди Олегъ Романа и възвратишася наши опять к Проньску с побѣдою ко князю великому... князь же великий омиривъ их и посади у них Олга Володимерича а сам поиде к Рязаню посадники посажавъ своѣ по всѣм городом ихъ»²⁵.

Здесь информация летописца Переяславля-Суздальского и Лаврентьевской летописи расходится. Первый источник в качестве посадника в Пронске называет не Олега Владимировича (княжение его в Пронске сомнительно, так как во всех остальных городах были посажены посадники Всеволода, а этот город не был отчиной Олега), а деда Муромского князя Ослядюка, в Рязани же стал княжить сын Всеволода Ярослав²⁶. Получается, что клеветники Глеб и Олег не получили никакой новой волости и, более того, в крупнейших городах рязанской земли княжили посадники Всеволода. В 1209 г. под давлением Олега, Глеба, Изяслава Владимировичей

вместе с Кир Михаилом и половецкими наемниками Ослядюк был вынужден уйти из Пронска, где на княжение сел Кир Михаил²⁷. Борьба за возвращение власти продолжилась, так как в том же году Ярослав обращается за помощью к отцу, поведав «беду» свою. Видимо, рязанская знать была недовольна правлением чуждого им князя Ярослава Всеволодовича и предприняла попытки его свержения. О серьезности намерений рязанцев свидетельствует реакция великого князя Всеволода: «Пожъже Рязань всю и иныхъ городовъ много пожгоша, и села все повоеваша и, сътворивъ землю ихъ пугу, поймавъ люди вси, и иде к Володимирю и розосла ихъ по свонмъ городомъ»²⁸.

Информация Лаврентьевской летописи похожа, но последовательность событий, по нашему убеждению, нарушена и в отдельных моментах неточна. Так, подойдя к Рязани, Всеволод якобы прислушался к мольбам епископа Арсения не разорять город и пошел к Коломне, но вскоре прислал своего сына Ярослава княжить в Рязани²⁹. Получается, что «по всем городом ихъ» наместники были поставлены сразу, и только в Рязани спустя время. Логичнее было сразу поставить Ярослава на княжение.

В 1210 г. «поиде Изяславъ Володимировичъ и Кюрь Михаило Всеволодовичъ с Половци на великого князя Всеволода...и победи Гюрги Всеволодичъ Изяславль полкъ Володимирича»³⁰. Как мы видим, в ответном походе на Всеволода не участвуют Глеб и Олег (умер в 1209 г.³¹). Можно предположить, что Глеб или не участвовал в походе, или был пленен в 1209 г. и отправлен во Владимир. Второй вариант представляется верным, так как летописцы вплоть до 1217 г. не фиксируют никаких княжеских распрей. В случае же нахождения Глеба в 1209-1212 гг. в Рязанской земле, он, скорее всего, предпринял бы очередную попытку борьбы за власть с оставшимися после пленения 1208 г. князьями.

В 1212 году Юрий Всеволодович «отпусти и князи рязаньскыя в Рязань, и епископа ихъ Арсения, и вся люди рязаньскыя и идоша каждо в своя си»³².

Данный поступок был обусловлен трудным положением Юрия, вынужденного вести борьбу со своим братом Константином, и не желавшего поэтому иметь проблемы еще и с Рязанской землей.

В 1217 г., согласно Лаврентьевской и Новгородской первой летописям, «Глѣбъ князь Рязаньскыи Володимеричъ наущенъ сотоною на братоубиство... имѣя поспѣшника брата своего Костянтина»³³ решил захватить земли своих братьев: родного брата Изяслава, и шестерых двоюродных - Кир Михаил Всеволодович, Ингварь, Глеб и Роман Игоревичи, Святослав и Ростислав Святославичи. Данный способ был выбран далеко не случайно. Борьба за власть между детьми Глеба Ростиславича показала его внукам непредсказуемость, сложность и экономическую невыгодность длительных военных действий ради захвата власти.

У заговорщиков были все шансы на успех. Во-первых, Глеб Владимирович после возвращения в 1212 г. князей рязанских, по нашему мнению, заключил с ними мир, на что есть лишь косвенные доказательства. Летописец Переяславля-Суздальского говорит о крестном целовании (по замечанию М.А. Дьяконова, синонимами договора, помимо «ряда» и «докончания» выступало крестное целование³⁴.) между Юрием Всеволодовичем и освободившимися из его плена рязанскими князьями³⁵. В плен они попали благодаря Глебу, следовательно, и с ним нужно было заключить мир. Кроме того, летописцы в 1212-1217 гг. не зафиксировали в Рязанской земле каких-либо войн и территориальных переделов. Наконец, в 1217 г. братья Глеба и Константина приняли предложение о встрече совершенно не опасаясь за свою жизнь. Все это говорит об имеющемся мирном соглашении между рязанскими князьями. Во-вторых, вместе с князьями прибыли их «боляры и слугы»³⁶ - люди более всех заинтересованные в княжении именно своего князя. В-третьих, с целью избежать огласки будущего убийства, заговорщики использовали доверенных людей и нейтральных к политической жизни Рязани половцев³⁷. Убийство братьев удалось осуществить; только Ингварь Игоревич не успел приехать.

Сразу же после убийства братьев, Константин и Глеб, согласно Московскому летописному своду, бегут к половцам³⁸. Рязанским князем становится Ингварь Игоревич, который в 1219 г. помешал Глебу захватить власть вооруженным путем: «Безаконьни Глѣбъ Володимеричъ приде со множеством Половецъ к Рязаню, и изиде противу имъ Ингварь съ своею братиею, и ступившимися обоимъ бишася крѣпко и... побѣди [И]нгварь злаго братоубицю Глѣба и многы от Половецъ избиша, а ины извязаша, а сам оканьныи в малѣ утече»³⁹. Московский лето-

писный свод дополняет информацию Лаврентьевской под 1219 г. участием на стороне Глеба его брата Константина⁴⁰.

Одержав победу под Рязанью, «того же лета князь Рязанский Ингварь присла к великому князю Георгию и къ брату его Ярославу, помочи просящее на Половце, и посласта к нему полка своа, и иде с ними на Половци. Они же слышавшее их бежаша, а кои не уйдоша, и тех избиша и взратишася въ свояси»⁴¹.

Несмотря на то, что в живых остался лишь Ингварь Игоревич, власть Глебу и Константину захватить не удалось. Решающими, по всей видимости, стали три фактора: 1. позиция рязанской знати, выступившей на стороне выжившего Ингвара Игоревича; 2. поддержка великого князя Юрия Всеволодовича; 3. отсутствие у Глеба экономических ресурсов для длительной борьбы за власть.

После событий 1217-1219 гг. летописные известия о Рязани отсутствуют вплоть до 1232 г., когда рязанские князья в составе войск Всеволода Юрьевича участвовали в успешном походе на Мордву⁴². С 1217 по 1235 в Рязанской земле правил Ингварь Игоревич, после смерти которого в 1235 г., согласно В.Н. Татищеву, осталось два сына – Юрий и Олег⁴³, а Воскресенская летопись говорит еще и о Романе⁴⁴.

Дальнейшие события политической истории Рязанской земли прослеживаются лишь по летописным известиям 1237 г. и циклу повестей о Николе Заразском⁴⁵.

Летописные известия, проясняющие генеалогию рязанских князей, фрагментарны. Ипатьевская и Новгородская первая летописи упоминают следующих князей в событиях 1237 г.: Юрий и Олег Ингваревичи, Роман Ингварович, Кир Михайлович, а также неопределенные «муромские и пронские»⁴⁶.

Цикл повестей о Николе Заразском состоит из нескольких неравнозначных произведений. Нас интересуют «воинские» повести, которые датируются А.О. Амелькиным XVI в⁴⁷. Использование «воинской» повести для выстраивания генеалогии рязанских князей затруднено спецификой источника и поздним временем его создания. Цель его написания заключена не в строгом изложении фактов, а в художественном описании зверств Батыя и подвигов рязанской знати и простых людей. По мнению Д.С. Лихачева, повесть «принадлежит к лучшим после Слова о полку Игореве произведениям древней русской литературы»⁴⁸.

Тем не менее, несмотря на явную «художественность», «воинская» повесть реконструирует рязанскую генеалогию следующим образом. Великим рязанским князем назван Юрий Ингоревич (умер в 1237 г.⁴⁹), в качестве его «братии» выступают: Всеволод Пронский (смерть в 1237 г.⁵⁰), Олег Ингоревич Красный (смерть в 1237 г.⁵¹), Давид Ингоревич Муромский (смерть в 1237 г.⁵²), Глеб Ингоревич Коломенский (смерть в 1237 г.⁵³), великий князь Ингварь/Ингор/Игорь/Юрий (одного человека в разных редакциях «воинской» повести называют Ингварем и Юрием. Летописные сведения о нем отсутствуют) Игоревич/Ингоревич. Упоминаются убитый под Коломной Роман Ингваревич⁵⁴, сын Юрия Ингоревича Федор (смерть в 1237 г.⁵⁵) и внук Иван Постник (смерть в 1237 г.⁵⁶).

Сопоставление летописных данных за 1237 г. и «воинской» повести привело исследователей к разным выводам.

Н.Г. Головин в «Родословной росписи потомков великого князя Рюрика» в качестве жены Игоря Глебовича называет Агрипину Ростиславовну, которая по «воинской» повести является матерью Юрия⁵⁷, а Ингвара Игоревича, правившего с 1217 г. по 1219 г.⁵⁸, братом Юрия⁵⁹. Д.И. Иловайский, а за ним и А.В. Экземлярский, в событиях 1237 г. обнаружил у рязанского князя Юрия Игоревича брата Олега Красного, сына Феодора и пятерых племянников Ингваревичей: Давида, Олега, Глеба, Романа, Ингвара⁶⁰ (в такой трактовке Юрий Игоревич является братом уцелевшего в 1217 г. Ингвара Игоревича). М.П. Погодин также считал братом Юрия Игоревича Олега Красного, а племянниками – Олега и Романа Ингваревичей⁶¹. А.Е. Пресняков писал, что «летописи спутали Игоревичей с Ингваревичами и тем создали мнимого Олега, брата Юрия Игоревича»⁶² и именно Ингвар Ингваревич был братом Олега и Романа, а не Юрий⁶³.

Таким образом, наибольшие трудности в рязанской генеалогии 30-х гг. XIII в. вызывают следующие вопросы: во-первых, установление степени родства между Юрием и Ингварем Игоревичем, Давидом, Глебом, Романом, Олегом Красным, Ингварем Ингваревичем, Всеволодом; во-вторых, выяснение реальности существования Олега Красного и Олега Ингоревича.

Источники не дают однозначного ответа на вопрос: приходится Юрий Ингварю Игоревичу братом или сыном. Можно лишь предположить, что если в 1217 г. Глеб и Константин хо-

тели убить всех претендующих на власть братьев, то Юрий должен был быть в числе приглашенных князей. Поскольку этого не произошло, он, вероятнее всего, является сыном Ингвара Игоревича.

При анализе «воинской» повести необходимо иметь в виду, что автор делает упор на *трагизм* батыева нашествия (погромы, смерти простых людей и князей), *героизм* рязанцев (сюжет с Евпатием Коловратом, имеющийся во всех редакциях «воинской» повести, мученическая смерть Олега Красного⁶⁴, гибель в бою многих князей), напоминание о великих предках («Сии бо государи рода Владимира Святославича – сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского»⁶⁵). Осложняет анализ и постоянное чередование «Ингваревич», «Ингоревич» в отчестве одних и тех же князей. Возможны различные объяснения данного чередования: 1. из рязанской генеалогии «выпал» брат Юрия князь Ингор, сыновьями которого и являются Давид, Глеб и Ингварь, но вряд ли летописи, отмечая одних братьев Юрия, не упомянули бы о других; 2. Ошибка переписчика; 3. По нашему мнению, главным для автора «воинской» повести была не историческая точность, а проведение параллели с князем Игорем и его известным походом 1185 г., т.е. четкое установление степени родства (брат – брат, дядя – племянник) между упоминавшимися князьями на основании отчества некорректно и, с учетом позднего характера источника, не представляется возможным.

Сомнительным выглядит и упоминание автором «воинской» повести Всеволода и его сына Кир Михаила, так как по летописным данным они умерли в 1207 и 1217 гг. соответственно. Получается, что или автор повести поясняет фразу «пронские князья»⁶⁶ Новгородской первой летописи, вводя тем самым двух новых князей, или, подчеркивая трагизм событий, специально допускает историческую неточность.

Как мы уже писали, согласно Новгородской первой летописи за 1237 г., Олег Ингваревич является братом рязанского князя Юрия Ингваревича, который, по данным Лаврентьевской и Симеоновской летописям, в 1252 г. вернулся от татар и в 1258 г. умер⁶⁷. Смерть Олега Ингоревича Красного в 1237 г. является вымыслом автора «воинской» повести.

Таким образом, политическая жизнь Рязанского княжества 1-й пол. XIII в. не отличалась стабильностью, князья активно использовали разнообразные способы для удовлетворения своих политических амбиций – заговоры, убийства, обман, помощь соседних русских земель и половцев. После неудачной попытки захвата власти Владимировичами в 1217 г., внутренняя жизнь Рязани стабилизировалась вплоть до ордынского нашествия 1237 г.

Примечания:

1. Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. М., 1996. - С. 6.
2. ПСРЛ Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. - С. 19.
3. ПСРЛ Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. - С. 10-11.
4. Погodin М.П. Русская история до монгольского ига. Т. 2. М., 1871. - С. 133.
5. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. - С. 432.
6. Плетнева С.А. Половецкая земля / Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. - С. 262.
7. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 385.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. - С. 74.
9. Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII-XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX-XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. - С. 248.
10. Там же. - С. 250.
11. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 384-385.
12. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. - С. 205-206.
13. Там же. - С. 207.
14. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 406.
15. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930. - С. 121.
16. Тропин Н.А. История изучения Чернигово-Рязанского порубежья // Отечественная археология XX века (исследователи, история исследований). Вып. 18. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2004. - С. 99-112.: http://www.allelets.ru/data/kraeved/kraeveditropin_nikolay_aleksandrovich/
17. Насонов А.Н. Указ соч. - С. 208-211.
18. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. - С. 103; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. - С. 144.
19. См. табл. «Родословная таблица князей рязанских, Муромских и пронских»: Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 2. Владетельные князья суздальско-нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб., 1891.

20. О внешней политике рязанских князей в последней трети XII-первом десятилетии XIII в см.: Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. - С. 69-87.
21. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 430.
22. Там же. - С. 430; Иловайский Д.И. Указ. соч. - С. 79.
23. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 431.
24. Там же. - С. 431.
25. Там же. - С. 432.
26. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214-1219 годом) / издан Н.М. Оболенским. М., 1851. - С. 108.
27. Там же. - С. 109.
28. Там же.
29. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 432-434.
30. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214-1219 годом) / издан Н. М. Оболенским. М., 1851. - С. 109.
31. Там же.
32. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 437
33. Там же. С. 440; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.-Л., 1950. - С. 57-58.
34. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. - С. 16.
35. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214-1219 годом) Н.М. Оболенским. М., 1851. - С. 111.
36. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 441.
37. Там же.
38. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. - С. 115.
39. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 444.
40. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в... - С. 116.
41. Там же.
42. ПСРЛ Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. - С. 54.
43. Татищев В.Н. История Российская. Кн. 3. М., 1774. - С. 465.
44. ПСРЛ Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб, 1856. - С. 243.
45. См.: Комарович В. Л. К литературной истории повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ, Т. V. М.-Л., 1947. - С. 57-72.
46. ПСРЛ Т. II. Ипатьевская летопись. - С. 175, 176; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950. - С. 74.
47. Амеликин А.О. Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина, №3-4. 1997. - С. 51.
48. Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском (тексты) // ТОДРЛ, Т. VII. М.-Л., 1949. - С. 258.
49. Там же. С. 291
50. Там же.
51. Там же. С. 389.
52. Там же. С. 290.
53. Там же. С. 291.
54. Там же. С. 357.
55. Там же. С. 289.
56. Там же.
57. Головин Н. Г. Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. - С. 16.
58. Н.Г. Головин не указывает источник информации о смерти Ингвара Игоревича в 1219 г.
59. Головин Н.Г. Указ. соч. - С. 20.
60. Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 128; Экземплярский А.В. Указ. соч. - С. 571, прим. 1842.
61. Погодин М.П. Указ. соч. - С. 813.
62. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Петроград, 1918. - С. 225, прим.
63. Там же. - С. 225, прим.
64. Лихачев Д. С. Указ. соч. - С. 291.
65. Там же. - С. 300.
66. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950. - С. 74.
67. ПСРЛ Т. XVIII. Симеоновская летопись... - С. 70, 71; ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись... - С. 473, 475.

РОЛЬ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ В ПОЯВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ МОСКОВИИ ВО 2-Й ПОЛ. XV В.

Д.Е. Богданов

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается одна из наиболее обоснованных и распространённых гипотез происхождения двуглавого орла в России. Эта гипотеза неразрывно связана с именем Софьи Палеолог. Её роль в истории России оценивается исследователями самым различным образом.

Ключевые слова: символ, герб, двуглавый орёл, Софья Палеолог, Русь.

SOPHIA PALEOLOGUE'S INFLUENCE ON MOSKOVJA STATE SYMBOLS' ORIGIN IN THE 2nd HALF OF XV C.

Bogdanov D.E.

Belgorod State University

The article covers one of the most worked out in the scientific society hypothesizes of Russian two-headed eagle's origin. It is supposed to be closely related to the name of Sophia Paleologue. Her role in history of Russia is differently taken up in the contemporary researches.

Key words: symbol, herb, two-headed eagle, Sophia Paleologue, Rus'

В наши дни исследователями выделяются различные гипотезы, связанные с появлением двуглавого орла в России. Но в данной статье, хотелось бы остановиться всего на одной из наиболее обоснованных и распространенных гипотез – «византийская» («традиционная»).

Гипотеза о византийском происхождении русского двуглавого орла основательно утвердилось в российском культурном сообществе и исторической науке во 2-й пол. XVIII-нач. XIX в., благодаря работам таких известных исследователей, как В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин¹. Они отмечали, что «12 ноября 1472 года в еще недостроенном Успенском соборе московский великий князь Иван III обвенчался с византийской принцессой Софьей Палеолог»².

С этого времени Русь переняла византийский герб - двуглавого орла, а великий князь московский начал именовать себя «господарем», что уже очень близко к титулу царя - «государь»³.

Прототип русского орла - византийский двуглавый орёл, обретший популярность при дворе Палеологов, действительно, попал в Москву через Софью, представительницу этой семьи. Тем не менее, Иван III заимствовал инсигнию не немедленно после женитьбы, а только через два с половиной десятилетия (самая ранняя сохранившаяся печать с двуглавым орлом датируется 1497 г.⁴). Есть все основания полагать, что двуглавый орёл появился на печатях князя после начала дипломатических отношений с Габсбургами (их эмблемой также был двуглавый орёл). Его использование в качестве эмблемы, по мнению В.А. Горшкова, должно было подчеркнуть, что московский правитель - при его претензиях на роль владыки всея Руси - имел не меньшие права притязать на эту инсигнию, чем Габсбурги⁵.

Данная версия постоянно присутствовала, в большей степени, в популярной литературе, кроме того, эти взгляды находили подтверждения и в некоторых монографических исследованиях и учебных курсах российской истории. Сегодня эту точку зрения разделяют, в основном, представители российских государственных структур и краеведы-любители. Данную гипотезу поддерживали многие дореволюционные исследователи, среди которых стоит упомянуть таких, как А.Б. Лакиер и В.К. Лукомский⁶.

Как можно заметить, проблема появления двуглавого орла непосредственно в Московии и в наше время является дискуссионной, но большинство исследователей всё же сходятся во мнении, что этот процесс неразрывно связан с личностью Софьи Палеолог.

До наших дней не сохранилось ни одного портретного изображения византийской принцессы. По данным Н.А. Соболевой, исследование костных останков Софьи в некрополе московского Кремля позволяет отчасти воссоздать её облик: женщина небольшого роста (160 см), страдавшая, в преклонном возрасте, гормональными нарушениями⁷.

В своей книге М.Л. Серяков приводит саркастическое описание Софьи поэтом Пульчи: «2 турецких литавра на груди, лицо - вспухшее, пара свиных щёк отвратительный подбородок и два глаза, стоящие четырёх»⁸.

С другой стороны, патрицианка Клара Орсини, присутствовавшая у неё на свадьбе нашла её довольно красивой, а болонские хронисты отметили её пребогатое одеяние и белизну кожи, свидетельствующую о знатности⁹.

Но вернёмся к историческим событиям второй половины XV в. В мае 1453 г. пал Константинополь. Последний император Византии - Константин XII - «бился, как солдат, с мечом в руках и погиб при штурме»¹⁰.

В 1460 г. младший брат императора - Фома Палеолог - «гнушаясь неверными, с женой, с детьми... ушел из Корфу в Рим»¹¹. Ушёл «для моления о всепомоществовании папу римского Пия II»¹² и, как пишет в своей книге М.Л. Серяков, не с пустыми руками, а со священной реликвией - головой апостола Андрея - и преподнёс её владыке католического мира, что не могло не вызвать благосклонность понтифика¹³.

В 1465 г. Фома Палеолог умер, за несколько месяцев до его смерти ушла из жизни его жена¹⁴. Остались два сына и семнадцатилетняя дочь Зоя (имя Софьи она получила на Руси). Заботу о юной сироте и братьях взял на себя кардинал Виссарион, который пытался воспитать из наследников православного императорского дома верных слуг католического Запада, используя для обращения верный, по его мнению, способ - материальный¹⁶.

Римский папа Павел II предложил руку Софьи европейским монархам, однако, его ждало разочарование, поскольку никто не хотел брать в жены нищую сироту, всё приданое которой «состояло из титула принцессы уже не существующей империи». Провалом закончились попытки выдать Зою замуж «за самых что ни на есть второразрядных или третьеразрядных правителей» - кипрского короля Якова II и князя-итальянца Параччиало¹⁷.

Но удача улыбнулась Риму - принцессу пожелал взять в жены Иван III.

Первым браком Иван был женат на Марии, дочери великого тверского князя, которая родила ему сына Ивана, долгое время являвшегося наследником престола, называемого в исторической литературе Молодым¹⁸.

Тверь с тех пор стала опасным соперником. Великие рязанские князья находились в близком родстве с московскими - о браке не могло быть и речи. Польша и Литва отпадали по причине иноверия. По словам В.О. Ключевского, Иван III "стал искать другую жену: подальше и поважней"¹⁹.

Как свидетельствует Н.А. Соболева, в ходе переговоров стороны шли на взаимные хитрости: так, в письме Ивану III сообщали, что царевна будто бы уже отказала двум видным жителям латинской веры: герцогу медиоланскому и даже королю французскому²⁰, а посол Москвы - православный Иван Фрязин, по словам С.М. Соловьева, «рассказывал, чего не было лишь бы уладить поскорее дело, желанное в Москве не менее, чем в Риме»²¹.

В январе 1472 г. за невестой отбыло особое посольство, а, уже в июне, в сопровождении пышной свиты (в основном, в греков) с 4500 дукатами в качестве приданого Софья начинает свой путь²².

Вторая жена подарила Ивану 5 сыновей и 3 дочери. Старший из сыновей этого брака - Василий, ставший наследником престола²³.

Папа рассчитывал, что воспитанная у апостольского престола Софья усилит в Москве влияние католической церкви. Кроме того, он надеялся получать у великого князя помощь в борьбе против турок.

После удачного бракосочетания, планы папы были нарушены. М.Л. Серяков указывает, что папский легат, епископ Антоний Бонумбре был крайне неприятно удивлен тем, что послушная ещё вчера принцесса в Пскове стала принимать благословение от русских священников, посещать местные церкви и старательно прикладываться к иконам, отрешаясь от католиков²⁴.

Усугубило ситуацию для папских замыслов и выступление на специальном совете, собранным Иваном III, митрополита Филиппа с пламенной речью, обращённой к правителю: «Если позволишь ты в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он въедет в одни врата, а я. Духовный отец твой, изыду другими вратами вон из города. Чтить чужую веру - значит, унижать собственную»²⁵. Крест занесен не был, но был внесён фамильный герб Палеологов.

Таким образом, можно утверждать, что двуглавый орёл пришёл к нам из православной Византии стал гербом Московского государства - преемника православных традиций. Представление же о равенстве великого князя императору Священной римской империи и Москве как Третьем Риме складывалось довольно длительное время в виде доктрины, провозглашен-

ной Филофеем, оформилось только в XVI в. Однако какими бы мотивами не руководствовался великий князь при выборе государственной эмблемы, появление её было бы невозможным, если бы не женитьба на носящей почётный титул последней византийской принцессы - Софье Палеолог.

Примечания:

1. См.: Карамзин Н.М. *История Государства Российского*. М.: 2007.
2. Цит. по Шевченко В.Н. *Повседневная жизнь Кремля при президентах*. М.: 2004. – С. 16.
3. Соболева Н.А., Артамонов В.А. *Символы России*. М., 2003. – С. 16.
4. Лихачёв Н.П. *Из лекций по сфрагистике*. М., 1900. – С. 43.
5. Горохов В.А. *Колокола земли русской: Из глубины веков до наших дней*. М.: 2009. – С. 125.
6. См.: Лакиер А.Б. *Русская геральдика*. М., 1987; Лукомский В.К., Типольт Н.А. *Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов*. Петрозград, 1915.
7. Соболева Н.А. *Российская государственная символика: история и современность*. М., 2003. – С. 35.
8. Серяков М.Л. *Любовь и власть в Древней Руси*. М., 2005. – С. 356.
9. Новиков В.С. *Русский государственный орёл*. М., 1991. – С. 14-15.
10. Цит. по Васькин В.В. *Двуглавый орёл в истории государства Российского*. Саратов, 2001. – С. 37.
11. Там же. – С. 39.
12. Цит. по Серяков М.Л. *Указ соч.* – С. 352.
13. Там же. – С. 352-353.
14. См.: Хорошкевич А.Л. *Символы русской государственности*. М., 1993.
15. Лебедев В.А. *Державный орёл России*. М., 1995. – С. 44.
16. Серяков М.Л. *Указ соч.* – С. 354.
17. Там же.
18. Соловьёв С.М. *История Российская с древнейших времен до наших дней*. М., 2005. - С. 171.
19. Цит. по Ключевский В.О. *Курс русской истории*. М., 2007. – С. 160.
20. Соболева Н.А. *Указ соч.* – с. 35.
21. Соловьёв С.М. *Указ соч.*
22. Серяков М.Л. *Указ соч.* – С. 355.
23. Перевезенцев С.В. *Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки....* М., 2005. – С. 418.
24. Серяков М.Л. *Указ соч.* - С. 356.
25. Цит. по Васькин В.В. *Указ соч.* – С. 41.

ИЗ ИСТОРИИ КОННОГО СПОРТА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX В.

Е.Н. Боевец

Курский государственный университет

На курском материале рассматривается развитие конного спорта в России. Особое внимание уделяется анализу деятельности обществ охотников конского бега, занимавшихся устройством и совершенствованием ипподромов и состязаний на них. В статье проблема рассмотрена как на губернском уровне, так и на уездном.

Ключевые слова: конный спорт, ипподром, бега, скачки, общество охотников конского бега, тотализатор, Курская губерния, XIX в.

FROM THE HISTORY OF THE HORSE SPORT OF THE KURSK PROVINCE XIX C.

E.N. Boevets

Kursk State University

On by Kursk material is examined the development of horse sport in Russia. Special attention is paid to the activity analysis of the societies of the hunters of horse run, which were being occupied by device and improvement of hippodromes and contests on them. In the article the problem is examined both at the province level and on the county.

Key words: horse sport, hippodrome, run, gallop, the society of the hunters of horse run, totalizator, Kursk province, XIX century.

Сначала лошадь была для человека лишь предметом охоты. Спустя какое-то время люди осознали, что ее можно использовать и в других целях: ездить верхом, запрягать как вьючное животное. Началось одомашнивание лошади.

Человек понемногу начал преобразовывать животное. Стали возникать разные породы. С отбором лучших лошадей появилась необходимость в их тестировании на такие качества, как резвость и выносливость. Для проверки лошадей стали отводить специальные места, где можно было оценить и выбрать для покупки лучших скакунов. Этим местом оказался «ипподром».

Само слово имеет греческое происхождение, hippodromes, где hippos - «лошадь» и dromos – «бег», «место для бега». В настоящее время ипподром - место для проведения различного рода конно-спортивных состязаний. Но в то же время он является учреждением, которое организует и проводит эти испытания и соревнования.

В России конный спорт зародился давно (первые упоминания о российских конных скачках на интерес относятся к IX в.). В допетровские и петровские времена в масленицу в Москву свозилось до 200 тысяч лошадей. Собирались купцы, бояре и устраивали гонки по улицам города. При этом наезжали на толпы зевак, давили людей.

Начало бегам в нашем понимании - испытаниям рысистых лошадей - в России положил граф Орлов. В нач. XIX в. он прибыл в столицу и устроил около своего дома первый в Москве частный ипподром, который просуществовал до смерти графа в 1808 г.¹ То, как граф Орлов испытывал своих лошадей, подробно описал известный иппический историк Василий Коптев в своих "Материалах для истории русского коннозаводства". «Испытания проводились зимой и летом. Зимой - на льду Москвы-реки, летом - на Донском поле, причем дорожка имела вид двух параллельных прямых по 200 сажень, с очень крутыми поворотами. Рысак пускался резво именно на этих прямых, называемых концами, и победителем считался выигравший большее число концов. Проводил Орлов и дистанционные испытания - пробеги на 18 верст из села Остров до Москвы»².

Первая официальная скачка в России состоялась в июле 1772 года под Петербургом в Красном Селе. Система испытаний рысаков в России была направлена, главным образом, на выработку у лошадей выносливости и силы. Развитию резвости эта система не придавала большого значения.

В нач. XIX в. в целях отбора, подготовки и тренировки конского состава в России стали создаваться скаковые общества и общества поощрения рысистых испытаний. Первое скаковое общество было учреждено в 1826 г. в г. Лебедяне Тамбовской губернии³. В 1832 году на Лебедянском ипподроме был разыгран первый в России рысистый приз.

В Курской губернии ипподромные соревнования вначале проводились на Коренной ярмарке, которая была местом продажи большого количества лошадей. Были годы, когда их привозилось до 30 тыс. голов на общую сумму до полумиллиона рублей. Это привлекало на Коренную ярмарку массу коннозаводчиков, охотников, ремонтеров, барышников и вообще лиц, заинтересованных покупкой и продажей лошадей. Здесь впервые и начались рысистые состязания или «старинный ярмарочный бег». Так, в 1845 г. здесь прошли испытания крестьянских лошадей⁴. Состязания делились на: тройки, одиночные выезды в телегах и верхом, и возку тяжелых. Во время рысистых соревнований на перевозку тяжелых надо было перемещать груз не менее 150 пудов весом на расстояние в 85 сажень. Это испытание было долгим (длилось более часа). Первый приз составлял 30 руб., второй - 20 руб., третий - 10 руб. Быстрые скачки верхом проводились на расстояние в 6 верст, за них предусматривалось награждение в сумме 60 руб.⁵ Обычно его преодолевали за 10-12 мин.⁶ В 1853 г. были установлены скоростные нормы для конных испытаний, выполнение которых стало обязательным. Так, на 6 верст отводилось 12 мин., на 15 верст - 30 мин, на 20 верст - 43 мин., на 30 верст - 1 час 30 мин.⁷

Соревнования проходили нерегулярно. Ставилась временная беседка, кое-как разбивался беговой круг, пускались лошади на пари и на призы по подписке, «кто кого объедет». В то время еще отсутствовало желание дать состязаниям более серьезное направление и достигнуть в них самого важного для спорта - определения рекорда, показанного бежавшей лошастью.

На этом ипподроме проходили испытания на перевоз тяжелых и выставки лошадей. Так, в 1869 г. на перевоз тяжелых было представлено всего пять лошадей, причем четыре из них принадлежали государственным крестьянам Орловской губернии и лишь одна – государственному крестьянину Курской губернии⁸. А в выставке участвовало девять лошадей. Надо отметить, что за участие в выставке приходилось платить: в 1888 г. оплата составила 2 руб. за лошадь⁹. Проводилось два типа выставок: выставки верховых и крестьянских лошадей. Управление выставкой поручалось Комитету о Губернском Коннозаводстве. Для участия допускались жеребцы и кобылы 4-6 лет, в отличие от меринов, участие которых запрещалось. Происхождение и принадлежность участвующих в выставке лошадей удостоверялась заводскими книгами,

свидетельствами или аттестатами. Первая награда за выставку - 40 руб.; кроме этого выдавались медали и похвальные листы. Со временем сумма призов возрастала, и уже в 1862 г. составила 200 руб. за крестьянских лошадей и 600 руб. за верховых¹⁰.

И лишь в 1872 г. «кружок лиц из охотников, осознавая серьезную сторону любимого дела и желая поставить ее на более прочные основания», ходатайствовал перед Главным управлением государственного коннозаводства, об учреждении в г. Курске бегового общества¹¹. Вскоре они получили разрешение и стали строить ипподром. Самое живое участие в строительстве ипподрома принял городской голова П.А. Устимович. Он добился принятия постановления о передаче курскому обществу охотников конского бега "участка земли на Конной площади и предоставлении на постройку беседки и трибун необходимый материал из городского леса"¹². Ипподром был выстроен за Херсонскими воротами. Первое собрание Курского общества охотников конского бега открылось под председательством Президента общества А.И. Жердинского. Кроме него в собрании участвовало 18 членов-учредителей. Своим почетным членом общество избрало Главного управляющего государственным коннозаводством генерал-адъютанта Р.Е. Гринвальда. На заседании выбирались судьи к будущему розыгрышу призов 1 сезона и распределялись, как сами призы, так и дни для соревнований (19, 21, 23 сентября)¹³.

18 сентября 1875 г. вице-президентом общества избрали Н.А. Богданова. Новый вице-президент внимательно относился к конному спорту. Он наблюдал за выставками, постоянно присутствовал как председатель на награждении лошадей. По его инициативе в 1877 г. решено было перенести бега с осени на весну (на неделю после праздника Святой Пасхи), так как в это время в Курске начиналась конная ярмарка. Кроме этого, по предложению его жены Е.П. Богдановой были устроены состязания вне программы (они проходили 1 сентября).

9 сентября 1873 г. - первый день бегов на общественном ипподроме.¹⁴ Состязания проходили несколько дней, в них принимали участие все желающие.

Что же представлял из себя ипподром? Длина ипподрома составляла версту. Беговая дорожка была грунтовая, что снижало резвость состязающихся лошадей и приводило к частому падению наездников и поломкам экипажей. В 1889 г. были сделаны две гладкие, посыпанные глиной и песком дорожки, внутри круга устроена третья дорожка¹⁵. В 1898 г. решили расширить ипподром, поэтому присоединили прилегающую к его восточной стороне часть выгона. Интересным являлся тот факт, что в 1893 г. на Курском ипподроме лошади начали бежать в пневматических американках¹⁶. Это говорит о том, что изменения в развитии конного спорта шли регулярно, нововведения не заставляли себя ждать. Одновременно, для удобства участвующих в соревнованиях, вблизи места их проведения была построена гостиница.

Но ипподром использовался не только по прямому назначению. Часто городское общество велосипедистов проводило здесь велогонки. Это способствовало привлечению большего количества зрителей, так как в программу включались необычные номера, прежде всего, состязание велосипедиста с лошадью. Иногда на поле ипподрома происходила джигитовка казаков 17-го Донского полка, расквартированного в городе, в дни праздников устраивались народные гуляния - 15 мая 1883 г. здесь собралась масса горожан по случаю коронации императора Александра III. Однако, постепенно дело приходило в упадок, с 1916 г. бега на ипподроме перестали проводить из-за его плохого состояния.

В 1888 г. по распоряжению полиции большая беседка была снесена, так как «угрожала падением, круг и дорожки заросли, а средств для возведения новых проектов не было»¹⁷.

Со временем количество членов общества сокращалось, а оставшиеся проникались апатией к делу коннозаводства. Но, благодаря группе энтузиастов, разрозненное общество стало снова возрождаться. Его возглавил С.А. Сергеев. С весны 1889 г. общество охотников конского бега возобновило розыгрыш призов в новой беседке. Был улучшен ипподром: дорожки стали гладкими, укатанными, их засыпали глиной и песком; завороты сделали более широкими и обнесли высоким забором. Вскоре преступили к устройству общественных конюшен и зданий с номерами для приезжавших. С 1889 г. проводить испытания решили 6 дней. А в 1891 г. были разработаны для розыгрыша призов и порядка на ипподроме подробные правила.

Другим местом проведения бегов в Курске было «известное место»¹⁸ за Московскими воротами, где проходили троичные состязания на 30 верст. Участники испытаний доезжали до оговоренного столба (расстояние до него составляло 15 верст, т. е. половина пути), бросали выданный им на старте ярлык, разворачивались и ехали обратно. Возле столба находился член Комитета Губернского коннозаводства, который принимал ярлыки.

Кроме этого, проводились испытания на быстроту скачки верхом. Желающие участвовать обязаны были за 3 дня до бегов доставить своих лошадей к управляющему Курской земской конюшней полковнику О.О. Локателли, где ставились на учет.

Конный спорт развивался и в уездных городах Курской губернии. Например, в 1879 г. общество охотников конского бега было организовано в Рыльске¹⁹. Общество состояло в ведении Управления Государственного Коннозаводства. Главной его задачей было «поощрение и улучшение коннозаводства через испытания и награду резвости и силы лошадей, предоставление удобного и безопасного использования желающими ипподрома и возможность состязаться на заклады и подписки».

Неизменным президентом общества был курский губернатор.

Вице-президент избирался на 3 года. Он следил за устройством ипподрома и распоряжался постройкой и содержанием строений на его территории; рассматривал ценность назначаемых денежных призов; наблюдал, чтобы испытания производились в назначенный час. В общество входили все желающие, платившие взнос в 15 руб., а затем - по 10 руб. ежегодно.

Конные испытания проходили два раза в год - зимой и летом. Летом участники соревновались в четырехколесных дрожках или в американке, а зимой – в беговых санях с наездником. Во время испытаний вице-президент находился у выигрышного столба и следил за временем совершения бега по хронографу, а судьи смотрели за соблюдением всех правил по бегам.

Перед началом бегов желающие в них участвовать записывались и оплачивали взнос в размере 5 руб., если ее хозяин являлся членом общества, с лошади постороннего охотника взималось 10 руб. Число записываемых и бегущих лошадей от одного владельца не ограничивалось. Со всех сумм, составлявших призы и подписки, 10% отходило в пользу общества.

Беговой ипподром в Рыльске был устроен овальной формы. Вместо двух беговых дорожек он имел только одну. Его длина составляла, как и в Курске 1 версту. Кроме этого, устраивался и зимний ипподром.

Наездники беспрекословно слушались судей и немедленно исполняли их требования. В дни бегов они обязательно предъявляли при входе особые, выдаваемые только им билеты. Передать его другому лицу строго запрещалось. Во время соревнований наездники должны были быть в трезвом виде, если он замечался в пьяном состоянии, то на него налагалось взыскание. За первое нарушение им приходилось платить штраф в 5-10 руб.; во второй раз они не допускались на ипподромы в течение 1 года; в третий раз имя наездника и его поступок вывешивался в галереях и печатался в журнале, и он уже никогда не допускался к соревнованиям. Наездник же, заслуживший внимание общества искусной ездой и хорошим поведением, получал похвальный лист.

Существовали определенные правила проведения бегов. К примеру, лошади, как на проездах, так и на испытании обязаны бежать в таком направлении по ипподрому, чтобы проезжая судейскую беседку по ближайшей к ней дорожке, наездник был к беседке правой, а по противоположной дорожке левой стороной.

Наездники избегали крика, неуместного стегания своей лошади и всяких беспорядков. При нарушении правил также следовало взыскание. Кроме этого, запрещалось иметь в вожжах шпильки, гвозди и другие принудительные средства.

Как же происходили испытания на рыльском ипподроме? Давайте посмотрим это глазами современника:

«Итак, вы находитесь среди остальных желающих в беседке. За полчаса до испытания вице-президент дал сигнал колокольчиком, предупредив о скором начале. Судьи повторяют участвующих лошадей, взвешивают ездоков и разъясняют их обязанности. Брошен жребий. Уже известно кому, с кем и по какой дороге ехать.

Звучит второй сигнал (через 20 мин.), на ипподром выезжают участники. Становятся на свои места. Все в ожидании последнего, решающего звонка, по которому пускали лошадей. Сигнал прозвучал. Началось соревнование. Но и на этот раз не произошло без замешательств, из-за которых вернули лошадей и осуществили новый забег»¹⁸.

Выигрывала та лошадь, которая пришла хотя бы головою раньше других к выигрышному столбу. Быстрота определялась по хронографу. Но нельзя было выходить за установленные нормы, составляющие для беговых лошадей - 2 мин. 15 сек., а для городских одиночек – не более 3 минут на каждую версту. В заезде участвовало не более двух лошадей.

Иногда, когда после бега невозможно было определить результат, и тогда назначались перебежки (через 30 мин.) для установления истины.

На зимних соревнованиях, если стоял сильный мороз или метель, сильный ветер, а на летнем - сильный дождь, то бега отменялись или переносились на другой день.

Интересно было наблюдать за тройчными бегами, которые также проводились в Рыльске. Участвовать могли все желающие. Надо было лишь указать породу или сорт лошади. Зимой тройки закладывались в произвольные экипажи, а летом - в четырехколесные. Кроме кучера, в экипаже находился пассажир. Разрешалось понуждать лошадей. Но если тройка или пара теряла лошадь, то она сразу считалась проигравшей испытание.

Таким образом, анализ деятельности Рыльского общества охотников конского бега дает право утверждать, что уровень развития конного спорта в провинциальных городах был не ниже, чем в губернских. Конечно, разница существовала, и прежде всего в размере финансирования и в меньшем количестве участников.

Во 2-й пол. 70-х годов в системе рысистых испытаний появился новый фактор, оказавший огромное влияние на их развитие - в 1876 г. на Царскосельском ипподроме впервые открылся тотализатор¹⁹. Граф А.Н. Нирод вывез из-за границы счетчик и продемонстрировал его первоначально для лиц высшего общества, причем первый билет в тотализатор изволила купить супруга Наследника-Цесаревича, будущая императрица Мария Федоровна²⁰.

Благодаря введению тотализатора на ипподромах увеличились капиталы скаковых обществ, что благоприятно отразилось на развитии коннозаводства в стране.

Не исключением была и Курская губерния. Во время конных испытаний на Коренной ярмарке действовал тотализатор. Ставки совершали 300-400 человек, а дневной оборот доходил до 20 тыс. руб.²¹

Ипподромы, взимая 10% ставок в свою пользу, получали громадные прибыли и уже с 1900 г. могли ежегодно разыгрывать призы на сумму 4,5 млн. руб.²² Эти деньги, в основном, шли на развитие спортивного коннозаводства, причем львиную долю их получали 30-35 наиболее преуспевающих крупных заводов, которые могли покупать дорогих производителей, иметь лучших специалистов и т.п.

Таким образом, в ходе данного исследования были выявлены положительные тенденции в развитии конного спорта в России в указанный период. Наблюдается строительство новых ипподромов, возникновение обществ «Охотников конского бега». Не только в центре, но и на местах регулярно устраивались скачки, в которых наряду с кровными лошадьми, участвовали и беспородные представители. В результате конный спорт стал пользоваться большой популярностью.

Именно конный спорт играл большую роль в системе мероприятий по улучшению качества конского поголовья. Он определял правильность заводских установок по разведению пород, отбирал лучших по работоспособности животных для дальнейшей племенной работы. В процессе ипподромных испытаний вырабатывались полезные качества, которые совершенствовались в желательном для человека направлении.

Но, несмотря на положительный опыт работы ипподромов, было выявлено, что применявшаяся на них система испытаний имела существенные недостатки. Основной из них заключался в том, что к молодым лошадям на ипподромах предъявлялись завышенные требования в отношении резвости, а выступления на призы были излишне часты. На практике это приводило к тому, что молодая лошадь, проявив большую резвость, в дальнейшем рано выходила из строя.

Вторым существенным недостатком была недооценка необходимости выработки у лошадей силы и выносливости, способности проявлять большую резвость на длинные дистанции. Ведь, не взирая, на изменение взгляда на конный спорт, он все продолжал еще оставаться развлечением.

Примечания:

1. Рождественская Г.А. Орловский рысак. М., 2003. - С. 15.
2. Цит. по: Буденный С.М. Книга о лошади. Т.1. М., 1952. - С. 328.
3. Барминцев Ю.Н. Коневодство и конный спорт. М., 1988. - С. 54.
4. ГАКО. Ф.103. Оп.1. Д.1. - Л. 33.
5. Там же. Д.5. Л.1107.
6. ГАКО. Ф.101. Оп.1. Д.6. - Л. 17 (об).
7. Там же. Д.24. - Л. 176.
8. Там же.
9. Отчет Курского отдела императорского Московского общества сельского хозяйства за 1888 г. Курск, 1889. - С. 78.

10. ГАКО. Оп.1. Д.15. - Л. 74.
 11. 1873-1897 г. Двадцатипятилетие Курского общества охотников конского бега. Курск, 1897.
 - С. 2.
 12. Грива Т.А., Степанов В.Б. Инподром // www.kdvorik.ru (дата обращения: 3.05.2009.)
 13. 1873-1897 г. Двадцатипятилетие Курского общества охотников конского бега. Курск, 1897.
 - С. 3.
 14. 1873-1897 г. Двадцатипятилетие Курского общества охотников конского бега. Курск, 1897.
 - С. 3.
 15. Грива Т.А., Степанов В.Б. Инподром // www.kdvorik.ru (дата обращения: 3.05.2009.)
 16. 1873-1897 г. Двадцатипятилетие Курского общества охотников конского бега. Курск, 1897.
 - С. 7.
 17. Здесь и далее см.: Устав рыльского общества охотников конского бега. Курск, 1879. - С. 3.
 18. ГАКО. Ф.103. Оп.1. Д.2. - Л. 264.
 19. Моисеенко Н.А. Служит людям добрый конь. М., 1988. - С. 117.
 20. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990. - С. 58.
 21. Болотников Ф. На ипподроме музыка играла [Из истории курского конного спорта] // Курская правда. 1996. 18 июня. - С. 4.
 22. Барминцев Ю.Н. Коневодство и конный спорт. М., 1972. - С. 102.

**ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ГОРОДОВ
 РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПОСЛ. ЧЕТВ. XVIII – НАЧ. XX В.
 (НА ПРИМЕРЕ Г. КУРСКА)**

И.Ю. Ванина

Курский государственный университет

На примере г. Курска в статье анализируются некоторые исторические аспекты создания единого архитектурного ансамбля городов российской провинции в посл. четв. XVIII - нач. XX в. Перестройка города, эволюция его архитектурного облика в период до 1917 г. рассматриваются на основе "Плана губернского города Курска", утвержденного в 1782 г. императрицей Екатериной II.

Ключевые слова: провинциальные города России, архитектура XVIII – нач. XX вв., Курск, градостроительство, план.

FROM THE HISTORY OF THE ARCHITECTURAL ENSEMBLES OF RUSSIAN PROVINCIAL TOWNS AT THE FINAL QUARTER OF 18TH-THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (AS AN EXAMPLE OF THE TOWN OF KURSK)

I.Y. Vanina

Kursk State University

The article analyses some of the historical aspects of creation of the whole architectural ensembles of the Russian provincial towns at the final quarter of 18th – the beginning of the 20th centuries as an example of the town of Kursk. The paper examines the town reconstruction and architectural development of it after Catherine's II confirmation in her «Plan of provincial town of Kursk» in 1782 and its realization in the period up till 1917.

Key words: provincial towns of Russia, architecture of the 18th and at the beginning of the 20th century, Kursk, town-planning, plan.

Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью истории российской провинциальной городской архитектуры и градостроительства посл. четв. XVIII – нач. XX в., историческое значение которых долгое время недооценивалось. Между тем в провинции застройка городских центров проводилась со значительным отражением местных традиций, формировались новые типы зданий, складывались художественные направления.

В архитектуре городов, сформировавшихся в основном до XVIII в., к которым относится и Курск, прослеживается не только преобладающее влияние древнерусского зодчества, но и отчетливо сказываются традиции классицизма и «регулярного» (планового – **И.Ю.**) градостроительства. На складывание архитектуры губернского Курска существенное влияние оказал пожар 1781 г., практически полностью уничтоживший центральную часть города и послуживший поводом к его перепланировке «на основе регулярности». После пожара генерал-губернатор А.А. Прозоровский¹ приказал составить проект нового плана города, «имея главным предметом, дабы строение вновь происходило порядочным образом»². Предусматривалось заселе-

ние главных улиц дворянами и купцами, имеющими возможность построить каменные дома, и переселение на окраины бедноты.

В феврале 1782 г. императрица Екатерина II утвердила «План губернского города Курска»³ и губернский центр получил новое направление архитектурного развития. Проект перепланировки, основанный на строгом соблюдении принципа прямоугольной системы, закрепил основные направления развития города, внося ясность в запутанную древнюю застройку.

Городская 1785 г. реформа Екатерины II исходила из того, что «город - это центр своего окружения, учрежденный для доставления жителям ближайшего суда и расправы»⁴. Назначение Курска административным центром губернии в 1796 г. заставило власти особое внимание обратить на строительство казенных зданий, для которых определялся район, прилегающий к центральной площади города. Одновременно с возведением казенных зданий в кон. XVIII - нач. XIX в. в городе активно велось частное строительство.

В жилой застройке преобладали небольшие деревянные на каменном фундаменте дома в три - семь окон по основному фасаду (**современные дома: №46, №61, №64 по ул. Красной Армии – И.Ю.**). С нач. XIX в. распространение получили деревянные дома на каменных погребках. На центральных улицах города первые каменные этажи таких построек часто использовались под лавки (**современные дома: №57 по ул. К.Либкнехта, №23 по ул. Марата, № 31 по ул. Белинского – И.Ю.**).

В связи с развитием капиталистических отношений и активизацией городской жизни символы классицизма становились более чуждыми массовому сознанию. Дворянство ослабело, и все более активное место в социально-политической жизни страны занимало купечество. «Растущее самосознание и классовые претензии российского купечества, увеличение числа приверженцев убеждений, ориентированных на патриархальное крестьянство, приводили к изменению культурных потребностей»⁵. Архитектура классицизма пыталась ответить на этот процесс расширением рамок стиля, вторжением признаков купеческого вкуса.

В целом, переломным периодом в стилистической эволюции русской архитектуры оказались 30-е гг. XIX в. К нач. 1840-х гг. классицизм, как стиль, исчерпал себя, поскольку лежавший в его основе творческий метод не соответствовал историческим условиям, которые сложились к сер. XIX в. Обращение к архитектурному наследию всех стилей стало важнейшей особенностью нового творческого метода, который сменил классицизм. Одновременно с представлением об универсальности будущей архитектуры складывается представление о красоте, выразившееся в стремлении к соединению несоединимого, склонности к контрастам.

При проектировании фасада постройки в том или ином стиле архитектор сер. XIX в. стремился раскрыть функцию здания в его внешнем облике, выбирая тот стилиевой прототип, художественные особенности которого, по его мнению, соответствовали функции и месторасположению данного строения. В новых исторических условиях архитектура должна была выразить в своих художественных образах богатство и знатность заказчика, его вкусы и жизненный уклад.

В сер. XIX в. законодательным порядком была санкционирована возможность возвращения в городской застройке сооружений к архитектуре, опирающейся на традицию народного зодчества. В 1858 г. регламентации стиля и облика городских зданий были отменены. Специальным указом дается разрешение сооружать частные постройки, фасады которых не в полной мере соответствуют образцам. С сер. XIX в. архитекторы начали использовать в своем творчестве мотивы народного деревянного зодчества.

В результате перестройки русских городов на началах регулярности (**плановости – И.Ю.**) появлялись новые планировочные принципы, а в облике - новые черты и такая не свойственная ранее архитектуре домов выходцев из низших слоев общества особенность, как широкое применение декоративного убранства. Украшаются наиболее важные части уличного фасада и обрамления окон - наличники, венчающая часть и вход в здание - крыльцо или ворота. Величина окна, подчеркнутая наличником, строгость его расположения приобрели первостепенное смысловое и художественное значение в системе главного уличного фасада. Введение в практику городского деревянного строительства стропильных крыш дало дорогу использованию отдельных элементов классической ордерной архитектуры - карнизов, фронтонов, балконов с ограждением в виде балясин, тройных окон, мезонинов⁷ (**современный дом №14 по ул. Семеновской⁸ – И.Ю.**) и т.д. Русский стиль получил широкое распространение не только в деревянном зодчестве, но проникнул и в каменную архитектуру Курска.

«В это время в творческом методе российских архитекторов стали сочетаться две противоположные системы - древнерусская и ордерная эпохи классицизма, когда план здания имел симметричную основу, характерную для классицизма, а фасад решался в стиле народного зодчества. За этим стояло признание равного исторического и культурного значения двух художественных традиций, оценивавшихся в классицизме как главная и второстепенная, классическая и народная»⁹.

Особое внимание следует обратить на тип смешанной, каменно-деревянной застройки города, получивший широкое распространение в XIX в. Именно этот вид строений стал сочетать в себе как стиль классицизма, чаще всего применявшегося в каменном первом этаже, с довольно строгим использованием архитектурных украшений и различных деталей, так и стиль народного зодчества, характеризовавшийся наличием различных украшений и применявшийся при создании второго, деревянного этажа (**современные дома: №31 по ул. Белинского, №45 по ул. К. Либкнехта – И.Ю.**).

Наряду с деревянными домами в Курске возводились и каменные жилые здания. Большинство каменных домов возводилось в два этажа (**современные дома: №4 по ул. Можжевской, №45 по ул. Марата, №2 по ул. Красной Армии – И.Ю.**). Однако встречались и одноэтажные строения, которые почти всегда имели при себе небольшой, отдельно стоящий каменный флигель. От деревянных домов они отличались своими объемами, характером отделки фасадов, более сложной плановой структурой. Особое место в каменной жилой застройке Курска занимали дома «наугольного»¹⁰ типа. Появление их было связано с необходимостью закрепления на местности регулярного плана города. Для этого участки на перекрестках улиц раздавались в первую очередь. Характерными особенностями домов «наугольного» типа стали скругленный, обращенный в сторону перекрестка угол и одинаковая обработка обоих выходящих на улицу фасадов. Постройки подобного типа сохранились достаточно хорошо (**современные дома: №57, №80, №82 по ул. Красной Армии – И.Ю.**).

В целом в середине XIX в. в Курске были проведены основные градостроительные мероприятия по перепланировке города, «закреплен» на местности административный и торговый центры, застроено большинство обывательских кварталов.

В 1840–1850 гг. в архитектуре Курска стали обнаруживаться первые признаки распада композиционных принципов классицизма: отсутствие четко выделенного центра в композиции фасада, равнозначность этажей.

2-я пол. XIX – нач. XX в. стали наиболее плодотворным периодом в строительной жизни губернского Курска. В застройке города появились новые, неизвестные ранее типы зданий – доходные дома, банки, народный дом, вокзал и т.д. Старые деревянные дома сносились, а на их месте возводились крупные каменные постройки. Этажность вновь возводимых строений повысилась до четырех. Увеличилась плотность внутриквартальной застройки. Широкое применение при строительстве домов начали находить металл и стекло, а в нач. XX в. – железобетон (**здание Летнего театра в Первомайском парке¹¹ – И.Ю.**).

Основным стилем архитектуры 2-й пол. XIX в. стал эклектизм. В основе нового художественного направления лежало использование в отделке зданий форм различных стилей прошлого. Постройки периода эклектики отличались простотой объемных композиций, равномерно ритмизированными фасадами, равнозначностью всех элементов отделки, симметричностью и рядом других характерных признаков. В 1860–1870 гг. преобладали здания с нейтральным решением фасадов, без явно выраженных признаков какого-либо одного исторического стиля.

Все большее место в архитектуре города с 1880 г. начал занимать «кирпичный» стиль¹² (**современные дома: №80, №82 по ул. Красной Армии, здание областной филармонии по ул. Перекальского, дом №1¹³ – И.Ю.**). Данные постройки исключали необходимость частых ремонтов и давали возможность насытить архитектуру цветом. Это делало дома популярными как среди заказчиков, так и среди архитекторов. Особенно часто к «кирпичному» стилю обращались при строительстве доходных домов, фабричных и казарменных корпусов, складских помещений. «Кирпичный» стиль в Курске имел свои особенности: кладка стены велась обычно из местного строительного материала - известняковой плиты, а роль облицовочного материала выполнял кирпич. На фасаде часто применялось сочетание красного кирпича с отдельными штукатурными декоративными элементами. Однако «кирпичный» стиль не стал определяющим для архитектурного облика Курска кон. XIX в.

В 1880–1890 гг. в застройке города появились здания, в оформлении фасадов которых нашли отражение мотивы архитектурного классицизма и эпохи Ренессанса. Фасады таких по-

строек, решенные с использованием характерных для раннего классицизма декоративных деталей (рустованных¹⁴ лопаток¹⁵, тяг¹⁶, гирлянд¹⁷, меандра¹⁸), представляют один из наиболее выразительных образцов неоклассицизма в архитектуре Курска (**современный дом №51 по ул. Дзержинского – кинотеатр им. Щепкина – И.Ю.**).

К кон. XIX – нач. XX в. вкусы заказчиков стали выходить за рамки русского стиля, который стал трактоваться как старокупеческий. Архитектура Курска в период XIX – нач. XX в. сложилась на основе классицизма и эклектики, а к нач. XX в. в облике города появляются строения с чертами зарождавшегося модерна (**современные дома: №82 по ул. Дзержинского, дом¹⁹ №83²⁰ по ул. Ленина - здание банка 21 - И.Ю.**). Ассиметричная композиция зданий, вытянутые кронштейны²² и изогнутые очертания кровли, разнообразные формы окон (**тройные окна и окна со стеклами в мелкую нарезку – И.Ю.**) - некоторые характерные черты модерна, проявившиеся в архитектуре указанного периода. Теперь форма здания в целом стала определять новую творческую направленность.

К началу второго десятилетия XX в. облик вновь возводимых зданий стал строже, большее значение приобрели фактура и цвет отделочных материалов, проще и единообразнее стала форма окон. Наиболее часто употребляемым видом декора оставался лепной рельеф.

В заключении отметим, что архитектура Курска в посл. четв. XVIII – нач. XX в. прошла те же этапы развития, что и зодчество столиц.

Приведенные материалы также свидетельствуют, что архитектура в провинциальных городах сохраняла и индивидуальные черты. В градостроительстве это обуславливалось преимущественно местными градообразующими факторами, сложившейся системой застройки и природными условиями; в типах зданий - главным образом особенностями экономического развития городов (**торговых, промышленных, административных – И.Ю.**); в стилевой направленности - воздействием сложившихся художественных традиций. Это позволяет говорить о значении архитектурного наследия городов.

Относительная архитектурная целостность городской застройки была достигнута за счет единства масштабного строя рядом стоящих зданий, повторяющихся динамичных рядов оконных проёмов, обрамлённых разнообразными наличниками, выполненными в избранном заказчиком или архитектором стиле. Равенство по высоте самих зданий, их горизонтальных поэтажных членений способствовало достижению общности всех фасадов зданий.

Таким образом, в дореволюционном облике города отразился и воплотился характер эпохи, социально-культурный дух жителей, их мировоззрение и художественные вкусы. Многие постройки этого периода дополнили, обогатили и усилили образ архитектурной среды Курска, помогли создать запоминающийся облик города.

Примечания:

1. *Прозоровский, Александр Александрович (1732 – 9 (21). VIII. 1809), князь из династии Рюриковичей – генерал-аншеф и разных орденов кавалер. Указом императрицы Екатерины II от 13 июня 1781 г. назначен генерал-губернатором Курского и Орловского наместничеств. На посту генерал-губернатора пробыл более двух лет, после чего, получив чин генерал-аншефа, 21 декабря 1783 г. вышел в отставку. К государственной службе был вновь привлечен в 1790 г. и до 1796 г. исполнял обязанности сенатора, генерал-губернатора Москвы и главнокомандующего русской армией. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (в 1807 г.) был назначен главнокомандующим русской армией. Умер в Молдавии в военном лагере близ Мачина, похоронен в Киеве.*

2. *Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1968. - С. 60.*

3. *Курск на старой открытке / Сост. Монастырёв И.Е., Донченко Ю.В. Курск, 2001. - С. 11.*

4. *Терещенко А.А. Города Российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (на примере Центрального Черноземья). Курск, 2006. - С. 83–84.*

5. *Рыбальченко Ю.Д. Стилистические особенности каменно-деревянных строений города Самары середины XIX - начала XX веков // http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2008_4/template_avticle/?ar=TA/tal*

6. *Балясины – вертикальные элементы лестницы, представляющие собой опорные стойки для крепления перил и поручней.*

7. *Мезонин – надстройка над средней частью жилого дома, часто имеет балкон. Обычно имеет форму креста или квадрата, иногда шестигранника, не носит функциональный характер, является декоративным элементом.*

8. *Степанов В. Пешком по городу: Путеводитель по историческому центру г. Курска. Курск, 2006. - С. 105.*

9. *Каркарьян В.Г. Деревянное зодчество Самары, или Осень патриархов. Самара, 2002. - С. 40.*

10. Там же. - С. 242.
11. Степанов В.Б. *С Каминским по старому Курску // Курск. (Документы. Воспоминания. Статьи).* / Отв. Ред. А.Ю. Друговская. Курск, 1997. - С. 146.
12. Кириченко Е.И. *Архитектурные теории XIX века в России.* М., 1986. - С. 244.
13. ГАКО. Ф.Р-5293. Оп.1. Д.3. - Л. 199, 204.
14. Руст – рельефная кладка или облицовка стен камнями с грубо отесанной или выпуклой лицевой поверхностью.
15. Лопатка – плоская вертикальная полоса, выступающая на поверхности стены здания, она может быть конструктивным утолщением стены или иметь декоративное значение, являясь одним из средств членения фасадов.
16. Тяги – горизонтальный профилированный поясок, выступ (обычно штукатурный или каменный), членящий стены зданий или обрамляющий панно и потолки.
17. Гирлянда – резной орнамент или лепное украшение в виде извилистой ленты из листьев, плодов, цветов.
18. Меандр – тип ортогонального орнамента. Имеет вид линии, ломанной под прямым углом.
19. ГАКО. Ф.Р-5293. Оп.1. Д.3. - Л. 214.
20. Там же. Д.24. - Л. 127.
21. Степанов В. *Банк вернулся в банк // Городские известия.* 1992. 23 июля. - С. 2.
22. Кронштейн – поддерживающий элемент выступающих частей здания, представляющий собой выступ в стене, часто профилированный и декорированный (с декоративными завитками или другими украшениями), служащий для поддержки балконов, сильно выступающих декоративных или функциональных карнизов и т.п.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КНЯЗЯ А.Н. ГОЛИЦИНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Ю. Назаренко

Воронежский государственный университет

В статье рассматриваются различные аспекты мировоззрения и деятельности князя Александра Николаевича Голицына в период, когда он занимал важные государственные должности. Князь Голицын был одним из наиболее заметных государственных деятелей, участвовавших в реализации доктрины «общехристианского государства». Основной целью этой доктрины было коренное изменение религиозной жизни в России путем объединения различных направлений христианства. Данная концепция являлась основной идеологией Российской империи в период с 1813 по 1824 гг. Изучение деятельности князя А.Н. Голицына помогает нам понять эти тенденции, проявившиеся во внутренней политике В период правления Александра I.

Ключевые слова: Александр Николаевич Голицын, Александр I, «общехристианское государство», Российское Библейское Общество, Министерство духовных дел и народного просвещения, православие, мистицизм.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL VIEWS OF PRINCE ALEXANDER NIKOLAYEVICH GOLITSIN IN THE CONTEXT OF HIS POLITICAL ACTIVITY

E. Y. Nazarenko

Voronezh State University

The author considers different aspects of prince Alexander Nikolayevich Golitsin, his world outlook and activity in the important state's posts. Prince Golitsin was one of the most outstanding statesmen, who took part in the realization of the "common in Christianity" state's doctrine. There was a plan of the transformation of Russian spiritual life by way of junction of the different Christianity directions. This doctrine was the main ideology of Russian empire in the period of 1813 – 1824. The study of prince Golitsin's practice helps us to understand these tendencies of the interior policy under the Alexander I.

Key words: Alexander Nikolayevich Golitsin, Alexander I, "common in Christianity" state, Russian Bible Society, Ministry of Religion Affairs and People's Education, Orthodoxy, mysticism.

Князя Александра Николаевича Голицына (1773-1844) можно назвать одним из ключевых государственных деятелей Российской империи в период правления Александра I. Его деятельность являлась объектом изучения для некоторых исследователей¹, однако полной и всесторонней научной биографии князя до сих пор не написано, хотя необходимость ее создания давно назрела.

Возвышение молодого князя А.Н. Голицына началось вскоре после восшествия на престол Александра I, который являлся его личным другом. А.Н. Голицын занимал ряд важных должностей, преимущественно в сфере конфессионального управления. В октябре 1803 г. он был назначен обер-прокурором Св. Синода и занимал этот пост до 1817 г. Также с 1810 по 1817 г. он возглавлял Государственное управление духовных дел иностранных исповеданий, объединив тем самым в своих руках нити управления всеми религиозными организациями государства. Вершиной деятельности князя был период с 1817 по 1824 гг., когда он возглавлял недавно созданное министерство духовных дел и народного просвещения. В этот время значение А.Н. Голицына увеличивается: он становится основным проводником государственной идеологии, которую Е.А. Вишленкова назвала доктриной «общехристианского государства»². Истоки этой доктрины, господствовавшей с 1813 по 1824 гг., позволят понять анализ мировоззрения князя как одного из ее основных адептов.

Эволюция религиозных взглядов, совершившаяся в А.Н. Голицыне, была типичной для многих представителей дворянского сословия в России рубежа XVIII-XIX вв. Разочарование в идеалах просвещения привело многих из них к духовным поискам. Ключевым фактором, способствовавшим обращению аристократического общества к нетрадиционным для российского культурного ландшафта религиозным системам, являлось то, что европейские культурные образцы были для ее представителей, воспитанных французскими гувернерами, значительно ближе и понятнее. Важнейшую роль в распространении мистической религиозности сыграло распространение в России масонских лож, в особенности розенкрейцерского направления.

Все это было характерно и для князя А.Н. Голицына, который долгое время принадлежал, по словам В.В. Шереметевского, к числу последователей «неверственной школы XVIII века»³, т.е. философии Просвещения. По нашим представлениям, взгляды молодого князя характеризовались деизмом и скептическим отношением к церковной организации. Однако после 1803 г., когда А.Н. Голицын был назначен обер-прокурором Св. Синода, его отношение к религии постепенно меняется. Религиозное мировоззрение князя окончательно сформировалось к 1811 г., и с тех пор оно не претерпело сколько-нибудь существенных изменений.

Ключевым фактором, приведшим князя к вере, было его общение с вольными каменщиками. Особое место здесь занимал известный вольный каменщик Р.А. Кошелев, который и ввел князя в парамасонский кружок А.А. Ленивцева и Н.Ф. Плещеевой. Основной сферой деятельности членов кружка было чтение и комментирование трудов мистических авторов. После общения с А.А. Ленивцевым А.Н. Голицын, по его словам, осознал, что «жизнь наглядных ощущений человеческих есть только скудная покрывка»⁴, а постичь подлинное бытие можно с помощью мистических практик.

Ю.Е. Кондаков выделил следующие элементы мировоззрения «зрелого» А.Н. Голицына, наиболее важными из которых являются: «Вера в то, что человек может обрести в сердце Иисуса Христа и таким образом спастись... Разделение религии на «внешнюю» и «внутреннюю» с приоритетом последней... Взгляд на обрядовую сторону религии как на вторичную, хотя и обязательную для членов отдельных церквей... Ожидание скорого осуществления предсказаний Апокалипсиса»⁵. Тремя основными чертами религиозного мировоззрения князя, таким образом, были: мистицизм, экуменизм, эсхатологизм.

Надо заметить, что в данном контексте термин «мистицизм» мало проясняет тот тип религиозного мировоззрения, который был свойственен А.Н. Голицыну. В любой религиозной системе заложен мистический компонент. В христианстве это связано с признанием трансцендентного тварному миру Бога и возможность контакта с ним сверхчувственным путем, осуществляющемся при помощи божественного теофании (богостроительства) с одной стороны и достижением субъектом высокого духовного уровня с другой. Однако практически в православии и католицизме главенствующую роль играет духовенство, которое объявляет себя посредником между людьми и Богом, тогда как при сверхчувственном познании субъект не испытывает необходимости в некоем медиаторе, а жаждет непосредственного контакта с Абсолютом. Именно с этим связано понятие «обретения Иисуса Христа в сердце» связано с представлениями о примате сверхчувственного познания. Из идеи о возможности непосредственного контакта с Богом, без посреднической роли религиозных институтов, облеченных сакральными функциями, вытекает идея о «внутренней» и «внешней» церкви. Суть данной концепции состоит в том, что для ее носителей более важной представлялась т.н. «внутренняя церковь» (т.е. душа человека, таинственным образом связанная с душами других адептов «подлинного хри-

стианства» в некое всемирное братство), нежели церковь внешняя (т.е. исторические конфессии).

Помимо этого, взглядам А.Н. Голицына его единомышленников был свойственен экуменизм. Несмотря на то, что князь А.Н. Голицын был крещен в православии и формально к нему принадлежал, фактически он не делал особой разницы между православием, католицизмом и большинством направлений протестантизма.

Кроме того, важным элементом мировоззренческой позиции А.Н. Голицына являлся эсхатологизм. Князь полагал, что живет в переломную эпоху, когда борьба добра и зла достигает апогея, «делается всеобщей»⁶, а апокалиптические пророчества в скором времени сбудутся⁷. Подобные умонастроения, свойственные и Александру I, способствовали созданию в 1815 г. Священного Союза европейских монархов, который, по мысли его создателей, знаменовал собой начало новой эпохи в развитии человечества.

Описанный выше комплекс идей послужил основой для упоминавшейся выше идеологии «общехристианского государства». В рамках этой доктрины происходил своеобразный синтез либеральных идей и религиозно-мистических взглядов. Конечной целью создателей этой доктрины было, преодоление конфессиональных, национальных, классовых и иных противоречий в лоне истинного христианства⁸.

История воплощения этой грандиозной по мысли теократии в жизнь ведет свой отсчет с января 1813 г., когда было создано Российское Библейское общество, а А.Н. Голицын стал его президентом. Издание и распространение Библии на национальных языках и без комментариев, по замыслам реформаторов, должно было способствовать формированию широкой прослойки людей - активных сторонников экуменической идеи.

Наибольший интерес для нас представляет другое учреждение – министерство духовных дел и народного просвещения (также называемое двойным, или «сугубым», министерством), существовавшее с 1817 по 1824 гг. Его бессменным министром был А.Н. Голицын. «Сугубое» министерство было разделено на два департамента: соответственно духовных дел и народного просвещения. В связи с этим имеет смысл выделять эти два направления деятельности А.Н. Голицына.

Политика министерства духовных дел и народного просвещения характеризуется наличием двух противоречивых тенденций. С одной стороны, тенденция к веротерпимости четко прослеживается при изучении структуры Департамента духовных дел, состоявшего из четырех отделений: греко-российского исповедания; римско-католического, греко-униатского и армянского исповеданий; всех протестантских исповеданий; всех нехристианских исповеданий. Юридически все религиозные доктрины были уравнены.

Веротерпимость также проявлялась в предоставленном населению праве свободно менять конфессиональную принадлежность. По воспоминаниям того же П.П. фон Геце, А.Н. Голицыну подавались просьбы о том, чтобы крестить детей из смешанных православно-лютеранских браков (в Эстонии), которые в большинстве случаев удовлетворялись⁹. Вкупе с распространением Библейским обществом священных христианских текстов на национальных языках и без комментариев это должно было способствовать прививанию населению страны культуры свободного выбора, вдумчивого отношения к религии.

В то же время, степень либерализации религиозной жизни страны не следует преувеличивать. Примером авторитарного отношения «общехристианской» власти к религиозным организациям, не желавшим подчиняться министру, служат иезуиты, которые пользовались определенным влиянием среди представителей высшего дворянства и интеллектуальной элиты. В послевоенный период они встали в оппозицию к «общехристианскому» эксперименту. Это было связано с тем, что Папа Римский Пий VII, которому подчинялся Орден, являлся основным противником Священного Союза. Находившиеся на территории России иезуиты вели активную «антиэкуменическую» пропаганду среди своих сторонников. Это привело к тому, что в 1815 г. иезуиты были изгнаны из Петербурга, а в 1820 г. - из пределов Российской империи.

Однако наиболее сложным для А.Н. Голицына был православный вопрос. То, что князь покровительствовал деятельности немецких протестантских миссионеров, способствовал изданию мистической литературы, раздражало некоторых представителей православной церкви. Кроме того, недовольство вызывала секуляризация управления православной церковью. Синод приравнивался к второстепенным учреждениям, а влияние духовенства на принятие решений существенно ограничивалось. обер-прокурор Св. Синода потерял право чтения докладов у императора, а интересы православной церкви перед Александром I теперь должен был защищать

министр духовных дел и народного просвещения. Также министр утверждал все решения Синода, а назначение и снятие обер-прокуроров было в прямой его компетенции. Все внешние сношения Синода также находились в ведении министерства. По представлению «духовного» министра император назначал и увольнял обер-прокуроров Синода. Вместе с тем, А.Н. Голицын, понимая, что православие является основным козырем в руках его политических противников, принужден был действовать осторожно. Так, будучи министром духовных дел, он практически не вмешивался во внутренние дела Синода, и тот нередко принимал решения, противоречившие его позиции. Это, в числе прочего, способствовало формированию в недрах «православного ведомства» очага сопротивления деятельности министра, «православной оппозиции», куда входил, помимо прочих, митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский).

Недовольство политикой А.Н. Голицына проявлялось и со стороны либеральной общественности, особенно после того, как в деятельности министерства духовных дел и народного просвещения все больше проявляются консервативные и даже реакционные черты. С течением времени в деятельности князя и его соратников все более проявлялись консервативные тенденции, что в значительной степени затронуло политику в области народного просвещения. Ревизии Казанского и Петербургского университетов стали жупелом как для современников (что отразилось, в частности, в известной эпиграмме А.С. Пушкина на А.Н. Голицына, в которой князь был назван «просвещения гонителем»), так и для либеральной и социалистической историографии. Казанский университет подвергся проверке в 1819 г. Ее осуществлял член Главного правления училищ М.Л. Магницкий. В ходе этой ревизии, которая проводилась две недели, было уволено 11 профессоров (правда, всего один из них - по соображениям идейного характера), а из университетских программ беспощадно изгонялся «якобинский» дух. Несмотря на некоторое преувеличение масштабов происходившего в Казани в 1819 г., консервативный характер проведенной М.Л. Магницким проверки не вызывает сомнений. Это впечатление подкрепляется написанной им в 1820 г. инструкции директору Казанского университета. В данном документе говорится, в частности, о том, что целью университетского образования является «покорность и послушание». Подобное понимание функций просвещения совершенно очевидно противоречило «общехристианским» идеалам. А в 1821 г. попечитель Петербургского учебного округа Д.П. Рунич устроил в подведомственном ему университете рассмотрение деятельности профессоров с точки зрения соответствия читаемых ими курсов христианскому духу. В результате шесть профессоров университета были либо временно отстранены от преподавательской деятельности, либо вовсе уволены.

Университеты не являлись единственной сферой, где проявился переход А.Н. Голицына на консервативные позиции. Ужесточилась также и цензурная политика. Если поначалу не допускались только открытые выступления против министра, то теперь критерий неблагонадежности расширялся. Особенно отчетливо это проявилось после конфликта А.Н. Голицына с основателем Харьковского университета В.Н. Каразиным, который составил во второй половине 10-х гг. т.н. «Устав для помещичьего имения, состоящего на оброке». Это документ являлся, по сути, довольно радикальным планом решения крестьянского вопроса, предполагавшим фактический демонтаж крепостнических отношений в деревне. «Устав» был издан в Санкт-Петербурге в 1819 г., однако А.Н. Голицын и В.М. Попов потребовали выдать им уже появившиеся в свет экземпляры книги, а выпуск остальных прекратить, мотивируя это тем, что в ней имеется «некоторый род узакониваний от частных лиц»¹⁰. После этих событий Цензурному комитету предписывалось посылать все вновь выходящие книги на проверку в Департамент народного просвещения.

К 1824 г. недовольство политикой А.Н. Голицына стал испытывать и Александр I, который осознавал, что «общехристианская» утопия провалилась. Реформаторы не достигли тех целей, которые ставились, на территории Российской империи не была моноконфессиональной общности, в которую надлежало инкорпорироваться всем христианским этносам. В 1820 г. провалился план по объединению протестантов в рамках единого ведомства, объединявшего лютеран и евангелистов. Это ускорило окончательное падение князя А.Н. Голицына.

В устранении князя и учреждений, им возглавлявшихся, Александр I и граф А.А. Аракчеев использовали т.н. «православную оппозицию», включавшую в себя митрополита Петербургского и Новгородского Серафима (Глаголевского), а также гневного обличителя «общехристианского» мистицизма архимандрита Фотия (Спасского) и бывшего соратника князя М.Л. Магницкого. В результате состоявшегося весной 1824 г. заговора князь А.Н. Голицын

был уволен с поста министра духовных дел и народного просвещения, а также лишился должности президента Библейского общества. Утопия «общехристианского государства» потерпела крах. После этого князь прожил еще 20 лет и умер в ноябре 1844 г., однако никогда более он не занимал ключевых государственных постов.

В заключение следует отметить, что А.Н. Голицын пытался решить очень важную задачу – оживление религиозной жизни страны, которая после резкого снижения значения православной церкви в жизни русского общества пошла на спад. Однако выполнить такую программу на практике было невозможно. Как отметила Е.А. Вишленкова, «мистицизм, понятый правительством Александра I как возможность организационного и догматического слияния христианских, а затем и нехристианских общин в единую российскую церковь, не получил поддержки широких слоев российского общества»¹¹. В то же время нельзя считать, что политика А.Н. Голицына не оказала никакого влияния. Е.А. Вишленкова отмечает тот факт, что после работы Библейского Общества книга перестала быть роскошью, стала более привычной и доступной¹². Сформировались группы людей, имеющих гражданскую позицию и способные объединяться как под эгидой государственной власти, так и против нее. В какой-то степени «встряска» в виде планомерно осуществлявшейся в России доктрины «общехристианского государства» была полезна и для православной церкви. Феномен «православной оппозиции», возникшей как противодействие деятельности «духовного» министра, способствовал объединению вокруг консервативной программы православного клира талантливых и энергичных людей. Все это обуславливает наш интерес к деятельности А.Н. Голицына и его соратников, которая вызвала широкий резонанс в общественной жизни страны в 10-20-е гг. XIX вв.

Примечания:

1. См.: Барсов Н.И. Архимандрит Фотий и князь А.Н. Голицын // *Русская старина*. 1882. №3. - С. 756-780; Карнович Е.П. Князь Александр Николаевич Голицын и его время // *Исторический вестник*. 1882. Т.VIII, апр. - С. 5-39. Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в первой половине текущего столетия. СПб., 1894; Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и первой половине XIX столетия (Развитие обер-прокурорской власти в синодальном ведомстве): Опыт исторического исследования. Казань, 1899.; Стеллецкий Н.С. Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901.; Эткин А. Умиравший сфинкс: круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // *Studia Slavica Finlandesia*. Т.13. Хельсинки. 1996.; Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных...»: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Казань, 2002.; Кондаков Ю.Е. Государственная власть и эволюция высшего управления Русской православной церкви в первой половине XIX века. СПб., 2003.; Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005.; Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов*. Воронеж, 2005. - С. 157-191.

2. Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных...»: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Казань, 2002. - С. 141.

3. Шереметевский В.В. Голицын князь Александр Николаевич // *Русский биографический словарь*. Гоголь-Гюне. М., 2001. - С. 81.

4. Голицын А.Н. Воспоминания: Из записок Ю.Н. Бартенева // *Русский архив*. 1886. Кн.2. №5. - С. 89.

5. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. - С. 33.

6. Письма князя А.Н. Голицына к различным лицам. // *Русский архив*. 1905. Кн.3. - С. 398.

7. По мнению немецкого мистика И.-Г. Юнга-Штиллинга, события, конец света будет в 1836 г., когда совершится окончательная победа добра над злом.

8. Вишленкова Е.А. Указ. соч. - С. 145.

9. Геце П.П. Указ. соч. - С. 86.

10. Там же.

11. Вишленкова Е.А. Указ. соч. - С. 414.

12. Там же.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕКТАНТСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

Н.А. Клышнюк

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается феномен сектантства в Российской империи в XIX в. Исследуется аспект возникновения и распространения сектантства. На примере истории сект хлыстов и скопцов выделяются несколько главных условий возникновения сектантства. Выявляются причины распространения сектантства на территории Российской империи.

Ключевые слова: сектантство, условия возникновения и причины распространения, Российская империя, хлысты, скопцы.

CONDITIONS OF ORIGIN AND CAUSES OF SPREADING OF THE SECTARIANISM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN XIX C.

N.A. Klyshniuk

Belgorod State University

The article is devoted to the phenomenon of the sectarianism in the Russian Empire in XIX c. The aspect of origin and spreading of sectarianism is investigated by the author. Some main conditions of origin of the sectarianism are distinguished. In XIX c. glaring examples of the Russian sects were the Khlysts and the Scopts. Also the causes of spreading of the sectarianism are revealed.

Key words: the sectarianism, conditions of origin and causes of spreading, the Russian Empire, the Khlysts, the Scopts.

Говоря об условиях возникновения и причинах распространения сектантства, следует учитывать, что их можно условно разделить на две группы: общие для всех или же большинства сектантских учений и, как правило, напрямую не связанные с сектами, а также частные и индивидуальные для каждого сектантского течения в отдельности и напрямую с ними связанные. Основанием для подобного разделения являются общеисторические процессы и явления в обществе и государстве, непосредственно затрагивающие области религиозной жизни и сектантства, а также частные для каждого сектантского учения.

К условиям, влияющим на возникновение и распространение сектантства, которые мы можем причислить к числу общих для всех сектантских учений, относятся либеральный характер общей политики российского правительства по отношению к неправославным учениям в XIX в., низкий уровень просвещения и духовного образования среди населения империи, низкий духовно-нравственный облик части духовенства и монашества русской церкви в XIX в., сохранившееся двоеверие как часть мировоззрения народных масс.

Говоря о либеральном характере политики в отношении Русской Православной Церкви и сектантства в Российской империи, следует учитывать, что это было лишь одной из сторон общей политики, особенно ярко проявившей себя в период правления Александра I. В дальнейшем Николай I проводил политику фактического «замораживания» России, в которой он придавал приоритетное значение государственному влиянию на церковную жизнь¹, но либерализм, как умонастроение, уже проник в высшие слои общества и в слои интеллигенции. Данная особенность исторического процесса в России не могла не сказаться на Русской Православной Церкви и сектантстве. Ведь именно среди высших классов русского общества, на которых более всего отразилось влияние западной цивилизации, стал развиваться либерализм по отношению к вере², что является одной из причин распространения сектантства в России.

Низкий уровень просвещения и духовного образования среди населения империи был вызван множеством причин. Так, все русское образование еще с первой половины XVIII в., имело узкопрактический, сословно-служебный характер и состояло в выучке какому-нибудь специальному или сословному делу. Подобным образом велено было заводить и духовные школы, в которых сосредоточено было все религиозное образование. Таким образом, образование это было образованием специальным, образованием одних духовных школ «в надежду священства», без которых другие школы могли обойтись³. После петровской эпохи, кардинально изменившей русский быт⁴, обозначилось влияние французского Просвещения. Однако, ввиду произошедшей Великой французской революции в конце XVIII в., отношение не только к французской литературе, но и французской образованности в конце XVIII в. в России резко ухудшилось⁵. Одновременно с французским вольнодумством развивалось в обществе мистиче-

ское направление, сосредоточенное первоначально в масонских ложах, тоже заимствованных с запада и существовавших в России еще с XVIII в.⁶ И хотя, во второй четверти XIX в. правление Николая I отличалось строго православным направлением и строгой цензурой учения, кружки и группы подобного масонского рода продолжали распространяться. Кроме этого, следует отметить, что с конца 1830-х гг. и в 1840-х гг. образованное общество увлеклось философией Гегеля. В 1850-х и 1860-х гг., огромное влияние в обществе и в среде учащейся молодежи получили учение О. Конта, Л. Фейербаха, а после - учения социалистов и коммунистов⁷.

Простой же народ в массе своей сохранял образ жизни еще допетровской Руси. Из просветительских забот правительства в XVIII в. его коснулись в основном заботы об искоренении суеверий, да и то, по политическим причинам. Просветительская деятельность народничества, хлынувшая в 1860-х гг. в народ, не нашла должного отклика в его среде. Беглый же взгляд на историю просветительской деятельности выявляет попытки постоянного поиска оптимальных программ просвещения народа и его духовного образования, которое вышло на более или менее твердую позицию лишь в последней четверти XIX в.⁸

Следует также отметить то, что дело просвещения, особенно после покушений на царских особ, было ориентировано преимущественно на решение политических задач. Образование преследовало своей целью пресечение размножения в молодежной среде опасных «плевел» социалистического, коммунистического и анархического движений.

Одним из факторов, влияющих на возникновение и распространение сектантства, мы можем считать отрицательный духовно-моральный облик части духовенства и монашества русской церкви в XIX в. Так, следует отметить, что низкий моральный уровень духовенства и монашества русской церкви в XIX в. не был повсеместным и массовым явлением. XIX в. представил общественности множество примеров высоко-нравственных, глубоко-духовных и образованнейших людей, как среди белого, так и среди черного духовенства⁹. Проблема заключается в том, что духовенство, в сельской местности, имело довольно часто средний, посредственный уровень не только духовного и церковного образования, но и просто духовно-нравственный облик. Аргументами в пользу этого являются зафиксированные скандальные истории в хронике Синода за XVIII-XIX в.¹⁰, формирование собственного оппозиционного учения православным священнослужителем¹¹. В качестве примера можно привести народные пословицы, отмечающие отрицательный облик духовенства: «Поповские глаза завидуци, поповские руги загребуши», «Поп дерет с живого и с мертвого»¹², и т.д. Также, яркие примеры несоответствия возложенным обетам монашества действительному образу жизни можно обнаружить, например, в записях путешественника французского графа Астольфа де Кюстина в период правления Николая I¹³. Кроме этого можно указать на обширные светские мнения (из разговоров с православными священниками и письма), а также сектантские тексты¹⁴.

Немаловажным среди факторов, влияющих на возникновение и распространение сектантства, как наиболее глубокий нам представляется сохранившееся двоеверие, являвшееся элементами мировоззрения народных масс.

Принятие христианства в X-XI вв. в очень малой степени изменило религиозный быт древнерусского общества. После официального принятия христианства на Руси сохранялось язычество. Это было обусловлено тем, что язычество и христианство воплощали два разных типа мировоззрения, отнюдь не связанных между собой преемственно. Со временем они постепенно наслаивались друг на друга, и в процессе этого наслаивания, с одной стороны, язычество получило стимул к дальнейшему развитию, а с другой – христианство низводилось до уровня языческих понятий и преданий. Так сложилось «двоеверие» – мировоззрение раздвоенного сознания средневековых русичей¹⁵.

В дальнейшем, конечно, особенно после нашествия монголо-татар в XIII в. на Русь, не мог быть не услышан в народе призыв покаяться и вернуться к истинному православию со стороны власти и духовенства. Это повлияло на то, что двоеверие из осознанного перешло в бессознательное и тем самым фактически прекратило свое существование как реальная сила¹⁶, но не исчезнувшее окончательно. В последующем многие материалы исследований сектантства в России, например, ритуалы русских сектантов XVII-XIX вв.¹⁷, с достаточной долей уверенности позволяют утверждать о сохранении в народе традиции двоеверия¹⁸. По мнению Н.А. Бердяева, в русской стихии всегда сохранялся и сохраняется дионисический экстатический элемент. С этим связана огромная сила русской хоровой песни и пляски. Русские люди склонны к оргиям с хороводами, что мы видим на примере хлыстовства¹⁹. Н.А. Бердяев в статье «О новом религиозном сознании» пишет: «Характерная, существенная особенность, нашего, нового возрожде-

ния, что оно двойное...: возрождается, воскресает Бог христианский, боги языческие возрождаются, воскресают. Мы переживаем не только христианский ренессанс, но и ренессанс языческий...»²⁰.

В исторической науке, философии, богословии существует несколько точек зрения по вопросу истоков ересей Древней и Средневековой Руси и более поздних ересей и сект периода Российской империи. Согласно одной из распространенных точек зрения, появление сект обусловлено в целом внутренним протестом крестьянства. Возникновение сект выступает фактически бунтом против окружающей действительности, который выливается в отвержение «слабой» и не спасающей христианской церкви, с последующим созданием или вхождением в новые «обновленные» религиозные учения. Странники данной концепции на ключевое место ставят социально-экономический фактор, который обуславливает появление новых сект. Многие исследователи определяют истоки русского сектантства с позиции влияния западных сектантских учений, считая образовавшиеся в России секты плодами прозелитизма и распространения европейских сект, получивших распространение на территории России. Прочие гипотезы фокусируют внимание на различных сторонах проблемы генезиса сектантства, акцентируя те или иные психологические, социальные аспекты.

Один из сторонников идей того, что русские секты представляют собой «политический протест под религиозной оболочкой» является А.И. Клибанов. Он считает, что секты – это экономические сообщества, а широкое распространение сектантства как формы классовой борьбы во второй половине XVIII, и XIX и даже начала XX в. само по себе было выражением общественно-экономической отсталости России²¹. «История дореформенных течений русского религиозного сектантства, как и их история в пореформенную эпоху, запечатлела в религиозных образах мучительную эволюцию патриархального крестьянина в буржуазного собственника» - писал А.И. Клибанов²². Главным выводом его исследования является то, что религиозное сектантство, порожденное становлением буржуазных отношений, способствовало укреплению и распространению буржуазных отношений в России²³, особенно в кон. XVIII – нач. XIX в., когда народные сектантские движения в религиозной форме эволюционировали в организации буржуазного накопления, что действительно можно обнаружить среди таких форм русского религиозного сектантства как: адвентизм, баптизм, штундизм²⁴. Данная концепция, позволяет с социально-экономической позиции определить истоки сектантства, рассмотреть распространение сектантства как социальное явление общества. Но все же с данной позиции нельзя объяснить все стороны жизни сектантов. Не поддаются объяснению факты увлечения сектантским учением идеями среди представителей высшей власти, интеллигенции. Также не учитывается то, что сектантство практически никогда не представляет собой однородный и открытый для анализа и изучения объект. В сектах практически всегда имеется как внутреннее вероучение, для посвященных, т.е. внутренний круг учения, так и внешнее учение, для мира и пр. Более того, практически любая секта, находясь в оппозиции, всегда встает на путь маскировки и скрывания своей деятельности²⁵.

Сторонники концепция влияния западных учений на возникновение сектантских учений в России или руководства из-за рубежа говорят о том, что, во-первых, секты в России были насаждены извне, а во-вторых, эти секты – чуждые православию и православие не давало основания для возникновения этих сект²⁶. Обер-прокурор Синода писал в отчете за 1905-1907 гг.: «Святая Русь не знала сектантства. Цельная верующая душа настолько сроднилась с православием, настолько прониклась евангельскими заветами, что русскому человеку казалось немислимим изменить хотя бы малую крупичку из сокровищ истинной веры... на Руси не могло возникнуть сектантство: оно есть явление, заносное извне... Сектантство есть продукт культуры западноевропейской...»²⁷. Прот. Митрофан (Зноско-Боровский), говоря о появлении сектантских учений в России, писал: «...на недавно духовно едином русском организме вырастают, как злокачественные наросты, извне привитые секты протестантского, иудейского и языческого характера, как: штуд-баптизм, методизм или пашковщина, «Десное братство» или «Сионская весть», т.е. иеговисты, «Духовные христиане», молокане и субботники, адвентисты, «Истинные христиане», духоборы, хлысты и скопцы»²⁸. Как нам представляется, концепция влияния западных учений или руководства из-за рубежа на возникновение сектантских учений на территории России является мало соответствующей действительности. Странники данных идей полностью отбрасывает историю и факты возникновения исконно русских сект в России и как правило не приводят сколько-нибудь точных неоспоримых данных и фактов²⁹. Кроме этого, включение в список сект западного происхождения хлыстов и скопцов прот. Митрофаном (Зноско-Бо-

ровским) и попытка определения их как принесенных извне также не соответствует действительности, так как хлысты и факты «радений» были известны еще задолго до XVIII в. и самого раскола, а скопчество, помимо также зафиксированных отдельных фактов с периода Древней Руси, по словам В.В. Розонова, «как определенное учение и объединение, связанных между собой людей, существует единственно в России»³⁰. Одновременно с этим нельзя однозначно утверждать о том, что подобного влияния не было, так как в XIX веке действительно появляются и распространяются западные протестантские учения³¹. Возможно, именно этим объясняется определение прот. Петром (Смирновым) русского сектантства в XIX в. главным образом в штундизме и пашковщине³².

Следует также обратить внимание на то, что не надо приравнивать русского к православному. Русская тема есть тема частная, а православная - всеобъемлющая³³. Н.А. Бердяев писал: «Идея Святой Руси имела глубокие корни, но она заключала в себе и нравственную опасность для русского человека, она нередко расслабляла его нравственную энергию...»³⁴. С другой стороны, осознание нашего личного исторического пути поможет нам сосредоточить на нем возможно более организованные усилия, избавив, может быть, от бесплотной растраты сил³⁵. Вместе с этими распространенными методологическими ошибками А.А. Панченко указывает на ошибку, которая состоит в отождествлении религии и религиозной институции, института (от лат. «institution» - наставление, образование)³⁶.

Другая причина возникновения сект, в особенности мистических сект, в XVIII-XIX вв. по нашему мнению лежит в области религиозной жизни и обуславливается возникшим в XVIII веке религиозным брожением. Религиозное чувство русского народа в XIX в. было сильно возбуждено: церковный раскол, реформы петровской эпохи, отмена крепостного права – были причинами усиленного распространения идей о страшном суде, о приходе антихриста, о падении истинной веры и пр. По мнению А.К. Бороздина в данном случае рождалось страстное искание путей спасения и всякие, особенно мистические доктрины, привлекают к себе всеобщее внимание³⁷. Н.А. Бердяев, описывая образ народной религиозной жизни, говорит о сильном духовном голоде, пророческом предчувствии, мистической углубленности и апокалиптической настроенности. Последнее имеет место быть на вершинах православия и в сектах, расколе и странничестве³⁸. Говоря о хлыстовстве, Бердяев отмечает, что оно представляет собой стихийную оргийность. «В мистической жажде хлыстов есть своя правда, указывающая на неутоленность официальной церковной религией» - писал Н.А. Бердяев³⁹. Весьма значительными предстают перед нами слова Феофана Затворника, который писал об условиях, благоприятствовавших распространению влияния сектанта: «Духовенство как влияние не существует здесь... Горящие духом у нас скрыты. Книг никто не читает. Да и книга кого обратит? Живого слова духовного нет у нас, а потребность есть – около кого-либо сильного группироваться, позаимствовать силы. Бедная Россия! Не книг ученых нужно, а живого слова человека, который бы остановил этот поток, поднял бы голос, чтоб удержать в Православии лучшие силы нашего общества»⁴⁰.

В данном ключе появление и цель сектантства очень точно определена П.Б. Струве. Он дал определение религиозной потребности человека. «В религии человек выходит из сферы ограниченного, личностного существования и приобщается к более широкому, сверхиндивидуальному бытию»⁴¹. С данной позиции объясняется возникновение хлыстовства со своим экстатическим культом, «радениями», что позволяет своим последователям выйти за границы обычного обрядового христианства и достигнуть максимально интенсивный эмоциональный опыт, религиозный экстаз. Именно эти состояния ценились хлыстами больше всего⁴². Знаменский писал о хлыстовстве, что учение этой секты представляет собой своеобразную форму народного мистицизма, верящего в такое близкое общение человека с Божеством, которое совершенно уничтожает человеческую личность и делает человека полным воплощением Божества, новым Христом⁴³, на что и направлены ритуальные практики.

Ведь, например, оскопление у скопцов было не просто изощренной техникой или инициацией, а средством достижения Царствия Небесного согласно евангельским словам в 19 главе Евангелия от Матфея, которые скопцы исполняли буквально: «И есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного»⁴⁴. Также можно вспомнить случаи самоубийства, убийства среди сектантов по причинам апокалипсических переживаний, дошедшими «до истребления всякого бытия»⁴⁵.

Подводя итоги, следует отметить что, история сектантства в России в XIX в. имеет несколько условий, которые способствовали его распространению. Среди концепции относи-

тельно причин возникновения сектантских учений следует сказать, что концепции западного неправославного происхождения русских сект не соответствует реальным положениям вещей. Объяснение возникновения сект через социально-экономический фактор может многое объяснить в процессе жизнедеятельности секты, но не отвечает на главные причины возникновения сектантства как одной из форм религиозного поиска человека. Главнейшей причиной возникновения сект в XVIII-XIX вв. по нашему мнению лежит в области религиозной жизни и обуславливается возникшим в XVIII в. религиозным брожением.

Примечания:

1. Литвак Б.Г. *Русское православие в XIX веке // Русское православие: веки истории. М., 1989. – С. 325.*
2. Малицкий П.И. *Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. – С. 430.*
3. Знаменский П.В. *История русской церкви. М., 2002. – С. 409-412.; Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Репринтное изд. М., 1997. – С. 691.*
4. Тальберг Н.Д. *Святая Русь. М., 2002. – С. 138.*
5. Знаменский П.В. *Указ. соч. - С. 409-412.*
6. Знаменский П.В. *Указ. соч. – С. 412; Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке... – С. 431.*
7. Знаменский П.В. *Указ. соч. – С. 415.; Тальберг Н.Д. Святая Русь... – С. 143.*
8. Знаменский П.В. *Указ. соч. – С. 419; Тальберг Н.Д. История Русской Церкви... – С. 835-839.*
9. См.: Смирнов П., прот. *История христианской православной церкви. СПб., 1912. – С. 273-284.*
10. Никольский Н.М. *История русской церкви. М., 2004. - С. 238-239, 483.*
11. См.: *История одного кумира в Рысе. История путятинского брожения в городе Пензе в период 1916-1922 гг. СПб., 2005. – 87 с.*
12. *Цит. по: Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора. – М., 1905. – С. 21;*
13. Кюстин Астольф де. *Николаевская Россия. – М., 2008. – С. 280-290;*
14. См.: Розанов В.В. *Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. М., 2002. – С. 428; Он же. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. – С. 114-119; Начало жизни христиан и страдание их в селе Павловках, какие они переносили мучения и гонения от язычников за веру Господа нашего Иисуса Христа // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола (в 5 вып.) Вып. I. Баттисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты / под ред. Бонч-Бруевича В. СПб., 1908. – С. 188, 191, 196, 199; Пругавин А.С. Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе. (Очерки, аналогии, параллели). [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_0070.shtml.*
15. См.: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. *Еретики и ортодоксы: очерки древнерусской духовности. - Л., 1991. - С. 17; Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 2003. - С. 335, 590-592; Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. - С. 164; Никольский Н.М. Указ. соч. - С. 9-21; Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. М, 2004. - С. 71.; Фроянов И.Я. Загадка крещения. М., 2009. - С. 170-224; Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. - С. 13, 69.*
16. Пенской В.В., Пенская Т.М. *Истоки авторитаризма в России. Белгород, 2008. - С. 115-116.*
17. См.: Еремина В.И. *Ритуал и фольклор. Л., 1991. – 207 с.; Соболев, А.Н. (свящ.). Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914. - 40 с.*
18. См.: Голубинский Е. *История русской церкви. Т. I. Период первый. Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 2002. – С. 852; Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. – 207 с.; Соболев, А.Н. (свящ.). Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914. - 40 с.*
19. Бердяев Н. *Русская идея. М., 2007. – С.10.*
20. *Цит. по: Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906) / сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 2002. – С.381-38;*
21. Клибанов А.И. *История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1965. – С. 322-323.*
22. Там же.
23. Там же. - С. 322-325.
24. Клибанов А.И. *Народные противощерковные движения // Русское православие: веки истории. М., 1989. – С. 570.*
25. См.: Ракитин А.И. *Скопческие процессы (фрагменты истории изуверской секты) // Загадочные преступления прошлого, 2004. [Электронный ресурс] // http://murders.ru/Sk_pr.html.*
26. Зноско-Боровский М. прот. *Сравнительное богословие. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. М., 2003. – С.235-238;*
27. *Цит. по: Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России... – С. 15-16.*
28. *Цит. по: Зноско-Боровский М. прот. Указ. соч. – С. 234.*

29. Пругавин А.С. *Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора. М., 1905.* – С. 78.
30. Цит. по: Розанов В.В. *Возрождающийся Египет...* – С. 387.
31. Доброклонский А.П. *Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.* – С. 675.
32. Смирнов П., прот. *История христианской православной церкви. СПб., 1912.* – С. 256.
33. Цит. по: Федотов Г.П. *Святые Древней Руси. М., 1990.* – С. 27-28.
34. Цит. по: Бердяев Н.А. *Судьба России. М., 2005.* – С. 115.
35. Федотов Г.П. *Святые Древней Руси. М., 1990.* – С. 27-28.
36. Панченко А.А. *Христианин и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.* – С. 68.
37. Бороздин А.К. *Русское религиозное разномыслие. СПб., 1907.* – С. 104, 113.
38. Бердяев Н.А. *Судьба России...* – С. 44-45.
39. Там же. – С. 85;
40. Цит. по: Архимандрит Георгий (Тертышников). *Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. В 2-х кн. Кн. I. От «А» до «К». Рязань, 2003.* – С. 438.
41. Цит. по: Струве П.Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000.* – С. 56.
42. Эткин А. *Хлыст. М., 1998* – С. 44- 45.
43. Знаменский П.В. *Указ. соч.* – С. 420.
44. Розанов В.В. *Возрождающийся Египет...* – С. 387.
45. Бердяев Н.А. *Судьба России...* – С. 156; Пругавин А.С. *Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе. (Очерки, аналогии, параллели). [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_0070.shtml.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.С. ШИШКОВА.

А.Е. Гребенщиков

Воронежский государственный университет

Статья посвящена адмиралу военно-морского флота, видному государственному деятелю, писателю и публицисту начала XIX в. Александру Семеновичу Шишкову. Он был одним из основателей русского консерватизма, идейного течения, ставящего своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих эволюционное и органическое развитие общества. Как ранний консерватор, А.С. Шишков пытался доказать, что для России было необходимо сохранить национальную идентичность, язык, православную веру и самодержавие.

Ключевые слова: Шишков, царствование Александра I, консерватизм.

A.S. SHISHKOV'S GOVERNMENTAL AND SOCIAL-POLITICAL ACTIVITIES.

A.E. Grebenshikov

Voronezh State University

The paper is devoted to A. S. Shishkov, who was an admiral of the navy, a prominent statesman, writer and publicists at the begging of the XIX century. He was one of the founders of Russian conservatism. It is an ideological current, which puts a goal to actualization of positive traditions and values of the past providing the evolutionary and organic development of the society. As the early conservator A. S. Shishkov tried to prove that it was necessary for Russia to preserve national identity, language, Orthodox beliefs and autocracy.

Key words: Shishkov, Alexander I's reign, conservatism.

Александр Семенович Шишков (1754-1841 гг.) - крупный государственный деятель, адмирал флота, филолог и публицист пушкинской эпохи. Его роль в общественной жизни России в александровское царствование, деятельность на высшем посту империи во время Отечественной войны 1812 г., а также на поприще министра народного просвещения в 1824-1828 гг. позволяют говорить о нем, как об одной из ключевых фигур внутренней политики России начала XIX века. Мировоззренческие взгляды адмирала-литератора отражали психологию определенных кругов российской элиты, которые отстаивали для своей страны самобытный путь развития, выступали за сохранение русских традиций, обычаев, культуры, языка, незыблемости православной веры.

Тем не менее, Шишков, в отличие от некоторых своих именитых современников таких, как, например, Н.М. Карамзин или Ф.М. Ростопчин, до сих пор остается сравнительно малоизученным персонажем.

В воспоминаниях С.Т. Аксакова¹, С.П. Жихарева², Ф.Ф. Вигеля³, О.А. Пржецлавского⁴, К.С. Сербиновича⁵ и Д.Н. Свербеева⁶ Шишков предстает перед нами в основном как честный и бескорыстный человек, искренний патриот, преданный государству и монархии.

Однако приблизительно со второй половины XIX в. он стал восприниматься исследователями, главным образом, как символ политической реакции, гонитель наук и просвещения. В этом ключе были написаны работы А.Н. Пыпина⁷, П.А. Щебальского⁸, В.Я. Стоюнина⁹, В. Семевского¹⁰, Н. Энгельгардта¹¹ и Н.Н. Булича¹².

В советский период отечественной истории государственная служба «наиболее реакционного деятеля александровского царствования»¹³ была предана забвению. Однако в трудах Н.И. Мордовченко¹⁴, а впоследствии Б.А. Успенского¹⁵ и Ю.М. Лотмана¹⁶ продолжалось исследование лингвистических взглядов Шишкова.

В работах современных авторов Ю.Е. Кондакова¹⁷, А. Зорина¹⁸, А.Ю. Минакова¹⁹, М.Г. Альтшуллера²⁰ роль адмирала в российской истории стала рассматриваться более объективно. Однако целостной работы, содержащей все аспекты его государственной и общественной деятельности, его идейных взглядов и психологических особенностей характера на данный момент нет.

О детстве Шишкова мало что известно, так как начало его мемуаров утеряно²¹. Он родился 8 марта 1754 г. в провинциальной, мелкопоместной семье инженера-поручика С.Я. Шишкова. После смерти родителей и раздела имения между четырьмя братьями А.С. Шишков владел пятнадцатью душами крепостных²². Позднее, когда у него было уже несколько сот душ, он жил практически одним жалованьем. Маленький Александр рос в небольшой русской деревне Кашинского уезда Тверской губернии. Он, как и многие молодые дворяне, возможно, играл с крестьянскими детьми и воспитывался крестьянской няней, которая познакомила его с народной культурой и деревенскими обычаями.

Юные годы будущего адмирала были связаны с морем. Образование Шишков получил в Морском кадетском корпусе, одном из лучших учебных заведений в Европе. Там читали лекции известные в то время ученые: знаменитый историк Ф.И. Миллер и бессменный преподаватель навигации и математики в Корпусе, автор знаменитого «Письмовника» Н. Г. Курганов. Шишков закончил учебное заведение одним из первых учеников, вынеся оттуда знание европейских языков и получив высокие профессиональные навыки в морском деле.

В молодые годы он участвовал во многих морских походах. В 1771 г. Шишков едва не погиб во время кораблекрушения у берегов Швеции²³. В 1776-1779 гг. он совершил морское путешествие из Кронштадта в Константинополь, значительно расширившее его кругозор²⁴. Шишков побывал в Италии, Греции и Турции, воочию посмотрел на памятники античной и средневековой архитектуры, посетил места овеванные древними мифами и на всю жизнь влюбился в итальянскую поэзию. Вероятно, именно тогда у него возникли первые импульсы враждебного отношения к французам, которые впоследствии окрасили почти всю его литературную деятельность. Наблюдая греческие часовни, обезображенные французскими ругательными надписями, Шишков уже тогда, укорял французов в «безверии» и «развращении нравов»²⁵.

Во время Шведской войны 1789-1790 гг. он в чине капитана второго ранга командовал фрегатом «Св. Николай» и получил в награду золотую шпагу с надписью «за храбрость», а также золотую, осыпанную бриллиантами табакерку. После окончания войны им было написано несколько серьезных научных трудов по морскому делу, свидетельствующих о его профессиональной компетентности и большом практическом опыте. В царствование Павла I Шишков стал морским историографом, членом Адмиралтейской коллегии и вице-адмиралом флота, а позднее в 1823 г. был произведен в адмиралы.

Как и многие его современники, он был огорчен смертью Екатерины II 6 ноября 1796 г. и сменой царствования. Шишков писал: «Перемена сия была так велика, что не иначе показалась мне, как бы неприятельским нашествием»²⁶. По всей вероятности, в екатерининском царствовании адмирал видел некий идеал мудрого монарха, подчеркивал свойственное ей (немке по национальности) покровительство русским обычаям и вообще национальному началу. По его словам, «Великая Екатерина мудростью правления своего распространила, возвеличила, прославила Россию; но мудрость не отторгала ее от отечества: она любила Русскую землю, Русский народ, Русский язык, Русские обычаи»²⁷.

По вступлении на престол император Павел I пожаловал Шишкову 250 душ крестьян в Кашинском уезде, а во время своего недолгого царствования не препятствовал его карьерному росту на военно-морском поприще. Однако служба при мнительном и подозрительном госуда-

ре с его тяжелым и переменчивым нравом часто тяготила адмирала. Он старался по возможности уклоняться от точного исполнения некоторых неделикатных поручений. Так во время своей заграничной командировки 1797 г. Шишков манкировал заданием императора, предписавшего ему, следить и доносить на находящихся в Карлсбаде русских сановников. Смерть Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. не вызвала у адмирала больших переживаний. Он писал: «...Признаюсь, что хотя с одной стороны благодарность за благодеяния его ко мне и рождала в сердце моем печаль и сожаление, но с другой - освобождение от беспрестанного страха, в каком я и почти всякий находился, смешивало печаль сию с некоторой невольной радостью»²⁸.

Шишков, подобно многим своим современники, с воодушевлением воспринял обещание императора Александра I править «по законам и по сердцу <...> Августейшей Бабки <...> Екатерины Великой»²⁹. Однако, это обещание не было выполнено. В российской историографии Александр I считается первым либералом на русском престоле³⁰. Он мечтал о крупных реформах в области образования и государственного устройства, думал об отмене крепостного права и введении конституции. Шишкову же эти идеи были чужды. Он, как и большинство екатерининских вельмож, не поладил с новым императором и его молодыми соратниками: А. Чарторыйским, П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцевым, В.П. Кочубеем. Адмирал называл их людьми чересчур самолюбивыми, «не имеющими ни опытности, ни познаний», достигшими высших государственных постов благодаря личной близости к монарху, а не выслугой лет³¹. Реформы нового царствования он связывал с ужасами Французской революции³², считал их чуждыми существующей системе управления страной. В своих мемуарах Шишков обвинял Александра I в нелюбви к русскому народу, к его вере, обычаям и традициям, в слепом подражании иностранным образцам³³. Результатом такой непримиримости адмирала к либеральным курсу молодого царя стала его опала.

Удалившись от двора, Шишков занялся литературной деятельностью, к которой тяготел с молодости. Еще в начале 1780-х гг. он создал свои первые произведения: театральную пьесу «Невольничество», прославлявшую Екатерину II за выкуп из Алжира христианских пленников и перевод с немецкого языка «Детской библиотеки» И.-Г. Кампе, сделавший адмирала любимым детским писателем России³⁴. Однако в период опалы его творчество вызывало наибольший общественный резонанс. После выхода в печать в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка»³⁵ Шишков заявил о себе, как о ведущем идеологе русских консервативных кругов. Адмирала возмущало, что молодых дворян порой воспитывали французские повара и кухарки, парикмахеры и гувернеры, а светское общество говорило и писало исключительно по-французски. Более того, по его мнению, французы через свой язык и свои книги распространяли в России революционные идеи, готовили ниспровержение самодержавного строя и господствующей религии. Поэтому основной пафос «Рассуждения» был направлен против российской космополитической элиты, пренебрегавшей отечественным языком и национальной культурой. Эти идеи приобрели для Шишкова многих сторонников, вместе с которыми он в 1811 г. в Петербурге создал крупную литературную организацию «Беседу любителей русского слова», объединявшую патриотически-мыслящих интеллектуалов того времени и представителей правящих верхов страны.

Кульминационный этап в деятельности Шишкова пришелся на 1812-1814 гг., когда он пребывал на высшем посту Российской империи, в должности государственного секретаря. На этом поприще адмирал выполнил роль своего рода главного идеолога Отечественной войны 1812 г. Сопровождая императора во время всех передвижений ставки и составляя от его имени правительственные манифесты, рескрипты и воззвания³⁶, Шишков получил уникальную возможность изложить свою политическую программу перед всем населением Российской империи. В своих манифестах адмирал изобразил французов и Наполеона «как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революцию как вселенскую катастрофу»³⁷. Шишков критиковал французское просвещение, с присущими ему атеизмом и республиканизмом, а также русское образованное общество, которое увлеклось этими «разрушительными» идеями. Красной нитью через многие правительственные акты, составленные адмиралом, проходит мысль о необходимости в незыблемости сохранить самодержавие и православную веру в России. По словам дореволюционного исследователя, через манифесты Шишков «как бы проникал в глубочайшие тайники народного духа и, вызывая в народе сильный патриотизм, всю Русь, как единого человека, поднимал на защиту отечества»³⁸. Роль Шишкова в событиях тех лет красочно иллюстрируют строчки А. С. Пушкина из «Второго послания цензуре»:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа

Священной памятью Двенадцатого года³⁹.

В 1814 г. изменился правительственный курс Александра I. Шишков был отправлен в отставку с поста государственного секретаря с одновременным назначением его членом Государственного совета. На новом поприще он продолжал отстаивать свои убеждения консервативно-патриотического характера. Адмирал неоднократно представлял план нового устройства цензуры, защищал крепостное право, отрицательно отзывался о деятельности Министерства народного просвещения, попустительствующее, по его мнению, распространению революционных идей.

В конце александровского царствования Шишков активно выступал против деятельности Российского Библейского Общества, возглавляемого кн. А.Н. Голицыным. Адмирал считал это учреждение оплотом врагов России и православия, а его президента обвинял в насаждении мистицизма протестантского толка. В 1826 г., будучи членом т.н. «православной оппозиции», Шишков добился закрытия Библейского Общества.

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., по мнению адмирала, являлось плодом тех «зловредных» книг, против которых он безуспешно боролся. Шишков был членом Верховного суда над декабристами и, будучи человеком милосердным, выступил за некоторое смягчение наказаний для государственных преступников, что, однако, не было принято во внимание ни судом, ни императором Николаем I.

С 1824 по 1828 гг., адмирал возглавлял Министерство народного просвещения, сменив на этом поприще ненавистного ему Голицына. Как министр он ратовал за развитие национального воспитания на родном языке. При этом Шишков полагал, что для низших сословий необходимо ограничить доступ к получению образования. И в этом мнении он был не одинок. М.М. Сперанский, которого трудно назвать реакционером, говорил: «Что такое образование, знание для народа несвободного, как не средство живее почувствовать бедственность своего положения, источник волнений, которые могут только способствовать к большему его порабощению или могут навлечь на страну ужасы безначалия. Из человеколюбия столько же, сколько из политики, следует оставить рабов в невежестве, если не хотят дать им свободы»⁴⁰.

Стараниями Шишкова 10 июня 1826 г. был принят новый устав о цензуре. Этот устав, получивший от современников название «чугунный», практически запретил в России сочинения некоторых философов и публицистов: Вольтера, Руссо, Дидро, Гольбаха, Гельвеция и др. Цензурой не позволялось выпускать сочинений антимонархического характера и всяких исторических рассуждений, в которых могли сопоставляться различные формы правления. Под запрещение автоматически попадала и «История» Карамзина. Однако в 1828 г. шишковский цензурный устав был смягчен, а его автор по преклонности лет и слабости здоровья вышел в отставку, при этом оставался членом Государственного совета и президентом Российской Академии (1813-1841 гг.).

В 1841 г. на 88-м году жизни адмирал умер и был похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге. Его идеи оказали значительное влияние на развитие литературы, общественно-политической мысли и идеологии в России. Несомненно, знаменитая уваровская формула: «православие, самодержавие, народность», восходит к идеям Шишкова.

Примечания:

1. Аксаков С.Т. Воспоминания об А.С. Шишкове // Собрание сочинений. Т.II. М., 1909.
2. Жихарев С.П. Дневник чиновника // Записки современника. М.-Л., 1955.
3. Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч.III. М., 1864.
4. Пжецлавский О.А. А.С. Шишков. Воспоминания о нем // Русская старина. 1875. №7.
5. А.С. Шишков по воспоминаниям К.С. Сербиновича // Русская старина, 1896. №9.
6. Свербеев Д.Н. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым // Русский архив, 1871. №1. - С. 182.
7. Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. Российское Библейское общество, 1812-1826 // Вестник Европы. 1868. №11, 12.
8. Щебальский П. А.С. Шишков, его союзники и противники // Рус. Вестник. 1870. №11. - С. 192-254.
9. Стоюнин В. Исторические сочинения. Ч.1. Пб., 1880.
10. Семеvский В. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская Мысль. 1884. №6.
11. Энгельгардт Н. Очерки Николаевской цензуры // Исторический вестник. 1901. №10.
12. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Т.1. СПб., 1902.

13. Предтеченский А.В. Очерк общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. - С. 416.
14. Мордовченко Н.И. Poleмика о «старом» и «новом» слоге // Русская критика первой четверти XIX века. М.-Л., 1959.
15. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.-Л., 1985.
16. Лотман Ю.М. Н.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957-1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997.
17. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998.
18. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века. М., 2000.
19. Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. №8. - С. 18-19.; Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Сборник научных работ. Воронеж, 2005. - С. 7-18.
20. Альтиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.
21. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Издание Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т.1, II.
22. Альтиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. - С. 24.
23. Шишков А.С. Собрание Сочинений и переводов адмирала Шишкова. Т.ХII. - С. 262-334.
24. Записки адмирала А.С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1854. - 117 с.
25. Там же. - С. 29.
26. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т.1. - С. 10.
27. Шишков А.С. Собрание Сочинений... Т.II. - С. 462.
28. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т.1. - С.79.
29. Шильдер, Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т.II. - С. 6.
30. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. - С. 35.
31. Шишков, А.С. Записки, мнения и переписка... Т.1. - С. 82.
32. Там же.
33. Там же. - С. 83.
34. Жихарев С.П. Дневник чиновника // Записки современника. М.-Л., 1955. - С. 317.
35. Шишков А.С. Собрание Сочинений... Т.II. - С. 1-352.
36. Шишков А.С. Законы и постановления. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
37. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Сборник научных работ. Воронеж, 2005. - С. 10.
38. Палицын Н.А. Манифесты, написанные Шишковым в отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь. - С. 479.
39. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т.ХIII. М.-Л., 1937. - С. 136.
40. Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. - С. 175.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В КИТАЕ (70-80 гг. XIX в.)**С.А. Фалько****Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина**

В статье рассматривается деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX в., в частности оценка вооруженных сил Цинской империи разведкой России на начальном этапе активизации внешней политики в дальневосточном регионе. На базе архивных документов и мемуарной литературы автор исследует особенности и направление сбора тайной информации о Китае российской разведкой военного ведомств.

Ключевые слова: Россия, Китай, разведка, генеральный штаб, вооружённые силы.

RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE IN CHINA (70-80_s OF THE XIXTH CENTURY)**S.A. Falko****V.N. Karasin Kharkiv National University**

The article highlights the issue of the history of Russian intelligence in China in the 70-80-s of the XIXth century. The problem under consideration is the assessment of the armed forces of the Qing Empire by the intelligence of Russia at an early stage of development of the foreign policy in the Far East region. On the basis of archive, the author explores the particularities and ways of obtaining secret information about China by Russian intelligence and the military agencies in this sphere of foreign policy.

Key words: Russian, China, Intelligence service, General Staff, military agencies.

История деятельности русской военной разведки последней четверти XIX ст. привлекает исследователей своими белыми лакунами в этой теме. После открытия архивов в 1991 г. появился шанс расширить исследования этой проблемы. О разведывательной деятельности русских военных в Китае упоминается, как правило, лишь фрагментарно, в контексте других тем. Эта тенденция прослеживается в трудах А.Л. Нарочницкого¹, А.Н. Хохлова², М.В. Мерка³, В.А. Моисеева⁴. Такие авторы как, Е.Ю. Сергеев⁵, А.А. Улуян⁵, М.Ю. Асиновская⁶, И.С. Макаров⁷, и А. Вагтс⁸ в своих исследованиях ограничились, эволюцией системы военной разведки, а географически Европой и Центральной Азией. Большую ценность в изучении проблематики статьи, представляет справочное издание Басханова⁹.

Работы, связанные с исследованием деятельности русской военной разведки в Азии, относят начало организации дальневосточного направления разведки к периоду, предшествующему русско-японской войне 1904-1905 гг., нижний край обозначен японо-китайской войной 1894-1895 гг. Это историки спецслужб К.К. Звонарёв¹⁰ и М. Алексеев¹¹. Авторский коллектив современных российских ориенталистов, освещая историю востоковедения в России, коротко касается деятельности российских офицеров в Китае¹². Разведывательную миссию известного российского офицера Н.М. Пржевальского в контексте его военно-научных экспедиций освящает голландский историк Девид Схиммельпенник¹³. Алекс Маршал¹⁴ исследуя деятельность российских офицеров Генерального штаба в Азии, рассматривает частично и организацию разведывательной работы в Китае в 70-80-е гг. XIX в.

В целом можно констатировать, что специальное исследование вышеназванной темы ждет своей очереди.

При работе над статьёй были использованы фонды РГВИА, ГАРФ и номера «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии», где печатались отчёты разведчиков-генштабистов, а также периодические издания тех лет: «Военный сборник», «Голос», где увидели свет отдельные статьи военных исследователей Китая 70-80^х гг. XIX в. Важным источником явились отдельно изданные работы - Н.М. Пржевальского¹⁵, М.И. Венюкова¹⁶, Ю.А. Сосновского¹⁷, Д.А. Милютина¹⁸. Анализ архивных фондов и мемуарной литературы позволили понять, на основании какой информации Петербург формировал своё мнение о Поднебесной и её военных возможностях в исследуемый период.

Необходимо отметить, что статья посвящена исследованию деятельности исключительно разведки военного ведомства России. Разведывательные мероприятия Морского министерства, МИД, Министерства финансов и др. ведомств Российской империи в Китае, в обозначенный период автором не рассматриваются.

Одним из регионов планеты, превратившимся к концу XIX в. в арену столкновений интересов крупнейших государств той эпохи, стал Дальний Восток. Интерес к Дальнему Востоку во многом определялся, теми качественными изменениями в международной торговле, которые

произошли после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, значительно сократившего путь на Восток, а также с началом массового применения в 1870-х годах судовых паровых машин. Возросшая рентабельность морских перевозок сделала дальневосточные рынки более привлекательными для европейской промышленности¹⁹.

Одним из факторов, влияющим на русскую политику в регионе являлась ситуация внутри Цинской империи, наиболее влиятельной силе в этом регионе Азии. «Опиумные» войны, вскрыли слабость, политическую и экономическую отсталость китайского государства. Следствием этого стали социально-политические и национальные проблемы Цинской империи, они приняли форму величайшего Тайпинского движения и восстаний нацменьшинств Китая.

Синьцзян стал местом нескрываемого противоборства между Россией, Англией, Китаем и самими повстанцами-мусульманами.²⁰

Складывающаяся в 60-70-х гг. XIX в. расстановка сил на Дальнем Востоке объясняла насущную потребность для России более пристального ознакомления с Китаем, его внутри и внешнеполитической деятельностью, военным потенциалом, степенью влияния иностранных держав в стране. Эту информацию могла дать Петербургу только разведка.

В XIX в. служба разведки сосредоточивалась, главным образом, в двух ведомствах: военном и дипломатическом. Военная разведка как особый орган в системе государственных учреждений Российской Империи берет свое начало с образования 27 января 1812 г. Военно-Ученого Комитета (ВУК), находящегося в прямой подчиненности военному министру. Одним из направлений его деятельности являлся сбор сведений о военных достижениях за рубежом²¹.

Однако и с организацией ВУК основную массу разведывательной информации поступала в военное ведомство из Министерства иностранных дел. По мере усложнения военного дела, во 2-й пол. XIX в. в Европе, в странах с наиболее развитой экономикой и современными для того часа вооруженными силами организуются служба военной разведки. Во Франции Наполеон III, под влиянием все возрастающей мощи Пруссии при Бисмарке, создал в 1855 г. специальную полицию. В 1864 г. аппарат австрийского разведывательного бюро имел в своем составе уже 13 офицеров. Однако наиболее успешно военная разведка использовалась в вооруженных силах Пруссии во время войн с Австрией в 1866 г. и Францией в 1870-1871 гг. Таким образом, во 2-ю пол. XIX в., в Европе военная разведка совершенствуется и укрепляется.

Крымская война 1853-1856 гг. выявила существенные недостатки в русской армии и дала толчок развитию вооруженных сил. Поражение России выявило несостоятельность системы сбора военно-политической информации за рубежом. Опыт войны лег в основу военных реформ в России 1860-1870-х гг. К нач. 70-х гг. XIX в. русская военная разведка расширила свою деятельность. Однако основным направлением её работы оставалась Европа и Османская империя.

В 1860-е гг. правительство Российской империи решилось на активизацию своих действий в Азии. В Главном штабе военного министерства было создано Азиатское отделение, которое занималось, наряду с другими задачами, сбором военно-статистической информации, снаряжением военно-ученых и других экспедиций в азиатские страны²².

В дополнение к центральным органам военной разведки, были сформированы периферийные органы, при штабах военных округов.

Таким образом, в 70-х гг. XIX в. наблюдение за войсками Цинской империи велось согласно заданиям ВУК, Азиатского отдела Главного штаба, штабов азиатских округов. Для разведки, как правило, использовались офицеры Генерального штаба, наиболее образованная и способная часть офицерского корпуса русской армии.

Методы разведки отличались от деятельности военной разведки в Европе. В Азии снаряжались военно-научные экспедиции с разведывательными целями, офицеры-разведчики участвовали в охране хлебных караванов в Китай, инспектировали охрану консульств, расположенных на территории Цинской империи. «Такого рода поручения офицерами ГШ выполнялись совершенно открыто в военной форме, в сопровождении вооруженной силы. Это было возможно только в азиатских условиях» - писал один из офицеров²³. По выполнению задания в ВУК или Азиатский отдел Главного штаба поступали донесения и отчеты. Таким образом, создавалась база данных по Китаю.

Не оставался без внимания и способ изыскания информации - анализ прессы через легальные источники. СМИ Китая подвергались анализу разведчиков из ВУК. Информация о Поднебесной изыскивалась и в европейской прессе.

Главным объектом исследования русской военной разведки в Китае в 1870-е г. был Запад Китая, охваченный восстанием мусульманских народов против власти Пекина.

Офицеры Генерального штаба российской армии, посланные под различными предлогами с разведывательными заданиями в западные районы Китая, посетили китайские войска генерала Цзо Цзунтана в 1872-1877 гг., изучая ход боевых действий против мусульманских мятежников.

Анализировались и противники китайцев. В мае 1875 г. офицер военной администрации округа П.Я. Рейнталь возглавил дипломатическую миссию в Кашгар. В его задачу входил сбор сведений об армии мусульман²⁴. По данным русского разведчика капитана ГШ А.Н. Куропаткина, в ВУК узнали, что повстанцы имели новейшее английское оружие.

Характеризуя боевые качества китайского солдата, разведчики отмечали стойкость в бою с мусульманами, значительную численность китайского воинского контингента, сложность климатических условий Восточного Туркестана. Капитан ГШ Ю.А. Сосновский, в донесении в штаб Восточно-Сибирского округа писал: «У Цзо-цзун-тана до 50 т. по европейски обученных и вооруженных войск, имеет он обильные запасы и источник боевых средств.» Подчеркнул он и факты моральной стойкости китайского солдата в бою: «Солдаты спокойно, без суеты заняли указанные места и, без всяких побуждений страха, готовились встретить противника»²⁵. На знание театра военных действий китайскими командирами указывал штабс-капитан М.В. Певцов «нас посетил корпусный командир Цин-Цзянь-цзюнь, он обладал недюжинным умом и проницательностью. Из разговора, я вынес убеждение, что он хорошо понимал положение дел в Западном Китае и обладал весьма солидными географическими сведениями об этой стране»²⁶.

Поступала в результате разведки и негативная информация: неоднократно видевший китайские войска в условиях военных действий, полковник ГШ Н.М. Пржевальский доносил: «Смелый неприятель, с европейским оружием, может двинуться в любую часть Срединного государства и заранее рассчитывать на верную победу. О количестве защитников Небесной империи нечего заботится... Нравственные качества китайских войск представляют полное безобразие на театре военных действий офицеры и солдаты, почти без исключения, преданы курению опиума и каждодневно накуриваются до бесчувствия одуряющего зелья, результатом этого является решительная неспособность солдат переносить труды и лишения военного времени... китайские войска, представляют верную жертву смелому энергичному неприятелю. Дезертирство развито до таких страшных размеров, что у многих командиров вместо тысяч солдат, только сотни»²⁷. Схожих взглядов придерживался подполковник ГШ Я.Ф. Барабаш, посетивший по заданию командования г. Ургу в Монголии в 1872 г. Характеризуя китайские войска он отмечал: «...прицеливание (при стрельбе) у китайцев хотя и существует но практического применения не имеет, по причине неудовлетворительного способа обучения китайское правительство так враждебно относится к попыткам европейцев проникнуть в Маньчжурию из опасения, чтобы они не увидели, что эта страна совершенно беззащитна»²⁸.

Таким образом, явно обозначились две точки зрения военных разведчиков на боеспособность войск Цинской империи. Это повлияло на точку зрения Петербурга во время обострения российско-китайских отношений в 1880 г. во время т.н. Кульджийского кризиса, вызванные условиями возвращения занятой российскими войсками в 1871 г. Кульджийской области и поставили Российскую империю на грань войны с Китаем. Военный министр Д.А. Милютин так характеризовал уровень военной опасности: «15-го марта 1880.- В последние три дня отовсюду получались сведения неутешительные. Китайцы, готовятся не на шутку к войне с нами; начальству трех округов - Туркестанского, Западно-сибирского и Восточно-сибирского - даны по телеграфу указания готовиться на случай разрыва»²⁹.

Сторонники жесткой позиции по отношению к Китаю во время конфликта вокруг Кульджи, высказывали свою точку зрения и в средствах массовой информации: «Напрасно мы стали бы искать в реформационной деятельности китайского правительства: общего плана, выработанной системы, мы не найдём. Китайское правительство ограничилось тем, что наняло иностранных инструкторов, купило европейское оружие, завело артиллерию, устроило арсеналы, пороховой и оружейный заводы но не коснулось прежней организации армии, не изменило прежнюю, отжившую систему. Временная армия Небесной империи мало чем отличается от армии 1842»³⁰.

Но Петербург был обеспокоен отсутствием развединформации из МИД. ВУК 12.07.1880 докладывал военному министру: «К сожалению наша пекинская миссия не доставляет почти

никаких сведений о военных приготовлениях в Китае, - и далее - почти не известно в каких силах и где расположены китайские войска, какая у них организация, какое вооружение, кто начальник войск и какие они имеют цели. Хотя в журналах и газетах имеются довольно обстоятельные сведения о вооруженных силах Китая, но сведения эти противоречивы, а было бы крайне желательно иметь обстоятельные сведения из прямых источников»³¹.

Планирование боевых действий наталкивалась на необходимость получения достоверной информации о подготовки к войне Китаем. Но, по причине отсутствия российского военного агента в Китае точной картины о ситуации на восточных рубежах России не было. Меры возглавлявшего ВУК генерала Н.Н. Обручева по сути не отличались от мер используемых раньше. В 1877 г., накануне русско-турецкой войны, в Болгарию был послан полковник ГШ П.Д. Паренсов, он совершил разведывательную поездку за Дунай для рекогносцировки оборонительных сооружений Рущука. На Кавказском театре, для секретной рекогносцировки были посланы: в Армению – полковники ГШ Малама, Филипов; а Аджарию Казбек и князь Гуриели³². Таким же образом поступили и в этот раз, в Китай, через Европу и Америку, была послана специальная разведывательная миссия подполковника ГШ Н.Я. Шнеура и капитана ГШ В. Бодиско. Разрешение на командировку двух офицеров генерального штаба с разведывательной миссией в Китай, с заданием определения масштабов закупок и качества вооружения, произведённых Пекином, дал лично Александр II. Превосходство в современном вооружении рассматривалось руководством военного министерства, как главное составляющее победы в возможном вооружённом противостоянии с Китаем: «найти сведения прямо на заводах Круппа, где не трудно узнать заказы в Китай, побывать в Бельгии и других частях Европы, где разузнали бы о заказах оружия... эти лица должны были попасть в Северную Америку, где получили бы дополнительные сведения о приобретённом для Китая оружии»³³.

Вместе с тем задание говорило о характере данных, имеющейся в ВУК, относительно войск Цинской империи, собранных в результате деятельности военной разведки. Изучены были вопросы организационной структуры китайских войск, тактики ведения боя, уровню подготовки офицеров и командиров высшего звена. О чем указывалось в военно-статистическом сборнике³⁴, и аналитических работах посвящённых вооруженным силам Китая составленных офицерами Генерального штаба, участвующими в разведывательных акциях. Невнимание к китайской военной силе, восприятие Китая через призму нескончаемых поражений в Опиумных войнах и неспособность подавить внутренние мятежи, привели к созданию в Петербурге образа восточного соседа как слабого соперника.

Были и другие мнения. Ко времени конфликта относится и докладная записка ротмистра А.А. Бенкендорфа: «Многие писали о Китае, как то Венюков, Сосновский, Плясецкий и др. пришли к заключению, что китайцы не способны к военному делу. И что Китай не в состоянии вести войны. Такое мнение может быть оспариваемо... китайцы вообще выносливы, терпеливы, могут довольствоваться незначительной пищею. Известны нередкие примеры стойкости и храбрости»³⁵. Автор доклада учитывал многочисленность цинской армии и понимал, что сторонники вооруженного противостояния не учитывали дороговизну войны из-за больших расстояний линии снабжения, трудности с доставкой подкреплений, отсутствия транспортных путей.

Замечали военные разведчики в Китае отставание в фортификации. Н.Я. Шнеур осматривая инженерные сооружения на тихоокеанском побережье Китая в 1884 г. подчеркивал: «мне удалось снять подробно только главный форт в Таку... он не только не построен по современному европейскому образцу, но вообще совершенно не отвечает нашим понятиям об укреплении... слабый русский батальон, штыков в 500, с полевой батареей, более чем достаточно для завладения фортом с тыла»³⁶.

Несмотря на то, что в оценке китайской армии явно прослеживается типичный колониальный взгляд присущий европейцам, той эпохи и негативные стороны войск Цинской империи, такие как: повальное опиумокурение, слабость офицерского состава китайской армии, отсутствие военной организации в европейском понимании оценки военной силы Китая изменилась. Это видно, прежде всего, в увеличении внимания военной разведки к Китаю.

Ещё в 70-е гг. XIX в. стала поступать информация о реформах, проводимых в Китае, значительная часть которых была направлена на модернизацию вооруженных сил Цинской империи³⁷. А накануне отказа Пекина ратифицировать Левадийский договор 1879 г., появилась информация о масштабных закупках оружия в Европе эмиссарами китайского правительства. Невысокая оценка боеспособности войск Китая военными оказывало влияние на центрально-

азиатскую политику России: Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман и военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский были против уступок Китаю. Присутствовали на Особом совещании и офицеры выполнявшие разведывательные миссии в Восточном Туркестане полковники Куропаткин и Каульбарс, что свидетельствовало о привлечении разведчиков в роли экспертов. Военная партия отметила важное стратегическое значение Илийского края и рекомендовала оставить его за Россией³⁸.

Таким образом, исследование деятельности русской военной разведки в Китае в 70-80-е гг. приводит нас к выводу, что российские военные разведчики, представленные в основном офицерами генштабистами, после кризиса 1880 г. ярко показавшего недостатки информации разведывательного характера относительно китайской армии, достаточно энергично взялись за решение этой проблемы на разных уровнях.

После 1880 г. военное ведомство обратило непосредственное внимание на изучение военной силы Китая. Активность русской военной разведки стало проявляться сразу по нескольким направлениям.

В Пекине начал свою работу официальный представитель военного министерства – военный агент военного ведомства подполковник ГШ В. Бодиско.

В Петербурге, в Главном штабе, в ВУК и Азиатском департаменте разведывательную информацию по вооруженным силам Китая начали систематизировать отдельно, регулярно доводя до военных округов. К этому процессу привлекались офицеры ГШ, исполняющие обязанности разведчиков во время различных миссий в Китае, согласно современной терминологии военные эксперты, такие как М.И. Венюков, Н.М. Пржевальский, Н.Я. Шнеур, Д.В. Путята.

К достижениям военных разведчиков можно отнести такие результаты, как: составление военно-статистических исследований по китайским вооруженным силам; системную аналитическую работу по планированию военных действий с Китаем на вероятных театрах военных действий - Маньчжурии, Монголии, Восточном Туркестане; исследование эффективности обучения китайских войск немецкими, французскими и английскими инструкторами; ситуацию с освоением новейшего стрелкового оружия и артиллерии в войсках Цинской империи.

Активно велась разведка и периферийными центрами управления войск в восточных военных округах, в Синьцзяне – Омский ВО, в Монголии - Иркутский ВО, в Маньчжурии - приамурский ВО. Информация от восточных округов посылалась в ВУК ГШ.

К недостаткам организации разведывательной службы нужно отметить отсутствие спецификации, при назначении задания по анализу ситуации в азиатских странах, или во время выполнения разведывательной миссии. Так, военный агент в Китае полковник ГШ Н.Я. Шнеур, исполняющий обязанности в 1883-1886 гг. был отправлен, для дальнейшей службы в Персию. Сменивший его Д.В. Путята, до этого назначения служил в Туркестане. Слабым было и финансирование разведки.

Значение российской военной разведки в изучении вооруженных сил Китая, политической организации Цинской империи, географической составляющей возможных в будущем театров военных действий трудно переоценить. Просчет был скорее в организации системы управления Русской армии, в виде Главного штаба военного ведомства, лишенного важнейшей составляющей Генерального штаба - органа подготовки к будущей войне. Планирование, принятие решений по разведывательной информации, обработанной в ВУК или Азиатском отделе Гл.Ш., зависело от многих субъективных причин. Взглядов на «военную опасность с востока» административной верхушки военного министерства в лице отдельных личностей, таких генералов как П.С. Ванновский, Н.Н. Обручев, А.Н. Куропаткин. Они, не без оснований, считали главной проблемой военной безопасности Российской империи – угрозу с запада, прежде всего от созданной в 1871 г. Германской империи. Сказывалось отставание от передовых военных систем того времени по качеству обеспечения боевых действий, прежде всего отсутствие Генерального штаба в Русской армии, органа отвечающего за планирование и контроль за подготовкой к будущей войне по всем направлениям.

Вплоть до японо-китайской войны 1894-1895 гг. Петербургский кабинет считал Китай главным соперником России в Корее³⁹.

Имперское и расистское мышление правящей элиты Петербурга, считавшей азиатов неспособными к реформам, мешало рассмотреть существенные сдвиги в военном деле в Китае. Существенное влияние на мнение о военных возможностях Китая оказали и военные поражения во второй опиумной, франко-китайской и японо-китайской войнах, казалось подтвердили предположения о легкой колониальной добычи. Эти взгляды, вместе с событиями связанными с

т.н. «боксерским» восстанием в конечном итоге оказали негативное влияние на мировосприятие азиатской военной силы в Петербурге. К просчётам во внешней политике на Дальнем Востоке. И к военной катастрофе на полях Маньчжурии во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

Примечания:

1. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860-1895. М., 1956. – 900 с.
2. Хохлов А.Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX - начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. – С. 203-244.
3. Мерк М.В. Китайская армия во второй половине XIX – начале XX века. Режим доступа // http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02. Доступ –12.07.2008 г.
4. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917 г.). Барнаул, 2003. - 346 с.
5. Сергеев Е., Улуян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900-1914. М., 2003. – 480 с.
6. Асиновская М.Ю. Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века // Вопросы истории. 2002. №11. - С. 142-155.
7. Макаров И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (посл. Треть XIX - нач. XX вв.). // Многоликая история. Сборник статей Российского университета Дружбы народов. М., 1997. – С. 480.
8. Vagts A. *The Military Attache*. Princeton, 1967. – 408 In.
9. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. – С. 295.
10. Звонарёв К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. В 2-х кн. Кн.1. М., 2003. – С. 304.
11. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн.1. М., 1998. – С. 400.
12. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. / Вигасин А.А., Хохлов А.Н., Шаститко П.М. М., 1997. – С.494.
13. Схиммельпенник Д. Неизвестный Пржевальский. // Ариоварта. 1997. №1 – С. 1-24.
14. Mashall A. *The Russian General Staff and Asia, 1800-1917*. London and New York: Routledge, 2006. – 275 In.
15. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трёхлетнее путешествие в восточной нагорной Азии Н. Пржевальского, полковника ГШ. Т.1. СПб., 1875. – 384 с.
16. Венюков М.И. Россия и Восток. СПб.: Типография товарищества В. Безобразова, 1877. – 296 с.
17. Сосновский Ю.А. Экспедиция в Китай Генерального штаба полковника Ю.А. Сосновского 1874-1875 гг. М., 1883. – С. 706-709.
18. Милютин Д.А., Дневник Д.А. Милютина. Т.3. 1878-1880. М., 1950. - 324 с.
19. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. – с. 71.
20. Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем "Новой границы" в конце XIX в. Москва, 1998. // http://www.knigitxt.com/preview/sudba_sintszyana_6807.html
21. Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах 1900-1914 гг. М., 2003. - С. 22.
22. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика... - С. 66.
23. ГАРФ. Ф.Р-6683. Оп.1 Д.1 - Л. 78-79.
24. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 20.
25. Сосновский Ю.А. Экспедиция в Китай Генерального штаба полковника Ю.А. Сосновского 1874-1875 гг. М., 1883. С. 706-709.
26. Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1950. С. 56.
27. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883. С. 273.
28. Барабаш Я. Монгольские и китайские войска в Урге // Военный сборник. №7. 1872. - С. 172-192.
29. Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. Т.3... - С. 233.
30. В.Н. Несколько сведений о китайских войсках и военных учреждениях // Военный сборник. №8. 1880. - С. 235-252.
31. РГВИА. Ф.447. Оп.1. Д.11. - Л. 6.
32. Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство) Антология истории спецслужб. Россия. 1905-1924. М., 2007.- С. 158.
33. РГВИА. Ф.447. Оп.1. Д.11. - Л. 7.

34. Бутаков А.М. *Вооруженные силы Китая и Японии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. III. СПб., 1883 - С. 1-366.*
35. РГВИА. Ф.447. Оп.1. Д.6. Ч.1. - Л. 1.
36. РГВИА. Ф.447. Оп.1. Д.11 - Л. 57-58.
37. Мерк М.В. *Китайская армия во второй половине XIX - начале XX века. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02. Доступ - 12.07.2008 г*
38. Воскресенский А.Д. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. - С. 158.*
39. Толмачёв Е.П. *Дальневосточная политика России при Александре III // Сборник Русского исторического общества. Т.6 (150) / под ред. Грицкова В.Р. М.: Русская панорама, 2005. - С. 302.*

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В: ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС

О.Н. Стронина

Белгородский государственный университет

В статье рассматриваются основные причины возникновения пограничных конфликтов между Россией и Китаем. Обозначена роль в их решении дипломатических миссий обоих государств. В итоге указываются решения взаимных пограничных противоречий и их последствия.

Ключевые слова: граница, Китай, Россия.

THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN SECOND HALF XIX CENTURY: THE BOUNDARY QUESTION

O.N. Stronina

Belgorod State University

In article principal causes of occurrence of border conflicts between Russia and China are considered. The role in their decision of diplomatic missions of both states is designated. As a result decisions of mutual boundary contradictions and their consequence are specified.

Key words: border, China, Russia.

Динамизма территориальной политики в новое время наиболее сильно выразился в приобретениях, которые произвели Россия и Китай. Для русских собирание земель стало внешне-политическим кредо еще в XVI в., при Иване Грозном. В кон. XVI в. были присоединены огромные пространства Западной Сибири. В 30-е гг. XVII в. русские обосновались в бассейне реки Лены и начали расселяться в сопредельных территориях. Центром дальневосточных экспедиций стал основанный в 1632 г. Якутский острог. Отсюда партии землепроходцев отправлялись к Северному Ледовитому океану, на Камчатку, к побережью Охотского моря и в Приамурье.

Смена династий в Китае в середине XVII в. также способствовала возрастанию военной активности по всему периметру сухопутных границ. В кон. XVII в. русские поселенцы были выбиты из Приамурья, подчинена Монголия, в 1728 г. присоединен Тибет. Таким образом, взаимонаправленная территориальная экспансия двух государств неминуемо привела к их контакту.

Первое русско-китайское столкновение произошло во 2-й пол. XVII в. в бассейне Амура. Походы отрядов В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова привели к фактическому присоединению Приамурья. Для Цинов приход чужаков в регион, граничивший с их доменом, был крайне опасен. Конфликт стратегических интересов двух государств в Приамурье привел в 80-е гг. XVII в. к локальной войне и дипломатической победе Цинов. В июне 1685 г. их войсками был захвачен центр русского Приамурья - Албазин. Несмотря на его быстрое восстановление после ухода маньчжурской армии и успешное сопротивление во время второй осады 1686-1687 гг. представитель Москвы Ф.А. Головин, уступая военному и дипломатическому давлению Цинов, вынужден был 27 августа 1689 г. подписать Нерчинский договор, ликвидировавший русское присутствие в Приамурье¹.

По окончании наполеоновских войн Россия стала крупнейшей в континентальной Европе военной державой. Такое положение позволило ее политической элите всерьез задуматься о пересмотре тех договоров, которые наносили ущерб интересам и престижу страны. Потеря

Амура - единственной транспортной артерии, способной соединить метрополию с тихоокеанскими владениями, вызывала сильное раздражение в Санкт-Петербурге.

Позднейшая потеря интереса к освоению Амура в российском Министерстве иностранных дел связана с позицией К.В. Нессельроде, сторонника европоцентризма во внешней политике России. Даже когда в 1849-1850 гг. экспедиция Г.И. Невельского доказала факт судоходности эстуария реки и отсутствие там китайского влияния, канцлер Николая I категорически настаивал на прекращении российской деятельности в Приамурье под предлогом необходимости сохранения дружественных отношений с Китаем. Лишь вмешательство царя Николай I могло отстоять противоположную точку зрения.

В России задолго до сер. XIX в. существовали настроения, допускавшие одностороннее и даже силовое решение амурской проблемы. Например, еще в 1814 г. дипломат Я.О. Ламберт отмечал: «Они (китайцы) никогда не позволят нам плавать по Амуру, если их не принудить к этому, и, следовательно, об этом можно будет думать только тогда, когда мы сможем либо не бояться отказа, либо обойтись без разрешения, но при этом за нами должно быть закреплено владение всем берегом».

Реальное пробуждение интереса к проблеме Приамурья в сер. XIX в. связано прежде всего с именем назначенного в 1847 г. на должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева сторонника укрепления влияния России на Дальнем Востоке.

Н.Н. Муравьев, воспользовавшись результатами экспедиций А.Ф. Миддендорфа, Н.Х. Ахте и Г.И. Невельского, принял решение провести серию сплавов российских судов по Амуру с расселением казаков в незанятых местах левобережья.

По инициативе Муравьева, 28 октября 1856 г. Александр II одобрил проект создания военной линии вдоль левого берега Амура. Таким образом, в вопросе о присоединении Приамурья к сер. 50-х гг. XIX в. окончательно победила точка зрения генерал-губернатора Восточной Сибири, и российским дипломатам отныне предстояло договорно оформить изменение своих позиций в регионе.

В июне 1855 г. царь поручил Муравьеву начать переговоры об установлении линии российско-китайской границы.

16 мая 1858 г. был подписан Айгунский договор², закрепивший юридические итоги переговоров. Но вскоре после своего подписания Айгунский договор оказался под угрозой односторонней денонсации. Решение этой проблемы со стороны России было поручено посланнику Н.П. Игнатьеву. Умело играя на противоречиях между Англией, Францией и США в Китае, а также на страхе Цинов, Н.П. Игнатьев добился перемирия и отказа командования англо-французского экспедиционного корпуса от штурма Пекина³. Учитывая услуги, оказанные российским посланником в деле урегулирования конфликта с европейцами, цинский двор согласился на удовлетворение требований о полной передаче России района кондоминиума. 2 ноября 1860 г. был подписан Пекинский (дополнительный) договор. Он делимитировал границу в Приамурье, Приморье и к западу от Монголии.

Сразу же начались демаркационные работы на восточном участке границы. В июне 1861 г. в устье р. Тур был подписан «Протокол о размене картами и разграничении в Уссурийском крае». Перед этим совместная топографическая экспедиция на расстоянии 40-80 верст друг от друга установила деревянные пограничные столбы и составила демаркационную карту.

Таким образом, процесс делимитации и демаркации границы между Россией и Цинской империей занял более двух столетий (1689-1894 гг.). К сер. XIX в. между владениями двух стран существовала широкая и почти сплошная (прерывавшаяся лишь в районе Монголии) лимитрофная зона, простиравшаяся от Центральной Азии до Тихого океана. Поэтому одной из главных задач дипломатии двух стран во 2-й пол. XIX – нач. XX вв. стали изменение, уточнение и юридическая фиксация линии государственной границы, инициаторами которых были как Россия (например, в 1858-1861 гг. на Дальнем Востоке), так и Китай (например, в 1881 г. в районе р. Или и в 1886 г. в Уссурийском крае).

Примечания:

1. *Русско-китайские отношения. 1689-1916: Официальные документы. М., 1958. - С. 9-11; Цзиньдай чжун-вай тяюэ сюаньси (Избранные договоры Китая с другими государствами нового времени с комментариями). Пекин, 1998. - С. 138.*

2. *Сборник договоров России с Китаем. СПб., 1889. - С. 110-111; Чжунго цзиньдай бупиндэн тяюэ сюаньбянь юй цзешао (Избранные неравноправные договоры Китая нового времени с комментариями). Пекин, 1993. - С. 71-72.*

ШТАТЫ ДЕПАРТАМЕНТА ТАМОЖЕННЫХ СБОРОВ. НА ПРИМЕРЕ СКЛАДОЧНЫХ ТАМОЖЕН

С.Н. Дейнеко

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассмотрены принципы комплектования штатов таможенных учреждений Российской империи. На основе архивных и опубликованных источников показаны средний возраст, образование, вероисповедание, стаж службы таможенных чиновников. Итогом исследования стал портрет таможенника накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: таможня, образование, религия, стаж, университет.

THE STAFF OF DEPARTMENT CUSTOMS. BASED ON THE WAREHOUSE OF CUSTOM- HOUSE MATERIAL.

S.N. Deyneko

V.N. Karasin Kharkov National University

On the basis of archives and published sources the article treats the principle complete staff the customs-house of Russian empire. In the article show and analyse age, education, religion, record of service the custom-house of employee. The finally of the research is portrait a custom-house of employee the day before First World War.

Key words: custom-house, education, religion, record of service, university.

Кадровая политика является одним из наиболее важных элементов государственной службы. Чиновничество в досоветской России являлось одной из опор государственной власти, соответственно отбор на государственную службу был тщательным, что в свою очередь способствовало формированию дееспособного государственного аппарата.

Актуальность исследования определяется тем, что формирование штатов для таможен Российской империи нач. XX в., не стало предметом специального исследования¹.

Стремление изучить и показать принципы комплектования штатов для российских таможен является целью данного исследования.

Источниковую базу работы составили списки Личного состава Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства². Материалы из Государственного архива Харьковской области (Ф.84)³, Российского государственного исторического архива (Ф.21)⁴. Законодательные акты Российской империи⁵. Данный документ издавался по указанию министра финансов.

Списки Личного состава Департамента таможенных сборов впервые были изданы в начале 1904 г. и представляли собой сборник сведений за предыдущий год. В последующие годы списки издавались ежегодно, с учетом всех кадровых изменений и содержали информацию, которая показывала профессионализм чиновника.

В списках указывались должность, фамилия, имя и отчество, чин и высший орден служащих, год рождения, вероисповедание, образовательный ценз. И что, несомненно, является важным, так это указание года начала государственной службы чиновника, независимо от ведомства, год поступления на службу в Таможенное ведомство с указанием должности, в какой находился чиновник на момент издания данного документа.

Достоверность списков Личного состава Департамента таможенных сборов, как исторического источника, довольно высока. Каждое таможенное учреждение вело очень тщательный учет всех своих сотрудников. Основной формой учета были Формулярные списки о службе и Аттестационные списки чиновников⁶. Данные списки включали в себя более широкий перечень пунктов, чем списки Личного состава. Так, например, они содержали пункты, указывающие на материальное положение сотрудников, семейное положение и т.д.

В свою очередь Формулярные и Аттестационные списки составлялись на основе двух дублирующих друг друга источников. Первое, это Аттестат на сотрудника, желающего служить в таможене с предыдущего места работы или учебы⁷. Второе, это проверка по линии МВД⁸. Достоверность списков так же подтверждает то, что таможенные учреждения отправляли данные о своих сотрудниках в Петербург каждые четыре месяца и по особому требованию⁹.

Формулярные и Аттестационные списки скреплялись подписью управляющего и печатью учреждения.

Списки по своему характеру, принадлежат к официальным документам и содержат точные данные о таможенных служащих.

По своей структуре списки однородны, поэтому их можно сопоставлять и анализировать. Единственным исключением являются списки Личного состава за 1903 г., в которых представлены данные только на служащих старшего и среднего звена¹⁰. В последующие издания были включены данные на служащих младшего звена.

Экономический кризис нач. XX в. нанес серьезный удар по Российской империи. Для оптимизации работы Таможенного ведомства, привлечения на ответственные посты профессионалов, что в свою очередь позитивно влияло на работу таможенных заведений, стали издаваться списки Личного состава. Данное издание позволяло управляющим таможнями, используя данные, собранные в Департаменте таможенных сборов, подбирать сотрудников с необходимыми профессиональными качествами.

В 1903 г. на территории Европейской части Российской империи находилось пять крупных складочных таможен, за исключением заведений, находившихся на побережье Балтики и осуществлявших торговлю, в том числе и с Финляндией, поэтому мы не будем включать их в данное исследование. Основу работы составят следующие складочные таможни: Московская, Варшавская, Одесская, Харьковская и Таганрогская. После открытия в 1911 г. - Киевская таможня.

В нашем исследовании мы проведем анализ штатов изучаемых таможен по следующим показателям - средний возраст, служащих образовательный ценз, вероисповедание, стаж работы в Департаменте таможенных сборов.

Таблица 1.

Наименование таможни	Средний возраст							Средний за период
	1903г.	1905г.	1907г.	1908г.	1910г.	1912г.	1914г.	
Московская	50	42	36	43	44	44	43	44
Харьковская	56	41	50	47	44	43	43	47
Варшавская	48	41	44	45	46	45	46	45
Одесская	47	43	45	45	46	46	44	46
Таганрогская	48	44	43	-	-	-	50	47
Киевская	-	-	-	-	-	38	40	39

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Данные по Таганрогской и Киевской таможням являются неполными.

К концу 1903 г. в пяти исследуемых нами таможнях служило 292 штатных служащих, на 111 чиновников имеются полные данные.

Средний возраст служащих таможен в 1903 г. составил 50 лет, наиболее молодые сотрудники работали в Одесской таможне, средний возраст которых составил 47 лет. Таможней, имевшей наиболее высокий средний возраст, являлась Харьковская, средний возраст ее сотрудников составил 56 лет. В дальнейшем, средний возраст сотрудников, исследуемых нами таможен, снизился. Так в Московской таможне он находился в диапазоне от 50 до 36 лет и в среднем составил 44 года. Более детальные данные указаны в табл.1¹¹.

Стремление повысить образовательный уровень чиновничества наблюдалось еще в до-реформенную эпоху. Желаящие поступить на гражданскую службу обязаны были иметь высшее образование. Но к сожалению этот закон вызвал недовольство в российском обществе, особенно среди дворянства¹².

К сер. 90-х гг. XIX в. было найдено решение проблемы об образовательном уровне чиновников, для отдельных ведомств.

В 1894 г. министр финансов С.Ю. Витте добился согласия царя разрешить ему назначать на должности лиц не имеющих соответствующих чинов, но имеющих высшее образование и подготовку. Все это аргументировалось стремлением повысить профессиональный уровень чиновников ведомства¹³.

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Динамика роста численности сотрудников с высшим фармацевтическим образованием показана в табл.2. Из нее следует, что в 1903 г. в Московской таможне работало 2 сотрудника с фармацевтическим образованием и 1 сотрудник работал в Варшавской таможне. В 1905 г. все 6 чиновников, имевших дипломы фармацевта, работали в Московской таможне. Начиная с 1907 г., география таможен, где числились сотрудники с данными дипломами, расширилась до 3-х учреждений: Московская, Харьковская и Варшавская таможни. К 1914 г. в изучаемых нами таможнях служило 8 чиновников-фармацевтов и география расширилась до 5-ти таможен: Московская, Харьковская, Варшавская, Таганрогская и Киевская²⁰.

Выпускники технических ВУЗов были представлены в таможенной службе несколько большим количеством сотрудников.

В 1903 г. в изучаемых таможнях служило 6 чиновников с высшим техническим образованием, по 3 сотрудника в Московской и Варшавской таможнях. К 1905 г. таможенников с данным образованием числилось 15 человек во всех таможенных учреждениях. В целом количество сотрудников с высшим техническим образованием в изучаемый нами период постоянно менялось. Данные можно увидеть в табл.3.

За период с 1903 по 1914 гг. увеличилось количество сотрудников с высшим техническим образованием и расширилось число таможен, в которых служили эти сотрудники²¹.

Таблица 3.

Наименование таможни	Количество сотрудников с высшим техническим образованием													
	1903г.		1905г.		1907г.		1908г.		1910г.		1912г.		1914г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Московская	3	3,1	4	4,2	6	6,2	3	3,1	2	2,1	2	2,1	3	3,1
Харьковская	-	-	4	26,6	1	8,3	2	18	3	25	3	25	2	17
Варшавская	3	4,1	5	6,6	5	6,8	6	8,2	6	8,3	4	5,5	4	4,9
Одесская	-	-	1	1,1	2	2,2	3	3,3	2	2,2	4	4,3	1	1,2
Таганрогская	-	-	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киевская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	7,6	2	14

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Таблица 4.

Наименование ВУЗа	Количество сотрудников таможен с дипломами данных ВУЗов													
	1903г.		1905г.		1907г.		1908г.		1910г.		1912г.		1914г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Московский университет	11	9,9	38	12,7	39	13	38	14	36	13	39	14	33	11
Новорос-сийский университет	2	1,8	12	4	17	5,7	21	7,7	26	9,7	30	10,5	35	11,4
Санкт-Петербургский университет	6	5,4	13	4,4	13	4,4	10	3,7	6	2,2	12	4,2	13	4,2
Университет св. Владимира	4	3,6	8	2,7	9	3,1	9	3,3	10	3,7	12	4,2	15	4,9
Варшавский университет	2	1,8	5	1,7	6	2	4	1,5	4	1,5	5	1,8	5	1,6
Харьковский университет	2	1,8	8	2,7	5	1,7	6	2,2	7	2,6	5	1,8	5	1,7
Санкт-Петербургский технологический институт	5	4,5	7	2,3	7	2,4	9	3,3	9	3,3	8	2,8	6	1,9
Юрьевский университет	-	-	-	-	2	0,6	1	0,4	1	0,4	1	0,35	1	0,32
Казанский универ-	-	-	1	0,33	1	0,3	1	0,3	-	-	-	-	-	-

ситет						4		6						
Рижский политехнический институт	-	-	1	0,33	-	-	-	-	1	0,37	3	1,1	4	1,3
Киевский политехнический институт	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	0,7	2	0,64
Лазаревский институт восточных языков	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,32
Варшавский политехнический институт	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,32

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Сведения за 1903 г. только по сотрудникам старшего звена.

Перечень ВУЗов, выпускники которых служили в Департаменте таможенных сборов, представлен ведущими учебными заведениями Российской империи. Наиболее популярными были Московский университет, Новороссийский университет, Санкт-Петербургский технологический институт.

При рассмотрении данных о месте службы выпускников указанных учебных заведений выяснилась интересная особенность. Как правило все выпускники, желавшие работать в Департаменте таможенных сборов, направлялись служить за пределы города, в котором находилась alma mater. Однако, это практически не касалось выпускников Московского университета и в меньшей мере Новороссийского. Можно предположить, что между руководством данных ВУЗов и Таможенным ведомством существовало соглашение о приеме на работу выпускников этих учебных заведений.

Среди лиц, не имевших высшего образования, наиболее часто встречались выпускники гимназий, уездных и городских училищ, кадетских корпусов, а также сдавшие экзамен на 1 классный чин. Немало было и выпускников духовных семинарий²².

В Российской империи все официальные документы анкетного типа содержали графу, в которой необходимо было указать вероисповедание. Подавляющее большинство сотрудников, изучаемых нами таможен, исповедовало православие, второй по величине религиозной группой были католики, далее шли лютеране. Зафиксировано ряд случаев, когда таможенные служащие позиционировали себя как караимы, мусульмане и армяно-григориане.

Таблица 5.

Вероисповедание	Количество верующих													
	1903г.		1905г.		1907г.		1908г.		1910г.		1912г.		1914г.	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Православие	91	82	237	79,6	232	78,9	215	79	217	81	227	79	243	79
Католицизм	17	15	51	17	53	18	48	17,6	42	15,6	45	15,8	46	15
Лютеранство	2	1,8	9	3	6	2	7	2,6	9	3,3	11	3,9	15	4,9
Ислам	-	-	-	-	1	0,3	-	-	-	-	-	-	1	0,3
Караимы	1	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,3
Армянская церковь	-	-	1	0,3	2	0,6	2	0,7	2	0,7	2	0,7	2	0,6

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Сведения за 1903 г. только по сотрудникам старшего звена.

Данная таблица предоставляет нам сведения о конфессиональном составе и динамике изменений²³.

Следует отметить, что в Российской империи не всегда соблюдался принцип религиозного плюрализма. Например, в «Правилах о назначении в Корпус жандармов вновь поступающих лиц» от 17 мая 1871 г. указывалось, что в Корпус не могут быть приняты лица польского происхождения и католического вероисповедания²⁴.

Подобная практика имела место и в Департаменте таможенных сборов. Одним из циркуляров, изданных в 1871 г. Департамент запретил принимать на службу, даже канцелярскими чиновниками, лиц польского происхождения. Учитывая, что поляки были самой большой национальной группой исповедовавшей католицизм, это фактически был завуалированный приказ не брать на службу католиков²⁵.

Однако, данное распоряжение далеко не всегда исполнялось. Так, в 1875 г. на должность управляющего Одесской таможней был назначен Лемпицкий. Хотя это и вызвало неудовольствие одесских предпринимателей, указывавших, что Лемпицкий - «кистый поляк», однако руководство Таможенным ведомством оставило Лемпицкого на этом посту²⁶.

С назначением на должность министра финансов С.Ю. Витте усилилась тенденция привлечения к службе лиц имеющих необходимые профессиональные навыки и образование, а не только происхождение. В 1903 г. из 7 сотрудников старшего и среднего звена Харьковской таможни, 3 были католики. В целом, в 5 исследуемых нами складочных таможнях в 1903г. служащие-католики составляли 15,31%. Следует отметить, что все они занимали штатные должности, данные о вольнонаемных служащих мы не приводим²⁷.

Таблица 6.

Наименование таможни	Средний стаж службы в Департаменте чиновников высшего звена						
	1903г.	1905г.	1907г.	1908г.	1910г.	1912г.	1914г.
Московская	22	27	28	27	27	28	25
Харьковская	28	21	24	20	21	22	17
Варшавская	24	24	26	24	25	22	27
Одесская	22	27	27	25	25	26	24
Таганрогская	22	17	23	-	-	-	25
Киевская	-	-	-	-	-	14	18

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Таблица 7.

Наименование таможни	Средний стаж службы в Департаменте чиновников среднего и младшего звена						
	1903г.	1905г.	1907г.	1908г.	1910г.	1912г.	1914г.
Московская	-	12	13	12	13	14	16
Харьковская	-	14	20	19	15	16	16
Варшавская	-	15	18	18	19	19	19
Одесская	-	16	17	18	18	18	17
Таганрогская	-	17	19	-	-	-	23
Киевская	-	-	-	-	-	9	11

Подсчитано по: Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства за 1903, 1905, 1907, 1908, 1910, 1912, 1914 гг.

Наряду с образованием важным показателем профессионализма чиновника являлся стаж работы на государственной службе. Согласно спискам Личного состава стаж можно разделить на общий и специальный (стаж службы в учреждениях Департамента таможенных сборов).

Особенностью таможенной службы было обязательное обучение для лиц желающих занимать штатные должности в Департаменте таможенных сборов. Обучение проводилось при Варшавской и Санкт-Петербургской таможнях в течение одного года и завершалось сдачей экзамена и последующим распределением к месту службы²⁸. К месту службы прибывал сотрудник имеющий как правило высшее или среднее образование, прошедший специальное обучение, поэтому он мог немедленно приступить к выполнению своих служебных обязанностей.

Так, например, средний стаж службы в Департаменте таможенных сборов сотрудников старшего и среднего звена Таганрогской, Одесской и Московской таможен составил к концу 1903 г. - 22 года. По Варшавской и Харьковской таможням соответственно 24 и 28 лет²⁹.

Наблюдается существенное отличие в стаже между чиновниками высшего звена и служащими среднего и низшего звена. Несмотря на большой приток молодежи, на службу в Департамент, во главе таможен стояли опытные сотрудники со стажем не менее 20 лет³⁰.

К 1914 г. портрет таможенника выглядел следующим образом, - чиновник, средний возраст 40-50 лет, имеющий высшее или среднее образование, по вероисповеданию православный или католик, со стажем службы в таможенном ведомстве в среднем 20 лет.

Примечания:

1. Колесников К.М., Морозов О.В. *Исторія митної справи в Україні*. Київ, 2006; Белоусова Л.Г., Малинова Г.Л. *Одесской таможене 200 лет*. Одесса. 1995.

2. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 апреля 1905 г.* СПб., 1905; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 23 мая 1907 г.* СПб., 1907; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 сентября 1908 г.* СПб., 1908; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 15 октября 1910 г.* СПб., 1910; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 5 января 1912 г.* СПб., 1912; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 21 января 1914 г.* СПб., 1914.

3. ГАХО. Ф.84. Оп.1. Д.12; Ф.84. Оп.1. Д.32; Ф.84. Оп.1. Д.463; Ф.84. Оп.1. Д.25.

4. РГИА. Ф.21. Оп.11. Д.30.

5. ПСЗ. Изд.3. Т.XV. СПб., 1899.

6. ГАХО. Ф.84. Оп.1. Д.32. - ЛЛ. 6-9; Ф.84. Оп.1. Д.463. - ЛЛ. 61-62.

7. ГАХО. Ф.84. Оп.1. Д.28. - Л. 1.

8. Белоусова Л.Г., Малинова Г.Л. *Одесской таможене 200 лет*. Одесса, 1995. - С. 41.

9. Колесников К.М., Морозов О.В. *Исторія митної справи в Україні*. Київ, 2006. С. 431.

10. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904.

11. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 апреля 1905 г.* - СПб., 1905; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 23 мая 1907 г.* СПб., 1907; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 сентября 1908 г.* СПб., 1908; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 15 октября 1910 г.* СПб., 1910; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 5 января 1912 г.* СПб., 1912; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 21 января 1914 г.* СПб., 1914.

12. Шепелев Л.Е. *Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи*. Л., 1977. С. 58-59.

13. Там же. - С. 91-92.

14. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904. - С. 125-126.

15. Там же.

16. ПСЗ. Изд. 3. Т.XV. СПб., 1899. - С. 293-294.

17. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904.

18. *Сборник узаконений и циркуляров по таможенному делу за 1903 год*. СПб., 1904. - С. 41-42.

19. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года*. СПб., 1904; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 апреля 1905 г.* СПб., 1905. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 23 мая 1907 г.* СПб., 1907; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 сентября 1908 г.* СПб., 1908; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 15 октября 1910 г.* СПб., 1910; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 5 января 1912 г.* СПб., 1912. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 21 января 1914 г.* СПб., 1914.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.
24. Ярмиш О.Н. *Каральный аппарат самодержавства в Украине в конце XIX – на początku XX ст.* Харків, 2001. - С. 96.
25. Белоусова Л.Г., Малинова Г.Л. *Одесской таможене 200 лет.* Одесса, 1995. - С. 40.
26. РГИА. Ф.21. Оп.11. Д.30. - ЛЛ. 15-16.
27. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года.* СПб., 1904.
28. *Свод законов Российской империи. Уставы таможенные.* Т.6. СПб., 1857. - С. 19-21; ГАХО. Ф.84. Оп.1. Д.32. - ЛЛ. 6-9.
29. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года.* СПб., 1904.
30. *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 12 декабря 1903 года.* СПб., 1904; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 апреля 1905 г.* СПб., 1905; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 23 мая 1907 г.* СПб., 1907; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 1 сентября 1908 г.* СПб., 1908; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 15 октября 1910 г.* СПб., 1910; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 5 января 1912 г.* СПб., 1912; *Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений Таможенного ведомства. По сведениям до 21 января 1914 г.* СПб., 1914.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО 2-Й ПОЛ. XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ УСАДЬБЫ АННЕНКОВЫХ КУРСКОГО УЕЗДА)

В.В. Дмитриева

Курский государственный университет

В статье рассматриваются изменения дворянских усадеб, являвшихся одним из основных компонентов системы аграрных отношений в России, после реформы 1861 г. и, как следствие, возникновение хозяйств нового типа, приспособившихся к требованиям времени. Данная проблема рассматривается на примере усадьбы Анненковых Курского уезда.

Ключевые слова: реформа 1861 г., усадебное хозяйство, сельскохозяйственные выставки, животноводческий товар, продукты полеводства.

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIAN PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ANNENKOV'S MANOR, KURSK DISTRICT)

V.V. Dmitrieva

Kursk State University

In this article the changes of noble families manors, which were one of the main components of agrarian relations system in Russia after the reform of 1861, and, as a consequence, occurrence of new type farms, adapted to requirements of new time, are considered. The consideration of this problem is based on the example of the Annenkov's manor, Kursk district.

Key words: reform of 1861, manor keeping, agricultural exhibitions, (the) settle- breeding goods, products of field- crop cultivation.

Род дворян Анненковых стал известен с первой половины XII в. Откуда ведётся начало этого рода неизвестно, семейные же легенды относят его происхождение к Германии, откуда, будто бы, вышел первый представитель этого рода, носивший фамилию Annenkoff; насколько это верно - судить трудно. Известно только, что первые из Анненковых владели поместьями в Орловской и Курской губерниях¹.

Прямыми предком усадьбы деревни Жеребцово являлся Михаил Антипович Анненков. Потомок его Иван Петрович Анненков на протяжении десяти лет вёл дневник, из которого мы узнаём и о его предках, и о ведении хозяйства, и о жизненном укладе некогда богатейшего дворянского рода.

Последний представитель рода Анненковых П.А.Денисьев умер в середине XIX в., и с этого времени владельцы стали меняться; от этого усадьба не утратила своих функций, но,

естественно, те перемены, которые стали происходить в стране, наложили свой отпечаток на её развитие.

Реформа 1861 г. изменила социальные, хозяйственные и экономические составляющие устройства России и побудила помещиков перейти к новым формам хозяйствования, способствуя тем самым развитию капитализма в земледельческой сфере. Этот процесс продолжался в течение двух десятилетий. Барщинную систему сменила система отработок, а во многих имениях стал применяться и наёмный труд. Владельцам усадеб в большинстве случаев было чрезвычайно сложно содержать дворню, которой при отмене крепостного права было отказано в получении земельных наделов.

В кон. 70-х – нач. 80-х гг. XIX в. возникли хозяйства, приспособившиеся в той или иной степени к новым требованиям времени и представляющие настолько рациональными и доходными, насколько это вообще было возможно в тех экономических условиях. Появлению этих хозяйств способствовало в значительной мере распространение сельскохозяйственных сведений посредством литературы, сельскохозяйственных учебных заведений, конкурсов, обществ, съездов, выставок².

4 мая 1861 г. Министерство государственных имуществ утвердило «Нормальные правила для губернских выставок сельских произведений». Правила определяли открытие выставок, начинающихся с 1862 г. в каждой губернии через четыре года на пятый. Для Курской, Екатеринославской, Нижегородской, Лифляндской, Ярославской, Подольской, Смоленской, Тульской, Виленской и Пермской губерний выпал 1866 г.

Цель выставок - «распространение усовершенствованных отраслей сельского хозяйства и сельской ремесленности».

29 сентября в здании Городского Манежа (ныне - кинотеатр имени Щепкина) был отслужен молебен с водосвятием и выставка открылась для посетителей.

На выставке были представлены: продукты полеводства (различные сорта озимой и яровой пшеницы, рожь, ячмень, овёс, горох, конопля, льняное и подсолнечное семя, гречиха, мак, кукуруза), садоводства, пчеловодства, огородные земледельческие машины, изделия из пеньки и шерсти, скот и птица, кожевенные товары, изделия из дерева и глины, чугуна и стали, произведения изобразительного искусства.

Выставка имела огромный успех. Награды получили не только богатые помещики Голицин (Дмитриевский уезд), князь В.И.Бяргинский (Львовский уезд), но и простые крестьяне, а ведь после отмены крепостного права не прошло и пяти лет.

Достоинства экспонатов определялись экспертами из дворян и купцов. Комитет удостоил наградами (медалями, похвальными листами и деньгами): дворян - 21, купцов и мещан - 13, государственных крестьян - 7, временно обязанных крестьян - 4, иностранцев - 1.

Золотая медаль не досталась никому. Е.И. Анненков, один из представителей большого семейства, за отличную озимую пшеницу, производимую в большом количестве, получил серебряную медаль³.

Владелицей усадьбы Анненкова на момент отмены крепостного права была К.П. Звягинцева, она же была и последней помещицей, имевшей в собственности крестьян.

С 1861 г. крестьяне этого поместья получили возможность свободно распоряжаться собой, а также ряд гражданских прав: заключать разного рода гражданские и имущественные сделки, открывать торговые и промышленные заведения, выступать от своего имени в суде, переходить в другие сословия. Однако они не получили сразу землю в собственность, им на кабальных условиях было предложено выкупить её у помещицы, что, по сути, напоминало прежнюю барщину. Крепостные крестьяне были переведены в разряд временно обязанных и экономически зависели от своей хозяйки.

Сама же К.П. Звягинцева оставалась одной из самых состоятельных дворянок в курском уезде. Пожалуй, к ней перешло не только состояние усадьбы Анненковых, но и их любовь к Богу. В 1866 г. она жертвует средства на капитальный ремонт Воскресенской церкви, построенной И.П. Анненковым, пристраивает к ней два придела; внутри храма нижняя часть стен облицовывается лазурной керамической плиткой, обновляются росписи стен и сводов. В церкви появляется третий престол - в память глубоко почитаемого народом Николая Чудотворца, то есть она становится трёхпрестольной⁴. «Главный во имя Обновления Храма Воскресенья Христова, то есть по правую сторону во имя Корсунские Божие Матери, по левую сторону во имя святителя и чудотворца Николая»⁵. По завершению работ храм вновь был освящён и 1866 г. стал годом третьего его рождения.

К кон. XIX в. вновь происходит смена собственника усадьбы - она переходит в руки А.В. Полежаева, а затем его жены З.Н. Полежаевой.

В бытность этой помещицы были учреждены ярмарки, которые проводились ежегодно в престольные праздники. На них из окрестных деревень съезжалось множество народа. Торговые ряды устраивались сразу же за церковным садом на просторной площади. Купцы и прочий торговый люд привозили сюда обувь, ткани всех сортов, платки, шали, гончарные, бондарные, шорные и кузнечные изделия, тем более что в ближайших деревнях эти ремёсла или совсем отсутствовали, или были слабо развиты. Было на этих ярмарках всё «от шолки и светильники детской до горящего золотом на солнце ведерного самовара». Зажиточные крестьяне, а таких к кон. XIX в. в округе было уже немало, держали себя важно и, приценившись, предлагали скупщикам хлебный и животноводческий товар. Для всех жителей ярмарка была большим праздником и этим они были обязаны Зинаиде Николаевне Полежаевой.

На рубеже XIX-XX вв. снова меняется хозяин усадьбы в деревне Жеребцово. От З.И. Полежаевой старинные анненковские владения переходят к дворянке Ольге Петровне Кушелевой. Она и станет последней родовитой особой в двухсотлетней истории этого дворянского имения.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на огромные перемены в XIX в., главным событием которого стала отмена крепостного права, усадьба жила и развивалась, не утратив при этом своих функций.

Но из года в год всё сильнее играла бунтарская кровь крестьян, стремительно росло чувство безотчётной ненависти, чувство злорадного бахвальства с непривычной безнаказанностью за беспорядки, возникало стремление ещё и ещё проявить своё неповиновение и если уж не отнять, не урвать что-либо, то по крайней мере хотя бы увидеть, почувствовать затаённый страх в глазах тех, кто совсем недавно был непререкаемым в своём могуществе. Такова психология всех веками униженных, обретших неожиданную силу⁶.

Напуганная всеми этими переменами О.П. Кушелева продаёт своё имение земству, которое частично продало земли, частично передало в аренду крестьянам.

Ещё с кон. XIX – нач. XX вв. в имении была учреждена церковно-приходская школа. В 1905 году владелица поместья О.П. Кушелева стала попечителем затем уже земской школы. И вот именно с этого времени вплоть до кон. XX века вначале при усадьбе, а с 1929 года в главном доме действовала школа, которая прошла все этапы своего развития. Волею судьбы в усадьбе теперь хозяйничали потомки крепостных И.П. Анненкова.

Подводя итог, можно сказать, что сельские усадьбы, в том числе и усадьба Анненкова Ивана Петровича, были неразрывно связаны с историей дворянского сословия и развивались в русле общественных процессов, происходивших в России, в которых протекала своя жизнь; она изменялась, наполнялась новым содержанием и имела свои особенности в каждом регионе, в том числе и в нашей Курской губернии, и в усадьбе Анненкова.

Примечания:

1. КОКМ. №3365. *Материалы к истории рода дворян Анненковых // Извлечение из III книги трудов Пензенской ученой архивной комиссии.* – С. 151.

2. Ковалёва Е.Д. *Поместное дворянство Центрального Черноземья XIX века. // Диссертация кандидата исторических наук. Курск, 2004.* - С. 18.

3. *Губернские выставки 1866 года. Каменина Л.Е. Судьбы и люди в документах Курских архивов. Курск, 1923 – С. 35-36.*

4. *Научно-исторический журнал «Курский край». №3-4. Курск, 2006.* - С. 79.

5. ГАКО, Ф.217. Оп.3. Д.64. Я. 358, 1882 г.

6. *Научно-исторический журнал «Курский край». №3-4. Курск, 2006.* - С. 79.

**МЕЛКОПОМЕСТНЫЕ УСАДЬБЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ
В 50-90-Е ГГ. XIX В.*****И.В. Шаповалова****Белгородский государственный университет**

В статье рассматриваются проблемы пореформенного периода. Особое внимание уделено неоднородности мелкопоместной дворянской усадьбы, включая хозяйственные и бытовые различия.

Ключевые слова: мелкопоместная усадьба, дворянин, поместье.

**LANDED ESTATES IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION
IN THE 50-90-IES OF THE 19 CENTURES****I.V. Shapovalova****Belgorod State University**

The article deals with the problems of post-reform period. Particular attention is paid to the heterogeneity of the landed gentry estates, including economic and domestic differences.

Key words: Land estat, nobleman, an estate.

Говоря о русской дворянской усадьбе XIX в., воображение рисует большой дом с колоннадой, утопающий в садах, с вкраплением водоемов и безупречных зеленых лужаек, являя собой место безупречной культурной эстетики. И, это правомерно в определенной степени. Так, как русская усадьба - огромный пласт истории, уходящий вглубь веков. Описание русской усадьбы прочно и широко вошло в отечественную художественную литературу и мемуаристику. С ней тесно связаны живопись и музыка, различные виды искусств и народное творчество. Сформированная столетиями усадебная культура составляет плоть национальной культуры, отечественного наследия, нашей генетической памяти¹.

Не было в России двух одинаковых усадеб, у каждой была своя история, своя генеалогия владельцев, свое хозяйство, особый образ жизни, достопримечательности и даже свои легенды. Но, несмотря на это, миры русской усадьбы были схожи между собой в основных чертах и закономерностях их художественного устройства, не являются исключением и дворянские усадьбы исследуемого региона. Каждая из них была по своему индивидуальна, складываясь подобно мозаике калейдоскопа, из элементов в целом традиционных, но всякий раз создающих неповторимый узор, образ которых являл собою уникальный синтез ландшафта, финансовых возможностей и амбиций, художественных пристрастий и вкусов владельцев усадеб и их создателей².

Все вышесказанное, в первую очередь, относилось к верхним стратам помещного дворянства. Но существовало огромное количество мелкопоместных усадеб, чей облик и внутренняя жизнь фактически не отличались от крестьянской, а в отдельных случаях и уступала последней. Поэтому говорить о неповторимости и яркой индивидуальности мелкопоместной усадьбы не приходится. В художественной и мемуарной литературе усадьбы мелкопоместных дворян фактически не отражены, что весьма затрудняет их изучение как на региональном, так и в общероссийском масштабе. Отсюда, исследователи дворянской усадьбы упоминают о них вскользь. Социально-экономическая и культурная "убогость" мелкопоместных усадеб базировалась на мизерных хозяйственных возможностях их хозяев. В первую очередь, это опосредовалось их незначительным земельным фондом и постоянной тенденцией к его сокращению. Особенно это относилось к пореформенному периоду.

Процесс обезземеливания по-разному затронул различные слои дворян-землевладельцев. Согласно проведенным земельным переписям 1877 и 1905 гг., землевладельцы были определены по следующим категориям: мелкие, владеющие 100 или менее десятин; средние, имеющие от 101 до 1000 дес.; и крупные, имеющие более 1000 дес. Мелкопоместные землевладельцы включали в себя две очень несхожие группы - обедневшие, живущие в захолустье дворяне, мало чем по стилю жизни отличавшиеся от своих соседей-крестьян, и урбанизированные дворяне, не появлявшиеся в своих владениях. Яркие зарисовки жизни дворян Тамбовской губернии первой группы, накануне освобождения крестьянства оставил в своих беллетризованных детских воспоминаниях С. Терпигорев: "...Нам приходилось проезжать через большое село Всесвятское, сплошь состоявшее из мелкопоместных. Маленькие усадебцы с домиками и надворными строениями, крытыми соломой... Очень много было этих усадебцев, и почти все одинаково маленькие, полуразвалившиеся, с заросшими садами... Проезжая, мы видели некоторых из вла-

дельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусиновых пальто, как старые повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видели и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми. Но они все живо чувствовали себя дворянами, потому, что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они, напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства”³.

Зарисовку С. Терпигорева о скученности и убогости мелкопоместных дворов в Центральном Черноземье уже накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные годы подтверждают и статистические материалы. Так в селе Никольском Курской губернии в рамках одного поселения было 86 мелкопоместных усадеб. Необходимо учитывать, что крупным поселениям в черноземной полосе считалось село или деревня от 200 до 400 дворов. Следовательно, в отдельных случаях мелкопоместные дворяне составляли около 30 % жителей селения⁴.

Мелкопоместные усадьбы в культурно-историческом аспекте не только не совместимы с крупнопоместными и среднепоместными (бедность и богатство), но и в определенной мере враждебны им. В резкой обособленности первых всегда можно вычленить значительный элемент близости к народной культуре⁵.

Описание мелкопоместных усадеб в “Мертвых душах” Н.В. Гоголя, рассказах И.С. Тургенева, повестях А.С. Пушкина, романах В.А. Вонярярского и др. также свидетельствует об отсутствии “поэтической гармонии усадебного рая во многих тысячах мелких дворянских “гнезд”. Таким образом, найти какие-либо параллели между архитектурно-пространственной средой богатой и мелкопоместной усадеб не удастся – они просто не существуют. Деревенское жилище мелкопоместного дворянина не отличалось ни изысканными архитектурными формами, ни особыми удобствами. Усадьба нередко строилась в центре деревни, что было вызвано стремлением наблюдать за своими крепостными. Место для дома обычно выбиралось в низине, чтобы уберечься от холодных ветров. И редко какой помещик задумывался о “живописном” расположении усадьбы.

М.Е. Салтыков-Щедрин, давший множество точных характеристик мелкопоместным владельцам усадеб, так описывал их дома: “Одноэтажные, продолговатые, на манер длинных комодов; ни стены, ни крыши не красились, окна имели старинную форму, при которой нижние рамы поднимались вверх и подпирались подставками. В шести-семи комнатах такого четырехугольника с колеблющимися полами и нештукатуренными стенами ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, с целым штатом дворовых людей, преимущественно девок, и с наезжавшими от времени гостями”⁶.

Расходы в мелкопоместных усадьбах сводились к минимуму. Денежных издержек требовала только одежда, в небольшом количестве - бакалейные товары, иногда водка. Зимой продавали излишки хлеба, различные “сельские продукты”. Это давало возможность приобретать необходимые вещи для хозяйства, ткани и обувь, нанимать самых дешевых учителей для детей⁷.

Усадьбы мелкопоместных владельцев были весьма скромны, как и весь их быт в целом. Пример описания центрально-черноземной мелкопоместной курской усадьбы: “Изба деревянная старая крытая соломой, потолок досчатый, без пола с русской печью, с двумя досчатыми дверями, 3 окнами без рам, с плетневыми сенями”⁸.

Отмена крепостного права ускорила процесс разорения мелкопоместных дворян. Это показывают изменения числа мелкопоместных дворян и количества их земель в Курской и Воронежской губерниях в период с 1877 по 1905 г. В 1877 г. количество воронежских мелкопоместных дворян составляло 999, а в 1905 г. эта цифра уменьшилась до 758 мелкопоместных владельцев, или на 24,2%. Площадь земель так же сокращалась. В 1877 г. она составляла 38 899 дес., а уже в 1905 г. уменьшилась до 27 652 дес. земли, т.е. на 29%. Относительная пропорция площади мелких дворян в различных подгруппах (до 10 дес., 11-20 дес. и т.д.) к общему земельному фонду земель этой категории осталась к 1905 г. фактически неизменной (разница 0,2%)⁹.

Эта же динамика была характерна и для Курской губернии. Количество курских мелкопоместных владельцев в 1877 г. составляло 3 723 чел., а в 1905 г. эта цифра снижается до 3 140 помещиков. То же самое происходит и с землями мелкопоместных дворян. В 1877 г. эти земли составляют 121 582 дес. от общего земельного фонда, но уже в 1905 происходит снижение до 83 467 дес. Таким образом, земли курских мелкопоместных дворян сократились на 38 061 дес. (21,4%), а число владельцев уменьшилось на 583 земельных собственника (15,7%)¹⁰.

На основе вышеприведенных данных, мы видим реальную динамику к сокращению количества мелкопоместных дворян и количества земли в Центральном Черноземье в послереформенный период.

Одним из ярких примеров данного резкого ухудшения положения являются мелкопоместные дворяне с. Толмачевка Курской губернии. Это видно из воспоминаний Саши Ратиева, внука бывшего курского главы, он писал: “Толмачевские дворяне-крестьяне, по призванию получившие дворянство от самой императрицы Екатерины II за то, что при следовании в Новороссию, когда ее карета завязла в невылазной черноземной грязи, толмачевцы, не жалея себя, самоотверженно ее вытянули и дальше понесли на руках. Интересно то, что оставаясь настоящими крестьянами, полученное звание “толмачевцы”, особенно женщины, не забывают и в отличие от остальных женщин из других сел, повязанных платками, по праздникам являются в Лебяженскую церковь всегда в шляпках, с зонтиками, иногда в калошах- все это давно устаревших форм и фасонов”¹¹. Это же подтверждают и земские статистики: “Дворяне эти живут в крестьянских избах, ходят в лаптях и нередко нанимаются в батраки к крестьянам”¹².

Были и весьма успешные мелкопоместные дворяне, но их было значительное меньшинство и они не отражали общую картину мелкопоместного быта. Ярким примером может служить усадьба Балабановых в Корочанском уезде Курской губернии. Балабанов Михаил Сафронович родился и провел многие годы в Корочанском уезде. Он стал одним из самых известных специалистов садоводства в своей губернии.

Сохранившаяся усадьба Балабанова представляет собой образец мелкопоместной усадьбы 2-й пол. XIX в. с пейзажным парком и главным домом, построенным в традициях позднего классицизма. Существующий яблоневый сад был восстановлен на одном из старых участков во второй половине XX в. Сразу за садом начинался пейзажный парк, посреди которого стоял простой по архитектуре усадебный дом - одноэтажный, с небольшим подвалом под северной частью, стены выполнены из красного кирпича, Г-образный в плане объем покрыт вальмовой крышей. Здание имеет простой фасадный декор. Цоколь отмечен двойной полочкой, углы закреплены лопатками. На главном фасаде нечетное количество окон. Стены постройки завершены многоступенчатым карнизом. В целом имение Балабанова славилось не красотой и изяществом построек, а достижениями в садоводстве¹³.

Мелкопоместная усадьба не вписывается в традиционную картину дворянской русской усадьбы. В ней отсутствуют эстетическое начало, присущее среднепоместным и крупнопоместным усадьбам. Усадьба мелкого помещика ближе по своей внутренней сути к крестьянскому двору. Правда, были и редкие исключения, типа усадьбы Балабановых, но в общей массе мелкопоместных усадеб, это, скорее исключение из общего правила.

Примечания:

* *Статья выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук (Государственный контракт № П 659 от 10 августа 2009 г.).*

1. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. М., 2001. - С. 6.*
2. *Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX в.: традиции и новации, Белгород, 2010. - С. 32.*
3. *Сеймур Беккер. Миф о русском дворянстве, М., 2004. - С. 57-58.*
4. *Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. I. - С. 128-129, 235-236; Русские. М., 1999. - С. 222-223.*
5. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. М., 2001. - С. 311.*
6. *Там же. - С. 312.*
7. *Там же. - С. 342.*
8. *Оноприенко И.Г. Указ соч. - С. 52.*
9. *Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I, СПб., 1880. - С. 153; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V., СПб., 1906. - С. 24.*
10. *Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII, СПб., 1906. - С. 28; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I, СПб., 1906. - С. 223.*
11. *Донченко Ю. Курские дни князя Саши Ратиева. Курск, 2007. - С. 57.*
12. *Вернер И.А. Землевладение и землепользование в Курской губернии // Русская мысль. Год восьмой. Апрель. Книга IV. М., 1887. - С. 55.*
13. *Колесникова Л.И. Корочанские мелкопоместные усадьбы // Русские провинциальные усадьбы XVIII- начала XIX века // Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. - С. 35-37.*

НЕРАЗДЕЛЁННАЯ СЕМЬЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НАЧАЛА XX ВЕКА НА ЮГЕ ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Н.И. Кобзарева

Белгородский государственный университет

В статье уточняется понятие «неразделённая семья». На основании архивных данных посемейных списков как наиболее информативного источника анализируется структура и состав неразделённых крестьянских семейств южного Черноземья.

Ключевые слова: неразделённая семья, посемейные списки, социальный резерв.

UNDIVIDED FAMILY AS SOCIAL RESERVE OF AGRARIAN REFORM IN THE START OF XX CENTURY IN THE SOUTH OF BLACK EARTH REGION

N.I. Kobzareva

Belgorod State University

The paper specifies conception «undivided family». The bases of this paper are archive documents – lists of peasants' families as the most informational origin. The paper contains an analysis of structure of undivided family in the South Chernozem region.

Key words: undivided family, lists of peasants' families, social reserve.

Изучение особенностей хозяйствующего субъекта необходимо для выяснения мотивов его деятельности, разработки механизмов их поддержки и стимулирования, создания соответствующих условий. Способы интенсификации хозяйства через освобождение от патриархальной общинной стабильности, через обращение к индивидуальной инициативе были заложены в законодательстве нач. XX в.

В историографии аграрных преобразований нач. XX в. существуют три точки зрения. Одна из них акцентирует внимание на малом количестве выходов из общины, на жизнеспособности данного института, доказывая этим искусственность, обречённость замыслов П.А. Столыпина¹ Вторая апеллирует к необратимости процессов «экономического, социального, психологического и нравственного распада общины»², обосновывая необходимость и своевременность аграрных преобразований. Третья не отрицает сильных позиций общины, но обращает внимание на прогрессивность³ и «потрясающие результаты»⁴ аграрных преобразований в развитии передовых форм коллективного земледелия.

В исследованиях подробно освещались деятельность Крестьянского банка, государственные ассигнования на агрономическую помощь населению, организация переселения на окраины, установление льготных цен для продажи крестьянам части казённых и удельных земель, т.е. экономические условия для осуществления аграрной реформы. Раскрытие же социального аспекта сводилось к определению числа домохозяйств, выделившихся из общины⁵, воспользовавшись правами, предоставленными аграрным законодательством. Смысл аграрных преобразований действительно заключался в индивидуализации⁶ крестьянского землепользования, выделении из общины. Вместо неё предполагалось «создание нового... механизма самовоспроизведения и самонастройки»⁷ села. Поскольку налицо ломка привычных устоев крестьянской жизни, этот процесс предполагает длительность. Реформа была рассчитана на «крестьянина, который искренне чувствовал в себе хозяина»⁸, «земледельца по призванию»⁹. Большинство крестьян не были готовы выйти из общины немедленно, но могли осуществить это впоследствии, руководствуясь примером самых инициативных, учитывая собственные экономические возможности.

Поскольку хозяйственная деятельность крестьянина заключена в рамки семьи (двора, домохозяйства), то именно семьи крестьян стали объектом нашего изучения. «Семьёй считали совокупность близких родственников, живших вместе, ведших одно хозяйство под управлением одного человека»¹⁰, таким образом, понятие «семья» синонимично понятию «домохозяйство». Классифицируя семьи, выделяют простые или малые (родители с неженатыми детьми: «два поколения родственников по прямой линии»¹¹), расширенные («состоящие из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной степени близости»¹²) и составные или неразделённые («имеющие в своём составе несколько супружеских пар и других родственников»¹³). Нужно иметь в виду, что наличие классификации семей

не означает наличия постоянной устойчивой формы для отдельной семьи. Составная семья – только стадия¹⁴ или, по определению А.В. Чайнова, один из циклов¹⁵ внутреннего развития крестьянского хозяйства.

К кон. XIX в. приметой времени стали семейные разделы¹⁶. На протяжении с 1861 по 1882 гг. их количество в масштабах Европейской России возрастало у всех категорий крестьянства¹⁷, а самовольные составляли практически 90%. Образованная в результате раздела малая семья – «хозяйство бедняков»¹⁸ – нуждалась в институте общины, гарантирующем стабильность. Наибольшую же экономическую самостоятельность в рамках общины имели неразделённые семьи. Именно для неразделённых семей было характерно экономическое благополучие, «зажиточность»¹⁹. Следовательно, экономическая зависимость этих семейств от института общины была наименьшей. Их можно считать социальным резервом аграрных преобразований. Выяснить долю неразделённых семей в общем количестве домохозяйств двух сёл – Яковлево и Козьмодемьяновке – Белгородского уезда Курской губернии, обозначив особенности института неразделённой семьи на юге Черноземья, является *целью* нашей работы.

Предмет исследования – структура крестьянских семей. В соответствии с целью, объектом и предметом поставлены *задачи*: проанализировать половозрастной состав неразделённой семьи, определить населённость крестьянского двора.

Работа строится на основе архивных данных посемейных списков жителей селений²⁰. Посемейные списки – учётный документ, отражающий состав семьи. Они составлялись на продолжительный период (до 10 лет) на крестьян – волостными правлениями на каждое сельское общество, в рассматриваемом случае – на селение. Данный источник содержит сведения о фамилии, имени отчестве главы семейства и его родственников и родственниц, что позволяет установить степень родства, если она не указана. В посемейные списки после их составления также вносилась отметка о прибытии и убытии лиц мужского и женского пола. При этом специально отмечались лица, поступившие на военную службу за последние 6 лет до составления списка. В документе указан возраст на дату составления списка и год рождения для членов семьи. Что касается полноты источника, то он предоставляет данные только о численности семейств, их структуре и половозрастном составе, но не содержит информации о хозяйственном состоянии двора в целом. В определении достоверности источника следует помнить, что раздельное ведение хозяйства могло быть не заявлено, хотя осуществлялось фактически. Выяснить точное число неразделённых семейств, таким образом, не представляется возможным. Данный источник позволяет лишь приблизиться к пониманию специфики института крестьянской семьи конца XIX – нач. XX вв. на юге Черноземья.

При выявлении составных семей учитывалось замечание Миронова Б.Н. по поводу типичной ошибки исследователей, относящих некоторые формы составной семьи (родители и женатые дети без собственных детей) к малым семьям²¹. В данном случае такая форма составной семьи из анализа не исключалась, что отразилось на количестве выявленных составных семейств. Таких, по данным посемейных списков, в селе Яковлево Карповской волости Белгородского уезда по состоянию на 1894-1914 гг. насчитывалось 108, что составляет 63% от общего числа дворов в селении. В составе неразделённых семейств проживало 1243 чел., т.е. 82% от числа всех жителей селения. В селе Козьмодемьяновка Карповской волости Белгородского уезда – 111 неразделённых семейств (81% от всех семейств села). В их составе 1789 чел. (95% от всего населения села).

Населённость крестьянского двора в неразделённой семье колебалась в пределах 4 – 33 человека в селе Яковлево и 4 – 50 человек в селе Козьмодемьяновка. Согласно Б.Н. Миронову, «экономический оптимум» – 10-11 человек, после этого «выгоды хозяйства не компенсировали накопление межличностных противоречий»²², происходил семейный раздел. На юге Черноземья этот показатель был выше. Средняя неразделённая семья в селе Яковлево включала 12 человек, в селе Козьмодемьяновка – 16 человек. Неразделённые семьи, в которых насчитывалось более 10 человек, составляли 67% в селе Козьмодемьяновка и 46% в селе Яковлево²³.

Анализ половозрастного состава неразделённых семейств показал преобладание трёхпоколенной семьи²⁴: 62 семейства или 57% от всех неразделённых семейств в селе Яковлево и 65 семейств или 59% в селе Козьмодемьяновка. В средней неразделённой семье села Яковлево 6 мужчин и 6 женщин, села Козьмодемьяновки – 8 мужчин и 8 женщин. На самом деле такому усреднённому показателю соответствует лишь 21,3% от всех неразделённых семей села Яковлево и 14% – села Козьмодемьяновки. В обоих селениях наиболее многочисленной категорией среди неразделённых семей являются семьи с преобладанием женщин²⁵ (45,4% – в селе

Яковлево, 45% – в селе Козьмодемьяновка), но их отрыв в процентном соотношении от семей с преобладанием мужчин невелик: 12% в селе Яковлево, 4% в селе Козьмодемьяновка. Неразделённые семьи с преобладанием мужчин составляли 33,3% от всех неразделённых семейств села Яковлево, 41% – в селе Козьмодемьяновка.

Как видим, в данных селениях типичной являлась неразделённая семья, в составе таких семей проживала основная масса населения. Неразделённая семья была преимущественно трёхпоколенной, в своём составе насчитывала более 10 чел. при равенстве числа мужчин и женщин. На основании данных посемейных списков нельзя в целом сделать вывод об экономическом положении неразделённой семьи: в ряде случаев она существовала ввиду недостатка средств к разделу. Тем не менее, обеспеченность такой семьи работниками, возможность соблюдения половозрастного разделения труда - налицо. Рассматривая неразделённую семью в качестве социального резерва аграрной реформы, аграрные преобразования можно определить как имевшие перспективу.

Примечания:

1. Дорожкин А.Г. *Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии*. // *Отечественная история*. 2006. №2. – С. 120.
2. Лурье С.В. *Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация*. М.: Наука, Восточная литература, 1993 – С. 167.
3. Тюкавкин В.Г. *Великорусские крестьяне и столыпинская аграрная реформа*. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 302 с.
4. Мацузато К. *Столыпинская аграрная реформа и российская агротехнологическая революция*. // *Отечественная история*. 1992. №6. – С. 199.
5. Иванова Н.А., Желтова В.П. *Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 2004. – С. 152.*
6. Зырянов П.Н. *Крестьянская община европейской России, 1907-1914 гг. М.: Наука, 1992. – С. 83.*
7. Вишневский А.Г. *Русский или прусский: размышления переходного времени*. М.: ГУ ВШЭ, 2005. – С. 62.
8. Лурье С.В. *Указ. соч.* – С. 153.
9. *Там же.*
10. Миронов Б.Н. *Социальная история России (XVIII - начало XX в.): в 2 тт. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – 548 с.+ 568 с. – Т.1 – С. 219.*
11. Вишневский А.Г. *Эволюция российской семьи*. / Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430650>
12. *Там же.*
13. *Русские*. / ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1999. – С. 427.
14. Миронов Б.Н. *Указ. соч.* – С. 229.
15. Кабанов В.В. *Школа А.В.Чаянова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. №6. – С. 91.*
16. *Русские... - С. 416.*
17. Иванова Н.А., Желтова В.П. *Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 2004. – С. 144.*
18. Кабанов В.В. *Школа А.В.Чаянова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. №6. – С. 91.*
19. *Там же.*
20. ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.5, Д.3.
21. Миронов Б.Н. *Указ. соч.* – С. 220.
22. *Там же.* – С. 231.
23. *См. табл. 1*
24. *См. табл. 2.*
25. *См. табл. 3.*
26. *Таблица составлена на основании данных: Посемейные списки жителей села Яковлево (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.5); Посемейные списки жителей села Козьмодемьяновка (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.3).*
27. *Таблица составлена на основании данных: Посемейные списки жителей села Яковлево (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.5); Посемейные списки жителей села Козьмодемьяновка (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.3).*
28. *Таблица составлена на основании данных: Посемейные списки жителей села Яковлево (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.5); Посемейные списки жителей села Козьмодемьяновка (ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.3).*

**ПОРЕФОРМЕННЫЙ ГОРОД В ВОСПОМИНАНИЯХ С.Н. ТЕРПИГОРЕВА
И А.Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА**

А.А. Шабанова

Белгородский государственный художественный музей

В статье рассматривается отношение к пореформенному городу в мемуарах писателей XIX в. С.Н. Терпигорева и А.Н. Энгельгардта. В произведениях авторов «Потревоженные тени» и «Из деревни. 12 писем» прослеживается неоднозначный взгляд писателей на город, который стал для них своеобразной противоположностью (антитезой) жизни в имении.

Ключевые слова: город, Терпигорев, Энгельгардт, «Потревоженные тени», письма «Из деревни».

REFORMED CITY IN MEMOIRS OF S.N. TERPIGOREV AND A.N. ENGELHARDT

A.A. Shabanova.

Belgorod State Artistic Museum

This article touches upon the attitude to reformed city in memoirs of S.N. Terpigorev and A.N. Engelhardt which were the writers of 19-th century. It is possible to see varied view on the city which became a peculiar opposite (antithesis) to the country life according to their works «Disturbed Shades» and «From the Country. 12 Letters».

Key words: city, Terpigorev, Engelhardt, «Disturbed Shades», letters «From the Country».

Пореформенный город представлял собой сложное, многогранное явление. Сосредоточив в себе растущее население, средства производства, торговлю и финансы, учреждения управления, религиозных культов, культуры, образования и науки, общественно-политического движения, т.е. основные составляющие индустриального общества, город стал своеобразной моделью этого общества. В нем наиболее отчетливо прослеживалась динамика общественного развития. Город во 2-й пол. XIX в., будучи важным элементом социальной структуры общества, был не только сосредоточением экономической жизни, но и в большой степени выполнял административные и общественно-культурные функции. Своеобразие города, как сложной системы состоит в том, что он включает в себя элементы социальные, технические и природные. Город являлся форпостом распространения цивилизации. Современный известный историк Б.Н. Миронов определяет город как многофункциональный, интегрирующий и социальный организм со специфическим укладом общественной жизни¹.

В изучении и исследовании пореформенного города особый интерес представляют источники личного происхождения, дневники, мемуары, произведения эпистолярного жанра. Русские писатели С.Н. Терпигорев и А.Н. Энгельгардт в своих воспоминаниях отразили пореформенное переустройство поместного дворянства, уклад жизни русской деревни в кон. XIX в. и патриархальную психологию русского крестьянина. Оба - талантливый журналист и выдающийся ученый - потомственные дворянина, получили хорошее образование, учились и работали в Санкт-Петербурге, но в связи с разными обстоятельствами для них поселение в имении стало смыслом жизни. В городе писатели были эпизодически, решая важные хозяйственные, организационные и другие задачи. Они смотрели на городской образ жизни как на антитезу сельской. В связи с этим у них сложилось свое специфическое отношение к городу.

Сергей Николаевич Терпигорев родился 1841 г. в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии в семье среднепоместного помещика, чей род восходил к XVI в., ко временам Ивана Грозного. До тринадцати лет воспитывался дома. Много читал, пользуясь обширной библиотекой отца. Затем учился в тамбовской гимназии (детство и годы учения Терпигорев подробно описал в книге «Мои воспоминания»). В 1860 г. поступил в Петербургский университет. В 1862 г. был уволен из университета в связи со студенческими «беспорядками» с обязательством выехать из Петербурга. Жил в деревне, в 1867 г. вернулся в Петербург². Во время пребывания своего в деревне С.Н. Терпигорев стал корреспондентом «Голоса», всячески «обличая» местных заправил.

По происхождению тамбовский помещик, Терпигорев сформировался как писатель и журналист под благотворным влиянием передовых идей 60-х гг., сотрудничал с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным в «Отечественных записках», «Историческом вестнике» и других изданиях прогрессивного направления. Его произведения носят в большинстве своем автобиографический характер и рисуют достоверные картины быта и общественного уклада преимущественно Тамбовской губернии. В прозе удивительным образом сочетаются романтизация уxo-

дящих в прошлое «дворянских гнезд» и антикрепостнический пафос. Литературная известность С.Н. Терпигорева (С. Атава) связана с циклом рассказов и очерков «Оскудение» (1880) и «Потрясенные тени» (1888-1894).

В произведении «Потрясенные тени» Терпигорев о городе упоминает достаточно эпизодически. В воспоминаниях детства у него запечатлелось, как посылали из имения человека в город за различными покупками: за чаем, сахаром, кофе и разными припасами, как тетенька Клавдия Васильевна «из города обыкновенно привозила нам, детям, всякий раз леденцов, вообще сладостей...»³, как часто бывавший в деревне, в имении робкий чиновник Василий Прокосьевич Лысогорский за обедом рассказывал о городе, «... о том, какую необыкновенную икру получил недавно купец Подугольников»⁴.

Будучи на учебе в тамбовской гимназии, Терпигорев вспоминает, как накануне отмены крепостного права в губернском городе проходил большой съезд дворян «... для выборов в комитеты по улучшению быта помещичьих крестьян, то есть, проще говоря, для обсуждения условий, на которых, по их понятию, лучше всего можно было освободить крестьян, - слухи о воле переходили в действительность... Можно сказать, что почти все дворяне губернии съехались в губернский город... Не только все гостиницы, постоялые двory, все частные даже квартиры были заняты, так как у каждого был хоть кто-нибудь знакомый в губернском городе, и как же бы он не пустил приехавшего издалека и по такому важному делу помещика? Город нельзя было узнать; оживление в нем было небывалое»⁵.

О городе спустя двадцать пять лет, в 1880-е гг. упоминает Терпигорев в рассказе «Иуда». «Года три назад мне пришлось довольно долго проживать в нашем уездном городе. Из старых знакомых никого уже не было, и я, дожидаясь кого мне нужно было, по целым дням просиживал у окна на постоялом дворе, где я остановился»⁶. Автор, описывая вид из окна — улицу, площадь, постройки — пишет также и о заинтересовавших его людях, чиновников из присутственных мест.

Рассказы и очерки из цикла «Потрясенные тени» написаны с большим знанием материала, полны интересных наблюдений, любопытных типов, правдиво отражают пореформенный быт российского дворянства. Воспоминания о губернском городе, даже небольшие заметки, как видно не носят яркой негативной или положительной оценки. Схожие страницы биографии, но свое особое отношение к городу было у другого автора мемуаров.

Александр Николаевич Энгельгардт родился в 1832 г. в с. Климово Духовщинского уезда Смоленской губернии (ныне Ярцевский р-н Смоленской обл.). Так же первоначальное воспитание и образование получил дома. В 1848-1853 гг. он учился в Михайловском артиллерийском училище и по окончании его стал артиллерийским офицером. Несколько лет работал в Санкт-Петербургском Арсенале, где руководил химической лабораторией и отливкой пушек для обороны Севастополя. На этой работе Энгельгардт оказал большую услугу артиллерийскому делу в России, внося в узкую специальность блестящие новаторские обобщения. За ценные научные работы А.Н. Энгельгардт получил степень доктора химии и был назначен профессором Земледельческого института в Петербурге (1866-1870 гг.).

Бурные 60-е не прошли мимо Энгельгардта за свои связи с народниками он был судим как офицер военным судом, после чего военная карьера стала для него невозможной. Позднее, за сочувствие к студенческим волнениям Энгельгардт был арестован второй раз. Теперь перед ним была закрыта не только преподавательская карьера, но и сама возможность прежней жизни в обеих столицах. Потомственный дворянин, страстный химик-экспериментатор поселился в своем имении в деревне Батищево Дорогобужского уезда Смоленской области. Сюда он и прибыл в 1871 г., начав новую, 22-летнюю полосу в своей жизни. По сути это была ссылка, лишившая его любимой работы, привычных занятий, научной среды и друзей. Тем не менее, мужественный человек, он не потерял оптимизма. «Я оставлял Петербург, - писал он, - веселый, полный надежд, с жадной новой деятельностью»⁷. Ссылка высветила новые грани его таланта, дав толчок его деятельности как публициста. И он обессмертил свое имя в отечественной истории не только как крупный химик, но и как выдающийся практик сельского хозяйства и талантливый писатель-публицист.

А.Н. Энгельгардт широкой публике известен главным образом как автор писем «Из деревни». Первое письмо было послано в 1872 г. в «Отечественные записки» и вызвало заслуженный интерес у читателей. Поддержанный в своем начинании так же М.Е. Салтыковым-Щедриным, он затем опубликовал еще десять писем на страницах журнала (до его закрытия властями в 1884 г.), а последнее двенадцатое письмо - в 1887 г. в журнале «Вестник Европы». «Письма»

в свое время были изданы книгой, читаны Лениным и Марксом, благодаря чему «Из деревни» переиздавали и после 1917 г. Они приобрели общественную значимость с момента своего появления не только потому, что их автор обладал известным именем и даром слова, но прежде всего и главным образом потому, что эти письма показывали жизнь пореформенной деревни в ее реальности, с ее острейшими противоречиями, запутанными проблемами, нескончаемыми бедами и тусклыми надеждами. Нарисованная картина вызывала полное доверие и потому, что автор явился в деревню не сторонним наблюдателем, хотя бы и преисполненным «заботой о мужике», а непосредственным и активным участником деревенской жизни - сельским хозяином, вкладывающим в сельскохозяйственное производство все свои научные знания, организаторские способности, недюжинную энергию и таким образом, добывающим средства к существованию.

В первых письмах автор сравнивает свою столичную и деревенскую жизнь. «Три года тому назад я жил в Петербурге, служил профессором, получал почти 3000 рублей жалованья, занимался исследованиями об изомерных крезолах и дифенолах, ходил в тонких сапогах, в панталонах навыпуск, жил в таком теплом доме, что в комнатах можно было босиком ходить, ездил в каретах, ел устрицы у Эрбера, восхищался Лядовой в «Прекрасной Елене», верил тому, что пишут в газетах... С деревней... был знаком только по повестям... А теперь я живу в деревне, в настоящей деревне, из которой осенью и весной иной раз выехать невозможно. Не служу, жалованья никакого не получаю, о крезолах и дифенолах забыл, занимаюсь хозяйством, сею лен и клевер, воспитываю телят и поросят, хожу в высоких сапогах с заложными в голенища панталонами, живу в таком доме, что не только босиком по полу пройти нельзя, но не всегда и в валенках усидишь, - а ничего, здоров. Езжу в телеге или на бегунках, не только сам правлю лошадей, но подчас и сам запрягаю, ем щи с солониной... восхищаюсь песнями, которые «кричат» бабы, и пляскою под звуки голубца, не верю тому, что пишут в газетах... Удивительная разница...»⁸. Тем не менее, в письмах нет и тени уныния.

Несмотря на то, что автор практически безвыездно проводил время в своей деревне, с губернским городом он поддерживал связь и иногда посещал его. С практическим интересом и удовольствием собирался Энгельгардт в город на сельскохозяйственную выставку, устроенную обществом сельского хозяйства. Интерес заключался в возможности расширить знания и поделиться опытом в сельскохозяйственных работах, в целом вспомнить городской образ жизни: «... и проветриться захотелось; захотелось посмотреть цивилизованных людей, которые носят сюртуки, а не полузипунники, пьют шампанское, а не водку, едят разные финзербы, а не пушной хлеб, исправно получают жалованье и не платят никаких податей, не боятся не только волостного, но даже и самого исправника. Может, и таких увижу, которых сам исправник боится. Хотелось и по мостовой проехать, и по тротуару пройти, и музыки послушать, в клуб завернуть, в театре побывать, посмотреть женщин, которые носят красивые ботинки, чистые перчатки. Странное дело, кажется, я уж привык к деревне, скоро три года только и вижу полузипунники, лапти, уродливо повязанные головы, обоняю запах капусты, навоза, сыворотки»⁹. Даже в своей подготовке к поездке Энгельгардт уделил внимание внешнему виду: «Нужно было совершенно преобразиться. Дома осенью я всегда хожу в высоких сапогах, красной фланелевой рубашке и полушубке - костюм, к которому я логически пришел в деревне, костюм, чрезвычайно удобный и даже красивый... Но явиться в таком костюме на выставку - хотя бы, кажется, этот деревенский костюм очень шел к хозяйственной выставке - я не решился, потому что это могли бы принять за оригинальничание или еще того хуже. В городе нужно быть одетым по-городски»¹⁰.

Город, являясь сосредоточением общественно-культурной жизни, распространял свои каноны одежды, манеры поведения, образа жизни в целом. Разумеется, жизнь в городе коренным образом отличается от деревенской. «Передать трудно, - пишет Энгельгардт, - какое впечатление производит вокзал железной дороги, поездка на машине, город, гостиница на европейский лад, после того, как более двух лет прожил безвыездно в деревне»¹¹; «... в вокзалах станций все глядит городом: городская мебель, буфеты с бутылками, по-господски сервированные столы, прислуга во фраках...»¹².

В «Письмах» прослеживается сравнительное отношение сельской и городской жизни. К примеру, в городе много нищих и пьющих, что не характерно было для деревни.

Энгельгардт отмечает, что в Дорогобужском уезде обрабатываемые земли можно назвать зоной рискованного земледелия, редко у какого мужика урожая хватало даже на так называемый «пушной» хлеб - т.е. хлеб из невейной ржи. Рассказ Энгельгардта о хождении «в кусоч-

ки», помещенный в первом же письме, наполняет конкретным содержанием стершийся смысл поговорки «от тюрьмы да от сумы...»: сума - это знак человека, пошедшего «в кусочки», это сигнал бедствия, внятный каждому крестьянину. Взрослый или ребенок с сумой не просит, а просто ждет - и ему подают именно «кусочек» хлеба определенного размера. Тем не менее, эти побирающиеся совсем не те нищие из города. «Побирающийся кусочками» и «нищий» – это два совершенно разных типа просящих милостыню..., - пишет Энгельгардт, - ...Нищий по мужикам редко ходит: он трется больше около купцов и господ, ходит по городам, большим селам, ярмаркам. У нас настоящие нищие встречаются редко - взять им нечего. Совершенно иное побирающийся «кусочками». Это крестьянин из окрестностей. Предложите ему работу, и он тотчас же возьмется за нее и не будет более ходить по кусочкам»¹³.

По мнению Энгельгардта, в городе существует предвзятое представление о привычках и характере сельской жизни, что в свою очередь вызывает негативное отношение автора к горожанам. Сравнивая город и село, Энгельгардт указывает на неверном отношении к пьянству на селе. Во втором письме он пишет: «Вообще нужно заметить, что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки... Все, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов. Повторяю, мужик, даже и отпетый пьяница - что весьма редко - пьющий иногда по нескольку дней без просыпу, не имеет того ужасного вида пьяниц, ведущих праздную и сидячую комнатную жизнь, пьяниц, с отеком лицом, дрожащими руками, блуждающими глазами, помраченным рассудком. Такие пьяницы, которых встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помещиками, опившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами - людьми, находящимися в работе и движении на воздухе, - весьма редки, и я еще ни одного здесь такого не видал, хотя, не отрицаю, при случае крестьяне пьют шпарко»¹⁴.

Негативное отношение к городу у Энгельгардта проявляется в описании кричащего неравенства города и села в деле здравоохранения. «Заболели вы, - извольте посылать в город». А при этом необходимо оплатить дорогу на приличном экипаже, сам визит доктора, лекарство. «Очевидно, что доктор теперь доступен только богатым помещикам»¹⁵. Конечно, для больного сельского жителя важно хорошее питание, теплое помещение и избавление от работы, но часто вовремя поданная медицинская помощь «могла бы принести огромную пользу». Энгельгардт не просто критикует город, как место где все есть в недостатке, в отличие от села, но и пытается предложить свои варианты решения этой проблемы. Он пишет о необходимости наличия доктора в каждой волости, пусть даже «фельдшер, но фельдшер образованный, гуманный, – не нужно много медицинских познаний, но главное, чтобы был человек образованный с независимыми мнениями», и при этом само медицинское лечение должно быть доступно. «Я уверен, что, хорошо взявшись за это, можно было бы устроить дело, но для этого необходимо, чтобы все лица, живущие в одной волости... все составляли одно целое, были связаны общим интересом, лечились бы одним и тем же доктором, судились одним судьей, имели общую кассу для своих местных потребностей, выставляли в земство общего представителя (или представителей) волости и пр., и пр. Пока этого нет - и медицинской помощи в деревнях не будет, потому что земство, в теперешнем его виде, ничего настоящего по этой части не сделает - я в этом уверен. Я не могу себе представить, чтобы живущий в городе председатель управы или член (я рассуждаю вообще, не имею в виду земских лиц уезда, в котором живу, и прошу не принимать этих рассуждений на чей-либо личный счет), у которого есть под рукой доктор и аптека, мог живо принимать к сердцу положение мужика»¹⁶ и других, живущих в волости.

Для крестьянина работа в городе, как считает Энгельгардт, должна иметь второстепенное значение. «Это уже не дело, если крестьянин видит основу в стороннем заработке. В деревнях, расположенных около городов, железнодорожных станций, фабрик, несмотря на обилие выгодного заработка, крестьяне редко живут зажиточно, хозяйственно... Это уже самое последнее дело, когда мужик не занимается землей, а смотрит на сторонний заработок. Заниматься землей трудно. Земля, хозяйство требуют заботы, постоянного внимания. Конечно, даром денег нигде не дают, и на стороннем заработке, на фабрике, в городе, тоже требуется работа, и не менее тяжелая, но та работа, батрацкая, не требует заботы, внимания и всегда дает определенный заработок... Обыкновенно в таких подгородных, подфабричных деревнях масса населения живет вовсе не зажиточно, и только несколько разбогатевших торговлею кулаков эксплуатируют своих однодеревенцев»¹⁷. А для хозяйственных крестьян, которые в земле видят основу своей жизни, по мнению Энгельгардта, важен только такой сторонний заработок, который не от-

рывает их от работы на земле, служит только подспорьем. Сторонние заработки в городе - это для равнодушных к делу, т.к. земля, хозяйство - основа для крестьянина.

Описывая психологию и быт крестьян, трудности связанные с хозяйствованием на земле, Энгельгардт высмеивает и паразитический образ жизни городских чиновников. Даже говоря о праздниках, Энгельгардт пишет, что у крестьянина их меньше, чем у чиновника, так как крестьянину нет времени отдыхать, а «большинство чиновников относится к делу безучастно, лишь бы время отбыть да жалованье получить». Так же как и Терпигорев Энгельгардт уделяет внимание Пасхе. «Крестьяне празднуют, как и чиновники, все годовые праздники с тою только разницею, что на светлое воскресенье празднуют всего три дня, а во многие другие праздники не работают только до обеда... Правда, у крестьян есть некоторые особенные праздники: например, они празднуют летней казанской, Илье, в некоторых местностях Фролу и некоторым другим святым, но за то крестьяне не празднуют официальных дней». По мнению Энгельгардта, праздновать такие дни несовместимо с понятиями крестьян, так же как и празднование своих дней рождений. Именины крестьяне отмечают тоже редко - если имя носит известного святого, да и то, в основном отмечают те крестьяне, которые побывали в городах и при господах. «Если все сосчитать, то окажется, что у крестьян, у батраков в господских домах праздников вовсе не так много, а у так называемых должностных лиц - старост, гуменщиков, скотников, конюхов, подойщиц и пр. и вовсе нет, потому что всем этим лицам и в церковь даже сходить некогда»¹⁸.

Как видно, представление Энгельгардта о городе неоднозначно: с одной стороны мы видим неготовое отношение к бездействию руководящего аппарата, произволу чиновников, неработающим маргинальным слоям и в целом, неверному отношению горожан к трудностям жизни на селе, а с другой - автор отмечает цивилизованный городской образ жизни, показывает общественно-культурный и экономический уровень губернского города через сравнения с селом и уездом. Два потомственных дворянина и писателя Терпигорев и Энгельгардт, оказавшиеся на определенном моменте оторванными от цивилизованной городской жизни, живя в своих имениях, не могли не отметить разницу между городом и селом. Для Терпигорева и Энгельгардта пореформенный город стал своеобразной антитезой сельской жизни. Город, оказывая непосредственное влияние на их жизнь, сформировал у авторов свое личностное отношение к нему. Если у Терпигорева в воспоминаниях о детстве, проведенного им в имении, город предстает с нейтральной ностальгической окраской, то Энгельгардт, будучи сельским хозяином, смотрит на город еще и сточки зрения крестьянина, выражая свою оценку воздействия города на село.

Талантливый беллетрист и фельетонист С.Н. Терпигорев и выдающийся ученый, сельский хозяин и публицист А.Н. Энгельгардт в своих произведениях правдиво показали минувшую жизнь, отразили непреходящие духовные и нравственные ценности.

Примечания:

1. Миронов Б.Н. *Русский город в 1940-1960 гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие*. М.: Наука, 1990. – С. 18.
2. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/2160346/>
3. Терпигорев С.Н. (Атава С.). *Потрешенные тени*. М.: Сов. Россия, 1988. – С. 136.
4. Там же. – С. 442.
5. Там же. – С. 541.
6. Там же. – С. 486.
7. <http://imena-smolenschini.narod.ru/Text/text24.htm>
8. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем. (1872-1887)*. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956. Письмо 4. – С. 135-136.
9. Там же. – С. 123.
10. Там же.
11. Там же. – С. 133.
12. Там же. – С. 138.
13. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем. Письмо 1.* – С. 31.
14. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем. Письмо 2.* – С. 42.
15. Там же. – С. 49.
16. Там же. – С. 52.
17. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем. Письмо 10.* – С. 385.
18. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем. Письмо 5.* – С. 179.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОГО, ГРАЙВОРОНСКОГО, СТАРООСКОЛЬСКОГО, НОВООСКОЛЬСКОГО УЕЗДОВ)

Н.Н. Иванова

Белгородский государственный университет

В статье на основе архивных материалов рассматриваются направления и формы предпринимательской деятельности женщин-купчих Курской губернии кон. XIX - нач. XX вв. Женщины владели торговыми и промышленными предприятиями, но большую активность проявляли в торговой сфере. Особое распространение в данный период получила розничная торговля сельскохозяйственной продукцией.

Ключевые слова: женщины-купчихи, торговля, предпринимательство, промышленное предприятие, лавка.

ENTERPRISE ACTIVITY OF WOMEN OF MERCHANT ESTATE IN KURSK PROVINCE IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF BELGOROD'S, GRAIVORON'S, STARY OSKOL'S, NOVY OSKOL'S DISTRICTS)

N.N. Ivanova

Belgorod State University

In article on the basis of archival materials are considered the directions and forms of enterprise activity of women-merchants in Kursk province in the late XIX-early XX centuries. Women owned the trading and industrial enterprises, but they showed greater activity in trading sphere. During the given period special distribution was received with retail trade in agricultural production

Key words: women-merchants, trade, enterprise activity, the industrial enterprise, grocery

За последние несколько лет в нашей стране появилось большое количество исследований и публикаций о предпринимательстве, стали много говорить и писать о необходимости усвоения его исторического опыта, важности возрождения ценных дореволюционных традиций. Одним из новых направлений, которые зарождаются в женской и гендерной истории сегодня, является «регионально ориентированные локальные исследования»¹. В разных областях России занятия предпринимательством имели свои особенности.

В настоящее время в обществе достаточно широко обсуждается проблема места и роли женщины в политической, экономической и социальной сферах². Современное состояние историографии позволяет сделать вывод о том, что история русских женщин имела ряд особенностей, обусловленных самобытностью исторического пути, пройденного Россией³. При этом существенный научный интерес представляет изучение роли женщин в предпринимательской деятельности в ходе буржуазного реформирования страны, что дает возможность судить о том, насколько удалось российскому обществу преодолеть стереотипы традиционной патриархальной культуры, отказаться от старых общественных установок и выработать в ходе буржуазных реформ новую ценностно-нормативную базу. Проявлением перемен в общественном сознании жителей России, особенно в пореформенное время, было и изменение взглядов на социальный статус женщины и её роль в обществе⁴. В кон. XIX - нач. XX вв. число женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью, возросло. Среди них наиболее активными являлись представительницы городских сословий. Управляя собственным предприятием, женщина реализовывала себя как самостоятельная личность. Это подтверждает актуальность данной проблемы в наше время: ведь в современной России активность женщины в сфере предпринимательства возрастает.

С точки зрения изучения женского предпринимательства в России в кон. XIX-нач. XX вв. Курская губерния интересна тем, что спектр женского предпринимательской деятельности был здесь представлен достаточно широко - от крупных до мелких предприятий, среди которых подавляющее большинство составляли мелкие; женщины весьма активно вовлекались как в торговую, так и в промышленную деятельность. Сферы приложения женской деловой активности в уездах Курской губернии распространялись на такие отрасли как торговля мелочными, черно-бакалейными и мануфактурными товарами, продуктами питания, алкогольной продукцией, посудой, одеждой и обувью; управление промышленными предприятиями.

Наиболее популярные виды женского предпринимательства в Курской губернии в кон. XIX - нач. XX вв. были связаны с обработкой сельскохозяйственной продукции. В данную сфе-

ру входила торговля мелочными товарами. Примерами такого рода деятельности можно считать мелочную лавку в Белгороде, которую в 1907 г. содержала Дубовикова Ефросинья Семеновна⁵. В 1909 г. Елена Даниловна Макушенкова торговала мелочным товаром в с. Ржавки Зимовенской волости Корочанского уезда, в 1904-1905 гг. Дворцева Меланья Яковлевна владела мелочной лавкой в слободе Чернянка Новооскольского уезда⁶.

Большое распространение в женском предпринимательстве Курской губернии в исследуемый период получили черно-бакалейные и мануфактурные лавки. Так, в 1904-1907 гг. Бакулина Ольга Яковлевна заведовала черно-бакалейной лавкой в г. Новый Оскол; в 1906 г. - Косовцева Анна Петровна в слободе Томаровка Белгородского уезда; в 1904-1905 гг. - Коваленкова Агафья Петровна в слободе Борисовка Грайворонского уезда; в 1904-1905 гг. Бугаева Мария Федоровна занималась черно-бакалейной торговлей в с. Угрюмово Белгородского уезда⁷. Среди торгующих мануфактурными товарами в 1912 г. можно отметить Феодорину Александру Павловну в Старом Осколе, в 1904 г. - купчиху Марию Павловну Скибину в Белгороде⁸.

Торговля продуктами питания в XIX - нач. XX вв. была представлена булочными, мясными, колбасными, кондитерскими лавками, а также торговлей рыбой, печёным хлебом и мукой. Не многие из женщин Курской губернии имели складские помещения и могли торговать оптом. Так, например, в 1914 г. съестными припасами в Чернянке торговали Гончарова Мария Семеновна, Кремова Анастасия Ивановна, Долженкова Прасковья Петровна и Всадникова Матрена Васильевна; в 1905-1906 гг. Карпенко Евдокия Григорьевна в г. Старый Оскол на Курской улице содержала колбасную лавку⁹. В 1915-1917 гг. в г. Старый Оскол булочной лавкой заведовала Захватаева Ксения Константиновна; в 1904-1905 гг. торговлей рыбой в слободе Борисовке занималась Лебедева Елизавета Павлова; в 1906 г. в г. Короче Мачихина Татьяна Никаноровна, в 1916-1918 гг. Беликова Мария Иосифовна и Кравцова Федора Тихоновна в г. Новый Оскол; в 1905 г. в Белгороде Григорьева Екатерина Александровна продавала мясо. Купчиха Ольга Ивановна Сегедина занималась покупкой и отправкой куриных яиц, ей принадлежал склад в слободе Томаровке¹⁰.

В структуре торговли продуктами питания важное место занимала торговля хлебом.. Так, в 1916-1918 гг. в Новом Осколе Простетова Евдокия Ивановна торговала печёным черным и белым хлебом; в слободе Велико-Михайловка Выбинова Ефросинья Николаевна и Карайченко Евдокия Ефимовна, в Новом Осколе Гордеенкова Аксинья Максимовна, Фоменкова Агния Федоровна и Стороженко Аксинья Ивановна занимались торговлей печеным хлебом¹¹.

В раздел хлебной торговли входила, в том числе, продажа муки и зерна. Так, например, в 1916-1918 гг. Переверзева Елена Степановна в Новом Осколе; в 1904-1905 гг. Новоселова Дарья Егорова в Грайвороне; в 1916-1918 гг. Нужная Дарья Александровна в Чернянке занимались ссыпкой зернового хлеба; в 1904-1907 гг. Кулявцева Анна Романова в Борисовке заведовала ссыпкой зерна и муки¹². В 1904-1907 гг. Клевцова Вера Михайлова в слободе Велико-Михайловка занималась мучной торговлей¹³.

Не уменьшалась и численность питейных заведений. В 1904-1907 гг. пивные лавки курской купчихи Квилиц Анны Ивановны действовали в Белгороде, Грайвороне; в 1907 г. в Хотмыжске, слободе Чернянке, с. Троицкое Чернянской волости; в 1910 г. в слободе Ольшанке; в 1906 г. в с. Стригуны Грайворонского уезда; в 1916-1918 гг. в с. Березово Волотовской волости ей также принадлежал погреб русских виноградных вин; кроме того, в 1904 г. в Белгороде находился пивной склад¹⁴, принадлежащий ей. Таким образом, у купчихи Квилиц А.А. была возможность торговать как оптом, так и в розницу. В 1900г. Муромцева Мария Павловна держала винные лавки в с. Озерово и с. Лучки Лесковской волости Корочанского уезда, в 1904-1907 гг. Эслингер Елена Августовна имела пивную лавку в Белгородском уезде; в 1907 г. Хорошева Дарья Ефимовна содержала в Короче пивную и бильярдную¹⁵.

Помимо названных отраслей, женщины участвовали в торговле одеждой, дровами, продавали различные виды посуды: фаянсовую, глиняную, стеклянную. В 1904-1905 гг. Юрченкова Марья Ильинишна торговала глиняной посудой в с. Томаровка Белгородского уезда, в 1916-1918 гг. Архипова Анна Кузьминична - чайной посудой в Чернянке¹⁶.

Женщины-купчихи занимались продажей не только различных видов тканей, но и готовой одежды. В 1905 г. Либерова Сара Янкелева содержала в Новом Осколе лавку, где занималась торговлей готовыми платьями; в 1916-1918 гг. Полякова Надежда Андреевна в г. Новый Оскол держала лавку с кожевенным товаром и готовой обувью¹⁷.

Среди торгующих лесными материалами тоже встречались женщины. Так, в 1905 г. Злобина Марья Валентиновна торговала в Белгороде дровами и углём, в 1904-1906 гг. купчиха

Ирина Тарасовна Власенкова - лесными материалами в с. Высокое Грайворонского уезда, при её торговом предприятии имелось также складское помещение¹⁸. В Старом Осколе сферой деятельности Рошупкиной Ольги Ивановны была лесная торговля¹⁹.

Не все женщины торговали однородными товарами. Женская купеческая торговля носила разнородный характер – было распространено совмещение нескольких направлений. Так, в 1904-1906 гг. купчиха Аристовна Прасковья Васильевна владела лавкой с мелочными и мануфактурными товарами; в 1907 г. булочной и колбасной торговлей в Белгороде занимались Яровая Елизавета Федоровна²⁰, Мальцева Наталья Никитишна²¹. В 1907 г. Грачева Анна Филиппова содержала булочную и кондитерскую лавку в Старом Осколе²². В 1899 г. корочанская купчиха Романенкова Мария Макаровна вела торговлю железными изделиями и черными товарами оптом и в розницу²³.

Ещё одной сферой деятельности женщин-купчих Курской губернии была сфера услуг и такие её проявления как содержание постоянных дворов и бань. Например, в 1904-1907 гг. в Новом Осколе постоянные дворы содержали Переверзева Ирина Ивановна и в 1916-1918 гг. Лубашева Мария Александровна; в 1905 г. в Белгороде Кубалле Мария Игнатовна владела баней²⁴.

В нач. XX в. на территории Курской губернии женщины стали активнее, по сравнению с периодом кон. XIX в., интересоваться промышленными объектами и производством товаров. В основном женщины Курской губернии являлись собственницами мелких предприятий, к которым относились крупорушки и маслобойные заводы. Одно из крупорушных предприятий в слободе Михайловке принадлежало Герасимовой Марии Яковлевой; кроме неё, крупорушками владели Леонова Прасковья Александровна, Кондратенко Клавдия Филаретовна и Мелентьева Мария Никитишна²⁵.

Промышленные предприятия функционировали как в городах, так и в сёлах. Как правило, они обрабатывали и выпускали сельскохозяйственную продукцию. В 1916-1918 гг. Белянская Анастасия Павловна владела маслобойным заводом в с. Нитовка, Леонова Прасковья Александровна в Новом Осколе владела сразу несколькими промышленными предприятиями помимо торговых: крупорушкой, маслобойным заводом и кирпичным заводом в Пригородней волости²⁶. В 1904-1907 гг. Сударникова Мария Трофимовна заведовала красильным производством в Белгороде²⁷.

Помимо заводов женщины заведовали такими предприятиями как мельницы. Так, в 1916-1918 гг. Белянская Анастасия Павловна имела мукомольную мельницу в с. Ниновка Пригородней волости, Пыхтеева Анна Степановна - в с. Троицкой²⁸. Выблова Ефросинья Николаевна заведовала хлебопекарней в Велико-Михайловской волости²⁹.

Таким образом, промышленная деятельность женщин Курской губернии не получила широкого распространения. Существенным фактором, препятствовавшим ускорению данного процесса, являлось отсутствие у них специального технического образования, которое было необходимо для эффективного управления фабриками и заводами. В основном во главе предприятий оказывались представительницы городских сословий, получившие данные объекты в наследство от своих родственников.

Торговля женщин городских сословий могла принимать различные формы. Наиболее часто встречающимися были лавки. Как правило, под торговые помещения отводили первый этаж своего дома или арендовали помещение. Так, например, в 1894 г. Осипова Василиса Ивановна арендовала лавки, находящиеся в новых каменных корпусах; Калинина М.С. - мелочную лавку³⁰ в Белгороде. В большинстве случаев женщины торговали в лавках сами, но нередким явлением было принятие на работу приказчиков, особенно если приходилось заведовать сразу несколькими заведениями.

В городах встречались и крупные магазины, где велась продажа разнообразных товаров. К примеру, в Новом Осколе Баркова Александра Михайловна содержала свой собственный магазин мануфактурных, галантерейных и бакалейных товаров в 1916 г.³¹ В ассортименте имелись ткани: сукно, бархат, шелк, парча; готовые изделия: скатерти, одеяла, ковры, перчатки, гребни, трости, золотые и серебряные вещи, парфюмерные и благовонные товары, обувь, посуда, канцелярские принадлежности, продовольственные товары. Кроме того, при магазине существовал погреб русских и иностранных вин.

В число торговых заведений, владельцами которых были женщины, входили лавки, торгующие прохладительными напитками и продовольствием, такие как чайные, квасные, буфеты. Егорова Клавдия Иосифовна содержала буфет на ст. Новый Оскол³². Так, в Старом Осколе на Нижней площади находилась чайная Бычковой Прасковьи Стефановны³³.

Особую активность женщины-предпринимательницы могли проявлять в торговле на базарных площадях в уездных городах. К примеру, в кон. XIX в. большую часть торговых мест на Базарной площади Белгорода арендовали именно женщины. В основном, они продавали продукты питания. Одним из самых представительных видов торговли была продажа хлебобулочных изделий: булок, хлеба, бубликов и пряников. Так, хлебом торговали Аверина Акулина, Голвина Анна, Романова Пелагея, Кулакова Полина и др.³⁴. Торговля булками занимала сразу несколько рядов. Среди них в 1891-1892 гг. булочные ряды занимали Березнева Галина Петровна и Кононенкова Устинья Григорьевна; бублики продавали Кизилова Анна Ивановна, Репина Феодосья Васильевна; пряничные палатки содержала Савельева Екатерина Петровна; квасные палатки – Фоменкова Елена Васильевна, Нечаева Евдокия Ивановна, Кочубеева Вера Алексеевна, места для торговли мясом и рыбой - Денисова Анастасия Андреевна, Пересухина Дарья Михайловна³⁵.

Таким образом, в кон. XIX - нач. XX в. женщины-предпринимательницы Курской губернии оставались более активными в сфере торговли, поскольку она не требовала вложения крупных капиталов, наличия специального образования, как промышленная деятельность. Стремление заниматься предпринимательской деятельностью явилось результатом постепенного, исторического раскрепощения женщин. Правовая основа позволяла им заниматься предпринимательством, поэтому представительницы женского пола активно включались в торговую деятельность. Некоторые из них торговали самостоятельно, другие имели мужей - крупных торговцев и вели свои дела в семье. Среди особенностей женского предпринимательства можно выделить и то, что прерогативой женщин была розничная торговля. Оптовой торговлей в чистом виде занимались редко и обычно совмещали с розничной. Многие держательницы лавок торговали самостоятельно, некоторые нанимали приказчиков. В сфере занятий женщин промышленным предпринимательством главной особенностью являлось преобладание предприятий, занимающихся обработкой сельскохозяйственной продукции.

Анализируя материалы архивных документов Государственного архива Белгородской области, следует отметить, что в кон. XIX в. наибольшую активность в торговле проявляли вдовы. Это было связано с необходимостью обеспечить прожиточный минимум себе и своим детям, ведь зачастую средства нужны были в первую очередь для того, чтобы дать детям образование. К тому же, часто предприниматели завещали своё имущество, включая торговые и промышленные предприятия своим жёнам. Поэтому в большинстве своём женщины были продолжательницами дела мужей.

Мотивация занятия женщин предпринимательством изменилась в нач. XX в. Возможно, наряду с необходимостью прокормить семью важную роль стал играть фактор стремления к самореализации, финансовой независимости, а так же с развитие женского образования.

Примечания:

1. Гончаров Ю.М. *Женщины фронта: Сибирячки в региональном социуме середины XIX - начала XX в.* // *Социальная история: Ежегодник, 2003. М., 2003.* - С. 324.
2. Тихомирова М.Н. *Предпринимательская деятельность тверских женщин в начале столетия* // *Женщины в социальной истории России: Сб. науч. тр., Тверь, 1997.* - С.58.
3. Пушкарева Н.Л. *Женщина в русской семье: традиции и современность* // *Семья, гендер, культура. М., 1997.* - С. 188.
4. Тихомирова М. Н. *Участие женщин в промышленном производстве России в конце 60 - начале 70-х годов XIX века* // *Женщины. История. Общество / ТвГУ. Вып.1. Тверь, 1999.* - С. 34.
5. ГАБО. Ф.30. Оп.1. Д.5. - Л. 26.
6. ГАБО. Ф.32. Оп.1. Д.30. - Л. 136.; Ф.33. Оп.1. Д.12. - Л. 27.
7. ГАБО. Ф.33. Оп.1. Д.13. - Л. 15.; Ф.30. Оп.1. Д.5. - Л. 45.; Ф.31. Оп.1. Д.1. - Л. 66.; Ф.30. Оп.1. Д.4. - Л. 23.
8. ГАБО. Ф.108. Оп.1. Д.21. - Л. 21.; Ф.22. Оп.1. Д.14. - Л. 16 об.
9. ГАБО. Ф.33. Оп.1. Д.15. - Л. 33; Ф.34. Оп.1. Д.22. Л. 53.
10. ГАБО. Ф.32. Оп.1. Д.24. - Л. 37; Ф.33. Оп.1. Д.15. - Л. 9. об., 21; Ф.34. Оп.1. Д.26. Л. 10; Ф.31. Оп.1. Д.1. - Л. 82; Ф.30. Оп.1. Д.4. - Л. 46; Ф.30. Оп.1. Д.1. - Л. 15.
11. ГАБО. Ф.33. Оп.1. Д.13. - Л. 45.
12. ГАБО. Ф.32. Оп.1. Д.25. - Л. 2; Ф.31. Оп.1. Д.1. - Л. 112.; Ф.33. Оп.1. Д.15. - Л.13.; Ф.31. Оп.1. Д.2. - Л. 13; Ф.33. Оп.1. Д.15. - Л. 28 об., 17, 29.
13. ГАБО. Ф.31. Оп.1. Д.14. - Л. 29; Ф.31. Оп.1. Д.2. - Л. 52; Ф.31. Оп.1. Д.2. - Л. 53; Ф.30. Оп.1. Д.5. - Л. 36; ГАБО. Ф.33. Оп.1. Д.13. - Л. 46; Ф.31. Оп.1. Д.2. - Л. 51; Ф.33. Оп.1. Д.13. - Л. 47; Ф.33. Оп.1. Д.15. - Л. 9 об.

14. ГАБО. Ф.22. Он.1. Д.14. - Л. 9 об.
 15. ГАБО. Ф.32. Он.1. Д.19. - Л.123.; Ф.32. Он.1. Д.19. - Л. 142; Ф.30. Он.1. Д.5. - Л. 128; Ф.32. Он.1. Д.25. - Л. 69.
 16. ГАБО. Ф.30. Он.1. Д.4. - Л. 262; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 13 об.
 17. ГАБО. Ф.33. Он.1. Д.12. - Л. 48; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 9 об.
 18. ГАБО. Ф.30. Он.1. Д.4. - Л. 80.; Ф.31. Он.1. Д.1. - Л. 13; Ф.158. Он.1. Д.1. - Л. 2 об.
 19. ГАБО. Ф.34. Он.1. Д.22. - Л. 97.
 20. ГАБО. Ф.32. Он.1. Д.24. - Л. 4; Ф.30. Он.1. Д.5. - Л. 129.
 21. ГАБО. Ф.30. Он.1. Д.4. - Л. 142.
 22. ГАБО. Ф.34. Он.1. Д.23. - Л. 20.
 23. ГАБО. Ф.18. Он.1. Д.1. - Л. 1.
 24. ГАБО. Ф.33. Он.1. Д.13. - Л. 82.; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 9.; Ф.30. Он.1. Д.4. - Л. 111.
 25. ГАБО. Ф.18. Он.1. Д.1. - Л. 6; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 9; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 16; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 9.
 26. ГАБО. Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 6 об., 9; Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 6.
 27. ГАБО. Ф.30. Он.1. Д.5. - Л. 105.
 28. ГАБО. Ф.33. Он.1. Д.15. - Л. 6 об., 12 об.
 29. Там же. - Л. 43 об.
 30. ГАБО. Ф.22. Он.1. Д. 5. - Л. 31.; Ф.22. Он.1. Д.5. - Л. 28.
 31. ГАБО. Ф.107. Он.1. Д.34. - Л. 24 об.
 32. Там же. - Л. 5 об.
 33. ГАБО. Ф.3. Он.1. Д.26. - Л. 29.
 34. ГАБО. Ф.22. Он.1. Д.2. - Л. 15 об.
 35. ГАБО. Ф.22. Он.1. Д.2. - Л. 8.; Ф.22. Он.1. Д.2. - Л. 8 об., 11.; Ф.22. Он.1. Д.2. - Л. 11 об., 9 об., 12.; Ф.22. Он.1. Д.2. - Л. 14.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ МЕЩАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

И.А. Долженков

Курский государственный университет

В статье рассматриваются особенности формирования органов сословного мещанского самоуправления, при этом особое внимание уделяется роли государственной власти в этом процессе. Мещанское самоуправление находилось в руках немногочисленной, чаще всего зажиточной верхушки городских жителей. Во всех городах российской провинции процедура выборов отличалась. Она варьировалась в зависимости от специфических условий конкретного города. Автор доказывает, что провинциальная администрация играла важную роль в ходе мещанских выборов. Она являлась арбитром при решении всех спорных вопросов и утверждении должностных лиц мещанского самоуправления.

Ключевые слова: мещанские старосты, провинциальная администрация, губернские присутствия, канцелярия губернатора, право голоса.

THE SUBURBAN SELF-GOVERNING BODIES' FORMATION AND LOCAL PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIAN COUNTRY TOWNS IN THE SECOND PART OF XIXth AND THE BEGINNING OF XXth CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF KURSK GOVERNORATE)

I.A. Dolzhenkov

Kursk State University

The article addresses the peculiarities of the suburban self-governing bodies' formation paying special attention the role of public authorities in this process. The few mostly prosperous urban aristocracy kept in check the suburban self-governing. The electoral procedure differentiated in all Russian country towns. It varied depending on the circumstances of each town. The author argues that local public administration played a big role in the course of suburban elections. It was an arbiter in the settlement of disputes and establishment of self-governing officials.

Key words: a suburban elder, local public administration, the Governorate Administration, Governor's Office, right to vote.

2-я пол. XIX в. была богата различными формами местного самоуправления, функционировавшими в российской провинции. Одной из них было сословное мещанское самоуправле-

ние, унаследованное динамично развивающейся буржуазной пореформенной эпохой от дореформенного феодального времени.

Его история началась с «Жалованной грамоты городам» Екатерины II, изданной 21 апреля 1785 г. Согласно этому документу мещане могли составлять отдельные от остального городского общества собрания и избирать из собственной среды старост для руководства делами своей сословной корпорации. Однако в рассматриваемый период появились новые исполнительные органы мещанского самоуправления - мещанские управы. Они создавались в городах, в которых было введено в действие «Городовое положение 1870 г.». Как говорилось в ст.667 «Свода законов Российской Империи», «мещанские управы учреждались с разрешения губернатора по желанию самого мещанского общества»¹.

Мещанская управа в Курске была образована 11 апреля 1871 г. Данный орган самоуправления был образован и в других городах Курской губернии. В частности, 30 ноября 1873 г. мещанская управа была сформирована в Судже, 7 декабря 1873 г. - в Короче и т.д. В состав последней вошли сам мещанский староста Ф.К. Гордышев и два его помощника - Е.Е. Фомичев и С.Н. Москвитин².

Коснемся особенностей избирательной процедуры на должности мещанского самоуправления. Согласно предписанию губернатора от 11 июня 1875 г. «о порядке и сроке в должностях мещанских старост», в Курской губернии выборы проходили в начале года³. Однако из этого правила были исключения. Так, губернатор разрешил Корочанской мещанской управе, в ответ на ее запрос от 12 июня 1882 г., произвести выборы мещанского старосты в середине года⁴.

Мещан о дате собрания оповещали специальными повестками – одной общей, или отдельными для каждого. Грамотные читали повестку и расписывались на ней, а неграмотным специальный рассыльный объявлял информацию устно. К тому же, они могли уполномочить других мещан расписаться за себя на листах. Так, было, к примеру, на выборах Щигровского мещанского старосты 27 января 1902 г.⁵ Мещанам, жившим в других населенных пунктах уезда, объявление о созыве мещанского собрания рассылалось через станowych приставов. Сама процедура избрания проходила в форме закрытого голосования, с использованием избирательных шаров.

Изначально, правом голоса на мещанских выборах пользовались лица, старше 21 года, имевшие доход более 100 руб., приписанные к данному городу более 2 лет, владевшие недвижимостью в пределах городской черты и выплатившие недоимки по денежным повинностям. Женщины, имевшие право голоса, могли передать его своему мужу, сыну, зятю и т.д.

Следует отметить, что количество мещан соответствовавших избирательному цензу, было невелико. Приведем данные по некоторым городским центрам Курской губернии, на 1889 г. В Новом Осколе, насчитывалось 76 лиц мещанского сословия с правом голоса⁶, в Судже - 57⁷, в Фатеже - 43⁸, в Щиграх - 28⁹. В целом, в городских поселениях страны, цензу отвечало лишь около 5 % мещан¹⁰.

Однако к кон. XIX в. произошли некоторые изменения. Так, на основе постановления Правительствующего Сената от 12 ноября 1891 г. право голоса получили все мещане, приписанные к данному городу, без ранее обязательного владения недвижимой собственностью в пределах городской черты¹¹.

Тем не менее, этот указ не имел особых последствий. К примеру, в Белгороде, в 1896 г. из общего мещанского населения в 3 тыс. человек, всего лишь 99 чел. могли участвовать в выборах¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что мещанское самоуправление находилось в руках немногочисленной зажиточной верхушки, а большая часть рядовых членов сословия были отстранены от общественных дел, им оставалась роль статистов.

Вместе с тем, на основе анализа источников видно, что и среди немногих, имевших право голоса, число действительно принимавших участие в собраниях было довольно незначительно. В частности, 12 ноября 1871 г., собрание мещан г. Курска не состоялось, за прибытием в него всего лишь 27 чел.¹³ В выборах мещанского старосты, 12 мая 1876 г. в Судже, из 200 чел. имевших право голоса, участвовали всего лишь 44 избирателя¹⁴.

В уездных центрах общественная активность мещан отличалась иногда довольно значительно. Приведем данные выборов в органы мещанского самоуправления на трехлетие 1902-1905 гг. К примеру, в Дмитриеве 20 марта 1902 г. на собрании мещан было всего 66 чел., в то же время в Обояни 31 мая 1903 г. на выборах мещанского старосты участвовали уже 105 чел. В

Корочанском мещанском собрании 19 января 1903 г. принимали участие 77 чел., а на собрании мещан г. Рыльска 14 февраля 1902 г. - 103 чел. Наибольшая активность избирателей на этих выборах зафиксирована в губернском Курске, где 3 марта 1902 г. мещанского старосту выбирали 145 чел.¹⁵

Были зарегистрированы случаи, когда лица, выдвинувшиеся на собраниях, снимали свои кандидатуры и отказывались от баллотировки. Так, в Обояни, при выборе мещанского старосты 31 мая 1903 г., из трех претендентов (Г.П. Варваров, И.В. Стебаков и А.А. Мухин) двое – (Стебаков и Мухин) отказались от участия в выборах. Таким образом, остался только один кандидат - Г.П. Варваров, который и был избран мещанским старостой, получив 77 голосов из 105¹⁶.

Довольно многочисленны были случаи уклонения лиц, избранных на должности мещанского самоуправления, от своих обязанностей. Так, 27 марта 1876 г. губернское присутствие рассматривало прошение тимского мещанина И. Черникова, об освобождении его от возложенной тимским мещанским собранием обязанностей сборщика податей. Но т.к. эта служба была не обязательна только для лиц, занимавших должности в общем городском самоуправлении, то это прошение было отклонено¹⁷.

Исходя из вышеизложенных фактов, можно сделать вывод о том, что общественная сознательность мещан была не на высоте, что, безусловно, препятствовало нормальному функционированию органов мещанского самоуправления. Кроме того, снижал интерес к общественным делам и начавшийся кризис мещанских обществ, связанный с объективными социально – экономическими процессами (**мещане из мелких собственников превращались в наемных рабочих и нуждались в иных общественных организациях, чем мещанское общество – И.Д.**).

Специфика мещанских выборов состояла также и в том, что численный состав органов мещанского самоуправления в разных городах был неодинаков. Например, 17 января 1902 г. Белгородское мещанское общество избрало управу на 1902-1904 гг. в составе 2 чел. (И.И. Кизилова и В.В. Андреева). В тоже время в Рыльске 14 февраля 1902 г. была сформирована мещанская управа уже из 3 чел. - в составе Д.К. Попова, И.М. Шарапова и К.И. Еремьевича. Таковую же численность имела и управа, избранная Курским мещанским собранием 3 марта 1902 г. Выборы состоялись в один день с избранием мещанского старосты. В члены управы вошли П.И. Увиров, Д.П. Львовский и И.И. Чапанцев. Кроме того, были избраны кандидаты в члены управы. Ими стали Ф.Г. Дурнев и А.А. Бунин¹⁸.

В выборах могло принимать участие любое количество претендентов. Так, на должность Грайворонского мещанского старосты, 15 декабря 1902 г. баллотировалось 4 чел. – Н.А. Кулявцев, получивший 31 голос (из 65), И.А. Кулявцев (25 из 65), И.В. Садоков (37 из 65), М.Н. Новоселов (28 из 65). В итоге старостой был избран И.В. Садоков.

В тоже время на выборах Щигровского мещанского старосты 20 апреля 1903 г. участвовало пять кандидатов – В.И. Рудых (50 голосов – за, 12 – против), А.Ф. Есменский (46 – за, 16 – против) и И.А. Шахулин (21 – за, 41 – против). Меньше всех получили М.В. Мачиюш (13 – за, 49 – против) и М.А. Форафонов (10 – за, 52 – против)¹⁹. Тем самым, очевидно, что процедура выборов не была одинакова во всех городах российской провинции, а варьировалась в зависимости от специфических условий каждого конкретного города.

На конкретных примерах мещанских выборов в уездных центрах Курской губернии, проанализируем, какую роль которую играли органы местной государственной власти в формировании мещанского самоуправления.

Пристального внимания заслуживают многочисленные жалобы мещан на нарушения процедуры выборов, которые впрочем, далеко не всегда соответствовали истине. Как правило, рассмотрением подобных обращений с 1870 г. занимались губернское по городским делам присутствие, следившее за законностью действий городского общественного управления (**включавшего в себя, как собственно общее городское самоуправление, созданное реформой 1870 г., так и сословное самоуправление – И.Д.**). В 1891 г. данный орган был упразднен с передачей функций губернскому по городским и земским делам присутствию, в компетенцию которого входило, помимо всего прочего, еще и рассмотрение постановлений земского самоуправления.

К примеру, 7 мая 1888 г. на рассмотрение губернского присутствия поступил рапорт Путивльского мещанского старосты от 28 апреля того же года, в котором тот указывал на нарушения, допущенные при выборах нового мещанского старосты и старосты по взиманию денеж-

ных сборов. В нем говорилось, что выборы проходили «самопроизвольно», т.е. некоторые лица не были допущены к баллотировке, а другие сами выдвигали свои кандидатуры, не имея на то права. Однако губернское присутствие отклонило данную жалобу на том основании, что обвинения были сформулированы неточно²⁰.

Можно привести и другие подобные примеры. Так, 4 июня 1902 г. присутствие рассматривало прошение мещан г. Дмитриева - В.М. Чагина, К.И. Росихина и других, в числе 9 чел., заявивших, что: 1) в выборах участвовал Н.Т. Зайцев, не имевший недвижимой собственности, в то время как имевшие собственность И.М. Чагин, И.А. Малошников, И.В. Иванов и Ф.Е. Ивликов не были допущены к участию в выборах; 2) повестки о созыве собрания не были разосланы всем мещанам, имевшим право участвовать в выборах; 3) на должность мещанского старосты был выдвинут Н.Е. Ивликов, однако он не был допущен к голосованию.

После проведения дознания было выяснено, что Н.Т. Зайцев имел недвижимую собственность, а И.М. Чагин и Ф.Е. Ивликов не были допущены к выборам, потому что в последних участвовали их старшие братья. Что же касается мещан И.А. Малошникова и И.В. Иванова, то в собрание они не явились по собственному желанию. Повестки действительно посылались не отдельно каждому члену мещанского общества, а была одна, общая повестка, из-за чего отсутствовавшие во время ее оглашения мещане могли не знать о назначенных выборах. И, наконец, Н.Е. Ивликов не был допущен, потому что свое согласие на избрание он изъявил уже после закрытия собрания. На основании всего вышперечисленного, губернское по земским и городским делам присутствие отклонило данную жалобу²¹.

Встречались и случаи отмены результатов выборов. К примеру, 27 июля 1902 г. на результаты выборов Корочанского мещанского старосты, состоявшихся 20 июня того же года, поступила жалоба мещан И. Азарова, П. Шалихова и др. В ней говорилось, что мещанский староста И.П. Попов перед баллотировкой не сообщил кто именно выдвинул свою кандидатуру на выборы. Но самое главное, было сообщено, что на голосование не были допущены 6 человек, из-за отсутствия недвижимой собственности, хотя это и противоречило вышеупомянутому закону от 1891 г.

По итогам рассмотрения этой жалобы, 7 декабря 1902 г. присутствие приняло решение отменить выборы, т.к. голоса 6 человек могли повлиять на исход выборов²².

Еще одна подобная жалоба на нарушения в ходе выборов, на этот раз щигровских мещан И.А. Смахтина и З.Н. Овсянникова, была рассмотрена присутствием 15 марта 1903 г. Простители доносили, что избранный мещанским старостой В.И. Рудых, на момент избрания занимал должность члена сиротского суда, что несовместимо с должностью мещанского старосты. Кроме того, один из мещан, имевший право голоса П.А. Смахтин, был не допущен до выборов, находившись якобы в нетрезвом виде. Но самое главное, повестки с приглашением на выборы были разосланы лишь 19 и 20 октября 1902 г., т.е. накануне и в день самих выборов, и притом не всем лицам, имеющим право участвовать в выборах.

По данному заявлению, были затребованы сведения, и выяснилось, что повестки действительно были разосланы поздно и притом только 87 мещанам, а обвинение П.А. Смахтина в том, что он находился в пьяном виде, было голословным. В итоге выборы были признаны действительными и их результаты были отменены²³.

Следует отметить, что согласно указу Правительствующего Сената от 24 ноября 1872 г. разрешалась подача кассационных жалоб на решения губернских присутствий, правда – не напрямую, а через губернатора.

Например, Г.М. Меняйленков, избранный вопреки своему желанию мещанским старостой г. Суджи 14 января 1888 г., подал жалобу в Сенат, после того как 12 марта того же года присутствие по городским делам отклонило ее. Основанием для отказа послужило то, что собственное нежелание избранного лица на свое избрание не являлось нарушением процедуры выборов. К тому же выборная должность, согласно ст.617 Т.IX «Свода законов Российской империи» (по продолжению 1886 г.), была обязательна и считалась общественным долгом.

Сенат, рассмотрев это дело, сообщил 12 октября 1889 г. в губернское правление, что Г.М. Меняйленков, учитывая его добросовестную 8-летнюю службу (он занимал должность Суджанского мещанского старосты с 1879 по 1887 гг.) заслужил освобождение от нее. И хотя избранные на должность по сословному самоуправлению лица не могли отказаться от нее, все же на каждый следующий срок было желательно избрание новых лиц. В итоге Сенат, не отменяя постановления присутствия, определил: «указать на допущенную неправильность в избрании Меняйленкова мещанским старостой, для руководства на будущее время»²⁴.

Окончательное утверждение всех должностных лиц мещанского самоуправления было исключительной прерогативой «хозяина» губернии - губернатора. При этом большое значение придавалось обязательному предоставлению ему сведений о моральных качествах и политическом поведении кандидатов на должности мещанских старост. К примеру, 4 марта 1882 г. Льговский уездный исправник составил в своем рапорте губернатору И.А. Звягинцеву следующую характеристику избранного мещанским старостой г. Льгова Д.Г. Руденкова и его помощника А.И. Маркова - «поведения одобрительного, в политической неблагонадежности замечены не были, к вредной секте раскола не принадлежат, оба вероисповедания православного»²⁵.

Важно отметить многочисленные случаи неутверждения избранных лиц из-за несоответствия вышеуказанным критериям. Так, 20 марта 1902 г. губернатор Н.Н. Гордеев отказался утвердить в должности, избранного мещанским старостой г. Суджи М.П. Яценкова, потому что по имевшимся сведениям поведение его несоответствовало занимаемой должности, и назначил новые выборы. В том же году 11 ноября канцелярия губернатора предоставила сведения о негативных моральных качествах щигровского мещанского старосты В.И. Рудых, который занимался торговлей пивом в Щиграх и, кроме того, открыл в своем собственном доме тайный бордель²⁶.

Таким образом, мы видим, что процесс формирования органов сословного мещанского самоуправления был довольно сложным и противоречивым явлением. Связано это было с тем, что процедура мещанских выборов, в каждом конкретном городе имела свои специфические особенности, разным был численный состав мещанских управ и т.д. Характерным явлением, было и то, что из-за высокого избирательного ценза, участие в формировании органов самоуправления мещанской корпорации, принимало лишь незначительное число мещан.

Важную роль в формировании мещанского самоуправления, играла провинциальная администрация, являясь арбитром при разрешении всех спорных вопросов и утверждая всех должностных лиц мещанского самоуправления. Несомненно, вмешательство государственной власти имело положительное значение, препятствуя продвижению на общественные должности недостойных, не заслуживающих доверия людей. Вместе с тем тщательный контроль политической благонадежности кандидатов, явно свидетельствует о жесткости политического режима, существовавшего тогда в стране.

Примечания:

1. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1876. Ст. 667.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1894. - Л. 144.
3. Там же. Д. 2530. - Л. 140.
4. Там же.
5. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 100.
6. Там же. Д. 5824. - Л. 6.
7. Там же. Д. 5825. - Л. 12.
8. Там же. Д. 5827. - Л. 3.
9. Там же. Д. 5829. - Л. 6.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. I. СПб., 1999. - С. 506.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 145.
12. Там же. Д. 6443. - Л. 5.
13. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1894. - Л. 65.
14. Там же. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 6. - Л. 78.
15. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 222.
16. Там же. - Л. 199.
17. Там же. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 6. - Л. 57.
18. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 73.
19. Там же. - Л. 188.
20. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3195. - Л. 5.
21. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 94.
22. Там же. - Л. 152.
23. Там же. - Л. 178.
24. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3161. - Л. 23.
25. Там же. Д. 2530. - Л. 105.
26. Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9429. - Л. 60.

ЧАСТНАЯ АДВОКАТУРА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОН. XIX – НАЧ. XX В.

Т.Н. Ильина

Курский государственный университет

В представленной статье автор рассмотрел становление и развитие частной адвокатуры в российской провинции в кон. XIX – нач. XX в. В статье дается глубокий анализ причин учреждения института частных поверенных и особенности его функционирования в Курской губернии. Автор доказывает тезис о том, что частная адвокатура обеспечивала население квалифицированной юридической помощью. При написании статьи автор опирался не только на нормативные источники, но и на обширный архивный материал.

Ключевые слова: адвокатура, присяжные поверенные, частные поверенные, помощники присяжных поверенных.

THE PRIVATE ADVOCACY IN KURSK GOVERNORATE IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

T.N. Ilyina

Kursk State University

In article presented the author considers the formation of private advocacy in Russian province in the end of XIX – b. of XX c. The article analyzes the reasons of private attorneys' institute formation and particularly it's functioning in Kursk governorate. The author argues thesis that private advocacy provided the qualified legal assistance to population. The article based not only on legislative sources, but on huge archive materials.

Key words: advocacy, private attorneys, public attorneys, public attorneys' assistants.

Одним из важнейших институтов, обеспечивающих правовую защиту личности, реализацию гражданских прав и свобод, является адвокатура. Государство сегодня предпринимает реальные шаги по реформированию института адвокатуры. В 2002 г. вступил в силу новый Федеральный закон об адвокатуре и адвокатской деятельности, который в корне изменил правовую природу адвокатуры¹. Закономерно, что в данном случае оказываются востребованными дореволюционные традиции правозащиты.

Знание истории отечественной адвокатуры необходимо для правильного понимания и всесторонней оценки её роли и истинного предназначения в системе отечественного судопроизводства.

Данная статья посвящена освещению малоизученного аспекта в истории русской адвокатуры - частным поверенным. Работы дореволюционных, советских и современных авторов затрагивают данную тематику лишь фрагментарно. Отдельные вопросы правового статуса и организации частной адвокатуры освещаются в трудах дореволюционных юристов В.Е. Васильковского, И.В. Гессена, Г.А. Джаншиева, С.В. Познышева, И.Я. Фойницкого². В приведенных публикациях данный институт рассматривается с формально-юридических позиций, представляя собой комментарии к текущему законодательству. Основная масса работ, посвященных частным ходатаям, была представлена в периодической печати. Они характеризуются заметной публицистичностью, фактологичностью, их авторы, опираясь на собственный опыт и практику, пытались продемонстрировать проблемы, стоящие перед институтом частных поверенных и предложить способы их решения.

В советской историографии тематика частной адвокатуры не получила достаточного освещения. По-прежнему изучение данного института происходило в рамках общесудебных преобразований 2-й пол. XIX в. Отдельные сведения можно встретить в работах Б.В. Виленского, М.Г. Коротких³.

Из современных работ, посвященных данной проблематике, можно выделить комплексное исследование С.Н. Гаврилова⁴, где рассматриваются вопросы организации и деятельности помощников. Однако данные публикации не привнесли в изучение заявленной темы новых идей, все работы основаны на более ранних трудах.

В последнее время идет активное изучение частной адвокатуры на местном, губернском уровне. Это проблема стала основой ряда исследований, построенных, в основном, на материалах регионального уровня. Известен ряд работ, освещающих формирование и развитие адвокатуры в Курской губернии⁵.

Судебная реформа 1864 г. в Российской империи, полностью изменившая систему отечественного судопроизводства, заложила основы создания института профессиональной самоуправляющейся, независимой адвокатуры.

С первых же дней в адвокатскую корпорацию пожелали вступить не только юристы (как, например, В. Спасович - доктор юридических наук или В.О. Люстих – судебный чиновник), но и государственные служащие разных рангов, начиная от коллежского секретаря и заканчивая действительным статским советником. Многих из них адвокатура привлекала независимым самоуправлением, а также возможностью способствовать «водворению справедливой законности во всех сферах частной и общественной жизни»⁶, что было общим стремлением передовой части общества того времени.

Однако в первые годы существования корпорации присяжных поверенных их число было небольшим. Например, в Петербурге при окружном суде состояло всего 27 адвокатов⁷. В 70-е гг. численность государственных защитников возросла. В Московском округе в 1878 - 1879 гг. состояло 268 присяжных поверенных⁸, в Харьковском – 11⁹. В это время адвокатура сосредотачивается в основном в столицах и крупных городах, и лишь незначительная ее часть занималась адвокатской деятельностью при окружных судах. Так, в Курске количество первых адвокатов исчислялось единицами, а концу 70-х гг. их насчитывалось 10 чел.¹⁰, что, несомненно, не могло удовлетворить существовавших в регионе потребностей. Так, в 1868 г. для защиты 6 обвиняемых в убийстве крестьян было назначено пять адвокатов, из которых лишь один Ламинский являлся присяжным поверенным. Остальные состояли кандидатами при окружном суде¹¹. Более того, сами подсудимые нередко делали выбор в пользу кандидатов. Например, в 1869 г. Е. Кроповицкий, обвиненный в убийстве, просил назначить ему защитником кого-либо из состоящих при суде кандидатов на судебные должности¹².

Подобная ситуация была типичной для всех провинциальных окружных судов. Вместе тем время требовало большего количества хорошо подготовленных адвокатов, что было обусловлено социально-экономическими изменениями в России во 2-й пол. XIX в. Развитие промышленности, банковского дела, торговли влекло за собой появление различных дел о злоупотреблениях, несостоятельности, о банкротствах, всевозможных финансовых разбирательствах, увеличилось количество земельных споров. Все эти вопросы становились объектами судебных разбирательств.

В условиях нехватки присяжных поверенных, особенно на периферии, законодатель решает предоставить право ведения чужих дел непрофессиональным адвокатам – частным поверенным.

25 мая 1874 г. были приняты «Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам», учреждавшие частную адвокатуру. Законодатель преследовал цель не только обеспечить юридической помощью большую часть населения страны, но и узаконить так называемую «нелегальную адвокатуру» в лице различных ходатаев, сделать их подконтрольными судам. Согласно закону от 25 мая 1874 г., частными поверенными могли быть русские подданные, не исключенные в дисциплинарном порядке из числа поверенных и неподходящие ни под одну из категорий лиц, которым не разрешено быть присяжными поверенными.

Для того, чтобы получить разрешение самостоятельно вести дела в качестве частного адвоката, необходимо было подать прошение в соответствующий суд. Законодатель предусмотрел как ответственность за подачу ложных сведений претендентом в частные поверенные, так и отзыв уже выданного свидетельства в случае обнаружения недостоверных данных в предоставленной информации¹³.

Закон предоставлял суду или судебной палате «удостовериться в надлежащих познаниях желающего получить свидетельство на хождение по делам», т. е. подвергнуть его специальному экзамену. От подобного экзамена освобождаются лица, имевшие свидетельство от другого равного или высшего суда, а также лица, получившие высшее юридическое образование или же «имеющие аттестаты о выдержании соответствующего экзамена»¹⁴. Однако судебным учреждениям было разрешено не выдавать свидетельств лицам, которые удовлетворяют всем формальным требованиям, но не обладают необходимыми, по их мнению, нравственными качествами. По разъяснению Сената, мотивировать свой отказ судебное учреждение было не только не обязательно, но и не вправе, так как это могло дискредитировать непринятого в адвокаты в глазах общественности¹⁵. Лица, получившие отказ в зачислении в частные ходатаи по несоответствию формальным условиям, могли в двухнедельный срок подать жалобу в Судебную палату, которая решала дело о принятии в поверенные окончательно¹⁶.

Свидетельства на право хождения по чужим делам выдавали частным поверенным мировые съезды, окружные суды или судебные палаты за определенную плату. Свидетельство, полученное от Мирового съезда, облагалось денежным сбором в размере 40 рублей в год, если же поверенный желал вести дела при окружном суде или судебной палате, то оплачивал 75 рублей¹⁷. Плата вносилась в январе на год вперед. Денежные средства за оплату свидетельств поступали в доход казне на содержание судебных установлений.

Списки частных ходатаев подлежали утверждению министром юстиции, а после опубликованию в местных губернских ведомостях. Юрисдикция частных ходатаев ограничивалась тем судебным учреждением, которое выдало им свидетельство. В кассационных департаментах правительствующего сената частные поверенные могли участвовать только в тех делах, которые они вели в нижестоящих инстанциях.

В отличие от присяжной адвокатуры, надзор за которой осуществлял совет присяжных поверенных, частные ходатаи не имели корпоративной организации, и были поднадзорны тем судебным учреждениям, от которых получили свидетельство. В случае неправомерных действий частные поверенные могли быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям, начиная от предостережения и выговора и заканчивая исключением из числа поверенных на срок до одного года или бессрочно¹⁸.

Кроме того, частные адвокаты были объектом пристального внимания со стороны министерства юстиции, по постановлению которого от 29 декабря 1889 г. «судебные места обязаны были доводить до его сведения информацию о лицах, получивших свидетельство на право быть поверенным»¹⁹. Эти данные поступали ежегодно в первый департамент министерства юстиции. Вместе с тем, независимо от характеристики, даваемой ходатаю местным судебным учреждением, министр юстиции был вправе отстранять от ведения чужих дел поверенных, «которые по доходящим до него сведениям» не соответствовали предъявляемым к адвокатам требованиям²⁰.

Частные поверенные выступали защитниками в уголовном процессе лишь по приглашению подсудимого. Председатель суда мог назначать их в качестве адвокатов для несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, при недостатке присяжных поверенных и кандидатов на судебные должности. Подсудимым более старшего возраста частный поверенный не мог быть назначаем²¹.

Также «Правила» 1874 г. разрешали представлять чужие интересы лицам, не получившим установленного законом свидетельства. Такие ходатаи могли выступать только в мировых судах и не более, чем по трем делам в год. Данная «лазейка», определенная законом, сделала возможным распространение подпольной адвокатуры. Уложение о наказаниях относит к нелегальной адвокатуре лиц, «не пользующихся правом ведения чужих дел в судебных установлениях, но при этом осуществляющих адвокатскую деятельность в виде «подачи советов, составления бумаг по всякого рода судебным делам, из корыстных видов и с явной недобросовестностью, и в занятии в виде промысла и из корыстных видов, ведением в судебных установлениях чужих дел»²². Нелегальным адвокатам достаточно было в течение года перемещаться из одного мирового округа в другой, в каждом производя не более трех дел. Ответственность за незаконное занятие адвокатской практикой была введена лишь в 1912 г.²³

Вознаграждение частный поверенный получал на тех же условиях, что и государственный защитник. Частный ходатай должен был заключить письменное соглашение с клиентом, в котором оговаривалась сумма оплаты его услуг. Если такое соглашение не было заключено, оплата производилась в соответствии с фиксированной таксой, устанавливаемой законодателем по согласованию с советом присяжных поверенных и судебными учреждениями на три года²⁴.

Согласно п.2. «Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам», в частные ходатаи были допущены помощники присяжных поверенных, своеобразный кадровый резерв присяжной адвокатуры. На практике часто получалось так, что судьи не допускали к защитам тех помощников, которые не состояли частными поверенными при соответствующем суде. Так, например, курские помощники на протяжении всего необходимого срока стажировки подавали прошение в окружной суд о выдаче свидетельства на ведении чужих дел. В 1915 г. из 17 частных поверенных, состоявших при Курском окружном суде, 11 являлись помощниками²⁵. Курский адвокат А.М. Исаков в 1903 г. был зачислен в помощники присяжного поверенного к своему отцу М.Д. Исакову, но чтобы иметь возможность вести чужие дела, вплоть до 1907 г. состоял и частным поверенным при окружном суде²⁶.

В итоге, закон 1874 г. поставил помощников в двойственное положение: с одной стороны как будущий адвокат помощник был подотчетен своему патрону и совету присяжных поверенных, но с другой стороны – как частный ходатай он был независим от присяжной адвокатуры, а надзор за ним осуществлялся соответствующим судебным учреждением и через него министерством юстиции, что, по мнению государственных защитников, противоречило основам организации самоуправляющейся корпорации присяжной адвокатуры. Однако далеко не все стажеры устремились в частную адвокатуру. Для многих из них оплатить свидетельство на право ведения чужих дел было не по карману. Отечественная периодика того времени даже предлагала советам присяжных поверенных создать специальные вспомогательные кассы, которые ссуживали бы помощникам необходимые материальные средства на получения свидетельства частного поверенного²⁷.

В целом закон от 25 мая 1874 г. позволил помощникам успешно заниматься адвокатской деятельностью, не завися от своего патрона. После номинального пятилетнего стажа, совмещаемого с частным ходатайством, стажер принимался в присяжные поверенные²⁸.

Институт частной адвокатуры получил широкое распространение в первые десятилетия своего существования. К 1890 г. в России насчитывалось 3407 ходатаев²⁹. К кон. XIX в. вследствие общего увеличения присяжной адвокатуры заметно снижаются темпы роста частной. Число частных ходатаев поддерживалось, главным образом, за счет помощников присяжных поверенных, а также лиц, которые по разным причинам, не могли вступить в ряды государственной адвокатуры. Тем не менее к 1912 г. число частных ходатаев в семи из двенадцати судебных округов превосходило количество присяжных поверенных³⁰.

Частные поверенные были сосредоточены в тех местностях, где присяжная адвокатура либо вовсе отсутствовала, либо имела очень слабые позиции. Так, в 1914 г. около половины ходатаев занимались практикой в 735 городах и селениях России, в которых присяжных поверенных и их помощников насчитывалось единицы³¹. Поэтому можно говорить о существовании собственной юрисдикционной области для частных поверенных. В нее входили уездные города и селения, так как наибольшее количество частных адвокатов находилось вне мест расположения судебных палат и окружных судов. Такое положение вещей имело место в 8 из 12 судебных округов.

Отношение общества к частной адвокатуры было неоднозначным. Многими они признавались «язвой современной адвокатуры»³², институтом, не гарантировавшим в достаточной степени ни знаний, ни «нравственных качеств». Присяжных поверенных беспокоило отсутствие у частных ходатаев юридического образования и опыта корпоративного независимого управления корпорацией, что могло сказаться на их профессионализме и качестве работы. Закон 1874 г. строго не оговаривал наличия высшего юридического образования у частных адвокатов, поэтому в их число часто попадали лица, имеющие лишь общую домашнюю или гимназическую подготовку. Так, в 1895 г. из 2418 частных адвокатов лишь 739 закончили юридические факультеты университетов³³. Данные по Курскому окружному суду также подтверждают эту тенденцию. Из 15 частных поверенных, состоящих при Курском окружном суде, только 8 имели высшее юридическое образование³⁴.

Социальный состав данной категории правозащитников был неоднороден. Ходатаями являлись выходцы из дворянского, купеческого и мещанского сословий. Однако, говоря о частных поверенных нельзя отрицать наличие у них необходимого минимума знаний, гарантом которого выступало судебное учреждение, разрешавшее заниматься адвокатской деятельностью. К тому же за время работы они накапливали значительный опыт. Требуемые нормы адвокатской этики также соблюдались ходатаями, в противном случае последние подвергались дисциплинарным наказаниям.

В целом, частная адвокатура выполнила возложенную на нее законодателем задачу - обеспечение юридической помощью российской провинции и наравне с присяжными поверенными способствовала успешной реализации основополагающих принципов судебных уставов Александра II.

Примечания:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 23.07.2008) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 26.04.2002).

2. Васьковский В.Е. Учебник гражданского процесса. М., 1917; он же. Курс гражданского процесса. Т.1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 1913; Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1904; Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907; Познышев С.В. Эле-

ментарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб., 1912.

3. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989.

4. Гаверилов С.Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозаступничества и судебного представительства (XV – начала XX веков). Т.1-2. М., 2009.

5. Захаров В.В. Курская адвокатура на рубеже XIX-XX вв. // Архивная находка. Вып.2. Курск: ЦНТИ, 1993. - С. 10-12; Служение закону и праву. Из истории юстиции России и Курской области / под. ред. Грива Т.А. Курск, 2002; Курнова Н.А. Провинциальные адвокаты в пореформенной России. // Адвокатская практика. 2007. №6. - С. 36-38.

6. История русской адвокатуры. / под ред. И. В. Гессен. Т.1. М., 1997. - С. 120.

7. Бородин Д.Н. Исторический очерк русской адвокатуры. Пг., 1915. - С. 66.

8. История русской адвокатуры. / под. ред. М.Н. Гернет. Т.2. М., 1916. - С. 370.

9. Левенстим А.А. Харьковский судебный округ. 1867–1902 гг. Исторический очерк. Харьков, 1903. - С. 85.

10. ГАКО. Ф.32. Оп.9, Д.518. - Л. 2; Оп.10. Д.873. - Л. 1-84; Оп.13. Д307. - Л. 100-204.

11. ГАКО. Ф.32. Оп. Д.19. Д.127-131.

12. ГАКО. Ф.32. Оп.3^а. Д 69. - Л. 104.

13. Высочайше утвержденные Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 г. // ПСЗ РИ. Т.XLIX. 53573. Ст. 6.

14. Судебные уставы Александра II. СПб., 1914. Ст. 406^б.

15. Газета «Право». 1913. №47. – Стб. 2719.

16. Высочайше утвержденные Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 г. // ПСЗ РИ. Т. XLIX. 53573. Ст. 15.

17. Там же. Ст. 10.

18. Там же. Ст. 14.

19. ГАКО. Ф.32. Оп.35. Д.2. - Л. 31.

20. Высочайше утвержденные Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 г. // ПСЗ РИ. Т.XLIX. 53573. Ст. 16.

21. Судебные уставы Александра II. СПб., 1914. Ст. 406-5.

22. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1886. Ст. 939.

23. Новиков. В. О преследовании подпольной адвокатуры. // «Право». 1913. №27. Стб. 1625-1631.

24. Судебные уставы Александра II. СПб., 1914. Ст-ст. 395, 396.

25. ГАКО. Ф.32. Оп.46. Д.76. - Л. 3.

26. Там же. Оп.1. Д.6993. - Л. 4; Д.8397. - Л. 18.

27. История русской адвокатуры. / Под ред. И. В. Гессен. Т.1. М., 1997. - С. 217.

28. Гребеников М. Условия приема в присяжные поверенные // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. №1. - С. 20.

29. Городинский Я.К. Наши суды и судебные порядки // Журнал министерства юстиции. 1901. №2. - С. 42.

30. История русской адвокатуры / под. ред. М.Н. Гернет. Т.2. М., 1916. - С. 53.

31. Там же. - С. 55.

32. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. - С. 350.

33. Городинский Я.К. Указ. соч. - С. 42.

34. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.10390. - Л. 2.

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ СУДЕЙ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И КОМПЕТЕНЦИЯ

М.А. Савельева

Курский государственный университет

В статье рассматриваются причины создания и периодизация развития мировой юстиции в Российской империи. Особое внимание уделяется введению исследуемого института в Курской губернии: проведен анализ соответствия лиц, исполняющих должности мировых судей, предъявляемым законодательством требованиям. Указаны основные проблемы, с которыми столкнулось общество при введении в действие мирового суда.

Ключевые слова: мировая юстиция, участковый мировой судья, почетный мировой судья, съезд мировых судей, цензовая система.

THE JUSTICE OF THE PEACE IN KURSK PROVINCE: ACQUISITION ORDER, THE COMPETENCE

M.A. Savel'eva

Kursk State University

The paper considers the reasons of creation and periodization of justice of the Peace development in the Russian empire. The special attention is given to the introduction of the investigated institute in Kursk province: the analysis of conformity of the persons acting as judges of the Peace to requirements given in legislation. The basic problems which the society has faced at the introduction of world court in action are specified.

Key words: justice of the Peace, the local judge of the Peace, the honourable judge of the Peace, congress of judges of the Peace, qualification system.

Введение в 1864 г. в судебную систему института мировых судей еще на стадии разработки проекта реформы вызывало немало споров. Тем не менее, первое упоминание о мировой юстиции многими исследователями относится к 1814 г., в котором, в записке, представленной графом В.П. Кочубеем на имя Александра I, ставился вопрос об отделении судебной власти от полицейской, посредством учреждения в уезде «мирных судей», которые бы разбирали споры и тяжбы, «руководствуясь в основном совестью и здравым рассудком»¹. Именно эта записка легла в основу проекта графа Д.Н. Блудова об учреждении судов, для рассмотрения мелких дел крестьянских и городских низов.

В исследованиях посвященных мировой юстиции можно выделить три модели мировых судов: 1) Английская (классическая) модель. Мировой судья выполняет административно-судебные функции, а судебный состав формируется на полупрофессиональной основе. 2) Французская модель. Мировой суд выполняет чисто судебные функции, судопроизводство осуществляет полупрофессиональный состав судей. 3) Смешанная модель. Судейское сообщество составляет профессиональный состав судей, выполняющий не только судебные, но и административные функции².

Учреждение мировой юстиции в России связано с судебной реформой 1864 г. При проектировании реформы законодательства был заимствован опыт организации мирового суда в Англии, в связи с чем, принятая в Российской империи мировая юстиция, тяготела к классической модели.

По замыслу создателей, мировой суд должен был стать универсальным органом, разрешающим не только конфликты между помещиками и крестьянами, но и стать, как в странах Западной Европы, низшей судебной инстанцией. Однако реализовать с самого начала данное положение не представлялось возможным, поскольку государственный аппарат не был готов к кардинальным мерам. В связи с этим, было принято решение о расчленении мировой юстиции на два института: мировых посредников, для решения споров между помещиками и крестьянами, и непосредственно мировых судей с перспективой их слияния в дальнейшем³. О мировых посредниках официально указывалось в высочайшем повелении 25 марта 1859 г.

В процессе разработки положений о мировом суде было выдвинуто предположение, согласно которому мировые судьи должны были заменить существующих мировых посредников. Циркуляром министра внутренних дел от 30 октября 1862 г. на губернаторов была возложена обязанность высказать свое мнение по данному вопросу. Ряд губерний, в том числе и Курская, признали данный факт возможным. Однако министр юстиции высказался категорически против, заявив, что «характер их деятельности совсем различен, различна и ответственность их. Мировые судьи отвечают за действия свои только перед судом, мировые посредники – перед

административной властью»⁴. То есть, соединение этих двух должностей уже с самого начала проведения судебной реформы нарушило бы принцип отделения власти судебной от административной. Поэтому из ведения мировых посредников изымались все судебные дела за исключением дел волостных судов, имеющих отношение к уставным грамотам. В дальнейшем, законодателем институт мировых посредников был упразднен, как не отвечающий принципам судебной реформы, а лиц, «исправлявших должность» мировых посредников было рекомендовано включать в списки кандидатов на должности мировых судей⁵.

Основой для образования мировых судебных округов являлись уезды и города; Москва и Санкт-Петербург делились на несколько мировых округов, состоящих из двух или более частей города. Мировой округ состоял из нескольких участков, число которых определялось особым расписанием, и могло быть изменено не иначе как по разрешению Министерства юстиции. Количество участков в округе ставилось в зависимость от числа жителей, пространства, числа дел в мировых учреждениях. Как отмечал И.Я. Фойницкий «по указаниям опыта и практики будущих мировых учреждений число участков в том или другом мировом округе может быть в последствии уменьшено или увеличено»⁶.

Формирование Курской мировой юстиции началось в 1867 г. Согласно указу от 19 января 1867 г. председателям уездных собраний было предложено немедленно приступить «к образованию особых уездных присутствий для составления лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи»⁷. Данное указание курским губернатором было получено 19 февраля, и в тот же день им было дано распоряжение об открытии специальных уездных комитетов. Весной 1867 г. земскими собраниями Курской губернии были образованы Особые присутствия по введению в действие судебных уставов⁸, на первом этапе своей деятельности ими были составлены необходимые списки кандидатов на должность мировых судей.

Мировые судьи подразделялись на следующие категории: участковых и почетных. Мировой суд в Российской империи строился на выборной основе. Как правило, выборы проводились в уездных земских собраниях. Перед выборами следовало определить участки мировых судей, от чего зависела численность мировых судей. Изначально, число мировых участков определялось правительством, но вскоре такой порядок был признан неудачным, поскольку нередко приходилось вносить изменения. Так, уже в 1868 г. в Курском земском собрании был поднят вопрос о введении вместо 3 участковых 4 участковых мировых судей «по случаю усложнения имеющихся в производстве дел»⁹. Всего на 1 января 1868 г. по Курскому мировому округу был учрежден 61 мировой участок¹⁰. Позднее, инициатива изменения границ и числа участков исходила от съезда мировых судей, а решение об определении числа участков зависело от уездного земского собрания. В 1881 г. мировой съезд Курской губернии подал в земское собрание прошение, в котором указывал на «крайне неравномерное распределение участков», которое «неблагоприятно отзывается на заинтересованных сторонах в тех участках, где гораздо больше дел»¹¹. Земским собранием данное прошение было удовлетворено.

Порядок выборов предполагал, что за три месяца до дня выборов в каждом мировом округе уездным предводителем дворянства совместно с городским головой и местными мировыми судьями составлялся список лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи. В этот список, помимо лиц, состоящих в должности участковых и почетных мировых судей вносились все жители уезда, имеющие право на основании закона замещать должность мирового судьи. Составленный список передавался для ознакомления губернатору и публиковался в местной печати («Губернские ведомости»). После этого губернатор и сами местные жители могли уведомить собрание о своих замечаниях относительно неправильного составления списка, а лица, включенные в него, имели право заявить о своем нежелании замещать данную должность. Особенно стоит отметить, что при первичной реализации положений Судебных уставов составление списков губернским земским собранием Курской губернии велось в соответствии с предъявляемыми законодательством требованиями, но уже при комплектовании списков судей на следующие трехлетие, гласным Обоянского земского собрания отмечено, что не понятно «чем именно руководствовалась комиссия, внося их, (лиц, имеющих право замещать должность участкового мирового судьи – М.С.) так как в списках не видно ничего о действительности права каждого»¹².

В дальнейшем земское собрание рассматривало все полученные замечания, пересматривало список, в случае необходимости, и проводило выборы.

Мировые судьи избирались из числа местных жителей при наличии определенных требований или цензов: территориального, возрастного, образовательного, имущественного. Тер-

риториальный ценз проявлялся в том, что соискатель на должности мирового судьи должен был обязательно быть местным жителем, поскольку «на мирового судью возлагается рассмотрение всех менее важных дел, ежедневно возникающих между населением, значительная часть которого не знает законов, не терпит формализма и уважает естественную справедливость»¹³. Поэтому, только местный житель, пользующийся авторитетом среди населения, способен решать такие дела.

Исходя из данного положения, земским собраниям рекомендовалось избирать мировых судей только из местных жителей, «имеющих же жительство в других уездах значащихся в списке баллотировке не подвергать»¹⁴. Указанный принцип с течением времени стал применяться лишь к участковым судьям, при избрании же в почетные судьи, основанием могло служить лишь номинальное владение землей в уезде. Так, например, князь Н.Ф. Касаткин-Ростовский, окончивший военное училище и прослуживший 10 лет в морском ведомстве, только в 1878 г. поселился в своем имении в Новооскольском уезде, но уже в 1879 г. был избран в почетные мировые судьи¹⁵.

Возрастной ценз заключался в достижении кандидатом 25-летнего возраста.

Образовательный ценз сводился к тому, что кандидат должен был получить образование в высших или средних учебных заведениях или прослужить не менее трех лет в таких должностях, при выполнении которых мог приобрести практические навыки в производстве дел. Юридическое образование, по замыслу реформаторов, не требовалось, поскольку, для мирового судьи необходимо было «знание народных понятий, нравов, обычаев, вообще условий местной жизни, и в особенности... здравый ум, честный характер и безукоризненная жизнь»¹⁶. На практике, земскими собраниями Курской губернии чаще всего избирались люди с домашним образованием. Типичный пример, в 1873 г. почетным мировым судьей по Обоянскому мировому округу был избран А.Ф. Лебедев, имеющий лишь домашнее образование¹⁷.

Анализ законодательства указывает на наличие еще одного ценза – нравственного, суть которого в обладании лицом безукоризненной репутации. В соответствии с законодательством того времени, не могли претендовать на избрание лица, ранее судимые или состоящие под следствием или судом, исключенные со службы за порочащие поступки, объявленные несостоятельными должниками, а так же лица иудейского вероисповедания.

Имущественный ценз заключался в том, что кандидаты или его ближайшие родственники должны были владеть не менее года земельными участками вдвое больше того, которое определялось для гласных в земские собрания (для Курской губернии устанавливалась квота в 400 дес. земли¹⁸), либо обладать недвижимым имуществом в сельской местности ценой не ниже 15 тыс. руб., в крупных городах – 6 тыс. руб., и других – 3 тыс. руб. Отдельно указывалось, что в случае утраты имущества, кандидаты не могли более замещать должность мирового судьи.

Наличие такого рода требования можно объяснить тем, что жалование мировых судей было в два-три раза меньше, чем у судей государственных судов, а, учитывая тот факт, что замещать должность судьи с другими государственными должностями законодательно было запрещено, все это могло породить соблазн брать взятки.

Помимо участковых судей в том же порядке и на тот же срок избирались и почетные мировые судьи, которые не имели своих участков. Почетные мировые судьи наделялись всеми правами мирового судьи, но в отличие участковых не оставляли своей основной работы. К рассмотрению дел они приступали, когда все заинтересованные стороны обращались к их посредничеству, не получая за это никакого вознаграждения. Специфика требований, предъявляемых к почетным мировым судьям заключалась в отсутствии требования несовместимости (ст.49 Учреждения судебных установлений). Следствием этого в Курской губернии почетные мировые судьи могли занимать различные должности: А.Н. Офросимов являлся уездным предводителем дворянства и председателем дворянской опеки, Н.Н. Лоскутов и Н.Н. Шпанов служили гласными городских дум и т.д.

Вторым звеном мировой юстиции являлся мировой съезд, состоящий из избранных участковых и почетных мировых судей, выступающий апелляционной инстанцией, а в особых случаях - кассационной. Апелляционное производство начиналось по тем же правилам, что и производство в первой инстанции, суть которого заключалась во вторичном рассмотрении дела по существу. Рассмотрев дело, съезд либо утверждал решение мирового судьи, либо отменял и принимал собственное решение. По Уставу гражданского судопроизводства кассационное производство допускалось в том случае, если имело место «явное нарушение прямого смысла

закона или неправильное его толкование» или «существенное нарушение обрядов и форм судопроизводства»¹⁹.

Мировой съезд в Курской губернии был сформирован на первом заседании из числа избранных мировых судей. Кроме председательствующего выбирался и так называемый непременный член, в обязанность которому вменялись подготовительные распоряжения по делам. Так, в 1884 г. должность непременного члена Курского мирового съезда исполнял участковый мировой судья В.В. Чичинадзе²⁰.

Компетенция мирового суда была достаточно широка, они рассматривали как уголовные, так и гражданские дела. В частности, к числу малоценных, несложных дел, относящихся к подсудности «мирных» судей, в соответствии с Уставом гражданского судопроизводства, были отнесены споры по искам из личных обязательств, договоров и о движимости ценою не свыше 300 руб.; о взыскании вознаграждения за ущерб и убытки, когда размер не превышал 500 рублей; по искам о личных обидах и оскорблениях; о восстановлении нарушенного владения, если при этом не оспаривалось само право владения. Ежемесячно участковые мировые судья предоставляли мировому съезду подробные сведения о движении уголовных и гражданских дел.

Первый опыт функционирования мировых учреждений в Курской губернии оказался достаточно удачным, именно в лице мировой юстиции народ получил гласный справедливый суд. Мировые судьи делали все от них зависящее, что бы приохотить население к суду, восстановить к нему доверие, поколебать укоренившееся в нем убеждение о бесполезности и даже опасности «тягаться с сильным и богатым»²¹.

Но постепенно популярность в крае мирового суда начала сходить на нет, стали проявляться законодательные недоработки при введении в действие данного института. Конструкция компетенции мирового суда привела к тому, что практически с самого начала в производстве мировых судей оказалось очень много дел. В результате наблюдалась большая загруженность мировых судей, следствием которой стал рост судебных ошибок. Еще одной проблемой мировой юстиции в Курской области стал низкий уровень квалификации мировых судей. *В Курской губернии практически не встречались мировые судьи имеющие юридическое образование.* Открытие юридических факультетов, несомненно, давало возможность пополнения мирового суда юристами-профессионалами. Но проблема оставалась, и это объяснялось следующим: во-первых, должность мирового судьи существенно уступала должности судьи государственного суда (выборность судей, краткий срок службы, отсутствие возможности карьерного роста, фактическая зависимость от земских собраний); во-вторых, высокий имущественный ценз. Как отмечает Ю.В. Щедрина, вводимые в начале выборное начало и имущественный ценз были необходимы лишь на первых порах, при слабом распространении юридических знаний²².

Кроме того, трехлетний срок нахождения в должности представлялся самим мировым судьям слишком маленьким, поскольку «мировой судья в первый год своей службы учиться, второй год судит, а третий думает о том, выберут ли его вновь»²³. А, учитывая то, что преобладали кандидаты, не имеющие юридического образования, проблема незначительности срока нахождения в должности становится вполне понятной.

Реформа мировой юстиции в 1889 г., больше известная как судебная контрреформа, имела целью устранить, в том числе, указанные недостатки. В результате мировой суд на большей части территории страны, в том числе и в Курской губернии, был упразднен. В 1889 г. Александром III были утверждены два нормативных акта: Положение о земских начальниках и Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям. И с 29 декабря 1889 г. вместо мировой юстиции учреждается совершенно новая судебная система: участковые земские начальники (пользовавшиеся в отношении крестьян как административной так и судебной властью), городские судьи и уездные члены окружного суда. Должность почетных мировых судей не упразднялась.

Примечания:

1. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 864 года в России. Саратов, 1863. - С. 66-67.

2. Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. - С. 41.

3. Панфиленко Л.Ю. Становление мировой юстиции в России // История государства и права. 2007. №23. - С. 24.

4. Цит. по: Щедрина Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии): Монография. Курск, 2007. - С. 16.
5. РГИА. Ф.1341. Оп.114. Д.282. - Л. 2.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб, - С. 308-309.
7. РГИА. Ф.1405. Оп.65. Д.3339. - Л. 15об.
8. См.: Курские губернские ведомости. 1867. 25 марта.
9. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.1659. - Л. 18.
10. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.1717. - Л. 66-67.
11. Журналы XVII очередного Курского уездного земского собрания с 20 по 25 октября 1881 г. Курск, 1882. - С. 139.
12. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.1815. - Л. 13.
13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.III. СПб., 1861. - С. 24.
14. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.1612. - Л. 57.
15. Салпанов Н.П. Консервативные политические партии в Курском крае (1904-1917 гг.) // Вопросы истории и краеведения (сборник научных трудов). Курск, 1994. - С. 61.
16. Судебные уставы ... Ч.III. - С. 24.
17. ГАКО. Ф.32. Оп.3-л. Д.178. - Л. 48об.
18. Судебные уставы с изложением рассуждений... Ч.III. - С. 42.
19. Цит. по: Мировой судья в гражданском судопроизводстве: Научно-практическое пособие / под ред. А.Ф. Ефимова, И.К. Пискаревой. М., 2004. - С. 10.
20. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.3277. - Л. 20.
21. Панфиленко Л.Ю. Указ. соч. - С. 24.
22. Щедрина Ю.В. Указ. соч. - С. 35.
23. Журналы совещаний Курского губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах. Курск, 1904. - С. 27.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОН. XIX – НАЧ. XX В.

А.М. Назаров

Тольяттинский государственный университет

В статье рассматривается проблема иностранных инвестиций в городское хозяйство Среднего Поволжья в кон. XIX – нач. XX в. Автор отмечает активное проникновение в рассматриваемый период зарубежного капитала в эту отрасль народного хозяйства и освещает роль зарубежных компаний в сооружении городских железных дорог и сети электроосвещения в Саратове и Самаре.

Ключевые слова: история России, иностранный капитал, городское хозяйство, Среднее Поволжье.

FOREIGN CAPITAL IN THE URBAN ECONOMY OF THE MIDDLE VOLGA IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Nazarov A.M.

Togliatti State University

In the paper is considered problem of foreign investment in the urban economy of the Middle Volga in the late XIX - early XX centuries. The author notes the active penetration in the reporting period foreign capital in this sector of the economy and highlights the role of foreign companies in the construction of urban rail network and lighting in Saratov and Samara.

Key words: history of Russia, foreign capital, the urban economy, the Middle Volga.

На рубеже XIX-XX вв. в городах Среднего Поволжья активно развивается процесс строительства городского хозяйства. В рассматриваемый период в крупнейших торгово-промышленных городах региона (Самара, Саратов, Царицын) были основаны предприятия городского транспорта, электроосвещения, телефона, водопровода и канализации. Эта отрасль была привлекательна для инвесторов.

С нач. 1890-х гг. Самарская городская дума и городская управа неоднократно обсуждали вопрос об устройстве электрического освещения города. В 1894 г. городские власти обратились в ведущие электротехнические предприятия страны с предложением разработать проект электроосвещения г. Самары. В феврале-марте 1895 г. на заседаниях городской думы и управы были рассмотрены ряд проектов, среди которых был проект и фирмы «Сименс и Гальске»¹. По

расчетам этой фирмы на обустройство центральной электрической станции, сети проводов необходимо было 86184 руб.² В проекте отмечалось, что фирма Сименса, если выбор падёт на неё, готова создать предприятие городского электроосвещения, но отказывается его эксплуатировать, мотивируя это тем, что она «...поставила себе правило принимать на себя эксплуатацию электрических предприятий лишь в исключительных случаях, при условии особых гарантий»³. Понимая финансовые сложности городских властей в организации столь масштабного дела, фирма «Сименс и Гальске» была согласна на постепенную уплату городом ежегодными взносами стоимости устройства предприятия при условии начисления 6% процентов годовых к неуплаченной сумме⁴.

В ходе обсуждения проектов электроосвещения Самары было принято решение создать специальную электрическую комиссию⁵. Только через три года, весной 1898 г., члены комиссии и городские власти решились на начало конкретных переговоров с представителями фирмы «Сименс и Гальске».

Выбор городской администрации именно этой фирмы в деле электроосвещения города можно объяснить следующими причинами. Во-первых, русский филиал немецкой фирмы «Сименс и Гальске» являлся крупнейшим предприятием в электрической промышленности Российской империи. Во-вторых, на заводах фирмы производили всё необходимое оборудование для создания сети городского освещения. В-третьих, у неё имелся колоссальный опыт обустройства и эксплуатации предприятий городского электроосвещения. Например, в 1895 г. фирма Сименса получила концессию на освещение Москвы, а в 1897 г. и Петербурга⁶.

В июле 1898 г. между Самарской городской управой и представителем Акционерного общества русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», германским подданным Безенбрухом Э.В., был заключен контракт об устройстве в г. Самаре электрического освещения⁷. Согласно п.1 контракта фирма «Сименс и Гальске» обязалась оборудовать в центральную электрическую станцию, устроить электрическое освещение в Струковском саду и городском театре, проложить по улицам города сеть проводов для уличного освещения и частных абонентов⁸. Вышеперечисленные работы фирма Сименса должна была провести за свой счёт с последующей уплатой стоимости работ городом. Она обязалась закончить все работы в течение одного года⁹. По контракту городской управе предоставлялось право освидетельствования всех построек и материалов, предназначенных для устройства электричества¹⁰.

К лету 1899 г. было закончено строительство сети электроосвещения в Самаре. По подсчётам городской управы и думы примерная сумма строительства составила 300 тыс. руб.¹¹ Часть работ (строительство здания центральной станции, фундаментов под паровые машины, котлы, трансформаторы и др.) была проведена городскими властями за свой счёт¹². Но основные расходы понесла фирма «Сименс и Гальске». Они составили 201553 руб.¹³

С лета 1899 г. по март 1902 г. осуществлялась приёмка от фирмы Сименса центральной станции и электрического освещения города¹⁴. Городской электротехник отмечал, что работы, в общем, проведены удовлетворительно, серьёзные недостатки имелись только в освещении городского театра¹⁵.

В кон. 1890-х гг. бельгийские инвесторы, специализировавшиеся на строительстве предприятий городского хозяйства, обратили своё внимание на Саратов. Представители бельгийского акционерного общества «Взаимная компания трамваев» обратились в 1899 г. в Саратовскую управу с предложением выкупить конную железную дорогу с последующим преобразованием её в трамвай, а также устроить в Саратове электрическое освещение¹⁶. Эта идея была воспринята городскими властями положительно, однако переговоры шли долги и только через шесть лет, в 1905 г., в Саратов прибыл представитель бельгийского общества для заключения договора¹⁷.

К 1905 г. к проекту создания в Саратове предприятия по эксплуатации электрических трамваев и освещения присоединилась бельгийско-голландская холдинговая группа Тиса. Масштабы деятельности этой группы и «Взаимной компании электричества» впечатляют. Они контролировали к 1913 г. предприятия городского транспорта Казани, Киева, Саратова, Курска, Белостока и Орла¹⁸.

15 апреля 1905 г. Саратовская городская управа и бельгийское акционерное общество «Взаимная компания трамваев» заключили договор на постройку в Саратове электростанции, устройство трамвая и освещения¹⁹. По нему бельгийскому обществу была предоставлена концессия сроком до 31 декабря 1945 г.²⁰

Бельгийцы получили исключительные права на срок концессии в деле освещения города. Так, городская управа обязалась не предоставлять никому более право на постройку электрических станций; помимо этого, она сама не могла устраивать новые станции. Частные владельцы могли пользоваться своими станциями и даже устраивать новые, но лишь для себя, без права продажи электрической энергии²¹.

Однако такой жесткий режим распространялся только на центральную часть Саратова. Вне пределов оговоренного района городская управа могла своими силами устраивать электрические станции или предоставлять такое право другим компаниям в том случае, если «Взаимная компания трамваев» не пожелает отпускать в эту местность электроэнергию по общему тарифу²².

За предоставленное право концессии бельгийское акционерное общество обязывалось ежегодно выплачивать городу процентные отчисления: со дня подписания до 1915 г. – 3%, с 1915 до 1925 г. – 4%, с 1925 – 5%. Причем было определено, что сумма этого процентного отчисления не может быть менее 22,5 тыс. руб. и что вносить её следует не деньгами. Взамен указанной платы Общество должно было за свой счет обеспечивать освещение вдоль всех трамвайных линий, а также установить на металлических столбах 400 дуговых десятиамперных фонарей силой света не менее 1000 свечей каждый и затем обеспечивать горение половины из них в течение 2250 часов в год²³. Особо было оговорено, что городское самоуправление может выкупить всё это создаваемое предприятие не ранее, чем через 20 лет после подписания договора²⁴. Договор городская управа направила в Министерство внутренних дел, которое утвердило его 28 октября 1906 г.²⁵

В 1907 г. в Брюсселе было учреждено по бельгийскому уставу «Саратовское электрических трамваев и освещения анонимное общество»²⁶. Правление общества находилось в Брюсселе, а ответственное агентство было учреждено в Казани²⁷. В составе правления Общества находились представители различных трамвайных обществ: председатель правления Бельгийского общества трамваев в Роттердаме В. Бежерем, вице-председатель Общей компании трамваев в Антверпене Г. Фирмен Лямбо, уполномоченный Взаимной компании трамваев Ш. Шарлье и другие²⁸. Акционерный капитал Общества составил 10 млн. франков. Было выпущено 100 тыс. акций по 100 франков и столько же дивидендных акций без номинальной стоимости. Так же Общество выпустило облигаций на сумму 10,88 млн. франков²⁹. С апреля 1908 г. директором Саратовского общества становится бельгийский подданный Ю.Ф.де-Вильде³⁰.

17 марта 1907 г. «Саратовское электрических трамваев и освещения анонимное общество» технический проект по устройству трамвая и электрического освещения. На следующий день, конная железная дорога г. Саратова перешла во владение бельгийского общества³¹.

18 мая 1907 г. Саратовская городская дума окончательно рассмотрела вопрос о строительстве трамвая, а 9 октября губернское правление утвердило технические планы. Было решено построить 9 трамвайных линий, правда, общая протяженность линий не была оговорена. Много споров вызвало строительство отдельных линий, так как бельгийцы не намеревались эксплуатировать мало доходные линии³². 6 октября были окончательно утверждены и технические планы по строительству сети городского электроосвещения³³.

Надо отметить, что Общество начало работы до окончательного утверждения городскими властями технических планов. Так, уже в августе 1907 г. оно начало строительство электрической станции и укладку трамвайных путей на Ильинской и Немецкой линиях³⁴.

Летом 1908 г. было закончено строительство электростанции, а к осени завершилась подготовка рельсового пути на Московской и Немецкой линиях³⁵. 5 октября состоялся пробный запуск трамвая с руководством губернии, города и бельгийской компании³⁶.

22 февраля 1909 г. электрическая комиссия провела технический осмотр электрической станции и готовой части сети уличного освещения. Все сооружения комиссия признала выполненными правильно и в соответствии с договором. Было решено начать освещение через 2-3 дня³⁷.

Выполняя пункт договора, запрещавший всем другим станциям продажу электроэнергии, городская театральная электрическая станция в мае 1909 г. передала свои 143 частных абонента бельгийскому обществу. На обеспечении театральной станции остались только 11 учреждений: управа, театр, публичная библиотека, народная аудитория, общественный банк, Художественный музей, ломбард, бульвар «Липки», лечебница Медведева, 3-я пожарная и 3-я полицейская части³⁸.

К ноябрю 1909 г. были открыты все трамвайные линии, утвержденные Управой в 1907 г. Протяженность сети составляла 35,2 км. На ней работало 55 вагонов. В 1909 году перевезено 11 011 702 пассажира³⁹.

Доходы «Саратовских электрических трамваев и освещения анонимного общества» постоянно росли. Если в 1910 г. дивиденды на акционерный капитал составили 4,5 франков, на дивидендную акцию – 0,75 франков, то к 1912 г. – 5 и 1,25 франков соответственно⁴⁰.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. иностранный капитал активно внедрялся в городское хозяйство. Так, бельгийское акционерное общество «Взаимная компания трамваев» построило в Саратове городскую трамвай и сеть электрического освещения, а русский филиал немецкой фирмы «Сименс и Гальске» обустроил в Самаре электроосвещение. Участие зарубежных компаний в сооружении предприятий городского хозяйства являлось типичным случаем для России. Сооружение и эксплуатация городского трамвая и конки в начале XX в. являлось своего рода «бельгийской специальностью», такую же роль играли немецкие фирмы в организации городского электроосвещения. Этим во многом можно объяснить выбор городских властей Самары о привлечении «Сименса и Гальске», Саратова – «Взаимной компании трамваев».

Фирма «Сименс и Гальске» не пошла на заключение с городской администрацией концессии на право эксплуатации создаваемого предприятия, в отличие от бельгийцев. Созданное в 1907 г. «Саратовское электрических трамваев и освещения анонимное общество» было бельгийским не только по своим капиталам, но и по юридическому статусу. Учредителям Общества удалось добиться очень выгодных условий концессии, что позволяло получать стабильно высокие доходы.

Примечания:

1. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.149. - Л. 84.
2. Там же. - Л. 84 об.
3. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.149. - Л. 84.
4. Там же.
5. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.150. - Лл. 50 об. - 51.
6. См.: Зив В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып.1. Германские капиталы. Петроград, 1915. - С. 11.
7. ГАСО. Ф.153. Оп.37. Д.58. - Л. 40.
8. Там же.
9. ГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.156. - Л. 281 об., 282.
10. Там же. - Л. 281.
11. ГАСО. Ф.153. Оп.37. Д.58. - Л. 173.
12. Там же. - Л. 40 об.
13. Там же. - Лл. 7, 7 об.
14. Там же. - Лл. 1-221.
15. Там же. - Л. 9.
16. Саратовский дневник. 1899. №13.
17. Гусакова З.Е. У истоков электрического освещения Саратова // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов: «Наука», 2007. Вып.3. - С. 94.
18. Бовыкин В.И., Петерс В. Бельгийское предпринимательство в России. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. - С. 230-231.
19. ГАСарО. Ф.4. Оп.1. Д.2339. - Л. 17.
20. Там же.
21. Там же. - Л. 8.
22. Гусакова З.Е. У истоков электрического освещения Саратова... - С. 95.
23. ГАСарО. Ф.4. Оп.1. Д.2339. - Лл. 5-10.
24. Там же. - Л. 18.
25. Саратовский листок, 1906. 2 ноября.
26. Акционерно-наевые предприятия России. СПб, 1914. - С. 379.
27. Ответственным агентом Общества являлся Рутковский С.С. // ГАСарО. Ф.175. Оп.1. Д.18. - Л. 3.
28. ГАСарО. Ф.175. Оп.1. Д.18. - Л. 1.
29. Акционерно-наевые предприятия России. СПб, 1914. - С. 379.
30. ГАСарО. Ф.175. Оп.1. Д.18. - Л. 1 об.
31. См.: Ратманов Э.В. Маршруты и судьбы. 1887 – 1997. 110 лет Саратовскому рельсовому транспорту. Саратов, 1997 // <http://forum.tr.ru>
32. Там же.
33. Гусакова З.Е. У истоков электрического освещения Саратова... - С. 96.

34. ГАСарО. Ф.175. Оп.1. Д.23. - Л. 1.
 35. Семенов В.И. В старину саратовскую: Очерки и рассказы о прошлом нашего края. Саратов, 1993. - С. 145.
 36. Ратманов Э.В. Маршруты и судьбы. 1887-1997 // <http://forum.tr.ru>
 37. Саратовский листок. 1909. 22 февраля.
 38. Гусакова З.Е. У истоков электрического освещения Саратова... - С. 96.
 39. Ратманов Э.В. Маршруты и судьбы. 1887-1997 // <http://forum.tr.ru>
 40. Акционерно-паевые предприятия России. СПб, 1914. - С. 379.

ПРАКТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ И СНЯТИЯ ОПЕКИ В СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВАХ В КОН. XIX – НАЧ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Е.П. Вьюнник

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается система опекунских мероприятий в сельских обществах в кон. XIX – нач. XX в. Сложившийся в Российской империи институт опекунства носил сословный характер: назначение опекунов к малолетним сельским обывателям, оставшимся без попечения родителей, проверка их действий и другие формы социальной защиты сирот принадлежали сельскому обществу. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 1861 г. оставило опеку в крестьянском быту под действием обычая и не подчинило ее действию общих правил.

Ключевые слова: опека, система опекунских мероприятий сельского общества, процедура оформления и снятия опеки.

THE PRACTICE OF THE ESTABLISHMENT AND GUARDIANSHIP REMOVAL IN RURAL COMMONS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (ON AN EXEMPLE OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)

E.P. Vjunnik

Belgorod State University

The article considers the system of guardianship measures in rural commons in the late XIX – early XX centuries. The institute of guardianship created in Russian Empire had class character. The rural commons appointed the trustee to the juvenile peasant remained without care of the parents, checked their actions. Guardianship was under the influence of custom.

Key words: guardianship, the system of guardianship measures in rural commons, the practice of the establishment and guarding removal.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью комплексного изучения эволюции института опекунства в Российской империи в кон. XIX - нач. XX в. Проблемы в социальной сфере и их решение являются актуальными на протяжении всей истории России. На современном этапе развития российского общества, как и на рубеже XIX-XX вв., промахи социальной политики государства порождают социальную напряженность. Изучение социальной истории, важной частью которой является история института опекунства, свидетельствует о том, что успешное реформирование социальной сферы невозможно без учета позитивного и негативного опыта ее преобразований на предыдущих этапах.

Анализ опекунских дел, приговоров сельских сходов и другой делопроизводственной документации, сохранившейся в фондах региональных архивов, позволяет проследить особенности сложной системы опекунских мероприятий в сельских обществах. В волостных крестьянских управлениях нач. XX в. опекунские дела регистрировались писарем по каждому отдельно-му факту установления опеки и попечительства¹. Опекунские дела формировались непосредственно в сельских обществах представителями сельского управления по мере поступления документов. Формирование опекунского дела начиналось с описи имущества, а также приговоров сельских сходов об избрании опекунов и попечителей, позже сюда подшивались годовые отчеты, протоколы, подписанные учетчиками или волостными старшинами, о проверке на месте личного сиротского имущества, рапорты земских начальников, ходатайства родственников и т.д. В 1899 г. вводятся типографские бланки описи имущества, выписки из книги приговоров сельского схода о годовых отчетах опекунов также теперь записывались на бланках. В 1911 г. форма бланка годового отчета опекуна продолжает меняться, появляется дополнение к нему, теперь на выписке из книги приговоров должны были расписываться волостной старшина и писарь. За соответствие копии и оригинала ответственность несли и административные лица

сельских обществ, и волостные старшины и писари волостного правления. Это безусловное свидетельство развития правовой сферы приговорной практики сельских сходов в части опекунских мероприятий. Влияние унификации формуляра документа ведет к упорядочиванию сведений и увеличению нормативов представляемой информации.

Институт опеки над несовершеннолетними, безумными, сумасшедшими, глухими и немыми регулировался особым разделом Свода гражданских законов нач. XX в. - «О опеке и попечительстве в порядке семейственном»². Опеки, учреждаемые в других случаях, не относящиеся к «учреждениям семейственным», регулировались Сводом законов о состояниях, законами гражданского судопроизводства и Уставом о предупреждении и пресечении преступлений. С точки зрения действовавшего законодательства, опека являлась установленным государством попечением о личности и имуществе тех, кто «по малолетству и сиротству» или по другим причинам не могли сами позаботиться о себе и своем имуществе. Таким образом, опека являлась установлением государственным, а не частно-правовым.

Следует разделять понятия попечительство и опека: попечительство дополняло опеку. По закону попечительство касалось только охраны имущества, а не самого человека. С 14-летнего возраста опекаемый мог просить о назначении себе попечителя. Опека переходила в попечительство по достижении несовершеннолетним 17 лет, именно с этого момента он вступал в управление своим имуществом. Однако давать письменные обязательства, совершать сделки и распоряжаться капиталами мог не иначе как с согласия своих попечителей. Попечительство прекращалось при достижении совершеннолетия, которое по закону наступало с 21 года³.

Реформа 1861 г. оставила опеку в крестьянском быту под действием обычая и не подчинила ее действию общих правил: при «назначении опекунов и попечителей, а также проверке их действий и во всех рода дел крестьяне обязаны были руководствоваться местными обычаями»⁴. В 1902 г. новое издание Общего положения о крестьянах оставило фактически без изменений порядок назначения опеки к сиротам и имуществу умерших сельских обывателей⁵. 18 мая 1911 г. был принят закон об учреждении опек над сельскими обывателями вследствие расточительности. Вследствие такого постепенного образования опеки организация ее не была проникнута каким-либо общим началом, представляя собой в нач. XX в. совокупность различных постановлений.

На основании Общего Положения о крестьянах издания 1902 г. порядок учреждения опеки над личностью и имуществом крестьян-сирот определялся следующим образом: 1) ведомству сельского схода принадлежало назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу крестьян, приписанных к данному сельскому обществу, либо приписанных к другому сельскому обществу или волости, но проживавших или владевших недвижимым имуществом в пределах данного сельского общества; 2) назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу умерших, приписанных к волости крестьян, приобретших недвижимое имущество или жительствовавших вне границ надела сельских обществ, но в пределах ведомства волостного правления или же безземельных находилось под ведомством волостного схода; 3) назначение опекунов и попечителей к сиротам и имуществу умерших крестьян, приписанных к волостям, но жительствовавших или имеющих недвижимое имущество в городских поселениях, предоставляется сиротскому суду или тому месту, которое отправляет его должность.

Процедура оформления опеки и попечительства над имуществом и малолетними сиротами в приговорах сельских сходов могла формулироваться по-разному - «назначение», «избрание», «утверждение». Приговор о назначении опекуна к личности и имуществу сирот принимался на сельском сходе в присутствии двух третей сельского общества, он отражал степень родства сирот и избранного опекуна. В первую очередь на право опеки могли претендовать родственники-мужчины по отцовской линии. Женщина со своими детьми после смерти мужа проживала в том же доме, но как мать не являлась опекуной, а опекуном назначался мужчина - родственник достаточно распространенное явление на селе в Курской губернии. Случаи же избрания опекунами матерей или старших сестер стали появляться на сельских сходах в нач. XX в., при этом ярко выражена тенденция количественного роста, хотя очередность по степени родства отводила женщинам по-прежнему последнее место. Сводом законов Российской империи определялись качества, требуемые от опекуна: в первую очередь опекунами назначались лица, которые могли не только обеспечить малолетнему, оставшемуся без попечения родителей, хорошее содержание, но и способствовать развитию его духовно-нравственных качеств. Опекунами запрещалось назначать расточителей, лиц, подвергшихся по суду ограничению прав

состояния, имеющих явные и гласные пороки, людей, известных суровыми своими поступками, имеющих ссору с родителями малолетнего или несостоятельных.

Попечение над личностью оставшихся без родителей выражалось в перенесении на опекуна, если не всех, то большинства прав и обязанностей, лежащих по закону на родителях. С имущественной стороны цель попечения достигалась двояким путем: посредством опеки и попечительства. Опека заключалась в полной замене опекаемого опекуном при совершении юридических действий. Опекун являлся представителем опекаемого, сам совершал от имени последнего сделки, опекаемый, не достигший 17-летнего возраста, не имел права совершать какие-либо юридические сделки. Попечительство состояло в содействии несовершеннолетнему при осуществлении им лично юридической деятельности. Таким образом, попечитель не заменял опекаемого, а только восполнял своим опытом его недостаточную зрелость. После исполнения 17 лет опекаемый мог действовать сам, но не иначе как с согласия попечителя. Управление опекуном имуществом сироты - сельского обывателя должно было быть направлено не столько на увеличение его ценности, сколько на сохранение доставшейся⁶.

Процедура назначения опеки в сельских обществах занимала определенное время от 9 до 40 дней со дня смерти родителя и состояла из нескольких этапов. Первый этап, зафиксированный в приговорах, включал в себя практику посещения старостой с несколькими односельчанами-оценщиками домохозяйства сирот и опись имущества. Опись имущества хозяйства детей сирот, над которыми устанавливалась опека, составлялась представителями сельской администрации. Это по происхождению первичный документ, с помощью которого мы можем судить о благосостоянии сирот, а, сравнив описи имущества при установлении и снятии опеки, можно судить насколько добропорядочно опекуны выполняли свои обязанности. Составление описи одна из прямых обязанностей сельских старост и волостных старшин, которые, отправляясь к осиротевшим детям, приглашали свидетелей в количестве 3-х чел. для оценки имущества. Опекуна обязаны были ознакомить с описью, о чем должна свидетельствовать подпись на бланке описи.

Оценка имущества в доверительном управлении опекунов и попечителей сирот-детей крестьян производилась регулярно - каждый год за период с 1 января прошлого года по 1 января текущего года. По результатам отчета сход принимал решение, которое заносилось в приговор на каждую семью, находившуюся под опекой. Проверке подлежало учтенное по описи имущество, чтобы установить случаи злоупотреблений по опеке. Если годовой отчет опекуна на сельском сходе был признан правильным, его приобщали к опекунскому делу. Волостной старшина также был обязан проводить на месте проверку наличия имущества. Непосредственная проверка происходила в присутствии сельского старосты, документально закреплялась протоколом, под которым и подписывались присутствующие должностные лица, понятые. Этот протокол передавался на рассмотрение земского начальника.

Родитель, ставший после смерти другого опекуном над своими детьми, не освобождался от обязанности представления опекунских отчетов. Выражение - управление имуществом детей «на праве опекунском» показывает, что родители управляют имуществом детей на тех же основаниях, что и все другие опекуны, т.е. по правилам определенным в разделе III «Об опеке и попечительстве». В ст.294 говорится, что родители подчиняются всем тем же правилам, какие предписаны для опекунов посторонних, "относительно продажи, залога и заклада имения и отчетности в управлении оным". За свои действия опекуны несли имущественную ответственность. В случае «нерадения или умысла в упущении прав (интересов) лица, попечению их вверенного» опекуны обязаны были возместить утраты своим собственным имуществом в размере происшедшей для малолетнего сельского обывателя потери. Опекунское установление в лице представителей местного управления, усмотрев из представленного отчета убыточность действий опекуна или предположив ее из факта уклонения в представлении отчета, имело право на сельском сходе выдвинуть предложение о смене опекуна и поручить новому опекуну предъявить к прежнему иск об убытках, если таковые действительно окажутся. Имущественную ответственность опекуны несли также в случае передачи сиротского имущества лицу, сделавшему впоследствии несостоятельным. Положение это представляется в такой безусловной форме чрезмерно строгим: следует полагать, что могла наступать только в том случае, если со стороны опекуна обнаружена была неосторожность в выборе контрагента, лица ненадежного, дела которого, как было всем известно, расстроились. Малолетние в конкурсе пользовались привилегией, т.к. долги их относятся к первому разряду. За свои труды опекуны имели право полу-

чать вознаграждение в виде 5% ежегодно из доходов малолетнего, но ни в приговорах, ни в другой делопроизводственной документации не встречается этому подтверждения.

Опека над малолетним с достижением им 17-летнего возраста превращалась в попечительство, окончательное прекращение которого происходило, когда опекаемый достигал совершеннолетия 21 года. Опека и попечительство в этих случаях не нуждались в особых определениях или указах опекунских установлений, а обуславливались исключительно сроком. Причиной снятия опеки могла также служить смерть опекаемого. Если имущество последнего переходило по наследству также к лицу недееспособному, то учреждалась новая опека, а не продолжалась прежняя. Процедура снятия опеки проходила на сходе в присутствии двух третей сельского общества во главе с сельским старостой. Опекун обязан был представить письменный отчет о своих действиях, предъявить книгу доходов и расходов. Окончательное снятие обязанностей происходило после проверки на месте имущества по описи.

Опека в нач. XX в. носила двойственный характер: ставя целью восполнить недостаток малолетнего в семье и предупредить возможность растраты имущества, она примыкала как к имущественному так и к семейному праву.

Примечания:

1. ГАБО. Ф.89. Оп.1. Д.1 - Л. 10; Ф.90. Оп.22 - Л. 64; Ф.91. Оп.5. Д.1 - Л. 107; Ф.140. Оп.1. Д.1. - Л. 4.

2. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Т.Х. СПб.: Кодификационный отдел при Гос. Совете, 1892. - 957 с.

3. Там же. - Ст.220, 221.

4. Российское законодательство X-XX веков [Тексты с комментариями]: (в 9 Тт.). М.: Юридическая литература, 1989. Т.7: Документы крестьянской реформы. - 430 с.

5. Общее положение о крестьянах (изд. 1902 года и по Прод. 1912 и 1913 гг.). С разъяснениями Правительствующего Сената по 20 Ноября 1914 года 3-е изд., испр. и доп. Петроград: Изд. юрид. кн. магазина И.И. Зубкова под фирмой "Законоведение", 1915. - 1248 с.

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Фирма «СПАРК», 1995. - 556 с.

7. ГАБО. Ф.91. Оп.1. Д.1 - Л. 10.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ (1860-1916 ГГ.)

Е.А. Ганжов

Белгородский государственный университет

В статье рассматриваются основные этапы становления филиальной сети Государственного банка Российской империи, который был учрежден в 1860 г. Также в статье рассматриваются результаты деятельности банков и важнейшая задача по пополнению привлеченных средств через вкладную операцию; банковские операции: ссуды под залог государственных и гарантированных ценных бумаг; значение циркуляра от 29 декабря 1883 г. для развития кредитных операций.

Ключевые слова: реформы, Государственный банк, Коммерческий банк, отделение банка, провинция, ярмарочные центры.

THE STATE BANK AND RUSSIAN PROVINCE (1860-1916)

E.A. Ganzhov

Belgorod State University

The article is devoted to the problem of emergence and development of network of branches of the State Bank of the Russian Empire since 1860. The same article describes the results of banks and major task for the replenishment of funds raised through deposits, bank operations: loans secured or guaranteed by government securities, the value of the circular dated December 29, 1883 for the development of credit operations.

Key words: reforms, the State Bank, the Commercial Bank, branch of the bank, province, fair centers.

В России 60-70-е гг. XIX в. были временем Великих реформ, начало которым положило учреждение 31 мая 1860 г. Государственного банка. Следующим шагом стало подписание Александром II 19 февраля 1861 г. в ознаменование шестой годовщины своего вступления на престол Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Одновременно было подписано Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их

усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению этими крестьянами в собственность полевых угодий.

К проведению крестьянской реформы 1861 г. был привлечен Государственный банк.

Государственный банк к началу проведения операций 2 июля 1860 г. унаследовал большую сеть территориальных учреждений: 7 контор и 4 временных отделения Коммерческого банка. Около половины их было создано еще при министре финансов А.Н. Гурьеве, инициаторе учреждения в 1817 г. Коммерческого банка. Конторы и отделения размещались в наиболее крупных городах Российской империи (Москве, Екатеринбурге), портовом Архангельске, ярмарочных центрах (Нижнем Новгороде, Ирбите, Рыбинске). В крупных городах бывшие конторы Коммерческого банка, несмотря на их причисление к Государственному банку, продолжали именоваться по-прежнему и обслуживали сложившуюся ранее клиентуру силами работавших в них банковских чиновников.

В крупнейшей Московской конторе установленные для Государственного банка правила были введены в конце 1860 г. Однако приехавший в контору в 1862 г. управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский нашел положение вещей в Москве малоутешительным. Он внес свои рекомендации, касающиеся работы конторы, и распределил обязанности директоров в соответствии с принятым 3 января 1862 г. уставом контор Государственного банка, во многом повторявшим положения Устава самого банка.

К началу буржуазных реформ 1860-х гг. недостаточность филиальной сети стала очевидной. В России с ее обширной территорией и доминирующей ролью государства именно от него зависело распространение операций государственных кредитных учреждений в провинции, которая не была вовлечена в банковские операции столиц.

Об актуальности этой проблемы свидетельствует полемика на страницах периодических изданий, в которой даже А.П. Шипов, известный предприниматель из дворян, ревностный защитник протекционистских принципов, обосновывал необходимость расширения операций банка через их распространение по территории империи¹.

Одновременно с утверждением императором устава контор Государственного банка 3 января 1862 г. Государственный Совет одобрил проект открытия постоянной конторы в быстро развивавшемся Ростове-на-Дону. Это решение стало первым шагом к увеличению числа учреждений Государственного банка в провинциях.

Провал реформы свободного размена в 1863 г. показал, что успешное развитие операций Государственного банка было возможно при их осуществлении не только в столицах, но и в провинции. Именно с точки зрения развития вкладной операции в Министерстве финансов рассматривался вопрос об эффективном использовании ресурсов провинции, и Е.И. Ламанскому поручили составить очередной проект. Это были Предположения о мерах к увеличению вкладов в Государственном банке, предусматривавшие открытие в губернских центрах отделений Государственного банка упрощенных по форме учреждений, не требовавших особых затрат. Е.И. Ламанский предлагал открыть отделения Государственного банка в 20 городах, разделенных на четыре группы. К первой группе относились шесть губернских центров европейской России – Ярославль, Владимир, Казань, Самара, Саратов и Астрахань. В этих старых русских городах, несмотря на значительные торговые обороты, банковские учреждения отсутствовали (за исключением Приказов общественного призрения, занимавшихся в том числе ипотечным кредитованием дворян).

Министр финансов М.Х. Рейтерн, получивший доклад 10 декабря 1863 г., реализовал проект чрезвычайно быстро. Уже спустя несколько дней он был представлен Александру II, который дал положительную резолюцию. Указ об открытии отделений, подписанный императором 20 декабря 1863 г., предусматривал открытие отделений за счет небольших отчислений из капитала банка на их устройство отпускалось до 4,5 тыс. рублей на каждое. В силу масштабов плана открытие отделений осуществлялось постепенно. Е.И. Ламанский допускал поэтапное преобразование отделений в конторы с развитием операций на основании Устава Государственного банка.

Грандиозный план открытия отделений осуществлялся довольно быстро: 15 июля 1864 г. были открыты отделения в 12 городах – губернских центрах: Астрахани, Казани, Пензе, Воронеже, Владимире, Ярославле, Тамбове, Екатеринославле, Кишиневе, Саратове, Самаре, Рязани². Каждому из них по распоряжению М.Х. Рейтерна на производство операций было отчислено из капитала Государственного банка по 50 тыс. руб. по верхнему пределу установленной нормы³.

В первое десятилетие существования учреждений Государственного банка в провинции не было отмечено единообразия как в их операциях, так и в норме учетно-ссудного процента. С одной стороны, это объяснялось традициями уставов разных контор Коммерческого банка, с другой, спецификой экономики отдельных регионов Российской империи. В соответствии с региональными особенностями состояния денежного рынка банк дифференцировал нормы по кредитным операциям и дисконту в каждом отдельном случае.

В первые годы после открытия отделений результаты их деятельности были еще очень скромными. Деловая жизнь огромной империи концентрировалась преимущественно в столицах, где в обороте находились значительные капиталы. Для депозитного банка, каким первые три десятилетия оставался Государственный банк, важнейшей задачей было пополнение привлеченных средств через вкладную операцию. Д.И. Пихно и А.А. Головачев справедливо замечали, что банк служит своеобразным насосом для перекачки ресурсов из провинции в столицы⁴. Эта тенденция, сформировавшаяся уже во второй половине 1860-х гг., привела к уменьшению удельного веса в общих оборотах вкладной операции в Петербурге и Москве за счет его увеличения в провинции. В то же время на периферии объемы кредитных операций увеличивались медленно и в основном за счет крупных центров торговли, таких как Ростов-на-Дону.

В провинции операции Государственного банка развивались в крупных промышленных и торговых центрах. Некоторые из них имели государственные банковские учреждения еще до основания Государственного банка. Первые места неизменно занимали Одесса внешнеторговый порт, один из центров хлебной торговли и частного банковского дела, Рига крупнейший после Петербурга порт Российской империи на Балтике, Ростов-на-Дону крупный речной порт, интенсивно развивавшийся город, расположенный вблизи сельскохозяйственных районов страны. В кон. 1860-х гг. на конторы Государственного банка в этих городах приходилось порядка 20-25% всех учетных операций.

После открытия в 1868 г. 5 новых отделений Государственного банка темпы создания этих учреждений в провинции заметно снизились. В последующие годы количество вновь открываемых отделений, как правило, колебалось от 1 до 3.

Меры Государственного банка по созданию филиальной сети привели к тому, что к кон. XIX в. в провинции работали уже 96 его постоянных учреждений (данные за 1894 г.). Кроме того, существовали временные отделения в Верхнеудинске, Ирбите, Ростове, Пятигорске, Ялте, Нижнем Новгороде, Ишиме, Мензелинске и Куяндинске, большинство из которых работали как ярмарочные (исключения составили лишь Ялтинское и Пятигорское отделения, открываемые на время лечебного сезона). Временные отделения не только выполняли простейшие банковские операции, но и выдавали ссуды под залог государственных и гарантированных ценных бумаг. Петербург и Москва по-прежнему лидировали по величине денежного оборота, оставляя провинции лишь треть общего объема операций системы Государственного банка. Определенное значение для развития кредитных операций в провинции имел циркуляр от 29 декабря 1883 г., разрешавший конторам и отделениям банка открывать кредиты частным лицам в форме специальных текущих счетов под обеспечение ценными бумагами по усмотрению местных учетных комитетов без испрашивания в каждом отдельном случае утверждения Государственного банка, ограничиваясь только уведомлением сего последнего о последовавшем открытии или увеличении кредита⁵. Однако на практике многие учреждения продолжали представлять решения учетных и ссудных комитетов на утверждение чиновников Центрального управления Государственного банка.

Учетная операция в территориальных учреждениях Государственного банка вводилась постепенно. В ряде отделений Батумском, Елисаветградском, Кокандском, Тобольском, Тюменском, Черниговском и Читинском учет был разрешен только после издания 19 января 1895 г. соответствующего циркуляра⁶. Чуть позже, в июне того же года, учетная операция была введена в Феодосийском отделении. В 1897 г. векселя стали учитывать в Омском, Челябинском, Юзовском и Хабаровском отделениях.

В 1894 г. в Уставе Государственного банка появились статьи про промышленные ссуды. Несмотря на то, что указы и правила по промышленным ссудам и ссудам, предоставляемым учреждениям мелкого кредита, вступали в действие с 1 сентября 1894 г., конторы и отделения не спешили с открытием новых операций, которые многие чиновники, по-видимому, заранее считали убыточными. В циркуляре от 17 ноября 1894 г. сообщалось следующее: до сведения Банка дошло, что некоторые из его учреждений и доселе не приступают к производству операций на основании нового устава, ожидая дополнительных разъяснений со стороны Банка. Вви-

ду этого Государственный банк, еще раз напоминая содержание вышеозначенных циркуляров, предписывает конторам и отделениям производить все разрешенные новым уставом операции на точном основании новых своевременно разосланных при упомянутых циркулярах правил и наказов⁷.

Однако во время проведения денежной реформы 1895-1897 гг. Государственный банк был вынужден свертывать выдачу промышленных ссуд по причине их низкой ликвидности. Согласно циркуляру от 2 января 1895 г. эти кредиты могли предоставляться только отдельным предприятиям, которые признаны будут заслуживающими поддержки⁸.

В условиях начала индустриализации в России ставилась задача расширения филиальной сети Государственного банка (ограниченного формулой один город - одно учреждение Государственного банка). Эту идею активно поддерживал товарищ министра финансов А.Я. Антонович, считавший увеличение числа провинциальных учреждений главного банка империи важным фактором проведения в жизнь программы национального кредита.

Комиссия по пересмотру Устава Государственного банка высказалась за значительное расширение сети его учреждений. К этому мнению присоединился председатель комиссии министр финансов С.Ю. Витте. На сколько отделений должна была быть увеличена сеть учреждений Государственного банка, комиссия конкретно не определила (предполагалось довести их число до 800-900). А.Я. Антонович предлагал превратить уездные казначейства в отделения Государственного банка. Это предложение было Высочайше утверждено 6 июня 1894 г.

Ввиду неразвитости банковской сети в провинции (крупнейшие акционерные коммерческие банки и конторы Государственного банка располагались лишь в нескольких крупных городах империи) предлагалось возложить на агентства проведение простейших банковских операций, но только в тех городах, где не было ни одного банковского учреждения. При этом агентства в процессе их развития в мелких городах предполагалось постепенно преобразовать... в учреждения банка.

Практически одновременно с изданием нового Устава Государственного банка 1894 г. циркуляр от 24 июня закреплял окружную систему учреждений Государственного банка. Формирование округов предусматривалось на основе взаимного тяготения в торговом и экономическом отношениях разных местностей. Новая система должна была способствовать развитию в провинции государственного кредита, в частности, широкому кредитованию мелких фирм.

Всего территорию Российской империи планировалось разделить на пятнадцать округов. В последующие несколько лет их число сократили до двенадцати.

Однако идея широкого распространения государственного кредита с помощью введения окружной системы учреждений Государственного банка не дала ожидаемых результатов. Для осуществления намеченных преобразований нужны были, прежде всего, значительные денежные средства и достаточное количество квалифицированных кадров. В период проведения денежной реформы 1895-1897 гг. о выделении требуемых средств не могло быть и речи. Финансовые затруднения, связанные с последствиями экономического кризиса 1899-1902 гг., Русско-японской войной 1904-1905 гг. и революционными событиями 1905-1907 гг., также не способствовали развитию банковских учреждений в провинции. Учреждения Государственного банка по-прежнему обслуживали преимущественно первоклассную клиентуру банки и крупные российские фирмы. Для увеличения числа государственных банковских учреждений в стране с 1 января 1897 г. ведение банковских операций было возложено на 704 казначейства, занимавшихся до этого преимущественно сбором налогов⁹.

Судя по отчетам Государственного банка, операции казначейств по своему характеру мало отличались от операций учреждений мелкого кредита. За 20 лет работы ни одно из казначейств не было преобразовано в отделение Государственного банка. В целом по стране вместо намеченных 800-900 учреждений Государственного банка в 1913 г. существовало лишь 134.

В это число с 1912 г. входили небольшие агентства, в том числе существовавшие при зернохранилищах, которые очень короткое время фигурировали в отчетах банка как агентства I разряда. Большинство из них создавались для облегчения выдачи ссуд под хлеб.

Помимо расширения филиальной сети, Государственный банк внедрял новые, прежде всего, трастовые и расчетные, операции в уже существующие учреждения своей системы. В 1910 г. в ряде крупных учреждений Киевской и Рижской конторах, Виленском, Воронежском, Иркутском, Саратовском, Тульском и Ярославском отделениях была введена операция управления вкладами на хранение. В том же году были открыты расчетные отделы в Виленском, Екатеринбургском и Феодосийском учреждениях банка.

Таким образом, к началу революционных событий 1917 г. Государственный банк имел богатый опыт работы в провинции и достаточно развитую филиальную сеть.

Примечания:

1. *Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 19 февраля 1861 г. // ПСЗ II. № 36659.*
2. *Мигулин П.П. Русский государственный кредит. Харьков, 1904. Т.1. – С. 234.*
3. *Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 19 февраля 1861 г. // ПСЗ II. № 37665.*
4. *РГИА. Ф.583. Оп.6, Д.37. - Л. 34.*
5. *Мигулин П.П. Выкупные платежи. К вопросу об их понижении. Харьков, 1904. – С. 27.*
6. *Там же. - С. 26.*
7. *Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (выкупная операция 1861-1907 г.). Киев, 1914. - С. 311.*
8. *Там же. - С. 312.*
9. *Казначейства, иначе называемые кассами Министерства финансов, занимались сбором государственных доходов, их хранением, производством платежей, пересылкой денежных сумм из одного казначейства в другое.*

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛУЖАЩИХ ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАЧ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

М.Ю. Бирюков

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается правовое оформление профессиональной группы торговых служащих в Российской империи на рубеже XIX-XX в. Ряд законодательных актов: Устав Торговый, Устав о прямых налогах, Высочайше утвержденные положения 15 ноября 1906 и 12 сентября 1907 гг. устанавливали их права и обязанности, регламентируется рабочий день, что говорит о заметном положении торговых служащих в профессиональной структуре российского общества начала XX в.

Ключевые слова: торговый служащий, приказчики, промысловые свидетельства.

LEGAL STATUS OF SERVING TRADING INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY (ON MATERIALS OF KURSK PROVINCE)

M.Y. Birykov

Belgorod State University

In article legal registration of professional group trading serving in the Russian empire on a boundary XIX – a Number of acts is considered XX century: the Charter Trading, the Charter about direct taxes, high the confirmed positions on November, 15th on September, 1906th and 12, 1907 established their rights and a duty, the working day that speaks about a foreground trading serving in professional structure of the Russian society of the beginning of XX century is regulated

Key words: the trading employee, salesmen, trade certificates.

Продолжая традиции, складывающиеся в новейшей отечественной историографии в изучении процесса трансформации сословий в классы через профессионализацию российского общества¹, вводя при этом в научный оборот архивные документы Государственного архива Белгородской области (далее ГАБО), автор настоящей статьи предпринимает попытку исследовать правовое положение, социальный статус, профессиональную иерархию торговых служащих как неотъемлемой части формирующегося в российской провинции конца XIX-XX в. среднего класса.

Рассматривая правовое положение и регламент деятельности торговых служащих в Российской империи, исследователь в настоящей статье обращается к изданию Свода Законов 1903 г. Среди них главный нормативно-правовой акт это - Устав Торговый, в котором четко определено место приказчиков структуре профессиональной группы торговых служащих²: «Приказчиком называется всякий, кто или управляет торговыми делами своего хозяина, или только исполняет его поручения в течении определенного времени»³. В зависимости от степени самостоятельности при исполнении своих обязанностей приказчики разделялись на 2 класса (разряда). К первому классу принадлежали «главные» приказчики, ко второму - их помощники

и другие торговые служащие⁴. Правовые отношения между приказчиками и их нанимателями строились на основе письменного договора о найме, заключаемого между ними. Договор нотариально составлялся и заверялся в соответствии со статьями Положения о Нотариальной Части, в котором прописывалась вся процедура оформления⁵. В договоре прописывались торговые поручения приказчика, размер жалования, сроки найма на работу, предоставляемое жилье или иные условия содержания. Перед подписанием договора о найме приказчиков обязаны были ознакомить с разделом Торгового Устава о приказчиках⁶.

Договор о найме определял границы юридической ответственности приказчика: по закону назывались или поручением, или доверенностью⁷. Торговый устав устанавливал два вида доверенности на право торга и управление торговыми делами, а именно: частную и общую. Частная доверенность выдавалась приказчику или комиссионеру для выполнения единоразового торгового поручения в целом торговой операции в целом (операции с товарами, заключение соответствующих сделок и т.д.) Общая доверенность предоставлялась приказчику, поверенному или комиссионеру на определенный срок и предоставляла право полного распоряжения торговыми делами доверителя. Доверенность, в которой отсутствовало четкое указание на условия ее действия носила название полной или неограниченной⁸.

Каждая доверенность должна была содержать следующие данные: «1) имя, прозвание и состояние поверенного, приказчика или комиссионера; 2) какое ему делается поручение и какие дозволено заключать условия и производить дела; 3) какое определено ему жалование, содержание, или вознаграждение; 4) срок доверенности, если она общая; 5) обязанность приказчика ежегодно давать хозяину отчет; 6) обязательство хозяина ответственность на основании законов как за долги приказчика, так и за все его действия, с доверенностью согласные»⁹.

Коммерсанты - представители купеческого сословия - имели право оформлять доверенности приказчикам на срок от одного до трех лет. Составление доверенности, как и договора о найме приказчика на работу, требовало строгих рамок, указанных в Положении о Нотариальной части. Доверенность должна была составляться по строго установленной законом форме¹⁰. В случае несоблюдения правил составления доверенности она считалась недействительной¹¹. На приказчиков, работавших по найму и по доверенности, распространялись одинаковые требования к отчетности, хранению, сохранности товаров¹².

Закон предусматривал и соответствующие деловые и личностные качества при отборе кандидатов на должность приказчика. Так, приказчик должен был содержать рабочее помещение в чистоте и порядке, быть почтительным к нанимателю и членам его семьи¹³.

Законодательно процедура взаимоотношений между нанимателем и приказчиком прописана и определена на уровне документооборота. Так, выдача приказчику денежных средств или товара сопровождалась оформлением расписки в их получении. Аналогичная процедура была обязательной и в случае, когда приказчик передавал денежные средства или товар нанимателю¹⁴. Обязательными являлись годовые отчеты приказчика нанимателю в срок в течение месяца после истечения годового срока найма. Нарушение сроков представления отчета без уважительных причин, которыми считались «тяжелая болезнь, отлучка по приказу хозяина из города и отлучка по повелению правительства» могло стать основанием для прекращения договорных отношений. Отсутствие свидетельства о сдаче отчета по-прежнему месту работы приводило к тому, что приказчик не мог наняться на службу к другому хозяину¹⁵. Это свидетельство в определенном смысле являлось рекомендательной характеристикой профессиональной компетентности и благонадежности приказчика, залогом продвижения по карьерной лестнице¹⁶.

Заключив договор о найме или получив доверенность, приказчик обязан был также приобрести в казначействе личное промысловое свидетельство. Нарушение данной нормы закона могло привести к штрафу, который могли наложить на самого приказчика или на его нанимателя. Сделки, заключенные приказчиком, не имеющим личного промыслового свидетельства, считались юридически недействительными. Сумма платежа за личное промысловое свидетельство находилась в зависимости от класса местности, разряда предприятия, в которое нанимался на работу приказчик и устанавливалась в соответствии с Ведомостями окладов основного промыслового налога и на личные промысловые занятия, введенными «Положением о государственном промысловом налоге» 8 июня 1898 г. На юге Курской губернии лишь уездный город Белгород был отнесен к местности III класса, а остальные города и уезды, включая Белгородский уезд к местности IV класса¹⁷.

В соответствии с «Ведомостями окладов основного промыслового налога на личные промысловые занятия» в городе Белгороде - местности III класса налогообложение торговых

служащих выглядело следующим образом. Так, приказчик I класса в белгородской конторе «Общества Зингер» по продаже швейных машин крестьянин Замарицкий Николай Дмитриевич за промысловое свидетельство V разряда платил налог в размере 20 руб.¹⁸ А приказчик II класса мещанка Слатина Марфа Матвеевна, работая в этом же торговом заведении платила за промысловое занятие VII разряда в уездное казначейство налог в размере 4 руб. Приобретение личных промысловых свидетельств для служащих Белгородского общественного банка бухгалтера потомственного почетного гражданина Попов Дмитрия Федоровича и его брата Василия Федоровича, состоящего помощником бухгалтера, стоило им ежегодных расходов по платежам в казначейство в размере 35 и 6 руб. соответственно.

С точки зрения автора книги «Торговые деятели» Г.Ф. Шершеневича¹⁹, опубликованной в 1908 г., к приказчикам в России начала XX в. относили и агентов торговых предприятий, если те занимались исключительно делами данного предприятия, включая так называемых странствующих приказчиков, занимающихся передвижной торговлей и приемом заказов на товары по образцам²⁰.

Торговый Устав Российской империи выделял как в отдельную категорию - торговых учеников²¹. Наличие их объяснялось тем, что работа в торговом заведении требовала приобретения профессиональных умений и навыков в процессе практической деятельности. Закон определял торговых учеников - «как детей купцов или других лиц, отдаваемых родителями или родственниками в конторы и лавки для изучения торговли и бухгалтерии». Исполняя те или иные обязанности в торговом заведении ученики - младшие торговые служащие, имели реальный шанс научиться будущей профессии. Торговые ученики за исполнение своих обязанностей не получали вознаграждение, работая годами бесплатно. Несовершеннолетним ученикам в соответствии законом предоставлялось право распоряжаться товаром на сумму не более 30 руб.²²

Помимо приказчиков, к торговым служащим, относились те категории служащих в торговом заведении, которые с покупателями в непосредственный контакт не вступали. Это - бухгалтера, кассиры конторщики, а также лица, которым вменялось в обязанность наблюдение за внутренним порядком торгового заведения - надсмотрщики в больших магазинах (inspecteurs), корреспонденты как категория торговых служащих и др. В обязанности этих торговых служащих относили: во-первых, точное выполнение возложенной на них работы; во-вторых, воздержание от посторонних занятий, которые им воспрещалось брать на себя без согласия хозяина; в-третьих, возмещение ущерба, причиненного хозяину умышленно или по небрежности; в-четвертых, почтительность к хозяину и его семье, несоблюдение которой дает право хозяину требовать расторжения договора²³.

В нач. XX в. начался и усилился процесс консолидации торговых служащих. 14 июля 1901 г. 11 торговых служащих хутора Александровский Лесковской волости Корочанского уезда обратились к губернатору Курской губернии с прошением об учреждении на ст. Прохоровка новых правил торговли в выходные и праздничные дни²⁴.

15 ноября 1906 г. было введено в действие положение Совета Министров «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах»²⁵, согласно которому для служащих в торгово-промышленной сфере устанавливался 12-ти часовой рабочий день. Законодательно закреплялось право местных властей - общественных городских и земских учреждений, губернаторов и начальников областей на увеличение рабочего дня торговых служащих до 14 часов на срок не более 40 дней. Это правило распространялось на торговые заведения на всей территории Российской Империи, за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Царства Польского²⁶.

Разрешение на привлечение торговых служащих к сверхурочной работе, а также в воскресные и праздничные дни, разрешалось в тех случаях, когда речь шла о сохранении товаров, при возникновении несчастных случаев торговых помещений, при торговле скоропортящимися товарами. В остальных случаях наниматель мог задерживать служащего только с согласия последнего и при условии оплаты сверхурочной работы. Для служащих торговых заведений, складов, контор и трактиров, работающих более 8-ми часов в день, устанавливался обеденный перерыв не менее 2-х часов. В остальных случаях обеденный перерыв должен быть не менее получаса. В местностях с преобладанием православного населения Положением 1906 г. вводился запрет на работу торговых служащих в воскресные дни, в главные христианские праздники, а также в связи с особыми распоряжениями. На остальной территории империи выходные дни для служащих определялись в соответствии с верованиями и традициями населения. Данное правило не распространялось на ярмарки длительностью не более 3-х дней; на

благотворительные базары, торговлю на выставках; на развозную и разносную торговлю печатной продукцией, продовольствием, табаком и другими курительными принадлежностями. Работа торговых служащих в конторах, складах при оптовых заведениях; торговля в сельской местности всеми видами товаров, а в городах продовольственными товарами, курительными принадлежностями, торговля из мелочных лавок кормом для скота и в разнос допускалась в воскресные и праздничные дни продолжительностью не более 5-ти часов. Запрещалась всякая торговая деятельность в главные праздники – Пасху, Рождество и день Святой Троицы. По закону владельцы торговых заведений были обязаны освобождать на 3 часа ежедневно в будние дни служащих, не достигших 17-ти летнего возраста, для посещения ими школы. При рабочем дне менее 8-ми часов, наниматель мог не предоставлять 3-х часовой перерыв для посещения школы и занятия в школе посещать стоило в свободное от работы время. Нанимателю предоставлялось право контроля за посещаемостью школы учениками - служащими²⁷.

Согласно Положению 1906 г. разработка местных постановлений, касающихся регулирования продолжительности рабочего времени торговых служащих, должны быть сформированы смешанные комиссии, состоящие из равного числа представителей от органов управления, избираемых городскими или губернскими земскими собраниями и также предпринимателей, избранных биржевыми комитетами или купеческими обществами; представителей торговых служащих, избранных объединениями купеческих приказчиков. При отсутствии на местах профессиональных объединений представителей последних двух групп избирали на собрании предпринимателей и торговых служащих. Для разработки и введения постановления, о торговле в сельской местности, создание специальных комиссий было необязательным. Надзор за исполнением постановлений осуществляли земские и городские управы и участковые попечители, избираемые земскими собраниями и городскими думами, и на полицию. Нарушения законодательства рассматривались в мировом суде, земскими участковыми начальниками окружных судов. Заведующие торговыми заведениями при несоблюдении постановления, касающегося регламентации рабочего дня несовершеннолетних и женщин, за нарушение закона о продолжительности рабочего дня женщин и подростков, подлежали аресту на срок не более одного месяца или уплате штрафа на сумму не более 100 руб. Такому же денежному штрафу подвергали заведующих торговыми предприятиями при несоблюдении ими пунктов постановления, о предоставлении несовершеннолетним права посещения школы²⁸.

Введение Положения Совета министров «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» 1906 г. встретило протест со стороны владельцев торговых заведений. Так, 24 августа 1907 г. Комиссия Курского отделения Союза Русского народа, обсуждая Высочайше утвержденное Положение 15 ноября 1906 г., ходатайствовало о пересмотре пункта закона о разрешении некоторых видов торговли в выходные и праздничные дни не более 5-ти часов (с 9 до 14 часов) в интересах «владельцев и населения»²⁹.

С учетом поправок к закону 12 сентября 1907 г. было Высочайше утверждено Положение Совета министров «Об изменении статей 5, 6 и 9 Высочайше утвержденного 15 ноября 1906 г. Положения «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах»³⁰. В частности в ст.9 п.5 внесли изменения, разрешающие производство всякого рода, или отдельных видов торговли и занятий служащих в воскресные и праздничные дни, с тем чтобы таковые занятия и торговля не могли продолжаться более 5-ти часов в сутки»³¹.

На практике в торговой сфере Положения 1906 и 1907 гг. соблюдались не всегда. Особенно в части соответствия рабочего времени торговых служащих в выходные и праздничные дни с нормами, установленными законом. Так, 14 апреля 1912 г. курский губернатор передал для рассмотрения губернской земской управы прошение служащих торгово-промышленных заведений с. Глушково Рыльского уезда, которые сообщали о том, что рабочий день служащих достигал 17-ти часов в сутки, что делало невозможным нормальный отдых служащих и лишало их возможности заниматься семейными и домашними делами. Просьба заключалась в рассмотрении жалоб служащих и введении на уровне губернского постановления временных рамок рабочего дня: в будни дни 12-ти часового рабочего дня, в воскресные - 7-ми часового, в праздничные - 2-х часового. После согласования с Рыльской уездной земской управой губернская управа вынесла следующее решение: «Согласовываясь с принятым 17 июля постановлением, удовлетворить просьбы служащих с. Глушково относительно ограничения рабочего времени в выходные и праздничные дни». Ссылаясь на то же постановление, губернская управа вынесла реше-

ние о невозможности удовлетворения просьбы торгово-промышленных служащих, об ограничении рабочего времени в будни дни 12-ю часами³².

Подобная проблема рассматривалась губернской управой в 1912 г. по ходатайству Корочанского земства об издании обязательных постановлений о порядке взвешивания скупщиками зернового хлеба в Корочанском уезде³³.

В нач. XX в. на законодательном уровне закрепляется правовое положение торговых служащих, устанавливаются их права и обязанности, регламентируется рабочий день, что говорит о заметном положении торговых служащих в профессиональной структуре российского общества нач. XX в.

Примечания:

1. Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII - начало XX вв.)*. Барнаул, 1995; Галиева Р.Д. О месте торговых служащих в социальной структуре капиталистического общества в конце XIX – начале XX в. // *Актуальные вопросы истории Сибири. II-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина 6-7 октября 1999 г.* Барнаул, 2000; Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // *Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд*. М., 2000; Иванова Н.А., Желтова В.П. *Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в.* М., 2004; Пак М.Ё. *Служащие московских промышленных предприятий в конце XIX – начале XX веков // Отечественная история*. 2006. №2 и др.

2. *Устав торговый // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1912. – С. 965-1118.*

3. *Там же. – Ст. 3.*

4. *Там же. – Ст. 4.*

5. *Положение о Нотариальной части // Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. СПб., 1912. – С. 325-367.*

6. *Устав торговый. – Ст. 5, 6, 9.*

7. *Там же. – Ст. 32, 34, 35, 36, 37, 38.*

8. *Там же. – Ст. 32, 34, 35, 36, 37, 38, 42, 43.*

9. *Там же. – Ст. 39.*

10. *Положение о Нотариальной части. – С. 325-367.*

11. *Устав торговый. – Ст. 44.*

12. *Там же. – Ст. 46.*

13. *Там же. – Ст. 11, 13.*

14. *Там же. – Ст. 14.*

15. *Там же. – Ст. 22, 24, 25, 28.*

16. *Шершеневич Г.Ф. Торговые деятели. Т. I. Изд. четвертое. СПб. 1908.*

17. *Устав о прямых налогах // Свод законов Российской империи. Т. V. СПб., 1912. – С. 2-152.*

18. *ГАБО. Ф. 28. Оп. 66. Д. 11.*

19. *Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.*

20. *Устав торговый. – Ст. 8.*

21. *Там же. – Ст. 31.*

22. *Там же. – Ст. 32.*

23. *Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.*

24. *Журнал заседаний XXVII очередного Корочанского уездного земского собрания 1901 г. Курск, 1902. – С. 179.*

25. *Высочайшее утвержденное 15 ноября 1906 г. положение Совета Министров «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах». Неофициальное приложение // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1912. – С. 1103-1106.*

26. *Там же. – Ст. 1, 2.*

27. *Там же. – Ст. 3-8.*

28. *Там же. – Ст. 9-13.*

29. *Журналы XLIII очередного Курского губернского земского собрания за 1907 г. и экстренного 14 марта 1908 г. Курск, 1908. – С. 458.*

30. *Высочайшее утвержденное 12 сентября 1907 г. положение Совета Министров «Об изменении статей 5, 6 и 9 Высочайшее утвержденное 15 ноября 1906 г. Положения «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах». Неофициальное приложение // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1912. – С. 1106.*

31. *Там же. – Ст. 1-3.*

32. *Доклады Курской губернской земской управы 48 очередному губернскому земскому собранию 9 декабря 1912 г. По экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Курск, 1912. – С. 38-39.*

33. *Там же. – С. 50-51.*

**САХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ 1900 Г. В ПАРИЖЕ**

Н.Ю. Волошина

Санкт-Петербургский Институт Истории Российской Академии Наук

В статье рассматривается участие российской сахарной промышленности в деятельности Всемирной выставки, проходившей в 1900 г. в столице Франции. На выставке сахарную промышленность представляли крупные сахарозаводчики: Терещенко, Харитоненко, Бродские, Боткины и другие. К кон. XIX в. в России свекло-сахарное производство являлось одним из самых прибыльных. Оно достигло значительных успехов как в масштабах производства, так и в технической оснащённости заводов. Район торгового свеклосахарного производства включал Курскую, Харьковскую, Черниговскую, Киевскую, Подольскую, Волынскую губернии. Сахарные заводы, расположенные в этих губерниях экспонировали свои достижения в павильонах всемирной выставки, с одной стороны привлекая внимание обычных посетителей, а с другой специалистов – сахароваров со всего мира. Семьи Боткиных и Бродских являлись владельцами передовых сахарных заводов Белгородского края. На Всемирной выставке они были удостоены высоких наград и дипломов.

Ключевые слова: сахарная промышленность Российской империи, сахарозаводчики, сахарные магнаты, торговое свеклосахарное производство, Всемирная выставка в Париже.

**SUGAR INDUSTRY OF RUSSIAN EMPIRE AT THE WORLD
EXHIBITION IN PARIS IN 1900**

N.Y.Voloshina

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

The article is devoted to the participation of Russian sugar industry in the World Exhibition which was taken place in Paris in 1900. At the exhibition sugar manufacture was represented by the great manufacturers such as Teretshenko, Kharitonenko, Brodskie, Botkin and others. By the end of the XIX century sugar-beet manufacturing was one of the most profitable industries in Russia. It achieved a great success both in the production of sugar and in technical equipment of sugar-beet refineries. The industrial area of sugar-beet manufacturing included Kurskaya, Kharkovskaya, Chernigovskaya, Kievskaya, Podolskaya, Volynskaya provinces. The sugar refineries which were located in these provinces demonstrated their achievements in the halls of the World Exhibition, on one side, attracted the attention of visitors to their production, on the other side - the experts in sugar-refining from all over the world. The Botkin and Brodsky families were the owners of the advanced sugar refineries in the Belgorod region. They were awarded with high prizes and diplomas of the World Exhibition.

Key words: sugar industry of the Russian Empire, sugar manufactures, sugar magnates, trading sugar-beet manufacture, the World Exhibition in Paris.

В апреле 1900 г. столица Франции - Париж стал центром, куда прибыли продемонстрировать свои достижения в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и искусства представители различных стран мира.

Первая Всемирная выставка состоялась в Лондоне 1857 г. Её девиз: «Пусть все народы работают совместно над великим делом - совершенствованием человечества» стал девизом всех последующих мировых выставок¹. Выставки устраивались в Дрездене, Берлине, Вене, Лондоне, Филадельфии, Чикаго, но чаще всего в Париже. Всемирная выставка 1900 г. в Париже представляла особый интерес для посетителей. Посл. четв. XIX в. ознаменовалась крупными техническими открытиями. Впервые 35 государств устроили свои национальные павильоны, в которых показали всё то, что характеризовало и отличало представленную страну от других стран.

Выставка на рубеже веков подводила итоги XIX в. и показывала всё новое, что возникло в мире к тому времени. Россия являлась традиционным участником международных выставок. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. Россией было представлено более 2,5 тыс. экспонатов в 15 отделах. Один из французских наблюдателей отмечал, что «никогда промышленная Россия не являлась в таком блистательном виде на европейской выставке»².

Россия на выставке представила изобретения русских инженеров, учёных в области электротехники, металлургии, химии, горнозаводского дела.

Особый интерес для посетителей имели павильоны, посвящённые сахарной промышленности.

На выставке сахарную промышленность представляли крупные сахарозаводчики: Терещенко, Харитоненко, Бродские, Боткины и другие. В кон. XIX в. в статье Я.Сляского в газете

«Вестник сахарной промышленности» читаем : «Сахар ныне стал рыночным товаром, по устойчивости торговых качеств близко подходящим к драгоценным металлам...»³.

К кон. XIX в. свеклосахарное производство являлось одним из самых прибыльных в России. Оно достигло значительных успехов как в масштабах производства, так и в технической оснащённости сахарных заводов⁴. Район торгового свеклосахарного производства включал Курскую, Харьковскую, Черниговскую, Киевскую, Подольскую, Волынскую губернии. Лидером в производстве и переработке сахарной свёклы были Юго-Западные губернии страны, Правобережная Украина. Из европейских губерний лидером в производстве и переработке свёклы была Курская губерния⁵. Сахарные заводы, расположенные в этих губерниях экспонировали свои достижения в павильонах всемирной выставки, с одной стороны привлекая внимание обычных посетителей, а с другой специалистов - сахароваров со всего мира. Один из русских посетителей выставки вспоминал: «В полных вкуса и богатых павильонах были наглядно изображены способы переработки свеклы на сахар, показана коллекция разных видов сахара, поступающего в торговлю. Особый интерес для сахарозаводчиков из разных стран мира представляли модели механического оборудования сахарных заводов, коллекции чертежей машин и механизмов, приборы для химического и технического контроля сахарного производства»⁶. Экспозиции знакомили каждого посетителя выставки со способом производства сахара из сахарной свёклы. Для специалистов - сахароваров большой интерес представляли новейшие технологии в сахарной промышленности. Семьи Боткиных и Бродских являлись владельцами передовых сахарных заводов Белгородского края⁷.

На Всемирной выставке сахарная промышленность России была представлена в павильонах такими известными сахарными магнатами как И.Г. Харитоненко, братья Лазарь и Лев Израилевичи Бродские, Н.А. Терещенко, Сергей и Михаил Петровичи Боткины, Е.А. Балашов, Г.Г. Болоховский. Самая Большая экспозиция была у Торгового Дома И.Г. Харитоненко. Она демонстрировала не только конечный продукт производства - сахар I и сахар II способов кристаллизации, сахар - рафинад, а также множество альбомов с фотографиями сахарных заводов, машин и механизмов предприятий, хозяйственных и вспомогательных построек⁸.

Особое внимание на выставке заслужила экспозиция братьев Бродских, оформленная красивыми высокими в русском стиле башнями, она привлекала внимание к своим экспонатам. В шкафах со стеклянными стенками в вазах и стаканчиках была расположена сахарная продукция заводов семьи Бродских. Всего в России на нач. XX в. Бродские владели 16 сахарными предприятиями. В Белгородском уезде Курской губернии семье Бродских принадлежал контрольный пакет акций Воскресеновского завода графа Гендрикова⁹. Этот сахарный завод являлся по техническим характеристикам и объёму производимой продукции одним из передовых в Белгородском уезде. Рафинадные заводы Бродских выставляли пробы подлежащего переработке кристаллического песка, сиропа, утфелей, рафинада разной величины разломанного и колотого. Все выставленные на выставке предметы были снабжены указаниями химического анализа. Кроме большой коллекции фотографий, рассказывающей о деятельности заводов, в павильоне была представлена брошюра о 16 заводах семьи Бродских и их промышленных достижениях¹⁰.

В экспозиции большой интерес вызвала выставка достижений Новотаволжанского свеклосахарного завода семьи Боткиных в Белгородском уезде Курской губернии. Это предприятие добилось значительных успехов. Оно неоднократно участвовало и становилось победителем Всероссийских и Всемирных выставок за высокие достижения в организации производства.

Новотаволжанское имение братьев Боткиных и Воскресеновское хозяйство в Белгородском уезде представляли собой передовые, многоотраслевые хозяйства, которые обеспечивали сахарные заводы необходимым сырьём. Эти капиталистические хозяйства замкнутого цикла были передовыми не только в Белгородском уезде, но и в Чернозёмном регионе¹¹.

Участие представителей этих передовых хозяйств - владельцев сахарных заводов во Всемирной выставке говорит о том, что организация производства и переработки сахарной свёклы в Белгородском крае было поставлено в кон. XIX в. на высоком технологическом и промышленном уровне. Показатели производства на сахарных заводах Белгородского уезда в кон. XIX в. превышало 200 тысяч пудов сахара в год. Для достижения таких высоких результатов в имениях существовали сеть опытных полей, где выращивали отборные сорта семян сахарной свёклы, что обеспечивало высокие урожаи и отсутствие дефицита сырья для сахарных заводов¹².

В указанных хозяйствах владельцы предприятий заботливо относились к рабочим и членам их семей. Для рабочих были созданы прекрасные условия проживания, питания в заводской столовой. В Новотаволжанке был построен для рабочих кинотеатр, где можно было провести свободное время. А в Воскресеновке для рабочих была устроена больница, а их маленьких детей ясли-сад¹³.

Предприятия сахарной промышленности Белгородского края показали свои достижения на всемирной выставке в Париже 1900 г. как наиболее передовые и образцовые для своего времени.

Сахарная промышленность Российской империи на Всемирной выставке была представлена наряду с предприятиями украинских губерний наиболее развитыми сахарными заводами чернозёмного региона. Лидером среди губерний Европейской части России несомненно были сахарные заводы Белгородских уездов Курской губернии.

По итогам выставки французская газета *Liberte* написала: «Мы находимся еще под влиянием чувства удивления и восхищения, испытанного нами при посещении русского отдела. В течение немногих лет русская промышленность и торговля приняли такое развитие, которое поражает всех тех, кто имеет возможность составить себе понятие о пути, пройденном в столь короткий срок. Развитие это до такой степени крупное, что наводит на множество размышлений».

Примечания:

1. *Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 г.* СПб., 1900.
2. *Сто видов Парижской выставки 1900 года.* СПб., 1900.
3. *Вестник сахарной промышленности.* СПб., 1900. №14.
4. *Тройно. Ф.П. Очерк социально-экономического развития Белгородчины (кон. XVIII в. – 1917 г.).* Белгород, 1993.
5. *Сборник сахарных заводов Российской империи. Сост. Терлецкий Г.В. Киев. 1896.*
6. *Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 г.* СПб. 1900.
7. *Ежегодник по сахарной промышленности Российской империи. Вып.1-3. 1897-1900. Сост. Толпыгин М.А. Киев, 1899-1901.*
8. *Вестник сахарной промышленности.* СПб., 1900. №14.
9. *ГАБО. Фонды Воскресеновского и Новотаволжанского сахарных заводов Белгородского уезда Курской губернии.*
10. *Сборник сахарных заводов Российской империи. Сост. Терлецкий Г.В. Киев, 1896.*
11. *Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России конца XIX - начала XX в.* М., 1969.
12. *Вестник сахарной промышленности.* СПб., 1900. №14.
13. *ГАБО. Фонды Воскресеновского и Новотаволжанского сахарных заводов Белгородского уезда Курской губернии.*

СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ КРЕСТЬЯН В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1906-1917 ГГ.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

В.И. Тетерин

Пермский государственный университет

В статье анализируется столыпинская аграрная реформа в 1906-1917 гг. в Пермской Губернии. Главным аспектом рассмотрения является непосредственно крестьянское отношение крестьян к землеустройству через призму следственных дел. Данные материалы не введены в широкий научный оборот, но имеют огромное значение для изучения землеустройства.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, землеустройство, следственные материалы, крестьянство.

INVESTIGATING MATERIALS OF PEASANT'S LAND MANAGEMENT IN PERM PROVINCE (1906-1917) AS A HISTORICAL SOURCE.

V.I. Teterin

Perm State University

The article analyzes Stolypin's agrarian reform of 1906-1917 in Perm province. The main considered aspect is the attitude of peasants to the land management, which can be seen through investigation cases. This cases are not widely used by the scientists, but they are of great importance for land management researches.

Key words: Stolypin's agrarian reform, land management, investigation cases, peasantry.

Одной из самых актуальных проблем на современном этапе является землеустройство, и в связи с этим обращение к столыпинской аграрной реформе 1906-1917 гг. Землеустройство всегда было и остаётся краеугольным камнем сельского хозяйства. Земля, являясь неоднородной по качеству плодородия и ландшафту, часто приводила к столкновениям внутри общества. В каждой стране земельный вопрос ставился и решался по-своему, но без его разрешения не смогло обойтись ещё ни одно общество и государство. Для России этот вопрос всегда являлся одним из ключевых. До сих пор наша страна, являясь крупнейшей по площади в мире, ищет для себя наиболее эффективный способ распределения земли. Под землеустройством в начале XX в., понималось законодательно оформленное добровольное расселение крестьянских дворов на округлённые хуторские участки с последующим комплексным типом ведения сельского хозяйства. Столыпинское землеустроительное законодательство явилось результатом подробного изучения землеустроительных техник различных европейских государств.

Основным источником для анализа отношения населения к столыпинскому землеустройству в Пермской губернии являются следственные материалы из фонда №65 «Канцелярия Пермского Губернатора» Государственного Архива Пермского Края (ГАПК).

Следственные дела, представленные в данном исследовании, были отобраны по специальным критериям. Во-первых, выборка исследования ограничена хронологическими рамками 1906-1917 гг. Во-вторых, все представленные следственные дела имеют в заглавии ключевые слова, связанные с землеустройством. Многие из них имеют архивный штамп «особо ценные», что определяет значимость землеустройства. Все рапорты уездных исправников составлялись на имя губернаторов. В документах присутствуют постановления самих Пермских губернаторов А.В. Болотова, В.А. Лопухина, И.Ф. Кошко. В них указывалась особая необходимость принятия мер по каждому конкретному случаю во избежание возможных будущих волнений. Например, в деле «о привлечении к дознанию крестьянина Шадринского уезда Чирухина за агитацию среди крестьян против выхода из общины по закону 9 ноября 1906 года»¹ читаем такую фразу губернатора: «Вызвать уполномоченного Уксянского общества Фёдора Павлова Чирухина и внушить ему всю преступность распускаемых им ложных слухов по поводу закона 9 ноября 1906 года, что имело место 20 минувшего марта предупредить его, что в случае повторения с его стороны чего-либо подобного мною будет на него строгое взыскание»².

Следует отметить, что все проанализированные следственные дела по данной теме оказались не столь многочисленными, как этого можно было бы ожидать. Выявлено всего тридцать две единицы. При этом в Пермской губернии в нач. XX в. числилось 700 000 крестьянских дворов. Данный факт свидетельствует о чрезвычайно низком проценте (0,0046%) недовольных землеустроительной реформой в Пермской губернии, т.е. практически полном принятии землеустройства.

Среди наиболее важных причин проведения следственных мероприятий по делам против землеустроительного законодательства нач. XX в. следует выделить агитацию крестьян против выхода из общины³.

При анализе следственных материалов вырисовывается следующая картина. Как правило, речь идёт о крестьянах, различных волостей и уездов Пермской губернии; нередко участниками расследований являются сельские работники посессионных заводов. Все преимущественно русские. В документах встречаются упоминания о высланных на Урал крестьянах из южных губерний, уже привлекавшихся к ответственности за аграрные беспорядки. Так, например, в 1913 г. было заведено дело «о том, что в пределах Оханского уезда Екатерининской волости Быковском обществе в ночь на 11 сентября у десяти домохозяев на полях совершены поджоги кладей хлеба и зародов сена на сумму до 1200 руб.»⁴. Через опрос жителей деревень Быковой, Ефимовой, Булановой и др., были получены категорические заявления, что поджоги совершены бывшими их однообщественниками Василием Дорофеевым Быковым и Иваном Авакумовым Петуховым, а по показанию некоторых, ещё третьим неизвестным, которого видали с ним. Третий неизвестный оказался «крестьянином Харьковской губернии, Сунского уезда, Куяновской волости, дер. Ново-Петровки, Иваном Кирилловым Шведченко 35 лет, без всякого вида на жительство, который объяснил, что он ранее служил на железной дороге, но в 1908 г. за аграрные беспорядки был выслан в Глазовский уезд, Гординскую волость [Вятской Губернии]»⁵. Поджоги были ими учинены из мести за высылку из общества и за отказ от принятия их обратно. «При чём стоги сена и клади хлеба были подожжены только те, хозяева которых особенно стояли за высылку из общества Быкова и Петухова и за отклонение ходатайства последних о принятии их обратно»⁶. Высланы они были за «порочное поведение». В качестве меры наказания Губернатор постановил «выслать Быкова и Петухова в административном порядке в Туруханский край»⁷. Ходатайство по высылке Шведченко было передано Вятскому губернатору. В ходе следствия выяснилось, что эти трое не имеют отношения к поджогам. Виновной оказалась племянница Быкова, Екатерина Фёдоровна Вожакова: она «после долгого и упорного запирательства созналась Приставу в учинённых ей поджогах 11 и 15 сентября, объяснив, что поджоги она совершала одна и лично от себя; зажигала спичками, которые носит постоянно при себе, так как курит табак, а для поджога каретника Ивана Яковлева Быкова купила за 3 коп. $\frac{1}{2}$ фунта керосину в торговой лавке села Серафимовского, коим облила уголь каретника, зажгла и сама убежала дальше поджигать клади и зароды за дер. Быкову. Бутылку из под керосину, которая хранилась у неё в котомке, она представила Приставу. Причиной, побудившей Вожакову совершать поджоги, она объяснила мстью, за то что все без исключения жители Быковского общества жестоко обращаются с ней и надсмехаются над ней. Помимо означенных поджогов Вожакова созналась, что весной текущего года она совершила ещё в одну ночь два поджога зародов сена - родного брата своего Антипа Фёдорова Вожакова и старшего приказчика картонной фабрики Шишкова - Петрова Давыдова Михердова. Первого за то, что когда она поджигала умышленно свою избу и сбежавшиеся братья и отец затушили пожар, то брат Антип нанёс ей побои, а второго за то, что тот прогнал её с работы на фабрике и не рассчитал за половину дня»⁸. Как видим, в материалах следствия и речи нет о противодействии землеустройству.

Некоторые следственные материалы отражают отношение к землеустройству не только крестьян, но и земских служащих. В деле 1909 г. «о привлечении к дознанию фельдшера Екатеринбургского уезда Воробьёва за агитацию среди крестьян против выхода из общины по закону 9 ноября 1906 года»⁹ выясняется: на своих именинах фельдшер Воробьёв, будучи пьяным, сказал земскому начальнику: «Ну, его к чёрту, пойдёмте выпить» и добавил об указе 9 ноября 1906 г.: «Какой это закон, кто его издал. Он никуда не годится. В Думе он не прошёл»¹⁰. В результате разбирательства, за ходом которого внимательно следил Пермский Губернатор А.В. Болотов, было «препровождено Прокурору Екатеринбургского Окружного Суда»¹¹. Подобного рода пример на фоне отобранных дел единичен, но тем более показателен. Даже на такого рода случаи обращалось не менее пристальное внимание, чем на крестьянские волнения. Также интересен тот факт, что даже сельский фельдшер был осведомлён о том, что происходит в Государственной Думе.

Из всех отобранных дел встречается лишь единственный случай, когда по делу проходило значительное число крестьян – 24. В 1908 году было заведено дело о том, что «крестьяне деревни Шмаковой, Стриганской волости, Ирбитского уезда, в числе 48 чел. подали волостному старшине заявления по делу о выходе из общины по закону 9 ноября 1906 года, и из них по неизвестной причине отказались 24 чел.»¹². В ходе расследования выяснилось, что «21 июня у

них в деревне был собран сход, причем на выход в собственники изъявило желание 48 человек. Стриганской же волости Старшина Гашков стал крестьян расстраивать и говорить им, что закон 9 ноября 1906 года издан не для крестьян, а только для одних помещиков, и что нужно уничтожать помещиков, а они сами выходят в помещики. Смотря на Старшину, стали говорить крестьяне тоже. После всего этого, прочие крестьяне, не изъявившие желание на выход в собственники, стали делать различные угрозы, [угрожать] поджогом и т.п.»¹³. В секретном рапорте Красноуфимского уездного исправника Пермскому губернатору указан приговор этого схода, состоявшем из 10 пунктов довольно смелого содержания: 4-7 пункты касались местных должностных перестановок, которые не были согласованы с Земским Начальником. Первые три пункта содержали вопросы о земле и полевых и лесных угодиях: «1. вопрос о земле, впредь до окончания совещания в Государственной Думе о земле, по Каштымскому заводу, оставить открытым; 2. всеми полевыми угодьями и лесом пользоваться на прежних основаниях и от взятия на это разрешительных билетов отказаться; 3. лес сплавлять заводом для продажи в другие места, кроме местного завода, впредь до окончания земельного вопроса в Думе, - приостановить»¹⁴. Эти вопросы были также решены в обход начальства. Официально сход созывался для обсуждения только одного вопроса - о нарезке земли. Но староста Гашков не закрыл его по окончании, а «а стал продолжать разрешение разных других вопросов, на рассмотрение которых не было испрошено у подлежащего начальства предварительного разрешения; при чем сход велся без соблюдения должного порядка»¹⁵. Поэтому Земским Начальником сход был признан незаконным. Пермский Губернатор постановил по этому делу: «подвергнуть Гашкова и других административному взысканию в виде ареста при земском арестном доме сроком на полтора месяца каждого»¹⁶.

Документы отличает общая структура следствия: отношение Губернатора, рапорты, протоколы дознания, постановление Губернатора. В связи с этим интересно дело по обвинению крестьянина Зверева в агитации против землеустроительной реформы¹⁷.

Начало этому делу положил рапорт и.д. Земского Начальника 6 участка Верхотурского уезда. Рапорт представляет собой большую ценность, так как основан не на передаче всякого рода слухов и сплетен, а на реальных фактах и личном наблюдении противоправных действий крестьянина Зверева, который обвиняется в агитационной деятельности против закона 29 мая 1911 г. Так, указано, что Зверев, разъезжая по деревням, усиленно распространяет среди населения слухи, что законы последних лет и, в частности, законы о землеустройстве являются не действительными и измышлениями «врагов» русского мужика¹⁸. Кроме того, указывается, что Зверев уже был судим по подобному делу и «в 1895 или 1896 году был выслан в административном порядке в Тобольскую губернию на два года»¹⁹.

Протоколы допросов и письменные показания свидетелей. содержат важные сведения, в том числе биографические, об обвиняемом. Так, в рапорте, поданном в департамент полиции, читаем: «Зверев, будучи человеком малограмотным, занимается подпольной адвокатурой, втягивает крестьян в разные бессмысленные процессы исключительно с целью собственной наживы»²⁰. Также в протоколах допросов отражено его личное отношение к административным служащим и закону: «Кр. Мартемьян Зверев действительно агитирует против землеустроительного закона 29 мая 1911 года, выражался неприличными словами говоря, что на законы может «плевать». Старается убедить местное население в том, что правительственные чиновники в лице Земского Начальника, Непременного члена и Землемеров обманывают народ и поэтому им не следует верить»²¹. На сходе он оскорблял присутствующих должностных лиц и чиновников: «я считаю за грех разговаривать с вами» (непременным членом и Земским Начальником)²². При этом характерно, что свидетели сообщали лишь те сведения, которые уже были известны следствию.

По материалам следствия было сделано заключение Пермского Губернатора И.Ф. Кошко, в результате которого Звереву был вынесен приговор: «Мартемьяну Сергееву Звереву коего, на основании пун.4 ст.16 Положения об усиленной охране, воспрещено дальнейшее пребывание в пределах Пермской губернии, состоящей в исключительном положении, в виду его серьёзного направления, выразившегося в агитации своих односельчан против нового закона»²³.

Важное значение имеет следующая группа источников – материалы о судьбе осуждённого Зверева. После его ссылки на имя губернатора было подано несколько прошений: от сына²⁴, односельчан²⁵, жены²⁶, и наконец, самого Зверева²⁷. На пересмотр дела повлияло прошение жены Зверева на имя жены губернатора М.С. Кошко²⁸. Общий смысл их всех сводится к тому,

что Зверев раскаялся в своих преступлениях, его участь горька, а его семья терпит нужду и лишения, поэтому его нужно простить. Так, жена Зверева пишет: «мужняя жена, убитая горем, осмелилась припасть к ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ и покорнейше просить, умолите возлюбленного Вашего Супруга смягчить разгневанное сердце», «ныне по случаю высылки мужа домашность наша пойдёт ущербом, а дети распадутся к правильной пути и жизнь моя будет печальною. Сжальтесь, дорогая наша Мария Степановна, на мою горе-горькую участь. Защитите меня»²⁹.

В результате дело Зверева было пересмотрено. Был вынесен новый приговор: «Мартемьян Сергеев Зверев, коему, на основании п.4 ст.16 Положения об усиленной охране, было воспрещено жительство в Пермской губернии, ныне, ввиду снятия в Пермской губернии положения об охране, может возвратиться на родину»³⁰. По сообщению Земского Начальника, Зверев после возвращения вновь «агитационную деятельность против землеустройства – закона 29 мая 1911 г.»³¹.

В целом следует особо выделить административный характер всех взыскательных мер со стороны властей по отношению к незаконным действиям крестьянства. В некоторых делах прямо говорится об отсутствии каких-либо компрометирующих сведений касательно подследственного, вследствие чего предлагается подвергнуть его «административному взысканию в силу обязательных постановлений»³². Такое внимательное и аккуратное отношение делопроизводства свидетельствует о заинтересованности администрации в сохранении правопорядка на территории губернии наряду с исполнением землеустроительного законодательства. Большинство дел заведено ещё до 1911 г., то есть до момента введения землеустройства. За время Первой Мировой Войны, с 1914 по 1917 гг., в фонде следственных материалов нет. Вместе с тем, малое количество следственных дел, а также небольшое число обвиняемых, свидетельствует о положительном отношении крестьянства к проводимой землеустроительной реформе, о практически полном её принятии в Пермской губернии. Выявленные случаи сопротивления были связаны, как правило, с не знанием сути проводимой реформы. Поэтому наказания не были суровыми, а число рассматриваемых дел с каждым годом уменьшалось.

Примечания:

1. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.566.
2. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.566. - Л. 13-13об.
3. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.696.
4. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.607.
5. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.607. - Л. 5.
6. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.607. - Л. 4.
7. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.607. - Л. 31.
8. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.607. - Л. 16-17.
9. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.566.
10. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.566. - Л. 3,4.
11. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.566. - Л. 7.
12. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.525.
13. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.525. - Л. 6.
14. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.525. - Л. 1.
15. Там же.
16. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.525. - Л. 8.
17. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765.
18. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 2.
19. Там же.
20. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 10-10об.
21. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 3-3об.
22. Там же.
23. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 8.
24. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 20.
25. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 11-12.
26. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 13.
27. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 17-17об.
28. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 15-15об.
29. Там же.
30. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 14.
31. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.765. - Л. 22.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. (НА ПРИМЕРЕ КОРОЧАНСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А.В. Рубаненко

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается структура землевладения и землепользования духовенства, размер его земельных угодий, их доходность и характер использования. Указаны специфические сословные трудности в землевладении и имевшиеся пути их решения. Прослежена связь характера дореволюционного землепользования духовенства с аналогичным послереволюционным положением.

Ключевые слова: духовенство, сословное землевладение, Декрет о земле.

LAND TENURE OF PARISH CLERGY ON THE THRESHOLD OF REVOLUTION 1917 (ON THE EXAMPLE OF KOROCHANSKY DISTRICT OF KURSK PROVINCE)

A.V. Rubanenko

Belgorod State University

In article the structure of landed property and land tenure of clergy, the size of its ground grounds, their profitableness and character of use is considered. Specific class difficulties in landed property and available ways of their decision are specified. Communication of character of pre-revolutionary land tenure of clergy with similar послереволюционным position is tracked.

Key words: clergy, class landed property, the Decree about.

Революционные годы являются той отправной точкой, с которой зачастую начинается рассмотрение церковно-государственных отношений в советский период и первыми шагами молодой советской власти в этом направлении закономерно считается целый ряд декретов, затронувший все слои общества. Одним из таких декретов стал Декрет о земле.

Если мы говорим о действии этого декрета, нам необходимо знать предшествующую ему структуру землевладения и землепользования духовенства, размер его земельных угодий, их доходность и характер использования. Без владения этой информации наш разговор об экономическом воздействии первых советских декретов на духовенство будет носить отстраненный и поверхностный характер, далекий от практики и реальной жизни.

В основу данной статьи легли архивные материалы в промежутке между 1908-м и 1917-м годами, излагающие информацию об экономическом положении приходов Корочанского уезда Курской губернии¹. Подавляющее большинство населения уезда являлось крестьянским, а духовенство служило в подавляющем большинстве по сельским церквям, являясь, таким образом, типичным примером сельского (в аграрной стране преобладающего) духовенства.

В нач. XX в. на территории Корочанского уезда действовало 86 церквей, из которых 6 - в уездном центре. Самостоятельных приходов в уезде было 83, из которых 3 располагались в уездном городе. На 1908 г. в церквях Корочанского уезда служило 95 священников, 39 дьяконов и 90 псаломщиков – всего 224 чел.² Если к ним прибавить жен, в среднем, 5-7 детей и находившихся на призрении вдов и сирот духовных лиц, то общее число духовенства Корочанского уезда с их домашними составит около полутора тысяч человек. Вся территория уезда была поделена на 7 благочиннических округов, в каждый из которых входило от 8 до 17 церквей. Каждый такой округ возглавлялся своим благочинным, имел окружного благочиннического миссионера, духовного следователя и духовника. Церковные вопросы на уровне уезда решались на съездах депутатов от благочиннических округов. Более важные вопросы передавались на рассмотрение викарного епископа в Белгороде (в консисторию), а вопросы рукоположений, назначений, награждений, перемещений и запрещений решались курским архиереем.

На социально-экономическое положение духовенства оказывали воздействие как профессиональные, так и сословные факторы.

К профессиональным следует отнести ненормированность рабочего графика священнослужителя. Отслужив утреннее и вечернее богослужения, сельский батюшка в промежутке шел вести уроки Закона Божия в местной церковно-приходской или земской школе, а кроме этого мог быть в любой момент вызван к больному, умирающему и уже умершему прихожанину. После богослужений он часто оставался крестить новорожденных (рождаемость была высокой и

частой) или отпевать умерших. В страдную пору священники по просьбе жителей служили частые молебны по полям жителей о даровании дождя и т.п. Учитывая, что половина приходов включала в себя не один населенный пункт, а несколько деревень и разбросанных хуторов, можно понять, что времени для работы на земле у священнослужителя оставалось на порядок меньше, чем у любого крестьянина того же села.

Можно было бы предположить, что пока священник служит, его земельный надел обрабатывает его семья - сыновья, дочери, жена. Однако здесь вступали в действие сословные особенности. Духовенство на протяжении XVIII-XIX вв. было закрытым сословием и в начале XX в. эта закрытость во многом сохранялась. В подавляющем большинстве сыновья священнослужителей поступали в ближайшую семинарию (Белгородскую или Курскую), духовное училище (Белгородское или Старооскольское) или обучались в высших учебных заведениях Харькова, Киева и Москвы; дочери поступали в белгородские женскую гимназию и женское епархиальное училище, либо на женские курсы в тех же Харькове, Киеве и Москве. Собственно, духовные училища, семинарии и женские епархиальные училища для того и были созданы, чтобы обучать детей духовенства. Юноши впоследствии становились в большинстве своем тем же духовенством, а девушки выходили замуж и при выборе профессии часто шли учительницами в сеть земских и церковно-приходских школ. Таким образом, даже имея порою до дюжины детей, семья священнослужителя дома держала только самых младших (до 10-ти лет), в то время как обычная крестьянская семья работала в поле в полном составе.

Указанные особенности не позволяли духовенству уделять полевым работам необходимое для того время, сужали или вообще делали невозможным в полную силу заниматься скотоводством и другими видами сельскохозяйственных работ. Это негативно сказывалось на уровне доходов духовенства и требовало от них искать компенсации среди других источников дохода. При этом надо учитывать, что обучение порою нескольких сыновей и дочерей одновременно в разных городах вдали от дома требовало дополнительных денежных затрат.

Уровень благосостояния сельского духовенства и источники его доходов был одним из самых болезненных вопросов как для Русской Церкви, так и для всего государства. Малоземельный и нищий священник своей нуждой ставился в зависимость от прихотей и характера прихожан, принуждался к откровенным поборам или унижительным формам попрошайничества, что полностью деморализовало его самого и разлагало приход. Чрезмерно обеспеченный и богатый священник наоборот - вызывал зависть и недоверие гораздо менее обеспеченных прихожан, что также сказывалось на психологической атмосфере в приходе. Достижение баланса в обеспечении духовенства источниками дохода, созданием их материальной независимости и при этом сохранение доверия и уважения паствы были главной задачей целого ряда реформ на протяжении XVIII-XIX вв. В целях достижения указанного баланса духовенство пользовалось закрепленной за церковью надельной землей, обеспечивалось казенным жалованием, жалованием преподавателей Закона Божия, делило т.н. кружечные сборы и получало проценты с банковских вкладов.

Главнейшим вопросом в аграрной России был земельный вопрос. К 1917 г. средний земельный надел (пашня) у церковного причта в Корочанском уезде составлял 33 дес. земли. При этом в причт входила зачастую не одна семья священника (таковых не более 3% от общего числа приходов), а две семьи - священника и псаломщика (~55%), либо три семьи (~40%). То есть, существующий земельный надел непропорционально (священнику больше, диакону меньше, псаломщику еще меньше) делился на количество семей в причте. В этом случае на одну семью приходилось от 15 до 20 дес. пахотной земли. Много это или мало? Г.И. Старченко в своей работе о пореформенном крестьянстве³ указывает, что одно крестьянское хозяйство с земельным наделом до 8 дес. с одной лошадейю относилось к бедным, от 8-ми до 15-ти дес. с 2-3-мя лошадейю относилось к середняцким и более 15-ти дес. с 3-4 лошадейю относилось к зажиточным. Таким образом, церковный причт, владеющий пашней в 30 дес., состоя из двух семей (священник и псаломщик) и имея при этом ряд дополнительных доходов, может быть отнесен нами по количеству земли к зажиточным.

Всего в Корочанском уезде во владении церковных причтов находилось в целом около 3500 дес. пахотной земли. Практически все причты отмечали среднее качество используемой земли и указывали её доходность в среднем в 7-10 руб. в год с дес.

Однако, наличие земли без наличия лошади для ее обработки резко снижает ее доходность (одна лошадь в среднем обрабатывает в сезон 5 дес. земли). К сожалению, мы не обладаем сейчас точными данными об обеспеченности семей церковных причтов лошадейю. Но мы

знаем, что к 1917 г. подавляющее большинство церковных причтов часть пашни обрабатывали лично, а часть сдавали в аренду. Это позволяет предположить, что количество лошадей у семей причта колебалось в районе 2-3 голов на семью, что при стремлении к меньшему показателю переводит семью причта (священника или, что чаще, псаломщика) в категорию середняков. Но это действительно при условии, если семья посвящает свое основное время полевым работам, что для семей причта ввиду особенностей их сословного и служебного положения составляло объективную сложность.

Невозможность полностью обработать весь земельный надел принуждало церковный причт сдавать его часть в аренду, в испол (в уплату забирали половину урожая), либо нанимать наемных работников. Все это в последующие 1920-е гг. стало основанием зачислять таковые семьи в число кулаков за использование наемного труда. Если же причт справлялся с обработкой земли сам, то это подразумевало большое количество лошадей, что в те же 1920-е гг. опять зачисляло эти семьи в число кулаков, но уже по имущественному признаку. Этим объясняется тот факт, что после революции в ряде сел в кулаки были записаны семьи церковнослужителей, официально не имеющие в личном владении не только скота, но даже собственного жилья.

Нужно отметить, что большинство священнослужителей с семьями часто перемещались с прихода на приход и проживали не в собственных домах, а в т.н. общественных - построенных силами сельских общин для церковного причта. Земля так же не принадлежала семьям священнослужителей лично, а была приписана к церкви, от церкви не отчуждалась и не делилась. Таким образом, священнослужитель не мог передать своим детям ни свое жилье, ибо таковым не владел, ни выделить в надел часть своей земли, ибо никакой личной земли у него тоже не было. То есть, имея при жизни сравнительно хорошие жилищные условия и заработок, священник не мог это передать или разделить между многочисленными детьми, что вынуждало его отправлять их на получение образования и искать средства на приобретение ими впоследствии как земли, так и жилья.

Указанные особенности землепользования духовенства позволяют сделать вывод, что в ходе революций 1917 г. русское приходское духовенство в плане землепользования не потерпело особых потерь, т.к. реквизируемые «церковные» земли формально до революции ему не принадлежали и находились у него в пользовании. Это создавало неопределенность в материальном обеспечении детей духовенства. Произошедший после революции повсеместный передел земли по душам впервые предоставил духовенству возможность передавать детям земельный надел в случае смерти главы семьи. Однако, учитывая тот факт, что ненормированный график служения остался прежним, а дополнительные источники дохода были ликвидированы, материальное положение духовенства в целом ухудшилось.

Примечания:

1. *Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 г. – Курск, 1909; ГАБО. Ф.Ф-130. Оп.1, Д.1-7, 9-10.*

2. *Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 г. Курск, 1909.*

3. *Старченко Г.И. Крестьянство // Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2005. – С. 201-248.*

СОЛДАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ЕГО БЫТ НА ФРОНТЕ

Я.В. Валяев

Белгородский государственный университет

В данной статье затрагивается проблема фронтового быта солдат российской армии в годы первой мировой войны. Понятия фронтового быта включает такие стороны как служебные обязанности и личное время военнослужащих, снабжение обмундированием и продовольствием, санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, обустройство жилья, связь с тылом и денежное довольствие. Хронологические рамки данной статьи охватывают период с августа 1914 г. по октябрь 1917 г. Территориальные рамки включают весь российский участок Восточного фронта.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914-1818 гг., российская империя, фронтовой быт, обмундирование, санитарно-гигиенические условия.

A SOLDIER OF THE RUSSIAN EMPEROR'S ARMY IN THE FIRST WORLD WAR: HIS WAY OF LIFE IN THE FRONT

Y.V. Valyaev

Belgorod State University

This article tells us about front life of the soldiers of Russian Army in the years of the First World War. The idea front life includes such problems as service duties and person free time of servicemen, supply with uniform and rations, hygienic and sanitary conditions and medical care, dwelling, communication with rear and money allowance. This article takes period from August 1914 till October 1918. It is the whole sector of the East front.

Key words: the First World War 1914-1918 years, Russian Empire, front life, uniform, hygiene and sanitary conditions.

Первая мировая война примечательно тем, что существенно изменила геополитическую карту мира, вызвав распад четырёх империй и создание ряда новых государств. Хотя с момента её окончания прошло свыше 90 лет, она до сих пор приковывает к себе внимание, историки оценивают её крайне противоречиво, многие события мало или совсем не изучены.

В Российской империи с её огромным населением действительную службу, в отличие от Франции и Германии, проходила лишь часть мужчин призывного возраста. Постоянная армия включала регулярную армию и её резерв, казачьи войска и инородческие части (то есть состоявшие из представителей неславянских народов). Численность вооружённых сил непосредственно перед мобилизацией официально составляла 1 млн. 423 тыс. чел., после полной мобилизации она должна была составить около 5 млн¹.

В российской империи военнообязанными считались мужчины в возрасте от 21 до 43 лет. Первые три (в пехоте и артиллерии) или четыре (в других родах войск) года служба проходила в строевых частях, следующие семь лет человек служил в запасе 1-ой очереди, а последние восемь – в запасе 2-ой очереди. В армию могли поступать и добровольно, что давало некоторые привилегии по службе. Основу армии составляли представители христианских народов империи, мусульманское население Кавказа и Туркменистана вместо набора платило денежный налог. Части указанные как «финляндские», были русскими по своему составу и просто дислоцировались в Финляндии, а сами финны были освобождены от воинской повинности. В целом 50% призывающихся людей на службу освобождались от неё по физическим недостаткам, личным или экономическим причинам или «по образованию».

Казачи служили с 20 до 38 лет. Казачьи войска выставляли служилых и ополченцев. Первые подразделялись на три разряда: подготовительные (с 20 до 21 года), в котором проходила подготовка к службе, строевая (с 21 до 33 лет), где проходила непосредственно служба, и запасный (с 33 до 38 лет) предназначенный для разворачивания в случае войны для пополнения потерь. В военное время службу несли вне зависимости от разрядов. В ополчение зачислялись все, способные нести службу, но не вошедшие в состав служилых, из них формировались особые подразделения.

В государственное ополчение зачислялось большинство лиц в возрасте от 21 до 43 лет, освобождённых от службы в регулярной армии. Оно делилось на две категории: первая, использовалась для пополнения армии и подразделялась на возрастные группы; вторая, включавшая в себя более слабых физически лиц, предназначалась для формирования тыловых частей. В случае войны предполагалось формирование 640 батальонов (дружин) ополчения. В действительности во время войны (и до февральской революции 1917 г.) было сформировано: 937 пеших ополченческих дружин, 140 конных сотен, пулемётных команд, артиллерийские батареи и сапёрные полуроты².

Русская армия перед весной 1914 г. состояла на 84-88 % из крестьян, что соответствовало структуре населения России, 85% которого к 1913 году жили в деревне³. В годы войны и особенно после осени 1915 г., когда русская армия потеряла 3.4 млн. чел. из своего кадрового состава, количество необученных солдат резко увеличилось, что принесло на фронт сугубо деревенский образ, как в поведении, так и в мышлении⁴.

При анализе сознания солдата на войне необходимо учитывать крестьянский менталитет, на который влияли характер труда, чувство привязанности к месту проживания, семье, хозяйству. Оказавшись оторванными, от родных мест и близких, солдаты стремились сообщить в своих письмах о месторасположения своей части. А это в свою очередь, выдавало военную тайну. Усилия командования остановить такую практику ни к чему не привело. Примером это-

го служит тот факт, что в 6-ой армии до 25% от всех писем указывалось место расположения своей части, а 40-ом армейском корпусе этот процент доходил до 44%⁵.

Первая мировая война была войной нового типа, требовавшей от солдата патриотизма, не связанного с угрозой уничтожения его личного хозяйства. Война носила машинный и затяжной характер. Именно этими фактами и объясняется различие настроения в русской армии и у противника: «Там военная жёсткость, дисциплина, биваки, а у нас - мечтательность, пение, тоска»⁶. Огромное психологическое давление оказывало на солдат, особенно на новобранцев, артиллерийские обстрелы, сопровождавшиеся сильным гулом, треском, дрожанием земли. Хуже артиллерийского огня для солдат были только воздушные налёты. Самолёты, солдаты, связывали со злом по причине, во-первых, своей суеверности, а во-вторых, с непривычностью ведения механического характера войны. Все эти факторы влияли на солдат, из-за чего дело могло доходить и до обстрела своих самолётов. В результате командованию пришлось даже запретить стрелять по аэропланам, как своим, так и противника⁷. Если при Суворове пуля считалась «дурой», а штык «молодцом», то теперь появилось чувство неизбежной смерти от вражеской техники «пролетит снаряд германский, будет некуда бежать» и т.д. Отсюда и негативная мифологизация боевых действий в отличие от армий западных стран⁸.

Судя по воспоминаниям фронтовиков, хуже всего было именно пребывание в окопах, переживая вечную «скуку» и «тоску», нежели в бою, означавшем уже некоторую определённую свободу. Помимо неприятия окопной жизни в позиционной войне на настроение солдат оказывало существенное влияние плохая обустроенность позиций, голод, непогода. В сводках военной цензуры неоднократно подчёркивалось, что «плохое настроение вызвано бездействием», что все за мир, так как «осатанело стоять», что «бездействие увеличило количество толков о мире», и «опротивели окопы». В целом же солдат страдал не столько от боевых действий или от бездействий, сколько от «рваного» темпа войны⁹.

Война нового типа создала своеобразные условия солдатской жизни, в которых необходимо было убирать территорию от раненых и трупов. Для этого достигались договоренности о временном ограничении огня или о его полном прекращении. При этом возникали контакты с противником, которые зачастую перерастали в братания. На Восточном фронте первые братания русских с австро-венгерскими войсками зафиксированы летом 1915 г. А с осени 1915 г., с началом позиционной войны, братания наблюдались уже во многих пехотных частях. Широкая волна братаний приходилась на Рождественские праздники и Пасху¹⁰. Прежде всего, они происходили в основном на Юго-западном фронте, т.е. с православными в своём большинстве солдатами австрийской армии.

В ходе братаний широкую популярность приобрёл обмен продуктами и вещами. На это влияло нехватка определённых продуктов, и стремление пополнить их за счёт противника. Так, в австрийской армии наблюдалась нехватка хлеба, пользуясь чем, российские солдаты меняли его на спиртное. Сами братания проходили на нейтральной полосе или в австрийских окопах и очень редко в русских. К 1917 г. алкогольная основа братаний вышла на первый план. Многие считали, что «противник просто заманивал водкой в обмен на хлеб»: австрийцы знали время обеда русских и специально подносили водку. В результате с весны 1917 г. во многих частях началось пьянство¹¹.

После октября 1917 г. братания со стороны русских солдат приобрели пассивный характер проявившейся в меновой торговле. Такой поворот событий не остался без внимания противника, который воспользовался этим событием в своих целях. Это выразилось в том, что во время братаний распространялась пропагандистская литература пораженческого характера, производились допросы пьяных русских солдат, делались снимки русских позиций вместе с участниками братаний, имели место случаи переодевания в форму русской армии и участия в митингах. Последние месяцы войны отмечены прямым манипулированием братаний со стороны противника в качестве мер, направленных на заключение мира по австро-германскому сценарию. Важной отличительной чертой братаний на Восточном фронте являлся их рост к концу войны, в отличие от братаний на Западном фронте, которые имели место только в начале войны¹².

Критериями фронтового быта являются: служебные обязанности и личное время военнослужащих, снабжение обмундированием и продовольствием, санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, обустройство жилья, связь с тылом и денежное довольствие.

По прибытию в часть, новобранцы довольно долго, до одного месяца, продолжали ходить в своей одежде. В комплект обмундирования нижних чинов запасных полков входили за-

щитного цвета фуражка, рубаха и шаровары (с 1915 г. получили распространение рубахи и шаровары из молескина подбитые бумазеей). Поясные ремни с бляхами встречались чаще всего у унтеров постоянного состава, солдаты же носили, в основном, затяжные ремни. Зимой солдаты были одеты в шинели с пристяжными погонами из шинельного сукна, без клапанов и пуговиц по борту, и папахи серого искусственного барашка. Унтер-офицеры постоянного состава перешивали обмундирование по фигуре, носили шифровки на погонах, иногда «забывая» нанести на погоны положенные запасным батальонам литеры «З.Б.». Кроме того, унтера постоянного состава, в отличие от унтеров и ефрейторов переменного состава, носили на защитных погонах белые лычки. «Переменники» же носили лычки уставного, оранжевого цвета, а некоторые уже побывавшие на фронте, рисовали их химическим карандашом¹³.

Снаряжение - фляги, котелки, патронташи, палатки и шанцевый инструмент выдавались солдатам только перед выходом в лагерь или отправлением на фронт. Боевые винтовки выдавались тоже только перед отправлением на фронт, постоянно солдаты запасных полков были вооружены учебными винтовками, винтовками устаревших систем или даже деревянными макетами.

Все свободное от занятий и службы время солдаты проводили в казарме, так как право увольняться со двора имели только унтер-офицеры постоянного состава. Основным развлечением солдат были карты и хоровое пение.

Солдаты в казармах спали на деревянных нарах, количество ярусов которых, зависело от высоты помещения. Матрацем служили соломенные маты, роль подушки играл вещевого мешок, одеяла – шинель, постельное белье не выдавалось. Нары чистотой не отличались и кишели насекомыми. Поскольку ночью из спального помещения никого не выпускали, то для отправления естественных надобностей рядом с нарами ставили деревянную бочку – «парашу». Утром дневальные выносили «парашу» из казармы. В нескольких лучших условиях находились унтер-офицеры постоянного состава, которые жили в отдельных помещениях.

Находясь на службе, офицеры жили либо на казённых квартирах, либо постоем в частных домах, либо снимали частные квартиры. Для услуг они имели казенных денщиков из солдат своей части, а кто имел возможность благодаря доходам с имения жить на широкую ногу, держали при себе и необходимое количество частных слуг. Жизненный уровень офицера определялся в основном его состоянием.

Обмундирование офицер обязан был приобретать за собственный счёт (кроме первой в жизни офицерской формы: окончившим военное училище перед производством выплачивалось на эти цели 225, а юнкерское - 150 руб., с 1899 г. и тем и другим выдавалось по 300 руб.). Между тем мундир стоил примерно 45 руб., сюртук - 32, фуражка - 7, сапоги - 10, португя - 2,6, погоны - 2-3 руб. и т.д. При воинских частях действовали пошивочные и обувные мастерские¹⁴.

Питались солдаты в спальных помещениях. Дневальные приносили пищу в тазах, из расчёта один таз на десять человек. Сюда же приносили пищу и для унтер-офицеров, но в отдельной посуде. Ритуал чтения молитвы не соблюдался. Нормы довольствия оставались как в мирное время, но качество пищи заметно ухудшилось. Когда полк куда-нибудь передвигался, казённая кухня задерживалась. В остальное время, обед и ужин выдавали регулярно каждый день. Мяса солдаты получали всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чая достаточное количество. Изредка была задержка в выдаче этих продуктов, так как муку и готовый хлеб доставляли из России¹⁵. Солдатский хлеб весил 2 фунта (800 грамм) и был хорошего качества. Имевшие деньги могли купить в солдатской лавке белый хлеб с изюмом, фунт которого стоял три копейки¹⁶. Стоимость суточного солдатского пайка в мирное время равнялась 19 копеек, что составляло в год 70 руб.

Проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек инфекционных заболеваний, особенно остры для масштабных войн. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождалась эпидемиями¹⁷. С ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, для предотвращения желудочных заболеваний в пищу нижних чинов стала добавляться лимонная кислота, была увеличена норма чая. В рацион солдат и казаков был включён рис, способствовавший скреплению желудка.

Связь с тылом поддерживалась через систему отпусков и почтовую корреспонденцию. Отпуск предоставлялся при боевом ранении, связанным с реабилитацией солдата или за отличие, проявленное в бою. Единственным источником пополнения сил являлся отпуск, поэтому, чтобы заслужить его многие специально шли в разведку или просили его в место какой-ли-

бо награды¹⁸. Солдат, получивший отпуск, также имел право бесплатного проезда по литере «А», что позволяло малоимущим солдатам побывать дома. Но с другой стороны именно с солдат-отпускников началось разложение армии и брожение умов в нутрии неё.

Взятые в армию вчерашние крестьяне и жители городов оказались отделены от родных мест - лишь письма могли служить им «мостиком» для общения с родными. Согласно «Временному положению о военной цензуре» рассмотрению подлежали почтовые отправления и телеграммы. Письма, не обратившие на себя внимание цензуры, как правило, не сохранились, отмеченные же содержат информацию негативного характера, что, в большинстве случаев, соответствовало действительности¹⁹.

При этом цензура выделяла две категории писем: бодрые и угнетенные. В сохранившихся в архивах письмах вятских участников первой мировой войны первое, что бросается в глаза, это тяжёлое психологическое состояние солдат. Сложные бытовые условия ещё более усугубляли положение: «...заели нас вши..., обеда совсем не дают. В окопах по колено воды, по замёрзли руки и ноги у наших солдат и не пускают в больницу...»; «...спим на сыром песке...»; «...с голоду умираем..., все перемерзли...»; «...положение прямо не дай Бог быть в таком положении, хуже, чем свиньи в грязи валяемся...»; «...жизнь наша здесь очень плохая, часто приходится голодать сутками, хлеба не дают..., все заморились, плохо ноги волочим...»; «...сидим в окопах снежных, не евши почти двое суток, много людей замёрзло здоровых»; «...очень воздух плохой, даже нельзя рта открыть, так что много лежит трупа наверху нашего и австрийского, все почернели...»; «...в бане мы не умывались уже как уехали из Самары, без бани теперь очень трудно...»²⁰.

Не допускались до адресата письма, в которых авторы сообщали об отсутствии желания воевать, о мрачном настрое, о неуверенности в победе. Такие материалы подлежали немедленной конфискации.

Значительное число писем содержало жалобы на пищу, обмундирование, вооружение. И всё же в целом осознание долга было характерно для фронтовой корреспонденции, но писем патриотического характера было крайне мало, они характерны лишь для начального периода войны. Слава на подобие «...мы всеми силами стараемся и не щадим живота своего, бьём немца..., и пусть он узнает, что есть Россия, русское оружие и храбрые воины нашего великого Царя-батюшки...» объективно не могли часто встречаться в условиях, когда нехватка вооружения, боеприпасов, тяжёлые бытовые условия стали практически нормой солдатской жизни²¹.

Подводя итоги условиям фронтового быта солдат российской армии, можно с уверенностью утверждать, что после начала войны они резко ухудшились и были крайне суровыми. Отрицательно влияло и то, что русская армия была разделена на две группы: унтер-офицеров постоянного (которые находились в более выгодных условиях) и переменного состава, часто враждующих между собой. А офицерский состав должен был обмундирование приобретать, к тому же за свой счёт. Так же был дефицит или плохое снабжение вооружения, питания, ограничение в почтовой переписке, и в целом неподготовленность к Первой мировой войне, которое и приводило к угнетённому морально-психологическому и физическому состоянию солдат, что влекло к повышенной смертности.

Таким образом, вырисовывается следующая малоприятная картина, русская армия была плохо подготовлена к началу боевых действий, по вопросу быта русских солдат, так как после начала войны он резко ухудшился и был крайне суровым.

Примечания:

1. Алексеев А. // *Наука и жизнь*. 2007. №8. – С. 40.
2. Корниш Н. *Русская армия 1914-1918*. М.: Астрель – АСТ, 2005. - С. 15-16.
3. Протасов Л.Г. *Классовый состав солдат русской армии в армии перед Октябрем* // *История СССР*. 1977. №1. - С. 35, 40. Гаркавенко Д.А. *Социальный состав вооружённых сил России в эпоху империализма* // *Революционное движение в русской армии в 1917 году*. М., 1981. - С. 36-38.
4. Головин Н.Н. *Военные усилия России в мировой войне*. Т.1. Париж, 1939. - С. 33, 78-82.
5. Асташов А.Б. *Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны* // *Отечественная история*. 2003. №2. - С. 73.
6. Войтоловский Л. *По следам войны. Походные записки*. Т.1. М., 1928. - С. 264.
7. Федорченко С.З. *Народ на войне*. М., 1990. - С. 28.
8. Пушкарёв Л.Н. *По дорогам войны Воспоминания фольклориста-фронтовика*. М., 1995. - С. 42-45.
9. Клейман Н.Т. *Последний солдат (воспоминания)* // *Родина*. 1994. №8. – С. 79.

10. Асташов А.Б. *Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история.* 2003. №2. - С. 79.
11. *Царская Россия в мировой войне.* Л.: Наука, 1985. - С. 145.
12. Базаров С.Н., Прошин А.В. *Бумеранг братаний // Военно-исторический журнал.* 1997. №1. - С. 97; №3. - С. 50, 52; *Фельштинский Ф. Крушение мировой революции. Брестский мир.* М., 1992. - С. 42-45.
13. *Зайончковский А.М. Первая мировая война.* - М.: «Полигон», 2002. - С. 133.
14. *Волков С.В. Русский офицерский корпус.* М.: Прогресс, 2002. - С. 98.
15. *Брусилов А.А. Мои воспоминания.* М.: Воениздат, 1963. - С. 214.
16. *Клейман Н.Т. Указ. соч.* - С. 79.
17. *Лобанов Д.А. Повседневная жизнь солдат тыловых гарнизонов в 1914-1917 гг. // Век уходящий: история Прикамья по архивным документам.* 2000. №6. - С. 12.
18. *Федорченко С.З. Народ на войне.* М., 1990. - С. 24, 82.
19. *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* М.: Проспект, 1999. - С. 154.
20. *Иванов В.Н. «...Минуты роковые». Повествование о времени и о себе // Дальний Восток.* 1993. №10. - С. 20.
21. *Там же.* - С. 21.

ОСОБЕННОСТИ ТУЛЬСКОГО ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА

Т.И. Васильева

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

В статье рассматриваются особенности тульского женского национального костюма XIX – нач. XX в. В работе использован этнографический материал, собранный в фольклорных экспедициях на территории Тульской области. В результате проведенных исследований автор приходит к выводу, что особенностями тульского женского национального костюма являются понева, рубаха с косыми поликами, преобладание красного и черного цветов в одежде, сборки на воротнике и рукавах, яркий платок на голове или сорока.

Ключевые слова: этнография, костюм, понева, рубаха, косые полики, сборки, воротник, рукава, платок, сорока, завеса, вышивка, кушак.

THE SPECIAL FEATURES OF TULA FEMALE NATIONAL CLOTHES

T.I. Vasilyeva

L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University

This article is devoted to the special features of Tula female national clothes. It is based on the ethnographical facts collected in the folk expeditions in Tula region. According to the results of our research we can conclude that the special features of Tula female national clothes are poneva, a shirt with the slanting poliks, the predominance red and black colours in clothes, tucks on the neckband and the sleeves, a bright shawl on the head or soroka.

Key words: the clothes, the ethnographical facts, poneva, a shirt, the slanting poliks, the tucks, a neckband, the sleeves, a shawl, soroka, zavesa, the needle-work, a belt.

Костюм человека во все времена определял его национальную и этническую принадлежность, подчеркивал имущественное и сословное положение владельца¹. Одним из наиболее интересных в этнографическом плане является традиционный русский костюм. Особенно это актуально сейчас, когда возрождаются забытые русские православные традиции.

В ТГПУ им. Л.Н.Толстого уже десять лет существует фольклорный ансамбль «Надежда», который является лауреатом Всероссийского фольклорного фестиваля «Псковские жемчужины». Ежегодно участники коллектива собирают фольклорный материал в этнографических экспедициях в различных районах Тульского края (в Богородицком, Чернском и Белевском). Ансамбль «Надежда» возрождает традиции русского народа: в университете проводятся вечера, традиционные русские игры, Масленица и т.д., очень развито в коллективе направление научной реконструкции костюмов по выкройкам конца XIX – нач. XX века. В результате изучения этнографического материала, собранного членами фольклорного ансамбля ТГПУ им. Л.Н.Толстого «Надежда» Тульской области, можно с уверенностью сделать вывод о наличии некоторых особенностей тульского женского национального костюма.

Вообще, основной частью костюма у русских являлась рубаха – крой, материал и отделка которой соответствовали определенному назначению. Однако при этом в России существовали и некоторые региональные отличия данного типа одежды. Так, на юге России рубахи носили с поневой, на севере и в центральных губерниях – с сарафаном и завесой. Тульская область относится к южным областям, но граничит с центральными, поэтому здесь в основном носили поневы – клетчатые юбки, сшитые из трех полотен, но в более северных районах области надевали и сарафаны². Подпоясывались, как мужчины, так и женщины, кушаками, сплетенными из разноцветных шерстяных ниток на специальном ткацком станке. Кушак также выполнял и функцию оберега от «нечистей» и других злых духов.

До 2-й пол. XIX в. женские и мужские рубахи выполнялись из льняного или полотняного (посконного) холста домашнего изготовления, чаще всего белого. Но он мог быть полосатым или клетчатым (пестрядь)³. Женские рубахи могли быть «цельными», из длинных прямых полотнищ от ворота до подола и «составными», делящимися на две части: верхнюю – «стан» («станушка», «рукава», «вороток», «грудка») и нижнюю – «подстава» («становица», «подол»).

По назначению рубахи у русских делились на будничные, ритуальные, праздничные. Кроме того, различались рубахи девичьи, женские, старушечьи. Дольше всего древние черты сохранили ритуальные рубахи (свадебные, печальные, погребальные). У праздничных рубах грудной вырез, подол и рукава имели сложную отделку, где вышивка, ткачество, нашивки из лент, ярких тканей, кружев не редко создавали многоярусную многоцветную композицию. У ворота рубахи собирались в тесную сборку под узкую обшивку или стойку, что наиболее характерно для тульского национального костюма. Нашивки на рукава («полики») были очень яркими. Между боковыми полотнищами рукавами вшивались «ластовицы» - прямоугольные куски ткани, обычно красного цвета. Рубахи с косыми поликами были распространены в XIX в. в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях⁴. Изготавливали их из четырех полотнищ холста (два спереди, два сзади), присборенных вокруг горловины. Рукава состояли из цельных полотнищ и дополнялись ластовицами. Иногда рукава делались широкими, присборенными у запястья и завершались манжетой. Подол рубахи декорировался своеобразным тканым узором, позднее - вышивкой крестом. В девичьих рубахах расширялся весь подол (вокруг), в женской рубахе только спереди, так как по бокам и сзади рубаха закрывалась поневой. Низ рубах у пожилых женщин не украшался вообще.

Как уже говорилось в Тульской, Калужской и Рязанской губерниях бытовали рубахи с косыми поликами. При этом существовали различия и по месту присоединения полика: косой полик вставлялся в разрезы полотнища (более старинный вариант) или между двумя полотнищами. В Тульской губернии бытовали рубахи из трех полотнищ белого холста с прямыми поликами из красного ситца с цветочным орнаментом. Рукава таких рубах были прямыми, состояли из полутора полотнищ, их присбаривали у запястья, завершая сборкой из красного ситца с цветочным орнаментом. Сборка вокруг горловины закреплялась присоединенной оборкой из ситца. Из такой же фабричной ткани делались квадратные ластовицы.

Народные костюмы почти во всех областях по крою мало отличались друг от друга. В Тульской губернии рубахи с косыми поликами были трапецевидной формы или в виде клинов, которые вшивались в верхнюю часть остальных полотнищ рубахи, значительно расширяя ее в плечах. Рубахи с косыми поликами имели узкие рукава и стоячий воротник, закрывающий шею. Обычно они были красными, из кумача, но могли быть и белыми, из холста. Исходя из нашего наблюдения, особенностью тульского национального костюма было то, что в нем преобладал красный цвет на узорах с небольшим добавлением черного.

Рубаха подчеркивала богатство женщины и ее умение рукодельничать и вышивать. Рубахи (в первую очередь прямые и косые полики) украшали вышивкой и нашивками из лент, сюжеты узоров которых были разнообразны. Сюжет и мотив нередко совпадали друг с другом. Мотив, ограниченный конструкцией, размерами предмета, часто не повторялся (например, единичное изображение всадника или птицы, данное в крупном плане на конце полотенца). При этом мотив, многократно повторенный, составлял раппорт узора. Сюжет, однако, представлял собой более широкое понятие, чем мотив, и обычно состоял (особенно в сложных композициях) из нескольких мотивов.

Орнаментальные мотивы нами были классифицированы следующим образом: 1) геометрические мотивы (как правило, входящие как составная часть в сюжетную вышивку); 2) зооморфные мотивы, включающие орнитоморфные, а также тератологические мотивы; 3) растительная орнаментика (занимающая видное место в орнаменте русской вышивки XVIII – нач.

XX в.)⁵; 4) антропоморфные мотивы, подразделяемые на две большие группы: а) архаические, отражающие древние мифологические представления б) бытовые (или жанровые). Действительно, во всех этих группах нередко выделяют как древнейшие духовные пласты еще языческих верований, так и мотивы средневекового городского искусства. Таким образом, изучаемые нами изображения народного творчества XIX – нач. XX в., явно имеют древние корни⁶.

Рубаха для девушки в тульском костюме украшалась красиво, но не ярко. Считалось, что девушку украшает ее молодость. Самую яркую нарядную рубаху имела право носить только молодая женщина, только что вышедшая замуж. Такой рубахе свойственна яркая броскость, намеренная сложность декора, где преобладал красный цвет. Такую яркую рубаху «молодуха» носила до рождения первого ребенка. В дальнейшем количество отделки с годами постепенно уменьшалось, а в костюме старух ее почти не оставалось.

Головной убор для женщины Тульской губернии состоял из яркого платка или сороки. Летом девушка могла ходить раскрытой, украшая голову яркой лентой. Женщины раскрытыми никогда не появлялись. Они носили повойник (повязка на голову), а по верх него платок. Также весьма распространенным женским головным убором в Тульской области была «сорока». Кроме того, женский праздничный костюм украшался расшитым фартуком.

Кроме того, женщины украшали себя цветными бусами, наиболее зажиточные барышни носили даже жемчуг. Нередко украшения делали из лоскутов разноцветной ткани: лоскутки набивались соломой, впоследствии ватой и марлей, так, чтобы получались «горошины», и связывали их нитками.

Таким образом, отметим, что особенностями тульского женского национального костюма в первую очередь являлась понева и рубаха с косыми поликами. При этом в костюме на узорах преобладал красный цвет с небольшим добавлением черного. Также характерной чертой тульского женского костюма можно признать то, что у ворота рубахи собирались в тесную сборку под узкую обшивку или стойку. Головной убор в виде яркого платка или сороки, считался гармоничным завершением такого костюма. Обычной функциональной деталью последнего также являлись и различного типа бусы. Таким образом, костюм подчеркивал социальное и имущественное положение человека, его носившего, и даже говорил о характере и темпераменте владельца. Недаром до сих пор еще говорят в народе «по одежке встречают человека».

Примечания:

1. Шангина И.И. *Русский традиционный быт: энциклопедический словарь*. СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 496.

2. Прокопец О.Н. *Традиционная культура Тульского края*. М., 1998. – С. 17.

3. Вардугин В. *Русская одежда*. Саратов: Региональное Приволжское издательство, 2001. – С. 86.

4. Богуславский В.В. *Тульские древности: энциклопедический словарь-справочник*. Тула: Русский лексикон, 1995. – С. 78.

5. *Растительные узоры издавна были известны в древнерусском прикладном искусстве, в архитектуре X - XIII вв., в рисунках заглавных букв рукописей XII - XIV вв. На колтах, наручах изображались ростки, крины. Мотив мирового дерева, или древа жизни, исстари был известен в искусстве Восточной Европы. Особое значение дерева, растительности выступает и в вышивках XVIII - начала XX в. Дерево составляло центр композиции, к которому обращены животные, птицы; дерево являлось объектом поклонения всадников или всадниц.*

6. Прокопец О.Н. *Художественная культура Тульского края*. Тула, 2000. – С. 173-174.

НАТУРАЛИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» (1918-1920 ГГ.)

Г.А. Ямпольская

Белгородский государственный университет

Автор статьи на основе источников, извлеченных из государственных архивов Воронежской и Курской областей, раскрывает основные проблемы оплаты труда рабочих и служащих промышленных предприятий. Также в статье исследуется вопрос обеспечения городского населения продуктами питания и предметами первой необходимости в годы "военного коммунизма".

Ключевые слова: тариф, продовольственная карточка, пайковое снабжение, трудпак, "красноармейский паек".

NATURALIZATION OF THE URBAN ECONOMIC LIFE OF THE KURSK AND VORONEZH PROVINCES IN THE YEARS OF «WAR COMMUNISM» (1918-1920)

G.A. Yampolskaya

Belgorod State University

The article, based on sources drawn from the State Archives of the Voronezh and Kursk regions, reveals the main wage problems within workers and employees of industrial enterprises. The article also dwells upon the issue of food and basic necessities provided for the urban population in the years of "war communism".

Key words: tariff, ration cards, rations supply, labour rations, "Red Army rations"

Одним из важнейших последствий военно-коммунистических мероприятий в промышленности являлась натурализация экономической жизни городского населения. Следует выделить категорию рабочих и служащих промышленных предприятий и учреждений для рассмотрения вопроса их оплаты труда и материального обеспечения, который в условиях разрастающейся гражданской войны и экономической разрухи стал одной из насущных проблем.

С первых месяцев существования большевистской власти на промышленных предприятиях, в учреждениях и хозяйствах стала создаваться система тарификационной оплаты труда¹.

В декабре 1918 г. КЗоТом РСФСР была установлена единая для всех рабочих и служащих промышленных предприятий тарифная сетка. Второй Всероссийский съезд профсоюзов в январе 1919 г. положил в основу тарифной системы принцип оплаты труда не только по его квалификации, но и в зависимости от производительности².

Местными советами профсоюзов для предприятий определялись конкретные тарифные ставки, которые утверждались затем губотделами Народного Комиссариата Труда (НКТ). Так в Воронежской губернии отделом труда губисполкома в начале 1919 г. были утверждены тарифы для рабочих пищевой промышленности³. Курский губисполком также занимался рассмотрением тарифного вопроса, в том числе расценками на кустарные изделия и дополнениями к «Положению о тарифе торфяников»⁴. Оплата труда кустарей производилась по ставкам, разработанным в отделе труда и утвержденным профессиональным союзом деревоотделочников⁵.

2 мая 1919 г. НКТ было издано «Положение о тарифе рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств РСФСР»⁶. В течение последующих лет тарифная сетка в оплате труда сохранялась.

Система тарифов предполагала денежное выражение оплаты труда. Так, в декабре 1919 г. финотдел Воронежского ГСНХ выплачивал жалование деньгами по новым ставкам, утвержденным центром⁷. Служащие государственных учреждений Курской губернии также получали зарплату в деньгах⁸. Например, Правительственное управление государственными мельницами обратилось с просьбой в Курский губсовнархоз выдать наличными 182698 руб. 48 коп. для уплаты жалования⁹. В сельской местности также использовали деньги для оплаты труда. В Белгородском уезде на уборке урожая разрешалось работу частично «оплачивать по 150 руб. деньгами»¹⁰.

Однако, уровень жизни работников предприятий был крайне низким. Росла инфляция. Дефицит бюджета покрывался работой печатного станка. С 1 июля 1918 г. по 1 января 1921 г.

количество бумажных денег увеличилось с 43,7 до 1168,6 млрд. руб., т.е. в 26,7 раза, а покупательная способность упала в 188 раз¹¹. Заработная плата не обеспечивала существование работающих. В результате сложилась ситуация, требующая неизбежности натуральных выплат в целях обеспечения минимальных потребностей рабочего класса. Натуральные выплаты включали в себя продукты питания (вначале по льготным ценам, а затем бесплатно), промтовары, бесплатные выдачи спецодежды, бесплатные или удешевленные услуги. В этих условиях в Петрограде, а затем в Москве было введено классовое дифференцированное снабжение всего населения продуктами - «классовый паек». Население Москвы было разделено на категории: 1) рабочие, занятые особенно тяжелым физическим трудом; 2) занятые обыкновенным физическим трудом; 3) рабочие, занятые легким трудом, служащие и лица «свободных профессий»; 4) лица, живущие нетрудовыми доходами. Выдача продуктов проектировалась в пропорции – 4:3:2:1¹². В губерниях Черноземного Центра также был введен «классовый паек». Например, в резолюции по продовольственному вопросу, принятой на 4 Воронежском губернском съезде Советов 30 августа 1918 г. было записано решение о введении во всех городах Воронежской губернии классового продовольственного пайка «по принципу Москвы»¹³. 5 ноября 1918 г. Воронежский горпродком объявил о том, что с ноября месяца устанавливалась плата за выдаваемые населению карточки. От оплаты всех карточек освобождались: «Приюты и дома гражданских инвалидов, состоящих в ведении отдела соцобеспечения, а равно и семьи, получающие от оказанного отдела пособие»¹⁴. Карточная система вводилась в губерниях Центрального Черноземья не только в губернских, но и в небольших городах¹⁵.

Следует заметить, что поскольку в Воронежской и Курской губерниях лишь небольшая часть предприятий относилась к тяжелой или оборонной отрасли промышленности, то основная масса рабочих не получала карточки первой категории или «красноармейский паек», с осени 1918 г. распространенный в России на оборонных предприятиях. Так, в вышеназванных губерниях «красноармейский паек» получали только квалифицированные рабочие депо, 2-х Воронежских и Курского машиностроительных заводов¹⁶. Некоторые работники фабрик, заводов и других предприятий по решению комиссии, образованной Совнаркомом 15 ноября 1919 г. были переведены на усиленное бронированное довольствие, в том числе рабочие и служащие Курского государственного спиртового склада¹⁷. Однако, большая часть рабочих государственных предприятий находилась в менее выгодных условиях. Например, Курское управление государственными заводами винокуренной промышленности сообщало, что: «Служащим Курского Рауспирта при Губсовнархозе принадлежат карточки 2 категории»¹⁸.

Постепенно натурализация охватывала все большие сферы. Доля натуральной оплаты стала со временем преобладающей: В 1918 г. она составляла меньше половины, в 1919 г. - почти 80%, а в 1920 г. - свыше 90%¹⁹. Помимо продовольственных пайков выдавались и промышленные изделия, для рабочих - производственная одежда и обувь. Для их получения на предприятиях составлялись коллективные списки, по которым выдавались талоны «на право получения товаров, выдаваемых из магазинов»²⁰. Иногда вместо талонов выдавались удостоверения. Например, Рабочий Комитет Воронежского ГСНХ занимался вопросом выдачи удостоверений своим сотрудникам на обувь и галоши²¹.

На предприятиях и в учреждениях могли быть разные возможности определения норм выдачи, что вызывало недовольство среди рабочих. Так на заседании Совета уполномоченных профсоюза Белгородского уезда от 21 января 1919 г. решался вопрос об урегулировании отпуска продовольственных и иных товаров в г. Белгороде. Говорилось о том, что выдача товаров должна производиться «на справедливых основаниях для всего трудового местного населения», поскольку получение разных пайков вносит рознь в среду рабочих и «создает ненормальное положение в продовольственном деле»²². Было принято решение о необходимости «срочно принять меры к проведению в местной жизни одинаковых норм и порядка учета продуктов для всего трудящегося населения»²³.

Иногда при найме на работу оговаривались минимальные нормы оплаты. Так в коллективном договоре работниц-торфяниц в Курской губернии на сезон 1919 г. было указано, что заработная плата, «включая выдачу натурой» не должна быть ниже прожиточного минимума²⁴.

Продукты питания, товары первой необходимости выдавались рабочим и служащим в счет зарплаты, а в к. 1920 г - бесплатно. Именно в выдаче натурпайка можно увидеть принципы уравниловки, потому, что паек выдавался не по размеру и качеству труда, а по классовому принципу, в расчете на минимум, необходимый для поддержания жизнедеятельности рабочего.

Разница зарплаты, выраженная в денежном эквиваленте, роли не играла, поскольку в условиях инфляции ничего не стоила. Общий заработок рабочего 12-го разряда (высшего) превышал заработок рабочего 1-го разряда осенью 1919 г. на 9%, в 1920 г. - на 4%, в начале 1921 г. - на 2%²⁵. 30 апреля 1920 г. Совнарком принял декрет «О введении трудового продовольственного пайка»²⁶. Однако размеры пайка были гораздо ниже норм, оговоренных в законе из-за нехватки продовольствия, а иногда и вовсе не выдавались.

Поскольку дефицит продуктов питания был огромным и не всегда было возможно обеспечить выдачу натурального пайка, Курские губернские власти, при рассмотрении расценок и условий оплаты труда, разделили заработную плату на две части: деньги и продовольственный паек, а также предусмотрели замену продпайка денежной компенсацией. В постановлении Коллегии Курского гублескома от 30 ноября 1920 г. говорилось: «При невыдаче продуктов отделом в количестве 50% зарплата повышается на 100%, при неподаче продуктов в количестве 75% - зарплата повышается на 200% и при полной невыдаче продуктов - плата повышается на 300%»²⁷. В то же время для лесозаготовительных рабочих предусматривалась замена одних продуктов другими, с условием «Чтобы стоимость выдаваемых продуктов не превышала стоимости недостающих»²⁸.

Учитывая низкий уровень жизни рабочих, с первых месяцев советской власти были предприняты попытки введения дополнительного заработка через сдельную систему оплаты труда. Согласно переписи 1918 г. на 31 августа сдельно оплачивался труд более 1/3 промышленных рабочих²⁹. Так, работницам торфяных разработок в Курской губернии, согласно коллективного договора, предлагалась возможность работать сверхурочно. Количество сверхурочных работ устанавливалось по соглашению с администрацией торфяного предприятия и Комитетом рабочих, но не должно было «превышать 2-х часов ежедневно»³⁰. В Белгородском уезде Курской губернии в 1920 г. практиковались сверхурочные работы для работающих по найму на уборке урожая. Сверхурочные оплачивались деньгами и премировались «натурой в полуторном размере за каждый час сверхурочной работы»³¹.

8 июня 1920 г. был принят декрет Совнаркома, который включал в оплату труда натуральное премирование³². 23 октября 1920 г. принято «Временное положение о натуральном премировании», предусматривающее личную заинтересованность каждого члена коллектива в интенсивности труда³³. Премия выдавалась по результатам труда всего коллектива, не учитывая личный вклад работника. В Курской губернии на многих предприятиях также внедрялось премирование за повышение эффективности труда. Например, при успешной работе премия полагалась кустарям - деревоотделочникам, «из расчета 4-5-8 руб. на 1 куб саж.», рабочим торфодобывающих предприятий³⁴.

Натуральное премирование не вызывало «симпатий» у рабочих, так как они нуждались в твердом заработке, обеспечивающем прожиточный минимум, а натурпремирование «особенного значения и положительных результатов в деле поднятия производительности труда не давало»³⁵.

Несмотря на все усилия советского правительства процесс падения реальной заработной платы продолжался. Если в 1917 г. она составляла 73,4% от довоенного уровня, к 1920-21 гг. - понизилась до 1/3 уровня 1913 г.³⁶

Проблемы с продовольствием затронули все категории рабочих и служащих. Например, в Курской губернии по сообщению заведующего губернским финансовым отделом «из 54 человек по штату осталось 18 служащих», остальные рассчитались из-за продовольственной необеспеченности³⁷. Администрация Курского «Рауспирт» в обращении в Центроспирт описывала бедственное положение рабочих и служащих винокурных заводов, которые «обречены со своим жалованьем, достаточным на прокормление лишь в течение трех-четырех дней, на голодное вымирание»³⁸. Жалованье не выплачивалось по несколько месяцев. Например медперсонал госпиталя №80 г. Курска не получал зарплату четыре месяца, задолженность существовала и перед работниками лесничества. В письме лесничего-инспектора Льговского уезда говорилось, что «жалованья хватает только на одну соль, вся семья моя буквально разута и оборвана»³⁹.

Такие же трудности население испытывало и в Воронежской губернии. О положении рабочих писала газета «Воронежская беднота»: «Дороговизна растет, а вслед за дороговизной растут и ставки оплаты труда, не по дням, а по часам. Чуть не ежемесячно издается декрет о повышении ставок». Но повышение зарплаты не поспевало за ростом инфляции⁴⁰.

В таких условиях большевистская власть была вынуждена предпринять ряд мер социального характера, направленных на борьбу с голодом и крайней нищетой. В январе 1920 г.

был издан декрет СНК о бесплатном общественном питании, в соответствии с которым продовольственную карточку можно было сдать в столовую своего предприятия и перейти на общественное питание⁴¹. В конце 1920 г. из 35 млн. чел., получавших карточки, 21,3 млн. чел. перешли на общественное питание в государственных столовых. В апреле 1920 г. повсеместно в промышленности была отменена оплата трудового продовольственного пайка, поскольку к этому времени рыночная цена продуктов, входивших в состав пайка, была примерно в 100 раз выше той суммы, которую приходилось отдавать при «отоваривании» продовольственной карточки. 2 сентября 1920 г. вышел «Общий устав железных дорог», по которому с 1 января 1921 г. предусматривалась бесплатная перевозка грузов, бесплатный проезд лиц, следующих по государственной надобности, рабочих и служащих, едущих на работу или с работы, либо в отпуск, учащихся едущих в учебные заведения и обратно, детей до 16 лет, инвалидов, состоящих на государственном социальном обеспечении⁴². Например, Воронежский губернский продкомитет своих агентов наделял следующими правами: «следовать в товарных, служебных, рабочих, воинских, экстренных и санитарных и прочих поездах, на паровозах следующих отдельно, а также имеет право подавать телеграммы с надписью «Продовольственная» и получать пассажирские билеты вне очереди»⁴³.

В 1920 г. «почти 94% дохода рабочего и его семьи» составляло пайковое снабжение и бесплатные коммунальные и государственные услуги⁴⁴.

С декабря 1920 по март 1921 гг. была отменена оплата за отпускаемые населению продовольствие, топливо и товары широкого потребления. Также была отменена оплата коммунальных услуг, городского транспорта, услуг связи и т.д.

Таким образом, как и по всей России в Воронежской и Курской губерниях, несмотря на стремление большевиков сделать оплату труда дифференцированной, огромный уровень инфляции, нехватка продовольствия, снижение уровня квалификации рабочих, условия войны, привели к принципу уравниловки. В целом деньги перестали играть роль стимулятора труда, мерила его количества и качества. Произошла натурализация заработной платы, прежде всего, за счет пайкового снабжения, которое лишь условно можно назвать частью оплаты труда. Система натуральных выплат, в основе которой лежал классовый принцип распределения, в наиболее выгодное положение ставил немногочисленное количество рабочих и служащих предприятий, относящихся к тяжелой отрасли оборонной промышленности. Материальное положение основной части рабочего класса было крайне неудовлетворительным. Это отрицательно сказалось на производстве, где испытывался дефицит квалифицированных кадров, и была низкая производительность труда.

Примечания:

1. Под «тарифом» понимался минимальный заработок при минимальной производительности труда.

2. История социалистической экономики СССР. Т.1. М., 1976. - С. 358.

3. Воронежская беднота. 1919. 12 янв.

4. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. Л.91 об; Ф.326. Оп.1. Д.51. - Л. 12-13.

5. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. - Л. 91об.

6. Прокофьева Е.Ю. Труд и заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Центрального Черноземья: проблемы государственного регулирования в 1920-е годы. Белгород, 2010. - С. 86.

7. ГАВО. Ф.56. Оп.1. Д.49. - Л. 4.

8. ГАОПИКО. Ф.65. Оп.1. Д.26. - Л. 3-4.

9. ГАКО. Ф.174. Оп.1. Д.31. - Л. 4.

10. ГАБО. Р-128. Оп.8. Д.47. - Л. 123.

11. История социалистической экономики СССР. - С. 394.

12. Народное хозяйство. 1919. №11-12. - С. 927.

13. Борьба за советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. Воронеж, 1957. - С. 399.

14. Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов и городского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 5 нояб.

15. ГАВО. Ф.9. Оп.1. Д.249. - Л. 30.; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф.1. Оп.1. Д.79. - Л. 131об.

16. Прокофьева Е.Ю. Труд и заработная плата рабочих ... - С. 87..

17. ГАКО. Ф.326. Оп.1. Д.54. - Л. 414.

18. ГАКО. Ф.326. Оп.1. Д.54. - Л. 526.

19. Боффа Джузеппе История Советского Союза. Т.1. М., 1994. - С. 130.

20. ГАВО. Ф.56. Оп.1. Д.4. - Л. 188.
21. ГАВО. Ф.56. Оп.1. Д.49. - Л. 3-6.
22. ГАВО. Р-380. Оп.1. Д.17. - Л. 17.
23. ГАВО. Р-380. Оп.1. Д.17. - Л. 18.
22. ГАКО. Ф.326. Оп.1. Д.51. - Л. 14.
25. Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. - С. 170.
26. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства (СУ).1920. №34. Ст. 165.
27. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. - Л. 91об.
28. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. - Л. 99.
29. История социалистической экономики СССР. - С. 358.
30. ГАКО. Ф.Р-326. Оп.1. Д.51. - Л. 14.
31. ГАВО. Р-128. Оп.8. Д.47. - Л. 123.
32. СУ. РСФСР. 1920. №55. Ст.239.
33. СУ. РСФСР. 1920. №82. Ст.497.
34. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. - Л. 91об.; ГАОПИКО. Ф.326. Оп.1. Д.51. - Л. 12.
35. ГАОПИКО. Ф.65. Оп.1. Д.215. - Л. 66об
36. История социалистической экономики СССР. - С. 362.
37. ГАКО. Ф.Р-325. Оп.1. Д.32. - Л. 198.
38. ГАКО. Ф.326. Оп.1. Д.54. - Л. 554.
39. ГАКО. Ф.325. Оп.1. Д.7. - Л. 40.
40. «Воронежская беднота». 1919. 21 февр.
41. Декреты Советской власти. Т.8. М., 1974. - С. 107-108.
42. СУ. 1920. №77. Ст.362; №84. Ст.419.
43. ГАВО. Ф.9. Оп.1. Д.16. - Л. 38.
44. Ильехов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917-1921 гг.). М., 2007. - С. 81.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛГОРОДСКОГО ОКРУГА ЦЧО (1928-1930 ГГ.)

М.И. Кучеренко

Белгородский государственный университет

В статье на статистических и архивных материалах автор анализирует процесс восстановления хозяйства и дальнейшего развития Белгородского округа ЦЧО. Многие источники вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Белгородский округ, Центрально-Черноземная область, аграрное перенаселение, отрасли перерабатывающей промышленности.

SOCIOECONOMIC CHARACTERIZATION OF BELGOROD DISTRICT OF CENTRAL BLACK EARTH REGION (1928-1930)

M.I. Kucherenko

Belgorod State University

In an article on the statistical and archival material the author analyzes the process of restoring the economy and further development of Belgorod district of Central Black Earth Region. Many sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Belgorod District, Central Black Earth region, agrarian overpopulation, processing industries.

Углубленное изучение специфики социально-экономического развития Белгородского округа ЦЧО актуально на сегодняшний день, т. к. позволяет проследить влияние социально-экономических процессов 20-30-х гг. XX в. на последующее развитие региона, оценить удельный вес Белгородского округа в составе Центрально-Черноземной области.

Социально-экономическая история Центрально-Черноземной области до сих пор не являлась предметом специального научного исследования. Большой вклад в изучение истории ЦЧО был внесен П.В. Загоровским в 90-е гг. XX в. Однако предметом его исследования были социально-политические процессы, проходившие в области. Проблемы экономического и хозяйственного развития до сих пор не получили всестороннего освещения в региональных научных исследованиях, в том числе и по отдельным округам ЦЧО.

Белгородский округ являлся важной, экономически значимой составной частью ЦЧО. Основными источниками изучения его социально-экономического развития в конце 20-х – 1-й пол. 30-х гг. XX в. являются статистические отчеты окрплана и окружного исполнительного комитета советов о работе за 1928 г.¹. Особый интерес представляет документальный материал, сосредоточенный в Государственном архиве Белгородской области (ГАБО) и Центре документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИБО). Фонды этих архивов содержат материалы отчетов окружного комитета партии, протоколы уездной административной комиссии, докладные записки, постановления бюро обкома ВКП(б) и т.д.

Социально-экономическое развитие Белгородского округа ЦЧО нельзя рассматривать без анализа процесса восстановления народного хозяйства Белгородского уезда после событий гражданской войны. Актуальным является определение места и роли Белгородского округа в системе ЦЧО, выявление типичных черт и специфики его развития.

Гражданская война подорвала экономику Белгородского уезда: не работало большинство промышленных предприятий, в запустении находилось сельское хозяйство. Мелоизвестковые и сахарные заводы в нач. 1921 г. выпускали 3-5% продукции по отношению к довоенному уровню². В 1-й пол. 20-х гг. главными вопросами в деятельности партийных организаций региона стали восстановление сельского хозяйства и промышленной инфраструктуры.

Восстановление промышленности края шло по нарастающей, чему в значительной степени способствовал переход к нэпу. Передача и сдача в аренду частному капиталу госпредприятий способствовали не только восстановлению, но и повышению эффективности производства. В 1922-1923 гг. производительность труда на мелоизвестковых заводах Белгородского уезда увеличилась в среднем в 3 раза. Рос выпуск продукции мукомольной, кожевенной, маслостоловой, сахарной промышленности³. В 1924-1925 гг. в г. Белгороде насчитывалось 180 промышленных предприятий, из них государственных – всего 7, тогда как частных - 173⁴.

Важным этапом промышленного развития края стало начало работ по поискам и разведке месторождений Курской магнитной аномалии. В 1922 г. Ленин писал: «Обращаю внимание на исключительную важность работ по обследованию Курской магнитной аномалии. Тов. Кржижановский сообщил мне, что, по сведениям инженеров, с которыми он беседовал, почти доказано, что мы имеем там неслыханно богатый запас чистого железа»⁵.

Восстановление сельского хозяйства активизировалось после преодоления последствий голода 1922 г. К 1923 г. на территории Белгородского и других уездов, вошедших позже в состав Белгородского округа ЦЧО, было создано около 40 свеклосовхозов, организовано более 150 товариществ по совместной обработке земли⁶. Однако, по данным Белгородского уездного земельного управления (УЗУ) количество скота в Белгородском уезде по сравнению с 1917 г. уменьшилось: лошадей – на 45%, крупного рогатого скота – на 42%, овец – на 46%, свиней – на 87%, домашней птицы – на 45%. В уезде числилось 10 790 безлошадных хозяйств⁷. Существенно затруднила восстановление сельского хозяйства засуха 1924 г. Полностью погибли яровые посевы. Из-за необеспеченности кормами крестьяне за бесценку сбывали скот⁸. Однако, уже к 1925 г. положение стабилизировалось. Хороший урожай позволил обеспечить промышленность сырьем, а население края продовольствием, поступавшим не только в государственную торговую сеть, но и на местный «вольный» рынок. Торговля играла чрезвычайно важную роль в восстановлении хозяйства в условиях нэпа. Население Белгородского уезда сбывало в Белгороде сельскохозяйственные продукты и закупало изделия фабрично-заводской городской промышленности. В городе Белгороде в 1 полугодии 1924-1925 гг. существовало 16 государственных, 4 кооперативных и 494 частных предприятия⁹.

Восстановление народного хозяйства требовало проведения работ по повышению грамотности всего населения. В 1924 г. в Белгородском уезде было организовано общество «Долой неграмотность»¹⁰. Было открыто 157 пунктов по ликвидации неграмотности, где было обучено 4698 человек. В уезде насчитывалось 23 действующих избы-читальни, которые имели 15 тыс. экземпляров книг и до 5 тыс. читателей. Работали 301 школа 1 ступени и 12 школ 2 ступени¹¹. Активизировалась подготовка учительских кадров через Белгородский учительский институт.

Таким образом, после гражданской войны восстановление экономики Белгородского уезда и прилегающих к нему территорий осуществлялось поступательно, однако, процесс восстановления хозяйства шел медленнее, чем по промышленно развитым районам страны, и к моменту создания в 1928 г. ЦЧО не был завершен в полной мере.

В результате проведения политики экономического районирования, 14 мая 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял постановление «Об образовании Центрально-Черноземной обла-

сти», а 16 июля 1928 г. ВЦИК утвердил окончательное внутреннее административное деление ЦЧО. Область включила в себя 11 округов и 178 районов¹². Созданный в числе остальных округов, Белгородский округ вошел в состав образованной Центрально-Черноземной области.

Белгородский округ был образован из бывшего Белгородского, Грайворонского уездов, Скороднянского района бывшего Старооскольского уезда и части бывшей Рыбинской волости, входившей в состав бывшего Курского уезда¹³.

В Белгородский округ вошло 14 районов с 482 сельсоветами: Белгородский, Беловский, Больше-Троицкий, Борисовский, Весело-Лопанский, Грайворонский, Ивнянский, Корочанский, Краснояружский, Прохоровский, Ракитянский, Скороднянский, Томаровский, Шебекинский¹⁴. Административным центром стал г. Белгород.

К 1928 г. в округе насчитывалось 919 300 жителей, основную массу которых составляло сельское население – 91,2%. В городах проживало 8,8% жителей, причем численно женское население (51,8%) преобладало над мужским. По национальности жители округа распределялись следующим образом: русских – 64,1%, украинцев – 35,4%, прочих – 0,5%. Средняя плотность населения составляла 76,4 чел. на 1 кв. км и была одной из самых высоких в целом по ЦЧО¹⁵.

В связи с большим числом этнических украинцев, проживающих на территории округа (в Краснояружском районе - 72,4%, в Борисовском - 70,2%), в соответствии с принятой Наркоматом по делам национальностей линией на «коренизацию» нерусского населения СССР, в округе проводилась политика украинизации. Целью украинизации было введение украинского языка в общественно-политическую жизнь районов, где преобладало украинское население и сохранение национальных традиций и культуры украинского населения, проживающего на территории округа. Проводилась подготовка работников окружных отделов и учреждений для перехода в данных районах на украинский язык и обеспечения лучшего обслуживания нацменьшинств¹⁶.

Самодельное население насчитывало 569 846 чел. - 62% всего населения. Из них 93,7% были заняты в сельском хозяйстве, 6,3% занимались неземледельческим трудом. Население, занятое в промышленности, транспорте, строительстве, народном образовании и здравоохранении составляло 44 668 человек. Безработных насчитывалось 5 200 чел.¹⁷

Рассматривая положение в социальной сфере округа необходимо отметить общий низкий культурный уровень его населения. Бывшие Белгородский и Грайворонские уезды, из которых образовался округ, являлись наиболее отсталыми в культурном отношении районами бывшей Курской губернии. Белгородский округ стоял на одном из последних мест среди других округов ЦЧО в культурном развитии¹⁸. Так, материально-техническая и кадровая база школьного образования была отсталой: до 12% школ были вынуждены прибегать к найму помещений, большинство зданий нуждались в капитальном ремонте, хронически не хватало подготовленных учителей. Наличие школьных мест составляло в 1927-1928 гг. - 69,2% (в сравнении с ЦЧО – 75,6% и с РСФСР – 86,3%)¹⁹. Сеть профессионального образования в округе была представлена 8 учреждениями – профшколами. В Белгороде и Грайвороне существовали педтехникумы. В округе осуществлялась борьба с детской беспризорностью в форме патронирования, имелась стабильная сеть детдомов.

О низком уровне здравоохранения Белгородского округа говорят следующие показатели: в 1927-1928 гг. на 1 больничное место в Белгородском округе приходилось 1341 чел., в ЦЧО – 1045, в РСФСР – 943, тогда как нормой Наркомздрава считалась – 500 чел.²⁰. На недостаточном уровне проводились санитарно-профилактические мероприятия. Характерной чертой социальной жизни округа была активная антирелигиозная политика, проводимая Белгородским окружным Бюро Безбожников²¹.

К особенностям развития округа можно отнести высокую плотность его населения – 88,6 человек на 1 кв. км (при среднем показателе в 58 чел. по ЦЧО), и низкую обеспеченность крестьян землей – 0,64 га на двор (при 0,87 га – в ЦЧО)²². Этому сопутствовали безлошадность (34,4 %) крестьянских дворов), устаревший сельскохозяйственный инвентарь, крайне низкая средняя многолетняя урожайность зерновых культур. При общем низком темпе госзаготовок с/х продукции в округе, особенно слабо шла заготовка продовольственных культур ржи, пшеницы и проса. Заготовка овса и маслосемян проходила «крайне напряженно и зернопродукты поступали только под влиянием организованного общественного мнения»²³, то есть под нажимом советских и партийных органов.

Наибольший процент посевной площади приходился на технические культуры и травы. Ежегодный прирост по этим культурам за 1926-1929 гг. в среднем равнялся: для сахарной све-

клы – 27,6 %, подсолнуха – 15,7 % и трав - свыше 200%. Рост технических культур происходил преимущественно в крестьянском хозяйстве, совершенствовался за счет зерновых, и был вызван производственными отношениями, вследствие которых сырьевая база местной промышленности все больше переходила на плечи крестьянства²⁴.

Следует также отметить расширение посевов озимой пшеницы, свидетельствовавших о прогрессивных процессах полеводства округа, повышение удельного процента проса и резкое падение посевов яровой пшеницы.

Животноводство в сельском хозяйстве округа в целом играло вспомогательную роль. Оно выполняло роль тягловой силы или служило средством удовлетворения потребительских нужд населения.

Характерной особенностью округа являлось развитие растениеводственной продукции специальных отраслей: садоводства и огородничества. Садоводство было сконцентрировано в восточных районах округа (Корочанский, Больше-Троицкий, Белгородский) и занимало площадь в 14 тыс. га. Огородничество было сосредоточено в Борисовском и Томаровском районах на площади в 500 га²⁵.

Быстрый рост колхозов в округе произошел в течение 1927-1928 гг. и был вызван совокупностью принятых XV съездом ВКП(б) решений, так как на съезде был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. За 1928 г. в округе было организовано 5 коммун, 16 сельскохозяйственных артелей, 255 товариществ по совместной обработке земли, 409 сельскохозяйственных кооперативов других видов. Крестьяне сопротивлялись коллективизации. По данным отчетов партийных и советских органов, наиболее слабо в области коллективизации и кооперирования себя проявили Корочанский, Беловский, Шебекинский районы. В Больше-Троицком, Борисовском, Грайворонском, Ивнянском районах работа по коллективизации практически не велась²⁶.

Кооперированность населения округа к концу 20-х гг. составляла 23,8 % от числа всех крестьянских хозяйств округа.

Окружная промышленность к 1929 г. состояла из 14 предприятий. Большая часть (78,6%) располагалась на территории бывшего Грайворонского уезда. К моменту образования Белгородского округа в нем насчитывалось 315 предприятий с количеством рабочих свыше 5 чел., из них на государственных предприятиях – 224 чел., кооперативных – 89, частных – 2. Промышленность округа можно разделить на следующие отрасли: мукомольную, сахарную, крахмалопаточную, кирпичную и пивоваренную. Мукомольная и крахмалопаточная отрасли были объединены в «Мукомольно-крахмальное объединение». Кирпичная промышленность была представлена тремя кирпичными заводами и одним мелоизвестковым. Пивоваренные предприятия находились в г. Белгороде и в г. Грайвороне и были объединены в особое «Пивоваренное объединение»²⁷. Таким образом, основной специализацией окружной промышленности являлась переработка сельскохозяйственного сырья.

Финансовое состояние окружной промышленности характеризовалось накоплением основного капитала, т.е. восстановлением и оборудованием материальной базы предприятий. Предприятия испытывали острый дефицит оборотных, то есть свободных денежных средств, получаемых от прибыли работающих предприятий, так все деньги шли на восстановление материальной базы и расширение производства промышленности.

К недостаткам окружной промышленности необходимо отнести отсутствие амортизационного капитала, в результате чего появилась невозможность полной загрузки предприятий и низкую заработную плату рабочих. Среди отраслей мукомольное и пивоваренное производства являлись наиболее рентабельными.

В составе мелкой местной (районной) промышленности в 1926-1928 гг. насчитывалось 67 предприятий, два из которых по районированию отошли в Курский округ.

Белгородский округ имел исторически сложившиеся гнезда кустарной промышленности (Томаровка, Борисовка, Алексеевка, район Старого города в Белгороде). Аграрное перенаселение округа, низкая обеспеченность землей и доходность крестьянских хозяйств, наличие достаточных сырьевых ресурсов, «излишки свободного избыточного труда» создавали предпосылки для развития кустарной промышленности округа. Всего в нем насчитывалось 16 554 человек-кустарей и более 169 видов кустарных промыслов. Большую часть кустарей составляло крестьянское население (70%)²⁸.

Процент кооперирования кустарей в 20-е годы был низок – 6,6%. Техническая организация кустарных промыслов также стояла на низкой ступени, снабжение сырьем, условия сбыта товаров, оборудование требовали улучшения²⁹.

Техническое состояние дорог и мостов округа, его электрификация, водопровод и канализация были неудовлетворительные из-за незначительности ассигнований, как со стороны бюджетных средств, так и со стороны налоговых поступлений населения.

Подводя итог необходимо заметить, что в целом народное хозяйство Белгородского округа ЦЧО было восстановлено после гражданской войны только к нач. 30-х гг. XX в. Развитие округа можно считать типичным для Центрально-Черноземной полосы. Однако к специфическим чертам его развития следует отнести очень высокую плотность населения, низкие темпы хлебозаготовок при высоких темпах развития производства технических культур, крайне низкую землеобеспеченность и доходность крестьянских хозяйств. Округ был достаточно развит в промышленном отношении и ориентировался на переработку сельскохозяйственного сырья. Имелась исторически сложившаяся кустарная промышленность. Пограничное положение с УССР, большое количество украинцев на территории округа обусловили проведение политики украинизации. Следует отметить низкий культурный и образовательный уровень населения округа, занимавшего по показателям грамотности одно из последних мест по ЦЧО, что затрудняло проведение политики индустриализации.

Примечания:

1. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. - Л. 2.
2. Белгородская область. Природа. Промышленность. Сельское хозяйство. Культура / Сост.: Н. Кузнецов, К. Новоспаский. Воронеж, 1974. - С. 188.
3. Там же. - С. 189.
4. Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2002. Вып.2. - С. 79.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. - С. 226.
6. Белгородская область. Природа. Промышленность. Сельское хозяйство. Культура. - С. 190.
7. ГАБО. Ф.Р-600. Оп.1. Д.263. - Л. 42.
8. ЦДНИ БО. Ф.1791. Оп.1. Д.277. - Л. 33.
9. Белгородский краеведческий вестник. - С. 81.
10. ГАБО. Ф.Р-532. Оп.1. Д.296. - Л. 151.
11. Пархоменко И.Г., Чиченков А.П. Белгородская деревня. 1917-1941 гг. Историческая хроника. Белгород, 1977. - С. 41.
12. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области 1928-1934. Воронеж, 1995. С. 31.
13. Белгородский округ ЦЧО. Характеристика народного хозяйства, культуры и административного строительства (предварительные итоги) / Под ред. Е.В. Зерновского. Белгород, 1929. - С. 18.
14. Там же.
15. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. - Л. 2.
16. Там же. - Л. 9.
17. Белгородский округ ЦЧО. Характеристика... - С. 19.
18. Там же. - С. 51.
19. Там же. - С. 54.
20. См.: Контрольные цифры хозяйства ЦЧО на 1928-29 г. Воронеж. 1928. - С. 60.
21. ЦДНИ БО. Ф.382. Оп.1. Д.65. - Л. 23.
22. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. - Л. 9.
23. ЦДНИ БО. Ф.382. Оп.1. Д.22. - Л. 71.
24. Белгородский округ ЦЧО. Характеристика... - С. 18.
25. Там же. С. 21.
26. ГАБО, Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. - Л. 10.
27. Там же. - Л. 49.
28. Там же. - Л. 54.
29. Там же.

**СКЛАДЫВАНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ В 1920-Е ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ СВЕТСКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

А.В. Петров

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается освещение Обновленческого движения в 1920-х гг. в Русской Православной церкви в современной отечественной историографии. Комплекс представлений, взглядов и оценок современных отечественных историков, по своей структуре, имеет светскую историографическую направленность. Основными в освещении церковных событий в 1920-х гг. стали две тенденции: разно-сторонняя и критическая оценка деятельности Обновленческого движения и демонстрация степени влияния и вмешательства государственных структур во внутренние дела Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Обновленческое движение, Обновленческий раскол в 1920-х гг., Патриаршая церковь, Обновленческая церковь, Реформаторство, Каноничность, Советские государственно-церковные отношения.

THE FORMATION OF THE RENOVATION MOVEMENT IN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1920s IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A.V. Petrov

Belgorod State University

The present article deals with the Renovation Movement in Russian Orthodox Church in 1920s in modern Russian historiography. The complex of concepts, views and appraisals of modern Russian historiographers has in its structure a church and a secular historiographic orientation. There are two main tendencies in the description of church events in 1920s: many-sided and critical appraisal of the Renovation Movement activity and demonstration of the state structures' interference in the internal affairs of the Church.

Key words: Russian Orthodox Church, Renovation Movement, Renovation Split in 1920s, Patriarchal Church, Renovation Church, Reformation, Traditional character of the Church, relationships between the state and the Church in the USSR.

История Русской Православной церкви и обновленческого движения в первые послереволюционные десятилетия, привлекают сегодня повышенное внимание исследователей. Обусловлено это прежде всего необходимостью осмыслить сложную и противоречивую «эпоху» в истории Отечества, изучить опыт существования и выживания Церкви в условиях становления антирелигиозного государства, а также, сохранить каноническую целостность Русской церкви. В свете сказанного, уместно замечание Д.А. Головушкина: «Вопросы, связанные с возникновением и деятельностью внутрицерковной оппозиции традиционно являются предметом острых споров, в которых сталкиваются не только различные научные подходы, но и интересы влиятельных и укорененных в общественном сознании религиозных организаций...»¹.

В советской историографии проблемы, возникшие в связи с церковным обновленческим расколом 1920-х гг. и последующим церковным противостоянием, вплоть до кон. 1980-х гг., многими историками рассматривались весьма односторонне – либо в плоскости политической конъюнктуры (советских государственно-церковных отношений), либо в контексте советской идеологии атеистического государства. Главным образом, как отмечает ряд современных исследователей² - Церкви отводилась роль идеологического противника, ее деятельность изучалась с точки зрения исполнения или неисполнения советского законодательства, борьбы против установления советской власти или переориентации политической позиции. В частности, М.Ю. Хрусталева особо подчеркивает: «В итоге (такого подхода к вопросу) искажались реальные факты... Церковь включалась в систему выстроенного контрреволюционного заговора, скрывались данные о репрессиях против духовенства...»³.

В конце 1980-х – нач. 1990-х гг. появились условия для всестороннего изучения ранее недоступных архивных источников, что способствовало выработке новых подходов, отражением которых стал изданный в 1989 г. (приуроченный к 1000-летию Крещения Руси) коллективный труд «Русское православие: веки истории»⁴. Вслед за этим изданием, как замечают многие авторы, появляется целый комплекс работ, в которых нашли отражение различные аспекты обновленческого движения в русском православии 1-й пол. XX в., тем самым, наглядно отражая актуальность данной тематики.

В светской современной отечественной историографии вопрос обновленческого движения в 1920-х гг. рассматривали Л. Регельсон, С.Н. Савельев, В.А. Алексеев и др.

Историк Церкви Л. Регельсон, исследуя обновленческое движение в 1920-х гг. выделяет ряд факторов, которые в совокупности привели к церковному расколу и образованию обновленческой церкви в 1922 г. В первую очередь, автор обличает лидеров обновленческого движения (митрополит Антонин (Грановский), протоиерей А.И. Введенский, священник В. Красницкий и др.), которые, прикрываясь «реформаторскими» лозунгами, любыми средствами стреми-

лись к высшей церковной власти, отступая при этом, от канонических и нравственных норм. «Евангельская заповедь братолюбия – подчеркивает автор – которая обращена ко всем христианам, и постановление Собора... были грубо нарушены обновленцами...»⁵.

Также, Л. Регельсон обращает свой взгляд на формально-бюрократическое понимание церковной власти обновленцами, что не в меньшей степени способствовало укреплению позиций обновленчества. По убеждению автора, Высшее Церковное Управление, рассматривалась и воспринималось обновленчеством как чисто бюрократический (безблагодатный) институт, лишь формально огражденный каноническими правилами. «У тех, кто поверил в «каноничность», «законность» обновленческого ВЦУ – разъясняет автор – возникало убеждение в необходимости подчиниться духовному насилию над своей совестью со стороны «церковной власти», так как казалось, что подчинение такому насилию есть условие сохранения единства Церкви»⁶.

Кроме того, Л. Регельсон упрекает русских архиереев, которые, не смогли решиться взять на себя ответственность и бразды автономного управления епархиями, а также, не проявили способности понять и реализовать Соборный и патриарший замысел. «Их духовная несостоятельность перед лицом кучки церковных бюрократов – замечает Л.Регельсон – поддержанных государственной властью, коренилась в системе подготовки епископов, отразившей в себе многие пороки синодальной эпохи»⁷. Автор, заостряет внимание именно на этом моменте: «...если бы архиереи... были духовно подготовлены к такой форме церковной жизни, то успехи обновленчества были бы ничтожны...»⁸. Тем более, как подмечает автор, рядовое духовенство и особенно миряне относились к обновленчеству недоверчиво или враждебно.

Помимо прочего, Л. Регельсон склонен думать, что обновленчество представляло собой довольно мощную организацию лишь благодаря поддержке властей⁹. Эту поддержку, автор связывает с осуществлением антирелигиозной политики Советского государства. Тем самым, автор представляет и рассматривает организацию обновленческой церкви, сквозь призму богорборческой политики большевиков, как некую «ступень» (часть) общего плана по уничтожению Церкви в стране: «...расчленение и ликвидация Церкви по частям...»¹⁰.

Таким образом, по мнению Л. Регельсона, обновленчество, возникшее в результате определенного стечения обстоятельств (деятельность внутрицерковной оппозиции, вмешательство власти во внутренние дела Церкви и др.), явилось серьезным испытанием для Церкви: «...проверкой на прочность единства и целостности...»¹¹. Кроме того, автор делает вывод, что обновленчество, несмотря на все его «эффективные» нововведения (принятые на обновленческом Соборе в 1923 г.), в своих духовных корнях было течением глубоко реакционным, ибо возвращалось к преодоленным Церковью формам существования: церковно-государственной симфонии и синодально – бюрократическому управлению¹².

Исследователь В.А. Алексеев, рассматривает проблему возникновения обновленческой церкви в 1920-х гг. с нескольких сторон. Во-первых, автор акцентирует внимание на внутрицерковных противоречиях и конфликтах, как источнике обновленческого раскола. В.А. Алексеев указывает на тот факт, что в первые два десятилетия XX в. (особенно после прихода к политической власти большевиков) в среде российского духовенства возникает группа сравнительно молодых священнослужителей, которая была недовольна своим положением: «...ей казалось, что ее несправедливо обходят, зажимают, не выдвигают...»¹³. Тем самым, автор подчеркивает, что обновленцы (церковные реформаторы) посредством демократизации внутрицерковной жизни (которая, ущемляла права церкви и верующих, нарушала догматы и каноны вероучения) и дискредитации авторитета церковной иерархии во главе с патриархом, рвались к церковному руководству: «...обновленцы сами были охочи до мишуры власти, внешних атрибутов ее проявления»¹⁴.

Во-вторых, обновленческое движение рассматривается В.А. Алексеевым в контексте советских государственно-церковных отношений, то есть, автором оценивается степень влияния и вмешательства государственных структур во внутренние дела Церкви. Он отмечает, что, если с первой (нач. XX в.) и второй (после Февральской революции 1917 г.) волной обновленческого движения ортодоксальным иерархам удалось справиться и нейтрализовать обновленческие настроения среди духовенства, то с третьей волной обновленчества, поддержанной советскими правительственными органами весной 1922 г., руководству Русской церкви и лично патриарху так быстро справиться не удалось¹⁵. По сути, как замечает автор, советским правительством преследовалась единственная и окончательная цель разрушить Русскую Православную церковь. «Однако – высказывается автор – ход развития общественной практики показал, что

без сохранения церковно-религиозного института, особенно в православии, массы обходиться не могли»¹⁶. Тем более, по мнению автора, решение религиозного вопроса в сторону «смягчения» (который по времени совпал с нэпом) обуславливала также и международная обстановка, поскольку, советская Россия на международной арене имела незавидную репутацию – гонительницы религии. В сложившихся условиях, как указывает В.А. Алексеев, советское руководство вынуждено было пойти на компромисс: «...согласиться на сохранение церковно-религиозной структуры, но на новой основе: имелось в виду, что во главе приходов должно стоять не старое «реакционное духовенство», а лояльные советской власти обновленцы»¹⁷. По убеждению автора, государственные деятели были уверены, что руками обновленцев они разобьют старую «церковную машину» и потому до поры до времени обновленцам надо помогать.

Таким образом, В.А. Алексеев приходит к выводу, что встав на сторону обновленцев, которые стремились к высшему церковному управлению, власти все более втягивались во внутрицерковные дела, пытаясь таким образом, если не уничтожить, так поставить Церковь в полную зависимость от светской власти¹⁸.

В свою очередь, С.Н. Савельев изучая деятельность Антирелигиозной комиссии в 1920-х гг. отмечает, что начиная с 1918 г. религиозные организации (включая обновленческие) находились под пристальным наблюдением ВЧК-ГПУ-НКВД, и жесточайшим контролем Политбюро ЦК и ее Антирелигиозной комиссии, которая пыталась дозировать меру веры и неверия определяла и регулировала религиозное пространство, количество церквей, мечетей и молитвенных домов, устанавливала нужную степень запугивания и подкупа церковной иерархии¹⁹.

Другой историк Церкви М.И. Одинцов, уделяя внимание обновленческим процессам в 1920-х гг. склоняется к мысли, что советская власть посредством обновленцев («прогрессивного духовенства») пыталась сместить патриарха Тихона, и, ввести в управления Церковью религиозных деятелей, которые могли бы, беспрекословно выполнять распоряжения власти²⁰. Тем не менее, автор подчеркивает, что рассматривать создание обновленческой церкви, не без помощи официальной политической власти, как некий существенный «шаг» на встречу Русской церкви, представляется не возможным и не приемлемым. По мнению М.И. Одинцова, советская власть как и прежде, проводила по отношению к Церкви лишь одну политическую (перманентную) линию: «...максимально долго сохранять в церковном мире атмосферу хаоса и безвластия, борьбы всех против всех, не давая возможности консолидироваться, провести Поместный собор»²¹.

Исследователь С.Л. Фирсов, постигая содержание и суть реформаторского движения в 1920-е гг., выделяет две фундаментальные «платформы», на которых, складывалась и держалась обновленческая церковь. В первую очередь, по мнению автора, это богоборческая политика большевиков, которая сводилась к полному уничтожению религии²², а, следовательно, и Церкви: «...власть предприняла попытку разложить Церковь изнутри, разобщить Ее, противопоставив «староцерковников» революционно настроенным иереям»²³. Но и обновленческое движение, по мнению автора, рассматривалось советской властью как временная мера, как временная уступка Церкви: «...религия по своей сущности контрреволюционна (по суждению большевиков), а раз так, не может быть «полезной религии», могут быть лишь временно удобные клирики. Это не поняли обновленцы...»²⁴.

С другой стороны, С.Л. Фирсов фокусирует внимание на истоках обновленческого движения, которое складывалось с начала XX ст., на фоне политических изменений и внутрицерковных противоречий: «Семена разлада, подготовленные многолетним негласным противостоянием белого (приходского) и черного (монашеского) духовенства, взошли не без помощи атеистической власти как раз в тот момент, когда православная конфессия остро нуждалась в единстве и сплоченности...»²⁵.

Кроме того, С.Л. Фирсов считает, что церковная иерархия, оставшись на время без своего духовника и пастыря (патриарха), не нашла в себе мужества и силы отстоять канонические устои православия в «автокефальной» форме управления епархиями, и, не представляя себя вне вертикальной структуры церковного административного управления, уступила давлению и нажиму власти, а следовательно, в большинстве своем, перешла в церковное русло обновленчества. «Трагедия заключалась в том - высказывает свой взгляд С.Л. Фирсов - что отечественная иерархия, воспитанная на принципах беспрекословного послушания государству, совершенно не представляла себе, что такое настоящая церковная свобода. Администрирование - главный бич синодальной Церкви, воспринималось не только как нормальное, но и как естественное явление...»²⁶.

Таким образом, С.Л. Фирсов приходит к мысли, что обновленческий раскол не мог осуществиться без прямого вмешательства власти. Помимо этого, автор подчеркивает, что выявилась неподготовленность и несостоятельность православной иерархии к самостоятельному (автономному) управлению епархиями без директив и указаний центра, что повлекло за собой многочисленный отток священнослужителей в обновленческую церковь²⁷.

М.И. Вострышев освещая проблему обновленческого движения в 1920-х гг. высказывает точку зрения, что церковный раскол был инспирирован непосредственно советской властью: «...еще 15 мая 1922 г. Л. Троцкий направил секретное письмо членам Политбюро ЦК РКП(б), где всячески советовал поддерживать раскол в Церкви...»²⁸.

В унисон к сказанному, М.И. Вострышев констатирует, что к 1923 г. в ведении обновленцев находилось уже 70% православных приходов страны. Автор отмечает, что такой массовый переход священнослужителей в обновленчество, также имел существенное и не маловажное значение, в вопросе организации «Живой церкви» и ее «реформаторской» деятельности. В виду чего, автор выделяет несколько причин обращения священнослужителей в обновленчество: «...кто испугавшись за себя и близких, кто поверив клевете советских газет и журнала «Живая церковь», кто прельстившись выгодной должностью...»²⁹.

Кроме того, М.И. Вострышев характеризует обновленческих лидеров как беспринципных приспособленцев, отпетых авантюристов, предателей и клеветников: «Они пели в храмах, многие лета благовернейшему Совнаркому... они всю церковную Русь хотели наводнить лозунгами: «Разными путями, но мы идем к одной цели: к устройению царства Божия – Социализма – на земле»³⁰.

Исследователи Н.Н. Покровский и С.Г. Петров, в своей соавторской работе обращаясь к теме обновленческого движения в 1920-х гг., высказывают схожие взгляды в том, что весной 1922 г. ведущие теоретики и практики партии В. Ленин и Л. Троцкий выработали тонкий план (в рамках общего плана по уничтожению Церкви), на основе которого, было принято решение ввести в руководство Русской церкви священнослужителей, которые «лояльно» относились бы к советской власти. При этом, как замечают авторы, учитывалось и известное внутрицерковное явление — движение за обновление церковной жизни, существовавшее в канонических рамках Православной церкви еще в период великих реформ 1860-х гг., возродившееся в 1905 г. и отраженное в ряде решений Поместного Собора 1917-1918 гг.³¹

Таким образом, авторы подчеркивают, что в 1922 г. представилось удобным повернуть некоторые лозунги и отдельных лидеров этого движения в направлении, угодном политической власти, для решения стратегической партийной задачи раскола Церкви³².

М.В. Шкаровский исследуя обновленческое движение в 1920-х гг. отмечает очевидность того факта, что обновленческий раскол был организован органами государственной власти (причем первые подобные попытки относятся к 1919-1920 гг.): «...без их прямого вмешательства в жизнь Церкви ничего подобного бы не произошло»³³. В тоже время, автор склоняется к мысли, что в нач. 1920-х гг. в руководстве РКП(б) не было единства в отношении религиозной политики: «Группа «непримиримых» считали, что все духовенство реакционно и необходимо неослабно бороться с Церковью до ее полного уничтожения... «государственники» же полагали, что целесообразно произвести раскол в Патриархии, выделить «прогрессивную» часть духовенства и, предоставив ей определенные льготы, использовать в своих целях»³⁴.

В конечном итоге, как замечает автор, в начале 1922 г. в ЦК РКП(б) и СНК пришли к выводу, что руководство Православной церковью должно взять в свои руки духовенство, лояльное (подчиненное) советской власти и правительству: «...с этим духовенством, и предлагалось на время нормализовать отношения»³⁵.

Тем не менее, по убеждению М.В. Шкаровского, нельзя согласиться и с односторонней постановкой вопроса о причинах возникновения обновленческого раскола в Церкви, сводивших истоки «обновленчества» только лишь к действиям властей и моральной нечистоплотности его лидеров). «Существовали и определенные объективные факторы - уточняет автор - например, социальное расслоение духовенства»³⁶.

Исследователь Н.А. Кривова обращаясь к проблеме реформаторского движения в 1920-х гг. непреклонно указывает, что религия рассматривалась новой советской властью в качестве одного из основных препятствий на пути установления монополии в области идеологии: «Церковь в планах большевиков, подлежала полной ликвидации вместе со всем «отжившим» миром»³⁷. С этой целью, по мнению автора, была задумана «провокационная» акция против церкви: «...большевики решили взорвать Ее изнутри, использовав церковные проблемы на ну-

жды своей партии»³⁸. При этом, автор подчеркивает, что обновленчество рассматривалось большевиками как временное явление: «...Церковь сейчас разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме»³⁹. Кроме того, как замечает Н.А. Кривова, большевики в борьбе с Церковью, использовали те внутрицерковные проблемы и противоречия, которые явственно прослеживались в 1-й четв. XX в.

Таким образом, Н.А. Кривова фиксирует внимание на том, что обновленческое движение, несущее привлекательные реформаторские идеи (которые проявились еще с нач. XX в., и были оформлены в теоретических «платформах», различных либерально-церковных (реформаторских) течениях – «от охранительных до призывающих к обновлению церкви», и что роднило их с вышедшим на арену в 1922 г. обновленческим движением), было использовано большевиками для раскола церкви.

Исследователь Т.Г. Леонтьева дает оценку обновленческого движения с точки зрения приходского обывателя 1920-х гг., объясняя таким образом лояльную восприимчивость, или точнее сказать, индифферентность некоторых слоев населения к новоявленным церковным модернистам. В частности, автор отмечает, что прихожане в массе своей оставались «религиозно безграмотными», но аккуратными «требопотребителями». Условно эту группу верующих автор называет «традиционалистами», для которых, смена власти не связывалась со сменой веры. «К обозначенной группе - поясняет Т.Г. Леонтьева - примыкали «сомневающиеся идеалисты», склонные отождествлять идеалы большевизма с христианскими постулатами... будущее представлялось им как царство Божие на земле, и они сознательно поддержали санкционированный новой властью вариант «церковной реформы»⁴⁰.

О.Ю. Васильева характеризуя церковную жизнь в период 1917-1929 гг., полагает, что до 1922 г. у большевиков не было цельной программы борьбы с Церковью как духовным и политическим противником. Власть, по мнению О.Ю. Васильевой, решала первостепенные задачи: окончания войны и борьбы с экономической разрухой. Но с 1922 г., как указывает автор, складывается и оформляется «перспективная» антирелигиозная политика советской власти: «...борьба с Церковью будет идти по двум направлениям — видимому (силами атеистов и безбожников) и невидимому (силами ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД - МГБ - КГБ)»⁴¹.

Кроме того, автор отмечает, что с началом кампании по изъятию ценностей, Церковь должна была противостоять не только власти, усилившей репрессивную политику, но и обновленческим группировкам духовенства, поддерживаемым и оплачиваемым той же властью, помогавшей им захватить церковное руководство и провести такие реформы, которые превратили бы Церковь в религиозное сообщество. «Советская власть - пишет О.Ю. Васильева - неоднократно прибегала к попыткам раскола: кроме обновленческого, это и поддержка григорианского, и попытка внести смущение в отношения между митрополитом Сергием (Страгородским) и митрополитом Агафангелом (Преображенским)»⁴².

В свою очередь, историк Д.А. Головушкин исследуя проблему обновленчества в 1920-х гг. в первую очередь говорит о достаточной убедительной базе доказательств, деятельного участия Советского государства в организации обновленческого раскола. Но основное содержание реформаторского движения в Русской церкви, по мнению автора, заложено именно во внутренних противоречиях церковно-духовной жизни, 1-й четв. XX в.: «Какие цели ставило обновленчество, пытаясь заручиться поддержкой нового государства и можно ли объяснять это желание лишь карьерными устремлениями обновленческих лидеров, их «предательской позицией» по отношению к интересам Церкви?»⁴³.

Таким образом, Д.А. Головушкин высказывает мысль, что обновленцев следует рассматривать не только как приспособленцев (конформистов) к новым реалиям жизни, но и как (в некотором роде) идейных деятелей, а также, носителями некоторых религиозных взглядов, которые нашли свое фактическое отражение в определенной среде духовенства: «...обновленчество вошло в советскую эпоху как ярко выраженный представитель христианского фундаментализма, ставивший своей целью преобразование имеющихся социально-политических институтов в духе христианских идеалов»⁴⁴.

А.М. Катаев рассматривает обновленческий раскол Русской Православной церкви в контексте советских государственно-церковных отношений. Автор, уделяет повышенное внимание роли государственных структур в формировании и организации обновленческой церкви. Он с очевидностью факта утверждает, что раскол был организован Политбюро и ГПУ в 1922 г.: «Обновленческое движение создавалось как «советская» альтернатива «черносотенной», «тихоновской» Церкви... ГПУ активно оказывало давление на правящих архиереев с целью добиться

признания ими ВЦУ и «Живой церкви»... против «тихоновского» духовенства были организованы репрессии»⁴⁵.

Исследователь И.П. Воронцова, уделяя внимание церковно-модернизационным процессам 1-й четв. XX в., акцентирует внимание на несомненную взаимосвязь и определенную преемственность идеологической «концепции» обновленческого движения, которая, явственно прослеживается, на фоне общественно-политических изменений в стране, вплоть до внутрицерковного раскола 1920-х гг.: «Некоторый устоявшийся комплекс реформаторских идей «перенесли» через рубеж Октябрьской революции 1917 г. А. Введенский, П. Раевский, Б. Титлинов, И. Егоров как участники заседаний либерально-церковного общества начала века... признав Д. Мережковского, В. Розанова, С. Булгакова за своих «предтеч»⁴⁶.

Однако И.П. Воронцова склоняется к мысли, что обновленческое движение без поддержки государственных органов советской власти, неминуемо сошло бы на «нет»: «Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг. стал тем рубежом, который заставил христианских модернистов приостановить свою деятельность...»⁴⁷. Тем самым, автор подчеркивает, что лишь благодаря деятельности силовых структур государства (в рамках борьбы с Церковью) и изворотливости обновленческих лидеров («заигрывание» с властями, принципиальная непримиримость к патриарху Тихону), реформаторское движение в нач. 1920-х гг. не только не прекращает свое существование, но и проявляется в наибольшем своем виде и практической форме – возникает обновленческая (Живая) церковь. В частности, И.П. Воронцова отмечает: «Задействуется готовый «материал» в лице «церковных революционеров», имевших в запасе готовые реформаторские тезисы, и этот «материал» после финансовой и организаторской поддержки используется для «блицкрига» Л. Троцкого против Русской церкви...»⁴⁸.

Таким образом, светская современная отечественная историография рассматривает обновленческий раскол 1920-х гг. в нескольких аспектах. Во-первых, обновленческое движение представляется как форма внутрицерковного противостояния, в котором обновленцы, для достижения своих целей, использовали неприемлемые в каноническом и нравственном отношении методы и средства борьбы. Во-вторых, наглядно и аргументировано показывается причастность Советского (светского) государства к церковному расколу Русской церкви в 1920-х гг., а также, влияние и вмешательство органов государственной власти во внутренние дела Церкви.

Следует также отметить, что Д.А. Головушкин, М.В. Шкаровский, И.П. Воронцова и др., видят истоки обновленческого раскола 1920-х гг. в нач. XX в. - с началом либерально-церковного движения, которое, на протяжении долгих лет «трансформировалось», и в наибольшей форме проявилось (при благоприятных условиях) в 1920-х гг. Несколько иную позицию, занимают М.И. Вострышев, А.М. Катаев, которые считают, что обновленческий раскол следует рассматривать в плоскости целенаправленной политики и деятельности советской власти. Авторы убеждены, что без вмешательства советских спецслужб (ГПУ) во внутренние дела Церкви, никакого бы церковного раскола не произошло.

Примечания:

1. Головушкин Д.А. *Феномен обновленчества в Русском православии первой половины XX века.* СПб., 2009. – С. 7.

2. См.: Головушкин Д.А. *Указ соч.* - С. 15-17; Гераськин Ю.В. *Взаимоотношения Русской Православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России)* // Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 2009. – С. 4-5.; Хрусталева М.Ю. *Русская Православная церковь в центре и на периферии в 1918-1930-х годах (на материалах Новгородской епархии)* // Дисс... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. – С. 7-8.

3. Хрусталева М.Ю. *Указ соч.* – С. 9.

4. *Русское православие: веки истории / Сост. Я.Н. Щапов [и др.]; отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Изд. политической литературы, 1989. – 719 с.*

5. Регельсон Л.Л. *Трагедия Русской Церкви 1917-1945: материалы по истории Церкви. М., 2007. – С. 76.*

6. Там же. – С. 78-79.

7. Там же. – С. 81.

8. Там же.

9. Там же. – С. 88-90.

10. Там же. – С. 90.

11. Там же. – С. 72.

12. Там же. – С. 96.

13. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. – С. 223.
14. Там же. – С. 240.
15. Там же. – С. 224.
16. Там же. – С. 233.
17. Там же. – С. 234.
18. Там же. – С. 255.
19. См.: Савельев С.Н. Бог и комиссары // Социологические исследования. 1991. №2. – С. 34-45.
20. См.: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. В 3 ч. Ч1. «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М., 1999. – С. 42-43.
21. Там же. – С. 43.
22. См.: Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский), (о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции). Русская Церковь в XX столетии: документы, воспоминания, свидетельства. СПб., 2005. – С. 85-86.
23. Там же. – С. 91-92.
24. Там же. – С. 106.
25. Там же. – С. 92-93.
26. Там же. – С. 55.
27. См.: Там же. – С. 90.
28. Вострышев М.И. Патриарх Тихон. М., 2004. – С. 250.
29. Там же. – С. 250.
30. Там же. – С. 240-241.
31. См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. / Сост. Покровский Н.Н., Петров С.Г. В 2-х кн. М.-Новосибирск, 1997. – С. 47-61.
32. Там же.
33. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, (государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах): материалы по истории Церкви. М., 2005. – С. 33.
34. Там же. – С. 77.
35. Там же. – С. 79-80.
36. Там же. – С. 34-35.
37. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. (Политбюро и РПЦ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства) // Исторический журнал «Махаон». 1999. №1, январь, февраль.
38. См.: Там же.
39. См.: Там же.
40. Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: Духовенство в революционном обществе России начала XX века // ВИ. 2001. №1. – С. 29-43.
41. См.: Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание [Электронный ресурс] // Православие.RU
42. Там же.
43. Головушкин Д.А. Указ. соч. – С. 55-56.
44. Там же. – С. 58.
45. Катаев А.М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений // Православный экономический вестник. 2006. №4,5.
46. Воронцова И.В. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX века // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009. – С. 18.
47. Там же. – С. 17.
48. Там же. – С. 18-19.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ ИВНЯНСКОГО И ТОМАРОВСКОГО РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943-1953 ГГ.

Д.М. Кременев

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается возобновление деятельности православных общин в Томаровском и Ивнянском районах Курской области во время Великой Отечественной войны и взаимоотношение приходов Русской Православной церкви с местными властями в первое послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, открытие приходов, Томаровский район, Ивнянский район.

THE RENEWAL OF THE PARISH LIFE IN THE TERRITORIES OF TOMAROVKA AND IVNYA DISTRICTS OF KURSK REGION IN 1943-1953 YY.

D.M. Kremenev

Belgorod State University

The article deals with the reactivation of the Orthodox communities in Tomarovsky and Ivnyansky districts of Kursk region during the Great Patriotic War and the relationship of the parishes of the Russian Orthodox Church with the local authorities in the first post-war decade.

Key words: Russian Orthodox Church, the opening of parishes, Tomarovsky and Ivnyansky districts.

Великая Отечественная война является одним из самых трагичных периодов российской истории. Но именно во время Великой Отечественной войны начинается церковное возрождение, открываются церкви, возвращаются из лагерей священники. Особенно активно процесс возобновления религиозной жизни проходил на оккупированной территории Советского Союза. По подсчетам М. Шкаровского только на территории современной Белгородской области в период оккупации было открыто более 300 церквей¹.

Территория Ивнянского и Томаровского района Курской с октября 1941 по февраль 1943 г. находилась под немецкой оккупацией. По имеющимся в нашем распоряжении документов можно сказать, что перед началом Великой Отечественной войны на территории Ивнянского и Томаровского района Курской области, были закрыты все церкви. По всей вероятности последней, уже перед самой войной, была закрыта Вознесенская церковь в с.Кочетовка Ивнянского района, в заявлении при регистрации в 1944 г. говорилось, что церковь возобновила свою деятельность в 1941 г., а до этого не функционировала в течении 9 месяцев.

Все религиозные общины, которые были вновь зарегистрированы в 1944 году, начали свою деятельность в период оккупации района немецкими войсками.

Так Вознесенская община с. Кочетовка Ивнянского района начала функционировать (согласно заявлению при регистрации) с 1941 г.², Георгиевская церковь в с.Серетино Томаровского района возобновила свою деятельность 6 декабря 1941 г.³, Казанская церковь в сл. Томаровка вновь открыта 15 декабря 1941 г.⁴. На 1941 г. приходится так же возобновление службы в Митрофановской церкви с.Мощеного Томаровского района⁵ и Покровской церкви с.Кустовое этого же района⁶. 4 февраля 1942 г. была вновь открыта Успенская церковь в с. Пушкарном Томаровского района⁷. В 1942 г. были возобновлены службы в православных общинах сёл Песчаное⁸, Хомутцы⁹, Курасовка¹⁰ и Богатое¹¹ Ивнянского района. В январе 1943 г. вновь открылись приходы в с. Новенькое¹² и с. Череново¹³ Ивнянского района. Даты открытия церкви упоминалось при регистрации, но в воспоминаниях местных жителей есть один интересный факт, так А.И. Голозубов в своей автобиографической работе « В знании прошлого сила настоящего», писал: «Во время войны в с. Новенькое вернулся мой дядя долгое время проживший в эмиграции, а с кон. 1920-х гг. живший в г. Харькове, вёл тихую неприметную жизнь, жил при возобновившейся свою деятельность церкви, где и служил сторожем. После освобождения района от немецких войск был арестован и никто его больше не видел»¹⁴. Таким образом, в этих воспоминаниях указывается иная, ранее указанного 1943 г., дата возобновления деятельности церковной общины.

Всего на территории Ивнянского района в период 1944 г. было зарегистрировано 7 общин, а на территории Томаровского района 5 общин. Из 7 религиозных общин зарегистрированных в Ивнянском районе в 4 сёлах Новенькое, Кочетовка, Песчаное и Череново богослужения проходили в храмах. Одна община-Вознесенская в селе Богатое занимала помещение бывшей церковной сторожки. В Томаровском районе из 5 общин в 2 - Успенская в с. Пушкарном и Казанская в сл.Томаровка службы проводились в храмах. Остальные общины располагались в приспособленных для религиозных нужд помещёниях молитвенных домах.

Так например в с. Хомутцы православная община располагалась в части жилого дома активного члена общины Варвары Ивановны Александровой, который она сдавала общины в аренду. После её смерти в 1950 году и смены хозяина дома община из-за отсутствия помещения была вынуждена закрыться¹⁵. Если пример Дмитриевской церкви села Хомутцы (закрытие и снятие с регистрации общины) для Ивнянского района в период 1943-1953 г. был единичен, то в Томаровском районе можно увидеть совсем другую картину. Так в 1949 г. в Томаровском районе была закрыта Покровская церковь с. Кустового. Община возобновила свою деятельность в 1941 г., до 1944 г. службы проводились в здание клуба. По всей видимости, в клуб в 1930-х гг. была переоборудовано здание церкви, а с 1944 г. службы велись в бывшей церковной

сторожки¹⁶. С 1944 г. по 1946 г. настоятелем общины был о. Евдокий (Маслов)¹⁷. После 1946 г. в деле религиозной общины не отмечен не один священник. 29 июля 1949 г. по распоряжению Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Курской области Золотухина имущество Покровской церкви села Кустового Томаровского района было передано в Казанскую церковь сл. Томаровки¹⁸.

В 1950 г. вслед за Покровской церковью с. Кустового была закрыта Митрофановская церковь села Мошеного Томаровского района. Митрофановская община была зарегистрирована Советом по делам Русской Православной церкви в 1944 г., функционировать же начала в 1941 г. Во время Великой Отечественной войны, настоятелем общины был о. Григорий Ермоленко¹⁹. Под молитвенный дом община арендовала дом у Григория Стефановича Сергеева, который с 11 июля 1945 г. по указу архиепископа Курского и Белгородского Питирима стал настоятелем Митрофановской церкви²⁰. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют точно сказать, был ли отец Григорий Сергеев рукоположен до 1945 г. или же в 1945 г.

5 сентября 1950 г. Томаровским райисполкомом было инициирована проверка санитарного состояния помещения Митрофановского молитвенного дома, используемого под культурные нужды. После проверки, комиссия постановила службу в молитвенном доме приостановить, так как «помещение, отведенное под молитвенный дом, совершенно не отвечает техническим, санитарным и противопожарным нормам: установленным для зданий общественного назначения»²¹. Отец Григорий Сергеев вскоре после закрытия общины был уволен за штат²².

16 апреля 1951 г. была закрыта Георгиевская церковь в селе Серетино Томаровского района. Свою деятельность община возобновила 6 декабря 1941 г. В район деятельности общины кроме села Серетино входили соседние сёла Борисовского района. До 1947 г., под молельный дом община арендовала дом у гражданки Горовой²³, а 3 августа 1947 г. община купила дом за 14 тысяч рублей²⁴. Но наличие помещения и постоянного настоятеля не спасло Георгиевскую церковь от закрытия. 16 апреля 1951 г. Курским исполнительным комитетом областного совета были утверждены выводы комиссии при Томаровском исполкоме «о непригодности» здания Георгиевского молитвенного дома для собрания людей, и принято постановление о закрытии молитвенного дома в селе Серетино²⁵. 3-го июля 1951 г. о. Василий Медведев, служивший в общине с 1942 г., сдал имущество церковному совету²⁶. Имущество Митрофановской и Георгиевской церквей было передано в Казанскую церковь сл. Томаровки²⁷.

В этом же 1951 г. Томаровским райисполкомом было инициирована попытка закрыть Успенскую церковь в с. Пушкарном и Казанскую в сл. Томаровка. 30 июня 1951 г. Исполком Пушкарского сельского совета депутатов трудящихся обсуждал вопрос «О возврате клуба сельсовету, в котором размещена в настоящее время Успенская церковь»²⁸. В качестве свидетелей Пушкарский сельский совет использовал Бурыкина Тимофея Васильевича, который в 1937 г., будучи председателем Пушкарского сельского совета, принял от районного финансового отдела здание церкви. И Роменского Якова Петровича, которые в 1937 г., будучи инспектором районного финансового комитета, производил передачу Успенской церкви Пушкарскому сельсовету²⁹. 17 июля 1950 г. Исполком Томаровского Районного совета депутатов трудящихся утвердил ходатайство Пушкарского сельского совета о возврате здания сельского клуба³⁰.

16 июля 1951 г. председатель Томаровского районного потребительского союза С.Я. Подзолков направляет ходатайство Томаровскому Исполкому, о возврате бывшей базы райпотребсоюза- здания Казанской церкви³¹. 17 июля 1951 г. ходатайство райпотребсоюза было одобрено³². Но 24 сентября 1951 г. Курский облисполком отклонил оба ходатайства о закрытии Казанской церкви сл. Томаровка и Успенской церкви с. Пушкарное. На наш взгляд отклонение прошений Томаровского Исполкома о закрытии церквей в сл. Томаровка и с. Пушкарное связано с опасением возмущений верующих, так как с закрытием Успенской церкви в с. Пушкарном и Казанской в сл. Томаровка в Томаровском районе не осталось бы ни одной действующей церкви.

В ходе Курской битвы или как упоминается в официальных документах «июльских событий 1943 года» здания храмов в сёлах Кочетовка и Новенькое сильно пострадали. В 1944 г. председатель исполкома райсовета трудящихся Власов в заявлении уполномоченному Совету по делам РПЦ при СНК СССР по Курской области писал «в селе Новенькое находится церковь которая в настоящее время требует капитального ремонта. До июльских событий 1943 года в данной церкви служба проводилась»³³.

В 1952 г. обосновывая свои действия сильным разрушением здания храма, Ивнянским райисполкомом была произведена попытка закрыть церковь в с. Кочетовка, основываясь на

том, что «ввиду длительного срока службы и отсутствия продолжительное время ремонта, а так же июльских боёв 1943 года (попало 6 снарядов) здание церкви пришло в полное разрушение и грозит обвалу, что является не безопасным для дальнейшего использования»³⁴. Это по мнению членов Ивнянского райсовета являлась достаточным основанием для закрытия церкви. Следует отметить, что разрушение и ветхость церковного помещения, не помешало использовать здание церкви с августа 1951 по 25 мая 1952 г. под склад «Заготзерно», и впоследствии помещение церкви было занята местным колхозом³⁵. Прошение Ивнянского райсовета было отклонено Исполкомом Курского облсовета и летом 1952 г. церковная община возобновило свою деятельность в церковном здании³⁶.

В 1952 г. в с. Богатом была предпринята попытка отобрать молитвенный дом у Вознесенской православной общины. Вознесенский храм располагался в здании бывшей церковной сторожки, переданной общине в феврале 1945 года как ранее ей принадлежащей³⁷. Сама же Вознесенская церковь была закрыта местными властями в 1937 г.: партийными активистами был инициирован сбор подписей жителей с. Богатое о закрытии церкви, деревянное здание храма было раскатано на брёвна и переделана в начальную школу³⁸.

24 июня 1952 г. на заседании Исполкома Богатенского сельсовета одним из вопросов повестки дня было открытие библиотеки в с. Богатое. В ходе заседания было решено: открыть с 1-го июля 1952 г. при Богатенском сельском совете библиотеку, но «ввиду того, что сельский совет не имеет помещение под библиотеку, а считает бывший дом сельского совета находится в незаконном пользование под молитвенным домом». Было предложено священнику Вознесенской церкви Владимиру Ивановичу Случевскому, освободить молитвенный дом к 27 июля 1952 г.³⁹ В этот же день о.Владимиром Случевским была написана жалоба уполномоченному по делам Русской Православной церкви при Курском исполкоме Володину, где просит отменить решение Богатенского сельсовета как незаконное, так как здание молитвенного дома на балансе сельского совета не стоит, и сельский совет не может распоряжается зданием молитвенного дома.

26 июня 1952 г. решение о закрытие молитвенного дома в с. Богатое Курским облисполкомом было признано не законным, так как закрытие произошло без согласования Совета по делам РПЦ при Курском облисполкоме. Но 25 августа 1952 года председатель Ивнянского райисполкома Шевченко вновь ходатайствует о закрытие общины и передачи здания молитвенного дома под библиотеку. Основания новой просьбы Шевченко видел в том, что до войны здание принадлежала начальной школе. В качестве свидетелей приводил учителей Богатенской школы Абросимову, Мухина и бывшего председателя колхоза «Красный пахарь» Бабанина. Эта просьба так же была отклонена Курским облсоветом⁴⁰.

К началу 1953 г. на весь Томаровский район осталось всего две действующие церкви, в с.Пушкарном и сл.Томаровки и район деятельности данных церквей фактически был весь Томаровский район Курской области. В Ивнянском районе действовало 6 приходов. В церковный приход входил не только тот населённый пункт, в котором он находился, и те сёла, где церковь была закрыта или разрушена. Так в приход Козьма-Демьяновской церкви с. Курасовка Ивнянского района входила не только территория Курасовского сельского совета, но и соседние сёла-с. Вознесенка, д. Алисовка, д.Богдановка, д. Владимировка, с. Новый посёлок (в заявлении с. Круглик) и с. Ивня⁴¹. Приход Вознесенской церкви с. Богатое охватывал сёла Богатенского и Драгунского сельских советов Ивнянского района и близлежащие сёла Ракитянского района-Вышние Пены (в документе д. Хатмынка), с. Меловое и с. Венгеровка⁴².

Таким образом, в Ивнянском и Томаровском районах Курской области мы можем проследить изменение политики Советской власти в отношении общин верующих – от регистрации общин (фактической легализации) во время Великой Отечественной войны, до начала нового витка направленного на закрытие церквей 1949-1952 гг.

Все те религиозные общины, которые были зарегистрированы в 1944 г., возобновили свою деятельность во время немецкой оккупации территории Ивнянского и Томаровско района Курской области. Но начавшаяся оттепель во взаимоотношениях Советской власти и Русской Православной церкви сменилось резким похолоданием в 1949 г. Именно на этот год приходится возобновление антирелигиозной пропаганды, ужесточаются партийные взыскания за исполнение религиозных обрядов. На наш взгляд поводом стала статья газеты «Правда» -«Саратовская купель», в которой прозвучала резкая критика в упущении в области антирелигиозной пропаганды и пережитков прошлого. Причиной возобновления атеистической пропаганды было: недовольство многих партийных чиновников и агитаторов в активизации деятельности

церкви на территории Советского Союза. На наш взгляд, просьбы Ивнянского и Томаровского исполкомов о закрытии церквей в с. Богатое, с. Кочетовка и сл. Томаровка, с. Пушкарного было отклонено с боязнью возможных возмущений со стороны верующих, так как в случае закрытия Успенской церкви с. Пушкарного и Казанской сл. Томаровка в Томаровском районе не осталось бы ни одной действующей церкви. А закрытие церкви в с. Богатое и с. Кочетовка Ивнянского района члены Курского облсовета, по всей видимости, посчитали не целесообразным.

Примечание:

1. Шкаровский М.В. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*. М, 2005. - С. 170.
2. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.79. - Л.1.
3. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.31. - Л. 1.
4. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.99. Л. 2.
5. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.32. - Л. 1.
6. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.30. - Л. 1.
7. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.100. - Л. 1.
8. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.60. - Л. 1.
9. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.16. - Л. 1.
10. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.58. - Л. 1.
11. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.57. - Л. 1.
12. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.59. - Л. 1.
13. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.61. - Л. 1.
14. Голозубов А.И. *В знаниях прошлого сила настоящего*. Орел, 1999. - С. 54.
15. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.16. - Л. 5, 9, 16.
16. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.30. - Л. 6.
17. Там же. - Л. 15.
18. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.99. - Л. 2.
19. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.32. - Л. 6.
20. Там же. - Л. 7.
21. Там же. - Л. 19.
22. Там же. - Л. 20.
23. ГАБО. Ф.Р-140. Оп.2. Д.31. - Л. 5.
24. Там же. - Л. 9.
25. Там же. - Л. 35.
26. Там же. - Л. 38.
27. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.79. - Л. 49, 53, 55.
28. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.100. - Л. 51.
29. Там же. - Л. 57, 58.
30. Там же. - Л. 51.
31. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.99. - Л. 60.
32. Там же. - Л. 57.
33. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.59. - Л. 7.
34. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.79. - Л. 26.
35. Там же. - Л. 24.
36. Там же. - Л. 23.
37. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.58. - Л. 24 об, 25.
38. Там же. - Л. 30.
39. ГАБО. Ф.Р-822. Оп.5. Д.22 – Л. 12.
40. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.58. - Л.20, 21, 23, 26, 32, 33, 39.
41. Там же. - Л. 1.
42. ГАБО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.57. - Л. 1.

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
ВО ВРЕМЯ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ 1953-1959 ГГ.
ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Г.В. Удавихин

Пермский государственный университет

В статье рассматривается проблема изучения положения советской партийной элиты середины и конца 50-х гг. с помощью просопографических баз данных (БД). Представлены этапы работы с просопографической БД, примеры статистического анализа БД, а также варианты построения на её основе коллективного портрета чиновников высшего ранга. Для рассмотрения в статье взяты следующие моменты биографий советских должностных лиц: национальность, возраст, социальное происхождение, уровень образования, участие в военных действиях, награды и пр.

Ключевые слова: просопография, БД, коллективный портрет, советская партийная элита 1953-1959 гг.

**COLLECTIVE PORTRAIT OF SOVIET POLITICAL ELITE IN THE TIME OF THE RACE
FOR POWER 1953-1959. AN EXPERIENCE OF PROSOPOGRAPHICAL RESEARCH**

G.V. Udavichin

Perm State University

In the article there is an investigation of the state of the Soviet political Élite of the middle and the end of the 50's with the help of the prosopographical database (DB). There are stages of works with the prrosopographical DB represented, as well as the ideas of the portrait of the officials of the top rank building based on it. There are the following moments of the biographies of the Soviet officials taken for consideration in the article: nationality, age, social background, educational level, participation in military activities, awards, etc.

Key words: Prosopography, DB, collective portrait of the Soviet party elite 1953-1959.

5 марта 1953 года скончался И.В. Сталин. Перед смертью он занимал множество официальных постов: с 1941 года он был Председателем Совета народных комиссаров, Генеральным секретарём ЦК партии он был в течение более чем 30 лет. В его руках была сосредоточена громадная власть. Часть своих обязанностей он доверял Маленкову и Берии, которые и отдавали самые важные распоряжения в первые дни после его кончины. Кончина И.В. Сталина несомненно является точкой бифуркации, моментом, с которого возможны самые непредсказуемые повороты событий. Текущее положение дел располагало к резкому обострению внутривнутрипартийной борьбы за лидерство в стране, оставшейся впервые за 25 лет «без хозяина». Не могли не произойти и изменения в положении советской номенклатуры. Высшие советские чиновники, партийная элита, высшее военное руководство оказались в сложной и неопределённой ситуации. Претенденты на лидерство, в первую очередь Г.М. Маленков, Л.П. Берия и Н.С. Хрущёв, должны были искать поддержки у партийно-государственной и военной номенклатуры. Основу этого слоя советского общества составляли люди, занявшие посты после «великой чистки» 30-х гг., а также в период Великой Отечественной войны. За прошедшее время они обрели авторитет, окрепли. На первое место выдвинулись секретари ЦК республиканских компартий, обкомов и крайкомов. В целом, они были лояльны по отношению к центру, но требовали большей самостоятельности в решении местных дел. Советские государственные деятели всех масштабов были вынуждены переориентироваться на новые условия политической игры, которую вели возможные претенденты на управление Советским государством.

Однако относительная недавность событий тех лет предопределяет расхождения во взглядах исследователей. Как правило, расхождения эти вызваны их субъективными взглядами, а также сформированными жизненными и историческими позициями и идеалами. Многократно усложняет задачу исследователя секретность ряда документов тех лет. Важнейшим условием для написания научной работы на эту тему, таким образом, является беспристрастность исследования, исключение любой возможности смешения оттенков субъективных точек зрения с общей картиной событий.

Ввиду чрезмерного вмешательства заинтересованных лиц, появления огромного количества сомнительной литературы, учебников по истории, зачастую откровенной пропаганды в СМИ и кинематографе, в отечественной исторической науке в последние десятилетия произошёл резкий отказ от проверенных философско-теоретических постулатов, поиск и апробация новых подходов и теорий, позволяющих расширить и углубить изучение исторического процесса.

Эти происходившие в исторической науке процессы и явления отчетливо запечатлелись в истории возникновения и развития такого сравнительно нового исследовательского жанра, как жанр просопографии. Под термином «просопография» подразумевается жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических «коллективных биографий» определенных социальных группы, страт и т.п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты.

Как следует из самого определения просопографии, этот жанр исключительно историчен, так как сосредоточен на изучении главного действующего лица истории — человека (людей). Кроме того, он представляет собой яркий пример междисциплинарных подходов, сочетая в себе наработанные историками-источниковедами приемы изучения массовых источников, процедуры исследования общества, заимствованные у социологов, методики проведения аналитических исследований, выработанные статистиками, технологию баз данных, созданную математиками и программистами.

Эти качества за последние 10 лет сделали просопографические базы данных (БД) весьма популярными и востребованными отечественными исследователями. Многие историки успешно используют «образы» или «коллективные биографии», полученные в результате разработки и исследования информации, содержащейся в БД, созданных на основе сведений биографического характера, не только для решения узконаправленных задач выяснения характерных черт в облике кого-либо в какой-либо исторический период, но и для решения общих проблем изучения социальных, политических и культурологических явлений и тенденций развития исторического процесса.

Целью данной работы является изучение положения советской элиты 50-х гг. и составление её коллективного портрета на основе просопографической БД. Для этого потребовалось решение следующих исследовательских задач:

1. На первом этапе на основе изучения библиографических сведений, опубликованных в различных источниках, были составлены списки партийных работников, необходимых для полноценного изучения проблемы. Данный этап завершился формированием именной БД. В неё я постарался включить как можно большее количество партаппаратчиков, занимавших важнейшие должности и по которым является возможным получить какую-либо информацию: глав министерств СССР, председателей Совета Министров (общесоюзных и республиканских), председателей КГБ при СМ, членов ЦК, секретарей ЦК, членов Президиума Верховного Совета СССР, первых секретарей обкомов и крайкомов, председателей Ленинградского и Московского горкомов. Всего удалось «зарегистрировать» 280 высших партийных чиновников, чей пик карьеры пришёлся на середину 50-х гг. Данная выборка объясняется двумя факторами: во-первых, бесспорно, что лица находящиеся именно на этих должностях определяли внутривнутриполитическую атмосферу в СССР, а во-вторых, вполне логично что биографические сведения именно этих фигурантов представляют собой наиболее доступные для исследователя материалы. Обращаю внимание на то, что все процентные соотношения касаются не всех партаппаратчиков в СССР, а лишь тех, кого я занёс в БД, т.е. по которым мне удалось найти сведения в различной литературе и источниках.

2. Второй этап работы с источниками и литературой предполагал изучение всех перечисленных в списке деятелей и непосредственная разработка базы данных.

3. Следующий этап обработки информации заключался в разработке полей базы данных. На содержании этого этапа следует остановиться особо, так как разрабатываемая база данных должна была позволить, с одной стороны, «зарегистрировать» членов партноменклатуры 1953-1959 гг., а с другой стороны, давала бы возможность по запросу выделить и изучить всю необходимую для нашего исследования информацию о них. После заполнения всех полей разработанной структуры был произведен статистический анализ базы. Разумеется, на этом этапе существует возможность допущения некоторых неточностей, к примеру, не является секретом факт, что многие советские граждане, находящиеся на ответственных должностях в 50-е гг., вынуждены были скрывать своё происхождение по определенным идеологическим причинам, однако вероятность ошибки на данном этапе считаю минимальной. На основе вышеизложенного, в базе данных можно выделить несколько групп вопросов:

- демографические: возраст (продолжительность жизни), пол, национальность, семейные связи, миграция;

- социальные: социальное происхождение и положение, изменение социального статуса; наличие собственности;
- образовательные и профессиональные: образование, профессия, область и виды деятельности, карьера;
- общественно-политические: партийность, политическая и общественная активность, партийные и прочие поощрения и взыскания.

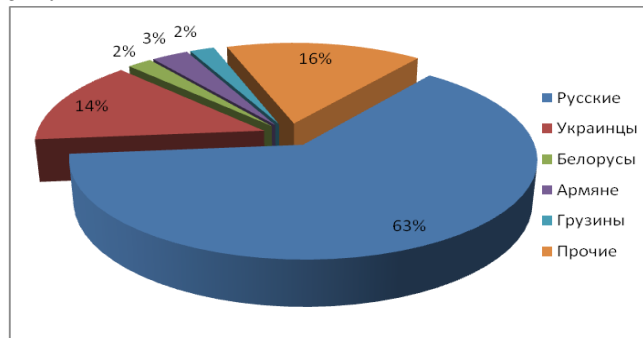
Объектом исследования служат внутривнутриполитические процессы в СССР в 1953-1959 гг.

Предметом исследования является партийная элита, важнейшие чиновники и военные, деятельность которых определяла историю СССР в 50-е гг.

Основными источниками для написания данной работы послужили: Стенограмма пленума ЦК КПСС. Июль 1953 г.; Стенограмма пленума ЦК КПСС. 1955 г.; Стенограмма пленума ЦК КПСС. Июнь 1957 г.; Заявления Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, адресованные пленуму ЦК КПСС от 29 июня 1957 г.; Заявления членов ЦК КПСС, членов ЦК КПСС и членов ЦРК КПСС (21.06.1957 – 06.07.1957); тексты выступлений членов ЦК КПСС, членов ЦК КПСС и членов ЦРК КПСС, не произнесённых в связи с прекращением прений.

В данной статье я остановлюсь на таких важных характеристиках советской элиты, как национальность, образование, происхождение, членство в партии, участие в важнейших военных действиях, наградах, а также фактах понижения в должности и репрессивных мерах по отношению к фигурантам БД.

Национальность.

Как видно из диаграммы, ожидаемое преимущество имеют русские, они составляют 63% от общего числа высших партийных работников, их превосходство над следующей по численности национальной группой украинцев (14%) более чем четырёхкратно. Следующими по численности идут армяне (3%), белорусы и грузины (по 2%), которые имеют более чем двадцатикратное отставание. Совсем малую долю в советской партийной элите занимали представители прочих национальностей, они не включены в таблицу, но из тех партаппаратчиков, по которым я нашел информацию, могу привести следующие данные: четверо азербайджанцев, пятеро латышей, трое евреев, узбеков и литовцев, двое казахов, эстонцев и туркмен, в одиночестве: осетин, якут, финн, молдаванин, бурят и поляк. Стоит отметить присутствие на руководящих должностях представителей таких малых народностей, как уйгуры (И. Юсупов) и аварцев (А.Д. Даниялов), а также евреев, не скрывавших своё происхождение.

Для наглядности посмотрим на общесоюзный национальный состав в СССР. По данным всесоюзной переписи населения на 1959г.

Русские	Украинцы	Белорусы	Узбеки	Таджики	Туркмены	Казахи	Грузины
114113579	37252930	7913488	6015416	1396939	1001585	3621610	2691950
Киргизы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Молдаване	Азербайджанцы	Армяне	
968659	1399539	2326094	988616	2214139	2939728	2786912	

Эти же данные в процентном соотношении:

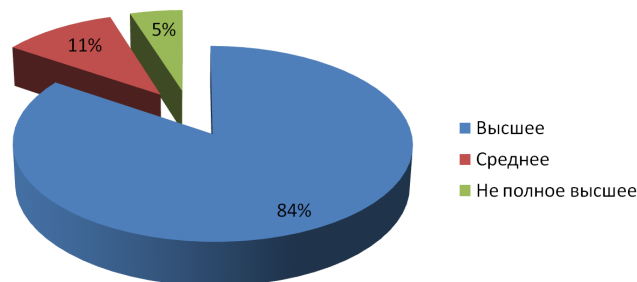
Русские	Украинцы	Белорусы	Узбеки	Таджики	Туркмены	Казахи	Грузины
54%	18%	3,8%	2,9%	0,66%	0,47%	1,7%	1,3%

Киргизы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Молдаване	Азербайджанцы	Армяне
0,46%	0,67%	1,1%	0,47%	1%	1,4%	1,3%

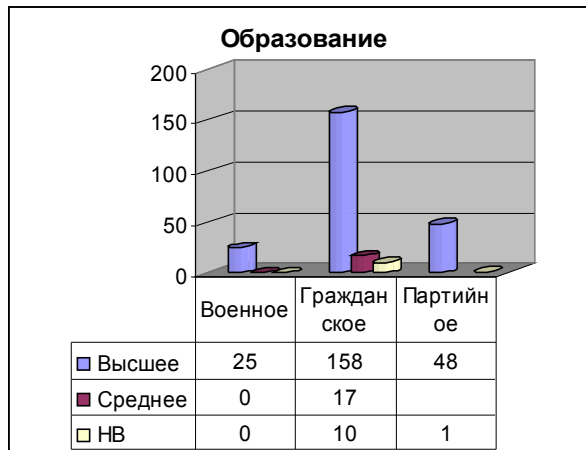
Мы видим, что процент представленный в высших органах власти практически пропорционален национальному составу СССР. Следовательно, можно сделать вывод о беспочвенности разговоров о препятствиях в высшие эшелоны власти лицам не русской национальности. Возможность нахождения советскими гражданами на государственных постах не зависела от национальной принадлежности.

Образование.

Уровень образования

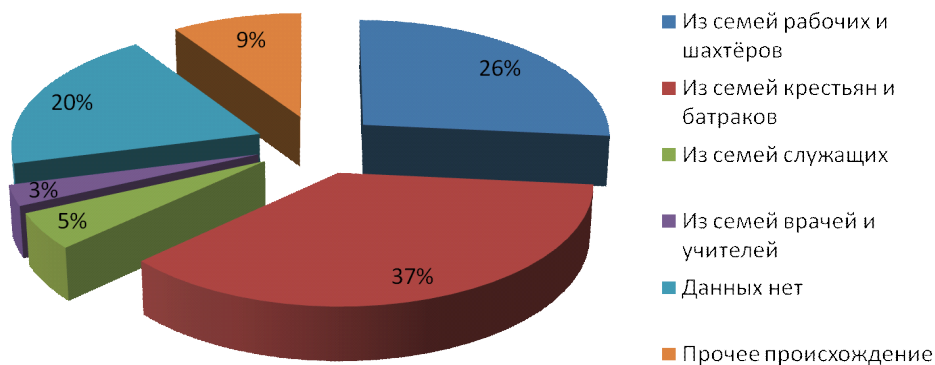
Из диаграммы видно, что подавляющее большинство партаппаратчиков имели высшее образование. Следует отметить, что люди без высшего образования зачастую занимали ответственные должности, например К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян или А. И. Струев. Десятая часть высших чинов, не имеющая высшего образования, на первый взгляд может шокировать. Однако на последующих графиках можно увидеть, что абсолютное большинство партийных деятелей 50-х гг. были выходцами из рабоче-крестьянских семей и родились до революции. И хотя указом 5 октября 1906 г. крестьяне были полностью уравнены в правах с другими сословиями, и крестьянам было даровано одинаковое с дворянством право поступать на государственную службу, в учебные заведения и т. п., а за несколько лет до Первой мировой войны Государственная Дума приняла программу о постепенном введении всеобщего начального образования (эта программа должна была быть реализована к 1922 г.), состояние народного образования в дореволюционной России до сих пор является предметом многочисленных споров. В постановлении ЦИК СССР от 20 октября 1927 г., посвященного итогам культурного строительства СССР за десять лет, написано: «В наследство нашей стране от царя, помещиков и буржуазии осталась почти поголовная неграмотность населения, особенно в деревне. Дело народного просвещения сверху донизу было монополией имущих классов. Порабощенные великодержавным гнетом народы этой империи лишены были какой бы то ни было возможности культурного развития. <...> В особенно тяжелом положении находились культурно отсталые национальности...»¹. Очевидно, постановление выдержано в явно пропагандистском тоне. Однако оно не лишено рационального зерна и по своей сути является реальным отображением дел в дореволюционной России. Тенденции советской системы образования, безусловно, острая и небесспорная тема, но в рамки данной статьи она не входит.

Отмечу что, на общем фоне выделяются украинцы, из них доля с высшим образованием составляет 93%, что на 9% выше общесоюзного уровня.

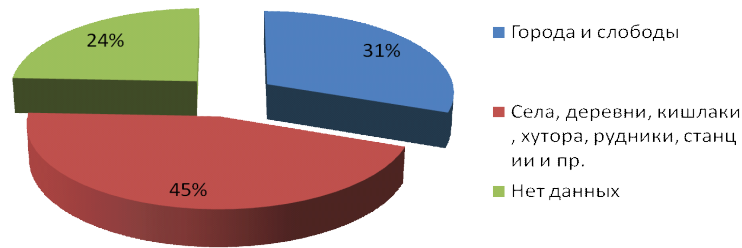
Происхождение.

Происхождение

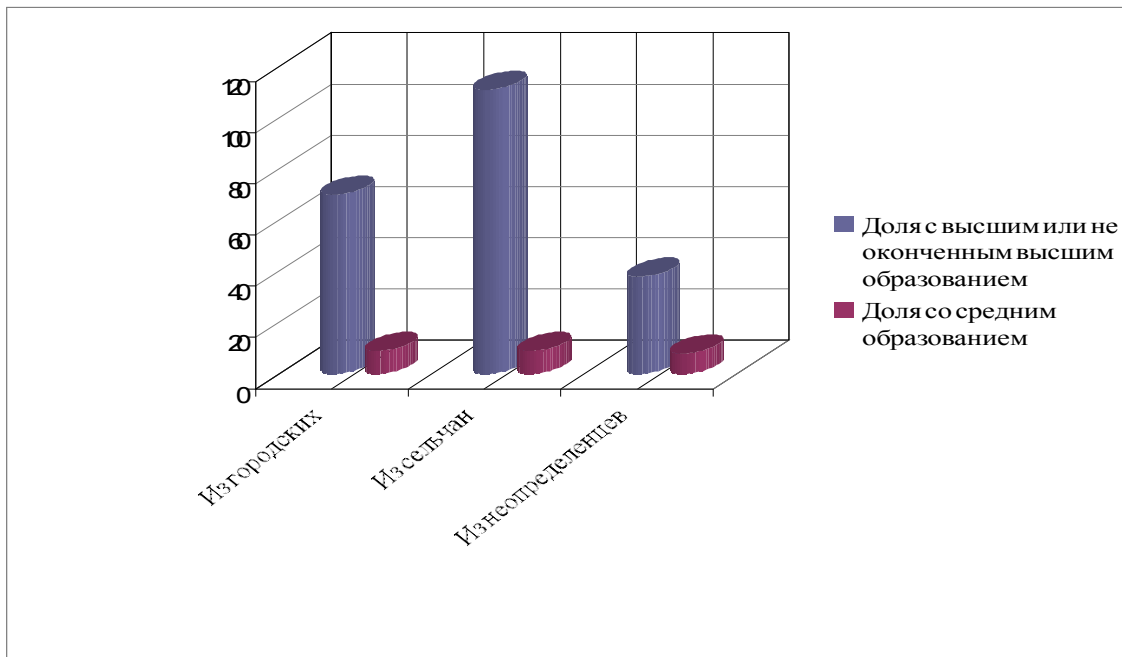

Итак, 37% партийной элиты происходили из семей крестьян и батраков, 26% из семей рабочих, 5% из семей служащих, 3% из семей учителей и врачей. У 20% нет данных по происхождению. Остальные 9% имеют самое разное происхождение (рыбаки, кустари, военнослужащие, священники, мельники). Возможно, некоторые партаппаратчики могли скрывать своё происхождение, во избежание притягивания внимания к себе. Нет сведений о происхождении из дворянских или купеческих семей. В целом, подавляющее преобладание выходцев из рабоче-крестьянских земель не удивительно. Если взглянуть и посчитать процент выходцев из сельской местности и городов, получается следующая картина:

Место рождения(тип поселения)

45% будущей номенклатуры были выходцами из «сельчан», 31% из «городских», у 24% не сохранились данные об их происхождении. Любопытно, что в Москве и Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде) родились лишь 13 чел. Совершив перекрёстный запрос с одновременными запросами по пунктам «образование» и «происхождение», наблюдаем следующую картину:

На диаграмме схематически отображён процент получивших высшее образование выходцев из городов и сельской местности. Вопреки вполне логичным ожиданиям превосходства выходцев из горожан над выходцами из сельской местности, можно смело сделать вывод: парт-аппаратчики, которые родились в деревне, не только не уступают в процентном соотношении получения высшего образования, но даже превосходят горожан на несколько процентов.

Следующим пунктом мы разберём *участие членов партийной элиты в I мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах.*

	Участников
ВОВ	47
Гражданская война	47
I мировая война	8

Итак, из исследуемых личностей в Великой Отечественной войне участвовало 47 человек, столько же воевало в Гражданской войне. Любопытный факт, все 8 участников Первой мировой войны, а это наиболее известные военачальники (Г.К. Жуков, А.В. Горбатов, А.М. Василевский, С.М. Будённый, К.К. Рокоссовский, С.К. Тимошенко, Р.Я. Малиновский, И.Х. Баграмян) участвовали во всех вышеперечисленных военных действиях. За исключением А.В. Горбатова, все носили звание Маршала Советского Союза. С другой стороны, участников I мировой войны, на мой взгляд, больше – вероятно, по определенным причинам фигуранты старались не афишировать в своих биографиях моменты царской службы.

Членство в КПСС (РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б))

Среди фигурантов БД дореволюционный стаж в партии имеют шесть человек – впоследствии это наиболее видные чиновники СССР: Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов (кстати, самый образованный из этой шестёрки – 2 курса Петербургского Политехнического института), К.Е. Ворошилов, Н.М. Шверник, А.Ф. Горкин. К концу Гражданской войны в ряды партии вступили ещё 43 человека, занесённых мною в БД, а всего за 1920 г. в партию вступили 120 фигурантов БД. Следующим наиболее активным годом для вступления в партию новых членов стал 1939 г. – 29 из 280 фигурантов, всего же в предвоенный период вступили в партию 68 человек, т.е. четверть общего количества занесенных партаппаратчиков. С 1941 года беспартийных среди фигурантов БД практически не было. Отмечу и такой интересный факт: министр автомобильной промышленности СССР Н. И. Строкин (1906 г.р.) вступил в КПСС лишь в 1950 г., перед тем как перейти с должности главного инженера Горьковского автомобильного завода на должность директора завода

Возраст.

Известный факт, что с течением времени средний возраст партийно-государственной и военной номенклатуры увеличивался. С помощью просопографической базы данных можно моментально вычислить средний возраст. Скажем, возраст среднестатистического министра в 1953 и в 1959 годах. Итак, средний возраст министра СССР в 1953 г. составлял 49 лет, а в 1959 г. – 54,9 лет. Если в 1953 г. средний возраст первых и вторых секретарей обкомов составлял 44 года, то в 1959 г. уже 50,7 лет. Таким образом, тенденция к «старению» советских чиновников налицо.

Награды.

Из 280 человек, задействованных в данном исследовании, наиболее часто вручались следующие награды и ордена: 180 человек было награждено орденом Ленина один или более раз, причем доля фигурантов с высшим образованием среди них – 85%, среди фигурантов не имеющих ни одного ордена Ленина, доля получивших высшее образование равна 65%. Героев Советского Союза было 25 (из них 11 человек награждено дважды, один трижды, один четырежды); 59 один или более раз становились героями социалистического труда; 7 человек награждены орденами Отечественной войны разных степеней; 7 стали лауреатами Государственной премии СССР; 19 лауреатами Сталинской премии.

Репрессии.

С 1953 по 1959 гг. было репрессировано 8 членов ЦК (В.С. Абакумов, М.-Д.А. Багиров, Л.П. Берия, И.М. Майский, Б.З. Кобулов, А.Н. Рапава, М.Д. Рюмин, П.А. Судоплатов), среди них два генерал-полковника, два генерал-лейтенанта и один Маршал СССР; понижено в должности 40 человек (т.е. одна седьмая всех «зарегистрированных» мною партаппаратчиков), занимавших до этого высокие должности.

В заключение, хотелось бы отметить, что в данной статье о фигурантах представлена лишь статическая информация т.е. данные, которые фиксируются в жизни человека единожды: данные об имени, национальности, образовании, возрасте, месте рождения, происхождении и пр. Хочу заметить, что добавление в БД дополнительных полей учитывающих динамическую информацию, скажем, карьерный рост, или позиция партаппаратчика относительно того или иного исторического факта может превратить эту БД в интересный ресурс по изучению различных исторических процессов 50-х гг. Например, представляется интересным изучить процессы политической борьбы за лидерство в партии после смерти И.В. Сталина. Аналитическая обработка содержания информационных полей, позволила воссоздать коллективный портрет советского партийного функционера высшего звена середины и второй половины 50-х гг. Результат проделанной работы подтверждает возможность с помощью просопографической БД синтези-

ровать общее и индивидуальное и на основе этого выстроить всеобъемлющие представления о представителях правящего класса СССР.

Создание массивных БД, состоящих из множества таблиц и составление коллективных портретов на их основе, безусловно, структурирует имеющиеся биографические сведения о советской партийной элите и создаёт условие для дальнейшего изучения проблемы. Отмечу возможность реконструкции БД из исследовательского инструмента в инструмент, который может применяться в образовании. Организованность информации, а также возможность «черпать» информацию из одного ресурса, не тратя время на долгие поиски разрозненных биографических справок, свидетельствуют о пользе БД.

Примечания:

1. Филиппов Ф.Р. *Всеобщее среднее образование в СССР*. - С. 67.

СОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Е.А. Еремеева

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье анализируются источники личного происхождения, содержащие советские политические анекдоты. Рассмотрены особенности фиксации фольклорных текстов в дневниках, мемуарах, устных сведениях, личных коллекциях. Оценены возможности исследования распространения политических анекдотов во времена советской власти с помощью вышеуказанных источников.

Ключевые слова: советские политические анекдоты, источники личного происхождения, фиксация

THE SOVIET POLITICAL ANECDOTE IN THE SOURCES OF THE PERSONAL ORIGIN

K.A. Yermeeva

V.N. Karazin Kharkov National University

The paper considers the sources of the personal origin contain the Soviet political anecdote. The characteristics of the fixation of the folk texts in the memoirs, diaries, oral stories, personal collections are examine in the paper. The facilities of the study of the circulation of the Soviet political anecdotes during the existence of the Soviet ruler are appreciate with the help of this source.

Key words: Soviet political anecdote, source of the personal origin, fixation

Во времена существования советской власти достаточно заметным стало распространение политического анекдота. Политический анекдот – это короткий юмористический рассказ с неожиданным концом, основная сюжетная линия которого касается сферы политики¹. Политический анекдот стал частью повседневной культуры советских граждан, поэтому его можно использовать в качестве источника по истории повседневности, урбанистики, мнения распространителей фольклора о представителях власти², исторических событиях и др.

Политический анекдот во времена советской власти распространялся нелегально. Это ориентирует нас на использование, прежде всего, источников личного происхождения (кроме, например, доносов, протоколов, личных дел и сборников анекдотов, выходящих по инициативе государства до 1991 г.³ и опубликованных после развала СССР⁴). В исследовании советских политических анекдотов автором были использованы следующие источники личного происхождения: мемуары⁵, дневники⁶, материалы устной истории, личные коллекции анекдотов⁷. Анализ этих источников позволяет нам не только ознакомиться с содержащимися в них фольклорными текстами, а также исследовать историю распространения советских политических анекдотов, мнение авторов насчет политического фольклора, уровень их политического сознания, их политические взгляды, влияние последних на выбор автором политических анекдотов и др.

Несмотря на исследования отдельных источников личного происхождения⁸, содержащих советские политические анекдоты, в историографии отсутствует их комплексный анализ. Кроме того, автором впервые был начат проект по сбору устных свидетельств о распространении советских политических анекдотов, впервые были проанализированы некоторые неопубликованные личные коллекции анекдотов⁹.

Для датировки политических анекдотов наиболее ценным источником являются дневники, в которых автор либо фиксирует, когда он услышал записанный анекдот, либо мы можем

установить в какие времена политический анекдот был популярен в соответствии с периодом, который охватывает дневник. Примером первого вида датировки являются дневники Н. Соколовой¹⁰. Они являются подчас очень ценным источником, так как по сравнению с, например, «Щоденниками» С. Ефремова, охватывают огромный временной промежуток, а именно: от 1926 года, когда еще школьницей она начала фиксировать в своем дневнике в хронологическом порядке все, что она слышала смешного на улице и в школе, и до конца своей литературоведческой деятельности (до конца 1980-х гг.). Более чем 60 лет автор вела дневник, где в итоге была зафиксирована огромная коллекция политического фольклора. После развала СССР Н. Соколова опубликовала небольшие выдержки из своей коллекции, которые и использовались в данном исследовании. При этом следует отметить, что основной массив записей так и остался в рукописях практически подготовленного к публикации сборника советского фольклора, хранящихся в архиве её сына, Павла Павловича Соколова. Дневники Н. Соколовой является примером симбиоза дневника и личной коллекции политических анекдотов.

Также ценным источником являются дневники С. Ефремова и И. Шитца. «Щоденники» С. Ефремова охватывают период 1923-1929 гг. Его воспоминания были добавлены к уголовному делу С. Ефремова в качестве доказательства его причастности к «Союзу Визволення України». Этот дневник Ефремов вел практически ежедневно в течении указанного периода. В нем он фиксировал городской и, отчасти, сельский фольклор. В своих дневниках Ефремов приводит множество анекдотов, услышанных им на улицах и базарах Киева. «Новейший фольклор все разрастается. Куда только не пойдешь - десятками услышишь новые анекдоты политического содержания»¹¹. В дневниках даже была введена рубрика «новітний фольклор» (новейший), куда записывались самые современные анекдоты из советской жизни. Их Ефремов отличал от прежних, дореволюционных. Некоторые из старых анекдотов обновлялись, и он это обязательно подчеркивал. Это есть иллюстрация «преемственности» в политических анекдотах, когда, сохраняя семантическую структуру анекдота, устаревший персонаж или событие меняются на более актуальные. Это делалось с двумя целями. Во-первых, чтобы продлить жизнь удачному, но уже не актуальному анекдоту. Во-вторых, подобная замена делалась при сравнении двух событий или политических деятелей и нахождении в них определенного сходства¹².

Второй тип датировки политических анекдотов, зафиксированных в дневниках, можно применить к анекдотам, содержащимся в записях историка И. Шитца, опубликованных в Париже в 1991 г. под названием «Дневник «Великого перелома». Шитц фиксировал политический фольклор, в частности политические анекдоты, на протяжении 1928-1931 гг.¹³

Из мемуаров, созданных за пределами СССР, следует отметить мемуары Е. Кусковой (Кускова Е. Воспоминания. "Современные записки" N XII, Париж. 1922 г.), где отражены политические анекдоты времен октябрьской революции. В частности, многие эмигранты занимались воссозданием анекдотической традиции за пределом СССР, но излишняя обработка и анализ политических анекдотов вне родной языковой среды очень удалили от реальности языковую традицию.

Мемуары (например, «Дневник Москвича (1917-1924)» Н. Окунева)¹⁴ являются одним из основных источников по исследованию распространения советских политических анекдотов, однако они имеют схожую с материалами устной истории специфику, которая во многих аспектах является минусом. А именно: авторы мемуаров говорят о событиях сквозь призму прожитых лет и по сути это информация не о том, как распространяли политические анекдоты, а информация о том, что думает автор об распространении политических анекдотов сейчас, когда многое уже стерлось из памяти, исказилось пережившими взглядами. Хотя, изменившаяся оценка не бывает лишней и помогает в изучении исторической памяти народа.

При анализе мемуаров и дневников для исследования политического анекдота как исторического источника необходимо помнить об их специфике. Прежде всего, автор источника будет фиксировать политические анекдоты, с идеей которых он согласен. Поэтому необходимо уравновешивать их мемуарами и дневниками авторов с другими политическими воззрениями. В этом отношении нас ограничивает небольшое количество указанных источников, поэтому можно сказать, что во всех мемуарах и дневниках зафиксированы воспоминания авторов с довольно схожими политическими воззрениями, так как практически все анекдоты в них – антисоветского содержания. Кроме того, имеет значение психологический тип автора анекдотов. Так, например, экстраверт, скорее всего, будет фиксировать политические анекдоты, которые будут соответствовать его политическим взглядам, а интроверт – те анекдоты, которые, по его словам, он услышал на улице, случайно (хотя, и здесь фиксация будет выборочна). Также сле-

дует учитывать, что в дневники с фиксацией политических анекдотов вели в основном представители интеллигенции, имеющих отношение к литературной деятельности (такие как: Н. Соколова, С. Ефремов и др.), поэтому по дневникам и мемуарам мы можем судить, в основном о распространении политических анекдотов внутри этой социальной группы.

Преимущественно устная форма распространения политических анекдотов во времена советской власти ориентирует нас на использование также материалов устной истории и устно-исторических методов исследования. Кроме того, доступ к письменным источникам весьма ограниченный, а изучение материалов устной истории помогает нам исследовать уровень политического сознания граждан СССР, уровень идеологического диктата на протяжении существования советской власти, особенности исторической памяти народа.

С этой целью автором был начат проект по сбору устных свидетельств про распространение политических анекдотов во времена существования советской власти. В течение 2008-2009 гг. автором было записано 36 устных свидетельств, содержащих как советские политические анекдоты, так и информацию об их распространении во времена советской власти. Вопросы к респондентам также касались и жизни респондентов вообще. Полученные свидетельства анализировались с учетом прошлого респондента, его возраста, социальной категории его родителей, его нынешней социальной категории. Возраст респондентов – от 32 до 82 лет.

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство возможных респондентов современники периода «Застоя» (1964-1984). Поэтому для удобства респондентов можно разделить на три возрастных категории: те, кто достиг сознательного возраста до периода «Застоя» (так называемое старшее поколение), во время этого периода (среднее поколение) и после 1964-1984 гг. (младшее поколение). Сравнение свидетельств респондентов разных возрастных категорий может показать нам к примеру, уровень идеологического диктата на протяжении существования СССР. К примеру, факт, что старшее и младшее поколение респондентов отметили плохие условия распространения политических анекдотов во времена «Застоя», а среднее напротив – хорошими, подтверждает, что временам до этого периода, на которые приходится детство большинства респондентов старшего поколения, была присуща атмосфера запуганности, в то время как во времена «Застоя» (а более всего – во время правления Л.И. Брежнева) таковой практически не наблюдалось. Ответы старшего поколения в пользу плохих условий распространения политического фольклора в указанный период объясняются особенностями исторической памяти, которая зафиксировала страх распространять политический фольклор до периода «Застоя» и перенесла эту эмоцию и на последующий период. Аналогичные ответы младшего поколения во многом объясняется передачей им таковой информации от старшего поколения, т.е. от их родителей.

Материалы устной истории делают возможным датировку политических анекдотов, когда респондент вспоминает период популярности того или иного элемента фольклора. Также ценна информация о реакции слушателей на политический анекдот. Это помогает нам исследовать восприятие политического фольклора советскими гражданами и судить о том, мнение какого круга людей отражено в советских политических анекдотах.

Вопросы, связанные с выяснением части политических анекдотов среди всех советских, были направлены на определение уровня политического сознания у респондентов. Чем больше была названная часть политических анекдотов среди всех, тем выше политическое сознание у респондента (человек замечает во всем массиве фольклорных текстов то, что ему ближе). Сопоставляя ответы респондентов с их социальной категорией, можно сделать вывод, что интеллигенции было присуще большее политическое сознание, чем представителям рабочего класса и жителям села.

С помощью тех же количественных методов, в частности контент-анализа транскриптов интервью, был сделан вывод о том, что условия распространения политических анекдотов во времена советской власти приводили к образованию так называемых корпораций (объединений) людей, доверяющих друг другу, где политический анекдот выполнял функцию коммуникативной практики, т.е. с его помощью передавали актуальную информацию устным путем. На это указывает то, что респонденты при ответе на вопросы относительно места и условий распространения политических анекдотов, практически всегда использовали слова и словосочетания «в кругу друзей», «в кругу знакомых», «в кругу тех, кому доверяешь» и т.п.

Из материалов устной истории мы узнаем также о существовании многих рукописных личных коллекций. Именно свидетельства респондентов оказывают существенную помощь при выявлении этих источников, содержащих советские политические анекдоты. Респонденты упо-

минают о своих рукописных коллекциях (в этом случае нередко называется значительное число содержащихся в них анекдотов), а также о личных коллекциях своих знакомых и родственников. Иногда эти упоминания сопровождаются кратким описанием коллекции: на каком носителе записано, из чего состоит, какие анекдоты в ней содержатся, где, когда и при каких обстоятельствах собиралась. К сожалению, только этим упоминанием в большинстве случаев и ограничиваются наши познания о конкретных примерах этого источника личного происхождения. Дальнейшее исследование непосредственно текстов из-за ряда следующих проблем: во-первых, респонденты неохотно предоставляют свои рукописные личные коллекции для дальнейшего исследования и нередко отказываются это делать¹⁵; во-вторых, респонденты, упоминавшие о личных коллекциях своих знакомых и родственников не имеют права распоряжаться их личными рукописями; в-третьих, некоторые коллекции утрачены из поля зрения респондентов вместе с их авторами¹⁶ (владелец коллекции уехал, ушел из жизни).

Рукописная личная коллекция анекдотов – довольно редкий источник из-за того, что активные распространители политической сатиры делятся на три группы: во-первых, респонденты, которые несколько раз рассказав анекдот, его забывают, не считая нужным зафиксировать каким-либо образом; во-вторых, респонденты, которые имеют талант фиксировать свои личные коллекции в памяти и, следовательно, в составлении рукописного собрания фольклора не нуждаются; и в-третьих, респонденты, которые фиксируют анекдоты на бумажных носителях. Таких респондентов также немного, а с учетом того, что рукописная коллекция советских политических анекдотов воспринимается как что-то очень личное, то она, как правило, не предоставляется для дальнейшего исследования. Вследствие этого, мы имеем дело с немногими образцами рукописных личных коллекций.

Очень многое может нам сказать подобное отношение собраниям политического фольклора, в частности к анекдотам. Так, нежелание доверять кому-либо свое собрание политической сатиры, объясняется трепетным отношением к нему, прежде всего, как к коллекции, в которую вложен труд собирателя. Также, неохота показывать политические анекдоты малознакомому человеку, содержащиеся в коллекции объясняется тем, что выбранные элементы фольклора могут напрямую указывать на политические взгляды владельца собрания, а, как показывают материалы устной истории, советские политические анекдоты практически всегда распространялись в кругу знакомых друг другу людей со сходными политическими взглядами.

Проследивание судеб личных коллекций политических анекдотов по материалам устной истории может дать нам информацию о распространении политических анекдотов вообще. Однако, как уже было сказано, из-за редкости этого источника, судьбы отдельных коллекций могут служить лишь примерами. Так, по свидетельствам О. Ручинской, в «сталинские времена» одного собирателя политического фольклора посадили за анекдот, который содержался в его личной коллекции. Собрание было зафиксировано в записной книжке с алфавитным указателем. Этот анекдот значился под буквой «М» («Марксист»)¹⁷. Судьба этой коллекции может стать примером преследований за распространение политических анекдотов, которые подтверждаются другими источниками (материалами устной истории, личными делами, протоколами допросов и др.). Также, например, мы можем судить о единичном восприятии жителя Восточной Украины анекдотов западноукраинского региона из свидетельств А. Мартемьянова, чья тетья сразу после войны из Харькова попала в Тернополь, где и начала собирать свою коллекцию анекдотов, фиксируя ее в записную книжку. В основном, по словам респондента, в собрании находились анекдоты, посвященные «западноукраинскому колориту», который был интересен жителю Восточной Украины. В коллекции также содержались анекдоты про «бандеровцев» и политический фольклор, популярный во всем СССР. Главным критерием отбора анекдотов для родственницы респондента было то, «чтобы было смешно».

Анализ непосредственно текстов рукописей может показать, помимо всего прочего, с какой целью собиралась коллекция, какое отношение автора к политическому фольклору, каков уровень его политического сознания (по аналогии с материалами устной истории), каковы приблизительные фольклорные предпочтения той социальной группы, к которой относится владелец коллекции анекдотов и др.

К примеру, проанализировав личную коллекцию Н. Полупан¹⁸, можно сделать ряд выводов. Начало коллекции относится к 1956 году. Эта дата может подтолкнуть нас к выводу, что автор в начале «Оттепели» начал собирать анекдоты потому, что более-менее ослабились преследования за распространения политических анекдотов. Однако, в 1956 году Н. Полупан исполнилось 22 года. Поэтому можно предположить, что именно к 1956 г. у владельца коллекции

возникли более-менее устоявшиеся политические воззрения, необходимые для начала сбора коллекции политического фольклора. Советские политические анекдоты составляют 30 % из всей коллекции, что указывает на довольно высокий уровень политического сознания респондента. коллекция записана с обратной стороны тетради, в которой также содержатся кулинарные рецепты и др. записи. Это говорит о том, что целью составления коллекции была фиксация анекдотов не для потомков, а для себя, чтобы вспомнить в нужный момент весь свой «анекдотический арсенал». В пользу этого также говорит форма фиксации анекдотов: в большинстве случаев записано только их начало, иногда только начало и конец, минуя развитие сюжета. Интересен факт частой замены политических деятелей в анекдотах на животных. Можно предположить, что это происходило из-за страха преследований за прямое высмеивание политического лидера (хотя сама Н. Полупан утверждала, что не боялась этого)¹⁹. Однако возможно, благодаря аллегории анекдот, не теряя своей политической наполненности, становился универсальнее, и мог быть рассказан более широкому кругу людей.

Отдельную группу составляют опубликованные личные коллекции. К таковым можно отнести коллекции Ю. Борева²⁰ и И. Раскина²¹, причем обе были опубликованы по желанию самих авторов. Эти коллекции по своим масштабам есть уникальными источниками текстов советских политических анекдотов.

Таким образом, дневники, мемуары, материалы устной истории, личные коллекции анекдотов - не только источники фольклорных текстов, а также источники по изучению распространения политических анекдотов во времена советской власти, определению уровня идеологического диктата в СССР, уровня политического сознания граждан Советского Союза, их политических воззрений, отношения к политическому фольклору; они помогают нам исследовать историческую память народа.

Примечания:

1. Кабанов В. *Источниковедение советского общества // Курс лекцій. М., 1997. – С. 362.*
2. Шишко (Єремєєва) К.А. *Образ Л.І. Брежнєва в радянських політичних анекдотах // Актуальні проблеми світової та вітчизняної історії: Збірник наукових праць. Вип.12. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2009. - С. 140.*
3. *См. напр.: Українські народні анекдоти, жарти, дотепи / Упоряд. П. Кальченко. – Київ: Дніпро, 1967.*
4. *См. напр.: История СССР в анекдотах / Авт. и сост. М. Дубовский. Минск: Эверест, 1991.*
5. *См. напр.: Кускова Е. Воспоминания. "Современные записки" №XII. Париж. 1922.*
6. *См. напр.: Єфремов С. Щоденники, 1923-1929. Київ: ЗАТ «Газета «Рада», 1997; Шитц І.І. Дневник "Великого перелома". Paris, 1991.*
7. *См. напр.: Личная коллекция анекдотов Н.П. Полупан [Рукопись].*
8. *См. напр.: Чорнописький М. Фольклорна політична сатира 20-х років ХХ ст. у записках Сергія Єфремова. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2001.*
9. *Личная коллекция анекдотов Н.П. Полупан [Рукопись].*
10. Мельниченко М. *Советские анекдоты из коллекции Н.В. Соколовой (1926 год) // Живая старина. 2007. №4. – С. 125-129.*
11. *Єфремов С. Щоденники, 1923-1929. Київ: ЗАТ «Газета «Рада», 1997. – С. 764.*
12. Шишко (Єремєєва) К.А. *Образ Л.І. Брежнєва в радянських політичних анекдотах // Актуальні проблеми світової та вітчизняної історії: Збірник наукових праць. Вип.12. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2009. — С. 144.*
13. Мельниченко М. *Советские анекдоты из коллекции Н.В. Соколовой (1926 год) // Живая старина. 2007. №4. – С. 125-129.*
14. Окунев Н. *Дневник москвича (1917-1924). М., 1997.*
15. *Интервью с Шильманом Михаилом Евгеньевичем // Личный архив автора. – Ан. 010*
16. *Интервью с Ручинской Оксаной Анатольевной // Личный архив автора. – Ан. 022*
17. *Интервью с Мартемьяновым Алексеем Павловичем // Личный архив автора. – Ан. 012*
18. *Личная коллекция анекдотов Н.П. Полупан [Рукопись]*
19. *Интервью с Полупан Наталией Петровной // Личный архив автора. – Ан. 033*
20. *Борев Ю.Б. ХХ век в преданиях и анекдотах: в 6 кн. Харьков, Ростов н/Д, 1996.*
21. *Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. М.: Книжный клуб 36.6, 2005.*

БАЗЫ ДАННЫХ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ И АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИЙ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Г.Г. Красильщиков

Пермский государственный университет

В статье рассматриваются библиография по теме советско-германских отношений в 1985-1991 гг. Для организации материала, его структурирования и классификации используется база данных «Советско-германские отношения в период перестройки» под управлением СУБД Access. В исследовании предложена методика анализа библиографического материала, на основе которой выявлены основные тенденции публикаций по рассматриваемой тематике, показано, что базы данных являются удобным инструментом изучения библиографии в историческом, историографическом и источниковедческом исследовании.

Ключевые слова: Советско-германские отношения, перестройка, база данных, библиография, историография, источниковедение.

DATA BASES AS A TOOL OF ORGANIZATION AND ANALYSIS OF PUBLICATIONS ON SOVIET-GERMAN RELATIONS DURING “PERESTROIKA” PERIOD

G.G. Krasilchshikov

Perm State University

Article deals with bibliography on Soviet-German relations in 1985-1991. Data bases “Soviet-German relations during “perestroika” period” was created and used for publications organization, structuring and classification. Data base is realized in MS Access. Developed approach for analysis of bibliographical material allows to draw main tendencies of publications. The article shows that developed data base is a useful tool for historical, historiographic and source-oriented research.

Key words: Soviet-German relationships, “perestroika”, data bases, bibliography, historiography, historical sources analysis.

Перестроечный период в нашей стране совпал и с изменениями в системе международных отношений: конец холодной войны, появление новых государств, объединение Германии. Берлинская стена пала ровно 20 лет назад. Ее падение решило один из самых сложных вопросов советской внешней политики в послевоенный период. В 1989 г. отношения между Советским союзом и Германией были наиболее дружественными, чем когда-либо до этого. Именно политика команды Горбачева в предшествующие годы способствовала этому. События, происходившие на рубеже 80-90-х гг., не потеряли своей актуальности, и отголоски решений государственных деятелей того периода живы до сих пор. Большинство из нас являются свидетелями тех перемен или последующей за ними эпохи и могут оценить влияние событий двадцатилетней давности на нашу жизнь.

Ввиду относительно небольшого промежутка времени, прошедшего с периода «перестройки», комплексного исследования тематики советско-германских отношений и анализа источников и литературы нет. Именно неизученность проблемы и ее влияние на политические и социальные процессы государств Европы в последующие десятилетия делают ее актуальной.

Задача настоящего исследования – сбор, структурирование и анализ информации об источниках и литературе по теме советско-германских отношений периода «перестройки». В силу характера данного материала, а также имеющегося положительного опыта подобных исследований¹ в качестве инструмента организации и исследования материала была выбрана технология баз данных.

Для организации материала, выявления и изучения библиографии, относящейся к публикациям историографического характера и источниковой базы по советско-германским отношениям, была создана база данных «Советско-германские отношения в период перестройки» под управлением СУБД Access. Модель базы предполагает отражение в ней библиографической информации об источниках и литературе как печатных, так их электронных версий, размещенных в Интернете. В процессе изучения литературы и источников выяснилось, что подобных баз данных по этой тематике еще не создавалось, что автоматически увеличивает значимость данной работы.

Созданная библиографическая база данных состоит из основной и справочных таблиц. Основная таблица базы данных состоит из 14 полей, в том числе: автор, название и подзаголовок публикации, год и место издания, издательство, источник публикации, номер тома или выпуска, характер публикации (литература или источник), тип публикации, адрес (гиперссыл-

ка), объем публикации, язык и тема публикации. Обозначенные поля имеют важное значение для структуризации и классификации материала.

В ходе исследования были выявлены и занесены в базу данных более 200 публикаций по теме советско-германских отношений в период перестройки. Среди материалов – литература и опубликованные источники, в том числе в сети Интернет. Собранный библиография не является полной, однако репрезентативно представляет публикации по рассматриваемой теме и позволяет выявить тенденции.

В качестве основного инструмента анализа использовались запросы к базе данных.

Так, в результате запросов на выборку с условием были выделены публикации одного года издания или одной тематики. Благодаря полю «тип публикации» мы можем вычленим из всего пласта материалов только газетные или журнальные статьи и работать исключительно с ними. Поля «автор», «год издания» и «тема публикации» позволяют выделить динамику освещения той или иной темы в определенный период времени.

При работе с материалами встает проблема их классификации. В решении данного вопроса также может использоваться база данных. При помощи базы данных «Советско-германские отношения в период перестройки» была создана классификация материалов по данной теме. Классификация имеет два уровня - характер материалов и их тематика. Характер публикации определяется двумя значениями - источник или литература. В ходе исследования литературы и источников встретились, как комплексные исследования, так и затрагивающие лишь определенные аспекты советско-германских отношений. В ходе анализа проблематики публикаций было выявлено несколько тем:

- комплексный взгляд на внешнюю политику СССР;
- отношения между СССР и ФРГ;
- отношения между СССР и ГДР;
- объединение Германии;
- сотрудничество в области культуры и науки;
- анализ деятельности политиков периода «перестройки».

Классифицируются материалы и по типам публикаций, среди которых выделены монографии, сборники статей, мемуары, документы, интервью, газетные и журнальные статьи.

К источникам и литературе были применены различные запросы, которые дают характеристику, описывают полученные материалы и выявляют определенные тенденции.

В базе данных источники характеризовались по году и месту издания, по источнику и типу публикации, по объему, языку и тематике. Общее количество источников в базе данных – 139. Из них, газетных статей – 70, документов и материалов – 51, интервью – 15, сборников документов – 3.

Чтобы понять в какое время источники наиболее полно отражают ту или иную проблематику, был выполнен запрос, результаты которого представлены в таблице:

	сотрудничество в области науки и культуры	комплексный взгляд на внешнюю политику СССР	отношения между СССР и ГДР	отношения между СССР и ФРГ	объединение Германии
1986	0	0	2	6	0
1987	4	2	7	6	0
1988	2	2	6	9	0
1989	0	5	2	24	2
1990	1	0	2	27	15
1991	0	0	0	14	0

Из таблицы видно, что пик публикаций на тему сотрудничества Советского Союза с ФРГ и ГДР в области науки и культуры пришелся на 1987 г. А в 1986, 1989 и 1991 гг. в документах и газетных статьях этой тематики вообще не касались. Комплексный взгляд на внешнюю политику СССР более широко отражен в 1989 г., а также представлен в 1987 и 1988 гг. А в 1986, 1990 и 1991 гг. эта тема нигде не упоминалась. Самое большое количество источников по теме отношений между СССР и ГДР пришлось на 1987-1988 гг. С 1991 г. тема отношений с Восточной Германией сошла на нет, причиной тому послужило объединение Германии. Количество источников по советско-западногерманским отношениям резко увеличилось в период

обострения Германского вопроса, в 1989-1990 гг. После объединения Германии число источников заметно уменьшилось. В 1986-1988 гг. отношения между СССР и ФРГ также упоминались в документах и публикациях СМИ, но не носили систематического характера. Тема объединения Германии упоминалась в СМИ с конца 1989 г., но получила свое распространение в 1990 г., после чего исчезла из источников.

Проводились также запросы по авторам. Больше всех и на регулярной основе в советских печатных СМИ публиковались двое: Е. Бовкун – 6 публикаций и Е. Григорьев – 13 публикаций. Оба автора затрагивают в своих публикациях две темы. Это объединение Германии и отношения между Советским Союзом и ФРГ. Оба автора являются известными журналистами-международниками, а так же, как видно из нашего анализа, еще и германистами.

С помощью базы данных «Советско-германские отношения в период перестройки» можно установить, каким типом источника представлена та или иная проблематика. Результаты представлены в следующей таблице:

	документы	газетные статьи	сборники документов	интервью
отношения между СССР и ФРГ	37	42	0	8
отношения между СССР и ГДР	11	6	0	2
комплексный взгляд на внешнюю политику СССР	3	1	3	1
сотрудничество в области культуры и науки	0	6	0	1
объединение Германии	0	15	0	3

Из таблицы следует, что в документах, интервью, газетных статьях преобладает тематика отношений между СССР и ФРГ. Что касается сборников документов, то в них представлен лишь комплексный подход к советской внешней политике. Второе место по числу публикаций занимает тема отношений СССР и ГДР. Она представлена в официальных документах, газетных статьях и интервью. Объединение Германии освещено лишь в газетных статьях и интервью. Сотрудничество в области культуры и науки представлено также в газетных статьях и интервью, только в еще меньшем объеме, чем тема объединения Германии.

Анализируя источники по данной теме, нельзя обойти вниманием СМИ. В таблице ниже представлены опубликованные статьи по теме советско-германских отношений в период «перестройки» в ряде советских газет, таких как «Правда», «Известия», «Гудок», «Красная звезда», «Литературная газета»:

	Правда	Известия	Гудок	Красная звезда	Литературная газета
1986	2	2	0	0	0
1987	3	1	1	1	0
1988	2	1	0	0	2
1989	6	2	1	1	0
1990	9	4	0	0	4
1991	0	2	0	1	2

Большее количество публикаций приходится на газеты «Правда» и «Известия». Пик публикаций приходится на 1990 г., что, несомненно, связано с объединением Германии. Такие издания, как «Гудок» и «Красная звезда» освещали советско-германские отношения лишь периодически.

Отдельно были подвергнуты анализу выявленные исследования по теме советско-германских отношений в период «перестройки». В базе данных литература, также как и источники, характеризовались по году и месту издания, по источнику и типу публикации, по объему, языку и тематике. Общее количество литературы в базе данных – 68. Были проанализированы публикации таких журналов, как «Вопросы истории», «Новое время», «Международная жизнь», «Свободная мысль», «Полис: политические исследования», «Обозреватель».

Учитывая небольшое количество литературы по данной теме, рассматривать изменение количества публикаций по годам не представляется целесообразным. Поэтому рассмотрим изменения по пятилеткам:

	сотрудничество в области науки и культуры	комплексный взгляд на внешнюю политику СССР	отношения между СССР и ГДР	отношения между СССР и ФРГ	объединение Германии	анализ деятельности политиков
до 1990 г.	0	2	0	1	0	0
1990-1994	1	8	1	6	12	3
1995-1999	0	6	1	0	1	0
2000-2005	0	7	1	3	2	1
2005-2010	0	4	0	0	9	0

Из таблицы видно, как увеличивался или уменьшался интерес к определенной теме в 90-е и в 2000-е гг. Теме о сотрудничестве между СССР и ФРГ в период перестройки посвящена всего одна работа, написанная до 1990-х гг. С 2005 года тема не поднималась. Достаточно широко и в 90-е и в 2000-е гг. представлен комплексный взгляд на внешнюю политику СССР в 1985-1991 гг. Анализу отношений между СССР-ФРГ и СССР-ГДР в первой половине 90-х и в 2000-е годы не было уделено особого внимания, тогда как объединение Германии в первой половине 90-х годов и во второй половине 2000-х обсуждалось достаточно широко. Деятельности высших должностных лиц государств в 1990-1994 гг. посвящено 3 публикации, а в 2000-2005 всего одна.

Результаты запроса по типам и темам отражает таблица «Количество исследований по типам и темам», которая показывает, как среди каждого типа публикаций отражены темы исследований.

	мемуары	монографии	журнальные статьи	сборники статей	интервью
отношения между СССР и ФРГ	0	3	6	0	1
отношения между СССР и ГДР	0	3	0	0	0
комплексный взгляд на внешнюю политику СССР	8	11	1	6	0
сотрудничество в области культуры и науки	0	1	0	0	0
объединение Германии	1	5	17	0	1
анализ деятельности политиков	1	1	2	0	0

Из таблицы следует, что в мемуарах, монографиях и сборниках статей преобладает комплексный взгляд на внешнюю политику СССР периода «перестройки». Второе место по числу публикаций занимает тема объединения Германии. Она представлена в мемуарах, монографиях, журнальных статьях и интервью. Сотрудничество в области культуры и науки между странами в период «перестройки» представлено лишь одной монографией. Отношения Советского Союза с ФРГ и ГДР раскрываются в нескольких монографиях и журнальных статьях.

Проведенное исследование показало, что разработанная база данных является удобным инструментом организации и анализа библиографии по теме советско-германских отношений. В ходе исследования был разработан комплекс запросов, который позволил изучить библиографию, классифицировать источники и литературу, объективно выявить количественные и качественные тенденции и получить историографически и источниковедчески значимые выводы.

Примечания:

1. Гарскова И.М., Иванов С.А. Библиографический анализ исторической информатики как научного направления // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. №30. – С. 254-256; Колская А.Н. К вопросу организации библиографической компьютерной базы данных «История Украины» в Государственной исторической библиотеке Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea96/report/DOC/67.html>; Худобко Е.В. Библиографическая база данных «Николай II в отечественной историографии XX века (книжные и журнальные публикации)» // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. 2005. – С. 194-215; Филимонов В.А., Мартынов Ю. И. Опыт создания реляционной базы данных «Николай Иванович Кареев. Библиография трудов» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2004. №32. – С. 110–111.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

И.А. Власенко

Тольяттинский государственный университет

В статье основное внимание уделяется проблеме определения концептуальных оснований исследования истории жилищно-коммунального хозяйства России, что, по мнению автора, является одним из наиболее актуальных вопросов для направлений исторической урбанистики, занимающихся изучением городов новейшего периода российской истории. Отмечая, что в наибольшей степени при рассмотрении реальной (бытовой) урбанизации важно изучение жилищно-коммунального хозяйства, автор даёт характеристику основных подходов его исследования.

Ключевые слова: историография, история России, жилищно-коммунальное хозяйство, реальная (бытовая) урбанизация, городская инфраструктура.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE STUDY TO HISTORIES HOUSING-PUBLIC FACILITIES TO RUSSIAN

I.A. Vlasenko

Togliatti State University

In this paper the basic attention is given to the problem of definition of the conceptual basis histories housing-public facilities to Russia research, which is one of the most pressing questions for the historical urbanistics direction, dealing with the modern period of the Russian history. It should be noted the fact that when considering real urbanization it is important study housing-public facilities. The author presents the characteristic of the basic approaches to its research.

Key words: historiography, history to Russia, housing and communal services, real urbanization, town infrastructure.

В отечественной науке отсутствует историографическая традиция по изучению жилищной и коммунальной сфер городской жизни, что актуализирует проблему проработки теоретической и методологической базы изучения истории российского жилищно-коммунального хозяйства.

Описание и осмысление действительности в сфере коммунального хозяйства российских городов началось во второй половине XIX в. В теоретическом плане для истории жилищно-коммунального хозяйства России наиболее существенны исследования учёных XX в. Одной из первых исследований, затрагивающих данную проблематику, стала работа Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России», изданная в 1910 г. Книга была удостоена Малой золотой медали им. М.Н. Ахматова Петербургской академии наук. Данная монография, ставшая классикой российской антропогеографии и социальной географии, подводит итоги сельского и городского расселения накануне XX в. Мастерское сочетание массово-статистических и индивидуально-географических материалов делает эту работу примером полного владения автором сложным антропогеографическим материалом – вплоть до коммунально-технических характеристик. В последнем разделе «Города и деревни» В.П. Семёнов-Тян-Шанский обращается к благоустройству и «культурности» городов начала века. Из признаков первого он использует те, что относятся к жилищам и обустроенности территории между ними: среднюю людность жилого дома, его материал (камень, дерево, глина), тип крыш (железные, деревянные, черепичные, соломенные), процент мощеных улиц. Исследователь «сразу сводит информацию к группам городов по людности с разбивкой на выделенные им физико-географические полосы, что осложняет сравнение его данных с современными. Да сейчас те же самые показатели и не найти. Это типичный случай сдвига критериев: благоустройство городов за XX в. так изменилось, что для его характеристики нужны совсем иные индикаторы»¹.

В 1928 г. наряду с ещё одной работой В.П. Семёнова-Тян-Шанского «Район и страна» выходит в свет монография Льва Александровича Велихова «Основы городского хозяйства» – единственный в СССР труд по муниципальному управлению. По Л.А. Велихову, к городскому хозяйству относится вся совокупность мероприятий, при посредстве которых оказывается влияние на производство, распределение и потребление благ, служащих для удовлетворения жизненных потребностей. Насколько широк круг этих «мероприятий», можно судить по перечню понятий, входящих в городское благоустройство, среди которых особенно непривычными для постсоветского человека являются «борьба с дороговизной жизни», «организация разумных народных развлечений», «торгово-промышленная политика муниципалитетов» и все 28 вопросов,

перечисленных при характеристике понятия «городское благоустройство» (заметим, устройство на благо). Иначе говоря, согласно Л.А. Велихову, «городское хозяйство» есть не исключительно хозяйственная деятельность на основе муниципальной собственности и муниципальных предприятий, но вся совокупность деятельности муниципалитета².

Ещё одним важным методологическим (с точки зрения управления системой) аспектом стал тезис Л.А. Велихова о целесообразности содержания сферы ЖКХ городов СССР промышленными предприятиями: «Действительно, опыт показывает, что муниципальные предприятия могут обслужить население лучше и дешевле, чем частные; весь чистый доход и прибавочная стоимость с них идут не в пользу частных лиц, а в пользу всей коммуны; политика муниципалитетов – экономическая, строительная, транспортная, планировочная – может быть правильно поставлена лишь при муниципализации соответствующих предприятий; условия труда в городских предприятиях обычно лучше, чем в частных; издержки производства, при муниципальной монополии, понижаются, коммерческий риск уменьшается, условия кредита легче. Одним словом, ясно, что, при монопольном характере коммунальных услуг, должна существовать и монополия коммунального производства»³.

Большое внимание Л.А. Велихов уделяет рассмотрению состояния городского благоустройства в России. Например, он пишет, что «Из 1053 городских поселений в 1911 г. водопроводы имели только 204 города (в Саксонии – 100%) с сетью труб, присоединенных лишь, к части владений, и с фильтрами лишь в 44 городах; <...> Отсюда видно, что большинство русских городов были лишены самого элементарного городского благоустройства, и в сказанном отношении из всех цивилизованных стран Россия стояла на последнем месте»⁴. В работе «Основы городского хозяйства» классик отечественного муниципализма Л.А. Велихов проводит свою идеологию городского хозяйства, как социального по природе и назначению⁵. Эта идеология в советской науке городского хозяйствования была взята за основу, несмотря на арест Л.А. Велихова в 1938 г.⁶ и запрет его произведений.

При изучении истории жилищно-коммунального хозяйства в советский период городское хозяйство понималось в его статическом значении, называя всю сумму наличных оборотов и учреждений, обслуживающих городское благоустройство⁷. Н.И. Данилов определяет городское хозяйство как совокупность всех основных элементов, обеспечивающих жизнедеятельность города, его промышленного потенциала и населения: теплоэнергетическое хозяйство, транспорт, дороги, жилищно-коммунальное хозяйство⁸. Данное определение даёт возможность совмещение терминов «городское хозяйство» и «инфраструктура города». Советские исследователи разделяли понятие «инфраструктура» на производственную и социальную. «Производственная инфраструктура – это такое инженерное оборудование территории, которое позволяет размещаться на ней производственным предприятиям, потребляющим энергию, воду, сырьё, рабочую силу и другие ресурсы в объёмах больших, чем их воспроизводится на данной территории естественным образом. Социальная инфраструктура – это сфера обслуживания населения как целостное образование с точки зрения воспроизводства населения»⁹. В.И. Каспин отмечает, что «Основной целью функционирования ЖКХ является удовлетворение потребностей населения и предприятий города в услугах, обеспечивающих их нормальные условия жизни и работы»¹⁰.

Современная исследовательница Антонина Николаевна Ряховская, на новых теоретико-методологических основах, разделяет городскую инфраструктуру на пять видов¹¹. Во-первых, инфраструктура услуг жизнеобеспечения (отрасли жилищно-коммунального хозяйства). Во-вторых, инфраструктура услуг материального характера: бытовое обслуживание; торговля; общественное питание; ремонтно-строительное производство; местная промышленность (хлебопеккарни, мясокомбинаты, мукомольные, колбасные, молочные заводы); строительство муниципального жилья; связь; складское хозяйство; гостиницы, мотели, пансионаты; банно-прачечное хозяйство; ритуальные услуги. В-третьих, инфраструктура услуг социально-культурной сферы (учреждения здравоохранения, санитарно-эпидемиологическая служба, воспитательные и образовательные учреждения всех видов, учреждения социальной помощи и страхования, культуры и искусства, физкультуры и спорта, научные учреждения). В-четвёртых, инфраструктура транспортных услуг. В-пятых, инфраструктура услуг по обеспечению общественной безопасности (пожарная охрана, милиция, суды и т.д.).

Большой вклад в теоретическое осмысление истории жилищно-коммунального хозяйства внесла работа Панова А.Н. и Овчарова С.Г. «Становление коммунального хозяйства Новгорода Великого в XII-XVI вв.», так как «Опыт средневекового новгородского самоуправления

тем более важен для нашего времени, что частичное финансирование и контроль за эксплуатацией современной коммунальной инфраструктуры рано или поздно будут обеспечивать жилищные товарищества, или кондоминиумы»¹².

В 2001 г. выходит в свет монография «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен». Данная работа – это попытка проследить (опираясь на данные В.П. Семёнова-Тян-Шанского) и понять вековые тренды, подвести итоги развития города и деревни в Европейской части России накануне уже XXI в. Для истории жилищно-коммунального хозяйства наиболее важным фрагментом исследования является глава 4.3 «Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе» (написанная Т. Нефёдовой). Автор показала, насколько доля населения, живущего в мало-мальски городских условиях, ниже официальной доли горожан, горожан по статусу, как привычного показателя урбанизированности. Не только неустроенность, но и сельскохозяйственная деятельность присутствует в городах конца XX в. Автор выводит тезис о том, что «Показатели обеспеченности водопроводом и особенно канализацией являются важными индикаторами городских условий жизни, принятых в цивилизованном мире, и могут служить косвенными показателями реального уровня урбанизированности населения. Если исключить сельские дома городов и пересчитать, какая доля всего населения живет в городских благоустроенных жилищах, то получится *уровень бытовой урбанизации или доля населения городов, живущих в типично городских условиях быта*»¹³. В исследовании впервые вводится понятие реальной (бытовой) урбанизации.

Целостное рассмотрение истории создания, процесса реформирования и функционирования жилищно-коммунального хозяйства СССР и современной России мы находим в работах Сергея Георгиевича Кара-Мурзы «Царь-холод, или Почему вымерзает Россия», «Неполадки в русском доме» и «Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2002 гг.»¹⁴. Во всех его работах прослеживается идея о социальном характере деятельности предприятий ЖКХ, в связи с чем, естественным является их монопольное положение и принадлежность к промышленным предприятиям. Полностью отвергая возможность возвращения к советской практике хозяйствования, С.Г. Кара-Мурза отмечает очевидное стабильное функционирование отраслей ЖКХ в СССР и процесс большого процента изношенности фондов ЖКХ городов современной России.

Необходимо отметить теорию А.С. Кривова и Ю.В. Крупнова о поместной урбанизации: «Пришло время создания автономных и локальных систем инженерного оборудования жилых единиц, выступающих как имущественные комплексы (усадыбы, поместья), состоящие из земельного участка и создаваемой недвижимости – жилых и иных зданий, сооружений, в том числе комплекта и инженерного оборудования, обеспечивающего функционирование и внешние связи объектов имущественного комплекса»¹⁵. Данная теория развития урбанизации в современной России является на наш взгляд наиболее перспективной.

Таким образом, процесс изучения истории жилищно-коммунального хозяйства России в XX в. можно разделить на три этапа. Первый этап включает работы Л.А. Велихова, которые с одной стороны были основаны на разработках дореволюционных исследователей и исследованиях В.П. Семёнова-Тян-Шанского, а с другой, обосновывали необходимость абсолютизации социального характера городского хозяйства (что стало, при использовании ссылок на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, методологической основой изучения ЖКХ в советский период). Запретность трудов Л.А. Велихова не позволила в дальнейшем изучать историю городского хозяйства комплексно. Второй этап включает исследования советских авторов, рассматривающих жилищно-коммунальное хозяйство, как некий статический комплекс предприятий и технических систем, обеспечивающих водой, газом и теплом промышленные предприятия и жилищный фонд городов. В связи с этим, многие проблемы функционирования ЖКХ были отнесены к несостоящим внимания. Необходимо отметить, что и первый и второй этапы изучения истории жилищно-коммунального хозяйства основывались на материалистическом понимании истории К. Маркса, проиллюстрированном Ф. Энгельсом описанием жилищного кризиса при капитализме, и воплощённом в российской действительности В.И. Лениным социально-политической ситуации. Третий этап в изучении истории жилищно-коммунального хозяйства включает труды современных исследователей и является периодом накопления и осмысления фактов, идей и теорий, в связи с чем, прослеживается тенденция изучения в узких временных и территориальных рамках.

Определение концептуальных оснований изучения истории жилищно-коммунального хозяйства России является одним из наиболее актуальных вопросов для направлений исторической урбанистики, занимающихся изучением городов новейшего периода российской истории.

Так как в наибольшей степени при рассмотрении реальной (бытовой) урбанизации важно изучение жилищно-коммунального хозяйства. Однако анализ теоретико-методологических разработок показывал, что на сегодняшний день данная проблема недостаточно изучена и требует комплексного исторического исследования.

Примечания:

1. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. - С. 400.*
2. *Говорёнок Т.М. Читаем Велихова вместе. М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999. - С. 242.*
3. *Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Обнинск: Институт муниципального управления, 1995. - С. 204.*
4. *Там же. - С. 187-188.*
5. *Боков В. Для профессоров и первокурсников. Арифметика и высшая математика коммунального хозяйствования в труде Льва Велихова // Муниципальная власть. 2004. №1. - С. 114.*
6. *Шелухаев В. Маленькая частица общей трагедии. Новые материалы о жизни и деятельности Льва Александровича Велихова // Муниципальная власть. 2000. №6. - С. 94.*
7. *Лисичкин В., Туркин С. Проблемы городского хозяйства // Плановое хозяйство. 1981. №12. - С. 83.*
8. *Данилов Н.И. Экономика города и перестройка. М.: Сов. Россия, 1990. - С. 89.*
9. *Город: проблемы социального развития / Под ред. А.В. Дмитриева, М.Н. Межевича. Л.: Наука, 1982. - С. 95.*
10. *Касин В.И. Планирование развития жилищно-коммунального хозяйства. М.: Стройиздат, 1990. - С. 18.*
11. *Ряховская А. Конкуренция – двигатель прогресса: Экономическая классификация предметов ведения муниципальных образований // Муниципальная власть. 2001. №3. - С. 16-19.*
12. *Панов А.Н., Овчаров С.Г. Становление коммунального хозяйства Новгорода Великого в XII – XVI веках. Новгород, 1997. - С. 4.*
13. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. - С. 405-406.*
14. *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2002 гг. М.: Изд-во Эксмо, 2003; Кара-Мурза С.Г., Телегин С.Г. Царь-холод, или Почему вымерзает Россия. М.: Алгоритм, 2003; Кара-Мурза С.Г. Неполадки в русском доме. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004.*
15. *Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. - С. 258.*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.М. Георгадзе

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается развитие института обращений граждан в СССР и Российской Федерации. Проводится анализ действующих в различные периоды нормативных правовых актов. Изучается порядок рассмотрения обращений граждан органами государственной власти. Анализируются права граждан при рассмотрении обращений и гарантии безопасности граждан в связи с их обращениями.

Ключевые слова: институт обращений граждан, заявление, предложение, жалоба, нормативные правовые акты, органы государственной власти, права граждан, гарантии безопасности.

DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF APPEALS OF CITIZENS IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION

M.M. Georgadze

Belgorod State University

The article deals with development of institute of appeals of citizens in the USSR and the Russian Federation. The analysis of regulatory legal acts operating in various periods is carried out. The order of consideration of appeals of citizens by public authorities is studied. The rights of citizens on consideration of appeals and safety guarantees of citizens in connection with their appeals are analysed.

Key words: institute of appeals of citizens, the application, the offer, the complaint, regulatory legal acts, public authorities, rights of citizens, safety guarantees.

Особое место в деятельности любого управленческого аппарата занимает работа с обращениями граждан. Они рассматриваются как важное средство осуществления и охраны прав личности. В обращении граждане могут затронуть вопросы, касающиеся как интересов всего общества, так и прав, законных интересов автора обращения или других граждан. Почти пол века работа с этой категорией документов регламентировалась в стране Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»¹ и законом СССР от 26 июня 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»².

Общий порядок работы с обращениями был описан в «Типовом положении о ведении делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан в государственных органах, на предприятиях, учреждениях и организациях», утвержденном постановлением Госкомитета СССР по науке и технике от 30 ноября 1981 года³. В нем говорилось, что руководители и другие должностные лица государственных органов обязаны проводить личный прием граждан. Личную ответственность за организацию приема и рассмотрение предложений, заявлений и жалоб граждан в государственных органах несут их руководители.

Заявления и жалобы разрешались в срок до одного месяца со дня поступления в государственный орган, обязанный разрешить вопрос по существу, а не требующие дополнительного изучения и проверки - безотлагательно, но не позднее 15 дней. Предложения граждан рассматривались в срок до одного месяца, за исключением тех предложений, которые требовали дополнительного изучения, о чем сообщалось лицу, внесшему предложение.

Предложения, заявления и жалобы граждан, поступающие из редакций газет, журналов, телевидения, радио и других средств массовой информации, а также выступления и опубликованные в печати материалы, связанные с предложениями, заявлениями, жалобами, рассматривались государственными органами в порядке и в сроки, предусмотренными Указом «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

Делопроизводство по предложениям, заявлениям и жалобам граждан в государственных органах осуществлялось в порядке, утверждаемом Советом Министров СССР.

Во времена действия Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», гражданин обязан был также указывать место своей работы или учебы. Без этих данных обращение признавалось анонимным и ответ на него не давался.

Государственные органы для рассмотрения предложений, заявлений и жалоб, проведения по ним проверок и других мер привлекали представителей общественности, народных контролеров, передовых рабочих, колхозников и служащих.

В необходимых случаях предложения граждан, а также результаты рассмотрения заявлений и жалоб, которые имели общественное значение, обсуждались на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан. Подача гражданином заявления или жалобы в клетвнических целях влекла ответственность в соответствии с законодательством.

Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляли высший надзор за точным и единообразным исполнением законов при рассмотрении предложений, заявлений и жалоб граждан всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, принимали меры к восстановлению нарушенных прав и защите законных интересов граждан, привлекали нарушителей к ответственности и принимали другие меры в соответствии с Законом о прокуратуре СССР.

В 1980 и 1988 гг. Указами Президиума Верховного Совета СССР в указ 1968 г. были внесены изменения и дополнения, не изменившие его основных положений.

В постсоветский период несколько раз Государственная дума РФ обращалась к проектам нового закона о рассмотрении обращений граждан, но закон не получал одобрения в самой думе или не утверждался Советом Федерации, не проходил регистрацию и не подписывался президентом. В связи с этим все органы государственной власти до 2006 г. строили свою работу с обращениями граждан на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 1968 г.

В связи с длительностью подготовки общероссийского закона практически все субъекты РФ издавали свои законы о работе с обращениями граждан. Так, в частности, Московская городская дума 18 июня 1997 г. приняла Закон г. Москвы «Об обращениях граждан», который расширил виды обращений. В нем впервые кроме уже общепринятых видов документов (об-

ращений, жалоб, предложений и заявлений) содержались определения петиции, коллективного обращения, ходатайства. В законе г. Москвы «Об обращениях граждан» обращения рассматривались как важные средства укрепления связи между органами власти города и гражданами, восстановления нарушенных прав и свобод⁴. Это один из способов реализации права горожан на участие в городском самоуправлении.

Все законы субъектов РФ о работе с обращениями граждан опирались на общегосударственный акт - Указ Президиума Верховного Совета СССР 1968 г. с изменениями 1980 и 1988 гг.

На общегосударственном уровне в Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденном Постановлением Правительства РФ 28 июля 2005 г., порядку работы с обращениями граждан и приему граждан отводился специальный раздел⁵. В него впервые кроме письменной и устной формы представления обращений добавлены электронные обращения. Кроме того, в Типовом регламенте были указаны более длительные, чем в Указе Президиума Верховного Совета СССР, сроки рассмотрения обращений граждан. Типовой регламент касался организации работы с обращениями граждан в федеральных органах исполнительной власти.

2 мая 2006 г. Президентом РФ был подписан новый Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»⁶. С выходом данного закона Указ Президиума Верховного Совета СССР 1968 г. и все указы о внесении в него изменений и дополнений признавались недействующими. Однако новый закон вступил в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования 5 мая 2006 г., то есть фактически в ноябре 2006 г.

Закон устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства. Как и в большинстве законодательных актов, специальная статья закона посвящена определению терминов. Обращение гражданина — это направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменное предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления.

В отличие от Указа Президиума Верховного Совета СССР в новом законе выделены статьи «Права гражданина при рассмотрении обращения» и «Гарантии безопасности гражданина в связи с его обращениями».

Граждане в соответствии с законом имеют следующие права:

1. Представлять дополнительные документы и материалы либо обращаться с просьбой об их истребовании.
2. Знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения.
3. Получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.
4. Обращаться с жалобой на принятое по обращению решение.
5. Обращаться с заявлением о прекращении рассмотрения обращения⁷.

В Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» от 2 мая 2006 г. понятие «анонимные обращения» отсутствуют. Но именно им посвящается статья 11 данного закона. В ней указано, что «если в письменном обращении не указаны фамилия гражданина, направившего обращение и почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ, ответ на обращение не дается. Анонимные обращения, в которых содержатся сведения о преступлениях, направляются правоохранительным органам по компетенции⁸».

В Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» рассматриваются виды обращений, не принимаемых к рассмотрению. К ним относятся следующие обращения: обжалование судебных решений; обращения, содержащие нецензурные выражения и не поддающиеся прочтению; многократные обращения по одному и тому же вопросу, ответ на который был уже дан; обращения, ответ на которые связан с разглашением сведений, содержащих государственную тайну. Обращения, в которых обжалуются судебные решения, возвращаются заявителям с разъяснением порядка обжалования данного судебного решения. По многократным обращениям по одному и тому же вопросу, по которому гражданину неоднократно давались ответы по существу, может быть принято решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с автором по данному вопросу. Однако уведомление о таком решении доводится до гражданина в обязательном порядке.

В законе предусмотрена обоюдная ответственность как государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц за нарушение федерального закона и за причинение гражданам ущерба, так и самих граждан за обращения противоправного характера. В закон введена статья о возмещении причиненных убытков и взыскании расходов при рассмотрении обращения. Гражданин имеет право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда с причиненных незаконным действиям, по решению суда. Но в случае если в обращении были указаны заведомо ложные сведения, расходы, связанные с рассмотрением обращения, могут быть по решению суда взысканы с автора обращения.

В отличие от отмененного Указа Президиума Верховного Совета СССР, в действующем законе подробно не описываются правила ведения делопроизводства по обращениям граждан. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» содержит только основные положения, регламентирующие порядок такой работы.

Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» фиксирует предельные сроки работы с обращением гражданина на всех технологических этапах этой работы. На регистрацию отводится не более трех дней с момента поступления обращения. На рассмотрение обращения по существу вопроса - в пределах 30 дней. В исключительных случаях, требующих дополнительных процедур и проверок, руководители государственных органов или органов местного самоуправления либо уполномоченные на то лица могут продлить срок рассмотрения, но не более чем на 30 дней⁹.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», также как и ранее действующий Указ Президиума Верховного Совета СССР, содержит положения, регламентирующие личный прием граждан. В соответствии с действующими правилами информация о месте приема, а также об установленных для этого днях и часах должна быть общедоступна.

Во время приема устное обращение гражданина заносится в карточку личного приема. Если изложенные в устном обращении факты и обстоятельства являются очевидными и не требуют дополнительной проверки, ответ на обращение с согласия гражданина может быть дан устно в ходе приема, о чем делается запись в карточке. В остальных случаях дается письменный ответ в течение 30-ти дней. Кроме того, во время личного приема может быть принято письменное обращение гражданина, которое подлежит рассмотрению в соответствии с общим порядком, установленным законом для таких обращений.

Закон в первую очередь является юридическим оформлением многовековой практики работы с обращениями граждан. Он определяет правовой механизм реализации права на обращения, обеспечивает защиту основных прав и свобод человека и обратную связь между гражданами и органами власти. Правовой механизм реализации права граждан на обращения в органы государственной власти должен быть основан на следующих принципах: всеобщего права на обращения, свободы подачи обращений, равноправия и равной ответственности гражданина и государства, гласности разбирательства, объективности, подведомственности обращений, комплексном подходе к рассмотрению, законности всего порядка работы с обращениями граждан.

В законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» четко определены права гражданина при рассмотрении обращения. Зафиксировано право получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов или уведомление о переадресации обращения в тот орган или должностному лицу, в компетенцию которого входит решение поставленных вопросов. В нем устанавливается обязанность государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц рассматривать поступившие по компетенции обращения граждан, принимать по ним необходимые решения, организовывать личный прием граждан, обеспечивать контроль за соблюдением законодательства об обращениях граждан, анализировать, выявлять и устранять причины, порождающие нарушение прав и свобод граждан.

Таким образом, можно сделать вывод, что работа органов государственной власти и их должностных лиц с обращениями граждан должна гарантировать их конституционные права: права вносить в государственные учреждения предложения об улучшении их деятельности, а так же права обжаловать действия должностных лиц, государственных органов. Эта работа позволяет выявить интересы граждан и дает им право указать на недостатки в деятельности органов.

В современном российском государстве необходим партнёрский подход к регулированию вопросов, связанных с обращениями граждан. Однако тот огромный опыт работы с обращениями граждан и нормативный материал, который был накоплен в предшествующие годы

может оказаться чрезвычайно полезным при формировании новой нормативно-правовой базы работы с обращениями граждан в современной демократической России.

Примечания:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года № 2534 – VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1968. №17. Ст.144.

2. Закон СССР от 26 июня 1968 года № 2830-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. №11. Ст.192.

3. Типовое положение о ведении делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан в государственных органах, на предприятиях, учреждениях и организациях. Утвер. постановлением Госкомитета СССР по науке и технике от 30 ноября 1981 года №463/162/248 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1982. №2.

4. Закон г. Москвы от 18.06.1997 № 25 «Об обращениях граждан» (ред. от 21.06.2000). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти (Утв. Постановлением Правительства РФ от 28 июля 2005 года № 452) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Там же. Ст.5.

8. Там же. Ст.11.

9. Там же. Ст.12.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ РЕГИОНЕ В 1990-2007 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ И КУРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Е.С. Золотухина

Белгородский государственный университет

В статье рассматриваются самые важные демографические проблемы, которые характерны для всего Центрально-Черноземного региона. На примере двух областей можно рассмотреть динамику формирования демографического кризиса в центральной части России, и изучить различные пути выхода из сложившейся ситуации в каждом из регионов.

Ключевые слова: демография, миграция, естественная убыль, смертность, «старение» населения.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN CENTRAL BLACK EARTH REGION OF RUSSIA IN 1990-2007 (ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD AND KURSK AREAS)

E.S. Zolotuhina

Belgorod State University

In article the most important demographic problems which are characteristic for all Central Black Earth region are considered. On an example of two areas it is possible to consider dynamics of formation of demographic crisis in the central part of Russia, and to study various ways of an exit from a current situation in each of regions.

Key words: a demography, the migration, a natural decrease, death rate, population "ageing".

Население - основное богатство страны, региона, каждого отдельного города, без которого жизнь государства невозможна. Вместе с тем общеизвестно, что в настоящее время человечество столкнулось с демографической проблемой, а точнее демографическим кризисом, проявившемся на мега-уровне (весь мир), макро-уровне (в частности Россия) и микро-уровне (в частности, Центрально-Черноземный регион). В последние десятилетия демографическая ситуация в Центральном Черноземье, как и в России, стала одной из самых злободневных социально-экономических проблем. Белгородская и Курская области как региональные компоненты России полностью отражают демографическую структуру страны на микро-уровне: процессы депопуляции, старения населения, сокращения ожидаемой продолжительности жизни, проблемы деградации генофонда нации, сохранения института семьи, отсутствие деятельной миграционной политики, политики трудовой занятости населения и роста уровня безработицы. Население России имеет свою региональную специфику. Однако демографическое развитие регионов Центрального Черноземья нашей страны характеризуется некоторыми общими тенденциями.

Так, сокращение численности населения охватило территорию 74 регионов России, на которой проживает 118,8 млн. Чел., или более 80% населения страны. После распада Советского Союза общими для региона стала стихийная массовая миграция вынужденных переселенцев в Россию, в частности, в Центрально-Черноземный регион, так как здесь благоприятный климат и относительно приемлемые условия для проживания и адаптации.

Основной проблемой социально-демографической ситуации в Белгородской и Курской областях является смертность населения. В середине 90-х гг. коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте по сравнению с началом 80-х гг. увеличился почти в 2 раза. В целом, естественная убыль такова: если в 1990 г. на каждую тысячу жителей Белгородской области умирало 12,8 чел., то в 1997 г. - почти 15¹.

За девяностые годы XX в. население Курской области сократилось на 5,7% и к началу 2001 г. составило 1266,5 тыс. человек. И уже к началу 2005 г. население насчитывало уже 1199,1 тыс. чел.² Основным фактором снижения численности населения региона выступает превышение числа умерших над количеством родившимися, то есть естественная убыль населения. Этот процесс характерен для всего Центрального Черноземья, так как ухудшение экономической ситуации в стране повлекло за собой увеличение уровня смертности, и привело к значительному сокращению рождаемости.

Резкое падение рождаемости на протяжении последних лет рассматривается как реакция семей на ухудшение социально-экономических условий и на снижение уровня жизни. При широко распространенном регулировании супругами деторождения, снижение уровня рождаемости отражает скорее не отказ от рождения детей вообще, а откладывание рождения до более благоприятных времен.

Основные причины понижения рождаемости две: это значительное сокращение численности женщин возрастов наибольшей плодовитости - 20-29 лет. В 1991 г. Таких женщин стало на 2,1 тыс. меньше, чем в 1990 г. (2,5%), по сравнению с 1986 годом их уменьшилось на 13,4 тыс. (14,2%)³.

Вторая причина - существенное ухудшение социально-экономической обстановки, в результате чего произошло сокращение брачности и снижение более чем вдвое в 2000 г. по сравнению с 1986 г. числа рожденных в семьях вторых и третьих детей (с 1996 г. на 16,3%)⁴.

В период с 1970 г. по 2002 г. основной тенденцией изменения структуры населения Курской области по типу поселения стало увеличение численности городского населения: если по всесоюзной переписи населения 1970 г. 33% населения региона относилось к городскому, а 67% - к сельскому населению, то к 2002 г. это соотношение кардинально изменилось. По данным переписи 2002 г. городское население Курской области составляет 61%, сельское - 39%. Став городскими жителями селяне переняли и новый образ жизни. Одним из основополагающих моментов - количество детей в семье. По городским меркам двое детей - это уже много. Если в 1940 году в Курске родилось 47946 детей, то в 2000 г. - всего 10451⁵.

По утверждению российских демографов, главной причиной старения (а в России практически единственной) является снижение рождаемости. Согласно классификации ООН население государства считается старым, если доля людей 65-летнего возраста и старше в общей численности превышает 7%. В 2001 г. в Белгородской области это соотношение составляло 15%, за 2004 год уже 15,9% белгородцев находятся в таком возрастном интервале (для сравнения в 1989 г. - 13%)⁶.

Демографическая ситуация, сложившаяся в Центрально-Черноземном регионе, напрямую связана с трудовыми ресурсами. Просматривается снижение качества рабочей силы, поскольку на фоне старения рабочей силы сокращается молодежный контингент, в том числе со средним и высшим образованием. В 2005 г. в на 605 тыс. рабочих приходится 437 тыс. пенсионеров, то есть 72 пенсионера на 100 рабочих. Ожидается дальнейший рост пенсионеров, а это значит, что Черноземье относится к стареющим регионам России с естественной убылью наиболее важных в экономическом отношении возрастных групп населения.

Статистика свидетельствует о том, что с начала 90-х годов единственным источником увеличения численности населения являлся миграционный прирост. Со времени последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. очередной миграционный приток на территорию Черноземья, в том числе на территории Курской и Белгородской областей, сложился под воздействием новых для государства объективных факторов - распад СССР и желание русскоговорящего и других категорий населения жить в России. Подавляющая часть прибывающих приходилась на мигрантов из стран СНГ и Балтии. Пик миграционного прироста отмечен в 1992-1994

гг. Именно этот период отличается наибольшей миграционной подвижностью населения. За 1993-1996 гг. в Белгородскую область прибыло наибольшее за последнее десятилетие количество населения, которое вызвало всплеск его роста по отношению к предыдущим и последующим годам. В последующие периоды динамика прироста населения на начало каждого года заметно снижалась.

Перемещение населения в пределах России, с учетом прибывших на территорию области и выбывших за ее пределы, в течение последнего десятилетия оставалось стабильным и составляло в среднем до 7 тыс. чел. в год⁷. Таким образом, в годы между переписями 1989-2002 миграционные процессы складывались в основном под воздействием внешних для Белгородской и Курской областей объективных факторов. Они оказались привлекательными для притока мигрантов, как приезжающих из субъектов России, так и для прибывающих из государств СНГ и Балтии.

Как положительный фактор необходимо отметить выгодное географическое расположение областей: находятся на приподнятой всхолмленной равнине на юго-западных и южных склонах Среднерусской возвышенности, входят в состав Центрально-Черноземного экономического района и ЦФО России. Через Белгородскую область проходят важнейшие железнодорожные и автомобильные магистрали межгосударственного значения, соединяющие Москву с южными районами России. Приграничное положение областей способствует активному развитию внешнеэкономической деятельности.

Климат умеренно-континентальный, отличается довольно мягкой зимой и продолжительным летом.

Таким образом, все перечисленные факторы в той или иной степени оказали влияние на миграционные процессы: внутренние и внешние, с государствами – республиками бывшего СССР и другими зарубежными странами.

Традиционно на протяжении 1994-2005 гг. поставщиками дополнительных трудовых ресурсов в Центральное Черноземье, в частности Белгородскую и Курскую области, являются 3 государства дальнего зарубежья: Вьетнам, Индия и Турция, и 8 стран СНГ: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Узбекистан и Украина.

Межрегиональная миграция в Курской и Белгородской областях значительно отличается. Курская область за 1990-2000 гг. в структуре внутривоспитательской миграции являлась регионом, характеризующимся традиционным оттоком населения в другие районы. Ежегодно выезжает 2445 человек⁸. Именно за счет большого выезда в центр Европейской части страны, Курская область имеет отрицательное сальдо во внутривоспитательской миграции.

Наибольший миграционный оборот населения Курской области характерен для сопредельной Белгородской области - 971 чел. ежегодно⁹. Наибольший миграционный прирост отмечен в 2002 г. - 10848 чел., однако, количество выбывших в этот период превышает количество прибывших на 1615 чел. Причиной создавшейся ситуации является социальное и экономическое положение населения, в первую очередь - отсутствие возможности трудоспособному населению получать достойную зарплату. В это связи, в основном, молодые высококвалифицированные работники вынуждены искать себе работу за пределами Курской области в других регионах¹⁰.

Администрация Белгородской области, выгодно используя благоприятные территориальные и климатические условия края, привлекают в область приезжих - мигрантов, которые вынуждены покинуть свои прежние места жительства и переехать на новые. Как правило, мигранты находятся в трудоспособном возрасте и способны рожать детей. Поэтому благодаря миграции на территорию области демографический кризис 1990-х гг. был заметно сглажен, и последствия его будут не так заметны. По прогнозам демографическая ситуация в области выровняется лишь к 2016 г., а пока миграция будет единственным выходом из кризиса.

Итак, Белгородская и Курская области к 1990-м гг. подошли с одинаковыми результатами - в обеих областях сложились предпосылки для формирования демографического кризиса. В связи с тяжелыми социально-экономическими условиями стал стремительно расти процент смертности, а процент рождаемости стал падать, соответственно увеличился процент естественной убыли населения. Еще одной чертой кризиса стало старение населения, и как следствие - нехватка рабочих рук.

В Белгородской области в связи с выравниванием социально-экономического положения эти процессы стали приобретать регулируемый характер. Полностью решить все составляющие кризиса в области пока не удалось. Однако сгладить естественную убыль населения

миграционным потоком стало возможным, одновременно с этим усилия администрации области направлены на поднятие уровня рождаемости.

Демографическая ситуация в Курской области ухудшается с каждым годом. Помимо естественной убыли, «старения» населения, демографический кризис усугубляется еще и оттоком трудоспособного населения из области в более экономически благополучные регионы.

Депопуляция населения, которая характерна для всего Центрального Черноземья, предполагает разработку программы региональной демографической политики, направленной на социально-экономическую поддержку семей. Основные задачи миграционной политики – уменьшение оттока населения в другие регионы и привлечение в регион трудовых переселенцев.

Примечания:

1. Тюркин М.Л. *Сущность, структура и перспективы совершенствования миграционного процесса в Российской Федерации // Государство и право. 2004. №9. - С. 97-101.*
2. Михайлов Б.М. *Население Курской области // Курский край: Т.13: география, природа, население, хозяйство. Курск, 2001. - С. 218.*
3. Беседина В.Н. *Социально-демографические особенности воспроизводства населения и трудовых ресурсов (на примере Курской области) // Философия в системе духовной культуры на рубеже XXI века. Курск, 1997. - С. 257.*
4. Там же. - С. 258.
5. *Сводный статистический сборник Курской области. 2005: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2005. - С. 32.*
6. *О развитии демографических процессов в Белгородской области в 2001 г. Белгород, 2002. - С. 7.*
7. *Сводный статистический сборник Курской области. 2005: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2005. - С. 32.*
8. *Белгородская область в цифрах и фактах/ статистический сборник. Белгород, 2006. С. 57.*
9. *Естественное движение населения Белгородской области в 2005 г. / Статистический сборник. Белгород, 2006. - С. 16.*
10. *Естественное движение населения Белгородской области в 2003 г. / Статистический сборник. Белгород, 2004. - С. 6.*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА ВО ИМЯ СВТ. ИОАСАФА ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО ЧУДОТВОРЦА В Г. БЕЛГОРОД

А.И. Собченко

Духовно-просветительский центр во имя Свт. Иоасафа епископа Белгородского Чудотворца (г. Белгород)

В статье раскрываются основные направления деятельности духовно-просветительского учреждения, формы и методы его работы. Дана ссылка на нормативные основания таких мероприятий. Перечислены основные достижения и проблемы в процессе работы.

Ключевые слова: образование, просвещение, основы православной культуры.

ACTIVITY OF THE SPIRITUALLY-EDUCATIONAL CENTER FOR THE ST. IOASAF THE BISHOP OF THE BELGOROD MIRACLE MAN TO BELGOROD

A.I. Sobchenko

The spiritually-educational centre for the sake of St. Ioasaf the bishop of the Belgorod Miracle man (Belgorod)

In article the basic directions of activity of spiritually-educational establishment, the form and methods of its work reveal. The reference to the standard grounds of such actions is given. The basic achievements and problems in the course of work are listed.

Key words: formation, education, bases of orthodox culture.

Каждый народ в историческом процессе создает свою неповторимую национальную культуру, аккумулирующую вековую мудрость «предками данную» и нравственные ценности. И очень важно чтобы эти созданные и накопленные богатства не оставались в прошлом, но постоянно питали новые подрастающие поколения.

Сегодня очевиден тот факт, что никакие социально-экономические и политические преобразования в нашей стране не могут быть успешно осуществлены без учета духовного потенциала личности, без воспитания человека-гражданина и человека-патриота.

В «Национальной доктрине образования РФ», принятой в октябре 2000 г., прямо указываются приоритеты, которые должна обеспечить система образования, и на первом месте стоит задача обеспечения «исторического преемства поколений, сохранение, распространение развитие национальной культуры; воспитание патриотов России, граждан обладающих высокой нравственностью», далее, «воспитание молодого поколения в духе высокой нравственности и уважения к закону».

В этом же направлении Президент РФ Д.А. Медведев обозначил в «Послании Федеральному Собранию» 5.11.2008 г. дальнейший курс и напомнил о духовно-нравственном богатстве нашего народа, еще раз подчеркнув в этом вопросе позицию государственной власти. «Нам есть чем гордиться, есть что любить. Есть что отстаивать и что защищать, есть, к чему стремиться. И решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы. Ее прежние успехи были признаны во всем мире».

В прошлом, 2009 г. в очередном послании Правительству Президент РФ, озвучил некоторые акценты в программе «Наша новая школа». «Школа наряду с семьей является базовым социальным институтом, формирующим личность, приобщающим новые поколения к ценностям отечественной и мировой культуры, делающим человека цивилизованным. Закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом». (послание, 12.11.2009).

В Белгородской области в 2004 г. была принята губернаторская программа «О мерах по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи», которая предполагала создание на всей территории Белгородской области духовно-просветительских центров как самостоятельных, так и на базе школ и детских домов творчества. В 2006 г. была принята концепция «Основ духовно-нравственного воспитания Белгородской области». Эта концепция предполагала определение направлений деятельности органов власти в духовно-нравственном воспитании населения Белгородской области, предложив системную программу в этом направлении. В качестве ключевых составляющих в организации системной работы по духовно-нравственному воспитанию заняли духовно-просветительские центры.

Мы не будем более подробно говорить о важности направления работы по духовно-нравственному воспитанию. Из вышеприведенных примеров ясна позиция правительства РФ в этом вопросе, как в масштабах страны, так и на региональном уровне.

Одним из первых духовно-просветительских центров, начавших работу, стал центр во имя свт. Иоасафа в г. Белгород. Одноименное название имеет духовно-просветительский центр в г. Грайворон Белгородской области, где в 1754 г. в декабре месяце по пути в Белгород скончался святитель Иоасаф.

Центр был открыт 1 июня 2004 г. в День памяти новомучеников и исповедников Белгородских и Международный День защиты детей. В открытии приняли участие архиепископ Белгородский и Старооскольской Иоанн, губернатор области Е.С. Савченко и другие официальные лица. Расположился он в историческом здании, памятнике архитектуры города, где до революции находился католический костел, построенный в 1907 г. польскими военными, стоявшими в Белгороде.

На первых порах центр должен был стать базовой площадкой по подготовке преподавателей школ города по предмету «Основ православной культуры». Предполагалось проведение курсов, занятий для учителей, консультаций, что и осуществлялось в течении нескольких лет. Центр давал методические рекомендации по проведению и подготовке уроков, осуществлял помощь в подборе и поиске материала, оформлении уголков и кабинетов православной культуры. Несколько лет подряд проводились уроки православной культуры в самом центре для учащихся школы города №48 (школа находится в непосредственном соседстве с центром). Проводились и проводятся экскурсии для преподавателей и учащихся по духовному краеведению, в которых рассматривается история Белгородской и Старооскольской епархии в рамках истории края начиная со времен крещения Руси и до наших дней.

Наглядным материалом служит постоянная экспозиция одного из залов центра. Иллюстрациями к повествованию служат картины художников московской школы им. И. Глазунова. Каждая картина представляет определенную эпоху в истории Русского государства в лицах

главных её деятелей, которые внесли значительный вклад в историю России и особенно в историю Белгородского края. В главном зале представлена экспозиция старых богослужебных книг, копии документов относящихся к истории Белгорода, изображения Белгородских архиереев, личные вещи свт. Иоасафа (Горленко) епископа Белгородского, документы одного из священников Белгородской епархии - бывшего фронтовика.

С момента проведения первых Иоасафовских чтений (2003 г.), в центре неоднократно проводились секции посвященные преподаванию предмета «Основы православной культуры» и вопросам воспитания. В 2009 г. в рамках I Федеральной конференции посвященной вопросам создания духовно-просветительских центров, в стенах центра свт. Иоасафа проходила работа одной из секций. Для проведения столь масштабной конференции Белгородская область была выбрана не случайно, так как является показательной по развитию духовно-нравственного компонента среди населения края.

В 2001 г. был открыт первый духовно-просветительский центр в области в г. Грайворон. Уже действовала отлаженная система взаимодействия между Департаментом Образования Белгородской области, Белгородской и Старооскольской епархией, школами города, Департаментом молодежной политики, ВУЗами города. Белгородская область одна из первых ввела предмет «Основы православной культуры» в качестве регионального компонента в перечень предметов, преподаваемых в школах области.

Все вышеописанное в прошедшем времени не ушло в историю, вся эта работа продолжается и на современном этапе. Что касается центра, то первоначально его работой руководила преподаватель высшей категории, отличник народного просвещения – Гусева Валентина Семеновна. Благодаря ей и под её руководством духовно-просветительский центр делал первые шаги по налаживанию совместной работы со школами города Белгорода. Сейчас центр сотрудничает и с ВУЗами города, но в первую очередь его целевая аудитория это подрастающее поколение – учащиеся школ и воспитанники детских садов.

Работа проводится в разнообразных формах, в зависимости от возраста детей и имеющихся у них начальных знаний по духовной культуре. В первую очередь это экскурсии и знакомство с духовной историей Белгородчины (временем появления христианства на Руси и в крае, историей епархии, святынями, житиями местных святых, историей храмов и т. д.). Беседы на различные темы, в том числе и современные, актуальные для детей и подростков темы, по возможности с приглашением священнослужителей. Просмотры тематических фильмов и их последующее обсуждение, проведение в школах уроков приуроченных к важным событиям жизни Церкви и государства (главные церковные праздники и памятные даты). Экскурсии по городу знакомящие учащихся с историей храмов, святынями Белгорода и основами христианского вероучения. Центр принимает активное участие в мероприятиях иницируемых Белгородской и Старооскольской епархией, проводя встречи, беседы и конференции.

Несколько лет осуществляется работа с детским садом №8. Дети знакомятся с православной культурой в рамках занятий посвященным народным традициям, проводятся утренники, посвященные дню канонизации и дню рождения свт. Иоасафа в сентябре месяце. Все это сопровождается информацией, знакомящей детей с жизнью святых как примером нравственности и образца для поступков в обществе.

В течение нескольких лет, во время каникул в школах, в ГОУ ДПО «Белгородском региональном институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов» при БелГУ проходят курсы повышения квалификации учителей православной культуры, и центр стал площадкой по проведению ряда лекций. Но самое главное, что учителя имеют прекрасную возможность оценить и ознакомиться с разнообразием видов и форм работы на базе самого духовно-просветительского центра.

Центр может стать исследовательским центром по духовному краеведению. Небольшая музейная коллекция, представленная в центре, может стать для учащихся школ материалом к темам первых научно-исследовательских работ о Святом Белогорье. Так, например, в 2007 г. учащиеся 11 класса гимназии №1 в качестве выпускного экзамена выбрали предмет «Основы православной культуры» и представили свои исследовательские работы с последующей их успешной защитой.

Для многих жителей города и преподавателей как средних, так и высших учебных заведений до сих пор (как это ни покажется странным), факт существования духовно-просветительского центра во имя свт. Иоасафа еще малоизвестен.

Для полноты описания, следует немного сказать не сколько о трудностях, сколько о неудобствах, с которыми приходится встречаться центру на современном этапе своего существования. Сразу хотелось бы подчеркнуть, что, обозначая эти «неудобства» в работе мы, ни в коем случае, не хотели бы, чтобы они воспринимались как обвинения.

Основным неудобством являются нынешние сложности в посещении центра учащимися школ города. Ближайшие школы его могут осуществить в рамках времени отведенного на урок основ православной культуры, по предварительному письменному согласованию с директором школы в сопровождении преподавателя. Для школ расположенных достаточно далеко это возможно только во внеурочное время, и здесь помимо официальных правил возникает человеческий фактор. Не каждый учитель готов жертвовать своим личным временем после проведения уроков согласно расписанию и вести учащихся в центр. Сюда же можно отнести и то что, во всех школах города есть кабинеты православной культуры с достаточно хорошим оформлением и наполненностью. Это, конечно, положительный момент, но он не обеспечивает разнообразия и возможности ознакомления учащихся с православной культурой не только в кабинете школы.

Таким образом, изменившиеся внешние реалии в области духовно-нравственного преподавания требуют некоторой переориентации работы центра в направлении активизации работы. Нам представляется перспективным миссионерское направление в работе. Это означает, что инициатива в проведении совместных мероприятий со школами города, должна исходить от центра. Возможным видится создание при центре некоего молодежного клуба, например, по чтению и изучению Священного Писания, истории Церкви, христианского вероучения.

В целом стоит отметить, что и на современном этапе центр не утратил своего значения и в полной мере осуществляет свою деятельность.

III. ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДСКИХ ПОЛКОВ ПО ПЕРЕПИСИ 1732 Г.

С.Д. Петров

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье рассматривается вопрос территориального деления и численности населения слободских полков по переписи 1732 г. Изучаются данные переписи слободских полков 1732 г., которая была опубликована Д. Багалеем. Определяются причины проведения переписи и исторической ценности источника. Проанализированы данные о количестве территориальных единиц, численности населения, его сословной и этнонациональной структуре по переписи 1732 г. Эти данные сравниваются с другими историографическими данными. На основе исследуемых данных определяется, что население слободских полков по переписи 1732 г. составляло около 200 тыс. чел. мужского пола, а удельный вес украинского населения – 96–98%

Ключевые слова: источник, территориальное деление, слободские полки, перепись, численность населения, сословие, украинское население.

TERRITORIAL DEVICE AND POPULATION OF THE SLOBIDSKY REGIMENTS BY THE CENSUS 1732

S.D. Petrov

V.N. Karazin Kharkiv National University

In the article the question of the territorial device and population of the Slobidsky regiments by the census 1732 have been considered. The data of the census 1732 of the Slobidsky regiments that has published by D. Bahaliy have been investigated. The causes of the carrying out of the census and historical importance of the source have been established. The data of quantity of the territorial units, the population, it's the estate and ethnonational structure by the census 1732 has been analyzed. These data with other historiographical data are compared. On the basis of the researching data have been determinate that the population of Slobidski regiments was about 200 thousand men and the specific share of the Ukrainian population of the Slobidsky regiments was about 96–98%.

Key words: source, territorial device, Slobidsky regiments, census, population, estate, Ukrainian population

В последнее время все большей актуальности в исторических исследованиях получает проблема исторической демографии, изучающая вопросы народонаселения с целью реконструировать демографическую ситуацию определенной территории в определенный хронологический период. Эта проблематика тесно связана с конкретной территорией, а потому с помощью демографических данных о численности населения и его социальной структуры можно определить уровень развития по различным социально-экономическим показателям, а также определить и административно-территориальное устройство данной территории.

Организация войска и территориального устройства слободских полков отличалась от той, которая сложилась в централизованном Русском государстве в силу того, что казацкая старшина каждого из полков имела царскую привилегию на самостоятельное решение вопросов, связанных с устройством, управлением, налогообложением этих территорий, а также комплектованием войск. А потому существовала разница между «традиционным» казацким устройством и устройством России, особенно после проведения петровских реформ. Определенные шаги по ограничению Слободской автономии были сделаны еще при Петре I и Екатерине I, проводившей контрреформу местного управления в 1727 г. При Анне идея о реформировании слободских полков и определенных изменениях в системе комплектации войск, административного управления и структуры населения получила свое воплощение.

И в непосредственной связи с реформированием системы местного управления и структурированием штата войск в Российской империи в конце 20-х – сер. 30-х гг. XVIII в. проходили изменения в тех же сферах жизни в Слободской Украине, которые в историографии получили название «модернизацией» слободских полков. Эта попытка была направлена на «обновление» «традиционной» казацкой системы новой, более централизованной, основанной на подчинении в решении данных вопросах российскому правительству и высшим учреждениям и унифицированной по российскому образцу.

Одним из элементов модернизации стало проведение переписи населения на землях слободских полков в 1732 г. Эта перепись населения стала первой широкомасштабной ревизией населения слободских полков и украинского населения украинско-российского пограничья.

Отметим, что ряд исследователей, такие как Д. Багалея¹, В. Кабузан², Г. Махнова², а также А. Слюсарский⁴ исследовали численность населения Слободщины во 2-й трети XVIII в., и по переписи 1732 г. в частности. В трудах В. Маслийчука⁵ и О. Корниенко⁶ по истории Слободщины, появившихся в последнее время, акцент сделан на политические и социальные аспекты, а данные народонаселения в них используются поверхностно.

Еще до переписи на землях слободских полков проводились ревизии населения в 1713 и 1722 гг.⁷, но они не дали точных данных о численности населения из-за укрывательства владельцев своих подданных.

Перепись 1732 г. началась с того, что императрицей Анной было выдано 2 указа от 20 июня⁸ и 27 июня 1732 г.⁹ о ревизии мужского населения слободских полков и украинского населения, проживавшего в великороссийских губерниях. Его проведение было поручено майору лейб-гвардии Семеновского полка Михаилу Хрущеву. Была разработана детальная инструкция проведения переписи, в которой подробно указывалось о том в какую графу записывать ту или иную группу населения. Перепись, начавшись 6 сентября 1732 г., была окончена в начале февраля 1733 г., т. к. уже 14 февраля ведомость «сколько в поселившихся полках, по переписи майора Хрущева явилось людей» лежала в Кабинете Ее Императорского Величества¹⁰. Добавим, что в Российской империи до середины XVIII в. обычно ревизии населения национальных окраин проводилось отдельно от собственно коренной России. Так, кроме переписи 1732 г. слободских полков, отдельные от имперских проводились ревизии в Гетманщине, где до ликвидации ее автономии проводились подворные ревизии каждые несколько лет. Подобная система существовала в Лифляндии, Ингерманландии, Ревельской губернии¹¹.

Среди причин, которые побудили российское правительство к проведению на слободских землях ревизии населения, необходимо назвать подготовку к очередной русско-турецкой войне и связанную с ней мобилизацию всех возможных ресурсов, особенно на этих землях, которые становились главным плацдармом и источником снабжения русских войск. А также проведение унификации системы управления и фискальных сборов на Слободщине с общероссийской и определение количества работников от полков (по пропорции от определенного количества дворов) на строительство Украинской линии¹².

Перепись слободских полков 1732 г., опубликованная Д. Багалеем¹³, – единственный на данный момент доступный для широкого круга исследователей источник по демографии, а также для определения административно-территориального деления и топонимии края 1-й пол. XVIII в. Данные опубликованной «Переписи 1732 г.» не полные: нам известны сведения полностью по Харьковскому, Изюмскому и Ахтырскому полкам, частично – по Сумскому, и совсем неизвестны – по Острогожскому полку. Но, как показывают исследования В. Кабузана¹⁴ и Б. Беляшевского¹⁵, данные по Острогожскому полку существуют, но только в виде перечневых ведомостей. Следует добавить, что В. Беляшевский утверждает, что в каждой из переписных книг не хватает конца¹⁶. Кроме того, существенным недостатком данной публикации является нечеткость структурирования данных, из-за чего возникают проблемы с их правильным толкованием. Снижают ценность неточности, которые допустил Д. Багалея при своих подсчетах и при публикации источника, т. к. при реальном подсчете данных переписи они не сходятся с теми цифрами, которые присутствуют в монографии Д. Багалея. Так, В. Беляшевский приводит ряд примеров, когда присутствует ошибка в числовом значении или даже в названии поселения¹⁷. Таким образом, цель данной статьи проанализировать совокупность данных опубликованной переписи и соотнести их с другими известными нам демографическими данными обозначенного периода.

Согласно данным В. Кабузана по переписи 1732 г. численность украинского населения составляла 323.112 чел., в т. ч. 114.933 чел. казацкого населения (казаков, подсоседков и подпомощников) и 189.562 чел. податного населения¹⁸. В. Маслийчук нашел в подсчетах В. Кабузана ошибку, т. к. сумма составляет лишь 304.495 чел.¹⁹. В тоже время, Г. Махнова дополнила данные В. Кабузана: переписью было зафиксировано 323.411 чел., в т. ч. 114.933 казаков, 189.562 чел. податного населения и 18.916 чел. других слоев населения²⁰. Такие же данные приводит и Б. Беляшевский²¹.

Д. Багалея в своем исследовании подает данные переписи 1732 г. по 4-м полкам (Харьковскому, Ахтырскому, Изюмскому и частично Сумскому полкам). Согласно им в этих полках

было 510 населенных пунктов и проживало 153.056 чел.²². В то же время по нашему подсчету опубликованного источника в 4-х полках насчитывалось 520 поселений и жило 153.799 чел.²³. Однако В. Кабузан подает совершенно другие данные по этим же 4-м полкам: 372.292 чел., а также сведения по Острогожскому полку – 52.588 чел.²⁴. К этим данным следует отнестись с подозрением, т.к. поданы они с учетом женского населения, которое начало подсчитываться только с III ревизии 1763 г. При этом неизвестна формула, которую использовал ученый в подсчетах.

Для анализа данных переписи 1732 г. нами была создана база данных (далее – БД) в Microsoft Office Excel, в которую были внесены все сведения о численности населения всех поселений, указанные в опубликованном Д. Багалеем источнике. Кроме того, необходимо сказать несколько слов о методике подсчета количества населенных пунктов. В опубликованном источнике имеются данные о некоторых хуторах, которые в тексте соответственно не выделены, а потому в БД вносились все населенные пункты, о которых есть более-менее достоверная информация. Ключевыми словами являются указание названия, типа поселения и его владельца. Проверялась информация, чтобы не произошло дублирование населенных пунктов: например, когда население одного населенного пункта подчинено 2-м разным административным единицам. В случае, когда часть населения одного населенного пункта числилась приписанной в другой административной единице, указывалось, что это часть этого поселения. Всего таких частей поселений, подчиненных другим административным единицам, в слободских полках 4 (по 2 в Харьковском и Сумском полках). В БД вносились сведения о владельческих, скотских и хуторных дворах как о части поселения, к которому они приписаны по данным переписи.

Данные о списках поселений слободских полков по переписи 1732 г. для исследователя в отсутствие картографических источников, позволяют также примерно обрисовать границы каждого из слободских полков и обозначить приблизительные границы сотен. Населенные пункты подразделяются на несколько типов: города (укрепленные крепости), местечки (имеющие укрепленный часток), села, деревни, слободы, слободки, хутора и сельца. Деревни обнаружены нами 2-х видов: войсковые, находящиеся в ведении полка, и государственные, находящиеся в ведении государственной казны и частично подчиняющиеся местной администрации. Остальные поселения (кроме городов и местечек) 3-х видов: войсковые, государственные и владельческие.

Также необходимо отметить, что количество сотен не было четко определенным и в некоторые годы колебалось. Интересно, что существуют расхождения между официальными данными и теми, которые следуют из переписи 1732 г. Так, согласно официальным данным в Харьковском полку было 18 сотен, а по переписи 1732 г. присутствует 19 сотен. В других полках ситуация следующая: в Ахтырском 20 и 14, в Изюмском 22 и 20, в Сумском 20 и 16 соответственно. Кроме того, в Острогожском полку было 18 сотен²⁵. Не совпадает и количество поселений при подсчете Д. Багалея и автора. Общая разница достигает 10 населенных пунктов (см. табл. 1). Подобная картина наблюдается и при анализе типов населенных пунктов.

Аналогичная ситуация, как при подсчете Д. Багалеем и автором количества населенных пунктов, происходит при подсчете численности населения слободских полков. Цифры, поданные Д. Багалеем в своей монографии, и полученные автором в результате создания БД, не сошлись по всем полкам, а соответственно и итоговым цифрам (см. табл. 1), что свидетельствует о плохой подготовленности к публикации данных переписи 1732 г. Для сравнения в той же таблице поданы данные о численности населения полков В. Кабузана.

Необходимо отметить, что Б. Беляшевский нашел те документы, с которыми работала Г. Махнова, и опубликовал данные о численности казацкого населения (без казацкой старшины и городских караульных) и владельческих подданных по всем слободским полкам. В то же время, данные о других слоях населения поданы ним в обобщенном виде по всем слободским полкам²⁷.

При составлении БД автор выделил 59 мелких социальных групп населения, тождественные тем социальным, социально-этническим или профессиональным показателем, указанным в источнике. В нескольких случаях были сделаны упрощения: так, писари считались вместе с канцеляристами, а к разным группам населения отнесено население, поданное в переписи вместе, но принадлежащие к разным состояниям (например, духовенство и подданные – рабочие). Перепись 1732 г. подает значительное количество различных социальных групп, что свидетельствует, о довольно большой социальной дифференциации населения по состоянию на 30-е годы XVIII в., которая присуща раннеמודерному обществу. Все социальные группы можно

свести к 7 наибольшим: 1) казачье состояние: казацкая старшина, подпрапорные, казачество (украинское и великоросияны, служащих в казаках), подсоседки, подпомощники, 2) духовенство; 3) иностранцы; 4) русские служилые люди (ландмилиционеры); 5) относительно свободные производители: цеховики и ремесленники; 6) разные группы населения: представители духовенства и подданных); 7) подданные: подданные (неопределенной владельческой принадлежащей, собственнические и монастырские, а также неопределенной этнической принадлежности и украинский), крепостные крестьяне (неопределенной этнической принадлежности, украинский и русские), служители, рабочие, дворники, приказчики, стадник, шинкари, мельники, пасечники, винодел. Таким образом, общее, в настоящее время можно выделить 6 состояний и 1 группу (разночинного населения), из которых 4 типичные для украинского населения этого времени: казачество, духовенство, ремесленники и подданные.

Табл. 1.

Количество поселения и численность населения слободских полков по данным Д. Багалия, В. Кабузана и авторского подсчета опубликованной переписи²⁶

Полки	Автор подсчета	Поселений в полку	численность населения по переписи 1732 г.	Численность населения по данным В. Кабузана
Харьковский	Д. Багалий	149	37.756	97.340
	Автор	149	38.249	
Ахтырский	Д. Багалий	103	41.186	82.546
	Автор	103	41.155	
Изюмский	Д. Багалий	102	31.183	67.106
	Автор	106	30.991	
Сумской	Д. Багалий	156	42.931	125.300
	Автор	162	43.398	
Всего	Д. Багалий	510	153.056	373.292
	Автор	520	153.799	

Данные опубликованной переписи и данные Б. Беляшевского подаются в табл. 2 с целью сравнения их показателей и выявления отклонения, вызванного, как состоянием оригинала источника, так и его плохой археографической подготовкой к печати Д. Багалею. Ввиду того, что Б. Беляшевский подавал данные по казацкой старшине только в общеслободских масштабах, то мы их приплюсуем к по полковым данным, из-за чего число казачества в слободских полках будет больше, чем его значение при суммировании поданных по полковым данным. То же будет и в графе податного населения, т.к. некоторые группы населения были не учтены Б. Беляшевским при составлении по полковым сведений.

Анализируя данные по этим основным группам населения можно сделать вывод, что казачье население преобладает во всех полках, и в целом в 4-х полках оно составляет 56% от всего населения по нашим подсчетам и 60% по данным Б. Беляшевского. Податное население составляет также значительную часть населения (всего 41% и 33% соответственно). На третьем месте по численности находится духовенство, что составляет всего 1,5 и 2% населения соответственно²⁹. Итак, казачество составляло в это время большую часть населения, а значит на 30-е

годы XVIII в. слободские полки были по социальному составу типичной автономией. Однако присутствует и тенденция к значительному увеличению численности подданных за счет населения других групп (преимущественно низких ступеней казацкого населения).

Перепись является важным источником по определению этнического состава региона. Следует констатировать, что часть иностранцев интегрировалась в казацкое состояние, а потому детально выяснить этнический состав населения края не представляется возможным. Д. Багалеи не приводит данных иностранного населения, а исключительно русского, что не дает нам подсчитать точно этнический состав края. Подобная проблема наблюдается и в данных Б. Беляшиевского, т. к. из его сведений следует, что в полках проживал 2.031 русский и 2.120 иностранцев вообще³⁰, что, безусловно, не отвечает действительности. Данные В. Кабузана вызывают определенные сомнения, сравнивая цифровые данные Б. Беляшиевского и полученные с помощью авторского подсчета. Следует сказать, что процент украинского населения по различным данным в Харьковском полку достигал около 95–96%, в Изюмском – около 95-99,6%, Ахтырском – 99,8-99,9%, а в Сумском – практически 100%³¹.

Табл. 2.

Численность социальных категорий населения слободских полков по состоянию на 1732 г. по данным Б. Беляшевского и авторского подсчета опубликованной переписи 1732 г.²⁸

Категории населения	Автор подсчета	полки					Всего
		Харьковский	Ахтырский	Изюмский	Сумской	Остро-гожский	
Казацкое население	Беляшевский	18.427	26.918	17.398	31.692	19.674	115.546
	Автор	19.042	27.141	17.618	22.361	–	86.162
духовенство	Беляшевский	–	–	–	–	–	3.714
	Автор	607	584	573	695	–	2.459
иностранцы	Беляшевский	–	–	–	–	–	89
	Автор	21	6	7	20	–	48
Российские служилые люди	Беляшевский	–	–	–	–	–	2.031
	Автор	1.244	6	106	14	–	1.370
Цеховые мастера	Беляшевский	–	–	–	–	–	1.184
	Автор	492	17	15	6	–	530
Разных чинов люди	Беляшевский	–	–	–	–	–	262
	Автор	40	0	51	0	–	91
Податное население	Беляшевский	15.478	10.690	12.268	19.882	3.872	72.474
	Автор	16.803	13.407	12.621	20.308	–	63.139
Численность населения по переписи 1732 г.	Беляшевский	–	–	–	–	–	192.215
	Автор	38.249	41.155	30.991	43.404	–	153.799

Перепись слободских полков 1732 г., опубликованная Д. Багалием, содержит значительное количество информации об административно-территориальном устройстве, демографии и социально-экономическом развитии региона. Выяснено, в историографии существуют данные, поданные В. Кабузаном и В. Беляшевским. В то же время, данные опубликованной переписи имеют незначительную погрешность, по сравнению с теми сведениями, которые подают обозначенные ученые. Таким образом, можно говорить, что население 4-х слободских полков, переписные книги которых опубликованы, по переписи 1732 г. составляло около 155-160 тыс. чел., а всех 5-ти полков – 192-210 тыс. чел. мужского пола³². К данным В. Кабузана следует относиться с осторожностью, ибо его данные ничем не мотивированы (сведения поданы вместе с женским населением, которое до III ревизии не подсчитывалось). Последующее более детальное изучение социальной и этнической структуры населения согласно переписи даст возможность проанализировать тенденции изменений во времени в этих структурах.

Примечания:

1. Багалеи Д.И. *Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. –С. 561-562.*

2. Кабузан В.М. *Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971; Он же. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; Он же. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006; Он же. Чисельність українського населення на території Росії за ревізіями 1732 та 1763 рр. // УІЖ. 1960. №6. – С.161-164.*
3. Махнова Г.П. *Чисельність і склад українського населення Росії в 60-их рр. XVIII ст. // УІЖ. 1965. №2 – С. 111-116.*
4. Слюсарский А.Г. *Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII-XVIII вв. Харьков, 1964.*
5. Маслійчук В.Л. *Козацька старшина слобідських полків другої половини XVII – першої половини XVIII ст. – 2-е вид, доповн. та доопрац. – Харків, 2009. Он же. Радикальна реформа і старий звичай (Князь Олексій Шаховський та реформування слободських полків 1733-1735 рр.) // Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII-XIX ст. Харків, 2007. – С. 105-140.*
6. Корнієнко О.М. *Нариси військової історії України. Сумський слобідський козацький полк 1659-1765 рр. Київ, 2008.*
7. Маслійчук В.Л. *Козацька старшина слобідських полків другої половини XVII – першої половини XVIII ст. – С. 282-284; Біляшівський Б. Слобідські полки та українці навколишніх губерній за ревізією 1719-1727 // Просемінарії: Мелієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Вип.7. Київ, 2008. – С. 411-443.*
8. ПСЗ. Т.VIII. (1727-1732). СПб, 1830. – №6099. – С. 858-859, от 20 июня 1732 г.
9. ПСЗ. Т.VIII. (1727-1732). СПб, 1830. №6105. – С. 863-864, от 27 июня 1732 г.
10. Сборник Императорского русского исторического общества. Юрьев, 1989. Т.106. – С. 68-69.
11. Кабузан В.М. *Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. – С. 57, 59.*
12. Петров С.Д. *Реформування слобідських полків у 30-х – на початку 40-х років XVIII ст. // Шевченківські дні – 2009. Історія: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції молодих учених. Київ, 2009. – С. 66.*
13. Багалеї Д.И. *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI-XVIII вв. Харьков, 1886. Т.1. – С. 204-276.*
14. Кабузан В.М. *Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – С.67. Он же. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса.– С. 423.*
15. Біляшівський Б. *Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року // Студії з архівної справи та документознавства Київ, 2003. Т.10. –С. 204.*
16. Біляшівський Б. *Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 202.*
17. Там же.
18. Кабузан В.М. *Чисельність українського населення на території Росії за ревізіями 1732 та 1763 рр. // УІЖ. 1960. №6. – С. 163-164.*
19. Маслійчук В.Л. *Радикальна реформа і старий звичай (Князь Олексій Шаховський та реформування слободських полків 1733-1735 рр.) // Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII-XIX ст. Харків, 2007. – С. 113.*
20. Махнова Г.П. *Чисельність і склад українського населення Росії в 60-их рр. XVIII ст. // УІЖ. 1965. №2 – С. 111.*
21. Біляшівський Б. *Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року. – С. 204.*
22. Багалеї Д.И. *Очерки... – С. 554, 562.*
23. Багалеї Д.И. *Материалы... – С. 204-276.*
24. Кабузан В.М. *Народы России в XVIII веке... – С. 67,75; Біляшівський Б. Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 204.*
25. Багалеї Д.И. *Материалы... – С. 204-276; Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI-XVIII вв. // Сборник ХИФО. Харьков, 1890. Т.2. Вып.1-2. – С. 159.*
26. *Таблицу составлено по: Багалеї Д.И. Материалы... – С. 204-276; Багалеї Д.И. Очерки... – С. 554, 561–562; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке... – С. 75.*
27. Біляшівський Б. *Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 204.*
28. *Таблицу составлено по: Багалеї Д.И. Материалы... – С. 204-276; Біляшівський Б. Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 204.*
29. Там же.
30. Біляшівський Б. *Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 204;*

31. Багалеј Д.И. Материалы... – С. 204-276; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке... – С. 75.

32. Там же; Біляшівський Б. Перепис Слобожанщини та українського населення сусідніх територій 1732 року... – С. 204.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И ЕЕ РОЛЬ В РАСПРОСТРАНЕНИИ «СТАРОЙ ВЕРЫ» НА ХАРЬКОВЩИНЕ В КОН. XVII – 1-Й ПОЛ. XIX ВВ.

П.В. Еремеев

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье рассматривается старообрядческая агитация на Харьковщине в конце XVII – сер. XIX вв. Исследуются особенности старообрядческой пропаганды, её методы и эффективность. Анализируются изменения в характере старообрядческой пропаганды в течении исследуемого периода.

Ключевые слова: старообрядчество, пропаганда, миссионерская деятельность, Харьковщина.

OLD BELIEF'S ADVOCACY AND ITS ROLE IN THE DISSEMINATION OF OLD BELIEF IN KHARKIV REGION IN THE END OF XVII – THE MIDDLE OF XIX CENTURY.

P.V. Yeremeev

V.N. Karazin Kharkiv National University.

The paper considers the advocacy of Old Believers in Kharkiv Region in the end of XVII – the middle of XIX century. The paper explores the peculiarities of Old Belief's advocacy, its methods and efficiency. The transformations of the Old Belief's advocacy are analyzed.

Key words: Old Belief, advocacy, missionary work, Kharkiv Region.

Старообрядчество в течение длительного времени оказывало огромное влияние на духовную, культурную, социально-экономическую и политическую жизнь Российской империи¹, что обуславливает актуальность всестороннего исследования данного феномена. История старообрядчества Харьковщины остаётся малоисследованной темой. Вместе с тем, старообрядцы этого региона играли не последнюю роль в истории «старообрядческого мира»², и поэтому всестороннее изучение истории старообрядчества Харьковщины может представлять значительный научный интерес. Кроме того, изучение региональной эмпирики нередко позволяют решать общие теоретические проблемы. Насколько известно автору, особенности старообрядческой пропаганды до сих пор практически не были предметом специального исследования. Учитывая вышесказанное, исследование старообрядческой пропаганды на Харьковщине может представлять значительный научный интерес.

Нижней хронологической рамкой исследования был избран конец XVII в. – время появления старообрядцев на Харьковщине³. Верхняя хронологическая рамка – середина XIX в., – обусловлена значительными изменениями в положении старообрядчества вследствие Великих реформ, которые, среди прочего, привели к существенным изменениям в положении старообрядчества, а следовательно, повлекли за собой и изменение условий для старообрядческой пропаганды⁴.

Источниковой базой данного исследования стали материалы Канцелярии харьковского губернатора (фонд №3 Государственного архива Харьковской области), а также «Историко-статистическое описание Харьковской епархии архиепископа Филарета (Гумилевского)»⁵. Говоря о степени полноты источниковой базы, следует отметить, что вследствие государственного запрета на распространение старообрядцами своей веры среди представителей господствующей церкви, сведения, дошедшие до нас относительно старообрядческой агитации на Харьковщине являются отрывочными. В то же время, они дают возможность составить представление об особенностях старообрядческой пропаганды, её методах, целевой аудитории и эффективности, а также трансформации в течение рассматриваемого периода.

Источники свидетельствуют, что переселяясь на территорию Харьковщины с конца XVII в., старообрядцы часто не ограничивались пассивным сохранением собственной веры. Почти сразу они разворачивали активную пропаганду древлеправославия среди местного населения. Так, оказавшись в Чугуеве и на его окраинах, старообрядцы начали активно привлекать к собственной вере местных жителей. Причем, эта деятельность была достаточно успешной: старообрядцы в Чугуеве активно перекрещивали новообрядцев в «старую веру»⁶. А после основа-

ния в середине XVIII в. Чугуевского монастыря Поморского согласия, Чугуев стал одним из крупнейших духовных центров Поморского согласия в Украине⁷.

Около 1735 года значительную активность проявляли староверы слободы Терновой, в основном, благодаря активности своего наставника Ивана Евсеевича Кушнера, который, сотрудничая счугуевскими старообрядцами, свободно проповедовал древлеправославие⁸. Сохранились сведения о распространении в этот период старообрядчества в с. Лозовой, которое происходило под прямым влиянием агитации Кушнера. В 1747 г. один из чугуевских старообрядцев, пойманный в с. Основа полковником Квиткой, сознался, что «старую веру» в с. Лозовая, среди прочих, исповедует и зять местного священника господствующей церкви Иван Иванов. Последний на допросе заявил, что он «черкашенин, родившийся и воспитанный в православии, а в 1746 г. был совращён в раскол Иваном Евсеевым, который жил в с. Терновая Чугуевского уезда и ныне умер, и что сейчас он [Иванов – прим. наше] искренне обращается к православной Церкви». Приблизительно через 10 лет старообрядцы снова были отмечены в с. Лозовая⁹, после чего, до конца исследуемого периода, старообрядцы продолжали периодически фиксироваться в Русской и Черкасской Лозовой. Правда, их численность по официальным данным была незначительной¹⁰.

В середине XVIII ст. стало известно о быстром распространении беспоповского направления старообрядчества в селе Зарожном. Здесь главным пропагандистом «старой веры» стал местный житель Василий Аллакин, который в 1767 г. устроил в своем доме часовню Поморского согласия. А в 1810 г. в Зарожном была устроенная специальная старообрядческая часовня¹¹.

В 1764 г. российскими войсками был разгромлен один из крупнейших центров старообрядчества – поселения на реке Ветка. Ветковские старообрядцы были расселены по всей территории империи. Часть из них была поселена и на Слобожанщине – на реке Койсуге. Сначала староверы не проявляли особой заинтересованности в контактах с новообрядцами. Более того, по свидетельству архиепископа Филарета, *«различие в деле веры было причиной того, что раскольники, по обыкновенной своей фарисейской гордыне, не захотели жить вместе с православными: они поселились на западном берегу реки Койсуга, а православные – на восточной стороне»*¹². Однако, старообрядцы очень скоро построили себе часовню, новообрядцы же были приписаны к приходу храма слободы Петропавловки, которая находилась в 17 верстах от Черниговки. Это давало старообрядцам дополнительные возможности для агитации, ведь, во-первых, у них не было достойного оппонента, во-вторых, что не менее важно, отсутствие в селе священника господствующей церкви позволяло старообрядцам не бояться доноса с его стороны. Ведь согласно законам Российской империи, переход новообрядцев в старообрядчество, а также старообрядческая агитация среди членов официальной церкви запрещалась¹³. В 1808 г. у новообрядцев слободы появился собственный священник – Симеон Павлов. Однако, не имея достаточного образовательного уровня, он не мог эффективно противодействовать распространению старообрядчества. В 1814 г. Симеон Павлов был заменен на более просвещенного Леонида Бедина. Однако, и он не смог силой убеждения остановить переход новообрядцев в «старую веру». В интерпретации архиепископа Филарета это звучит так: *«ученики стародубцев [в данном контексте речь идёт о Стародубье как об одном из крупнейших центров старообрядчества – прим. автора] весьма привыкли к соблазну ума и сердца и потому не только далеко были от того, чтобы обратиться на путь святой, чистой веры, но и настойчиво распространяли свои ошибочные взгляды между другими»*¹⁴. Только благодаря сотрудничеству с гражданским руководством и применению мер административного давления господствующей церкви удалось остановить открытый рост «старой веры» в Черниговке. Однако, ситуация продолжала оставаться крайне сложной. Большое количество жителей слободы постоянно колебались, то присоединяясь к официальной Церкви, то снова возвращаясь к старообрядчеству. Это свидетельствует о тайном исповедовании этими людьми «старой веры», о которой, когда им казалось, что давление ослабилась, они заявляли открыто. До конца исследуемого периода, старообрядцы в Черниговке постоянно фиксируются в материалах государственного учёта¹⁵. Похожей была ситуация и в соседних с Черниговкой слободах на реке Койсуге – Богдановке и Лашиновке¹⁶.

При этом, следует отметить, что в отличие от старообрядцев Чугуева или Терновой, староверы Черниговки свою пропагандистскую активность ограничили окраинами собственной слободы, и их миссионерская работа в других местностях Харьковщины не зафиксирована. Скорее всего, это связано с тем, что переселенные из Ветки в Черниговку старообрядцы принадлежали к поповскому течению, в то время как основная часть старообрядцев Харьковщины

принадлежали к Поморскому согласию беспоповщины. В результате, старообрядцы на р. Койсуге были в определенном смысле изолированы от большинства старообрядческих общин Харьковщины, которые придерживались беспоповщины. И если Иван Евсеевич Кушнер из села Терновая, ведя пропагандистскую деятельность на широких пространствах Харьковщины, мог опираться на мощный центр беспоповщины в Чугуеве, то староверам Черниговки такой возможности не имели. Конечно, на Харьковщине были общины поповцев, в частности, в том же Чугуеве¹⁷. Однако на Харьковщине поповщина была численно более слабой.

В начале XIX в. всплеск старообрядческой агитации наблюдается в селении Гнилое (или Покровское) Купянского уезда. Здесь, как и в Черниговке, отсутствовал храм официальной церкви, а жители были приписаны к приходу ближайшей Верхнее-Дуванской Благовещенской церкви. При этом, когда один из сельских жителей, Мирон Евсюк, предложил односельчанам построить собственный храм, местные старообрядцы-беспоповцы Поморского согласия стали активно отговаривать жителей от строительства храма. Следует отметить, что по свидетельству архиепископа Филарета, сначала старообрядчество в поселке было представлено лишь несколькими древлеправославными, однако, *«пользуясь раздором среди местных жителей, которые пришли из разных мест, и, еще больше, тем, что не было пастыря, который бы мог своим присутствием наставлять их, (раскол) свободно и с успехом бросал плевелы своего лжеучения в сердца простодушных поселян. Наглость ересинальника Прокофия Иванова доходила до того, что он в звании апостола обходил все ближайшие хутора и убеждал переходить в раскол. Следствием было то, что сотая часть поселенцев осталась незараженной губительным духом раскола и раскольники своим количеством легко могли спорить количеством с православными»*¹⁸. Эта развёрнутая цитата наталкивает на достаточно интересные выводы. Филарет пишет, что одной из главных причин распространения старообрядчества в селе было отсутствие там собственной церкви. Этот фактор в самом деле имел большое значение по причинам, которые уже указывались относительно Черниговки. Очень характерно также, что утвердившись в Покровском, старообрядцы не ограничились этим: и их руководитель начал обходить все ближайшие хутора, проповедуя «старую веру». При этом, Филарет свидетельствует, что сначала в поселке было лишь несколько старообрядцев, но они смогли отговорить местных жителей от идеи построения церкви, активно и довольно успешно убеждали их переходить к «старой вере». Когда же в поселке большинство населения перешло в старообрядчество, православные, оставшись в меньшинстве, не могли противостоять староверам. Конечно, свидетельство Филарета о лишь нескольких старообрядцах, которые отговорили православных от построения храма, может быть неточным, ведь старообрядцы нередко скрывали свою реальную численность. Однако тот факт, что сначала староверы в самом деле составляли меньшинство, и при этом, смогли довольно быстро обратить к «старой вере» большую часть новообрядцев свидетельствует о более высокой религиозной активности старообрядцев по сравнению с членами официальной церкви, что было достаточно распространённой в то время тенденцией. Правда, местный сторонник официальной церкви Мирон Евсюк и еще несколько местных жителей смогли добиться от Харьковского архиепископа устройства в селе отдельного прихода с собственным священником, которым стал Дмитрий Чернявский. Однако, староверы продолжали фиксироваться в слободе Покровское до конца исследуемого периода, в старообрядческой часовне поселка продолжали осуществляться обряды¹⁹.

В XIX ст. была зафиксирована активизация проповеднической деятельности старообрядцев слободы Ольховатка Старобельского уезда. «Старая вера» в этом поселении существовала достаточно давно, и обстоятельства ее появления здесь точно не выяснены. В июле 1827 г. благочинный Федор Веселовский доносил, что житель Ольховатки Гаврила Шемяков крестил в старообрядчество православного Григория Ерохина. В это время в слободе активно действовал старообрядец Савелий Орлов. Когда-то православный, перейдя в старообрядчество он стал наставником, организовал в своем доме молитвенные собрания членов Поморского согласия. При этом, по свидетельствами представителей господствующей церкви, он с успехом проповедовал «старую веру» среди новообрядцев. Однако, в начале 1850-х гг. он был отдан под суд и принял единоверие²⁰.

В 1842 г. харьковская палата уголовного суда рассматривала дело отставного солдата Василия Филиппова, какой *«устраивал в своем доме в хуторе Дерилевом раскольничьи собрания, совращая православных в раскол»*²¹. Было решено выдержать Филиппова в тюрьме один месяц и потребовать, чтобы он больше не допускал подобных действий.

На Харьковщине было зафиксировано два случая успешной старообрядческой агитации среди детей и подростков-нестарообрядцев. Первый случай, который относится в 1830-м гг., касался Андрея Александрова, возрастом 15 лет, писаря в штабе уланской дивизии в Чугуеве. Старообрядцы заметили способности мальчика, его ум, активность, дар слова. Тогда один из старообрядцев склонил Александрова к побегу и вместе с ним переехал в Астрахань. Правда, вскоре Александров был пойман полицией как дезертир, и в конце концов согласился вернуться в лоно официальной церкви²². Вторым случаем касался однодворца Василия Белгородцева из села Боровая. Чугуевские старообрядцы, увидев его способности, взяли Белгородцева к себе в город, где научили грамоте, основам вероучения Поморского согласия старообрядчества, методам ведения дискуссии. Вернувшись в Боровую, Василий Белгородцев начал активно распространять здесь «старую веру», причем, достиг серьезных успехов²³. Таким образом, заметив способного и активного мальчика, старообрядцы активно склоняли его к переходу в старообрядчество. Если усилия давали результат, мальчику организовывали бегство в один из больших старообрядческих центров, где готовили его к активной проповеднической деятельности. Впрочем, распространённость данной практики еще следует выяснять.

Таким образом, рассмотрев зафиксированные в источниках факты, свидетельствующие о старообрядческой пропаганде на Харьковщине, можно выделить несколько характерных её черт. Чаще всего проповедническая деятельность велась вокруг крупных центров старообрядчества, которые, в свою очередь, сформировались вследствие переселений. Можно сделать предварительный вывод, что чем большим был центр, тем более широкими были и границы проповеднической деятельности вокруг него. Так, старообрядцы Чугуева и связанный с ними Иван Кушнер из Терновой вели проповедническую деятельность на большой территории, а старообрядческий проповедник Прокофий Иванов из села Покровское Купянского уезда обходил лишь ближайшие хутора. Хотя, очень много зависело и от личного фактора. Кроме того, старообрядцы старались не афишировать свою проповедническую деятельность, поэтому не всегда возможно четко установить границы деятельности каждого конкретного проповедника.

Наиболее успешной старообрядческой проповедью была в населенных пунктах, где не было православных священников, или эти священники отличались низким моральным и образовательным уровнем²⁴.

Очень важным фактором в старообрядческой агитации органы государственной и церковной власти считали наличие старообрядческих часовен. Так, в циркуляре Министра внутренних дел от 22 февраля 1844 г. сказано, что вследствие построения новых и починки старых старообрядческих часовен, «раскольники без препятствий проводили богослужения, соблазняя православных»²⁵. Однако, по мнению автора, богослужения в часовнях сами по себе не могли быть главным механизмом пропаганды. Скорее всего, активизация деятельности определенной общины проявлялась и в распространении агитации, и в построении новой часовни, то есть, эти процессы не были связаны друг с другом по принципу причина – следствие, а имели одну общую причину.

При этом, не следует переоценивать масштабы старообрядческой пропаганды. В конце XVII – XVIII вв. ее масштабы действительно были значительными: агитация среди старообрядческого населения являлась важным фактором распространения «старой веры» в регионе. Однако, в XIX ст. распространять «старую веру» становится все труднее. Запрет на «совершение православных в раскол» существовала всегда, даже во времена относительной либерализации государственной политики в отношении старообрядцев при Петре III и Екатерине II. Однако, в конце XVII – первой половине XVIII в. автономный статус Слободжанщины, ее пограничное положение, огромные площади, которые не были в достаточной мере охваченные православным священством, позволяли несколько «амортизировать» эффект государственных гонений и запретов. Во второй половине XVIII в. статус Слободжанщины постепенно меняется. Слободские земли постепенно интегрируются в состав империи. Все меньше отличается от общеимперского и положение старообрядцев региона. Однако, именно в это время улучшается положение старообрядцев в целом по империи, и даже на невыполнение тех ограничений в отношении старообрядцев, которые по закону сохранялись, власть смотрела «сквозь пальцы». Поэтому, ликвидация автономии Слободских полков не привела к мгновенному ухудшению положения старообрядцев региона. Однако, как только правительственная линия в отношении «старой веры» стала более жесткой, это сразу отразилось на старообрядцах Харьковщины. Теперь запрет на «совершение православных» действовал в полную силу. Конечно, у старообрядцев были свои методы противодействия гонениям²⁶. Об этом, среди прочего, свидетельствуют и

приведенные выше примеры успешной старообрядческой агитации в первой половине XIX в. Однако, государственные преследования, усиление контроля церковной власти над территорией Слободско-украинской (с 1835 г. – Харьковской) губернии все же значительно затрудняли процесс старообрядческой агитации. Активная старообрядческая пропаганда среди старообрядческого населения становится, в определенном смысле, исключением. Официальные документы первой половины XIX в. достаточно часто говорят о «совращении православных в раскол». Однако, при внимательном исследовании этих документов оказывается, что «совращённые» на самом деле и не были искренними чадами официальной церкви. Очень часто старообрядцы исповедовали свою веру тайно, будучи официально зарегистрированными как православные (новообрядцы)²⁷. Но случалось, что их истинное вероисповедание становилось известным власти, или сами старообрядцы, считая, что гонение закончилось (особенно подобные настроения были распространены после восхождения на престол Александра II)²⁸, начинали открыто исповедовать собственную веру. А поскольку официально эти люди были записаны как представители господствующей церкви, это квалифицировалось как «совращение православных в раскол». Хотя, разумеется, в таком случае изменения веры как таковой не было, а «совращение» представляло собой лишь «обнародование» того, что раньше хранилось в тайне.

Так, в начале 40-х гг. XIX ст. по жалобе священника Единоверческой церкви Андрея Румянцева было начато судебное преследование купца 3-й гильдии Василия Гурьева за «распространения раскола» среди обращенных из старообрядчества в единоверие²⁹. Учитывая, что факты принуждения старообрядцев к обращению в единоверие признавались даже в официальных документах того времени³⁰, очевидно, что Василий Гурьев на самом деле просто убеждал старообрядцев, которые не выдержав принуждения перешли в единоверие, даже на словах не предавать собственной веры.

Не менее характерным был арест в 1851 г. государственного крестьянина Грачового хутора Никифора Орлова за то, что он, якобы, «совратил» свою жену Марью в «раскол»³¹. В ходе следствия выяснилось, что и Никифор, и Марья Орловы с детства исповедовали «старую веру». Однако, Марья в детстве была крещена в православной церкви, и потому официально считалась православной. А следовательно, и ее исповедание «старой веры» квалифицировалось как «совращение православной в раскол».

Общую ситуацию четко отобразил Купянский земский исправник в своём рапорте губернатору от 1858 г. Он писал: «при наименьшем послаблении (прекращении следствия, отпуска арестованных домой и т.п. мягких мерах) раскол оказывается в большом количестве людей, так как исповедующих в тайне раскол очень много», и они ожидают лишь конца следствия, чтобы и в дальнейшем исповедовать собственную веру³².

Таким образом, можно сделать вывод, что старообрядческая пропаганда на Харьковщине была достаточно активной, и в XVII-XVIII вв. она являлись важным фактором распространения «старой веры». Однако, примерно с начала XIX в. старообрядчество Харьковщины, в основном, начинает «вариться в собственном соку». Вследствие ужесточения государственного контроля над старообрядцами, возможности для их миссионерской деятельности среди православного населения уменьшились. В результате, большинство «совращённых в раскол» в этот период составляли тайные старообрядцы, о вероисповедании которых, по тем или иным причинам, узнавала власть. Впрочем, полностью старообрядческая пропаганда среди новообрядцев не прекратилась, как не были полностью пресечены и обращения чад господствующей церкви в старообрядчество.

Примечания:

1. См., напр.: Карцов В.Г. *Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России*. Ч.1. Калинин, 1971. – 200 с.; Карцов В.Г. *Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России*. Ч.2. Калинин, 1971. – 208 с.; Ершова О.П. *Старообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX века // Старообрядчество. История, традиции, современность. №1. Изд. Отд. Музея истории и культуры старообрядчества. М., 1994. – С. 71-78; Обухович С.А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2008. – 25 с.*

2. Пругавин А.С. *Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. М., 1908. – С. 106-107; Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России*. Ч.2. Калинин, 1971. – С. 25, 29-31; 57, 60-61; Безгодков А.А. *Христиане-поморцы Украины: краткий обзор и постановка вопроса // Старообрядничество України та Росії: минуле та сучасне: Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції. К., 2004 – С. 82-86; Бучастая С.И., Шевченко О.А. История старообрядчества в Чугуеве // *Культурна спадщина Слобожанщини: Історія та краєзнавство. 2005. Число 3. – С. 136-140.**

3. Бердута, М. Старообрядництво Харківщини (з кінця XVII сторіччя до наших днів) // Мій рідний край. Запоріжжя: Матеріали відкритої обласної краєзнавчої конференції учнівської молоді (м. Запоріжжя, 17-19 листопада 2005 р.). Запоріжжя, 2006. – С. 9-17; Черкашин О.А. Причини та умови міграції старообрядців на Слобожанщину (друга половина XVII – XVIII ст.) // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов / Ответ. ред. и состав. С.В. Таранец. К., 2009. Вып.3. – С. 246-247.
4. Потоцкий В.П. Очерк истории старообрядчества Харьковской губернии // Липоване. 2008. Вып.5. – С. 77-88.
5. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко–статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Т.1. Харьков: Издательский дом «Райдер», 2004. – 328 с.; Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко–статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Т.2. Харьков: Факт, 2005. — 432 с.; Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко–статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Т.3. Харьков: ХЧМГУ, Издательство САГА, 2006. — 354 с.
6. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. — С. 104.
7. Бучастая С.И., Шевченко О.А. История старообрядчества в Чугуеве // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство. 2005. Число 3. – С. 137.
8. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 251.
9. Там же. Т.1. – С. 190.
10. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф.3. Оп.67. Д.235. - Лл. 180-182; Ф.3. Оп.79. Д.269. – Лл. 51-55; Ф.3. Оп.87. Д.25. – Лл. 2-4; Ф.3. Оп.175. Д.260. – Лл. 29-35.
11. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 199.
12. Там же. – С. 407.
13. Василенко Н. Раскол // Энцикл. словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. – С. 284 – 303.
14. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 407.
15. ГАХО. Ф.3. Оп.67. Д.235. – Лл. 180-182; Ф.3. Оп. 79. Д.269. – Лл. 51-55; Ф.3. Оп.87. Д.25. – Лл. 2-4; Ф.3. Оп.175. Д.260. – Лл. 29-35.
16. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 407.
17. ГАХО. Ф.3. Оп.31. Д. 441. – Лл. 1-54.
18. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 378.
19. ГАХО. Ф.67. Оп.31. Д.235. – Лл. 180-182; Ф.3. Оп.87. Д.25. – Лл. 2-4; Ф.3. Оп.110. Д.71. – Лл. 59-63; Ф.3. Оп.158. Д.78. – Лл. 65-69; Ф.3. Оп.170. Д.9. – Лл. 59-62; Ф.3. Оп.178. Д.250. – Лл. 47-50; Ф.3. Оп.193. Д.148. – Л. 37.
20. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.2. – С. 284.
21. ГАХО. Ф.3. Оп.127. Спр.62. Арк. 5 – 10.
22. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т.3. – С. 109.
23. Там же. – С. 120.
24. Ливанов В.Ф. Раскольники и острожники: Очерки и рассказы. СПб., Типография М. Хана, 1872. Т.1. Изд.4. – С. 340.
25. ГАХО. Ф.3. Оп.147. Д.181. – Лл. 1-14.
26. Єремєєв П.В. Протекція та бездіяльність влади на місцях як фактор збереження «старої віри» в умовах державних утисків XVII – першої половини XIX ст. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. 2009. Вып.12. – С. 214-222.
27. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Счисление раскольников // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. Изд. второе. СПб., Издание Т–ва А.–Ф. Маркс. Т.7. – С. 384-409.
28. Потоцкий В.П. Очерк истории старообрядчества Харьковской губернии. – С. 79-80; ГАХО. Ф.3. Оп.215. Д.278. – Л. 5.
29. ГАХО. Ф.3. Оп.131. Д.64. – Л. 1.
30. ГАХО. Ф.3. Оп.127. Д.1. – Л. 57; Оп.195. Д.117. – Л. 15; Ф.3. Оп.215. Д.56. – Л. 3.
31. ГАХО. Ф.3. Оп.155. Д.56-а. – Л. 30.
32. ДАХО. Ф.3. Оп.195. Д.117. – Л. 2.

У статті розглядається наукова діяльність в еміграції відомої дослідниці-вченої – Н.Д. Полонської-Василенко. Висвітлюються важливі аспекти життєвого шляху жінки-історика та її становлення як науковця, які сприяли розвитку її професійної діяльності за кордоном. Звертається увага на праці дослідниці та їх значення для історії.

Ключові слова: Н.Д.Полонська-Василенко, жінка-історик, еміграція, наукова діяльність.

SCIENTIFIC ACTIVITY N.D. POLONSKY-VASILENKO IN EXILE

M.G. Yakushchenko

Donetsk National University

The article deals with scientific activities well known researcher scientists in exile - N. D. Polonsky Vasilenko. Highlights the important aspects of life a woman historian, and her rise to the science, which contributed to the development of its scientific activities abroad. The attention to labor researcher and their significance for the history.

Key words: N.D. Polonska-Vasilenko, woman-historian, scholar, immigration, scientific activities.

Вітчизняна історична наука ґрунтується на доробку великої кількості професійних талановитих дослідників: О. Рігельмана, М. Максимовича, М. Костомарова, М. Грушевського, І. Крип'якевича і багатьох інших. Увагу привертає та обставина, що переважають чоловіки. Зовсім небагато серед сузір'я істориків імен жінок. Одна з видатних істориків – Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко, яка пройшла тривалий і непростий шлях становлення як особистість в історичній науці, незважаючи на усілякі перешкоди в її житті.

Існує не дуже багато праць, у яких досліджений життєвий і творчий шлях цієї жінки. Одна з них – „Життя і творчість Н.Д. Полонської Василенко (1884-1973)” І. Верби, в якій детально описані основні віхи життя Наталії Дмитрівни, які можуть зацікавити читача. Ім'я Н.Д. Полонська-Василенко включене до збірки „100 видатних жінок України”, в якій подана компактна характеристика життєвої долі історика, та інші праці. Джерелами даної розвідки послужили написана самою вченою праця „Історія України” у 2 томах та її спогади. При написанні роботи були використані методи аналізу та порівняння, які допомагають розібратись в окресленій проблемі.

Наталія Дмитрівна Меньшова народилася 31 січня 1884 р. в Харкові у родині старшого ад'ютанта Харківського окружного артилерійського управління капітана Дмитра Петровича Меньшова. Батько її цікавився історією. Будучи полковником він віднайшов унікальний архів 2 армії за 1810-1840 рр¹. Отож, потяг Наталії Дмитрівни до історії, архівних розшуків та наукових занять не випадковий. Мати Наталії – Марія Федорівна Мухортова – жінка тонкого розуму і почуттів, добре освічена. Вона передала доньці усі свої кращі риси, прищепила смак до літератури, мистецтва.

Дівчинка народилася у православній сім'ї і була хрещена 15 березня 1884 р. у Хрестоздвиженській церкві м.Харкова. Усе своє життя Н.Полонська залишалася віруючою людиною. У багатьох скрутах і навіть життєвих катастрофах віра допомагала їй вистояти. 1889 р. родина Меньшових переїхала до Києва. Початкову освіту Наталія дістала у семикласній Фундукліївській Маріїнській жіночій гімназії, яку закінчила у травні 1900 р. зі срібною медаллю. Після річного курсу педагогічного стажування отримала атестат домашньої вчительки. Пізніше їй було видане свідоцтво Київського учбового округу на право бути домашньою наставницею, вчителькою і вихователькою.

18 грудня 1905 р. Наталія Меньшова була обрана членом ради і секретарем Київського відділення попечительства сліпих. Незабаром у житті Наталії Меньшової сталася важлива подія. 1906 р. вона вийшла заміж за прапорщика Сергія Гавриловича Полонського. З самого початку шлюб виявився невдалим. Ця особиста драма дуже затяглася. Нарешті 19 січня 1914 р. справа про розлучення була розглянута настоятелем Києво-Печерської Ольгинської церкви. Після розлучення Наталія Дмитрівна зберегла прізвище чоловіка.

Сімейні незгоди не перешкодили їй продовжувати освіту. 1907 року вона вступила на історико-філологічне відділення Київських Вищих жіночих курсів, де прослухала повний курс наук і склала всі іспити на відмінно. У травні 1911 р. Полонська закінчила курси з правом скласти іспити ще й на слов'яно-російському відділенні. Ще у вересні 1910 р. вона була запрошена викладати історію у Київській жіночій прогімназії Байкової. Цю посаду вона збереже за

собою а ж до закриття гімназії у 1918 р. Після закінчення курсів її запросили також викладати історію у приватній жіночій гімназії Трифонові, де Наталія Дмитрівна працювала два роки. Одночасно (з 1912 по 1915 р.) Полонська була залишена асистентом при кафедрі російської історії та методики викладання історії Вищих жіночих куррсів. Крім цього, вона подала прохання у Міністерство народної освіти про дозвіл скласти іспити на історико-філологічний факультет Київського університету СВ. Володимира . У квітні - травні 1913 р. Наталія Дмитрівна успішно склала іспити на історичному відділенні та отримала диплом I ступеня. Потім рік (із жовтня. 1914- по літо 1915 р.) вона викладала географію у чоловічій гімназії Науменка .

Як для жінки, Полонська дістала досить високу освіту, яку мали далеко не всі представники інтелігенції. Однак вона вирішила на цьому не зупинятися і здобути магістерський ступінь. Перед Першою світовою війною вона вже мала кілька публікацій і була знана як перспективна дослідниця.

Початок наукової діяльності Наталії Полонської припадає на 1909 р., коли вона працювала над матеріалами вотчинного архіву князів Куракіних і Чічеріних, що тимчасово знаходився у Києві. Керував її науковою працею М.В.Довнар-Запольський. За редакцією останнього того ж року були написані та видані перші наукові статті Полонської про «Руську Правду», домашній та громадський побут, сільське й міське населення Давньої Русі та степняків. В архіві збереглися також два варіанти наукового реферату «Джерела Руської Правди». Під впливом М.Довнар-Запольського були написані й статті про церковні старожитності Києва та кабацьку справу в ХУІІ ст. Одночасно Наталія Дмитрівна працювала у вищезгаданому музеї та брала участь у розкопках відомого археолога В. Хвойки поблизу Києва. Полонська опублікувала звіти про цей та ІV обласний археологічний з'їзд у Костромі.

На той час Наталія Дмитрівна писала, говорила і думала виключно у контексті загальноросійської історії. Недарма вона була ученицею Довнар-Запольського - визнаного глави школи русистів у Київському університеті. Це абсолютно не може принизити загальну оцінку творчості вченої, яка згодом знайшла в собі сили докорінно переглянути свої погляди.

У 1913 р., коли почалася боротьба за атлас, Полонська стала готуватися до магістерського іспиту. Довнар-Запольський, як і іншим своїм учням, рекомендував їй теми з російської історії. Проте вона відмовилася. Тоді Довнар-Запольський запропонував або розробляти Румянцевський опис Малоросії, або дослідити діяльність Потьомкіна на Південній Україні. Наталія Дмитрівна обрала останню тему. До кінця 1913 р. вона ознайомила з московськими архівами (Лефортовським, Державної ради, Московського відділення архіву Головного штабу та Міністерства закордонних справ). Н.Полонська спочатку дуже широко поставила собі завдання розкрити усі сторони економічного, соціального та культурного життя Новоросії за Потьомкіна. Згодом первинний задум був звужений - основний масив архівних матеріалів стосувався питань заселення Південної України.

На 20 грудня 1914 р. Полонській був призначений магістерський іспит із загальної історії. В архіві збереглася частина програми цього іспиту. 10 червня 1915 р. Полонська склала іспити з середньовічної історії та політичної економії. Свої переживання з цього приводу вона висловила у невеличкому етюді «Екзамен», що зберігся у рукописі.

Магістерський іспит із загального фаху «російська історія» був складений Полонською досить успішно. Вона отримала відповідне посвідчення, що надавало їй право після виголошення пробних лекцій претендувати на звання приват-доцента університету.

25 квітня відбулася перша відкрита лекція Полонської на тему «Питання в російській літературі про християнство на Русі до Володимира». Прийшло багато слухачів: студенти, курсистки, професори університету Бубнов, Довнар-Запольський, Голубєв, Покровський, Лобода, Сташевський, Карпеко, Кордт. Друга лекція - «Петровські реформи у свідомості сучасників» - відбулася 2 травня. Присутні на ній поважні професори дали добрі відгуки.

Наталія Дмитрівна дуже хотіла отримати курс старожитностей, сподіваючись, що читатиме його паралельно у Київському університеті та Вищих жіночих курсах з осені 1916 р. Однак із Петербурга знову прийшла відмова. Причиною цього було, безперечно, не переслідування за українофільство, як про це писали деякі біографи вченої, а стаття претендентки. Треба було мати неабияку цілеспрямованість, щоб усупереч усьому добитися своєї мети. Не обійшлося й без впливових доброзичливців. Отож, 23 травня 1916 р. Полонська одноставно була обрана приват-доцентом Київського університету.

Але в ті часи ситуація ускладнювалась багатьма причинами. По-перше, жінка в Російській імперії практично могла отримати це звання лише у винятковому випадку. По-друге,

тривала війна: Київський університет був евакуйований до Саратова. По-третє, Наталія Дмитрівна хворіла на туберкульоз і змушена була лікуватися на Півдні. Але, не зважаючи ні на що, ця жінка йшла до поставленої мети, досягти яку вона ждала понад усе. Треба було мати неабияку цілеспрямованість, щоб усупереч усьому добитися своєї мети.

Наталія Дмитрівна змушена була негайно повернутися до Алупки: напруження останнього часу далося взнаки. Усі розрахунки провалилися, запланована робота зупинилася. В Алупці Полонська дуже нудьгувала. Єдиною розрадою стала недовга подорож на лікування до Італії у липні-серпні 1916 р. Це був її перший виїзд за кордон. Наталія Дмитрівна була в захваті від пам'яток Відродження, вражена величию Рима, унікальних гробниць і мозаїк Равенни. Очевидно, все це, більше надало їй сил і снаги. Наприкінці 1916 р. Наталія Дмитрівна виїхала до Москви. Тут вона повернулася до занять з археології під керівництвом В. Городцова. Крім того, дослідниця працювала в архівах Лефортовського палацу та Міністерства іноземних справ. Роботу перервали лютневі події 1917 р.

Дослідниця повернулася знову ж таки до України де вона й залишилася на довгий час аж до початку Другої світової війни. У березні Н. Полонська повернулася до Києва, де самотньо проживала хвора мати, і дуже хвилювалася за батька, який був на фронті. Однак усе склалося інакше. У Києві її зустрів Довнар-Запольський, який на той час перебував у дуже складному становищі - зміщений з посади директора Комерційного інституту, він був звинувачений у зв'язках з охранкою. Завдяки настійливим клопотам Полонської звинувачення з професора вдалося зняти.

Н. Полонська спробувала відновити свою викладацьку діяльність. Однак університет і Вищі жіночі курси не функціонували, студенти й курсистки вимагали, аби професори вступили до якоїсь із соціалістичних партій. Займатися наукою також було важко - реевакуйована університетська бібліотека залишалася нерозібраною. Тоді Полонська включилася у справу заснування в Києві Археологічного інституту. У Києві вона почала викладати в гімназії Байкової. Алей тут вже відчувався розвал на «класовому» ґрунті. Водночас Полонська викладала на Вищих жіночих курсах Жекуліної. Тут вона читала археологію та первісну культуру. З 1917 р. полонська почала викладання в інституті, географії, де за нею була залишена кафедра історичної географії. Вчена читала також спецкурс «історія географічних відкриттів». Однак улюбленим її курсом була археологія, який Полонська вела за розширеною програмою для студентів-істориків в університеті. Подальша доля дослідниці аж до початку війни була пов'язана з Києвом, де вона у друге й вийшла заміж. Доля її змінилася після 1942 р. коли авіація почала наступати на Київ, і вона змушена була виїхати до Львова.

У 1944 р. Наталія Дмитрівна була обрана членом львівської Церковно-археологічної комісії. Однак зупинка у Львові не була тривалою. З величезними труднощами вдалося дістати дозвіл на виїзд, а потім і на проживання у Празі. Перебування у Празі також не було тривалим: наближалися радянські війська. Постало питання: що робити далі? Чи виїздити з Праги і куди?

Полонська-Василенко разом із чоловіком виїхала з Праги в останній момент, знову полишивши усе - рукописи, книги, майно. Дев'ять діб добиралися вони у товарному вагоні до німецького кордону вкупі з родинами професорів О.Оглоблина, П. Коваліва, В. Міяковського, С. Драгоманова, сестрою Лесі Українки. Лише наприкінці травня 1945 р. втікачам вдалося найняти вантажний автомобіль і переїхати до Баварії у селище Трасфельден.

У Трасфельдені - мальовничому гірському куточку, Полонська-Василенко почала писати спомини. Тоді вона бачила своє майбутнє в густому тумані, але все ж вірила у краще. «Так хотілось би вірити, - нотувала Наталія Дмитрівна, - розвіється туман нашого життя і після випадкового перебування в Трасфельдені, може, знову, хоч на короткий час, засяє для мене те сонце, яке світило мені в житті, - сонце наукової роботи ... Мені 61 рік. Про що може мріяти жінка такого віку? У всіх нормальних умовах життя - це вік підсумовання того, що зроблено; це життя за рахунок старих досягнень; це вік, що в кращому випадку є переходовим між активним життям та доживанням ... для мене- це є вік напруженої праці»².

Незабаром стало відомо, що у Мюнхені збираються відновлювати діяльність УВУ. На початку листопада 1945 р. Наталія Дмитрівна з чоловіком переїхала туди й відразу включилася в організацію університету. Ідею відродження УВУ підтримали українська громадськість, німецькі державні установи, сі також американське військове правління Баварії. Восени 1945 р: УВУ отримав гарне приміщення і почав заняття на двох факультетах - філософічному та права й суспільних наук. Відновилися наукова та видавнича діяльність, це тривало до 1949-1950 рр., відколи почалася масова еміграція професорів і студентів, а валютна реформа позбавила уні-

верситет усіх заощаджень та субсидій. Аудиторні заняття були припинені, діяльність УВУ обмежилася підготовкою наукових кадрів, науково-дослідницькою та видавничою справою.

Наукові заслуги вченої були вшановані обранням її дійсним членом наукового товариства ім. Шевченка (1947 р.), Української вільної Академії наук (1948 р.), Міжнародної Академії наук у Парижі (1953 р.). Дослідниця брала активну участь у громадській роботі. У 1964 р. вона виступила в числі співзасновників Українського історичного товариства і була обрана заступником його голови. А у жовтні 1965 р. її зусиллями було створено відділ УІТ у Мюнхені, головою якого знову ж таки обрали Полонську-Василенко.

У Мюнхені Наталія Дмитрівна жила скромно. В одному з листів 1964 р. вона повідомляла, що живе лише за 50 марок з УВУ і навіть не отримує пенсії через втрату документів. Майже 30-річний мюнхенський період життя її став апогеєм її наукової творчості. Своєрідним підсумком наукових здобутків Полонської у вивченні Запоріжжя XVIII ст. стало видання двотомової збірки її попередніх розвідок на цю тему. Як уже зазначалося, в еміграції був двічі видрукований (українською та англійською мовами) перший том монографії, вступний. З другого, головного тому авторка змогла відновити та опублікувати лише окремі уривки та зреферувати основний зміст.

Н. Полонська-Василенко була надзвичайно органічною і цілісною особистістю. З одного боку, ціле життя вона була охоплена надзвичайною пристрасною до архівів. «Вишукувати серед пожовклих, напівзотлілих древніх актів історію рідного краю, - згадував О. Моргун, - це найвища її насолода, велике щастя»³. Науковець була пройнята глибоким переконанням у месійній ролі української жінки, добро творча сила якої «... могутніша за атомну енергію». Девізом Наталії Дмитрівни було: «Ще не вмерла Україна, якщо живуть і діють українки!» Не випадково дослідниця вивела цілу галерею героїчних, жертвених жінок, що горіли «найвищою в світі красою» - патріотизмом. Біографи Н.Полонської-Василенко залучали до цієї галереї і саму дослідницю. З іншого боку, Наталія Дмитрівна зовсім не була «черствим сухарем». Вона любила танцювати, їздити верхи, була закохана в поезію, тонко відчувала живопис, музику, театр, Гадаємо, що О.Моргун був об'єктивним, коли писав: «... це справді чарівна людина, і що більше пізнаєте ви її, то ширше і глибше відкриваються привабливі властивості чарівної природи її. Де вона не проживала б, хата її притягає інтелектуальну українську еліту ... Ні, не синя панчоха, не цвібак Полонська-Василенко!»⁴.

В останні роки свого життя Наталія Дмитрівна часто хворіла. Тоді вона думала про своє минуле, підбивала підсумки зробленого, сумувала за Києвом, згадувала рідні місця; друзів, знайомих і ... сподівалася, лаштувала нові плани, задуми. Так було до самого кінця. 8 червня 1973 року в німецькому містечку Новий Ульм на дев'яностому році життя Наталії Дмитрівни Полянської-Василенко не стало. По смерті вченої її заповіт було виконано, і в даний час архів історика знаходиться в колекції УВАН у Нью-Йорку.

Примітки:

1. Полонська-Василенко Н. *Історія України: у 2-х тт. Т.1. Київ: Либідь, 1993. – С. 8-10.*

2. Складенко В. *100 знаменитих жєницин України. Київ: Фолио, 2006 – С. 45-52.*

3. Ульяновський В.І. *Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: Сторінками життєпису*

// Полонська-Василенко Н. *Історія України: У 2-х тт. Т.1. Київ, 1995 – С. 280.*

4. Верба І. *Життя і творчість Н.Д. Полонської-Василенко (1884-1973). Київ, 2000. – С. 301-325.*

МІЖНАРОДНЕ СТАНОВИЩЕ УКРАЇНСЬКОЇ НАРОДНОЇ РЕСПУБЛІКИ У 1917-1918 РР.

Н.А. Ластовець

Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна

В статті розглядається міжнародне становище Української Народної Республіки у 1917-1918 рр. Зовнішньополітична орієнтація утворення в продовж цього періоду доволі різко змінювалась. Спочатку зв'язки налагоджувались з країнами Антанти, колишніми союзниками Росії в Першій світовій війні. Потім, через ряд зовнішніх і внутрішніх чинників, довелося піти на переговори з Центральними державами, які переслідували власні цілі. Підписаний у Брест-Литовську договір був вигідним для обох сторін, але він не був реалізований. Вступ інтервентів на територію України викликало хвилю невдоволення

Ключові слова: Українська Народна Республіка, країни Антанти, Центральні держави, Брестський мирний договір.

**THE INTERNATIONAL STATUS OF THE UKRAINIAN NATIONAL REPUBLIC
IN 1917-1918**

N.A. Lastovets

V.N. Karasin Kharkov National University

In the article is told about the international status of the Ukrainian National Republic in 1917-1918. The orientation of foreign politics of the state was changing sharply. At first the connections with Antanta members, who were the former Russian allies in the World War I, were created. Than because of some internal and foreign reasons they have to begin the negotiations with the countries of the Central Union, who followed their own aims. The Brest-Litovskiy Agreement was profitable for the both sides, but it was never realized. The accession of the foreign interventionists into Ukraine caused dissatisfaction of the population.

Key words: the Ukrainian National Republic, the countries of Antanta, Central Union countries, the Brest Treaty.

Міжнародне становище Української Народної республіки у 1917-1918рр. було дуже нестабільним. Через ряд зовнішніх та внутрішніх чинників відбувалася зміна зовнішніх пріоритетів зі співробітництва з країнами Антанти¹ на співпрацю з Центральними державами². Положення України на міжнародній арені було складне та дуже нестабільне. Молоде утворення намагалось реалізувати себе. Для цього воно прагнуло знайти підтримку таких починань у країн Європи. Були великі досягнення та не менші розчарування. Та безперечно одне – зроблені кроки сприяли визнанню України, як окремої від Росії одиниці, що має свої власні звичаї, своїх політиків, власні цілі та прагнення.

Відразу після проголошення III Універсалу всі сили молодого української дипломатії були направлені на тісну співпрацю з Францією та Британією, союзниками імперської Росії у Першій світовій війні. Впровадженню цієї політики заважали необдумані дії попередників та бажання держав Антанти відновити Росію в до революційних кордонах. «Українське питання» вважали внутрішньою справою Росії, але після приходу до влади більшовиків ситуація змінилася. Рада Народних Комісарів не викликала довіри у країн Згоди, окрім того більш лояльна політика УНР³ призвела до зміни відношення до цієї проблеми. У справі України була скликана спеціальна конференція, що відбулась у грудні 1917 р. Там обговорювалися питання можливості УНР утримувати фронт проти Центральних держав. Також наголошувалось на необхідності встановлення більш тісних контактів з УНР для того, щоб запобігти союзу Центральними державами. Оскільки Україна вважалась «житницею Європи», то таке об'єднання могло негативно відобразитись на ситуації на фронтах. Також Південь Росії був розділений сфери впливу. За цією домовленістю Україна потрапляла під опіку Франції. Це було вигідно для УНР, бо Французький уряд більш лояльно ставився до Центральної ради і мав доволі детальні відомості про ситуацію на території. Обговорювалось питання фінансування України у боротьбі проти більшовиків. Ці зобов'язання брала на себе Франція за умови якщо Велика Британія та США брали під свою опіку інші країни. Так було запропоновано створити два координаційних центра на чолі з генералом Бертело (Україна) та британським офіцером (Кавказ). Це було необхідно для якісного координування дій розташованих на території місій.

Одним з перших практичних результатів було визнання в грудні 1917 р. спочатку Францією, а потім Британією УНР як автономне утворення, і призначення уповноважених представників. 28 грудня 1917р.(9 січня 1918р.) генерала Ж. Табуї визнали офіційним представником Франції в уряді, що фактично могло інтерпретуватись, як визнання незалежності. 3 (16) січня 1917р., після проведення переговорів з О.Я. Шульгиним, Ж. Табуї офіційною нотою легалізував свій статус представника: «Бажаючи затвердити свої дружні наміри щодо Української Республіки, Уряд Французької Республіки повідомив мене...що він призначає мене представником Французької Республіки при Уряді Української Республіки...Рахуючи від цього дня Франція увійшла в офіційні відносини з Україною»⁴. Окрім того прозвучало запевнення в підтримці моральними та матеріальними засобами. Слід зазначити, що Ж. Табуї доповідав безпосередньо генералу Бертело, який знаходився в Румунії. Представник Британії під час зустрічі з В. Винниченком зазначив, що його держава буде всіляко підтримувати УНР в боротьбі проти країн Четвертого союзу. Це могло означати лише одне – країни Антанти намагались утримати фронт за допомогою деяких поступок УНР, не допустити використання країни в цілях поповнення продовольчої бази Німеччини. В цій ситуації не було враховане тогочасне положення країни, яка просто не могла продовжувати війну через нестабільну внутрішню ситуацію. Продовжуючи воєнні дії, вона могла втратити власну державність, бо більшовики все активніше проявляли себе на теренах сходу. Країни Антанти виступали проти непопулярного миру, що негативно

віддзеркалювалось на рейтингу Центральної ради. Реальної допомоги ні з боку Англії, ні зі сторони Франції не спостерігалось, хоча звучали гучні заяви з даного приводу, окупація українських земель більшовиками набувала Доволі загрозливих масштабів, фронт розпадався. Це підштовхнуло Генеральний Секретаріат до переговорів з країнами Четверного союзу. Дізнавшись це крок Ж. Табуї прислав ноту в якій заявив, що: «...Франція буде вважати заключення з Центральними державами миру за акт ворожий супроти Франції й відкличе назад зроблене нею визнання УНР». Та було вже занадто пізно, Україна не могла відмовитись від переговорів через нестабільне становище в середині країни. Коли почалось більшовицьке повстання у Києві генерал Коанда запропонував українському уряду від імені Братіяну військову допомогу – кілька броньованих потягів, але згодом ситуація змінилась і Румунія не надала обіцяної допомоги. Всі ці чинники підштовхнули УНР до переговорів з Німеччиною і укладення мирного договору.

Інтерес до подій в Україні проявляли і США. Особливо яскраво це проявилось в банківській справі та сфері інвестицій. Представник США в раді по союзним поставкам і фінансуванню Кросбі наполягав на створенні та відправленні в Україну та Бессарабію спеціальних уповноважених працівників. Вони повинні були досягти певних привілеїв на цих територіях. Позиція відносно країн, які раніше входили до складу Російської імперії була висловлена в відомих «14 пунктах» В. Вільсона. В шостому пункті, який був присвячений Росії, обговорювалось: «...об евакуации иностранных войск со всей русской территории, о свободе русского народа избрать по собственному желанию образ правления и путь политического развития, о радушном приеме России в «сообщество свободных наций», об оказании ей всяческой поддержки во всем, в чем она только нуждается, и др »⁵. Звичайно США плекала власні цілі відносно країн. Це простежується в коментаріях, які були складені для службового користування і розшифровані в жовтні 1918р. Там вказувалось: «Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обуславливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно, придется признать и для финнов, литовцев, латышей, **а может и для украинцев**... Нельзя сомневаться в том, что им надо предоставить возможность свободного развития»⁶.

Що до слов'янських народів, то можна сказати, що вони підтримували рух в Україні, але через пануючі русофільські настрої лише як частину федеративної Росії. Це можна простежити в промові, що була виголошена 27 (11) лютого 1918 р. у Москві: «Ми визнали Україну, як вона проголосила себе III Універсалом, державою, але в рамках федеративної Росії».⁷ Основною метою такої підтримки звичайно було продовження війни з Четвертним союзом, а особливо з Австро-Угорщиною, яка іменувалась «найлютішим ворогом всіх своїх народів». Так лідер опозиційного уряду Чехословаччини Т. Масарик визнав УНР і сподівався на продовження війни силами чехословацьких частин, що були розміщені на території країни.

Через погіршення ситуації в середині країни, створення утворення уряду в Харкові та позиціонування Радянської Росії на переговорах в Брест-Литовську як представниці всіх «народів колишньої Російської імперії» становило загрозу для Центральної ради та існування УНР взагалі. Визнання даного твердження було неприйнятним, і тому УНР відправила ноту протесту. Відповіддю на неї була згода на прийняття делегації в Бресті. Делегація була сформована доволі швидко і прибула у такому складі: очолив український есер В. Голубович, членами делегації були М. Любинський, М. Полоз, О. Севрюк, соціал-демократ М. Левицький і С. Остапенко. Напередодні виїзду з ними зустрівся М. Грушевський, який виразив інтереси, які повинні були відстоювати на переговорах. Прозвучала необхідність відстоювати інтереси на Чорному морі через економічну складову, і окремим пунктом було входження всіх українських земель до складу УНР (Східна Галичина, Холмщина, Закарпаття та Буковина повинні були увійти до складу України). У випадку якщо Австро-Угорщина не погодиться потрібно було домагатись об'єднання їх в окремий коронний край і надання розширеної автономії. На переговорах у Бресті були присутні: від Німеччини – державний секретар закордонних справ фон Кульман і його заступник начальник штабу німецьких військ М. Гофман; від Австро-Угорщини – міністр закордонних справ О. Черні; від Болгарії – міністр юстиції Попов і генерал П. Ганчев(згодом Попова замінив голова ради міністрів В. Родославов); від Туреччини – посол у Берліні Ібрагім Гаккі й державний секретар закордонних справ Ахмед Мессіні, згодом прибув сам великий візир Талаат. У складі делегації Росії були Л. Троїцький, А. Йоффе, Л. Каменев та ін.

В ході переговорів виявилися принципові розбіжності між делегаціями від Раднаркому та Центральної ради, згодом призвели до полеміки між Л. Троїцьким та М. Любинським. В ре-

зультаті більш готовності до компромісів та проведенні більш майстерної політики, Центральні держави надали перевагу співробітництву з УНР, і, у ніч з 26 на 27 січня (з 8 на 9 лютого) 1918р., мир між УНР та державами Четверного Союзу був підписаний. Договір містив десять статей. Особливий інтерес викликає перша стаття договору в якій фактично визнавалося існування Української народної республіки як незалежної країни. Також в договорі обумовлювалися кордони, врегульовувалися проблеми контрибуції та обміну військовополоненими. Незаперечно одне – цей договір був вигідний для обох сторін. Звичайно кожна з них переслідувала свої цілі. Так для Ц.Р. це був спосіб врятувати державність, яка знаходилась під загрозою через нестабільну ситуацію в середині країни та прояви зовнішньої агресії зі сторони Раднаркому. Для УНР було неможливим утримувати зразу два фронти. Німеччина отримувала можливість поповнити не тільки сировинні запаси, а й знайти додатковий важіль тиску на Австрію. Німецьке керівництво було схильне підтримувати українські позиції, щоб шляхом створення автономії Східної Галичини мати додатковий важіль впливу на Відень, союзницький вірності якого зовсім не довіряли в Берліні. Для Австро-Угорщини – це було вирішення сировинної та продовольчої проблем. Окрім того підписання такого договору сприяло зменшенню впливу Радянської Росії як політичного суперника.

Державами Антанти та слов'янськими народами Брестський мир був розцінений доволі негативно. Брестські угоди відрізали Україні всі шляхи відступу й позбавили останніх сподівань на допомогу держав Згоди, керівництво яких вважало цей крок зрадою союзницьких інтересів. Розглядаючи свої політичні цілі. Вони не враховували внутрішнє становище УНР, а підписання цього договору, за висловом В. Винниченка, було «спасінням України».

Загалом цей договір не був реалізований в повній мірі. Підписана «Відзова до німецького народу» та Баденські угоди легалізували не тільки вступ інтервентів на територію країни, а й констатували неспроможність українцями до ведення активних бойових дій, що змогу окупантам впроваджувати власну політику відносно українських земель.

Хоча після вступу німецьких військ до Києва 1 березня 1918 р. формально влада й перебувала в руках Центральної Ради, проте реально силу мав вагомий контингент німецьких військ. Загалом їх було понад 300 тисяч чоловік. Брак розгалуженого та дієздатного державного апарату, особливо владних структур на місцях, реквізиції несанкціоновані українським урядом тільки посилювали вплив німецького командування, підірвали авторитет правлячих діячів та викликало невдоволення населення. Така політика не могла не призвести до негативних наслідків для молодої держави. Декларативні заяви прем'єр-міністра та голови закордонних справ хоча й не мали реальної ваги, але сприяли посиленню опозиції відносно Центральної ради в німецькому командуванні призвели до того, що у військовому командуванні та посольстві дістали цілком достатні для Берліну аргументи для повалення існуючого уряду. «Как и надо было ожидать, юное украинское правительство оказалось не в состоянии успокоить страну и поставлять нам хлеб. Вскоре это правительство исчезло с лица земли»⁸.

На останньому засіданні Центральної ради яскраво проявилися всі огріхи як зовнішньої, так і внутрішньої політики. Діяльність уряду В. Голубовича була признана незадовільною і після проголошення цього до зали засідань увірвалися німецькі солдати. Події, що сталися потім, яскраво описує В. Винниченко: «28 квітня 1918р., коли Центральна рада обговорювала накази Айхгорна... в будинок українського Парламенту Української Центральної Ради увійшли солдати того самого пана Айхгорна, влетіли у залу засідань, де говорилися такі сміливі промови, звеліли всім депутатам підняти руки до гори й наказали їм видати міністрів... Усю ж Центральну раду вилаяно, загороджено й переписано... Це була прелюдія кінця»⁹. В одному В. Винниченко помилявся. Це була не прелюдія – це був кінець, кінець діяльності Центральної ради, що відкрив новий етап боротьби за незалежність, але поклав доволі сумнівний зачин в цю справу.

Загалом, можна сказати, що становище УНР на міжнародній арені було більш ніж неозначне. Його відчайдушно намагалися стабілізувати, але політика у всіх напрямках виявилася невдалою, часом непродуманою та занадто різкою. Великі досягнення змінювалися доволі вагомими прорахунками. Незмінно залишалась зацікавленість іноземних країн, що стала для України вирішальною. Спостерігаючи положення на міжнародній арені молодої України, можна сказати, що оскільки вона ще не набула статусу земель окремих від Росії, то доволі довгий проміжок часу її вважали не спроможною вести самостійну політику. Дана ситуація змінилась після встановлення влади більшовиків. Оскільки постала необхідність пошуку альтернативи, УНР виявилась єдиною можливою альтернативою. Звичайно спочатку їх відводилась роль бар'єру, але в перспективі не виключалась можливість бути визнаною США та нейтральними

державами. Нажаль вони не були використані через воєнне протистояння з Раднаркомом і різнобіччя поглядів в середині самої Центральної Ради. Так, деякі її представники не поділяли певності О.Я. Шульгина в можливості надання швидкої військової допомоги з боку країн Антанти, і це стало однією з причин переорієнтації на країни Четверного союзу.

Незважаючи на деякі успіхи, політика, яка була направлена на співробітництво з державами Антанти виявилась провальною. Нерішучість попередників, негативно вплинула на ставлення до УНР країн Згоди. Саме через це спочатку на контакт з Україною йшли неохоче. Малий досвід політичних взаємин не дав змоги оперативно розставити необхідні пріоритети та вектори зовнішньої політики, як відносно країн в цілому, так і в наданні матеріальних ресурсів зокрема. Якщо вести мову про Брестський договір, то він інтерпретувався країнами Четверного союзу перш за все, як «хлібний договір», але не виправдав покладених на нього сподівань. Так із української сторони через не достатній рівень організації плани по заготівлі продовольства практично не виконувались і тому 2 березня 1918 р. посол Німеччини в Україні барон Мумм фон Шварценштайн надіслав прем'єр-міністру УНР листа з незадоволеннями, але він не призвів до бажаного ефекту. І тому в наступному посланні був поставлений ультиматум. Крім того напруження між іноземними військами та місцевим населенням призвело до перевороту та встановлення гетьманату П. Скоропадського, який відкрив нову сторінку в історії боротьби за незалежність України.

Примітки:

1. Країни Антанти(країни Згоди) – країни воєнно-політичного блоку, які підтримали угоду 1904р. про розподіл сфер впливу та колективну протидію німецьким амбіціям.

2. Центральні держави(держави Четверного союзу) – воєнно-політичний блок держав, який існував під час Першої світової війни і конфліктував з країнами Згоди. Складався з Німеччини, Австро-Угорщини, Болгарії і Туреччини.

3. Українська Народна Республік (УНР) – назва української держави, яка існувала на території сучасної України з листопаду 1917 до квітня 1918 р, утворена в наслідок національно-визвольної революції на українських землях і проголошена III Універсалом.

4. Табачник Д.В. Українська дипломатія. Нарис історії. Київ, 2006. – С. 59.

5. Никольський Г. Л. Брестський мир и Украина. Киев: Наукова думка, 1981. – С. 51.

6. Архив полковника Хауза. В 4-х тт. Т.4. М., 1994. – С. 151.

7. Дорошенко Д.І. Історія України 1917-1923 рр. В 2-х тт. Київ, 2002. – С. 183.

8. Людендорф Е. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. В 2-х тт. Т.2. 1923. – С. 190.

9. Табачник Д.В. Історія української дипломатії в особах. Київ, 2004. – С. 107.

10. Кондратюк К. Новітня історія України. 1914-1945 рр. Л., 2007. – С. 44.

11. Севрюк О. Берестейський мир (уривки із спогадів). Paris, 1928. – С. 4.

12. О Реснт. Павло Скоропадський. Київ, 2003. – С. 53.

ДИТЯЧА БЕЗПРИТУЛЬНІСТЬ ТА БОРОТЬБА З НЕЮ ВДОНЕЦЬКІЙ ГУБЕРНІЇ В 20-ті РОКИ ХХ ст.

А.В. Волошинова

Донецький національний університет

Дана стаття присвячена дитячій безпритульності та боротьбі з нею в Донецькій губернії в 20-ті роки ХХ століття. В статті приведені конкретні дані про стан безпритульності в губернії, розглядаються основні аспекти діяльності органів по боротьбі з безпритульністю та їх ефективність.

Ключові слова: дитяча безпритульність, Донецька губернія, органи по боротьбі з безпритульністю.

CHILDREN'S HOMELESSNESS AND STRUGGLE AGAIN IT ON TERRITORIES OF DONETSK PROVINCE IN 20-th YEARS OF THE XX-th C.

A.V. Voloshinova

Donetsk State University

In given article it is a question of children's homelessness and struggle against it on Territories of Donetsk province in 20th years of the XX-th century. In article Concrete data about a homelessness condition is cited in Provinces, are considered the basic aspects of activity of bodies on to struggle against homelessness and their efficiency.

Key words: children's homelessness, Donetsk province, bodies on to struggle against homelessness.

Проблема дитячої безпритульності в Україні за останні роки набула масштаби національної катастрофи. Нині в Україні налічується близько одного мільйона безпритульних, вік котрих становить – 8-16 років, з них 20% дітей, які живуть на вулиці, є біологічними сиротами, а останні діти – сироти соціальні. Значне погіршення рівня життя привело до актуалізації проблеми дитячої наркоманії, проституції, бродяжництва. Тому з таким небезпечним явищем як дитяча безпритульність треба активно боротися. У зв'язку з цим немалий інтерес представляє успішний досвід подолання дитячої безпритульності в 20-ті роки ХХ ст.

Метою даної статті є спроба проаналізувати роботу органів та структур, спеціально створених в Донецькій губернії для боротьби з безпритульністю в 1920-х роках; з'ясувати методи їх діяльності та донести важливий досвід тих років для ефективнішого подолання соціального явища безпритульності у ХХІ столітті.

В цілях самозбереження державного організму радянська влада зуміла зосередити активну увагу державного апарату й суспільних організацій для попередження процесу подальшого збільшення росту дитячої безпритульності й дефективності. Державі потрібні були нові будівельники життя, тим паче в умовах соціально-економічної нестабільності. В революційний час боротьба з дитячою безпритульністю носила випадковий й благодійний характер, однак в радянський час охорона дитинства стала важливою державною функцією. З точки зору народно-господарчих перспектив спасіння й виховання кожної окремої дитини набуло великого значення.

Визначення безпритульності, за доктором Штейнбергом, це – відсутність нормальних умов розвитку (дому, одягу, харчування, виховання та освіти).

Він запропонував розподілити безпритульних дітей на наступні групи:

1. Діти круглі сироти, напівсироти, безпритульні без крову;
2. Діти голодні, які спираються на сім'ю;
3. Діти, які спираються на слабку сім'ю¹.

Жили безпритульні де прийдеться - в ямах, розвалинах, старих вагонах. Місця свого перебування вони самі називали «дачами». Потреба примушувала дітей шукати притулок в будь-якому місці. І таким місцем став Донбас взагалі і Донецька губернія зокрема. Саме сюди стікалася велика кількість безпритульних з усіх куточків Радянської держави. Промисловий, густо населений регіон приманював собою, тому що надавав можливість жебракувати, красти. Досить м'який клімат дозволяв безпритульним легше пережити зиму. Тому вже до 1920 р. в Донбасі скопилися великі юрби дітей. Так, згідно з переписом 1920 р. по всій Україні у віці 4-15 років нараховувалося 7,5 млн. дітей, серед яких кількість круглих сиріт та напівсиріт складала 10%, тобто 750 000 дітей. В Донецькій губернії, на той час, за даними того ж перепису, мешкало біля 800 000 дітей, серед них $\frac{1}{8}$ частина – круглі сироти та напівсироти².

Ситуація, що склалася, вимагала негайного створення мережі дитячих будинків або притулків. Їх почали відкривати, однак більшість дитбудинків цього періоду не надавали можливості постійного проживання – вони були розраховані тільки на денне перебування й забезпечували безпритульних обідами. Тому влада в цей період направляла всі свої сили на створення мережі стаціонарних дитячих будинків. На 1 січня 1921 р. їх вихованцями в регіоні були 8628 безпритульних³. Це приблизно 9% загальної кількості дітей, які потребують державної опіки.

Голод 1921 р. призвів до різкого зростання кількості „дітей вулиці”. Таким чином, не дивлячись на прийняті міри, знизити кількість безпритульних дітей не вдалося. На перше січня 1922 р. в дитячих будинках регіону виховувалося 19792 особи. Але це була дуже мала частина дітей, які потребували державної опіки, тому що в дійсності за неповними даними на початок 1923 р. в губернії нараховувалося близько 100 000 безпритульних. При цьому 25% залишалися зовсім без даху над головою, тобто мешкали просто неба⁴.

Створена радянською владою широка мережа дитячих закладів поступово покращувалася. Місцеві органи освіти, яким були підпорядковані дитячі сирітські заклади, повністю звільнилися від непридатних для існування дітей будівель, покращилося харчування вихованців дитячих будинків. Згідно «Висновків комісії по обстеженню дитячих будинків» від 27 грудня 1922 р. «харчування дитячих будинків можна вважати задовільним, завдяки підтримці Помголу» (так скорочено називався комітет допомоги голодуючим). В деякій мірі забезпечувати вихованців овочами допомагали підсобні господарства дитячих будинків, але посівні площі мали лише деякі дитячі сирітські заклади. Тому в повній мірі задіяти таке додаткове джерело як продовольство для дитячих домів в Донбасі не вдалося⁶.

Невирішеними залишалися й проблеми забезпечення сиріт реманентом, одягом, взуттям. Джерела свідчать, що більш – менш благополучне положення з забезпеченням предметами першої необхідності склалося тільки в дитячих закладах, які знаходилися у веденні чи були прикріплені до господарчих організацій. Всі осанні сироти гостро потребували в різних промислових товарах, котрі в документах тієї пори зовуться одним словом – «мануфактура». Зберігались також труднощі з забезпеченням дитбудинків паливом. Так, в Акті за Висновками комісії по обстеженню дитячих будинків від 27 грудня 1922 р. констатувалося: «Опаленням дитячі заклади забезпечені до половини лютого»⁷.

В цілому, даючи характеристику стану дитячих будинків Донецької губернії в «Річному звіті повітового відділу народної освіти» за 1922 р., можна відмітити, що: «Є необхідність покращити господарчий стан дитячих будинків й налагодити педагогічну роботу. Довести захворювання та смертність до мінімуму»⁸.

Таким чином, чіткі, злагоджені дії Радянської республіки доводять нам ефективність даних форм боротьби з дитячою безпритульністю початку ХХ ст. і тому сучасній владі просто необхідно звернутися до досвіду минулих поколінь.

Луначарський казав: „Діти дитячих будинків – невинні жертви імперіалістичних та громадянських воєн, тому їх держава не може залишити без уваги. Батьки цих дітей, які поклали своє життя в боротьбі за революцію, заповідали нам їх, й ми зобов’язані забезпечити їх не тільки матеріально, але й виховати повноправними громадянами соціалістичної республіки, за яку варто боротися й помирати.

Діти дитячих будинків – державні діти, для яких матір’ю є держава, все робочо-селянське суспільство”⁹.

Примітки:

1. ДАДО. Ф.1. Оп.1. Спр.1307. Арк.2.
2. ДАДО. Ф.1. Оп.1. Спр.1307. Арк.2.
3. ДАДО. Ф.1. Оп.1. Спр.1101. Арк.11.
4. ДАДО. Ф.1. Оп.1. Спр.1284. Арк.35.
5. *Липинський В.В. Дитяча безпритульність в Донбасі в 1920-ті роки // Нові сторінки в історії Донбасу: статті. 2001. №7. – С. 244-245.*
6. ДАДО. Ф.Р-1146. Оп.2. Спр.15. Арк. 31.
7. Там само. Арк.32.
8. ДАДО. Ф.1. Оп.1. Спр.854. Арк.42.
9. *Хмельницька А.П. Врятоване дитинство. М.: Московский рабочий, 1987. – С. 23-24.*

УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКІ ВІДНОСИНИ В ГАЛУЗІ КУЛЬТУРИ 90-Х РОКІВ ХХ СТ. ПОЧ. ХХІ СТ. В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ

О.М. Іванова

Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С.Сковороди

В статті поданий оглядовий аналіз української історіографії українсько-російських відносин в галузі культури 90-х років ХХ ст. поч. ХХІ ст. Автор статті в хронологічному порядку виокремив групи робіт, які торкалися основних напрямів українсько-російського співробітництва в галузі культури. В основу статті лягли роботи українських дослідників, а також статті науковців, які друкувались в періодичній літературі. Акцент в українській науковій літературі зводився до по показу еволюції українсько-російських міждержавних відносин та вирішенні національно-культурних проблем.

Ключові слова: українсько-російські відносини, наукова література, публікація, монографія.

UKRAINIAN-RUSSIAN RELATIONSHIPS IN THE CULTURAL SPHERE DURING THE LAST DECADE OF THE XX CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

O.M.Ivanova

Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

The article deals with the summarizing analysis of the Ukrainian historiography of the Ukrainian-Russian relationships in the cultural sphere during the last decade of the XX century and the beginning of the XXI century. In the chronological order the author of article distinguishes groups of works dealt with the basic directions of Ukrainian-Russian cooperation in the field of culture. The works of Ukrainian researches and the papers published in the periodical press formed the basis of the article. In the Ukrainian scientific literature the emphasis

is was laid on the evolution of Ukrainian-Russian intergovernmental relations and the solution of national and cultural issues.

Key words: Russian-Ukrainian relationships, scientific literature, published works, monograph.

Проблема українсько-російських культурних відносин із самого початку незалежності двох країн привертала до себе увагу дослідників в Україні. В основу нашої статті лягли роботи українських дослідників, які розкривали українсько-російські взаємини в галузі культури 90-х років ХХ ст. поч. ХХІ ст. за такими напрямками взаємовідносини: освіта, наука, література та співробітництво основних форм галузі мистецтва. За основу аналізу та характеристики літератури з даної теми було взято проблемно-хронологічний принцип. Для аналізу літератури автором в хронологічному порядку було виокремлено групи робіт, які торкалися напрямів українсько-російського співробітництва в галузі культури та мистецтва.

Початок 90-х рр. ХХ ст. – поступове поглиблення усвідомлення специфічності культурних процесів та їх особливого значення для розбудови самостійної держави. В українській історіографії, це був період формування ідеологічного підґрунтя українсько-російських відносин на основі поглядів і думок різних культурних та політичних діячів, які пропагували свої ідеї, виступаючи на наукових конференціях, пресі, тощо. Переважно вказані праці мали науково-публіцистичний характер¹.

У цей період спостерігається постійна увага до вивчення становища російської культури в Україні, проблем і труднощів її функціонування і відтворення. Обговорення цих питань здійснюється у формі круглих столів та науково-практичних конференцій, темою яких є спрямованість на пізнання феномена російської культури в Україні у загальнослов'янському контексті. Досить промовисто демонструють цю спрямованість назви тем проведених конференцій: «Российско-украинские отношения: проблемы и перспективы: Материалы международной конференции «Круглый стол российских и украинских ученых» (1994 г.)², «Украина и Россия в новом геополитическом пространстве» (1995 р.)³, «Русское образование в Украине в контексте международного опыта: Материалы Международной научно-практической конференции (1995 г.)⁴, «Диалог украинской и русской культур в Украине» (1996 р.)⁵.

Конференції зазвичай мали своїм наслідком розробку проєктів, програм розвитку російської мови, культури та освіти в Україні, або пропозиції щодо вдосконалення державної етнонаціональної політики, які направляються у владні структури. Матеріали цих наукових теоретичних та практичних конференцій видавалися збірками російськими організаціями й товариствами в Україні. Щоправда, уповні витримати суто наукову спрямованість і самих цих концепцій та їхніх матеріалів організаторам не вдавалось. Деякі виступи, повідомлення, пропозиції, сформульовані за результатами конференцій, були надмірно політизовані із політичною необ'єктивністю критики держави, зокрема у питаннях ставлення до російської мови та культури в Україні.

В цей час підіймаються науковцями питання повернення культурних цінностей.⁶ Публікацій присвячених українсько-російським літературних, мистецьким відносинам майже не було.

Таким чином, у першій 90-х рр. ХХ ст. кількість та якість публікацій з даної теми були недостатніми для висвітлення та глибокого аналізу українсько-російських культурних відносин. Науковці при відтворенні даних відносин апелювали до подій минулого, переносячи їх наслідки в сучасність. Матеріали з історії українських та російських культурних відносин надруковані в українських періодичних виданнях початку 90-х рр. ХХ ст., здебільшого, не містили ґрунтовного аналізу двосторонніх відносин. В них лише коротко характеризувалися основні напрямки культурної співпраці, наводилися окремі факти.

У другій половині 90-х рр. ХХ ст. з'являються більш глибокі, власне наукові дослідження. Серед них слід виділити літературу, присвячену українсько-російським контактам на міжнародному рівні в рамках яких проаналізовано культурні відносини між державами.⁷

У цей час продовжують проходити міжнародні науково-практичні конференції, присвячені питанням розвитку діалогу між Україною і Росією в міждержавній сфері загалом і в етнокультурній зокрема⁸. Під час конференцій обговорювалися процеси, які відбувалися в духовному житті українського суспільства та розглядалися проблеми розвитку української і російської культур. В збірках матеріалів конференцій публікувалися статті вчених-лінгвістів, соціологів та громадських і культурних діячів, які з використанням наукових фактів висловлювали власну думку на взаємовідносини та взаємовпливи обох культур.

Окремо слід відзначити збірку наукових статей «Українсько-російські відносини: гуманітарний вибір»⁹. Більшість науковців, статті яких увійшли до збірки наголошували та тому, що культури України і Росії генетично споріднені, але не тотожні, їх взаємовідносини можуть бути описані у вигляді складної діалектики взаємних впливів і взаємних відштовхувань. У статтях збірника фіксуються різноманітні аспекти відміченої схожості і відмінності. Аналізуються відмінності російської та української національних ідей, а також нюанси російської і української месіаністської свідомості, при цьому робиться акцент на спільності космопланетарної традиції, властивій українській і російській культурам, що реалізувалася у двох найбільших центрах – Києві та Москві. У статтях науковців даної збірки акцентувалось на положенні спорідненості двох великих народів, яке побудоване на спільному культурному надбанні. На жаль, у збірці при розгляді українсько-російських відносин спостерігається акцент на політології та філософії. Відсутній безпосередній аналіз культурних відносин в галузі літератури та мистецтва.

Наприкінці 90-х рр. ХХ ст. з'являються публікації присвячені місцю, значенню української культури в Російській Федерації та російської в Україні. Спостерігається відхід від сприйняття і подачі науковцями російської культури, як «тотально-навязуючої» українському народу. Прикладом стала стаття Є.І. Лук'яненка «Російська культура в Україні – благо чи небезпека?». Автор-літературознавець наголошував «...російська культура пов'язана з Україною, а українська – з Росією, обидві культури ввійшли одна в іншу, вони мають великий природний, можна сказати, родинний вплив в обох суспільствах. В інтелектуальній, культурній Україні російська культура справедливо вважається частиною загальної культури нашого народу, особливо та частина російської культури, яка створена на основі українського життя, проблематики, менталітету.»¹⁰.

Актуальними були питання національно-культурного життя української та російської діаспори в Україні та Російській Федерації. Авторами цих публікацій підіймаються питання забезпечення національно-культурних потреб росіян в Україні та українців в Російській Федерації¹¹. Сприяння і активізацію українсько-російському діалогу на міждержавному рівні та на рівні громадських національно-культурних товариств підкреслював в своїй статті і дослідник І.В. Звіркозький¹². Публікацій з даної проблематики мали аналітичний зміст. Цьому сприяли суспільно-політичні та культурні зміни, на хвилі яких діяльність російських та українських громад значно активізувались.

На початку ХХІ ст. виходять друком перші ґрунтовні дослідження з даної теми, наприклад, робота за науковою редакцією доктора філософських наук О.П. Лановенка «Україна-Росія: концептуальні основи гуманітарних відносин»¹³. Це дослідження є першим в історії України досвідом наукового аналізу проблем українсько-російських відносин у сфері духовної культури. Вона присвячена розгляду суті й специфіці найбільш актуальних для України гуманітарних проблем. Однак такий розгляд має не самооцінний, а підпорядкований, службовий характер – він функціонально зорієнтований на створення необхідних передумов для концептуального прогностичного моделювання українсько-російських гуманітарних відносин. Автори у цьому дослідженні підійшли до висвітлення українсько-російських відносин у сфері культури здебільшого як філософи.

Серед монографічних видань з'являються й присвячені проблемам формування незалежної Української держави, наприклад, «Україна: утвердження незалежної держави» (1991 – 2001 рр.)¹⁴. В даному виданні поданий поодинокий аналіз культурним процесам трансформаційного періоду, а також приділено увагу дослідженню національних державних традицій і культурним процесам України та частково українсько-російським відносинам. З позицій українського державотворення названу проблему вивчали й С. Кульчицький та Б. Парахонський. В роботі «Україна і Росія в історичній ретроспективі», третій том вони присвятили темі: «Новітній український державотворчий процес», де звернули увагу на деякі проблеми українсько-російських взаємин у сфері культури¹⁵.

В колективній монографії «Україна та Росія у системі міжнародних відносин: Стратегічна перспектива»: представлено науково-аналітичний огляд українсько-російських відносин в широкому міжнародному контексті, історичний нарис процесів їх формування та стратегічна перспектива на майбутнє. Визначаються різні схеми бачення місця і ролі України та Росії в сучасній системі міжнародних відносин на тлі процесів глобалізації та формування нових моделей світового ладу. В роботі значну увагу приділено сучасним інтеграційним процесам (також, в науці та інформаційній сфері) як в європейському напрямі, так і на теренах СНД. Під ку-

том зору проблем міжнародної безпеки аналізуються позиції обох країн в різних регіонах світу та сфери перетинання їх інтересів. Автори прагнули не лише проаналізувати стан і проблемні питання відносин двох держав, а й визначити тенденції їх розвитку, орієнтири на близьку перспективу¹⁶.

В монографічному виданні А. Павловського українська культура постає різноманітною та багатонаціональною. Основна увага монографічного видання приділена національним меншинам, особливо тим які з давніх-давен проживають на території України – російській та польській. Аналізуючи взаємовідносини української й російської культур автор приходиться до висновку, що різні історичні періоди, незалежно від подій, які їх супроводжували, вони завжди розвивались самостійно на своєму самобутньому ґрунті, і, в той же час, впливали одна на одну, доповнюючи та збагачуючи себе.¹⁷

На початку ХХІ ст. виходять ґрунтовні роботи, присвячені національно-культурному життю української діаспори в Росії¹⁸, захищається кандидатська дисертація В.М. Сніжко¹⁹, робляться перші спроби вивчення українсько-російських відносин через призму культурного життя української та російської діаспори. Більш наближеним до конкретного аналізу та вивчення українсько-російських відносин є дисертаційне дослідження О.М. Романухи. Автор у своєму дослідженні спробував комплексно підійти до аналізу українсько-російських відносин у сфері культури. Вперше було простежено становище співробітництва театрів, бібліотек, музеїв. Було проведено розмежування співробітництва у сфері культури за різними рівнями: державному та комерційному. З'ясовано роль регіонального чинника активності²⁰.

Збільшилась кількість робіт присвячених діяльності українських та російських громад, аналізу державної національно-культурної політики. Особливу увагу серед них привертають дослідження Л.І. Лойко²¹. Автором був розглянутий широкий спектр діяльності національно-культурних об'єднань, особлива увага була приділена російській національній громаді.

Заслужують на увагу художньо-публіцистичні збірки, в яких подавалася оцінка українсько-російським культурним зв'язкам. Так, наприклад, до художньо-публіцистичної збірки «Українізація чи продовження русифікації»²² увійшли роздуми, статті, інтерв'ю, нариси та художні замальовки як добре знаних в Україні майстрів пера так і мало відомих. Але всіх їх поєднували проблеми української мови, культури та прагнення їх подолання.

Підбиваючи підсумок, слід виокремити особливості розвитку дослідження вибраної проблеми. Протягом 90-х років ХХ ст. акцент в українській науковій літературі зводився до по показу еволюції українсько-російських міждержавних відносин, в контексті яких подавалися відомості та робилися спроби узагальнень проблем культурних взаємин. З початку ХХІ ст. головна увага науковців була прикута до вирішенні національно-культурних проблем, з'являлися перші власне наукові праці.

Загалом, даючи оглядовий аналіз української історіографії проблеми, варто зазначити, що в українській історіографії систематизованого та комплексного дослідження становлення і розвитку основних напрямів українсько-російських культурних відносин 90-х рр. ХХ – початку ХХІ століття не було зроблено. Більшість публікацій мали науково-публіцистичний характер. Намагаючись надати цілісну картину стану та перспектив українсько-російському культурному діалогу, автори виходили частіше за все не з глибинного наукового аналізу, а з поверхових узагальнень та власних політико-ідеологічних уподобань.

Примітки:

1. Кремень В., Парахонський Б., Ситник П. Україна і Росія: сфери конфронтації і співробітництва // *Розбудова держави*. 1993. №2 - С. 3-4; Шлепков А.М. *Російсько-українські відносини: проблеми і перспективи: Матеріали міжнародної конференції «Круглий стіл російських і українських учених» (12-14 мая 1994)*. Одеса, 1994, – 58 с.; Дзюба І. *Кілька слів про культуру* // *Українська культура*. 1992. №6. - С. 16.

2. *Російсько-українські відносини: проблеми і перспективи: Матеріали міжнародної конференції «Круглий стіл російських і українських учених» (12-14 мая 1994 г. Одесса)*. Одесса, 1994, – 58 с.

3. *Украина и Россия в новом геополитическом пространстве: Материалы «Круглого стола»*. Киев: Ассоциация «Україна», 1995. – 160 с.

4. *Русское образование в Украине в контексте международного опыта: Материалы Международной научно-практической конференции (26-27 октября 1995 г. Киев)*. Киев, 1995. – 243 с.

5. *Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы Международной научно-практической конференции (24-25 октября 1996 г. Киев)*. Киев, 1997. – 243 с.

6. Кот С. Українські культурні цінності в Росії: Проблема повернення в контексті історії та права / НАН України, Ін-т історії України. Київ, 1996. – 91 с.
7. Івченко О.Г. Україна в системі міжнародних відносин: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: «РІЦ ЦАННП», 1997. – 687 с.; Васильєва-Чекаленко Л.Д. Україна в міжнародних відносинах (1991-96 рр.). Навч. посібник. Київ, 1998. – 176 с.; Украина, Россия – пути в будущее. Харьков-СПб., 1998. – 86 с.
8. Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы Международной научно-практической конференции 30-31 октября 1997 / Фонд поддержки русской культуры в Украине, Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы и информации, Институт социологии НАН Украины, Национальный институт украинско-российских отношений; Редкол.: Н.А. Шульга (гл. ред.) и др. Киев, 1998. – 214 с.; Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы III конференции / Фонд поддержки русской культуры в Украине, Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы и информации, Институт социологии НАН Украины, Национальный институт украинско-российских отношений; Редкол.: Н.А. Шульга (гл. ред.) и др. Киев, 1999. – 256 с.
9. Українсько-російські відносини: гуманітарний вимір: Науковий збірник. Київ, 1998. – 156 с.
10. Лук'яненко Є.І. Російська культура в Україні – благо чи небезпека? // Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы III конференции / Фонд поддержки русской культуры в Украине, Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы и информации, Институт социологии НАН Украины. Национальный институт украинско-российских отношений; Ред. кол.: Н.А. Шульга (гл. ред.) и др. Киев, 1999. – С. 192-200.
11. Попок А. Українці в Російській Федерації: чи зміниться, щось на краще // Визвольний шлях. Ч.6. Лондон, 1997. – С. 667-672; Снежко В.Н. Развитие культуры русского меньшинства в условиях независимой Украины // Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы Международной научно-практической конференции 30-31 октября 1997. Киев, 1998. – С. 200-203; Попок А., Лагутов Ю. Національно-культурні потреби росіян в Україні та Україні в Росії // Розбудова держави. 1998. №9/10. – С. 6-11; Руденко-Десняк А.А. Русская культура в Украине – украинская культура в России: возможен ли паритет? // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV-й (9-10 декабря 1999 года г. Киев) Фонд поддержки русской культуры в Украине, Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы и информации, Институт социологии НАН Украины, Национальный институт украинско-российских отношений; Редкол.: Н.А. Шульга (гл. ред.) и др. Киев; 2000. – 360 с.
12. Звірко І.В. Деякі аспекти сучасного українсько-російського культурного діалогу // Трибуна. 1997. №3-4. - С. 34-35.
13. Україна-Росія: концептуальні основи гуманітарних відносин / За наук. ред. О.П. Лановенка. Київ, 2001. – 476 с.
14. Україна: утвердження незалежної держави (1991 - 2004) / Н.П.Барановська, В.Ф. Верстюк, С.В. Віднянський та ін. Київ, 2001 – 703 с.
15. Кульчицький С., Парахонський Б. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Новітній державотворчий процес. – Київ, 2004. – 324 с.
16. Україна та Росія у системі міжнародних відносин: Стратегічна перспектива: Колективна монографія. Київ, 2001. – 624 с.
17. Павловський А.А. Багатоманітне розмаїття культури України: історія, розвиток, майбутнє. Київ, 2002. – 256 с.
18. Ідзьо В. Українська діаспора в Росії. Українсько-російські взаємини: історія, наука, релігія. – Львів, 2002. – 304 с.
19. Сніжко В.М. Культура російської меншини в Україні: проблеми функціонування та розвитку (90-ті роки XX ст.): Дис... к.і.н. 17.00.01. / Київський державний ун-т культури і мистецтв. Київ, 1998. – 208 арк.
20. Романуха О.М. Розвиток українсько-російських відносин в сфері культури і науки (1991-2005 рр.): Дис. к.і.н 07.00.01 /Донецький національний ун-т. Донецьк, 2007. – 244 арк.
21. Лойко Л.І. Громадські організації етнічних меншин України: природа, легітимність, діяльність: Монографія. Київ, 2005. – 634 с.
22. Українізація чи продовження русифікації. Художньо – публіцистичний збірник / Упоряд. Ф.А. Сухоніс. Дніпропетровськ, 2002. – 223 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ УКРАИНЫ И НАТО: ПУТЬ К ОСОБОМУ ПАРТНЁРСТВУ (1992–1997)

Е.А. Кондратюк

Курский государственный университет

Статья посвящена истории развития отношений Украины и НАТО в период с 1992 г. по 1997 г. До 1994 г. препятствием в отношениях Украина-НАТО являлось стремление Украины стать ядерной державой. После отказа от этой идеи в 1994 г., украинское государство стало активным участником программы НАТО «Партнёрство ради мира». Логическим завершением сближения Украины и НАТО с 1995 г. по 1997 г. стало подписание Хартии об особом партнёрстве. Автор считает, что, несмотря на провозглашение украинским политическим истеблишментом стратегической цели на евро-атлантическую интеграцию Украины, ни население страны, ни Североатлантический Альянс не были готовы к практической реализации этой задачи.

Ключевые слова: внешняя политика Украины, отношения Украина-НАТО, Программа «Партнёрство ради мира», Хартия об особом партнёрстве.

UKRAINE-NATO RELATIONSHIP: THE PATH TO A DISTINCTIVE PARTNERSHIP (1992-1997)

E.A. Kondratyuk

Kursk State University

The article is devoted the development of NATO-Ukraine relations during 1992 – 1997. The Ukraine's desire to become a nuclear state blocked progress of NATO-Ukraine relations until 1994. Ukrainian state became an active member "Partnership for Peace" program only waived this idea. The Charter on a Distinctive Partnership subscription became the logical end of NATO-Ukraine rapprochement during 1995 – 1997. The author considers that neither Ukrainian citizens nor NATO were ready to the Euro-Atlantic integration of Ukraine despite the proclamation such strategic objective by Ukrainian political establishment.

Key words: Ukraine foreign policy, NATO-Ukraine relations, "Partnership for Peace" program, Charter on a Distinctive Partnership.

Трансформация Украины в независимое государство в 1991 г. вызвала необходимость построения отношений со всем мировым сообществом, включая международные организации. Наибольший интерес вызывает история развития взаимоотношений Украины с крупнейшим в мире военно-политическим блоком – НАТО. Данное исследование охватывает период с 1992г. по 1997 г., который можно охарактеризовать как время становления этих отношений, завершившийся подписанием Хартии об особом партнёрстве между Украиной и НАТО.

С первых дней независимости Украина была заинтересована в том, чтобы непосредственно принимать участие в общеевропейском процессе и европейских структурах¹. Однако на пути сотрудничества Украины с Западом в целом и с Североатлантическим Альянсом в частности возникло несколько серьёзных препятствий. Во-первых, на начальном этапе независимого развития ни одна бывшая советская республика, за исключением России, не рассматривались мировым сообществом в качестве полноценного партнёра. Для НАТО, как и для лидера этой организации США, подписание Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г. стало большой неожиданностью.

В Римской декларации сессии Совета НАТО о мире и сотрудничестве, принятой 7–8 ноября 1991 г., говорилось о приветствии демократических реформ, которые происходили в странах Центральной и Восточной Европы и в Советском Союзе². Альянс предложил главам внешнеполитических ведомств Болгарии, Чехословакии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и СССР присоединиться к планировавшемуся на декабрь 1991 г. саммиту министров иностранных дел государств-членов НАТО, на котором предполагалось провозгласить «совместную политическую декларацию о начале новой эры партнерства и определить дальнейшие условия и содержание этого процесса»³. Такой расширенный форум было предложено назвать Советом Североатлантического сотрудничества (ССАС). Затем, после официального роспуска СССР, приоритетом развития отношений на постсоветском пространстве для Североатлантического Альянса стали отношения с Россией, но не с новыми независимыми государствами.

Второе крупное препятствие в развитии отношений Украины и НАТО состояло в стремлении нового украинского государства сохранить ядерное оружие, которое осталось на украинской территории после распада СССР. Такой поворот событий совершенно не соответство-

вал концептуальным установкам Североатлантического Альянса. Ещё в мае 1989 г. была принята Универсальная концепция НАТО по разоружению и контролю над вооружениями. В данном документе указывалось, что контроль над вооружениями является составной частью проводимой Альянсом политики безопасности⁴. В соответствии с этим, НАТО полностью поддержала достигнутую на тот момент договорённость по сокращению стратегических наступательных вооружений США и СССР на 15% и выразила надежду на продолжение переговоров по этому вопросу⁵. Немаловажно, что в Римской декларации НАТО действия президентов Дж. Буша и М.С. Горбачёва по сокращению ядерного оружия также получили положительную оценку. Кроме того, в данном документе шла речь о необходимости скорейшей ратификации подписанного СССР и США в июле 1991 г. Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Неудивительно, что основной целью первого официального визита тогдашнего Генерального секретаря НАТО М.Вернера в Киев стали переговоры о судьбе располагавшегося на территории Украины ядерного оружия.

Таким образом, несмотря на то, что в феврале 1992 г. Украина была приглашена принять участие в ССАС, позиция украинского руководства в отношении ядерного оружия и отсутствие у Североатлантического Альянса стратегической линии поведения с новыми независимыми государствами помешали развитию взаимоотношений Украина-НАТО. Поэтому реальную возможность сотрудничества с североатлантическими структурами Украина получила только в 1994 г., когда окончательно отказалась от идеи сохранения ядерного оружия на своей территории.

Новый этап в отношениях между Украиной и НАТО был связан с началом действия программы Североатлантического Альянса «Партнёрство ради мира» (ПРМ). 10 января 1994 г. на Североатлантическом Совете был принят конкретный документ – Приглашение новых государств к участию в этой программе. В нём говорилось о том, что Североатлантический Альянс открыт для всех европейских стран, которые желают принять участие в обеспечении безопасности в зоне Северной Атлантики. К участию в ПРМ приглашались все страны-участницы Совета Североатлантического сотрудничества и Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Причём отмечалось, что присоединение страны к «Партнёрству ради мира» изменит характер её отношений с НАТО, а активное участие в ПРМ «сыграет важную роль в эволюционном процессе расширения НАТО»⁶.

В целом, «Партнёрство ради мира» можно охарактеризовать как военно-политическое сотрудничество, которое подразумевало представительство стран-участниц в военных и политических органах в штаб-квартире Североатлантического Альянса, совместное военное планирование, проведение совместных с вооружёнными силами НАТО военных учений и операций и, как следствие, начало внутренней реформы вооружённых сил государств-участниц ПРМ⁷. Учитывая открытое или завуалированное стремление большей части украинской политической элиты к расширению взаимодействия на западном направлении, можно говорить о том, что данная программа в полной мере отвечала интересам прозападных политиков. Кроме того, в случае угрозы территориальной целостности, независимости или безопасности любого государства – активного участника ПРМ, предполагались «консультации по линии НАТО»⁸. Представляется, что перспектива присоединения к программе крупнейшего военно-политического блока, предоставлявшего определённые гарантии безопасности⁹, оказала значительное влияние на решение Украины об окончательном отказе от ядерного оружия 14 января 1994 г.

8 февраля 1994 г. Украина подписала рамочное соглашение по участию в программе «Партнёрство ради мира». В соответствии с этим актом украинские власти должны были представить презентационные документы с конкретными мероприятиями и средствами для достижения военно-политических целей программы. Североатлантический Альянс, в свою очередь, должен был разработать свою программу сотрудничества с Украиной. Затем на их основе должна была развиваться индивидуальная программа партнёрства¹⁰. Украина подготовила презентационные документы для реализации программы к 25 мая 1994 г. Однако на создание программы индивидуального партнёрства потребовалось определённое время.

15 сентября 1995 г. в Брюсселе открылись переговоры в формате «16+1» между НАТО и Украиной. Отметим, что впервые из двадцати шести стран, принимавших участие в программе НАТО «Партнёрство ради мира», такую привилегию получила не только Россия.

В результате переговоров была утверждена программа индивидуального партнёрства Украины и Североатлантического Альянса. Для её реализации украинская сторона создала оперативную группу в составе генералов и офицеров, два миротворческих батальона и один де-

сантный батальон, эскадрон транспортных самолётов ИЛ-76 и эскадрон вертолётов МИ-8 с экипажами, два корабля и моторизованную бригаду гражданской обороны¹¹. Уже в мае 1995 г. прошли первые на территории Украины совместные с американскими подразделениями НАТО учения «Щит миру – 95», в которых приняли участие 340 украинских военнослужащих¹².

Однако украинские политики неоднократно заявляли, что Украина не стремится к вступлению в Североатлантический Альянс. Так, в преддверии брюссельских переговоров премьер-министр Е.К. Марчук заметил, что индивидуальная программа партнёрства Украины с НАТО не означает, что страна имеет намерение присоединиться к НАТО¹³.

Можно согласиться с точкой зрения американского исследователя Дж. Бетса, что Украина, подталкиваемая «европейским выбором» значительной части политического истеблишмента, рассматривала вступление в НАТО как одну из наиболее желанных внешнеполитических перспектив. Однако необходимость сохранения хороших отношений с Россией требовала взвешенности политических заявлений украинских должностных лиц¹⁴. Но, несмотря на это, с 1995 г. прозападный крен внешней политики Украины, в частности стремление к расширению отношений с НАТО, становился всё более отчётливым.

В этой связи большой интерес вызывает выступление главы внешнеполитического ведомства Украины на XIII рабочем совещании по военно-политическим вопросам, проходившем в июле 1996 г. в Варшаве. В своей речи Г.И. Удовенко говорил о том, что основой построения новой архитектуры европейской безопасности должны стать уже существующие в Европе международные организации, такие как ОБСЕ, НАТО, ССАС, ЕС, Совет Европы и др. Особо глава МИД Украины подчеркнул роль НАТО в этом процессе. «Деятельность НАТО на современном этапе доказала эффективность, жизнеспособность и стратегическую необходимость данной организации», – сказал Г.И. Удовенко. Что касается Совета Североатлантического сотрудничества и программы «Партнёрство ради мира», Министр иностранных дел Украины заявил, что именно эти структуры способствуют процессу объединения Европы после окончания «холодной войны» и что они уже стали неотъемлемой составной частью новой системы европейской безопасности. Г.И. Удовенко выразил убеждённость в том, что в скором времени будут найдены приемлемые модели интеграции новых демократических государств как в ЕС, так и в НАТО¹⁵.

Несомненно, огромное влияние на тональность украинских заявлений в Варшаве оказали итоги Берлинского саммита Совета НАТО, который прошёл 3–4 июня 1996 г. В итоговом коммюнике встречи говорилось о готовности Альянса «становиться всё более открытым для новых членов и продолжать развитие глубокого взаимодействия со всеми странами-партнёрами, включая дальнейшее расширение тесных взаимоотношений с Украиной и развитие стабильного и долгосрочного партнёрства с Россией»¹⁶. Причём Украина рассматривалась, как один из ключевых факторов стабильности и безопасности в Европе, а активному участию Украины в ССАС и ПРМ была дана высокая оценка. Украинским руководством данная формулировка рассматривалась не просто как перспектива вступления в НАТО, но и как признание Западом равноценности Украины и России.

В заявлении Г.И. Удовенко на встрече Совета Североатлантического сотрудничества в декабре 1996 г. прозвучало, что интенсификация взаимодействия Украины и НАТО является элементом стратегии страны на интеграцию в европейские и евро-атлантические структуры. Причём установление особого партнёрства между украинским государством и Альянсом министр иностранных дел расценил как признание важной роли Украины в системе европейской безопасности¹⁷.

Очередной шаг к углублению связей Украины и НАТО был сделан в 1997 г., когда помимо участия в деятельности по программе ПРМ за рубежом, Украина начала осуществление связанных с ней комплексных мероприятий на своей территории.

7 мая 1997 г. в Киеве открылся Центр информации и документации НАТО. При его открытии Генеральный секретарь Альянса Х. Солана заявил, что «теперь должностные лица НАТО в Киеве будут готовы удовлетворить растущий интерес к НАТО со стороны украинских граждан»¹⁸. Однако представляется, что на тот момент большая часть украинского населения не была готова принять идею о необходимости вступления в НАТО. В то же время, на политическом уровне эта идея просматривалась довольно отчётливо. Поэтому основной целью Центра стало формирование положительного образа Североатлантического Альянса посредством распространения материалов о НАТО в прессе, проведения общеукраинских и региональных мероприятий, налаживания особых контактов с различными группами населения, в том числе пре-

подавателями, студентами, военнослужащими, чиновниками и т.д. Примечательно, что Меморандумом об основании Центра информации и документации НАТО в Украине предусматривались обязательные встречи директора Центра и других его сотрудников с должностными лицами Министерства иностранных дел Украины¹⁹.

9 июля 1997 г. в Мадриде между Организацией Североатлантического договора и Украиной была подписана Хартия об особом партнёрстве. Украина подтвердила готовность к дальнейшему проведению военной реформы в направлении расширения гражданского контроля над вооружёнными силами и повышения их совместимости с силами НАТО. Также стороны подтвердили обязательства расширять и углублять взаимодействие в рамках ПРМ и других программ, договорились консультироваться по всем военно-политическим вопросам, представляющим взаимный интерес, в том числе по вопросам безопасности Украины. Основными практическими механизмами консультаций и сотрудничества между Украиной и НАТО становились встречи Совета НАТО с Украиной не реже двух раз в год и работа в рамках Комиссии Украина-НАТО²⁰.

Некоторые исследователи и политические деятели оценивают прошедший в июле 1997 г. Мадридский саммит как переломный момент в развитии отношений Украины и НАТО. По мнению тогдашнего советника президента Л.Д. Кучмы по внешней политике В.В. Фуркало, «это было признание жизненно важной роли Украины в поддержании международного мира и безопасности»²¹. Украинский политик полагал, что, отметив особую роль Украины в поддержании общеевропейской стабильности и безопасности, государства-члены НАТО не только поддержали сохранение суверенитета Украины, политической независимости, территориальной целостности и неприкосновенности её границ, но и стратегическую цель полной интеграции в европейские и евро-атлантические структуры²².

Однако практическая деятельность Североатлантического Альянса на тот период времени свидетельствует о том, что вопрос о возможности вступления Украины в НАТО в ближайшей и среднесрочной перспективе не поднимался. Кроме того, финансовая отчётность за 1994–1999 гг. показывает, что приоритетом финансирования по программе ПРМ оставались страны, которые присоединились к НАТО в 1999 г. (Польша, Венгрия и Чехия), и другие страны-партнёры по ПДЧ. В указанный период времени они получили около 70% (или 590 млн. долл.) помощи. В то же время Россия, Украина, Белоруссия и Молдова получили только 10% финансирования, что составляет приблизительно 77 млн. долл.²³

Можно согласиться с Дж. Морони, что подписание Хартии об особом партнёрстве между НАТО и Украиной через два месяца после заключения основополагающего акта НАТО-Россия отчётливо обозначило особый статус этих стран в отношениях с Альянсом²⁴. Однако, несмотря на многочисленные поощрительные заявления официальных лиц НАТО в отношении Украины, для Североатлантического Альянса эта страна, в первую очередь, оставалась буферным государством между Востоком и Западом.

Таким образом, на первом этапе развитие отношений Украины и НАТО было затруднено желанием украинского государства сохранить на своей территории ядерное оружие бывшего СССР. В 1994 г., когда Украина окончательно отказалась от приобретения статуса ядерной державы, начался новый этап в отношениях Украина-НАТО. Украинское государство присоединилось к военно-политической программе Североатлантического Альянса «Партнёрство ради мира» и, в отличие от России, стало её активным участником. С 1995 г. западный вектор во внешней политике Украины становился преобладающим, что отражалось в риторике украинских политиков. Логическим завершением поступательного развития взаимоотношений Украины и НАТО с 1995 г. по 1997 г. стало подписание Хартии об особом партнёрстве, которая, однако, не изменила по большей части декларативного стремления НАТО к сближению с Украиной и её рассмотрения как буферной зоны между Российской Федерацией и Альянсом.

Примечания:

1. Декларація про державний суверенітет України від 16 липня 1990 року № 55-XII // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1990. №31. Ст. 429.

2. Declaration on Peace and Cooperation issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council ("The Rome Declaration") on 08 Nov. 1991 // North Atlantic Treaty Organisation [site]. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-FCA9B0D3-EABE521D/natolive/official_texts_23846.htm? (дата обращения: 15.02.2010).

3. Ibid.

4. *The Alliance's comprehensive concept of arms control and disarmament adopted by the Heads of State and Government at the meeting of the North Atlantic Council on 29 May 1989 // North Atlantic Treaty Organisation [site]. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-FCA9B0D3-EABE521D/natolive/official_texts_23553.htm? (дата обращения: 15.02.2010).*

5. *Ibid.*

6. *Партнерство заради миру (Запрошення) від 10 – 11 січня 1994 року // Офіційний вісник України. 2006. №48. Ст.3231. - С. 236 – 237.*

7. *Там же.*

8. *Там же.*

9. *Украина согласилась на окончательный отказ от ядерного оружия только после предоставления ей гарантий безопасности со стороны не только России, но и западных держав (США и Великобритании), т.к. в украинских политических кругах существовало мнение, что только так Украина может обезопасить себя от возможных претензий и даже агрессии со стороны России.*

10. *Партнёрство ради мира: рамочный документ // Дипломатический вестник. №13-14. 1994. - С. 32-33.*

11. *Минеев А.В Брюсселе открылись переговоры в формате «16+1» // ИТАР-ТАСС. 1995. 14 сентября.*

12. *Івченко О.Г. Україна в системі міжнародних відносин: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1997. - С. 276.*

13. *Жеребцов Н., Петровский А., Марчук Е.: Партнёрство с НАТО не значит присоединение к ней // Интерфакс. 1995. 14 сентября.*

14. *Betz J.D. Civil-military relations in Russia and Eastern Europe. New-York, 2004. P. 44-45.*

15. *Udoenko H. European Security: A Ukrainian View // International Workshop on Global Security [site]. URL: <http://www.csd.org/96Book/Udoenko.htm> (дата обращения: 25.02.2010).*

16. *Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council on 3 June 1996 // North Atlantic Treaty Organisation [site]. URL: <http://www.nato.int/docu/comm/1996/9606-brl/9606-brl.htm> (дата обращения: 15.02.2010).*

17. *Statement by His Excellency Hennadiy Udoenko, Minister for Foreign Affairs of Ukraine, at the Meeting of the North Atlantic Co-operation Council on 11 Dec. 1996 // North Atlantic Treaty Organisation [site]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_25084.htm (дата обращения: 18.02.2010).*

18. *Speech at the Ukraine House on 7 May 1997 // North Atlantic Treaty Organisation [site]. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-840A0952-84AD5BCE/natolive/opinions_25681.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.02.2010).*

19. *Меморандум про взаєморозуміння між Урядом України та НАТО щодо заснування Центру інформації та документації НАТО в Україні від 7 травня 1997 // Офіційний вісник України. 2010. № 9. Ст. 480. С. 258 – 262.*

20. *Хартія про особливе партнерство між Україною та Організацією Північно-Атлантичного договору від 9 липня 1997 // Офіційний вісник України. 2006. № 34. Ст. 2453. - С. 203-205.*

21. *Furkalo V. NATO Enlargement and Ukraine // NATO Looks East/ ed. by Piotr Dutkiewicz and Robert J. Jackson. Westport, CT, 1998. - P. 172.*

22. *Ibid. - P. 173.*

23. *NATO, U.S. Assistance to the Partnership for Peace: United States General Accounting Office Report to Congressional Committees. 2001. July. - P. 10-11.*

24. *Moroney J.D.P., Closson S. NATO's Strategic Engagemrnt with Ukraine in Europe's Security Buffer Zone // Almost NATO: Partners and Players in Central and Eastern European Security / ed. by Charles Krupnick. Lanham, Maryland, 2003. - P. 200.*

НАФТОВА ДИПЛОМАТІЯ УКРАЇНИ В КОНТЕКСТІ ЕНЕРГЕТИЧНОЇ БЕЗПЕКИ

М.В. Рибалка

Донецький національний університет

У статті розглядається чинник нафтової дипломатії та роль енергоресурсів у сучасних міжнародних відносинах. Гострою проблемою як для країн-постачальниць, так і для країн-імпортерів силовини – є фактор енергетичної безпеки. Це призводить до більшої орієнтації та взаємозв'язку енергетики та геополітики. В статті пропонується досвід країн Європейського Союзу та альтернативні напрямки вирішення проблеми енергетичної безпеки.

Ключові слова: нафтова дипломатія, безпека енергозабезпечення, Одеса-Броди, диверсифікація, ЄАНТК.

THE OIL DIPLOMACY OF UKRAINE IN THE CONTEXT OF THE ENERGY SECURITY

M.V. Rybalka

The paper considers the factor of the oil diplomacy and the significance of energy resources in the modern international relations. The thorny issue as for the supplying countries and for the recipient countries – is the factor of the energy security. This leads to the greater orientation and interconnection of the energy and geopolitics. The experience of the European Union and the alternative directions of the solving of the problem of the energy security are suggested in the paper.

Key words: the oil diplomacy, energy security, the Odessa-Brody, The EAOTC.

Відомо, що сучасний світовий простір характеризується рядом тенденцій, серед яких однією з провідних є глобалізація. Цей незвичайний процес зачепив всі континенти і всі країни світу. Одним з наслідків об'єктивного процесу глобалізації – поступове розмивання кордонів між внутрішньою та зовнішньою політикою. Ще одним із результатів цього процесу – є підвищення ролі економічної дипломатії в міжнародних відносинах. Україна – не виняток. Вона також намагається рухатися в цьому напрямку та приймає активну участь у відносинах зі світовим співтовариством.

Для України, в цьому контексті, особливим питанням є енергетична, а саме, нафтова дипломатія. Ця тема є вельми актуальна, тому що Україна зазнає крайню потребу у паливі, продуктах нафтохімії та всього того, що отримують з нафти. Нажаль, вона не в змозі самостійно забезпечити добування та переробку їх необхідної кількості, що призводить до значиних витрат, внаслідок закупівлі нафтопродуктів у інших країнах (Росії й ближнього зарубіжжя). Звісно, це негативно позначається на економіці країни.

Основна мета цієї статті - проаналізувати роль нафтового чинника для економіки країни та дослідити вплив нафтового фактору на сучасні міжнародні відносини.

Теоретичним та методологічним фундаментом статті є праці та матеріали різних авторів. Також були використані основні документи по данній темі: Розпорядження Президента України Про розроблення Енергетичної стратегії України на період до 2030 року та дальшу перспективу, Стратегія національної безпеки України (затверджена Указом Президента України від 12 лютого 2007 року №105/2007). Важливими джерелами інформації стали роботи К.Л. Денчева, С.З. Жижніна, В.Г. Логвіненка та інших. Велику роль при написанні статті зіграли електронні ресурси, особливо сайт НАК «Нафтогаз України».

Як справедливо зазначають експерти «нафтовий чинник» вже більш ста років залишається одним з вирішальних елементів, який значно впливає на міжнародні відносини. Величезне значення енергоресурсів в світовій політиці провокує загострення як прихованого, так і відкритого протиборства між провідними державами за контроль над ними. Ситуація ускладнюється ще тим, що світові резерви нафти і газу є вкрай обмеженими, напоправними та нерівномірно розподілені по земній кулі. Незважаючи на величезні зусилля з розвідки нових родовищ, відомі запаси нафти збільшилися вельми незначно за останні десятиріччя, хоча деяким країнам, все ж таки, вдалося збільшити офіційні цифри своїх запасів. Приблизно 80% нафти зараз здобувається на родовищах, які були відкриті ще до 1973 року. Варто зазначити, що більшість з цих родовищ перебувають у стані занепаду¹.

Нафта – це найбільш розповсюджений енергетичний продукт у світовій економіці, але, разом з цим, переважна кількість країн – основних споживачів нафтопродуктів (серед них в першу чергу країни Західної Європи, Японія, США) практично або позбавлена власних нафтових родовищ, або має в своєму розпорядженні незначні припаси. Також, незважаючи на інтенсивний розвиток інтернаціональних мереж транспортування та постачання енергії у вигляді пального газу, вугілля, сланців, електрики Теплових електростанцій (ТЕС), Атомних електростанцій (АЕС) та ін., нафта залишилась майже найуніверсальнішою та гнучкою формою міжнародної торгівлі енергетичними ресурсами².

Відносно великий вплив нафтової проблеми на міжнародні відносини можна пояснити трьома основними причинами.

По-перше, всі держави світу вкрай зацікавлені в забезпеченні енергетичної безпеки. Звідси ж випливає поява деяких довгострокових союзів, які визначають становище в ключових нафтодобувних регіонах.

По-друге, на зовнішню політику значно впливає той факт, що бізнес на «чорному золоті» залишається одним з найбільш прибутковим видом підприємництва.

По-третє, нафтова промисловість має інтернаціональний характер, що веде до утворення величезних компаній. Вони діють незважаючи на кордони суверенних держав, а іноді, невраховуючи політичні протиріччя між ними.

Держави, які володіють надлишковими енергоресурсами, мають можливість зміцнювати могутність за рахунок коштів, які надходять від продажу ресурсів, і використовувати політико-економічний вплив, що зумовлений енергетичним фактором. Ті країни, які позбавлені ресурсного потенціалу, залежать від рівня світових цін на енергоресурси. Вони змушені враховувати й загрозу ембарго країн-експортерів. Енергетика безпосередньо впливає на політику держав, які надають транспортні коридори для експорту. Транзитні країни отримали можливість не тільки забезпечувати собі додаткові бюджетні надходження, але й впливати на споживачів та виробників сировини.

Україна посідає четверте місце в Європі за запасами нафти, але за рівнем здобування значно поступається країнам, які мають таку ж саму кількість запасів. Сьогодні потреба України у власному добуванні нафти задовольняється лише на 12%³. Занепад рівня добування вуглеводнів значною мірою пов'язан з вичерпанням середніх та великих родовищ. Кризовий стан енергоносіїв – є прямим наслідком не виправдано прискореного добування вуглеводневої сировини з легкодоступних родовищ України за останні 25-30 років. Їх інтенсивна експлуатація призвела до значних втрат сировини в надрах й до передчасного вичерпування нафтогазових запасів⁴.

Російсько-українське співробітництво в енергетичній галузі формувалося протягом тривалого часу. Цьому сприяли інтенсивні торговельні відносини між двома країнами, які не припинялися протягом століть. У радянській період була сформована у загальних рисах інфраструктура енергетичної взаємодії: опановане добування енергоресурсів, прокладена мережа трубопроводів, яка поєднала українських та європейських споживачів з джерелами сировини. Тоді ж була напрацьована договірно-правова база постачання, яка багато в чому зберігає своє значення й дотепер.

В радянські часи економіки України та Росії являли собою частини єдиного народно-господарського комплексу Союзу Радянських Соціалістичних Республік (СРСР). До 1991 року Радянський Союз володів найбільшою в світі базою з добування, переробки й транспортування енергоносіїв. Добуті ресурси задовольняли потреби всіх 15 союзних республік, соцкраїн Східної Європи й частково західноєвропейські країни⁵.

Розпад СРСР зруйнував єдиний енергетичний простір. Нові держави, які утворилися на місці колишнього СРСР, успадкували окремі частини єдиного енергетичного комплексу.

З іншого боку, Україна отримала нові можливості для реалізації власних національних інтересів у мінливому та суперечному глобальному просторі. В таких умовах подальший сталий розвиток і захист найвагоміших здобутків України потребував чіткої визначеності держави у стратегічних пріоритетах і цілях, які мали б відповідати викликам і загрозам ХХІ століття, її взаємодії з сучасними системами міжнародної і регіональної безпеки.

Все це безпосередньо стосується і такої стратегічно важливої галузі як енергетика. Енергетична безпека є найважливішою складовою національної безпеки держави.

Сучасний етап розвитку характеризується значним загостренням загроз енергетичній безпеці. При чому вони, в переважній більшості, мають глобальний характер. В таких умовах, без врахування політики та систем забезпечення енергетичної безпеки країн-постачальників, транзитерів та споживачів енергоресурсів забезпечити енергетичну безпеку держави самотужки неможливо.

Енергетична безпека держави визначається можливостями останньої гарантовано забезпечувати свої поточні і перспективні потреби у якісній та економічно доступній енергії з урахуванням імовірності особливих режимів функціонування економіки у надзвичайних ситуаціях.

Очевидно, що для країн з розвинутою промисловістю, до яких належить й Україна, в сучасних умовах для забезпечення економічного зростання необхідний випереджальний розвиток енергетичного та транспортного комплексів. Індустріальне суспільство потребує дедалі більше енергії. Від гарантованого забезпечення суспільних потреб в енергетичних ресурсах залежить функціонування усіх елементів життєзабезпечення країни. Саме тому енергетична безпека є однією з найважливіших складових економічної безпеки будь-якої держави⁶.

На енергетичну безпеку України значною мірою впливають і зовнішні фактори, що сьогодні поступово перетворюються на чинники геополітичної стратегії держави. Більшість

промислових країн світу є імпортерами енергоносіїв і намагаються максимально раціонально урізноманітнити джерела поставок енергоносіїв.

Забезпечення ефективного, надійного та екологічно безпечного енергопостачання за цінами, які відображають фундаментальні принципи ринкової економіки, є головним завданням для всіх країн та всього людства.

Для виконання цього завдання необхідно вирішити наступні взаємопов'язані проблеми:

- зростаючого попиту на енергоресурси, в першу чергу нафту та газ, запаси яких є досить обмеженими;
- зростаючої залежності переважної більшості країн світу від імпорту головних паливно-енергетичних ресурсів;
- потреби в надвеликих інвестиційних коштах для усіх ланцюгів енерговиробництва;
- енергозабезпечення в умовах високих та нестійких цін на нафту та пов'язані з ними ціни природного газу;
- захисту оточуючого навколишнього середовища від техногенного впливу енерговиробництва та боротьби з глобальними кліматичними змінами;
- вразливості життєво важливої енергетичної інфраструктури від терористичних нападів;
- політичної нестабільності в регіонах видобутку енергоресурсів, природних катаклізмів тощо⁷.

Через глобальний характер цих проблем та зростаючий взаємозв'язок між країнами-виробниками, транзитерами та державами-споживачами енергоресурсів необхідно розвивати партнерські відносини між усіма зацікавленими сторонами з метою поліпшення глобальної енергетичної безпеки.

Існують наступні головні напрямки для вирішення цієї проблеми:

- підвищення прозорості, передбачуваності та стабільності глобальних енергетичних ринків;
- поліпшення інвестиційного клімату в енергетичному секторі;
- підвищення енергоефективності та енергозбереження;
- диверсифікація видів енергії;
- забезпечення фізичної безпеки життєво важливої енергетичної інфраструктури;
- скорочення масштабів енергетичної бідності (забезпечення прийняттого доступу до енергоресурсів);
- вирішення проблем зміни клімату та сталого розвитку⁸.

Доцільність таких стратегічних намірів є логічною. В той же час шляхи їх реалізації викликають певні розбіжності та суперечки.

Розглянемо досвід країн Європейського Союзу (ЄС). Країни ЄС, маючи значний рівень енергетичної залежності (приблизно 50%), в повній мірі відчують нові енергетичні реалії, що знайшло своє відображення в новій Зеленій книзі «Європейській стратегії сталої, конкурентоспроможної та безпечної енергетики»⁹. В ній визначені дискусійні питання та запропоновані можливі дії на Європейському рівні, зазначається, що незважаючи на пріоритетність національних інтересів, залишається необхідність спільних дій, що в світі глобальної взаємозалежності енергетична політика окремих держав повинна проводитися в рамках загального Європейського простору.

Така загальна енергетична політика Європи повинна мати три головні цілі:

- **сталість**: передбачає переважну розробку конкурентоспроможних джерел енергії з низьким вмістом вуглецю, особливо альтернативного транспортного пального, регулювання енергоспоживання Європи, призупинення негативних змін клімату та поліпшення якості повітря;
- **конкурентоспроможність**: відкриття енергетичних ринків повинно бути вигідним як для споживачів, так і всієї економіки в цілому, та таким що сприяє інвестуванню в чисте виробництво енергії та підвищенню рівня енергоефективності;
- **безпека енергозабезпечення**: вирішення проблеми зростаючої залежності країн ЄС від імпортованих енергоносіїв передбачає використання комплексного підходу – зниження

попиту, диверсифікація структури енергетики ЄС зі збільшенням використання конкурентоспроможних локальних та поновлюваних джерел енергії (диверсифікація видів палива), а також диверсифікації джерел та шляхів постачання імпортованих енергоносіїв, створенню бази, яка буде сприяти залученню інвестицій для задоволення зростаючого попиту на енергоносії¹⁰.

Для досягнення таких цілей безумовно важливо мати загальну схему стратегічного обзору енергетики ЄС та визначити для всіх країн єдину стратегічну ціль, яка б збалансувала і вимоги сталого розвитку та використання енергії, конкурентоспроможність та безпеку енергозабезпечення, як то – забезпечення створення мінімально необхідного рівня загальної інфраструктури ЄС за рахунок використання надійних енергозберігаючих джерел та джерел енергії з мінімальними викидами вуглецю.

Стосовно шляхів транспортування енергоносіїв чіткий наголос зроблено, зокрема, на Чорноморському регіоні, а також країнах, які відіграють важливе транзитне значення, і з-поміж цих країн фігурує Україна, Болгарія, Румунія, Туреччина як важливі транзитні ланки для транспортування енергоносіїв до країн Європейського союзу.

Можна сказати, що проект Одеса-Броди з його продовженням на Гданськ вписується в стратегію Європейського союзу щодо безпеки енергопостачання. Цей проект реалізується зараз відповідно до стандартів, які прийняті в ЄС, і має добрі шанси на свій подальший розвиток.

Україна визначила принцип диверсифікації як один з базових на шляху досягнення енергетичної незалежності ще в 1991 році. Так з'явилась ідея створення нової нафтотранспортної інфраструктури, те, що ми називаємо сьогодні проект Євразійського нафтотранспортного коридору (ЄАНТК). Україна, реалізуючи проект, виходить з філософії нового мислення - зробити трубопроводи не механізмом узалежнення, а навпаки, механізмом, що, породжує додаткові можливості, зменшує залежність від поставок з одного джерела, сприяє більшій політичній свободі держави у виборі своїх пріоритетів розвитку, взаємовигідній міжнародній кооперації.

Проект ЄАНТК покликаний сполучити регіон нафтовидобутку (Каспій) з регіоном споживання нафти (Європою). Мета створення ЄАНТК – це максимальне використання транзитного потенціалу держави для залучення нових потоків легкої малосірчаної каспійської нафти, що прямують на ринок Європи, через територію України¹¹.

У рамках розвитку та практичної реалізації проекту ЄАНТК здійснюється спільна робота з консалтинговою компанією «PricewaterhouseCoopers» (Прайс-Вотерхаус Куперс) щодо комерціалізації проекту ЄАНТК та подальшого розгортання взаємодії з партнерами і урядовими структурами Республіки Польща, Чеської Республіки, Словаччини, ФРН тощо¹².

Таким чином, завдяки надзвичайним зусиллям України та її партнерів проект ЄАНТК набув реального євроінтеграційного потенціалу. Відтак, за подібних обставин, від української сторони необхідно збереження сприятливих умов для подальшого розвитку проекту.

Отже, країнам ЄС потрібно терміново приступити до практичної реалізації єдиної енергетичної політики. В першу чергу необхідно дотримуватись ідей «культури енергетичної солідарності» - спільних дій щодо реагування на загрози енергетичній безпеці.

Сучасне людство живе у вуглеводневій ері. Нафтова галузь є найголовнішою в світовій економіці. Місце України на світовому ринку вуглеводнів визначається такими чинниками:

- Україна є енергозалежною державою;
- завдяки геостратегічному положенню Україна є своєрідним енергетичним мостом між багатими нафтогазоносними провінціями Росії та Каспійського регіону і Західною й Центральною Європою як споживачами російських та центральноазіатських енергоресурсів;
- ефективне використання Україною свого енерготранзитного потенціалу при встановленні взаємовигідних стосунків з постачальниками і споживачами вуглеводнів є єдиною можливістю для неї посісти одне із помітних місць на євразійському енергетичному ринку.

Треба усвідомлювати, що поняття енергетичної безпеки є однією з найважливіших складових національної безпеки, а тому пошуки варіантів розв'язання цієї проблеми повинні бути реалізовані за всяких умов.

Тому курс Росії щодо України має будуватися на засадах безумовної поваги до її суверенітету і бути спрямованим не на поглинання однією державою іншої, а на максимальне можливе зближення на рівні стратегічного партнерства.

Загальний висновок, який можна зробити – це те, що національна енергетична безпека України повинна бути спрямована на розвиток співробітництва в галузі енергетичної безпеки і з країнами близького (у першу чергу з Росією), і далекого зарубіжжя.

Ми маємо виступити активним учасником розробки концепції та стратегії колективної енергетичної безпеки світу, Європи, нашого регіону. Подібні системи збільшують взаємозалежність країн, а, отже, підвищують передбачуваність та знижують ризики в галузі міжнародних відносин. Тому країни транзиту та країни-споживачі мають створити потужне міжнародне співтовариство (лобі) для забезпечення політичної, дипломатичної, військової, економічної підтримки цього процесу. Цілеспрямована й послідовна робота України у цьому напрямку забезпечить її нове позиціонування у світі, дозволить реально посісти помітне місце у європейському та світовому контексті.

Примітки:

1. Гриб Н.С. Газовый император. Россия и новый миропорядок. М.: Коммерсант, 2009. - 288 с.
2. Зеленая книга «Европейская стратегия устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики», Брюссель, 08.03.2006 г., COM (2006) 105 окончательная редакция // <http://www.delukr.ec.europa.eu/page947.html>
3. Гриб Н.С. Указ. соч.
4. Денчев К. Нефтегазовый фактор в международных отношениях // *Полития*. 1999. №3(13) - С. 130.
5. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия: Учебное пособие. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. - 189 с.
6. Енергетичні відносини України з країнами СНД: соціально-політичний та економічний аспекти: монографія/ В.І. Логвіненко, В.М. Гончаров, А.З. Шайхатдінов та ін. Донецьк: 2008. - 198 с.
7. Сокоп В. Какова роль Черноморского региона в энергетической стратегии Европейского Союза?, «Eurasia Daily Monitor» // <http://dialogs.org.ua/>
8. Там же.
9. Зеленая книга «Европейская стратегия устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики», Брюссель, 08.03.2006 г., COM (2006) 105 окончательная редакция // <http://www.delukr.ec.europa.eu/page947.html>
10. Конопляник А.А. Каспийская нефть на евразийском перекрестке. Предварительный анализ. Экономические перспективы. М., 1998. - 345 с.
11. Там же.
12. Belyi A. New Dimensions of Energy Security of the Enlarging EU // *Journal for European Integration*. 2003. №25. - С. 326-351.

СТЕРЕОТИПИ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКОГО ПОРУБІЖЖЯ І ТРАНСФОРМАЦІЯ ЖІНОЧИХ СВІТОГЛЯДНИХ ЦІННОСТЕЙ

М.П. Чумак

Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна

У статті розглядаються зміни соціально-психологічної орієнтації жінок, які мешкають у регіоні України, що межує з Росією, зокрема, у Нововодолазькому та інших районах Харківщини. Розвідка базується на польових дослідженнях, переважно самого автора. Звертається увага на трансформацію семантичної пари «свій-чужий», на соціальні ролі селянок, жінок і дівчат з гончарського осередку під час війни (випробування остарбайтерів, збереження ними національної самоідентифікації), також жіночі моральні орієнтири в період становлення ринкових відносин на межі ХХ-ХХІ ст.

Ключові слова: стереотипи, порубіжжя, жіноче світосприйняття, гончарські родини

STEREOTYPES UKRAINIAN-RUSSIAN BORDER LINE AND TRANSFORMATION OF WOMANISH WORLD VIEW VALUES

M.P. Chumak

V.N. Karasin Kharkov National University

The changes of social-psychological orientation of women, which live in the region of Ukraine which abuts upon Russia, are examined in the article, in particular, in Novovodolaz'komu and other districts of Kharkiv region. Secret service is based on the field researches, mainly author. Attention applies on transformation of semantic pair "it-stranger", on the social roles of peasants, women and girls from a potter cell in the war-time, on womanish moral orientation in the period of becoming of market relations on verge of ages.

Key words: stereotypes, border line, womanish perception of the world, potter families.

Дослідження регіональної етнографії в Російській імперії ХІХ ст. мало локальний характер, зводилося до ініціатив ентузіастів чи фрагментарних університетських проєктів. Вони

активізувалися після 1917 р., в цей період Слобожанщині велику увагу приділяють Д. Багалій, М. Сумцов, але процес було перервано у 1930-ті рр. Як зазначає В. Борисенко, більшість дослідників-етнографів, які вижили після репресій, вже не поверталися до етнографічних досліджень, а займалися суміжними гуманітарними науками¹

Ще в 1926 р. 92% українців були селянами. Звичайно, вже ця “соціологічна” селянкість відбилася на вдачі українців. Для всіх хліборобських народів у центрі уваги стоїть матір. Землягодувальниця набирає рис матері, а мати рис землі²

Після Другої світової війни Україна і Росія як радянські республіки були подібними у своїх соціальних структурах. Україна великою мірою зіндустріалізувалася і зурбанізувалася, тому не слід українців надалі вважати селянською нацією.

В Україні XXI ст. можуть існувати регіони аграрні чи промислового типу, що розвиваються на виробничо-економічній основі. Не узаконюються регіони за етнонаціональним, іншомовним, культурно-освітнім принципами: це – шлях до деформації, внутрішнього антагонізму й розпаду.

Регіональність фіксується у вигляді певних соціально-економічних, політичних, культурних уявлень, а також у вигляді потреб та інтересів даної території. Регіональність як об’єктивний феномен є невід’ємним атрибутом будь-якої держави. Однак регіоналізм як складний соціально-політичний феномен виникає лише за певних умов, а саме в ті періоди, коли в суспільстві актуалізуються суперечності між територіями та центром, або ж між окремими територіями, або ж між тими й іншими разом³

Оглянута нами література дає можливість зробити висновок, що даній проблемі дослідники не приділяли належної уваги, зосереджуючи свої студії на континентальних конфліктах і масштабних трагедіях спільної історії, у яких жінки хоч і брали активну роль, але не на ключових позиціях. Епоха глобалізації характеризується новітнім міфотворенням, що рухається згори вниз – від владних структур до електорату, а також у зворотному напрямку – від найпростіших і навіть упосліджених членів суспільства до фінансової і політичної еліти. У цьому контексті жіноча свідомість переживає зміни. Перетворення “філософії ворожнечі” на “філософію взаємної зацікавленості” – найбільша вимога співіснування народів-сусідів, і жінки – успішні парламентарі у цій справі сьогоденності.

Вони накопичують не тільки вміння і навички, що виникли у результаті трудової діяльності, а й, в першу чергу, традиції роду, обряди, особливості народного костюму та інших об’єктів матеріальної спадщини. Йдеться про єдність духовного світу людини зі сферою її господарсько-виробничих занять. Такий методологічний принцип дає можливість простежити походження українського народу у безперервному розвитку.

Одним із центрів нашого дослідження є колишня козацька слобода Нова Водолага на Харківщині. Козацька минувшина багато в чому визначила рівень національної свідомості й місцевого патріотизму, своєрідність побуту зі збереженням традицій (від народних ремесел до міжетнічних взаємин). Можна робити висновок, що населені пункти, де активно розвивалися народні промисли, до яких залучалися всі члени родини, мали дещо інші світоглядні цінності, аніж села з домінуванням землеробства чи повітові містечка, орієнтовані на дрібне заробітчання або й відтік робочої сили до міста, де розвивалося фабрично-заводське виробництво, активно працювала залізниця. Нова Водолага заснована у XVII ст. на старому Муравському шляху, який тягнувся через українські землі з півдня на північ, приводив купців аж до Тули.

Експедиції українських етнологів і фольклористів, які влаштовувалися на Слобожанщині наприкінці XX ст., носили назву “Муравський шлях”. Нова Водолага також входила до об’єктів обстеження, хоча акцент був на обрядах та їхній трансформації в нових умовах. У збірниках “Муравський шлях” знайшли місце і регіональні особливості гончарства у колишніх козацьких слободах, заснованих уздовж цього шляху.

У 2001-2004 рр. Інститут керамології (створений і функціонує в Опішному Полтавської області) проводив експедиції в гончарських центрах Харківщини, а також Луганської, Сумської і Донецької областей. У Харківській області дослідженнями охопили селище Нову Водолагу, міста Валки, Ізюм, Зміїв і Барвінкове. Але етнографи з Полтавщини, як і учасники експедиції “Муравський шлях”, більше уваги звернули на виробничі тонкощі ремесла, асортимент товарів, розпис і призначення посуду, регіон збуту. Тому автором цієї статті також здійснені самостійні обстеження гончарських родин смт Нової Водолаги, колись найбільшого осередку гончарства на Харківщині. Нині – це місце зниклого ремесла (жоден майстер не передав своєї справи у спадок синам, у багатьох були тільки доньки та онучки). Та й соціальної запотребованості ку-

старше гончарське виробництво наприкінці ХХст. уже не мало. Нами більше уваги приділялося побутовим особливостям і традиціям у таких родинах. Було з'ясовано, що в сімействах гончарів Килипків, Бондаренків, Тиндиків, Хрустів та інш. дружини, дочки та онуки допомагали місити глину, розписувати, виготовляти свистуни, брали участь реалізації готової продукції.

Жіноче населення згаданого селища тільки у другій половині ХХ ст., після двох світових війн, почало переважати над чоловічим, що теж зумовило демографічні зсуви, моральні втрати, існування неповних родин, більше занепокоєних фінансовими проблемами, аніж духовним вихованням сина чи доньки. Втім, старше покоління ще зберігає у пам'яті не тільки прикмети і забобони, а й усталені віками традиції хрестин, весілля, похорону.

На окраїнах національної території традиційно-побутова звичасвість і усна поетична творчість утримуються набагато стійкіше, аніж в центральних областях⁴

Певна українність, існування на межі українського і російського соціуму притаманна і Нововодолазькому району, який ми досліджуємо. Слід говорити про окремий жіночий тип буття і, відповідно, жіночу картину світу, виключність якої пов'язана із особливостями жіночого ества. Жінка була причетною до постійного набору трудових операцій, в основі яких лежали архетипові зразки (прядіння, снування, ткання як етапи "творення світу"). Відповідно, вироблялося певне бачення світу з точки зору "господарки" землі, "низу", у владі якої був контроль над внутрішнім, та вплив на зовнішній світи⁵.

На Слобожанщині побутує багато прислів'їв, які ілюструють психологічні нюанси повсякденного життя, що базується на постійних дрібних хабарах і послугах заради власної вигоди: "Рука руку мие", "Не помажеш – не поїдеш", "Суха ложка рота дере", "Спасибі" на хліб не намажеш", "Спасибі" – багато, за так малувато" (зап. 18.06.2004 р. від Ніни Степанівни Мироненко, 1935 р. н., смт Нова Водолага Харківської обл.). Матеріальні статки важили не менше, ніж елементарний спокій для людини, яка навоювалася й нагорювалася. Про бідного казали: "Ні плужка, ні стіжка, ще й корову з'їли", а заможність викликала бажання ті статки примножити й для себе: "Багата жона, шо бочка пшона: бери та досипай" (зап. 20.06.2004 р. від Івана Полікарповича Лихобаби, 1939 р. н., смт Нова Водолага Харківської обл.).

Війна – глобальне втручання у жіночий світ. Тільки з одного селища Харківської області – Нової Водолаги до Німеччини було вивезено 1022 особи, переважно дівчат і молодих жінок⁶.

У Новій Водолазі на Пацикні майже в кожному дворі були дівчата – всіх старших дочок позабирали до Німеччини. Не всі повернулися додому, дехто залишився в Західній Європі, наприклад, Віра Кривич жила у Франції. Родину Кривичів досі по-вуличному називають "Сірники": матір і сестри у війну продавали сірники, коли все було дефіцитом. Кажуть: "Баба Сірничка", "Сірникова Верка з Франції приїхала".

Остарбайтерки Слобожанщини народжували позашлюбних дітей. Про долю однієї з таких молодих жінок розповів син, Віктор Іванович Пушкар: "Матушка моя із села Пушкарі Сумської області. Сиротою в 33-ому осталась, потом її в 43-у в Німеччину забрали. Їх троє у бауера робило – полька, хлопець із Західної України і матушка моя. Вставали всі в 4 утра – і хазяєва, і работніки. Матушка моя красива була, розказувала, хазяїн їй казав, щоб аборт зробила, в нього ж сім'я, діти, а вона не захотіла. Чи любила його? Він сам її одвіз на поїзді в больницу рожати" (зап. 03.03.2009 р. від Віктора Івановича Пушкаря, 1945 р. н., члена Харківського товариства німців "Відергебург").

Дуже рідко розповідають подібні історії жінки, ще рідше зустрічаються разом. 4 жовтня 1998 р. у Новій Водолазі відбулася зустріч колишніх жінок-остарбайтерів, які мешкали на ту пору в селищі. До них приєдналася і землячка Любов Пилипівна Красовська, вдова італійця. Він врятував її під час бомбардування на німецькій фабриці, де вони працювали в 1944-1945 рр., після перемоги вони одружилися. Дітей назвали Маріо і Ніколо (щоб ближче до Миколи). Деякий час вони жили і працювали в Радянському Союзі. Чоловік помер. Згідно із заповітом його прах поховано в Італії. Любов Пилипівна мешкає в Харкові. Історія Л. П. Красовської – швидше щасливий виняток. Родинні пари склалися з французами, італійцями, поляками, але дуже рідко. Л. П. Красовська, педагог за освітою, підготувала машинопис до зустрічі подруг-остарбайтерів у Новій Водолазі і подарувала їм копії на згадку. Одна з копій зберігається у авторки цієї статті.

"Серед полонянок були талановиті дівчата з України, Росії, дехто навіть вчився у консерваторії. Обував остарбайтерів концерт, з яким до нас приїхали емігранти. Мабуть, росіяни, бо співали кабацьких старих пісеньок. Тому попросили начальство фабрики, на якій працюва-

ли, влаштувати власний концерт. На нього поприходили німці родинами, хоча щодня до того називали свиньми, били по обличчях.

Вирішили дівчата пошити й костюми. Мішки з-під пороху замочували в лісі в калюжах, обдирали гумовий шар, під яким був білий штапель. З нього й пошили сорочки, вишили їх. Стали на сцені, наче ми капела “Думка”. І першу пісню виконали “Повій, вітре, на Україну” та й завилися слізьми. З росіянками вивчили “Сижу за решеткой в темнице сырой”, а перекладачку-польку піддурили, мовляв, Пушкін – дворянський поет, оспівує смуток закоханого, який дивиться у вікно. Я читала Лесю Українку: “Ні, я буду крізь сльози сміятись...” Ми довели, що у нас є своя культура, свої звичаї”.

Автор розвідки не обмежується матеріалами Харківщини, звертається і до свідчень жіноцтва інших областей України, щоб переконатися у змінах в українсько-російських взаєминах. Нами зафіксовано розповідь, що ілюструє зміни у ставленні українок до шлюбу: “В нас був такий випадок в одних людей, що дівочка до армії зустрічалася з хлопцем, а потім він пішов в армію, а вона поїхала в Москву до своїх родичів. А потім він прийшов з армії, вона ж вернулася до його. А бабуся її й каже: “Надю, а що ж оце мінять, переїждять з Москви в Губське?” (це сусіднє в нас село). А вона: “Бабусю, а що ж, друга мінять на Москву?!” (зап. 22.06.2007 р. від Любові Василівни Сидоренко, 1932р. н., с. Тарандинці, Лубенський р-н Полтавська обл.).

Гордість – одна із споконвічних рис слобожанок. У ліричній пісні хлопець дорікає: “Ти дівчино-гордівчино, гордуєш ти мною. Буде твоє гордування все перед тобою” (зап. 28.06.1979 р. (запис І. Д. Мироненко) від Катерини Трохимівни Жерлової, 1913 р. н. Інформант переїхала до Нової Водолаги з Белгородської обл., с. Мазикіного. Все, що розповідала або сама співала, або від подруг чула. У селі на території Росії знали багато українських народних пісень).

Нові економічні умови ХХІ ст. диктують жінкам соціальні ролі, що передбачають заробітки ремісничою працею далеко від рідного дому. На міжнародному фестивалі “Країна мрій-2009” 27.06.2009р. авторка статті записала розповідь килимарниці з м. Кіровограда Олександри Іванівни Пренко, яка виготовляє килимових ляльок та крихітні тканині обереги у вигляді ангелочків та жіночих фігурок. Ще далі – аж до Індії з Дніпропетровська вибирається зі своїми глиняними оберегами (браслетами, намистом, надбрівниками) кераміст Олена Іванівна Біла, запис розмови з якою було зроблено 21.06.2008 р. у Пироговому на Дні гончара. Там же вдалося поспілкуватися з кримською татаркою Веляді Юсупівною Скібіною. Вона приїхала з м. Сімферополя з керамікою свого сина Рустема. Народилася на шахтах за Уралом, жила в Узбекистані, бо туди депортували її рідних в 1944 р.

“В течении двух-трех часов они собирались. Она была в гостях, ее мама еще где-то. И они потом в Узбекистан в разные места попали. У мамы маленькая дочь, полугодовалая умерла, сестра. Очень тяжело, тиф был сильный. Рушник ее сохранился. Когда выезжали, кое-кто что-то вывез, кто что успел. По этим узорам восстанавливали, в основном вышивка. Основная тематика у него – настенные декоративные блюда. Там народная символика. Гранат – это семья, благополучие. Розы – это женское начало. Ветка – семья, продолжение рода”.

Щоб утриматися на сучасному ринку, майстрині з нечисленних підприємств, що працюють із глиною, змушені не механічно повторювати зразки предків, а не боятися експериментів. Після впровадження у виробництво на Васильківському керамічному заводі Київської області розробленого Ніною Федоровою рецепту червоної глазурі (першого в Україні), почався пошук відновлюючих полив, що тоном нагадують золоту парчу⁷.

Як бачимо, традиційні ролі майстринь у нові часи змушують жінок швидше адаптуватися не просто до вимог ринкової конкуренції, а й пропонувати споживачам певною мірою трансформовані й адаптовані вироби (обереги-єврики Олександри Пренко, що притягують гроші, лікувальні браслети з білої глини Олени Білої та інш.).

Існує поняття широкого історичного балансу, вимірюваного не тільки категоріями окремих фактів, але й тривалими, багатограними процесами. В цьому контексті особливої уваги потребує подолання формованих роками стереотипів сприйняття не просто окремих регіонів в межах однієї держави, а й стереотипів, уявлень про мешканців порубіжних зон. В нашому випадку йдеться про українсько-російські упередження Слобожанщини, а саме соціально-психологічні ярлики і штампи, глибоко вкорінені у побут, освіту, вищі ешелони влади України та Росії, Харківської і Белгородської областей.

Звернімося спершу до прикладів. Характерною рисою етнічної історії Харківської області та сусідніх Сумської, Луганської, а в Росії – Белгородської, Воронезької, Курської областей, розташованих в межах українсько-російської етноконтактної зони, є складна багатопла-

новість етнокультурного розвитку, обумовлена значною мірою тривалими міграційними переміщеннями населення в ці райони.

Переселенці були неоднорідними за своїм етнічним і соціально-становим походженням, що вплинуло на формування особливостей традиційно-побутової культури даного краю.

Порубіжжя вирізняється багатоманіттям духовної і матеріальної культури, інтенсивним пошуком виробничих ролей і занять, трансформацією професій і ремесел, усталених для територій, що знаходяться ближче до центру держави. Упродовж століть прикордонні райони накопичують не тільки позитивний, а й негативний досвід спілкування із сусідами. У таких зонах швидше поширюється вплив міста на сільський побут. Л. Чижикова наводить приклад про дрібних ремісників, які працювали і в українських, і в російських селах порубіжжя. Все це вело до етнокультурного зближення представників різних народів. Розвиток капіталізму сприяв руйнуванню замкнутості побуту, нівелюванню багатьох культурно-побутових особливостей⁸.

На протиставленні "свій-чужий" базується чимало слобожанських народних пісень. Вдома в автора дослідження зберігається зошит фольклорних записів, зроблених Мироненко Іриною Дмитрівною, тоді студенткою Харківського державного університету. В українській народній пісні одруження з іншою дівчиною для покинутої нареченої ототожнювалося зі смертю.

"Ти засватаєш чужую, а я сделаюсь больна.

А ти сядеш та й поїдеш – мене візьмуть, понесуть.

На тебе вінці одінуть, а на мене свічі зажгуть.

Тобі музика на время, а мне певча навсегда.

Тебе будут поздравляти з нареченою женой,

А мне молодой разнешасной пропоят вечный покой."

(зап. 06.06.1979 р. від Мотрони Григорівни Юрченко, 1895 р. н., с. Безруки Дергачівського р-ну Харківської обл.).

Свої наречені кращі, навіть якщо й бідні – запевняє лірична пісня, записана Мироненко І.Д. в червні 1979 р. в Новій Водолазі від Мотрони Іванівни, Бережної 1904 р. н.:

"Ламала-ламала зелену лозу, // бросала-вкидала в бистру ріку.

Бросала-кидала під ті ворота.//“Ой вийди ж, дівчино, моя сирота”.

"Не смійся, козаче, що я сирота. // Якби ти посватав, то я б не пішла”.

"Не бійся, дівчино, сватать не прийду, // поїду в Росію, багатшу знайду”. Проїхав Росію ще й три города. // Не знайшов я кращу, як ти, сирота.

Вернувся назад під ті ворота. // “Ой вийди, дівчино, моя сирота”.

Ой вийшла дівчина засмученая. // По личеньку видно, зарученая.

Ше вчора звечора косу розплела. // Ше вчора звечора рушнички дала”.

(зап. 08.06.1979 р. від Мотрони Іванівни Бережної 1904 р. н., смт Нова Водолага).

Шукали на Слобожанщині до пари рівню, подібну до себе іноді й зовнішньо.

"І в тебе і в мене карії очі, // ходімо до попа темної ночі.

Ой що ж він нам скаже? // Біленьким рушничком рученьки зв'яже” (зап. 06.06.1979 р. від Мотрони Григорівни Юрченко, 1895 р. н., с. Безруки Дергачівського р-ну Харківської обл.).

Радянська дійсність культивувала міф про винятково дружнє співіснування націй в СРСР, але експедиційні записи засвідчують використання в побуті, дитячих вуличних іграх образливих і принизливих назв українців та росіян: "Курка не скотина, кацап не людина" (варіант: "Куриця не птиця, канап не чоловік"), діти між собою дражнилися: "Ішов хахол, насрав на пол, ішов канап, зубами цап". Можна навіть було почути категоричне: "За важке не берися, з кацапом не водися" (зап. 13.02.2009 р. від Миколи Степановича Водолажченка, 1946 р. н., смт Нова Водолага). Побутування таких соціальних негативних штампів обумовлене і тим, що неподалік від згаданого селища в межах українського адміністративного району розташовані російськомовні села Старовірівка, Охоче, Мелихівка, Кленове.

При згадках про ці села інформанти різного віку найчастіше пригадують випадки з різноманітних гулянок і весіль, де яскраво розкриваються психологія, характери і стереотипи поведінки їхніх учасників. Російське весілля, за уявленнями нововодолажчан, не обходиться без бійки: "Були ми на свадьбі у Охочому, а там один і каже, як у них заведено: пейте, гуляйте, гості дорогіє, а я пойду на щот дракі похлопочу" (зап. 25.03.2008 р. від Ніни Степанівни Мироненко, 1935 р. н., смт Нова Водолага). "Ідуть капаці із свадьби возом додому, п'яні всі і співають: і наелісь, напіліся... А один кацап ногу звісив і вона в колесо попала, а він кричить: нага в калес'ї. П'яні думають, шо то так пісня продовжається, та й собі кричать: і наелісь, напіліся, і

нагавкалісі” (зап. 16.10.2007 р. від Дмитра Йосиповича Мироненка, 1936 р. н., смт Нова Водолага).

Протиставлення “свій-чужий” з негативним забарвленням образів чужинців притаманне і Західній Європі, зокрема, польсько-німецькому порубіжжю. Німці-загарбники зафіксувалися від часів Другої світової війни у пам’яті старших поколінь українців як ненажери, та й розповіді молодших, які побували у сучасній ФРН, про тамтешню звичку до великих порцій нашттовхують на думку, що стереотип сприйняття іншої нації через їжу – один із найтривкіших. У поляків побуває приказка, можливо, викликана близьким німецьким сусідством: “Не довіряй людям, які мало їдять. То або зловмисники або заздрісники”⁹.

Руйнуванню стереотипів сприяють численні культурні заходи, які влаштовують в Україні і Росії. Жінки переважають серед учасників етнофестивалів, активніше беруть участь у культурних програмах щорічного Великого Слобожанського ярмарку в Харкові, а також Курсько-Коренського на Курщині.

Практично збереження духовних традицій та регіональних ознак від стихійного і напівлєгального існування в бездержавний період України переходило у площину національної ідеології, просвітницької роботи, тобто вже не нагадувало стихію, міфологізовану й героїзовану, а все більше приваблювало до себе жіночу аудиторію.

Перспективність роботи полягає в тому, що Харківською спілкою етнологів вже здійснювалося кілька експедицій селами Белгородської області, в яких іще збереглися рудименти українських традицій, але вони не зосереджувалися на такому понятті як стереотип сприйняття представників народу-сусіда – українцями – росіян і навпаки.

Отже, українські і російські жінки порубіжних регіонів періодично стикаються з новими викликами часу, долають стереотипи сприйняття їхньої ролі чоловічим світом і самі творять не тільки матеріальні цінності, а й передають нащадкам хоч і трансформовані, але вцілілі традиції.

Примітки:

1. Борисенко В. *Нариси з історії української етнології 1920-1930 років*. Київ: Унісерв, 2000. – С. 67.
2. Янів Володимир. *Українська етнопсихологія і наш національний виховний ідеал // Народна творчість та етнографія*. 1998. №5-6. – С. 80.
3. Шульга М.О. *Проблеми формування державної регіональної політики // Регіональна політика України: концептуальні засади, історія, перспективи. Міжнародна науково-практична конференція. Київ: Держкомунполіграфпідприємство “Тираж”, 1995. – С. 5.*
4. Курочкін О. *Українські новорічні обряди: “Коза” і “Маланка”. Опішне: Українське Народознавство*, 1995. – С. 294.
5. Боряк О. *Міфологічні персонажі – охоронці правил поведінки людей // Народна творчість та етнографія*. 1993. №3. – С. 37.
6. *Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. / Голов. Редкол. : П.Т.Третьяков (голова редколегії) та ін. Київ: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1967. Харківська область / Редкол. тома: М.А. Сіроштан (голова редкол.) та ін. 1967. – С. 554.*
7. Музиченко С. *Майстри народного мистецтва готуються до декади // Народна творчість та етнографія*. 1959. №4. – С. 159-160.
8. Чижикова Л.Н. *Русско-украинское пограничье. История судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века)*. М.: Наука, 1988. – С. 48.
9. *Польща на долоні // Міністерство закордонних справ Департамент промоції. Варшава: 2004. – С. 48.*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПАССАЖИРСКИЕ КОММУНИКАЦИИ, КАК ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕНИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ

Ю.Ю. Боряк

Донецкий национальный университет

Автором статьи рассматривается история железнодорожного направления «Москва – Харьков – Кавказ». В статье рассматриваются современные проблемы перспективного использования нашими государствами данного железнодорожного пути. Автор также показывает социально-экономические преимущества при эффективном использовании данного железнодорожного пути для России и Украины. При объективной оценке общей экономической выгоды, основным является принятие политических решений в данной сфере сотрудничества наших стран.

Ключевые слова: железнодорожный путь, Харьковский ход, Воронежский ход, Стратегия развития железных дорог России, скоростное движение.

THE RAILWAY PASSENGER COMMUNICATIONS AS SPHERE OF DIALOGUE SPACE BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE IN THE FORESEEABLE

Y.Y. Buryak

Donetsk National University

The author of article considers history of a railway direction "Moscow-Kharkov-the Caucasus". In this article the modern problems of perspective usage are considered by our state of the current railway track. The author also points at social and economic advantages at an effective utilization of the current railway track for Russia and Ukraine. At an objective estimation of the general economic profit, the basic core is the acceptance of political decisions in the given of cooperation of our countries.

Key words: railway track, the Kharkov course, the Voronezh course, strategy of development of Russian railways, high-speed movement.

XXI столетие – время высоких скоростей и рационального использования времени. В последние годы Россия стала закупать скоростные поезда в Европе. Франция и Германия являются основными партнерами РФ в данной отрасли. В 2009 г. запущено скоростное движение между Санкт-Петербургом и Москвой. 2010 – год запуска скоростного железнодорожного сообщения Санкт-Петербург - Хельсинки. В дальнейшем Россия сама будет производить высокоскоростные железнодорожные составы. Основная проблема сейчас стоит перед ОАО «Российские Железные Дороги» (ОАО «РЖД») в плоскости соответствия железнодорожного пути скоростям экспрессов, а на 99% сети дорог России она не дотягивает и до 100 км/ч. Одним из таких проблемных участков Российских железных дорог является направление Центр – Юг.

В условиях проведения Украиной и Россией спортивных турниров 2012 и 2014 гг. континентального и мирового уровня соответственно, необходимость развития транспортной инфраструктуры остро стоит перед правительствами наших государств. Особо выделяется проблема железнодорожного сообщения между Украиной и РФ в ближайшие годы, а также в период проведения соревнований в частности, ведь именно железная дорога для двух крупнейших по территории государств Европы является главнейшей транспортной отраслью.

Данный вопрос никем до этого не изучался, поэтому автор статьи изучил наиболее важные аспекты данной проблемы. Основными же источниками для исследования являются периодические железнодорожные издания Украины, а также официальные сайты ОАО «Российские Железные Дороги» и ее филиалов.

Цель статьи – показать социально-экономические преимущества возобновления интенсивного использования железнодорожного пути «Москва-Харьков-Кавказ».

Итак, начало развития железнодорожной сети Российской империи относится ко второй половине XIX века. В то время при строительстве железнодорожных путей, конечно же, никто не мог и предположить, что украинские земли когда-нибудь станут независимыми, а значит часть Курско-Харьковско-Азовской магистрали окажется за пределами России. Такого предположения не делалось и в годы советской власти. Железнодорожная ветка «Москва-Харьков-Ростов» («Кавказский путь») в 1917-1991 гг. была основная магистраль, соединяющая Москву и Ленинград с республиками Кавказа, проходя через крупнейший промышленный район Союза ССР – Донбасс. И вот после распада СССР в 1991 г. единая железнодорожная сеть Советского Союза была разделена границами новых государств. Так, часть «Кавказского пути» оказалась за пределами Российской Федерации на территории Украины. Появились пограничные пункты и таможни по обеим сторонам границы двух соседних государств. Все это, конечно же, осложнило сообщение грузов и пассажиров на данной магистрали.

Руководство Российских железных дорог вынуждено было в 1990-е гг. искать альтернативные «Кавказскому пути» (Харьковский ход) железнодорожные ветки для пропуска грузовых и пассажирских поездов в обход территории Украины. Таковым стал путь «Москва-Воронеж-Ростов-на-Дону» (Воронежский ход). Часть данного пути также проходит по территории Украины, но он не связан с железнодорожной сетью «Укрзалізниця» (Украинские железные дороги), и руководство страны передало этот участок дороги в пользование ОАО «РЖД».

Итак, использование Воронежского хода, как основного, легло отпечатком на дальнейшую судьбу развития Харьковского хода: упали в несколько раз пассажирские и грузовые перевозки. Резко сократилось количество пассажирских поездов, которые шли с Кавказа через Харьков в сторону Москвы и обратно: в 1989 г. около 60 пар поездов в летний период, из них

примерно 25 – 30 пар круглогодично курсировали¹; в 2009 же году 2 поезда следовало в столицу России круглогодично, в летний период число кавказских пассажирских транзитных поездов, проходящих Харьков, достигло лишь 9 пар, включая 2 круглогодичных поезда².

Руководство ОАО «РЖД» заявляет в последние годы о перегруженности железнодорожной ветки «Москва – Воронеж – Ростов», отмечая необходимость разгрузки Воронежского хода с переводом части поездов на другие ветки (Харьковский ход является при таком варианте развития событий наиболее выгодным). Также предлагалось строительство новых железнодорожных веток или дополнительных путей от Ростова до Воронежа. Последние две альтернативы предполагают вложение огромных материальных средств.

Полтора года назад Россия приняла, в условиях «замороженности» дипломатических отношений между Украиной и РФ, документ о развитии железных дорог. Согласно принятой в 2008 г., Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года, приоритетной задачей является организация скоростного пассажирского движения на направлении Центр - Юг (Москва - Адлер). При этом Председатель правительства РФ В.В. Путин отметил: "Я очень рассчитываю на то, что те цели и задачи, которые мы ставим перед собой в рамках Стратегии развития железнодорожного транспорта до 2030 года, будут ритмично исполняться. И только в этом случае мы сможем добиться результата, на который рассчитываем, - снижения энергопотребления железных дорог, увеличения протяженности, создания новых участков там, где их раньше не было, но которые крайне востребованы для развития экономики, и всех других позитивных составляющих Стратегии". Итак, предусматривается строительство «обхода» территории Украины на участке Журавка - Чертково. При этом время хода пассажирских поездов от Москвы до Адлера составит около 15 часов 30 минут, в границах Юго-Восточной железной дороги - 3 часа 25 минут. Данным проектом предусмотрена модернизация существующей инфраструктуры на участке Курск - Прохоровка протяженностью 99 километров, с повышением скоростей движения до 160-200 километров в час. Далее планируется строительство новой железнодорожной линии Прохоровка - Чернянка с выходом на Воронежский ход (южнее станции Журавка) и строительством обхода территории Украины до 905 километров направления Москва - Ростов (южнее станции Чертково), который предусмотрено построить четырехпутным. Общая протяженность этой трассы составит 426 километра, в том числе в обход Украины - 82 километров.

На новой линии предусмотрено строительство, кроме мест примыкания, шести промежуточных железнодорожных станций и одной - на обходе. Длина перегонов составит от 40 до 60 километров. На новой трассе с обходом Украины предусматривается строительство:

- 9 металлических мостов;
- 7 железобетонных путепроводов на пересечениях с железной дорогой;
- 58 железобетонных путепроводов на пересечениях с автомобильными дорогами;
- 52 пешеходных моста;
- 99 железобетонных мостов для полевых работ;
- 128 водопропускных железобетонных труб.

Общие затраты на модернизацию участка и строительство новой линии оценены в 220, 03 млрд. рублей, в том числе на обход Украины - 29, 02 млрд. рублей. Реализация проекта организации скоростного движения на направлении Центр - Юг (Москва - Адлер) с использованием Курского хода позволит обеспечить возрастающие объемы пассажирских перевозок и сократить время в пути из центральных регионов России до курортов Северного Кавказа.

В то же время, первый вариант развития (модернизация Харьковского хода) возможно воплотить во многом за счет политической воли президентов и глав правительств наших государств, а капиталовложения при этом значительно будут ниже для России. В условиях мирового экономического кризиса это весомый аргумент в пользу первой альтернативы.

Итак, перейдем к более детальному анализу ситуации. Россия стремится увеличить протяженность скоростных путей, приоритетным является направление Москва – Сочи. Подвижной состав уже приобретает монополистом на рынке железнодорожного транспорта России – ОАО «РЖД». Украина, получив вместе с Польшей право проводить финал футбольного турнира «Евро-2012», приступила в частности и к модернизации инфраструктуры национальных железных дорог. Харьковский ход (480 км пути проходит по территории Украины) вошел в программу модернизации, ведь и Харьков, и Донецк вошли в список городов Украины, где будут проводиться финальные матчи турнира. Поэтому между этими мегаполисами (маршрут Донецк-Константиновка-Славянск-Лозовая-Харьков протяженностью 362 км) здесь уже ведутся рабо-

ты по организации скоростного движения поездов (скорость движения здесь будет более 120 км/ч). Модернизируются также участки пути Константиновка-Никитовка(30 км) и Никитовка-Путепровод, чтобы довести здесь скорость свыше 100 км/ч, протяженностью также около 30 км. Данные работы производятся с целью наладить также скоростное сообщение между Харьковом и Луганском, а также между Луганском и Донецком, как крупными городами Востока Украины. В целом получается, что к Олимпиаде-2014 в Сочи необходимо модернизировать еще 125 км украинского участка «Москва – Харьков – Кавказ» (от Харькова до Государственной границы с Белгородской областью (44 км); и Путепровод (Донецкая железная дорога) – Успенская (Северо-Кавказская железная дорога), где протяженность пути составляет 81 км. При этом к 2014 году возможно повысить скорость пассажирских поездов до 140 – 150 км/ч на участке Харьков – Лозовая – Иловыйск – Успенская (433 км протяженность). И это не мечта, ведь в основном тяжеловесные грузовые поезда являются основным фактором ухудшения скоростных характеристик железнодорожного полотна. Для этого необходимо перевести до 80 – 90% грузовых поездов на практически параллельно идущую железнодорожную ветку «Харьков – Изюм – Красный Лиман – Никитовка». Возникает вопрос, куда же девать отрезок пути от Никитовки до Иловыйска? Еще во времена СССР между Никитовкой и Иловыйском, ввиду интенсивного железнодорожного движения, была построена многопутная железная дорога (от трех и более путей на разных отрезках участка). Между этими двумя станциями, на мой взгляд, по одним путям является возможным пустить скоростные пассажирские поезда, а по другим – грузовые. Необходимо также напомнить, что Харьковский ход полностью электрифицирован (электропоезда в 6,5 раз дешевле, чем тепловозная) и является двухпутным, а это в свою очередь повышает пропускную способность железнодорожной ветки более чем в 2 раза.

Есть еще один спектр проблем – различность родов тока на Харьковском ходу: путь от Москвы до Иловыйска электрифицирован постоянным током (3кВ), а от Иловыйска в сторону Ростова-на-Дону контактная сеть под переменным током (25 кВ). В советское время массово строились станции стыкования различных родов тока, примером тому есть Иловыйск. Здесь производилась смена электровозов. А это, в свою очередь, занимало лишние 18-25 минут в пути. Впрочем, и сейчас в Иловыйске производится смена локомотивов ЧС-2 либо ЧС-7, которые ходят под постоянным током на локомотивы ЧС-4 либо ЧС-4т, которые идут под переменным током по направлению к Северо-Кавказской железной дороге. Обратная схема смены электровозов осуществляется при следовании поездов с Кавказа на Харьков – Москву. Изначально, еще в годы существования СССР, некоторые инженеры предлагали постепенно переводить всю сеть железных дорог СССР на единый род тока – переменный. Переменный вид тока позволяет сэкономить на строительстве тяговых подстанций (строятся на более большем расстоянии (примерно в 2 – 2,5 раза) друг от друга, чем при постоянном токе).

Известно, что при использовании постоянного тока напряжение в сети делают довольно низким, чтобы включать электродвигатели напрямую. При использовании переменного тока выбирают гораздо более высокое напряжение, поскольку на электровозе напряжение можно легко понизить с помощью трансформатора.

Электродвигатели постоянного тока напрямую питаются от контактной сети. Простота электрооборудования, низкий удельный вес и высокий КПД обусловили широкое распространение этой системы в ранний период электрификации на железных дорогах СССР.

Недостатком же системы является низкое напряжение контактной сети, что вынуждает использовать большее суммарное сечение проводов и сокращать расстояние между тяговыми подстанциями, так как по закону Ома для передачи той же мощности при меньшем напряжении требуется пропорционально больший ток.

Система однофазного тока промышленной частоты (25 кВ 50 Гц) начала широко применяться только после создания во Франции в 1950-х годах электровозов со статическими ртутными выпрямителями, затем эта система распространилась и во многих других странах (в том числе в СССР).

Тем не менее, является в несколько раз дешевле вариант использования железных дорог, исключив технические остановки поездов на станциях стыкования различных родов тока. Все это экономит драгоценное время пассажиров. Необходимо произвести закупку, так называемых, двухсистемных локомотивов. При этом стыкование по контактной сети делается за пределами станции. Данный способ позволяет проходить пункты стыкования без остановки железнодорожного состава. Такие поезда уже начали закупать ОАО «РЖД».

Пример тому Сапсан (*Velaro RUS*) — высокоскоростной электропоезд (из семейства электропоездов *Velaro* производства компании Siemens AG), приобретённые ОАО «РЖД» для эксплуатации на российских железных дорогах. Итак, в мае 2006 года ОАО «Российские железные дороги» и Siemens Transportation Systems подписали соглашение о поставке до конца 2010 года 8 высокоскоростных поездов Velaro, для эксплуатации на линиях Санкт-Петербург - Москва и Москва - Нижний Новгород, а также об их сервисном обслуживании в течение 30 лет или на пробег не менее 14 млн км.

Будут поставлены поезда следующих типов:

- односистемный поезд на постоянном токе напряжением 3 кВ (версия В1) для эксплуатации на линии [Санкт-Петербург — Москва](#);
- двухсистемный поезд (двойного питания) на постоянном токе напряжением 3 кВ и на переменном токе напряжением 25 кВ частотой 50 Гц (версия В2) для эксплуатации на линии Санкт-Петербург — Москва — [Нижний Новгород](#);

Они будут способны развивать скорость до 250 км/ч (возможно увеличение до 330 км/ч). Первый поезд Siemens в России будет сформирован из 10 вагонов. Именно высокоскоростные поезда серии В2 могут использоваться на линии Москва – Кавказ.

Далее отмечу, что с каждым годом повышаются скорости поездов на участке Лозовая – Симферополь (537 км), и до 2012 г. превысят отметку средней скорости в 100 – 120 км/ч. Здесь уже сейчас ходят скоростные экспрессы «Харьков – Симферополь», а также «Днепро-экспресс» сообщением Днепропетровск – Симферополь. Таким образом, при средней скорости поезда 120 км/ч, из Москвы в столицу Крыма поездом типа «Сапсан» (серии В1) через два года при реализации данного проекта возможно будет доехать за 12 – 14 часов вместо прежних 21 – 22 часов. А до курортов Северного Кавказа из столицы России за 15 – 17 часов (сейчас от Москвы до Адлера поезд идет около 30 – 32 часов), ведь скорость экспрессов здесь будет свыше 140 – 150 км/ч. И в основе этих двух грандиозных проектов лежит путь «Москва – Харьков – Лозовая – Иловыйск – Ростов»! Все это, конечно же, увеличит количество пассажиров, пользующихся услугами железной дороги, желающих отдохнуть на Черном и Азовском морях или же предпочитающих оздоровиться на Кавказе или в Крымских горах. Существенно сократится время в пути между такими крупными городами, как Москва, Тула, Орел, Курск, Белгород, Харьков, Донецк, Днепропетровск, Ростов, Краснодар и т.п. Все это положительно отразится на интенсивности сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в сфере бизнеса и туризма. Каждый человек сможет почувствовать, что «отдых стал ближе», возможность заключения контракта за 1 – 2 дня. А добраться на спортивные арены Москвы или посетить знаменитый стадион «Донбасс-Арена» в шахтерской столице – Донецке и т.п. возможно будет всего через несколько часов пути на поезде. Многие слои населения наших государств смогут оценить преимущества скоростных экспрессов!

Таким образом, все технические проблемы могут быть совместно устранены для успешного развития отношений Украины и России в сфере экономики и железнодорожных коммуникаций в частности. Поэтому данный вопрос переходит в политическую плоскость. Только политическая воля руководства наших стран решит этот замороженный аспект нашего сотрудничества.

Примечания:

1. *Указатель железнодорожных пассажирских сообщений. М.: Транспорт, 1986. – С. 356-358.*
2. *www.Poezda_net Расписание по станции Харьков.mht*
3. *Артюх В.М. Донецька залізниця // Залізничний транспорт. 2008. №6. - С 17 – 24.*
4. *Диденко С.А. Соседи-россияне // Железнодорожник Донбасса. 2009. №14. – С. 7*
5. *Остапенко О.Д. Майбутнє Укрзалізниці// Магістраль. 2008. №7. –С. 2-4.*
6. *www.rzd.ru.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации;
АДЖ – Античная декоративная живопись на юге России;
БС – Боспорский сборник;
БИ – Боспорские исследования;
ВДИ – Вестник древней истории;
ВИ – Вопросы истории;
ГАБО – Государственный архив Белгородской области;
ГАВО – Государственный архив Воронежской области;
ГАКО – Государственный архив Курской области;
ГАОПИКО – Государственный архив общественно-политической истории Кур-
ской области;
ГАПК – Государственный архив Пермского края;
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГАСО – Государственный архив Самарской области;
ГАСарО – Государственный архив Саратовской области;
ГАХО – Государственный архив Харьковской области;
ДАДО – Державний архів Донецької області;
ИАК – История античной культуры;
КСИА – Краткие сообщения института археологии;
МИА – Материалы истории и археологии;
НЛО – Новое литературное обозрение;
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
ПЗС – Полное собрание законов Российской Империи;
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры;
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РА – Российская археология;
СА – Советская археология;
ЦДНИ БО – Центр документации новейшей истории Белгородской области;
BAR – British Archaeological Reports.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абрамов Эмиль Вадимович** - студент V курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. доц. А.А. Дворецкая. (Abramov-em@yandex.ru)
2. **Абузова Алина Ахметкиримовна** – студентка IV курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц., Ю.Т. Темиров. (Aline6979@gmail.com)
3. **Артамонова Ксения Юрьевна** – студентка IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. С.Ю. Страшнюк. (Zlata_ur@mail.ru)
4. **Белей Станислав Игоревич** – студент IV курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Ю.Т. Темиров. (Stasbeley@gmail.com)
5. **Бирюков Максим Юрьевич** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Г.И. Старченко. (Maksimbirukov@yandex.ru)
6. **Богданов Дмитрий Евгеньевич** – студент II курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.С. Кулабухов.
7. **Боевец Елена Николаевна** – студентка V курса исторического факультета Курского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.М. Плаксин. (LenaBovevec@narod.ru)
8. **Божко Андрей Александрович** – лаборант камеральной лаборатории исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.А. Сарапулкин.
9. **Буряк Юрий Юрьевич** – студент 4-й курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Л.Б. Лихачева.
10. **Валяев Ярослав Владимирович** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.Н. Мошкин. (Rufahnen@ Rambler.ru)
11. **Ванина Ирина Юрьевна** – соискатель кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.А. Терещенко. (IrishaVanina-2008@yandex.ru)
12. **Васильева Татьяна Ильинична** - студентка III курса факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Н. рук. канд. ист. наук, ст. преп. С.В. Ярцев. (Taty_rock@mail.ru)
13. **Власенко Игорь Александрович** – аспирант III года обучения кафедры истории гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. Н. рук. канд. соц. наук, доц. О.А. Лышова. (iavlascenko@list.ru)
14. **Волошина Наталья Юрьевна** – аспирант III года обучения Санкт-Петербургского института истории РАН. Н. рук. д.и.н., проф. В.Г. Чернуха. (Litovchenko@bsu.edu.ru)
15. **Волошинова Анна Валериевна** - студентка III курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. кафедры истории славян Л.Б. Лихачева. (Anya-voloshinova@yandex.ru)
16. **Вьюнник Елизавета Петровна** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.А. Шаповалов. (Vjunnik@bsu.edu.ru)
17. **Гаврилюк Сергей Михайлович** – студент II курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Л.Г. Шепко. (Ad.bestias@mail.ru)
18. **Ганжов Евгений Александрович** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.Н. Мошкин. (gangovevgeniy@mail.ru)
19. **Георгадзе Марина Михайловна** – студентка V курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. пол. наук. Л.С. Половнева. (Georgadze@yandex.ru).
20. **Гребенщиков Александр Евгеньевич** – аспирант I года обучения кафедры истории России Воронежского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. А.Ю. Минаков. (Sasha.g.87@yandex.ru)
21. **Гречишкина М.В.** – аспирант II года обучения кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Ю.В. Буйнов. (Mariya_grech@mail.ru)
22. **Грингоф Сергей Александрович** – аспирант II года обучения кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Н. рук. д.и.н., проф. В.Г. Зубарев. (Gringofsergey@mail.ru)
23. **Гурова Екатерина Николаевна** – аспирант II года обучения кафедры философии Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. С.М. Климова. (Ek_gurova@mail.ru)
24. **Дейнеко Сергей Николаевич** – соискатель кафедры истории России Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д.и.н., проф. В.М. Духопельников. (Deineko.s@yandex.ru)
25. **Дмитриева Виктория Владиславовна** – соискатель кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.А. Терещенко.

26. **Долженков Игорь Александрович** – аспирант II года обучения кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.А. Терещенко. (Doljenkov.igor@ya.ru)
27. **Дюкарев Владимир Александрович** – магистрант I года обучения исторического факультета Белгородского государственного университета. Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Е.А. Семичева (Djukarev.vl@mail.ru).
28. **Еремеев Павел Викторович** – студент IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Д.В. Журавлев. (Eremeev-pavel-v@mail.ru)
29. **Еремеева Екатерина Андреевна** – студентка III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.А. Куликов.
30. **Жданова Надежда Анатольевна** – студентка I курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, ст. преп. Е.В. Литовченко.
31. **Зинкевич Наталья Вадимовна** – студентка II курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. С.Ю. Страшнюк. (Natzink@mail.ru)
32. **Золотухина Екатерина Сергеевна** – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.В. Бычковский. (Zolotychina_kat@mail.ru)
33. **Иванова Елена Николаевна** – аспирант III года обучения кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. Н. рук. д.и.н., проф. В.Д. Козлитин. (Ivanovaeni@ Rambler.ru)
34. **Иванова Наталья Николаевна** – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, ст. преп. Е.Н. Меньшикова.
35. **Ильина Татьяна Николаевна** – студентка II курса исторического факультета Курского государственного университета. Н. рук. д.ю.н., проф. В.В. Захаров. (Tanayunik@ Rambler.ru)
36. **Кашкина Мария Александровна** – студентка V курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. доц. А.А. Дворецкая.
37. **Клышнюк Николай Александрович** – студент V курса социально-теологического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. фил. наук, доц. А.Г. Чердниченко. (Nikolais3@yandex.ru)
38. **Кобзарева Наталья Ивановна** – студентка V курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Г.И. Старченко.
39. **Кондратюк Екатерина Алексеевна** – аспирант II года обучения кафедры всеобщей истории Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. И.Н. Селиванов. (Kathrin_kim@inbox.ru)
40. **Котина Алла Викторовна** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов.
41. **Кравченко Анастасия Александровна** – аспирант II года обучения кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Н. рук. д.и.н., проф. С.В. Демидов. (Vitanova@mail.ryazan.ru)
42. **Красильщиков Глеб Геннадьевич** – студент IV курса исторического факультета Пермского государственного университета. Н. рук. канд. пед. наук Д.А. Гагарина. (xerobou@mail.ru)
43. **Красникова Екатерина Александровна** – магистрант I года обучения исторического факультета БелГУ. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. (malaja555@mail.ru)
44. **Кременев Дмитрий Михайлович** – студент V курса исторического факультета Белгородского государственного университета, младший научный сотрудник Ивнянского краеведческого музея. Н. рук. канд. ист. наук, доц. К.В. Козлов.
45. **Кучеренко Марина Игоревна** – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.Ю. Прокофьева. (Ejichek-21@mail.ru)
46. **Ластовец Наталья Александровна** – студентка II курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Калининченко. (Nlo_17@mail.ru)
47. **Легкоступ Анастасия Игоревна** – аспирант III года обучения кафедры всемирной истории Донецкого национального университета. Н. рук. д.и.н., проф. Г.П. Ерхов. (Nlegko@gmail.com)
48. **Лужкова Маргарита Сергеевна** – студентка II курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. (marglu@mail.ru)
49. **Лягуша Антон Александрович** – аспирант II года обучения кафедры всемирной истории Донецкого национального университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.В. Бредихин.
50. **Михайлов Дмитрий Сергеевич** – студент III курса исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета. Н. рук. канд. ист. наук, ст. преп. М.В. Ивашов. (Dsmikhailov@gmail.com)

- 51. Мурог Егор Игоревич** – студент V курса исторического факультета Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Н. рук. д.и.н., проф., С.В. Демидов. (Ipodiacon@mail.ru)
- 52. Назаренко Евгений Юрьевич** – аспирант I года обучения кафедры истории России Воронежского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. М.Д. Карпачев.
- 53. Назаров Артур Маратович** – аспирант III года обучения кафедры истории Тольяттинского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.А. Прохоренко. (Nazarovam@list.ru)
- 54. Пастушенко Андрей Александрович** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор С.Б. Сорочан (Arvern@yandex.ru).
- 55. Петров Александр Владимирович** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.Ю. Прокофьева. (Petrov.Aleksandr-V2012@yandex.ru)
- 56. Петров Сергей Александрович** – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.А. Горский. (Serapone@yandex.ru)
- 57. Петров Сергей Дмитриевич** – студент IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Д.В. Журавлев. (Psd-kh@ukr.net)
- 58. Прихненко Максим Иванович** – студент II курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Ю.Т. Темиров. (Mprihnenko@gmail.com)
- 59. Прокопенко Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. (sprokopenko@bsu.edu.ru)
- 60. Пчелинов-Образумов Александр Александрович** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Малай. (Aleksandrpchelinov@yandex.ru)
- 61. Репина Екатерина Васильевна** – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, ст. преп. С.Н. Прокопенко. (Repina_kate@mail.ru)
- 62. Роменский Александр Александрович** – студент IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д.и.н., проф. С.Б. Сорочан. (Pergamen-romen@mail.ru)
- 63. Рубаненко Анна Владимировна** – студентка V курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. К.В. Козлов. (Subbotin@bsu.edu.ru)
- 64. Рыбалко Мария Владимировна** – студентка IV курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. д.и.н., проф. И.Я. Тодоров. (Rybalka89@gmail.com)
- 65. Савельева Мария Александровна** – соискатель кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Н. рук. д.ю.н., проф. В.В. Захаров. (Nosovam.a@mail.ru)
- 66. Собченко Алексей Иванович** – директор духовно-просветительского центра во имя Св. Иосафа г. Белгорода.
- 67. Стронина Ольга Николаевна** – студентка IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. А.И. Дудка.
- 68. Тавшунский Олег Михайлович** – аспирант III года обучения кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. А.И. Тумаков. (Olegu@ukrpost.ua)
- 69. Тельной Алексей Алексиевич** – студент IV курса исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов. (Alexis.ta@mail.ru.)
- 70. Тетерин Вадим Игоревич** – студент V курса исторического факультета Пермского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Г.П. Волгирева. (Vadik88@dom.raid.ru)
- 71. Удавихин Георгий Владимирович** – студент IV курса историко-политологического факультета Пермского государственного университета. Н. рук. асс. Д.М. Софьин. (Uda2008@yandex.ru)
- 72. Фалько Сергей Анатольевич** – соискатель кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, проф. Е.П. Пугач. (Falcos65@mail.ru)
- 73. Фомичев Николай Николаевич** – магистрант I года обучения исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Малай. (N-fo@yandex.ru)
- 74. Чумак Мария Петровна** – студентка III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Ю.В. Буйнов. (Mas4614@yandex.ru)
- 75. Шабанова Алеся Александровна** – научный сотрудник Белгородского государственного художественного музея. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин. (Shabanova.alesya@rambler.ru)
- 76. Шаповалова Ирина Владимировна** – магистрант I года обучения исторического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, проф. И.Т. Шатохин. (Iabelru@yandex.ru)

77. Шенцов Максим Евгеньевич – студент V курса социально-теологического факультета Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. фил. наук, доц. А.Г. Чередниченко. (Serapis@list.ru)

78. Якущенко Марина Геннадиевна – студентка II курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Р. Темирова. (Jakushhenko-marina@rambler.ru)

79. Ямпольская Галина Алексеевна – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.Ю. Прокофьева. (Apolinariya2@yandex.ru)

На обложку сборника помещен снимок Кнорринга Олега Борисовича «Войны 89-й Белгородско-Харьвовской гвардейской стрелковой дивизии проходят по улице г. Белгорода». Фотография сделана автором в августе 1943 г. в только что освобожденном Белгороде (РГАКФД, ед. хран. 0-312330). На снимке запечатлен современный участок ул. Попова, между ул. Преображенской и пр. Славы. На заднем плане фотографии виден Преображенский собор построенный в 1813 г. в честь победы над Наполеоном, чудом сохранившийся до наших дней.